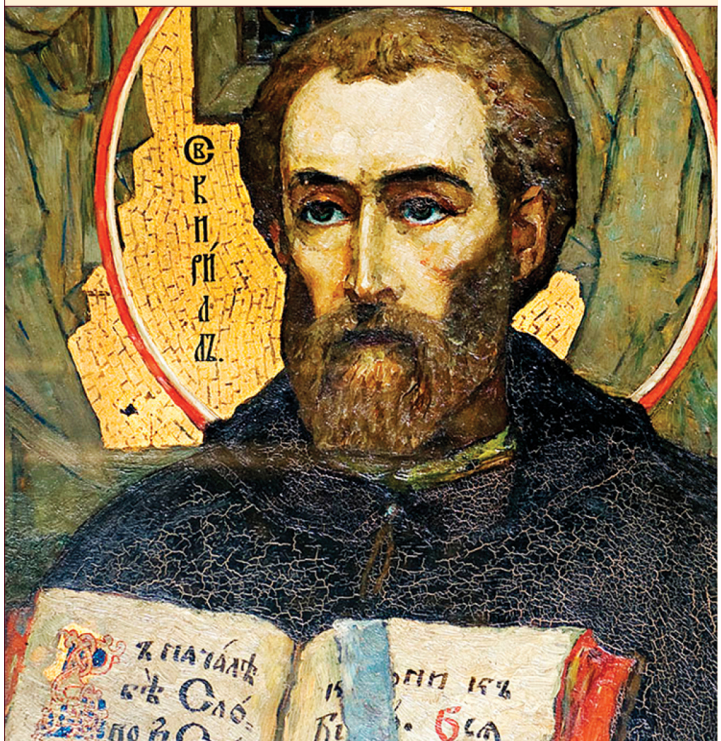
Библиотека Всемирной Литературы

Игнатий Брянчанинов

Слово о человеке. О чудесах и знамениях



Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Слово о человеке. О чудесах и знамениях

Серия «Библиотека всемирной литературы (Эксмо)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39422288
Слово о человеке. О чудесах и знамениях:
ISBN 978-5-04-097446-7

Аннотация

В книгу вошли работы епископа Игнатия (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов, 1807–1867) – известного проповедника, канонизированного русской православной церковью в 1988 году, автора духовных трудов – «Слово о человеке», «Понятие о ереси и расколе», «О чудесах и знамениях», «Будущее России в руках Божественного промысла» и другие. «Ищите всюду Духа, а не буквы» – писал Игнатий Брянчанинов.

Содержание

Жизнеописание Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками в 1881 году 9
- Вступление 9
- Глава I 13
- Глава II 24
- Глава III 33
- Глава IV 43
- Глава V 48
- Глава VI 55
- Глава VII 61

Слово о человеке 72
- Введение 72
- Определение человека 77
- Мироздание 89
- Сотворение человека 95
- Тело и душа 98
- Силы души 108
- Образ и подобие божии 119
- Рай 121
- Введение в рай и совершенство первозданных 135
- Падение первозданных 138
- Смерть души 146

Подчинение человека диаволу 148
Земная жизнь 152
Мир 154
Идолопоклонство 159
Смерть и ад 164
Преуспеяние зла на земле 167
Понятие о ереси и расколе 171
I. Ересь – ложное учение о христианстве 171
II. Ересь – грех ума 187
III. Ересь – отвержение христианства 192
IV. О расколе 202
О чудесах и знамениях 214
Введение 214
Часть первая 217
Часть вторая 245
Часть третья 259
Советы относительно душевного иноческого делания 268
Введение 268
Глава 1 271
Глава 2 275
Глава 3 277
Глава 4 279
Глава 5 282
Глава 6 287
Глава 7 290

Глава 8 294
Глава 9 296
Глава 10 300
Глава 11 303
Глава 12 325
Глава 13 332
Глава 14 340
Глава 15 347
Глава 16 351
Глава 17 356
Глава 18 358
Глава 19 362
Глава 20 365
Глава 21 366
Глава 22 370
Глава 23 374
Глава 24 378
Глава 25 381
Глава 26 383
Глава 27 389
Глава 28 393
Глава 29 398
Глава 30 415
Глава 31 425
Глава 32 431
Глава 33 435

Выписка из жития святого Андрея, Христа ради юродивого 520
Выписка из Лествицы святого Иоанна Лествичника 523
Глава 34 611
Глава 35 621
Глава 36 627
Глава 37 633
Глава 38 637
Глава 39 644
Глава 40 654
Глава 41 663
Глава 42 680
Глава 43 689
Глава 44 714
Глава 45 724
Глава 46 726
Глава 47 733
Глава 48 737
Глава 49 747
Глава 50 754
Заключение 777
Будущее России в руках Божественного Промысла 782
Письмо 1 782
Письмо 2 788

Письмо 3 790
Письмо 4 793
Письмо 5 797
Письмо 6 801
Письмо 7 804
Письмо 8 806
Письмо 9 809
Письмо 10 813
Письмо 11 814
Письмо 12 824
Письмо 13 825
Письмо 14 827
Письмо 15 829
Письмо 16 831
Письмо 17 833
Письмо 18 835
Письмо 19 837
Письмо 20 838
Письмо 21 841
Письмо 22 844
Письмо 23 845

Игнатий Брянчанинов
Слово о человеке. О чудесах и знамениях

© ООО «Издательство «Северо-Запад», 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Жизнеописание Игнатия Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками в 1881 году

«Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие: ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их».
(Евр. XIII, 7)

Вступление

Истекло двенадцать лет со дня мирной кончины приснопамятного святителя – инока Церкви Русской XIX века, преосвященнейшего епископа Игнатия Брянчанинова. Близко еще время его к нам, живы еще многие его современники, спостники, ученики, и между тем светлая личность святопочившего святителя Божия высоко уже стоит над нами, светло светит нам светом христианских его добродетелей, подвигами строго-иноческого его жития и аскетическими его писаниями. Краса иночества нашего века, святитель является деятельным учителем иноков, и не только в писаниях своих, но и во всей жизни своей представляет див-

ную картину самоотвержения, близкого к исповедничеству, борьбы человека со страстями, скорбями, болезнями, картину жизни, которая при помощи и действии обильной благодати Божией увенчалась победой, привлекла к подвижнику многие редкие дары Святаго Духа. С благоговением следя за этим многострадальным и многоскорбным шествием подвижника к преуспеянию духовному и ясно созерцая при этом особое водительство промысла Божия во всей его жизни, невольно ощущаешь живое познание веры в отеческое попечение о нас Бога, Творца и Спасителя нашего, и проникаешься желанием подражать по мере сил этому, современному нам, образцу совершенства христианского. Предоставляя будущему биографу подробную и обстоятельную оценку плодотворной деятельности незабвенного святителя, мы в настоящую минуту решились предложить только краткое жизнеописание в Бозе почившего преосвященного Игнатия, составленное по запискам ближайших его учеников и родного брата его Петра Александровича Брянчанинова, глубоко преданного ему в отношении духовном, разделявшего с ним уединение последних лет жизни его на покое в Николо-Бабаевском монастыре и пользовавшегося полным доверием и любовью блаженного святителя, так равно и сподвижника – друга его, от ранних лет юности и до глубокой старости, Сергиевой пустыни схимонаха Михаила Чихачова, с которым начал он свой подвиг иноческий и вместе с ним проходил его до самого епископства, – друга, пред которым свя-

титель не таил ни одного из событий своей жизни, и, наконец, главное – руководились собственными повествованиями архипастыря-инока о своих немощах, борениях, скорбях, чувствах и благодатных ощущениях, которые изложены им в его творениях. Все сочинения вообще, а духовно-нравственные преимущественно, обладают тем свойством, что в них вполне точно выражается внутренняя жизнь их авторов. Таким образом, сочинения дают обильный материал биографу для начертания характеристики лица, этой существенной части жизнеописания, но чтобы в неложных чертах изобразить жизнь преосвященного Игнатия, надлежит самому изучить и испытать нечто такое, что он изучал и испытывал. Изучение же здесь так мало доступно, опыты столь исключительны, что всего менее зависят от собственных усилий и воли человека. Кто промыслом Божиим поставлен на подобную дорогу и отчасти введен в горнило подобных испытаний, лишь тот может знать всю особенность таких опытов, и с этой стороны правильнее оценить деятельность представителя их. Жизнеописания особенно замечательных или передовых людей отличаются тем признаком, что в них преимущественно выказывается какая-нибудь одна сторона, с которой деятельность этих лиц особенно проявляется, которая отличает их резкими, характеристическими чертами и сосредоточивает на себе все внимание: это как бы лицевая сторона всей их деятельности, скрывающая за собою все прочие. В жизнеописаниях таких личностей необходимо схватывать этот при-

знак и проводить его вполне от начала до конца жизнеописания; тогда оно будет иметь свойственную выдержку. В этом отношении жизнь преосвященного Игнатия имеет особенное преимущество: она представляет такую отличительную сторону, которая совершенно выделяет его личность в ряду прочих современных ему духовных деятелей. Такую сторону его жизни составляет полное самоотвержение ради точного исполнения евангельских заповедей в потаенном иноческом духовном подвиге, послужившем предметом нового, аскетически-богословского учения в нашей духовной литературе, – учения о внутреннем совершенствовании человека в быту монашеском и отношений его к другим духовным существам, влияющим на него как по внутреннему человеку, так и со стороны внешней или физической. Вот та особенность, которая отличает преосвященного Игнатия в ряду прочих духовных писателей нашего времени, особенность резкая, однако не всеми точно усматриваемая, верно различаемая.

Глава I

Преосвященный Игнатий был избран на служение Богу от чрева матери. Такое избрание – удел весьма редких и нарочитых служителей Божиих – предзнаменовалось следующим обстоятельством. Родители преосвященного сочетались браком в ранней молодости. В начале супружества у них родилось двое детей, но родители недолго утешались ими; оба детища умерли на первых днях младенчества, и юная чета пребывала долго бездетною. В глубокой печали о своем продолжительном бесчадии молодые супруги обратились к единственной помощи – помощи Небесной. Они предприняли путешествие по окрестным святым местам, чтобы усердными молитвами и благотворением исходатайствовать себе разрешение неплодия. Благочестивое предприятие увенчалось успехом: плодом молитв скорбящих супругов был сын, нареченный Димитрием, в честь одного из первых чудотворцев Вологодских преподобного Димитрия Прилуцкого. Таким образом, очевидно, неплодство молодых Брянчаниновых было устроением промысла Божия, чтобы рожденный после неплодства первенец, испрошенный молитвою, впоследствии сделался ревностным делателем ее и опытным наставником. Младенец Димитрий родился 6 февраля 1807 года в селе Покровском, которое было родовым имением его отца и находится в Грязовецком уезде Вологодской губер-

нии. Будущий инок имел счастливую участь провести свое детство в уединении сельской жизни, в ближайшем соприкосновении с природою, которая, таким образом, явилась первою его наставницей. Она вселила в него наклонность к уединению: отрок часто любил оставаться под тенью вековых дерев обширного сада и там, одинокий, погружался в тихие думы, содержание которых, без сомнения, заимствовалось из окружающей природы. Величественная и безмолвная, она рано начала влиять на него своими вдохновляющими образами: она внушала его детской душе, еще незапятнанной житейской мелочностью, иные, более возвышенные стремления, какими бывает полна жизнь пустынная, она восхищала его сердце более живыми, чистыми чувствованиями, какие способно доставить только уединение. Отрок рано научился понимать этот безмолвный голос природы и отличать его от шума житейского. Явления домашней жизни не действовали на него впечатлительно – он более углублялся в себя и среди изящной светской обстановки казался питомцем пустыни. Искра Божественной любви запала в его чистое сердце. Она сказалась в нем безотчетным влечением к иночеству, к его высоким идеалам, которыми так полна родная сторона, особенным расположением ко всему священному и истинно прекрасному, сколько это доступно для детского возраста. С этой ранней поры жизни дальнейший путь ее уже определился. Отрок духовно был отделен от мира. Такое настроение малолетнего Димитрия не могло рассчитывать на

сочувствие со стороны родителей. Его отец Александр Семенович Брянчанинов, потомок древних дворян Брянчаниновых, фамилии весьма известной и чтимой в Вологде, был в полном смысле слова светский человек. Паж времени Императора Павла Петровича, он имел необыкновенно развитый вкус к изяществу в домашней обстановке и представлял собою совершенный тип современного передового русского помещика. Наследовав от своих родителей значительное имение, он должен был истощить большую часть его на уплату огромных долгов, после чего ему осталось около четырехсот душ крестьян да живописное село Покровское, издавна бывшее местопребыванием его предков, родина будущего святителя. Супруга его, мать преосвященного Игнатия, София Афанасьевна происходила также из фамилии Брянчаниновых и, как женщина замечательного образования, весьма благочестивая, памятуя, что муж есть глава, во всем подчинялась влиянию мужа, разделяя его взгляды и понятия. Александр Семенович по справедливости считался в числе передовых образованных помещиков своего времени и любил просвещение[1], а потому и детям своим старался дать, по возможности, основательное воспитание, чтобы приготовить из них истинных сынов Отечества, преданных престолу, верных Православию. Давая такое воспитание, он не чужд

[1] *Александр Семенович по справедливости считался в числе передовых образованных помещиков своего времени и любил просвещение…* – Все время жизни своей в с. Покровском он содержал постоянно, на полном своем иждивении, приходское двухклассное училище, в котором обучалось до 50 чел. крестьянских детей.

был честолюбия видеть впоследствии сыновей своих занимающими почетные должности на государственной службе. От проницательности юного Димитрия не могла укрыться эта черта его родителя, черта, совершенно противоположная намерениям и стремлениям юноши, и вот начало внутренней борьбы, начало страданий и испытаний, сделавшихся потом уделом всей жизни почившего владыки.

Все дети в семействе Брянчаниновых, братья и сестры Димитрия Александровича, воспитывались вместе, связанные взаимной дружбой, но все сознавали главенство Димитрия, и сознавали не потому только, что он был старший, а вследствие особого, высшего, так сказать, склада его ума и характера, вследствие нравственного его превосходства. Пользуясь всегдашним уважением от братьев и сестер и превосходя всех их в научных способностях и других дарованиях, Димитрий Александрович не обнаруживал ни малейшего превозношения или хвастовства. Зачатки иноческого смиренномудрия высказывались в тогдашнем его поведении и образе мыслей; по нравственности и уму он был несравненно выше лет своих, и вот причина, почему братья и сестры относились к нему даже с некоторым благоговением, а он, в свою очередь, сообщал им свои нравственные качества.

С возрастом религиозное настроение Димитрия Александровича обнаруживалось заметнее: оно проявлялось в особенном расположении к молитве и чтению книг духовно-нравственного содержания. Он любил часто посещать

церковь, а дома имел обыкновение молиться часто в течение дня, не ограничиваясь установленным временем – утром и вечером. Молитва его не походила на урочное вычитывание, часто торопливое и машинальное, что так обыкновенно у детей; он приучался к внимательной молитве, которая начинается с благоговейного предстояния и неспешного произношения слов молитвенных, и так преуспевал в ней, что еще в детстве наслаждался ее благодатными плодами. Учась молиться внимательно, он с благоговением относился ко всему священному, внушая это благоговение и прочим своим братьям и сестрам; Евангелие всегда читал с умилением, размышляя о читанном. Любимою его книгой было «Училище благочестия» в пяти томах старинного издания. Книга эта, содержащая краткое изложение деяний святых и избранные изречения их, весьма соответствовала настроению отрока, или, вернее, она настраивала его дух, предоставляя святым повествованиям и изречениям духоносных мужей самим действовать на него, без посредства посторонних пояснений. Способности Димитрия Александровича были весьма многосторонни: кроме установленных занятий в науках, он с большим успехом упражнялся в каллиграфии, рисовании, нотном пении и даже музыке, притом на самом трудном инструменте, какова скрипка. Выучивая очень скоро свои уроки, свободные часы он употреблял на чтение и разные письменные упражнения, в которых также начинало выказываться его литературное дарование. Наставниками его в это

время были профессора Вологодской семинарии и учителя гимназии. Домашним учителем был студент семинарии Левитский, живший в семействе Брянчаниновых. Он же преподавал и Закон Божий. Левитский отличался замечательным благонравием и основательным знанием своего предмета. Он так хорошо умел ознакомить своего ученика с начальными истинами богословия, что Димитрий Александрович до конца жизни сохранял благодарное воспоминание о нем.

Жизнь Димитрия Александровича в доме родительском продолжалась до шестнадцатого года его возраста; этот первый период жизни уже был труден для него в духовном отношении тем, что внешние и внутренние условия жизни в доме родителей не допускали возможности открывать кому бы то ни было заветные желания и цели, наполнявшие тогда его душу. В заключение периода детства автора «Аскетических опытов» весьма назидательно привести собственное его поведание об этом детстве. Вот как трогательно он говорит о себе в статье «Плач мой»: «Детство мое было преисполнено скорбей. Здесь вижу руку Твою, Боже мой! Я не имел кому открыть моего сердца; начал изливать его пред Богом моим, начал читать Евангелие и жития святых Твоих. Завеса, изредка проницаемая, лежала для меня на Евангелии, но Пимены Твои, Твои Сисои и Макарии производили на меня чудное впечатление. Мысль, часто парившая к Богу молитвой и чтением, начала мало-помалу приносить мир и спокойствие в душу мою. Когда я был пятнадцатилетним

юношей, несказанная тишина возвеяла в уме и сердце моем. Но я не понимал ее, – я полагал, что это обыкновенное состояние всех человеков»[2].

В конце лета 1822 года, когда Димитрию Александровичу шел шестнадцатый год от рождения, родитель повез его в С.-Петербург для определения его в Главное инженерное училище, куда он был подготовлен домашним учением. Дорогой, близ Шлиссельбурга, отец внезапно обратился к сыну со следующим вопросом: «Куда бы ты хотел поступить на службу?» Пораженный такой небывалой откровенностью отца, сын не хотел более скрывать от него своей сердечной тайны, которой до сих пор никому не открывал; сперва он испросил у него обещание не сердиться, если ответ ему не понравится; затем, с твердостью воли и силой вполне искреннего чувства, сказал, что желает идти «в монахи». Решительный ответ сына, по-видимому, не подействовал на отца; он или не придал ему значения на основании молодости отвечавшего, или не хотел возражать по кажущейся несбыточности желания, которое совершенно расходилось с планами, какие он строил о будущности своего сына. В Петербурге Димитрий Александрович сдал блистательно вступительный экзамен[3]. Благообразная наружность и отличная под-

[2] *…я полагал, что это обыкновенное состояние всех человеков.* – Аскетические опыты. Т. 1.

[3] *В Петербурге Димитрий Александрович сдал блистательно вступительный экзамен.* – В этом году на 30 вакансий было 130 конкурентов. Из числа их Брянчанинов не только был первым, но исключительно он один удовлетворил требо-

готовка в науках обратили на молодого Брянчанинова особенное внимание Его высочества Николая Павловича, бывшего тогда генерал-инспектором инженеров. Великий князь приказал Брянчанинову явиться в Аничковский дворец, где представил его своей супруге, Государыне Великой княгине Александре Феодоровне, и рекомендовал как отлично приготовленного не только к наукам, требуемым в инженерном училище, но знающего даже латинский и греческий языки. Ее высочество благоволила приказать зачислить Брянчанинова Ее пенсионером. Сделавшись Императором, Николай Павлович и Императрица Александра Феодоровна продолжали оказывать свое милостивое расположение Брянчанинову. По сдаче экзамена Димитрий Александрович зачислен был в кондукторскую роту Главного инженерного училища, а действительная служба его стала считаться со дня принесения им присяги 19 января 1823 года. Успехи по наукам[4], отличное поведение и расположение Великого князя выдвигали его на первое место между юкерами-товарищами: к концу 1823 года, с переводом в верхний кондукторский класс, он был назначен фельдфебелем кондукторской роты; в 1824 году был переведен из юнкерских классов в нижний офицерский (что ныне Николаевская инженерная академия) и 13 декабря произведен в инженер-прапорщики. Редкие умствен-

ваниям для поступления во 2-й кондукторский класс.

[4] *Успехи по наукам…* – В самом непродолжительном времени Брянчанинов стал первым учеником своего класса и сохранил это место по наукам до самого выхода из училища.

ные способности и нравственные качества Димитрия Александровича привлекали к нему профессоров и преподавателей училища; все они относились к нему с особенной благосклонностью, отдавая явное предпочтение пред прочими воспитанниками.

Наряду со служебно-учебной деятельностью Димитрий Александрович имел успехи и в светском обществе своими личными достоинствами. Родственные связи ввели его в дом тогдашнего президента Академии художеств Оленина. Там, на литературных вечерах, он сделался любимым чтецом, а поэтические и вообще литературные дарования его приобрели ему внимание тогдашних знаменитостей литературного мира: Гнедича, Крылова, Батюшкова и Пушкина. Такое общество, конечно, благодетельно влияло на литературное развитие будущего писателя. Преосвященный Игнатий до конца жизни сочувственно отзывался о советах, какие ему давали тогда некоторые из этих личностей.

Описанный круг светского знакомства, к которому принадлежала имевшая большие связи тетка Димитрия Александровича А. М. Сухарева, только внешним образом влиял на жизнь молодого человека, внутренняя жизнь которого развивалась самостоятельно, независимо от родственных и общественных связей. Димитрий Александрович и в шуме столичной жизни остался верен своим духовным стремлениям, какие испытал в уединении отдаленной родины: он всегда искал в религии живого, опытного знания и, храни-

мый благодатью, не поддавался ни тлетворному влиянию чуждых учений, ни приманкам светских удовольствий. Вот с какой подробностью он сам, в вышеприведенной статье «Плач мой», описывает тогдашнее свое душевное состояние: «Вступил я в военную и вместе ученую службу не по своему избранию и желанию. Тогда я не смел – не умел желать ничего, потому что не нашел еще Истины, еще не увидел Ее ясно, чтобы пожелать Ее! Науки человеческие, изобретение падшего человеческого разума, сделались предметом моего внимания: к ним я устремился всеми силами души; неопределенные занятия и ощущения религиозные оставались в стороне. Протекли почти два года в занятиях земных: родилась и уже возросла в душе моей какая-то страшная пустота, явился голод, явилась тоска невыносимая по Боге. Я начал оплакивать нерадение мое, оплакивать то забвение, которому я предал веру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерял, оплакивать ту пустоту, которую я приобрел, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущением сиротства, лишения жизни! И точно – это было томление души, удалившейся от истинной жизни своей, Бога. Воспоминаю: иду по улицам Петербурга в мундире юнкера, и слезы градом льются из очей…»

«Понятия мои были уже зрелее, я искал в религии определительности. Безотчетные чувствования религиозные меня не удовлетворяли, я хотел видеть верное, ясное, Истину. В то время разнообразные религиозные идеи занимали и вол-

новали столицу Северную, препирались, боролись между собою. Ни та, ни другая сторона не нравились моему сердцу; оно не доверяло им, оно страшилось их. В строгих думах снял я мундир юнкера и надел мундир офицера. Я сожалел о юнкерском мундире: в нем можно было, приходя в храм Божий, стать в толпе солдат, в толпе простолюдинов, молиться и рыдать сколько душе угодно. Не до веселий, не до развлечений было юноше! Мир не представлял мне ничего приманчивого: я был к нему так хладен, как будто мир был вовсе без соблазнов! Точно их не существовало для меня: мой ум был весь погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных»[5].

[5] *…мой ум был весь погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных.* – Аскетические опыты. Т. 1.

Глава II

Начало духовной деятельности, когда она предпринимается с определенной целью и становится преобладающей, чтобы затем сделаться вполне исключительной, сопровождается обыкновенно внутренней бранью помыслов и страстных чувствований. Брань эта столь сильна, что противостоять ей собственными силами нет никакой возможности – нужна помощь свыше. Димитрий Александрович обратился к молитве, творя ее внутренно, внимательно и непрестанно. Такая молитва, образуя внутреннего монаха, настраивает сообразно себе всю душевную деятельность человека, но такой молитве необходимо правильно обучаться, что и составляет предмет монашеского духовного делания. Он занимался умной молитвою и столь рачительно упражнялся в ней, что она творилась у него самодейственно. «Бывало, с вечера, – рассказывал он впоследствии о себе, – ляжешь в постель и, приподняв от подушки голову, начнешь читать молитву, да так, не изменяя положения, не прекращая молитвы, встанешь утром идти на службу, в классы». Таким образом, будучи монахом по душе и еще на шестнадцатом году жизни испытав благодатное действие молитвы, набожный сей юноша не мог довольствоваться установленным в училище обычаем – только однажды в год приступать к таинствам исповеди и святого Причастия, а нуждался в более учащен-

ном подкреплении себя этою духовною пищей, почему для удовлетворения своего желания он обратился к законоучителю и духовнику училища. Такое необычайное среди юношества явление вызвало удивление духовника, особенно когда исповедующийся сказал, что «борим множеством греховных помыслов». Не делая различия между «греховными помыслами» и «политическими замыслами», отец протоиерей счел своей обязанностью довести об этом обстоятельстве до сведения училищного начальства. Начальник училища генерал-лейтенант граф Сиверс подверг обвиняемого юношу формальному допросу о значении помыслов, им самим признанных «греховными». Немецкое начальство[6], не уяснив себе значения этого выражения, за Брянчаниновым стало следить. Неосмотрительность духовника повергла Брянчанинова в тяжкую ответственность пред своим начальством и довела до болезненного состояния; он принужден был избрать себе другого духовника. Посему Брянчанинов обратился к инокам Валаамского подворья, стал ходить туда каждую субботу и воскресенье для исповеди и святого Причащения и, наученный опытом, старался делать это скрытно от училищного начальства. В этом святом деле к нему присоединился товарищ по училищу Чихачов, из дворян Псковской губернии, одновременно с ним поступивший в училище и весьма любимый Государем Николаем Павловичем. Ди-

---

[6] *Немецкое начальство…* – Инспектором училища был инженер ген. – майор барон Эльснер, с трудом объяснявшийся на русском языке.

митрий Александрович привязался к Чихачову самою искреннею дружбою, несмотря на несходство их характеров: первый был серьезен, задумчив, сосредоточен в себе, другой – весельчак, говорун, с душой нараспашку. Чихачов предался Брянчанинову скорее как сын отцу, нежели как брат брату: таково было влияние Димитрия Александровича на своего сотоварища. Самое первое знакомство этих двух молодых товарищей полно умиления и истинно-христианского характера. Однажды в дружеских разговорах Димитрий Александрович прервал веселую болтовню Чихачова, сказав ему: «Будь ты христианином!» – «Я никогда не бывал татарином», – возразил товарищ ему. – «Так, – сказал первый, – да надо слово это исполнить делом и углубиться поприлежнее в него». С того времени оба они ходили к инокам на подворье, исповедовались и причащались, молились, назидались душеспасительными беседами, подвизались. Вот как эти хождения описывает в своих записках сам Чихачов, где откровенно говорит, какое они производили на него действие: «В одну субботу слышу приглашение от товарища своего идти к священнику. – «Зачем?» – «Да обычай у меня исповедаться, а в воскресенье приобщаться святым Христовым Тайнам; смотри, и ты не отставай». Бедная моя головушка пришла тогда в изумление и великое смятение. Страх и ужас: что и как, не готов, не могу! – «Не твое дело, а духовника», – отвечает храбро товарищ и любовию своею влечет за собою. Юность и здоровье, и все внешние обстоятельства, и вся об-

становка, да к тому же и внутреннее сильное восстание страстей и привычек, разъяренных противодействием им, страшно волновали душу, и могла ли бы она своей немощью устоять, если бы не была невидимая сила, свыше поддерживавшая ее? И при всем этом, не будь у меня такого друга, который и благоразумием своим меня вразумлял, и душу свою за меня всегда полагал, и вместе со мною всякое горе разделял, не уцелел бы я на этом поприще – поприще мученичества добровольного и исповедничества».

Иноки Валаамского подворья с любовью принимали молодых людей, потому что видели в них искреннее стремление к Богу и желание пути спасительного, но они, как люди без научного образования, по преимуществу ограничивавшиеся внешним подвигом, не могли удовлетворить вполне их духовных потребностей, почему и посоветовали молодым людям обращаться за душеназиданием к инокам Невской лавры. Там в это время пребывали некоторые ученики старцев отца Феодора и отца Леонида, мужей опытных в духовной жизни, получивших монашеское образование – первый у известного старца Паисия Величковского, архимандрита Молдавского Нямецкого монастыря, а второй у учеников его. Таковы были монах Аарон, монахи Харитон, Иоанникий и другие. Молодые люди стали ходить к этим инокам; через них познакомились они с лаврским духовником отцом Афанасием, который своим истинно отеческим, любвеобильным обхождением поддержал их живое стремление к

христианскому благочестию. Молодые люди радовались, нашедши себе истинных наставников, понимавших их духовные нужды и могущих пользовать обильно. Они усугубили свою ревность к подвигам благочестия, участили посещения свои к инокам, услаждались богослужением Лавры, которое производило на них благое впечатление, потому что было величественнее и продолжительнее, чем на Валаамском подворье. Они совещались с иноками, как с духовными отцами, обо всем, что касается внутреннего монашеского делания, исповедовали свои помыслы, учились, как охранять себя от страстей, греховных навыков и преткновений, какими руководствоваться книгами из писаний святых отцов и т. п. Добрые иноки, особенно отец Иоанникий и духовник отец Афанасий, делились с монахолюбивыми и любомудрыми юношами всем, что составляло достояние их многолетней духовной опытности. Часто Димитрий Александрович удивлял их своими вопросами, которые касались таких сторон жизни духовной, какие свидетельствуют о довольно зрелом духовном возрасте. Такая тесная дружба с иноками имела соответственное себе действие. Димитрий Александрович сделался совершенным аскетом по душе, обложил себя творениями святых отцов, преимущественно подвижнического содержания, которые перечитывая с жадностью, еще более углублялся в самосозерцание и, видимо, охладел к светскому обществу. В «Плаче» своем так говорит он о себе: «Пред взорами ума уже были грани знаний человеческих в высших оконча-

тельных науках. Пришедши к граням этим, я спрашивал у наук: что вы даете в собственность человеку? Человек вечен, и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство верное, которое я мог бы взять с собою за пределы гроба! Науки молчали.

За удовлетворительным ответом, за ответом существенно нужным, жизненным, обращаюсь к вере. Но где ты скрываешься, вера истинная и святая? Я не мог тебя признать в фанатизме, который не был запечатлен евангельской кротостью; он дышал разгорячением и превозношением! Я не мог тебя признать в учении своевольном, отделяющемся от Церкви, составляющем свою новую систему, суетно и кичливо провозглашающем обретение новой истинной веры христианской, чрез семнадцать столетий по воплощении Бога Слова. Ах! В каком тягостном недоумении плавала душа моя!

* * *

И начал я часто, со слезами, умолять Бога, чтобы Он не предал меня в жертву заблуждению, чтоб указал мне правый путь, по которому я мог бы направить к Нему невидимое шествие умом и сердцем. Внезапно предстает мне мысль… сердце к ней, как в объятия друга. Эта мысль внушала изучить веру в источниках – в писаниях святых отцов. «Их святость, – говорила она мне, – ручается за их верность: их из-

бери в руководители». Повинуюсь. Нахожу способ получать сочинения святых угодников Божиих, с жадностью начинаю читать их, глубоко исследовать. Прочитав одних, берусь за других, читаю, перечитываю, изучаю. Что прежде всего поразило меня в писаниях отцов Православной Церкви? – Это их согласие, согласие чудное, величественное… Какое между прочим учение нахожу в них? Нахожу учение, повторенное всеми отцами, учение, что единственный путь к спасению – последование неуклонное наставлениям святых отцов. «Видел ли ты, – говорят они, – кого прельщенного лжеучением, погибшего от неправильного избрания подвигов – знай: он последовал себе, своему разуму, своим мнениям, а не учению отцов, из которых составляется догматическое и нравственное предание Церкви…»

* * *

Мысль эта была для меня первым пристанищем в стране Истины. Здесь душа моя нашла отдохновение от волнения и ветров. Мысль благая, спасительная! Мысль – дар бесценный всеблагого Бога, хотящего всем человекам спастись и прийти в познание Истины! Эта мысль соделалась камнем основным для духовного созидания души моей! Эта мысль соделалась моей звездой путеводительницей! Она начала постоянно освящать для меня многотрудный и многоскорбный, тесный, невидимый путь ума и сердца к Богу.

* * *

Таковы благодеяния, которыми ущедрил меня Бог мой! Таково нетленное сокровище, наставляющее в блаженную вечность, ниспосланное мне свыше от Горнего Престола Божественной милости и премудрости… Бог, Сам Бог мыслию благою уже отделил меня от суетного мира. Я жил посреди мира, но не был на общем, широком, углажденном пути: мысль благая повела меня отдельною стезею к живым, прохладным источникам вод, по странам плодоносным, по местности живописной, но часто дикой, опасной, пересеченной пропастями, крайне уединенной. По ней редко странствует путник.

* * *

Чтение отцов с полною ясностью убедило меня, что спасение в недрах Российской Церкви несомненно, чего лишены вероисповедания Западной Европы, как не сохранившие в целости ни догматического, ни нравственного учения первенствующей Церкви Христовой. Оно открыло мне, что сделал Христос для человечества, в чем состоит падение человека, почему необходим Искупитель, в чем заключается спасение, доставленное и доставляемое Искупителем. Оно твер-

дило мне: должно развить, ощутить, увидеть в себе спасение, без чего вера во Христа мертва, а христианство – слово и наименование без осуществления его! Оно научило меня смотреть на вечность, как на вечность, пред которой ничтожна и тысячелетняя земная жизнь, не только наша, измеряемая каким-нибудь полустолетием. Оно научило меня, что жизнь земную должно проводить в приготовлении к вечности, как в преддвериях приготовляются ко входу в великолепные царские чертоги. Оно показало мне, что все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества – пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети»[7].

[7] *…все земные занятия, наслаждения, почести, преимущества – пустые игрушки, которыми играют и в которые проигрывают блаженство вечности взрослые дети.* – Аскетические опыты. Т. 1.

Глава III

Духовные стремления юного подвижника, его ревность, усердие к молитве выдерживали тяжкое испытание. Первыми врагами на пути спасения явились его домашние. Александр Семенович приставил для служения к своему сыну человека, который был предан ему до самозабвения, это был старик лет шестидесяти по имени Доримедонт, послуживший век свой верой и правдой своему господину. Он был, так сказать, надзирателем всех поступков Димитрия Александровича и сообщал их Александру Семеновичу. Тяжелы были эти известия родителю. Он вспомнил тогда о выраженном на пути в Петербург желании сына и убедился теперь, что то не был детский каприз. Он тогда же написал обо всем начальнику училища графу Сиверсу, своему бывшему товарищу по службе в пажах, и просил его наблюсти за воспитанником Брянчаниновым; написал также родственнице своей Сухаревой, прося ее отвлечь его сына от предпринятого им намерения. Училищное начальство приняло свои меры, переведя Брянчанинова с частной квартиры в казенную, в стены Михайловского инженерного замка, под строгий надзор, а Сухарева, особа влиятельная, озаботилась довести до сведения тогдашнего митрополита Петербургского Серафима, что ее племянник Брянчанинов, любимый Государем Императором, свел знакомство с лаврскими иноками, что лавр-

ский духовник Афанасий склоняет его к монашеству, и что если об этом будет узнано при Дворе, то и ему – митрополиту – не избежать неприятностей. Митрополит призвал к себе духовника Афанасия и сделал ему строгий выговор, воспретив впредь принимать на исповедь Брянчанинова и Чихачова. Тяжелы были для Димитрия Александровича эти обстоятельства, которыми стеснялась свобода его духовной деятельности; он решился сам представиться митрополиту и лично объясниться. Митрополит сначала не верил бескорыстному стремлению юноши, когда тот в разговоре объявил ему свое непременное желание вступить в монашество, но потом, выслушав внимательно искренние заявления молодого человека, митрополит позволил ему по-прежнему ходить в Лавру к духовнику.

Таково было стремление Брянчанинова к жизни иноческой; это было не прихотливое желание представлять из себя оригинала в обществе, не было следствием простого разочарования жизнью, которой горечи и удовольствий он еще не успел испытать: это было чистое намерение, чуждое всяких расчетов житейских, искреннее, святое чувство любви Божественной, которая одна способна с такой силой овладевать существом души, что никакие препятствия не в состоянии преодолеть ее.

Практика монастырской жизни определительно указывает, что чистосердечно избирающие ее готовы на всякие пожертвования и на совершенное самоотвержение. Вот какие

чувства изливаются в «Плаче», где автор аскетических опытов говорит:

«Охладело сердце к миру, к его служениям, к его великому, к его сладостному! Я решился оставить мир, жизнь земную посвятить для познания Христа, для усвоения Христу. С этим намерением я начал рассматривать монастырское и мирское духовенство. И здесь встретил меня труд; его увеличивали для меня юность моя и неопытность. Но я видел все близко и по вступлении в монастырь не нашел ничего нового, неожиданного. Сколько было препятствий для этого вступления! Оставляю упоминать о всех; самое тело вопияло мне: «Куда ведешь меня? Я так слабо и болезненно. Ты видел монастыри, ты коротко познакомился с ними; жизнь в них для тебя невыносима и по моей немощи, и по воспитанию твоему, и по всем прочим причинам». Разум подтверждал доводы плоти. Но был голос, голос в сердце, думаю, голос совести или, может быть, ангела хранителя, сказывавшего мне волю Божию, потому что голос был решителен и повелительный. Он говорил мне: это сделать твой долг, долг непременный. Так силен был голос, что представления разума, жалостные, основательные, по-видимому, убеждения плоти, казались пред ним ничтожными»[8].

Кроме случаев и обстоятельств, зависящих от воли людей, самая природа ставила препятствия благочестивым намере-

---

[8] *…представления разума, жалостные, основательные, по-видимому, убеждения плоти, казались пред ним ничтожными.* – Аскетические опыты. Т. 1.

ниям юного Димитрия. Весною 1826 года он заболел тяжкою грудною болезнью, имевшею все признаки чахотки, так что не в силах был выходить. Государь Император Николай Павлович приказал собственным медикам пользовать больного и еженедельно доносить ему о ходе болезни. Доктора объявили Димитрию Александровичу об опасности его положения, сам он считал себя на пороге жизни и частыми молитвами готовился к переходу в вечность. Но случилось не так, как предсказывали знаменитые врачи столицы: болезнь получила благоприятный поворот и послужила для больного опытным доказательством того, что без воли Божией самые настоятельные законы естества не сильны воздействовать на нас.

Все благочестивые упражнения Димитрия Александровича служили подготовкой для того решительного переворота, который он должен был совершить, чтобы осуществить свои давнишние намерения и желания. Но чтобы произвести этот переворот, то есть чтобы совсем порвать все связи с миром, нужен был человек, который бы содействовал этому разрыву, который бы силою своего духа увлек за собою, – нужен был свой Моисей, чтоб вывести нового израильтянина из Египта мирской жизни. Таким Моисеем явился для Димитрия Александровича вышеупомянутый иеромонах Леонид[9]. Отец Леонид отличался духовной мудростью, святостью жизни, опытностью в монашеском подвиге; под

[9] *…иеромонах Леонид.* – В схиме Лев.

его руководством образовались многие истинные подвижники благочестия и наставники иночества. Об этом старце много наслышан был Димитрий Александрович от лаврских иноков. Наконец представился случай познакомиться с ним. Отец Леонид прибыл по делам своим в Петербург и остановился в Невской лавре. Там в одинокой беседе с этим представителем тогдашнего монашеского подвижничества Димитрий Александрович почувствовал такое влечение к этому старцу, что как бы век жил с ним: это были великие минуты, в которые старец породил его духовно себе в сына… О впечатлении этой первой беседы Димитрий Александрович высказался после своему другу Чихачову так: «Сердце вырвал у меня отец Леонид – теперь решено: прошусь в отставку от службы и последую старцу; ему предамся всею душою и буду искать единственно спасения души в уединении». После этой первой встречи Димитрий Александрович уже не принадлежал более миру, решительный переворот был произведен, требовалось только некоторое время, чтобы окончательно распутать мирские узы.

Вознамерившись совсем оставить службу и удалиться в монастырь, Димитрий Александрович сперва должен был выдержать великую нравственную борьбу, с одной стороны, – с родителями своими, с другой – с сильными мира сего. Эта борьба стоила ему больших усилий. Как физические силы его подрывались постоянно болезнями, так теперь он должен был уготовиться нравственно, чтоб принять на-

пор со стороны власти родительской и государственной, которые устремлялись подавить, сокрушить то, что для него было всего дороже и вожделеннее. Сугубую выдерживал он борьбу в молодых летах своих – физическую и нравственную, но как в первой он всегда торжествовал силою духа своего над слабостью плоти, так и во второй явился искусным и надежным борцом со стихиями земной жизни, обещавшей ему много сладостного, великого и славного. В этой последней борьбе окончательно выработался его твердый характер, необходимый для прохождения многотрудной иноческой жизни, требующей самоотвержения, особенной непоколебимости воли, неустрашимости, постоянства и готовности на всякую крайность. Вот та дверь, чрез которую приходилось вступить юному подвижнику на тесный и прискорбный путь иночества.

В июне 1826 года Димитрий Александрович получил трехмесячный отпуск от службы и для поправления здоровья отправился на родину, в дом своих родителей. Зная честолюбивое намерение своего отца и не желая притом огорчить родителей решительным объявлением им своей воли, Димитрий Александрович старался исподволь и осторожно приготовить их к предполагаемой перемене жизни, но и это не помогло – Александр Семенович не мог примириться с мыслью о монашестве своего первенца. Он сердился на него, отказывал наотрез, отстранял его от себя, как сына непокорного. Все должен был выносить кроткий и чувствительный

юноша, послушный заповеди Спасителя: *Иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10:37). С глубокою скорбью, не получив желаемого согласия, он уехал из дома родительского в столицу. Здесь ему предстояла необходимость сначала сдать окончательный экзамен в Инженерном училище, что он исполнил в конце декабря, и хотя без конкуренции с товарищами по выпуску, сдавшими экзамен гораздо ранее, но по числу баллов он и тут сохранил свое первенство; затем, освободившись от зависимости училищной, он подал в отставку от службы. Тут встретила его новая буря: он должен был иметь дело с высшей властью, должен был отстоять свое заветное желание даже пред Монархом, Которому всецело был обязан воспитанием, образованием и благодарностью за милостивое высокое к нему внимание. Трудно ему было убеждать мирских людей в правдивости своих духовных стремлений, понятных только некоторой горсти чернецов в Невской лавре; тут нужна была решимость отважная; надо было противостоять лишь самоотвержением и силою воли, а не доводами и очевидными указаниями. Ясно, что спор был неравный: надлежало или поддаться, уступить, или показать пример непоколебимого мужества, доблести мученической, прямого исповедничества.

Государь Император Николай Павлович, узнав о поданной Брянчаниновым просьбе и о желании его идти в монастырь, поручил своему Августейшему брату Великому князю Михаилу Павловичу отговорить всеми любимого воспитанника

от такого предприятия. В первых числах января 1827 года Димитрий Александрович был потребован во дворец к Великому князю. Там было собрано все высшее начальство Инженерного училища. Девятнадцатилетний юноша с трепетным сердцем, но твердою волею предстал пред собранием. Великий князь сообщил ему, что Государь Император, зная его способности к службе, вместо отставки намерен перевести его в гвардию и дать такое положение, которое удовлетворит и его, Брянчанинова, самолюбию, и его честолюбию. Молодой человек сказал на это, что, не имея достаточных денежных средств, он не может служить в гвардии. «Заботы об этом Государь изволит принять на себя», – прервал Великий князь. «Расстроенное мое здоровье, – продолжал юноша, – о чем известно Его Величеству из донесений лечивших меня медиков, поставляет меня в совершенную невозможность нести труды служебные, и, предвидя скорую смерть, я должен позаботиться о приготовлении себя к вечности, для чего и избираю монашеское звание». Великий князь заметил, что он может получить службу в южном климате России и что гораздо почетнее спасать душу свою, оставаясь в мире. Брянчанинов отвечал: «Остаться в мире и желать спастись – это, Ваше высочество, все равно что стоять в огне и желать не сгореть». Несмотря на убеждения Великого князя, прибегавшего и к ласке, и к угрозе, Брянчанинов оставался тверд в своем намерении и просил оказать ему милость – уволить от службы. Тогда Великий князь решительно возразил ему,

что так как он остается непреклонен в своем упорстве, то объявляется ему Высочайшая воля: Государь Император отказывает ему в увольнении от службы и делает ему лишь ту милость, что предоставляет самому избрать крепость, в которую он должен быть послан на службу. Брянчанинов отклонил от себя добровольное избрание. Великий князь обратился к графу Опперману, своему помощнику по званию генерал-инспектора инженеров; тот указал на Динабург. Великий князь одобрил указание, и в тот же вечер состоялось назначение Брянчанинова в Динабургскую инженерную команду, с приказанием в 24 часа выехать из С.-Петербурга к месту нового служения.

Начальником Динабургской команды был в то время генерал-майор Клименко; ему сообщено было о настроении Брянчанинова и предписано иметь строгий надзор за его поведением. Товарищи по службе сперва не совсем доверчиво относились к Димитрию Александровичу, но потом переменили свое мнение, увидев истинное благочестие, кротость и благоразумие его. Они даже сделались преданными ему, разделяя его труды по службе вследствие болезненного его состояния. Служебные занятия офицера Брянчанинова состояли в наблюдении за производством разных построек и земляных работ в крепости; он же до того был слаб здоровьем, что принужден был по несколько недель кряду держаться безвыходно в квартире, а потому необходимо нуждался в помощи товарищей по исполнению служебных обязанностей.

Одна только переписка с отцом Леонидом поддерживала Димитрия Александровича в этом одиночестве духовном, так как и с любимым другом своим Чихачовым он был разлучен. Осенью 1827 года Великий князь Михаил Павлович посетил Динабургскую крепость и, убедившись в физической несостоятельности офицера Брянчанинова к отправлению службы, склонился на его непременное желание получить отставку.

Глава IV

6 ноября 1827 года Димитрий Александрович получил вожделенную отставку. Он был уволен с чином поручика и немедленно через Петербург отправился в Александро-Свирский монастырь к отцу Леониду, чтоб под его руководством начать подвиг иночества. Прибыв в Петербург в одежде простолюдина, в нагольном тулупе, он остановился в квартире Чихачова. Здесь условлено было обоим поступить в монастырь, и по возможности немедленно. Чихачов тотчас написал прошение. Выставляя причиною домашние обстоятельства, но не получил удовлетворения и должен был еще повременить на службе.

Выход из службы Димитрия Александровича совершился без ведома родителей, а потому, естественно, навлек на себя гнев их. Они отказали сыну в вещественном вспомоществовании и даже прекратили с ним письменные сношения. Таким образом, полная нищета материальная сопровождала вступление Димитрия Александровича в монастырь; он буквально выполнил заповедь нестяжания при самом начале иночества и вполне справедливо мог сказать с Апостолом, как истинный ученик Христов: *Се мы оставихом вся и в след Тебе идохом* (9:27). В «Плаче» своем он так выразил свои чувствования, с которыми вступал на этот новый путь жизни: «Вступил я в монастырь, как кидается изумленный,

закрыв глаза и отложив размышление, в огонь или пучину, как кидается воин, увлекаемый сердцем, в сечу кровавую, на явную смерть. Звезда-руководительница моя, мысль благая, пришла светить мне в уединении, в тишине, или правильнее, во мраке, в бурях монастырских»[10].

Беспрекословное послушание и глубокое смирение отличали поведение послушника Брянчанинова в монастыре. Первое послушание было назначено ему служить при поварне. Поваром был бывший крепостной человек Александра Семеновича Брянчанинова. В самый день вступления в поварню случилось, что нужно было идти в амбар за мукой. Повар сказал ему: «Ну-ка, брат, пойдем за мукой!» – и бросил ему мучной мешок, так что его всего обдало белой пылью. Новый послушник взял мешок и пошел. В амбаре, растянувши мешок обеими руками и по приказанию повара прихватив зубами, чтоб удобнее было всыпать муку, он ощутил в сердце новое, странное духовное движение, какого еще не испытывал никогда: собственное смиренное поведение, полное забвение своего «я» так усладили его тогда, что он во всю жизнь поминал этот случай. В числе прочих послушников он назначен был тянуть рыболовный невод в озере Свирского монастыря. Раз как-то невод запутался в глубине. Монах из простолюдинов, заведовавший ловлею, зная, что Брянчани-

---

[10] *Звезда-руководительница моя, мысль благая, пришла светить мне в уединении, в тишине, или правильнее, во мраке, в бурях монастырских.* – Аскетические опыты. Т. 1.

нов хорошо умел плавать и долго мог держаться под водою, послал его распутать невод. Несмотря на сильный осенний холод, Димитрий Александрович беспрекословно исполнил приказание, которое отозвалось крайне зловредно на его слабом здоровье – он сильно простудился. Подобные случаи послушания и смирения сделали то, что вся монастырская братия стала с явным уважением относиться к Брянчанинову, отдавая ему предпочтение пред прочими, чем он очень тяготился, потому что, живя в среде монастырского братства, он даже старался скрывать свое происхождение и образование, радуясь, когда не знавшие считали его за недоучившегося семинариста.

Поступив в монастырь, Димитрий Александрович всей душой предался старцу отцу Леониду в духовное руководство. Эти отношения отличались искренностью, прямотою, представляли совершенное подобие древнего послушничества, которое не решалось сделать шагу без ведома или позволения наставника. Всякое движение внутренней жизни таких послушников происходит под непосредственным наблюдением старца; ежедневная исповедь помыслов дает им возможность тщательно наблюдать над собою, она предохраняет новоначального инока от вредного действия этих помыслов, которые, будучи исповеданы, подобно скошенной траве, не могут уже возникать с прежней силою. Опытный взор старца-духовника обнаруживает самые сокровенные тайники души, указывает гнездящиеся там страсти и таким обра-

зом удивительно способствует самонаблюдению. Чистосердечная исповедь, всегдашняя преданность старцу и всецелое пред ним отсечение воли вознаграждаются духовным утешением, легкостью и мирным состоянием духа, какие свойственны бесстрастию.

Такой род начального подвижничества и в древнее время, когда духовными старцами изобиловали пустыни и монастыри, был уделом немногих послушников. Тем реже он встречается ныне, при заметном оскудении духовного старчества. Димитрий Александрович, как сказано, во всем повиновался воле своего духовного отца, все вопросы и недоумения разрешались непосредственно им. Старец не ленился делать замечания своему юному питомцу, вел его путем внешнего и внутреннего смирения, обучая деятельной жизни.

«Однажды, – рассказывает И. А. Барков, человек весьма благочестивый и достойный всякого вероятия, – ко мне приехал из Свирского монастыря отец Леонид зимой: был жестокий мороз и вьюга, старец приехал в кибитке. Когда вошел он ко мне, я захлопотал о самоварчике и подумал: не один же старец приехал, вероятно, есть какой-нибудь возница – и я стал просить старца, чтобы он позволил ему также войти. Старец согласился. Я позвал незнакомца и немало был удивлен, когда предстал предо мной молодой, красивой наружности человек, со всеми признаками благородного происхождения. Он смиренно остановился у порога. «А что, перезяб, дворянчик? – обратился к нему старец и затем

сказал мне: – Знаешь ли, кто это? Это Брянчанинов». Тогда я низко поклонился вознице».

Такой крайне смиряющий образ руководства был предпринят отцом Леонидом в отношении ученика своего, молодого офицера Брянчанинова, без сомнения, для того, чтобы победить в нем всякое высокоумие и самомнение, которые обыкновенно присущи каждому благородному и образованному человеку, вступающему в среду простецов. Старец поступал, как нелицемерный наставник, в духе истинного монашества, по примерам святых отцов; он постоянно подвергал своего ученика испытаниям, и такие опыты смирения не могли не нравиться благородному послушнику, с искренней любовью к Богу предавшемуся иноческим подвигам.

Спустя год представилась надобность отцу Леониду со всеми учениками переселиться из Свирского монастыря, по причине многолюдства этой обители, в другое место. Он направился в Площанскую пустынь Орловской епархии; Димитрий Александрович, в числе прочих учеников, следовал за старцем. В это время прибыл в Площанскую пустынь и Чихачов. Друзья обменялись сердечными приветствиями, порадовались, что опять соединились в тихом приюте монастырского уединения, и стали жить по-прежнему совокупно, связывая себя союзом святейшей дружбы. На такую жизнь вдвоем, отдельно от других учеников, благословил их и старец Леонид.

Глава V

Молодые послушники предались вполне подвижнической жизни: они держались уединения, избегали многолюдства, хранили себя всячески от вредных для безмолвия впечатлений окружающей среды, избегали ненужных встреч и лишних знакомств, чтобы держать себя в строгом молчании и блюдении ума. Все силы души были направлены у них к богомыслию и молитве. Отдельное помещение в монастырском саду, вне всяких сообщений, доставляло им желанный покой: молодые подвижники радовались своему отшельничеству. Так провели они зиму 1829 года. Димитрий Александрович, от природы наделенный способностью литературного творчества, любил созерцать картины природы и из них извлекать содержание для своего богомыслия, которое и изображал искусным пером. Здесь он написал свой «Сад во время зимы». К тому же роду литературного творчества принадлежит и другое его произведение – «Древо зимою пред окнами кельи», написанное немного прежде, в Свирском монастыре. В этих двух произведениях высказались взгляды и чувствования богомысленной души, предавшейся религиозной созерцательности под влиянием молитвенных состояний, что испытывается лишь безмолвниками. Но недолго пришлось молодым отшельникам пользоваться мирным приютом в Площанской пустыни: им гото-

вилось тяжкое испытание. Между строителем пустыни иеромонахом Маркеллом и старцем отцом Леонидом возникли неудовольствия, вынудившие последнего оставить Площанскую пустынь и переселиться в скит Оптиной Введенской пустыни, находящейся в Калужской губернии. Брянчанинов и Чихачов также получили приказание немедленно выбыть из обители и отправиться «куда угодно». Поскорбела монастырская братия на безвинное изгнание никому ничем не досадивших благонравных молодых послушников и проводила с чувствами глубокого сожаления и уважения за их тихую и строгую жизнь, дав им на дорогу пять рублей, собранных складчиной. Трудно было с тощим кошельком странствовать двоим товарищам по неизвестной стороне, не имея в виду определенного места; они старались как можно сократить свое путешествие и направлялись к Белобережской пустыни в той же Орловской губернии. На пути они были в Свенском монастыре, где в то время подвизался в затворе иеромонах Афанасий, один из учеников вышеупомянутого молдавского старца Паисия Величковского. Димитрий Александрович посетил затворника и много пользовался его душеназидательной беседой о благотворности плача, о чем вспоминает в своих аскетических опытах, приводя слова затворника, глубоко запавшие в его душу: «В тот день, в который я не плачу о себе как о погибшем, считаю себя в самообольщении». Белобережская пустынь не приютила однако же на жительство бедных странников, и они, продолжая путь

далее, прибыли в Оптину пустынь, где поселился их старец отец Леонид с учениками. Настоятель Моисей не соглашался было принять их к себе, но старшая братия сжалилась над бедственным положением скитальцев и уговорила игумена не отгонять их. В мае 1829 года Брянчанинов и Чихачов поселились в Оптиной пустыни, держась того же порядка жизни, какой был у них заведен в Площанской обители.

Пребывание Димитрия Александровича и его товарища в Оптиной пустыни далеко было не таково, как в Площанской. Настоятель смотрел на них неблагосклонно, братия относились не совсем доверчиво. Приходилось много скорбеть им при уединенном образе жизни; сама пища монастырская, приправленная постным маслом дурного качества, вредно действовала на слабый и болезненный организм Димитрия Александровича. Они решились сами для себя изготовлять пищу: с немалым трудом выпрашивали круп или картофеля и варили похлебку в своей келье, ножом служил им топор; готовил пищу Чихачов. Такая трудная и неблаговидная обстановка, конечно, не могла долго продолжаться: изнурительная слабость телесных сил была последствием ее для того и другого. Сперва пострадал от нее Димитрий Александрович, настолько, что не мог держаться на ногах; за ним ухаживал Чихачов, который был крепче его телосложением, но вскоре свалился и он, пораженный лихорадкой. Тогда за больным товарищем ухаживал Димитрий Александрович; он хотя усердно исполнял это служение, но тут же сам падал

от конечного изнеможения.

Мать Димитрия Александровича была больна. Болезнь – предвестница смерти – обыкновенно изменяет расположение человеческого сердца. София Афанасьевна простила в душе поступок своего сына; материнское чувство заговорило в ней; она пожелала видеться с сыном. Александр Семенович под влиянием этого обстоятельства сам смягчился и написал сыну, что не будет препятствовать его намерениям, пусть он приедет к матери, и одновременно с письмом прислал за ним крытую бричку. Димитрий Александрович поспешил к родителям. Он отправился вместе с больным товарищем своим Чихачовым, так как Александр Семенович был столь внимателен, что не забыл пригласить и того. Но встреча в доме родительском была далеко не такова, какую обещало приглашение. Больная родительница Брянчанинова несколько поправилась здоровьем, и мирное чувство, внезапно явившееся в отце по поводу угрожавшего обстоятельства – болезни жены, – исчезло. Он принял сына холодно. Мать хотя и была приветлива, но обошлась со сдержанностью. Таким образом, скитальчество из одного монастыря в другой, тяжкое положение в последнем, болезнь матери и вследствие ее мгновенная вспышка родительских чувств – все это послужило только к тому, чтобы извлечь молодых людей из приюта святой обители и поставить на прежнюю дорогу, лицом к лицу с мирским соблазном. Врагу человеческого спасения нет выгоднейшей сети, как оставление молодыми послушника-

ми стен монастыря под какими бы то ни было благовидными предлогами. Самовольный выход из монастыря – всегда его затея.

Молодые люди расположились под мирским кровом в отдельном уединенном флигеле дома с намерением продолжать свои иноческие подвиги, обращаясь за духовными потребностями к местному сельскому священнику, считая свое пребывание здесь только временным. Но не так думал Александр Семенович. Он обратился к прежней своей мысли возвратить сына к мирской жизни и всеми мерами стал склонять его к поступлению на государственную службу; взоры родных и знакомых обращались к нему с той же мыслью; мать хотя и внимала иногда учению сына о душе, спасении и других высоких истинах христианской жизни, но не имела столько самостоятельности, чтоб отдаться вполне его внушениям. Вращающиеся пред глазами соблазны смущали подвижников; шумная толпа нарушала их безмолвие. Молодые люди стали тяготиться своим пребыванием среди мирян и помышляли о том, как бы им скорее выбраться из светского общества, несовместимого с монашеством, и водвориться опять где-нибудь в монастыре.

Проживя начало зимы 1829 года в селе Покровском, в следующем, 1830 году, в феврале месяце отправились оба друга искать себе удобного приюта в стенах монастыря; они направили путь свой в Кирилло-Новоезерский монастырь. В это время там жительствовал на покое архимандрит Феофан,

знаменитый своей святою жизнью и примерным управлением обителью, а настоятельствовал игумен Аркадий, его присный ученик и подражатель его образа правления. Отец Аркадий отличался простотою нрава; он провидел в двух молодых пришельцах дух истинного монашества и с любовью принял их в свою обитель. Но недолго радовались друзья новому месту жительства: неумолимая природа доказала им, что человек состоит не только из души, но и тела. Новоезерский монастырь расположен на острове обширного озера. Сырой климат от испарения воды наделяет жестокою лихорадкой непривычные и слабые организмы. Вскоре почувствовал его вредное влияние Димитрий Александрович; он заболел лихорадкой и три месяца испытывал ее мучительные симптомы без всяких медицинских пособий. Под конец у него стали пухнуть ноги, так что он не мог вставать уже с постели. В июне, когда лихорадка особенно там свирепствует, родители послали за сыном экипаж, чтобы привезти его в город Вологду. Тяжело было это время для Димитрия Александровича: он вынужден был возвратиться опять туда, откуда хотел спастись бегством. В Вологде Димитрий Александрович поместился у своих родных и стал пользоваться медицинскими средствами от мучившей его лихорадки, которая так глубоко проникла в его организм, что оставила свои следы на весь остальной век. Чихачов, также пострадавший от климата Новоезерской обители, отправился в Псковскую губернию для свидания со своими родителями 13 августа то-

го же 1830 года. Друзья расстались, чтобы каждому отдельно испытать свои силы в борьбе со стихиями мирской жизни.

Глава VI

Рука промысла, доселе невидимо покрывавшая бесприютного скитальца, коснулась сердца преосвященного Стефана, епископа Вологодского: архипастырь проник душевные стремления молодого Брянчанинова и расположился к нему. Преосвященный Стефан так полюбил Димитрия Александровича, что принял в нем самое живое участие, и эта любовь владыки была видимым знаком благоволения Божия к жертве сердца, которую приносил новый Авель: она возвещала благоприятный исход всех понесенных на пути к иночеству испытаний, потому что архипастырь держал в руке своей тот лавр, которым надлежало повить голову юного борца, измученного в брани с миром, плотию и диаволом. Оправившись от болезни, Димитрий Александрович не хотел возвратиться к родителям, а по благословению владыки поместился в Семигородной пустыни. Местность этой обители благоприятствовала восстановлению его здоровья; он с новою ревностью предался своим обычным духовным занятиям: богомыслию и молитве в тишине келейного уединения. Здесь написал он свой «Плач инока», в котором выразилось печалующее состояние души, усиленно стремящейся к Богу, но разбитой треволнениями жизни, вследствие чего уделом ее стал только плач на развалинах ее стремлений. Недолго пожил Димитрий Александрович и в Семигород-

ной пустыни; вскоре, 20 февраля 1831 года, он был перемещен по его просьбе преосвященным в более уединенный, пустынный Глушицкий Дионисиев монастырь, где и зачислен послушником. К этому времени относится первое знакомство преосвященного Игнатия с бывшим настоятелем Никола-Угрешского монастыря архимандритом Пименом. Отец Пимен, тогда еще молодой купеческий сын, так описывает наружность послушника Брянчанинова: «В первый раз довелось мне увидеть Брянчанинова на набережной реки Золотухи (в Вологде): я был на левом берегу, а он шел по правому. Как сейчас, вижу его: высокого роста, стройный и статный, русый, кудрявый, с прекрасными темно-карими глазами; на нем был овчинный тулуп, крытый нанкою горохового цвета, на голове послушническая шапочка». Далее повествователь восхищается его благородной осанкой, скромной поступью, в высшей степени благоговейным предстоянием в церкви за богослужением и, наконец, самою беседою, которую описывает следующими словами: «Невзирая еще на молодые лета, видно было, что Брянчанинов много читал отеческих книг, знал весьма твердо Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Добротолюбие и писания других подвижников, и потому беседа его, назидательная и увлекательная, была в высшей степени усладительна»[11].

Между тем родитель Димитрия Александровича и во вре-

[11] *…беседа его, назидательная и увлекательная, была в высшей степени усладительна.* – Воспоминания архимандрита Пимена.

мя пребывания его в Глушицком монастыре не переставал выражать желание исполнения своих требований: он настойчиво добивался того, чтобы сын оставил монастырскую жизнь и поступил в государственную службу. Тогда новоначальный послушник стал просить архиерея оказать ему милость и ввиду семейных обстоятельств поспешить постричь его в монашество. Преосвященный, зная хорошо духовное настроение Брянчанинова, решился исполнить его просьбу. Исходатайствовав разрешение Священного Синода, он вызвал Димитрия Александровича из Глушицкого монастыря в Вологду и велел готовиться к пострижению; вместе с тем он приказал ему хранить это в тайне от родных и знакомых, чтоб избежать каких-либо притязаний со стороны их, могущих воспрепятствовать делу, так как намеревался постричь его неожиданно для всех. Стеснительно было такое положение в столь важное время: готовящийся к пострижению вынужден был остановиться на постоялом дворе и среди мирской волны приготовляться к великому обряду.

28 июня 1831 года преосвященный Стефан совершил обряд пострижения Брянчанинова в малую схиму в кафедральном Воскресенском соборе и нарек Димитрия Игнатием, в честь священномученика Игнатия Богоносца, память которого празднуется Церковью 20 декабря и 29 января. Инок Игнатий сначала в первый, потом в последний из этих дней праздновал свое тезоименитство. Это имя Игнатия указывает еще на преподобного Игнатия князя, вологодского чу-

дотворца, мощи которого почивают в Прилуцком монастыре, где покоятся мощи и преподобного Димитрия Прилуцкого – ангела новопостриженного инока от крещения. Таким образом произведена над ним перемена имен двух чудотворцев, почивающих в одной обители. С именем одного, данным при крещении, соединено воспоминание об обстоятельствах рождения, а имя другого наречено при пострижении, как бы в ознаменование сходства земной участи новопостриженного с преподобным из княжеского рода. Родные Брянчанинова, прибывшие 28 июня в собор к богослужению, были крайне изумлены неожиданным священнодействием, которого они сделались зрителями. 4 июля того же года инок Игнатий был рукоположен преосвященным Стефаном в иеродиакона, а 25-го того же месяца – в иеромонаха и временно оставлен при архиерейском доме, который в Вологде находится при кафедральном соборе, в одной с ним ограде, образуемой стенами Кремля, времен царя Иоанна Грозного. Для обучения священнослужению новорукоположенный был приставлен к городской церкви Спаса Обыденного под руководство священника Василия Нордова, впоследствии протоиерея и настоятеля Вологодского кафедрального собора.

Родители новопостриженного, разумеется, с неудовольствием отнеслись к этому событию, особенно Александр Семенович был поражен им; его воля, на которой он так упорно настаивал, не состоялась: все планы относительно светской

карьеры сына рушились, мечты о его блестящей будущности исчезли. Сын в глазах отца сделался бесполезным членом общества, утратившим все, что отец доставил ему воспитанием. Женское сердце, менее упорное в противодействиях обстоятельствам и всегда податливее на взаимности, расположило Софию Афанасьевну благосклоннее смотреть на поступок сына, но духовная сторона была также чужда ей, и мирские понятия брали верх. Все это, конечно, ничего не значило для монаха, который сам добровольно поставляет себя в положение, заставляющее забыть все мирские связи и родственные чувства, но обстоятельства инока Игнатия были не таковы, чтоб это неудовольствие родителей было для него нечувствительно. По пострижении он должен был приютиться в загородном доме своего дяди и крестного отца Димитрия Ивановича Самарина и вынужден был принять денежное вспомоществование от одной из своих родственниц (г-жи Воейковой). Пребывание в Вологде заставляло его часто вращаться в кругу родных и знакомых: многие из них стали его посещать и требовали от него взаимных посещений к себе. Молодой годами, красивый наружностью, он интересовал все вологодское общество, все о нем говорили, все желали сблизиться с ним. Это необходимо вовлекало его в мирскую рассеянность и прямо противоречило тем обетам, какие он только что произнес у алтаря. Вся внешняя обстановка пустыннолюбивого инока была противна его влечениям, он соскучился городской молвою и стал просить покро-

вителя своего преосвященного Стефана отпустить его в Глушицкий монастырь, но преосвященный, намереваясь дать ему место, соответственное его способностям и благочестивому направлению, а также приличное по отношению его к обществу, удерживал его при себе. В скором времени открылось такое место: в конце 1831 года скончался строитель Пельшемского Лопотова монастыря иеромонах Иосиф. Обряд погребения поручено было совершить иеромонаху Игнатию. 6 января 1832 года он был назначен на место умершего, а 14-го дано звание строителя, причем возложен был на него набедренник.

Глава VII

Лопотов монастырь, основанный преподобным Григорием Пельшемским, вологодским чудотворцем, находится в Кадниковском уезде Вологодской губернии, в сорока верстах от Вологды и в семи от Кадникова, расположен на берегу реки Пельшмы, впадающей в Сухону, в местности лесной и болотистой. Монастырь был почти в разрушенном состоянии, так что предположено было его упразднить: церковь и прочие здания крайне обветшали, доходы были скудные, чувствовался недостаток в самом необходимом – к продовольствию, а потому и братии было очень мало. Много надо было употребить трудов и забот, чтоб все исправить, обновить, пополнить скудость во всех отношениях. Новый настоятель не унывал; он принялся за дело с энергией. Вскоре потекли пожертвования от благочестивых жителей Вологды, чествовавших память преподобного Григория; монашествующие из тех монастырей, где проживал послушником строитель Игнатий, стали собираться в его обитель и в короткое время составили в ней братство до тридцати человек. Богослужение приведено в надлежащий порядок: обитель и внешне и внутренне обновилась, сделалась неузнаваема против того положения, в каком принял ее строитель Игнатий. Но чего стоило это ему самому? По рассказам одного очевидца, посетившего Лопотов монастырь в зиму 1832 года,

строитель Игнатий помещался в сторожке у Святых ворот, когда производилась постройка новой настоятельской кельи.

Смягчилось сердце Александра Семеновича, когда он увидел молодого сына своего в таком сане, какой приличен старческому возрасту, следовательно многое обещавшего впереди. Там, где не могла подействовать внутренняя, духовная сторона, взяла внешняя, и она вполне оказала благотворное влияние свое на Софию Афанасьевну. Строитель сын часто стал бывать в доме родителей: его могучему слову об истинах загробной жизни покорилось сердце матери, часто болевшей и чувствовавшей себя близкою к смерти. Мать напиталась духовными беседами сына; понятия ее изменились; из плотских сделались духовными: она благодарила Бога, что сподобил ее иметь первенца своего в числе Его служителей, тогда как прежде почитала это для себя великим несчастьем. Такая перемена с родительницей на пороге ее жизни несказанно радовала священноинока сына. Напутствованная его назиданиями и молитвами, София Афанасьевна мирно скончалась 25 июля 1832 года. Строитель Игнатий сам совершил обряд отпевания в храме села Покровского. Замечательно, что при этом богослужении сын не выронил ни одной слезы над бездыханным телом матери! И это происходило не от сдержанности, приличествующей предстоятелю священнослужения, или от холодности родственного чувства, а составляло особую черту его духовного характера. Чувство в нем было живо, сыновняя любовь к ма-

тери в своей естественной мере, но в нем душевный человек был заменен духовным; чувство плотского родства было вполне проникнуто духовной любовью, которая побуждала не о временной потере жалеть, а желать единственно блаженной участи усопшей – в вечности. Потому такие родственные чувства в иноке Игнатии никогда не обнаруживались своим обычным образом; они отражались в нем глубокой думой и молитвенным, безмолвным благоговением, при полном внешнем спокойствии.

В Лопотовом монастыре строитель Игнатий имел утешение встретиться и опять соединиться по жительству с любимым своим другом Чихачовым. Чихачов сделался деятельным помощником строителя Игнатия по устройству обители; он обладал отличным голосом, знал хорошо церковное пение и составил очень хороший певческий хор, который немало содействовал к привлечению в обитель многих богомольцев. Настоятель Игнатий облек его в рясофор и руководил в духовной жизни.

Вступив на новое поприще начальника иноческого общежития, отец Игнатий был в полном смысле слова аввою общества иноков. Следующий отрывок из его аскетических сочинений изображает нам, каким духом он водился в деле назидания иноков: «Скажу здесь о монастырях российских мое убогое слово, слово – плод многолетнего наблюдения. Может быть, начертанное на бумаге, оно пригодится для кого-нибудь! – Ослабела жизнь иноческая, как и вообще христиан-

ская, ослабела иноческая жизнь потому, что она находится в неразрывной связи с христианским миром, который, отделяя в иночество слабых христиан, не может требовать от монастырей сильных иноков, подобных древним, когда и христианство, жительствовавшее посреди мира, преизобиловало добродетелями и духовной силою. Но еще монастыри, как учреждение Святаго Духа, испускают лучи света на христианство; еще есть там пища для благочестивых; еще есть там хранение евангельских заповедей, еще там строгое и догматическое и нравственное православие; там, хотя редко, крайне редко, обретаются живые скрижали Святаго Духа. Замечательно, что все духовные цветы и плоды возросли в тех душах, которые в отдалении от знакомства внутри и вне монастыря возделали себя чтением Писания и святых отцов, при вере и молитве, одушевленной смиренным, но могущественным покаянием. Где не было этого возделания, там – бесплодие.

В чем состоит упражнение иноков, для которого – и самое иночество? Оно состоит в изучении всех заповеданий, всех слов Искупителя, в усвоении их уму и сердцу. Инок соделывается зрителем двух природ человеческих: природы поврежденной, греховной, которую он видит в себе, и природы обновленной, святой, которую он видит в Евангелии. Десятословие Ветхого Завета отсекало грубые грехи, Евангелие исцеляет самую природу, болезнующую грехом, стяжавшую падением свойства греховные. Инок должен при свете

Евангелия вступить в борьбу с самим собою, с мыслями своими, с сердечными чувствованиями, с ощущениями и пожеланиями тела, с миром, враждебным Евангелию, с миродержателями, старающимися удержать человека в своей власти и плене. Всесильная истина освобождает его (см. Ин.8:32); освобожденного от рабства греховных страстей запечатлевает, обновляет, вводит в потомство Нового Адама, всеблагий Дух Святый…»[12]

Преосвященный вологодский Стефан, видя неутомимые и полезные труды строителя Игнатия по возобновлению и благоустройству Лопотовой обители, возвел его в сан игумена 28 мая 1833 года, но болотистая местность Лопотова монастыря уносила последние остатки здоровья и наконец совсем уложила его на одр болезни. Чихачов томился душой за своего настоятеля и, не видя никакого другого исхода бедственному положению, осмелился предложить ему свою мысль – переселиться из Лопотова монастыря куда-либо в другое место. Мысль эта была одобрена игуменом, и решено было ехать Чихачову на свою родину, в Псковскую губернию, хлопотать о перемещении их в один из тамошних монастырей. Напутствованный благословением своего настоятеля, отправился Чихачов в преднамеренный путь. Приехав в Петербург, он обратился к графине Анне Алексеевне Ор-

---

[12] *Всесильная истина освобождает его (см. Ин.8:32); освобожденного от рабства греховных страстей запечатлевает, обновляет, вводит в потомство Нового Адама, всеблагий Дух Святый…* – Аскетические опыты. Т. 1.

ловой-Чесменской, с которою незадолго прежде имел случай познакомиться. Это было в первую его поездку из Лопотова монастыря, когда он ездил на свою родину для устройства дел семейных; тогда в первый раз встретил он графиню в Новгородском Юрьеве монастыре, в кельях настоятеля, знаменитого архимандрита Фотия. Графиня ласково приняла Чихачова и пожертвовала в Лопотов монастырь несколько книг и 800 рублей денег. С тех пор Брянчанинов и Чихачов пользовались милостивым расположением графини Орловой, что продолжалось до самой ее кончины. На этот раз графиня Анна Алексеевна также радушно приняла Чихачова, дала помещение в своем доме, снабдила всем нужным и деятельно стала хлопотать о перемещении игумена Игнатия из Лопотова монастыря. Чихачов, находясь в столице, в кругу знатного общества, посещавшего графиню, намеревался уже возвратиться обратно в Лопотов монастырь, но графиня его удержала и советовала ему представиться Московскому митрополиту Филарету, который тогда находился в Петербурге. Чихачов явился на Троицкое подворье. Высокопреосвященный милостиво принял лопотовского монаха и сказал: «Мне не безызвестны жизнь и качества игумена Игнатия» – и предложил тому настоятельское место в Николо-Угрешском третьеклассном монастыре своей епархии, если пожелает он туда переместиться, обещаясь потом доставить и лучшее. Чихачов поблагодарил милостивого владыку и осмелился выразить пред ним опасение, что игумену

Игнатию неудобно будет самому проситься из Вологодской епархии, так как он пострижен лично вологодским архиереем, который может оскорбиться таким поступком своего постриженца. «Хорошо, – сказал митрополит, – я сделаю предложение об этом в Синоде и надеюсь, что мне не откажут». На другой день был послан из Синода указ в Вологду к преосвященному Стефану о перемещении игумена Лопотова монастыря Игнатия в Николо-Угрешский монастырь, куда, по сдаче своего монастыря, и предписывалось его немедленно отправить.

Преосвященный Стефан доброжелательно отнесся к этому событию. Напутствовав игумена Игнатия своим благословением на новое служебное место, он сделал следующий отзыв о нем в своем отношении к митрополиту Московскому от 28 ноября 1833 года: «Игумен Игнатий по пострижении в 1831 году, по указу Святейшего Правительствующего Синода, в монашество, состоя в числе братии третьеклассного Глушицкого монастыря, похвальными своими качествами и образованностью своей в науках всегда обращал на себя особое мое внимание, почему взят был в вологодский архиерейский дом и, по рукоположении во иеродиакона, а потом в иеромонаха, употребляем был для соборного священнослужения, где более и более замечая в нем отличные способности, украшаемые похвальным поведением, в 1832 году января 6, я определил его, Игнатия, на место умершего в Лопотове монастыре строителя иеромонаха Иосифа строите-

лем, и, будучи, он в сей новой возложенной на него должности, образом примерной своей жизни, учреждением в монастыре порядка, согласно правилам и уставам монастырским, точным наблюдением должного в монастыре благоприличия, обращая на себя от публики особенное внимание, успел возродить в почитателях святой обители усердие и тем достиг возможности Лопотов монастырь, пришедший уже в совершенный упадок и расстройство, привести ныне в короткое время в наилучшее состояние, как то: 1) заведением многоценных серебряных святых сосудов, Евангелия и облачений, и многих других для благолепия церковного служащих вещей, и 2) устроением настоятельских и братских келий, а потом поправкою многих ветхих монастырских строений, каковая его, Игнатия, полезная для обители святой служба, а притом и отзывы публики о похвальных его качествах убедили меня сего года мая 28-го дня, для поощрения его к дальнейшей таковой же службе, произвести в игумена, с оставлением в том же заштатном Лопотове монастыре настоятелем, о каковой его, игумена Игнатия, отлично-похвальной службе за нужное почел довести при сем до сведения Вашего Высокопреосвященства».

Чихачов, обрадованный столь успешным исходом своего ходатайства, отправился из Петербурга на родину в Псковскую губернию, чтоб навестить своих родителей. Здесь, вскоре по приезде, получает он письмо от графини Орловой-Чесменской, в котором она извещает его, что все собы-

тия жизни игумена Игнатия и его самого дошли до сведения Государя Императора Николая Павловича и что Его Императорское высочество изволил вспомнить бывших своих воспитанников и приказал митрополиту Московскому вызвать игумена Игнатия не в Москву, а в Петербург, для личного представления Ему, причем прибавил, что если Игнатий Ему также понравится, как и прежде, то Он его митрополиту Филарету не отдаст. Высокопреосвященный Филарет, во исполнение этой Высочайшей воли, официальным письмом от 15 ноября 1833 года на имя вологодского епископа Стефана просил его как можно скорее отправить игумена Игнатия прямо в Петербург, а частным собственноручным письмом своим к игумену Игнатию требовал, чтобы он, нисколько не медля, прибыл к нему в Петербург на Троицкое подворье. «Это распоряжение должно быть исполнено безотлагательно, – писал Московский владыка, – потому что это воля не моя».

27 ноября игумен Игнатий сдал Лопотов монастырь своему казначею, а 30 ноября выехал в С.-Петербург. К этому времени возвратился туда и Чихачов, с нетерпением ожидавший приезда своего игумена. Приехав в столицу, игумен Игнатий немедля представился митрополиту Филарету, который приютил его на своем Троицком подворье, где и поджидал он времени, когда будет назначено ему явиться к Государю.

В назначенный день и час игумен Игнатий представился

Государю в Зимнем дворце. Государь обрадовался, увидев своего воспитанника, «а радость, – пишет Чихачов, – предстать любимому Царю, полнота благодарного чувства за все Его Монаршие милости доводили до благоговейного восторга теплую душу инока верноподданного». После некоторых объяснений Государь изволил сказать: «Ты мне нравишься, как и прежде! Ты у меня в долгу за воспитание, которое я тебе дал, и за мою любовь к тебе. Ты не хотел служить мне там, где я предполагал тебя поставить, избрал по своему произволу путь – на нем ты и уплати Мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь, хочу, чтоб ты жил в ней и сделал бы из нее монастырь, который в глазах столицы был бы образцом монастырей». Затем Он повел игумена на половину к Государыне Императрице Александре Феодоровне. Войдя к Ней, спросил Ее: узнает ли Она этого монаха? На отрицательный ответ Он назвал игумена по фамилии. Государыня очень милостиво отнеслась к своему бывшему пенсионеру и заставила благословить всех детей Ее. Государь тут же изволил послать за обер-прокурором Синода Нечаевым, который доложил Его Величеству, что Сергиева пустынь имеет особое назначение – она отдана викарному епископу при С.-Петербургском митрополите и доходами ее пользуется епископ взамен содержания от духовной администрации. Тогда Государь приказал справиться, как велика сумма дохода, получаемая викарным епископом от монастыря, и в этом размере производить ему выдачу суммы из кабинета, а мона-

стырь сдать в полное управление назначенного Им настоятеля. Обер-прокурор объявил Святейшему Синоду Высочайшую волю, и преосвященному Венедикту, бывшему тогда викарным, дан указ Синода сдать пустынь игумену Игнатию, а самому получать 4000 рублей ассигнациями содержания от кабинета. Тогда же, по распоряжению Синода, игумен Игнатий был возведен в сан архимандрита, что исполнено было в Казанском соборе 1 января 1834 года, а 5-го числа того же месяца новый настоятель выехал в свою обитель в сопровождении Чихачова и только что принятого в келейники двадцатидвухлетнего юноши Иоанна Малышева, который впоследствии, через двадцать три года, сделался преемником своего старца в настоятельстве обители, с саном архимандрита.

Слово о человеке

Аще быхом себе разсуждали, не быхом осуждены были.
(1 Кор. 11, 31)

Введение

Из монастырского уединения смотрю на видимое нами великолепное и обширное мироздание – поражаюсь недоумением и удивлением. Повсюду вижу непостижимое! Повсюду вижу проявление Ума, столько превышающего мой ум, что я, созерцая бесчисленные произведения Его в необъятной картине мира, вместе не могу понять окончательно ни одного произведения Его, ни одного действия Его. Мне дана возможность созерцать только ту часть творения, которая доступна моим чувствам; мне дана возможность осязательно убедиться в существовании вещества, доступного для чувств моих по его свойствам, недоступного для меня по ограниченности моей[13]; мне дана возможность заключать

[13] Так, например, вещество, из которого составлена Земля, доступно для наших чувств. Но кора Земли исследована только на самую незначительную глубину: дальнейшее исследование превышает средства человеческие, и доступное само по себе делается недоступным по невозможности исследования *(здесь и далее прим. авт.)*.

со всей достоверностью по веществу, подверженному моим чувствам и исследованию, о существовании вещества, недоступного для меня по тонкости его; мне дано узнать, что природа управляется обширнейшим, премудрым законодательством, что законодательство это одинаково объемлет и громаднейшие и самомалейшие творения. Ничто из существующего не изъято из подчинения законам. Мне дано узнать, узнать лишь отчасти и поверхностно, малейшую часть законов природы, чтоб из этого познания, составляющего плод тысячелетних усилий и славу ума человеческого, я заключил положительно о существовании Ума неограниченного, всемогущего[14]. Возвещает Его, громко проповедует природа. Во мне естественно существует понятие о Боге: понятие это не может быть не запечатлено неомрачимым сознанием, которое почерпает душа из рассматривания природы чистым оком. Непостижима она для меня! Тем непостижимее делается она, чем я более ввожусь в постижение ее! Должна быть она непостижимою, будучи произведением непостижимого Бога! Непостижимо для меня раскинут широкий свод небес, утверждены на своих местах и в своих путях огромные светила небесные: столько же непостижимо произрастает из земли травинка, небрежно попираемая ногами. Она тянет из земли нужные для себя соки, разлагает их, образует из них свойственные себе качество, вкус, запах, цвет, плод; возле нее другой стебелек, из той же земли, из таких же со-

[14] Рим. 1, 20.

ков, вырабатывает принадлежности совсем иные, последуя отдельным, своим законам, и часто возле вкуснейшей ягоды или благовоннейшего цветка произрастает злак, напитанный смертоносным ядом.

Среди предметов необъятного мироздания вижу и себя – человека. Кто я? Откуда и для чего являюсь на земле? Какая вообще цель моего существования? Какая причина и цель моей земной жизни, этого странствования, краткого в сравнении с вечностью, продолжительного и утомительного в отношении к самому себе? Являюсь в бытие бессознательно, без всякого со стороны моей согласия; увожусь из этой жизни против моей воли, в час неопределенный, непредугаданный. Являюсь и увожусь, как невольник. Более! Являюсь и увожусь, как творение. Живу на земле, не зная будущего. Мне неизвестно, что сделается со мною чрез день, чрез несколько минут. Постоянно встречаюсь с неожиданным. Постоянно нахожусь под влиянием обстоятельств и обстановки, которые порабощают меня себе. Одна привычка, одна проводимая безрассудно жизнь мирит с таким странным положением. Не может оно укрыться от наблюдателя. Что делается со мною, когда я, пробыв на земле срочное время, исчезаю с лица ее, исчезаю в неизвестность, подобно всем прочим человекам? Способ отшествия моего из земной жизни страшен: он именуется смертью. С понятием о смерти соединено понятие о прекращении существования; но во мне живет убеждение невольное, естественное, что я

– бессмертен. Чувствую себя бессмертным: постоянно действую из этого чувства. Умирающие при сохранении сознания говорят и действуют, как отходящие и переселяющиеся, отнюдь не как уничтожающиеся. Человек – тайна для самого себя.

Неужели эта тайна запечатана окончательно и нет никакого средства раскрыть ее? Да! Запечатал ее для человека грех, запечатало ее для него падение его. Человек лишен истинного самовоззрения и самопознания. Доколе я пребываю в падении моем, дотоле тайна – человек – пребывает для меня неразъяснимой: извращенный, пораженный слепотою и ложью разум мой недостаточен для раскрытия ее. Не понимаю души моей, не понимаю тела моего; понятия, которые думаю иметь о них, оказываются, при рассмотрении неповерхностном и нелегкомысленном, очень недостаточными, по большей части ошибочными. Блуждают во мраке самообольщения и заблуждения мудрецы мира, возмечтавшие и произнесшие о человеке учение произвольное и суетное, заменяя истину предположениями; в ту же пропасть самообольщения и заблуждения влекутся слепцы, руководимые слепцами. Тайна – человек – отверзается в степени, доступной и нужной для нас, вочеловечившимся Богом, Господом нашим Иисусом Христом, в Нем же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна[15]. Приобретаемое при посредстве Божественного откровения познание о человеке все еще

[15] Кол. 2, 3.

остается относительным: относительным к ограниченности постижения нашего, относительным к существенной нужде нашей в познании. Бог дарует нам самовоззрение и самопознание, необходимые для покаяния, для спасения или, что то же, для вечного блаженства нашего; но основная причина создания человека, существенное условие бытия его, самое существо его ведомы единому Богу. Действия неограниченного Творца не могут быть объяснены со всей точностью тварям, хотя и разумным, ни постигнуты ими. Полное и совершенное познание всех тварей имеет один Творец их, Бог. Это познание отличается от познания, свойственного и возможного нам, различием бесконечным.

Озаряемые светом Слова Божия, светящего нам из Священного Писания и из писаний Святых Отцов, мы предлагаем здесь учение Святого Духа о человеке, предлагаем сообразно скудости способностей наших, особливо же сообразно скудости духовного преуспеяния нашего. Все, что изрек о сем предмете лжеименный разум падшего человека и бесовский, горделиво и исключительно признающий себя и здравым и просвещенным, мы оставляем без всякого внимания. Поступая так, мы последуем завещанию Духа, завещавшего христианству чрез посредство апостола: *Блюдитеся, да никтаже вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе*[16].

[16] Кол. 2, 8. Преподобный Макарий Великий, беседа 49, 4.

Определение человека

Что такое – человек? На этот вопрос отвечает человекам Апостол: *вы есте церкви Бога Жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут Мне людие*[17]. Священное Писание называет всякого вообще человека домом, обителью, сосудом. Тот человек, который не захочет быть домом Божиим, сосудом Божественной благодати, соделывается домом и сосудом греха и сатаны. *Егда нечистый дух*, – сказал Спаситель, – *изыдет от человека, проходит сквозе безводная места, ища покоя, и не обретает. Тогда речет: возвращуся в дом мой, отнюдуже изыдох: и пришед обрящет празден, пометен и украшен. Тогда идет и поймет с собою седмь иных духов лютейших себе, и вшедше живут ту: и будут последняя человеку тому горша первых*[18]. Человек не может не быть тем, чем он создан: он не может не быть домом, не быть жилищем, не быть сосудом. Не дано ему пребывать единственно с самим собою, вне общения: это ему неестественно. Он может быть с самим собою только при посредстве Божественной благодати, в присутствии ее, при действии ее: без нее он делается чуждым самому себе и

---

[17] 2 Кор. 6, 16.

[18] Мф. 12, 43. Лк. 11, 24. См. объяснение этих слов Евангелия блаженным Феофилактом Болгарским, также в Слове о различных состояниях естества человеческого по отношению к добру и злу (Аскетические опыты, т. II, изд. 1865 г.).

подчиняется невольно преобладанию падших духов за произвольное устранение из себя благодати, за попрание цели Творца. Апостол, благоговейно созерцая свободу, которую Бог предоставил человекам преуспевать как в добре, так и во зле во время всей земной жизни, говорит: *Яко камение живо зиждитеся в храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоприятны Богови Иисус Христом. В велицем дому мира не точию сосуди злати и сре*бряни суть, но и древяни и глиняни; и ови убо в честь, ови*же не в честь. Аще убо кто очистит себе от сих, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен Владыце*[19]. Дана свобода, но воля Божия пребывает неизменною: *Сия есть воля Божия – святость ваша, хранити себе самех от блуда, и ведети комуждо от вас свой сосуд стяжавати во святыни и чести, а не в страсти похотней, якоже и языцы, не ведящии Бога. Не призва бо нас Бог на нечистоту, но во святость. Темже убо отметаяй, не человека отметает, но Бога, давшаго Духа Своего Святаго в нас*[20]. Соделывается человек сосудом и жилищем Божиим посредством христианства; устраивается и украшается жилище действием Святого Духа: *вы созидаетеся*, – говорит Апостол, – *в жилище Божие Духом*[21]. Вожделенно для человека удовлетворение Божественной цели! Вожделенно для человека достижение достоинства, предо-

[19] 1 Пет. 2, 5; 2 Тим. 2, 20, 21.

[20] 1 Сол. 4, 3–8.

[21] Еф. 2, 22.

ставленного ему Богом! Достоинство это при сотворении человека было даром Божиим; потерянное падением, оно по искуплении опять соделалось даром Божиим. *Преклоняю колена моя*, – пишет святой Павел к Ефесеям, – *ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердитися Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу верою в сердца ваша*[22]. Достоинство даровано и законоположено Богом: отвержение достоинства влечет за собою вечную погибель. *Будите во Мне и Аз в вас*, – сказал Спаситель всем ученикам Своим – христианам. – *Якоже розга не может плода сотвориши о себе (сама собою), аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете. Аз есмь лоза, вы же рождие, и иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсыщет, и собирают, и во огнь влагают, и сгорает*[23]. *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему пришедем, и обитель у него сотворим*[24]. Соделались храмами Божества все избранники Божии, как говорит о себе святой Апостол Павел: *Живет во мне Христос*[25]. Неудовлетворивших Божественному назначению он называет не тем, чем они должны

[22] Еф. 3, 14, 16, 17.

[23] Ин. 15, 4–6.

[24] Ин. 14, 23.

[25] Гал. 2, 20.

быть. *Или не знаете себе,* – говорит он, – *яко Иисус Христос в вас есть? Разве точию чим неискусни есте, то есть* (по русскому переводу) *«разве только вы не то, чем должны быть»*[26]. За неудовлетворение человеком назначению своему Апостол возвещает ему вечное бедствие. *Не весте ли,* – говорит он, – *яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто Божий храм растлит*[27], растлит сего Бог отступлением от него, преданием собственному состоянию падения, общению с падшими духами и последствию их – погребению на веки во адской огненной бездне. *Храм Божий свят есть, иже есте вы*, – то есть «храм Божий свят, а этот храм – вы»[28]. *Не только души, но и телеса ваша храм живущего в вас Святого Духа суть, Егоже имате от Бога, получив в себя при таинстве крещения, и несте свои: куплени бо есте ценою Крови Богочеловека. Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия*[29]. Основываясь на этих свидетельствах Святаго Духа, определяем человека так: «Человек есть Богозданный храм Божества по душе и телу».

Предлагаем возлюбленным братиям, инокам и всем вообще подвижникам христианства, желающим подвизаться правильно, законно, соответственно воле Божией, предлагаем

---

[26] 2 Кор. 13, 5.

[27] «Растлевати» – соблазнять, развращать; разорять, сокрушать, повреждать.

[28] 1 Кор. 3, 16–17.

[29] 1 Кор. 6, 19–20.

обратить должное внимание на сделанное нами определение человека! Указание и объяснение правильного подвига составляет цель нашего убогого Слова. Плод правильного, предначертанного Святым Духом подвига – обновление подвижника Божественною благодатью и водворение Христа с Его Отцом и Духом в Его храме – человеке. «Тех, которые не ощущают вселения Христова, – сказал некоторый великий Отец, – Священное Писание именует неискусными, то есть не знающими опытно христианства»[30]. К правильному подвигу, как к существенно необходимому, приглашает Апостол служителя Христова. *Злопостражди*, – говорит он, – *яко добр воин Иисус Христов. Аще и подвизается кто, не венчается, аще не законно будет подвизатися»* [31].

Естественно, что учение Священного Писания о человеке возвещается и проповедуется единогласно Отцами Православной церкви. «Мы дом Божий по слову пророческому, Евангельскому и Апостольскому», – сказал преподобный Марк Подвижник[32]. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Благодать Святаго Духа соделывает нас самих, если мы проводим благочестивую жизнь, храмами Божиими, и мы получаем способность молиться на всяком месте. Не таково у нас богослужение, каковым было оно некогда у иудеев, сопряженное со значительной наружной обстановкой, нуждавшее-

---

[30] Преподобный Марк Подвижник. О законе духовном, гл. 27.

[31] 2 Тим. 2, 3, 5.

[32] Гл. 224. О мнящихся от дел оправдитися.

ся в многих обрядах. Там намеревавшемуся принести молитву долженствовало прийти ко храму, купить горлицу, иметь в руках дрова и огонь, пригласив жреца, приступить к алтарю, сверх того, исполнить много других постановлений: здесь ничего нет такого; где бы ты ни был, приуготовлен тебе и алтарь, и жрец, и жертва. Ты сам и алтарь, и священник, и приношение»[33]. *Вы есте церкви Бога Жива*[34]. «Этот дом укрась, извергни всякое греховное помышление, чтоб соделаться драгоценным членом Христа, чтоб соделаться храмом Духа»[35]. *Основания иного никтоже может положити паче лежащего, еже есть Иисус Христос*[36], *о Немже всяко создание составляемо* (то есть зиждется всякое здание)[37]. Самое дело, будучи рассмотрено со вниманием и точностию, показывает, что основание иначе положено быть не может, как трезвенным и правильным жительством. *Здание растет*, – говорит Апостол, – *в церковь Святую о Господе, – часто повторяет он это, – в святой храм, в жилище Божие Духом*[38]. Что это за здание? Храм, предназначаемый в обитель для Бога. «Каждый из вас есть храм, и все вообще составляете

---

[33] Sanct. Chrysost., pag. 667. Sermo de Anna. Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 4, с. 820.

[34] 2 Кор. 6, 16.

[35] Sanct. Chrysost., I, pag. 915. Contraiudeoi sermo VI. Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 1, с. 718.

[36] 1 Кор. 3, 11.

[37] Еф. 2, 21.

[38] Еф. 2, 21, 22.

храм, в котором жительствует Бог, как в Теле Христовом, как в духовном храме»[39]. Учение святого Иоанна Златоустого читаем и в возвышенных словах святого Исаака Сирского. Епископ Ниневии и отшельник в пустынях Месопотамии, а потом Египта (Исаак) уясняет это учение из опытов святого подвижничества. «Дерзаю утверждать, – говорит Исаак, следуя святому Павлу, – что мы – храм Божий. Очистим храм Его, потому что Он чист, чтоб Он возжелал вселиться в него. Освятим его, потому что и Он свят. Украсим его всеми делами благими и благолепными. Покадим его кадилом – упокоением Бога, исполнением воли Его, чистою и сердечною молитвою, которой невозможно стяжать при частом общении с миром участием в действиях его[40]. *Тогда осенит душу облак славы Божией, и свет величия Его воссияет внутри сердца»*[41]. Небо – внутри тебя, если будешь чист: в самом себе увидишь ангелов со светом их, и Владыку их с ними и внутри их. *Сокровище смиренномудрого внутри его: оно – Господь*[42]. Храм благодати тот, кто растворен с Богом и пребывает в попечении о суде Его. Что значит пребывать в попечении о суде Его? Не что иное, как непрестанно изыски-

---

[39] Sanct. Chrysost., XII, pag. 14. Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. 11, с. 50.

[40] Очевидно, что это участие может быть лишь сердечным: и такого участия достаточно для отъятия у сердца сосредоточенной, неразвлеченной молитвы. Чтоб стяжать неразвлеченную молитву, должно верою возложить все попечения свои на Бога.

[41] Слово 68-е.

[42] Слово 8-е.

вать все средства к упокоению Его[43], непрестанно скорбеть и печалиться по причине немощи естества нашего, непопускающей нам достигнуть совершенства, непрестанно заботиться о том, чтоб постоянно содержать в душе своей непрерывающуюся память Божию[44], как сказал блаженный Василий. Сосредоточенная молитва, чуждая развлечения, соделывает в душе волю Божию явственной. В этом заключается вселение Бога в человека, когда Бог, постоянным памятованном Его, напечатлеется (водрузится) в человеке [45]. Святому Исааку был предложен вопрос: «В чем заключается совокупность всех частных подвигов жительства, то есть безмолвия, чтоб по ней подвижник мог уразуметь, что он достиг совершенства в жительстве?» Великий Отец дал вопросу следующее решение, которое можно было дать только из глубокой подвижнической опытности: «Когда безмолвник достигнет постоянного пребывания в молитве. Достигший этого достиг высшей грани всех добродетелей и отселе соделался жилищем Святаго Духа. Если кто с достоверностию[46] не приял в себе благодати Утешителя, тот не может свободно пребывать

---

[43] Упокоевается Бог человеком тогда, когда человек пребывает в преданности и покорности воле Божией, или, что тоже, в учении Евангелия.

[44] Память Божия или Поучение состоят в непрестанной молитве. См. о сем во 2-й части «Аскетических опытов».

[45] Слово 89-е.

[46] Присовокупление этого слова служит намеком, что многие, чуждые благодати, приписывают ее себе, а другие признают благодатью вкравшуюся в них бесовскую прелесть.

таким образом в молитве. Дух, говорит Писание[47], когда вселится в кого из человеков, не престает от молитвы: потому что Сам Дух непрестанно молится. Тогда молитва не пресекается в душе ни во время сна, ни во время бодрствования; но ест ли человек или пьет, или что другое делает, даже во время глубокого сна, благоухания и пары молитвы этой без труда источаются из его сердца. Тогда молитва не отлучается от подвижника, но постоянно пребывает в нем и с ним: если она и умолкает по наружности на краткое время, то тайно она же служит в нем»[48].

Преподобный Макарий Великий очень часто в глубоких беседах своих к совершенным христианам обращается к объяснению назначения, данного человеку Творцом. Он постоянно выражается о человеке, как об обители, храме, сосуде, Престоле Божества. *«Благоизволил Небесный Отец обитать во всяком, верующем в Него и просящем у Него*[49]*. Так восхотело беспредельное милосердие Отца! Так угодно непостижимой любви Христовой! Таково благоволение неиз-*

---

[47] Рим. 8, 26.

[48] Слово 21-е. Святой Исаак согласно с прочими Отцами (Слово 1, Слово 84) научает, что Христос насаждается в сердца наши таинством Святого Крещения, как семя в землю. Дар этот сам собою совершен, но мы его или развиваем, или заглушаем, судя по тому, какое проводим жительство. По этой причине дар сияет во всем изяществе своем только в тех, которые возделали себя Евангельскими заповедями и по мере этого возделания. См. Преподобного Марка Подвижника «Слово о крещении», Ксанфопулов главы 4, 5 и 7; также Слово о трех отношениях естества человеческого к добру и злу («Аскетические опыты», ч. 2).

[49] Ин. 14, 21, 23.

глаголанной Божией благости[50]*. Внутренний человек есть некое живое существо, имеющее свой образ и вид: внутренний человек есть подобие внешнего человека. Это – превосходнейший и драгоценнейший сосуд, потому что Бог благоволил о нем более, нежели о всех тварях*[51]*. Престол Божества есть ум наш, и наоборот, престол ума есть Божество и Дух. Подобно этому, по преступлении заповеди Адамом, на его сердце, ум и тело, как на свой престол, воссели сатана, начала и силы тьмы. Для разрушения их царства пришел Господь, приняв плоть от Девы, и низложил духов злобы, восседающих в теле, с престолов их: с разума и помышлений, в которых они обитали. Господь очистил совесть, соделал Своим престолом разум, помышление и тело*[52]*. Естество наше может быть в общении с демонами и лукавыми духами, равно как и в общении с ангелами и Святым Духом, бывает храмом сатаны и храмом Святаго Духа. Итак, рассматривайте, братия, совесть вашу: с кем вы находитесь в общении, с ангелами ли или с демонами? Чей вы храм и жилище, Божие ли или диавольское? Каким сокровищем наполнено сердце ваше, благодатным ли или сатанинским? Как дом, осквернённый зловонием и нечистотами, должно, во-первых, окончательно очистить, потом украсить и наполнить всяким благовонием и сокровищами: так должно нам*

[50] Беседа XVIII, гл. 6.

[51] Беседа XVI, гл. 7.

[52] Беседа VI, гл. 5.

очистить и сердце, чтоб вместо сатаны пришел Дух Святый и почил в душах христианских[53]*. Души, ищущие естеству своему Странника, то есть освящение Святого Духа, прилепляются всею любовью своею ко Господу, в Нем живут, в Нем молятся, к Нему устремляют все помышления свои, презирая все прочие блага мира. За это они удостаиваются приять елей Божией благодати. После этого они могут проводить жизнь свою беспреткновенно, во всем вполне благоугождая духовному Жениху. Но души, пребывающие в одном собственном естестве, пресмыкающиеся помышлениями своими по земле, занятые попечениями единственно о земном, – разум их живет в стране дольней. Сверх того – что хуже всего – обольщенные самомнением и упорные в нем, они признают себя, будучи украшены плотскими правдами*[54]*, истинными невестами Небесного Жениха. По самой же вещи их невозможно признать рожденными Свыше, как неприявших елея радости*[55]*. Дом, в котором не живет господин его, находится в темноте, нечистоте и запустении, наполняется сором и смрадом: так и душа, в которой не обитает Господь с ангелами, наполняется греховным мраком, скверными и унизительными страстями. Горе пути, по которому никто не ходит, на котором не слышится челове-*

---

[53] Беседа XXVII, гл. 19.

[54] То есть правдами плотского мудрования или ветхого человека, отверженными Богом. Богу благоугодна одна Евангельская правда.

[55] Беседа IV, гл. 6.

ческого голоса! Такой путь соделывается притоном зверей. Горе душе, в которой не ходит Господь и не прогоняет из нее Своим гласом зверей – духов злобы! Горе дому, когда не обитает в нем владелец его! Горе земле, когда нет земледельца, который бы возделывал ее! Горе кораблю, не имеющему кормчего! Он сокрушится и погибнет от морских волн и бури! Горе душе, не имеющей в себе истинного кормчего Христа! Находясь в горестном и мрачном море, обуреваемая волнами страстей и духами злобы, бедствуя как бы от тяжкой непогоды, наконец, она подвергается погибели! Горе душе, если она не имеет в себе рачительно возделывающего ее Христа, чтоб она могла приносить благие плоды Духа! Будучи оставлена, она порастает терниями и волчцами и, наконец, подвергается потреблению огнем. Горе душе, если она не имеет обитающим в себе Господа своего Христа! Будучи оставлена, она наполняется смрадом страстей и соделывается жилищем пороков»[56].

[56] Беседа XXVIII, гл. 1, 2.

Мироздание

Сообразно определению, данному нами человеку, мы намереваемся изобразить по силам нашим чудное зодчество этого словесного храма Божия; мы намереваемся начертать духовную и нравственную историю его от создания до кончины мира: и человек сам собою, и история его представят фактическое убеждение, что единственно то назначение, которое указывается человеку Словом Божиим, а не иное, свойственно ему.

Человек сотворен Богом. Сотворением человека Творец заключил мироздание, то есть сотворение миров, видимого и невидимого. Он, прежде нежели приступил к созиданию окончательной твари, в которой восхотел сочетать миры видимый с невидимым, приуготовил для этой твари жилище – землю. Извлекал Он все из ничтожества единым словом; творил Он из преждесотворенных тварей твари новые единым словом. Для совершенного в премудрости Зиждителя труд размышления или обдумывания был излишен; для всемогущего Зиждителя труд созидания был излишен: все являлось по Его мысли, по Его слову. Его мысль есть Его слово, и Его слово есть мысль Его. *Той рече, и быша: Той повеле, и создашася*[57]. На глас Божий явились небо, земля, светила небесные, отделились от земли воды в свои хранилища, по-

[57] Пс. 148, 5.

том земля покрылась произрастениями, населилась различными животными. Земля, созданная, украшенная, благословенная Богом, не имела никаких недостатков. Она была преисполнена изящества. *Виде Бог*, по совершении всего мироздания, *вся, елика сотвори: и се добра зело*[58]. Ныне взорам нашим представляется земля совсем в ином виде. Мы не знаем ее состояния в святой девственности; мы знаем ее в состоянии растления и проклятия, знаем ее, уже обреченную на сожжение[59]; создана была она для вечности. Боговдохновенный Бытописатель говорит, что земля, в первоначальном состоянии своем, не нуждалась в возделывании[60]: сама производила преизобильно и превосходного достоинства хлебные и другие питательные травы, овощи и плоды. Никаких вредных произрастении не было на ней; растения не были подвержены ни тлению, ни болезням; и тление, и болезни, и самые плевелы явились после изменения земли вслед за падением человека, как должно заключать из слов Бога изгоняемому из рая Адаму: *Терния и волчцы возрастит тебе земля*[61]. По сотворении на ней было одно прекрасное, одно благотворное, было одно приспособленное к бессмертной и блаженной жизни ее жителей. Перемены погоды не существо-

[58] Быт. 1, 31.

[59] 2 Пет. 3, 10: Приидет день Господень яко тать в нощи, воньже небеса убо с шумом мимо идут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят.

[60] Быт. 2, 5.

[61] Быт. 3, 18.

вало: постоянно была она одинаковою – самою ясною и благорастворенною. Дождей не было: *источник исходил из земли, и напаявал лицо ее*[62]. Звери и прочие животные пребывали в совершенном согласии между собою, питаясь произрастениями[63]. Гнев Творца изменил землю. *Проклята земля в делех твоих*[64], – сказал Он человеку, поправшему заповедь Его: и отъятие благословения у земли выразилось немедленно разнообразным всеобщим расстройством ее, предвозвещающим сожжение ее, соделывающим это сожжение как бы естественною необходимостью. Пало на землю проклятие, и засвистели ветры, забушевали бури, засверкала молния, возгремел гром, явились дожди, снега, грады, наводнения, землетрясение. Животные утратили повиновение и любовь к человеку, утратившему повиновение и любовь к Богу. Они вступили в враждебные отношения к нему. Одних он покоряет себе насильно и содержит в повиновении насильно; с другими он – во вражде и войне непримиримой и убийственной. Весьма-весьма немногие породы остались с приверженностью к нему, как бы грустный памятник и образец прежней всеобщей любви; большинство удалилось и укрылось от него в дремучие леса, в обширные степи, в ущелья гор и темные пещеры. Дикие и неприязненные взоры кидают они на прежнего обладателя своего, когда неожиданно

[62] Быт. 2, 5, 6.

[63] Быт. 1, 30.

[64] Быт. 3, 17.

встретятся с ним. Они как бы видят в нем преступника, врага Божия: одни быстро бегут от него, другие с остервенением кидаются на него, чтоб растерзать его. В неприязненные отношения вступили животные и между собою: оставив пищу, сначала для них предназначенную, ощутив изменение в самом естестве своем, которое приобщилось проклятию, поразившему землю, они восстали друг на друга, начали пожирать друг друга. Смерть, которой обречены были наши праотцы за грех свой, смерть, которую они ощутили и в душе и в теле по отступлении Божественной благодати, но которой явного последствия еще не ведали, они увидели и уведали на животных. Первые убийства совершены были без сомнения зверями, потом человек начал закалать животных для жертвоприношения[65]; наконец, явилась смерть между человеками от убийства, совершенного братом-злодеем над братом-праведником[66]. До греха не было в мире смерти. Смерть вошла в мир грехом[67], быстро объяла, заразила, неисцельно повредила мир. Разрушение мира соделалось необходимостью: разрушение его есть естественное последствие его смертного недуга. Сгорит земля в последний день этого ветхого, изветшавшего мира; попадают светила небесные с мест своих, как бы с смоковницы плоды ее, сшибаемые ветром;

---

[65] Быт. 4, 4.

[66] Быт. 4, 8.

[67] Рим. 5, 12.

самое небо свиется, как одежда, и исчезнет[68]. Малые черты первоначального состояния земли, сохраненные для нас Книгою Бытия, показывают, какое огромное, какое горестное, непостижимое для нас изменение совершилось над землею по падении человека.

Мы упомянули выше о мирах видимом и невидимом[69]. Это понятие – относительное. Оно образовалось в нас из состояния падения, в котором мы находимся, в котором очень естественно называть видимую нами часть создания Божия миром видимым, а невидимую – миром невидимым. В сущности этого разграничения нет[70]. К невидимому миру мы причисляем ангелов и ту часть вселенной, которая служит жительством для них. Бытописатель ничего не говорит о сотворении ангелов, но из Священного Писания видно, что они сотворены прежде видимого мира. Описание мироздания заключается единственно в описании сотворения видимого мира, который мы также называем миром вещественным. Это название – опять относительно; в описании мироздания говорится о предметах вещественного мира, находящихся вне земли, только по отношению их к земле и челове-

---

[68] 2 Пет. 3, 10; Апок. 6, 14.

[69] Мироздание описано в 1 и 2 главах Книги Бытия.

[70] Действие чувств в святых мужах, обновленных Святым Духом, гораздо обширнее, нежели у людей, пребывающих в области падения. Даже некоторые механические средства, каковы зрительные трубы, телескоп, микроскоп и другие, распространяют действие чувств и соделывают видимым то, что в обыкновенном состоянии нашем невидимо.

ку. Дух Святой поведает нам о мироздании столько, сколько требует того существенная наша нужда, а не столько, сколько желало бы любопытство кичащегося разума, злоупотребляющего познаниями. Так, поведается о светилах небесных, что они сотворены с целию *освещати землю, и да будут в знамения, и во времена, и во дни, и в лета, и да будут в просвещение на тверди небесней, яко светити по Земли*[71]. Слово Божие доставляет познания, необходимые для жительства богоугодного – жительство богоугодное соделывает человека обителью Святаго Духа, Который и научает своеобразно, не по стихиям мира, словесный сосуд Свой высокому учению Божественной истины, невыносимому и несвойственному для разума плотского и душевного[72]. Мироздание совершилось в шесть дней; завершилось оно сотворением человека.

[71] Быт. 1, 14, 15.

[72] Ин. 16, 12, 13; 1 Кор. 2, 13, 14.

Сотворение человека

Бог сотворил человека по *образу* и *подобию* Своему. Под словом *образ* должно разуметь, что самое существо человека есть снимок (портрет) с Существа Божия; а *подобием* выражается сходство в самых оттенках образа или его качествах. Очевидно, что образ и подобие, сопряженные вместе, составляют полноту сходства; напротив того, утратою или искажением подобия нарушается все достоинство образа. Бог сотворил человека по образу и подобию Своему: следовательно, сотворил его совершенным образом Своим. Человек был отпечатком Божества не только по существу своему, но и по нравственным качествам – по премудрости, по благости, по святой чистоте, по постоянству в добре. Зло или недостаток не могли иметь никакого места в человеке: несмотря на свою ограниченность, он был совершен; несмотря на свою ограниченность, он имел полноту сходства с Богом. Полнота сходства необходима была для того, чтоб человек удовлетворял своему назначению – назначению быть храмом Всесовершенного Бога. Ум человека долженствовал быть Умом Божиим[73], слово его долженствовало быть Словом Божиим[74], дух его должен быть соединен с Духом Бо-

[73] 1 Кор. 2, 16.

[74] 1 Кор. 7, 12; 2 Кор. 13, 3.

жиим[75], его качества должны быть Богоподобными[76]. Вселение Бога в человека есть вместе и теснейшее соединение Бога с человеком; человек-тварь соделывается причастником Божественного естества![77] Человек, достигший такого состояния, называется богом по благодати! К такому состоянию призваны все мы Творцом при сотворении, в прародителях наших, как возвестил Сам Творец: *Аз рех: бози есте*[78]. В таком состоянии находился наш праотец немедленно по сотворении его, так что слова, сказанные им о жене, Спаситель мира прямо назвал Словами Божиими[79].

Священное Писание представляет Бога совещавающимся с Самим Собою пред сотворением человека. *Сотворим человека*, – произнесло непостижимым образом Непостижимое Божество, – *по образу Нашему и по подобию; и да обладает рыбами морскими и птицами небесными, и зверьми и скотами, и всею землею, и всеми гады, пресмыкающимися по земли*[80]. В этих словах, предшествовавших сотворению дивного образа Божия, открывается и свойство Самого Первообраза – Бога, открывается Троичность Лиц Его. Совещание Божественное, предшествовавшее созданию человека-мужа,

---

[75] 1 Кор. 6, 17.

[76] Мф. 5, 48.

[77] 2 Пет. 1, 4.

[78] Пс. 81, 6.

[79] Быт. 2, 24; Мф. 19, 4, 5.

[80] Быт. 1, 26.

предшествовало и созданию человека-жены. *И рече*, – говорит Писание, – Г*осподь Бог: не добро бытн человеку единому: сотворим ему помощника по нему*[81]. Жена, подобно мужу, создана по образу и подобию Божиим; создание ее, как и создание мужа, почтено совещанием, в котором проявляются Три Лица Единого Божества и произносят величественное *сотворим*, изображающее едину волю и одинаковое достоинство Лиц Всесвятой Троицы, действующих нераздельно и неслитно. Троичность Лиц Божества при единстве Божественного Существа отпечаталась и на образе Божием – человеке – с поразительною ясностью. Представителем человечества, его деятелем поставлен муж: по этой причине Священное Писание упоминает о нем одном при взятии человека в рай и при изгнании человека из рая[82], хотя ясно видно из того же Писания, что в том и другом обстоятельстве участвовала и жена. Она вполне участвует в достоинстве человека и в достоинстве образа Божия: *Сотвори Бог человека, по образу Божию сотвори его: мужа и жену сотвори их*[83].

---

[81] Быт. 2, 18.

[82] Быт. 2, 15; 3, 22, 23, 24.

[83] Быт. 1, 27.

Тело и душа

Действие Творца при сотворении человека-мужа Священное Писание изображает так: *Созда Бог человека, персть взем от земли, и вдуну в лице его дыхание жизни: и бысть человек, в душу живу*[84]. Этот образ сотворения человека показывает в нем превосходнейшее и ближайшее к Богу творение. Человек производится не единократным действием, как произведены были прочие твари, но образуется и созидается постепенно. Творец мира для сотворения земли, неба, громадных светил, бесчисленных растений и животных употреблял единое Свое слово; Творец человека представляется сперва глаголющим в Самом Себе, потом действующим; сперва образующим тело, потом вдыхающим в лицо человека дыхание жизни. По самому сотворению достоинство тела человеческого несравненно выше всех прочих тел, а душа несравненно выше всех душ животных, душ, которые произвела из себя земля по повелению Творца[85]. Но первое начало человека – персть. Мысль об этом начале должна служить для нас неисчерпаемым источником смирения! Душа от первого видимого действия, свидетельствующего о присутствии ее в человеке, названа *дыханием жизни*; самое вдохновение ее отнесено к лицу человека, как к той части тела, которая

[84] Быт. 2, 7.

[85] Быт. 1, 24.

одна по преимуществу служит зеркалом души, выражая на себе характер ее движений и ощущений. Весь человек наименован *живою душою*, потому что, по соединении души с телом, он сделался единым существом, состоящим из души и тела, но существом, в котором полное преобладание имеет душа[86]. Тело – дом души, ее одеяние, ее орудие. Так именуют его и Священное Писание, и Святые Отцы. Два верховные Апостола назвали его своею хижиною[87]. Тело есть одежда и вместе орудие души. «Душа окружается и одевается членами тела»[88], – сказал преподобный Макарий Великий. «Душа, – говорит святой Иоанн Дамаскин, – действует посредством органического тела, сообщает ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения». «Она употребляет тело орудием» [89]. Такое понятие об отношениях души к телу есть естественное: оно истекает из постоянных опытов жизни, из самого ощущения нашего.

Язычники полагали, что человеческая душа составляет частицу Божества. Мысль ложная и очень опасная, как заключающая в себе богохульство! Мы сочли нужным остановиться на ней, чтоб охранить от нее наших братий: потому что многие члены современного общества, узнав из Книги

---

[86] Мысли сей статьи заимствованы из Записок на Книгу Бытия преосвященного митрополита Московского Филарета.

[87] 2 Пет. 1, 13, 14; 2 Кор. 5, 1–4 по русскому переводу.

[88] Слово 5-е, глава 6.

[89] Точное изложение православной веры, книга 2-я, глава 12, о человеке.

Бытия, что Бог *вдунул в лице человека дыхание жизни*, опрометчиво заключают из этого о божественности души человеческой по самому ее сотворению, следовательно, по ее естеству. Священное Писание прямо свидетельствует, что человек – вполне создание Божие[90]. *Руце Твои сотвористе мя, и создасте мя*[91], – молитвенно вопиет это разумное создание Творцу своему, по внушению Святого Духа, Единого могущего открыть человеку его начало и образ этого начала. Конечно, этот молитвенный вопль – вопль души, ходатайствующей о себе и о теле своем, – отнюдь не вопль одного тела. Православная Восточная церковь постоянно признавала человека существом, созданным по душе и телу, но способным и по душе и по телу быть причастником Божественного Естества, быть богом по благодати. Преподобный Макарий Великий говорит: «О неизреченнаго благоутробия Божия, яко туне Самаго Себя дает верующим, дабы они в малое время Бога получили себе в наследие и Бог вселился бы в тело человека и его соделал Себе благим жилищем! Якоже бо Бог небо и землю создал, для обитания на них человеку, тако тело и душу человеческую создал в жилище Себе, дабы жити и упокоеватися в теле, яко в Своем доме, с прекрасною невестою, сиречь, с возлюбленною душею, по образу Его созданною. *Обручих бо вас*[92], – глаголет Апостол, – *Единому Му-*

[90] Быт. 1, 27; Мф. 19, 4.

[91] Пс. 118, 73.

[92] 2 Кор. 11, 2.

жу деву чисту представити Христови. И паки: Егоже дом есмы[93]. Якоже бо муж в дому своем со всяким тщанием вся благая сокровиществует: тако и Господь в дом Свой, сиречь, в душу и тело, собирает и влагает небесное духовное богатство. Ниже премудрии премудростию своею, ниже разумии разумом своим возмогли поняти тонкость души, или сказати, каким образом она существует, кроме тех, которым через Духа Святаго открыто постижение и точное души познание. Но ты здесь размысли, разсуди и внемли, и слыши, что она есть. Той есть Бог, а она не Бог; Той Господь, а она раба; Он Творец, а сия тварь; Той Создатель, а она создание: нет никакого подобия между естеством Того и сея. Но Бог по безпредельной, неизреченной, непостижимой любви и благоутробию Своему благоволил сие самое создание умное, драгое и изрядное избрати Себе в жилище, яко-же Писание глаголет: *Во еже быти нам в начаток некий созданием Его*[94], в премудрость сиречь, и сообщение Его, в собственное Его жилище, и в чистую невесту»[95]. Святой Иоанн Дамаскин, писатель VIII века, в книге своей «Точное изложение Православной веры» собрал мнения предшествовавших ему знаменитейших Святых Отцов о предметах христианского богословия, почему, приводя здесь его учение о душе, приводим вместе и учение святого Григория Богослова, Афанасия Великого, Васи-

---

[93] Евр. 3, 6.

[94] Иак. 1, 18.

[95] Беседа 49, глава 4.

лия Великого, Максима Исповедника и других величайших учителей церкви. «Бог, – говорит святой Иоанн, – сотворил природу, созерцаемую умом, то есть ангелов и все небесные чины, которых естество, без сомнения, разумно и бесплотно, то есть бесплотно в сравнении с грубым веществом. Ибо одно только Божество в собственном смысле невещественно и бестелесно. Еще Бог сотворил и чувственную природу, то есть небо, землю и все, что между ними. И первую природу сотворил Он близкою к Себе, – ибо разумная и одним умом постигаемая природа близка к Богу; а другую, как подлежащую чувствам, сотворил по всем отношениям весьма далекою от Себя. Но надлежало явиться существу, смешанному из сих двух природ, которое показывало бы большую премудрость и щедроту Творца к той и другой, и, как говорит Богоглаголивый Григорий, было как бы некоторым союзом природы видимой с невидимою. Здесь под словом «надлежало» я разумею волю Зиждителя: ибо она для Бога есть устав и закон самый приличный… Так из видимого и невидимого естества Бог Своими руками сотворил человека по образу Своему и подобию; из земли Он образовал тело, а душу, разумом и умом одаренную, сообщил человеку Своим вдуновением… Тело и душа созданы вместе… Бог сотворил человека непорочным, правым, любящим добро, чуждым печали и забот, сияющим всеми совершенствами, преизобилующим всеми благами, как бы некий второй мир – в великом малый, как другого ангела, покланяющегося Богу; сотворил смешан-

ным из двух природ, созерцателем твари видимой, таинником твари, умом постигаемой, царем всего, что на земле, подчиненным Верховному Царю, земным и небесным, временным и бессмертным, видимым и постижимым для одного ума, как нечто среднее между великим и низким; – сотворил духом и вместе плотью, духом для принятия благодати, плотню в предупреждение гордости, – духом для того, чтоб он твердо стоял и прославлял своего Благодетеля, – плотью для того, чтоб подвергался страданиям, и, страдая, не забывал себя и вразумлялся, если бы вздумал превозноситься своим величием; сотворил животным, поставленным здесь, то есть, в настоящей жизни, и переселяемым в другое место, то есть, в будущую вечную жизнь, и – что составляет верх тайны – существом, обожаемым за свое прилепление к Богу, и обожаемым по причастию Божественного озарения, а не претворяемым в Божию Сущность»[96].

Повторением дуновения вочеловечившимся Богом при воссоздании человека объясняется дуновение Божие при сотворении души человеческой. Господь наш, Иисус Христос, совершив наше искупление и предуготовляя[97] человечество к принятию Святого Духа, стал посреди учеников Своих по воскресении Своем, дунул и сказал им: *Пришмите Дух Свят*[98], Который вскоре и низошел на них при шуме с неба,

---

[96] Книга вторая, глава 12, о человеке.

[97] По объяснению блаженного Феофилакта Болгарского.

[98] Ин. 20, 22.

как бы от несущегося сильного дыхания ветра[99]. Этим вторым дуновением объясняется и указуется, что и при первом дуновении было сошествие Святого Духа. На душу первозданного при самом сотворении ее обильно излилась Божественная Благодать; душа первозданного по преимуществу была живою, как движимая, просвещаемая и управляемая Святым Духом. Это доказывают с убедительностью самые события, последовавшие за созданием первого человека. Святой Макарий Великий говорит: «Как в Пророках действовал Дух и научал их и был внутрь их, и вне их являлся: так и в рассуждении Адама[100], егда хотел, с ним был и научал его… Вся ему было Слово, и доколе пребывал храняй заповедь, друг был Богу»[101].

Для сотворения жены Бог навел иступление на Адама. Он уснул. Во время этого необыкновенного сна Господь взял одно из ребр его и, сотворив жену из ребра, привел ее к Адаму. Несмотря на то, что взятие ребра совершилось во время странного сна и иступления, Адам немедленно узнал, по внушению обитавшего в нем Святаго Духа, происхождение жены своей. *Се ныне*, – сказал он, – *кость от костей моих, и плоть от плоти моея: сия наречется жена, яко от му-*

---

[99] Деян. 2, 2.

[100] Так именуется первый человек. Впрочем, на еврейском языке, которому принадлежит это слово, оно – нарицательное имя, и «Адам» значит «человек» вообще.

[101] Беседа 12, гл. 8.

жа своего взята бысть сия. Сего ради оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину[102]. В этих словах Адама произнесен закон от лица Божия для супружеской жизни человеков, как засвидетельствовал Сам Богочеловек. Во взятии жены от мужа видим образец бесстрастного размножения рода человеческого до его падения. Взята жена из ребра Адамова: в это время Адам не подвергся никакому ощущению, нарушающему непорочность; напротив того, он находился в исступлении, которое наведено было на него Богом. В такое состояние приходят только благодатные человеки. Мы не видим образца, по которому могли бы объяснить размножение рода человеческого до его падения от мужа и жены, размножения, назначенного прежде падения; но наверно утверждаем, что это размножение должно было совершаться во всей полноте непорочности и бесстрастия. Вместо наслаждения плотского, скотоподобного долженствовало быть наслаждение святое, духовное. Самого же образа, как неоткрытого Богом, и не испытываем, веруя, что для Бога как легко было попустить известный способ, так легко было установить и другой способ. Здесь употреблено о настоящем способе размножения слово: попустить. Да! Этот способ есть попущение Божие, есть горестное следствие нашего падения, есть знак отвращения Божия от нас. Мы уже рождаемся убитые грехом:

[102] Быт. 2, 21–24.

в беззаконних зачат есмь и во гресех роди мя мати моя[103]. Зачатия в беззакониях и рождения во грехах не может быть установителем Бог.

Господь привел пред Адама всех зверей и скотов земных, всех птиц небесных: человек, проникая по действию Святого Духа в свойства каждого животного, нарек им имена[104]. Святой Макарий Великий говорит: «Доколе Слово Божие было с ним (Адамом) и (он) хранил заповедь, все имел. Самое бо Слово было ему наследием, было одеждою и славою, его покрывающею, и было ему наставлением. Дана бо ему была власть нарекати вся; сие нарек он небом, другое солнцем; сие луною, другое землею; сие птицею, другое зверем и иное древом. Как он был сам научаем, тако и имена налагал тварям… (Дух) научал его и повелевал: тако нареки, тако назови»[105]. Трудно в нашем состоянии падения получить ясное понятие о состоянии совершенства, в котором были созданы наши праотцы, по душе и телу. О святом теле и святой душе их невозможно нам заключать по нашим душе и телу, пораженным и убитым греховною смертью. Они начали существовать непорочными и святыми; мы начинаем существовать осквернеными и грешными. Они были бессмертны по душе и телу; мы рождаемся умерщвленные душою, с семенем смерти в теле, долженствующим раньше или позже, но

---

[103] Пс. 50, 7.

[104] Быт. 2, 19.

[105] Беседа 12, гл. 6 и 8.

непременно принести плод свои – видимую нами смерть тела. Они находились в непрестанном мире сами с собою, со всем, что их окружало, в непрестанном духовном наслаждении, в созерцании изяществ мироздания, в богомыслии, в боговидении; мы волнуемся и раздираемся различными греховными страстями, потрясающими и терзающими и душу и тело, непрестанно боремся сами с собою и со всем, что нас окружает, страдаем и мучимся или находим наслаждение в наслаждениях скотов и зверей; все вокруг нас находится в ужаснейшем смущении, в неумолкающем и по большей части в суетном труде, в плинфоделании и рабстве Фараоновом. Одним словом, мы падшие и погибшие от самого рождения нашего, они были святы и блаженны с самого сотворения своего. Все условия нашего существования и первоначального существования наших праотцев – далеко, далеко различны.

Силы души

Тело первого человека было в совершенном согласии с душою, а душа находилась в совершенном согласии с духом, то есть с силою словесства – этим высшим достоинством души человеческой. Борьба между составными частями человека – это обнаружение внутри живущей смерти – борьба, ныне непрерывающаяся и не дающая покоя человеку ни днем, ни ночью, тогда не имела места. Дух пребывал постоянно горе, при Боге; увлекал туда с собою душу; она влекла туда с собою тело. Нетрудно и естественно было телу, неспособному не только к наслаждениям греховным, но и плотским, напротив того, способному единственно к наслаждениям духовным, силою врожденного ему желания и стремления пребывать при Боге, Им питаться и наслаждаться, Им жить. Очень ошибаются, ошибаются в погибель свою те, которые признают плотские пожелания неотъемлемыми свойствами тела человеческого, а удовлетворение их естественною необходимостью. Нет! Человеческое тело низошло к телам скотов и зверей по причине грехопадения. Естественны плотские пожелания естеству падшему, как свойства недуга – недугу; они противоестественны естеству человеческому в том состоянии, в котором оно было создано[106]. Иначе: зачем бы и вос-

[106] Св. Исаак Сирский и другие Св. Отцы называют состояние человека по падении чрезъестественным. Это слово с точностью выражает сущность дела (Сло-

кресать телам человеческим для блаженной вечности, в которой имеют место одни наслаждения духовные? Плоть человека сотворена способною радоватися о *Бозе Живе*[107]. Так возвышенны были непорочность и бесстрастие первозданных, что они не нуждались в одежде; *и беста оба нага*, – говорит Писание, – Адам и жена его, *и не стыдястася*[108]. Они вышли из рук Создателя в состоянии зрелости и вместе неувядающей юности, красоты и силы, неподверженные никаким недостаткам, никаким изменениям ни в возрасте, ни в здравии. Тело Адама не сгорало от огня, не тонуло в воде, не опалялось солнцем, не подвергалось влиянию стихий, которые сами находились в совершенном благоустройстве и мире. «Сначала, – говорит Макарий Великий, – князем века сего и господином всех видимых человек был поставлен от Бога: ниже бо огнь силы своея над ним явити мог, ни вода потопити, ни вредити зверь, ни ядовитое что-либо действовати»[109]. Тело Адама, легкое, тонкое, бесстрастное, бессмертное, вечно юное, отнюдь не было узами и темницею для души: оно было для нее чудною одеждою. Наконец – это изящное тело было способно, по совершенству своему, для жительства в раю, где в настоящее время обитают отшедшие отсюда праведники только душами своими. Они соделаются

во 4. По переводу Паисия Нямецкого).

[107] Пс. 83, 3.

[108] Быт. 2, 25.

[109] Слово 4-е, глава 3.

способными взойти туда телами по всеобщем воскресении, когда самые тела соделаются духовными. По падении и при изгнании из рая даны человеку *кожаныя ризы*[110]; тогда, говорит Святой Иоанн Дамаскин, «он облекся в смертность, или в смертную и грубую плоть, что означают кожаные ризы»[111].

В основание изложения нашего о душе человека мы полагаем то определение, которое делает ей вышеприведенный Учитель Церкви. «Душа, – говорит он, – есть существо живое, простое, бестелесное, телесными очами по своей природе невидимое, бессмертное, разумом и умом одаренное, безвидное, действующее посредством органического тела и сообщающее ему жизнь, возрастание, чувство и силу рождения, имеющее ум, не как что-либо отличное от нее, но как чистейшую часть самой себя. Душа есть существо свободное, одаренное способностью хотеть и действовать, изменяемое, и именно изменяемое в воле, как существо сотворенное»[112]. Для полноты этого определения или описания должно сказать, следуя указанию другого Святого Отца, что душа есть существо доброе по естеству[113]. Хотя в ней после падения добро смешалось со злом, следовательно, сделалось по-

---

[110] Быт. 3, 21.

[111] Точное изложение православной веры, книга 3, глава 1.

[112] Там же, книга 2, глава 12.

[113] «Душа наша проста некако сущи и блага, тако от благаго Владыки своего создавшися», и проч. Преподобного Исихия слово, глава 43. Добротолюбие, ч. 2.

вредженным; но то же можно и должно сказать о ее разуме и о ее свободе: повреждение чего-либо не есть уже его уничтожение. Очевидно, что святой Иоанн Дамаскин дал такое определение душе относительно: относительно нашему состоянию и степени способностей к познанию. Далее он объясняет это. «Бестелесное, – говорит он, – одно таково в самом естестве, а другое в сравнении с грубым веществом. По естеству бестелесен только Бог; ангелы же, демоны и души – бестелесны по благодати, и в сравнении с грубым веществом»[114]. Еще далее святой Иоанн называет «телом то, что имеет три протяжения, т. е. в длину, ширину и глубину». Из такого определения тела, определения, и доселе признаваемого вполне правильным и удерживаемого наукою, вытекает, как необходимейшее и точнейшее последствие, что всякое ограниченное существо неизбежно есть тело. Всякое ограниченное существо заключается в большем или меньшем пространстве; вне всяких изменений, вне всякого пространства, как превысший всякого пространства и всякой меры – Бог. Бог вполне бестелесен, то есть Существо Божие совершенно другое, нежели существа тварей, как бы эти твари ни были тонки, и различается от существа тварей неизмеримым различием. Поставлять в один разряд духовных существ Бога и сотворенных духов есть дерзостнейшее богохульство. Как Священное Писание, так и все Святые Отцы Восточной церкви, хотя и называют ангелов, демонов и че-

[114] Точное изложение православной веры, прп. Иоанна Дамаскина.

ловеческие души духами, но именно в том смысле, как объясняет святой Иоанн Дамаскин.

Постоянно называет их духами Макарий Великий во всех своих сочинениях; но в этих его сочинениях мы имеем его суждение о сотворенных духах, еще более определительное, нежели суждение Дамаскина. Заимствовал его угодник Божий из своего превосходнейшего совершенства. «Высокое некое, – говорит он, – и глубокое слово, по силе ума моего предложити хощу. Неисследимый и безплотный Господь за безмерную Свою благость плоть на Себе приемлет, и умален быти является велий Сый и преестественный, да возможет с разумными Его тварьми сочислитися, душами, глаголю, святыми и Ангелами, яко да и те безсмертныя Божества Его жизни причастники будут. Зане каждое из сих по естеству своему тело есть, аще ангел, аще душа, аще демон. Хотя бо тончайшие суть, однако в ипостасе, характере (начертании) и образе по тонкости естества своего тело суть, якоже в ипостасе своей сие наше тело дебело есть. Сим образом и душа тело сущи тончайшее, окружается и одевается членами тела сего. Надевает око, имже и смотрит; надевает ухо, имже и слышит; руки, ноздри, и просто рещи все члены тела приемлет и срастворяется со всеми душа, посредством которых и вся, елика к житию человеческому потребна суть, исправляет»[115]. На вопрос: имеет ли душа какой-либо вид? – преподобный Макарий отвечал: «Имеет образ и вид, подобный

[115] Слово 5-е, гл. 6.

ангелу. Якоже бо ангелы имеют образ и вид, и якоже внешний человек имеет вид: так и внутренний человек образ имеет, подобный ангелу, и вид внешнему человеку»[116]. Преподобный Кассиан Римлянин, беседовавший с величайшими угодниками Божиими древнего христианского Египта, учениками великих Антония, Макария, Пахомия, передает учение их о сем предмете таким образом: «Хотя мы называем некоторые существа духовными, каковы ангелы, архангелы и прочие силы, также самая душа наша, или, конечно, этот тонкий воздух; однако никак не должно признавать их бестелесными. Ибо они имеют свойственное себе тело, в котором содержатся (пребывают), хотя много тончайшее, нежели мы. Они суть тела, по изречению Апостола, который говорит так: *И телеса небесная, и телеса земная*[117]; и опять: *Сеется тело душевное, возстает тело духовное*[118]. Из сих (слов Апостола) вытекает ясное заключение, что ничего нет бестелесного, кроме единого Бога, и что, следовательно, только Он может проникать во все духовные и разумные существа, потому что един Он весь всюду и во всех находится, так что Он видит и провидит помышления и внутренние движения человеков, все тайны духа (ума). О Нем едином провозгласил Апостол: *Живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякого меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения ду-*

[116] Беседа 7, гл. 7.

[117] 1 Кор. 15, 40.

[118] 1 Кор. 15, 44.

ши же и духа, членов и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным. И несть тварь неявлена пред Ним, но вся нага и объявлена пред очима Его[119]. Руководствуясь этими свидетельствами Святых Отцов и многочисленными другими, которые оставляем для избежания обременительного многословия[120], мы утверждаем о душе нижеследующее. Она дух – подобно ангелам, имеет ум, духовное чувство, свободную волю, но, как тварь, ограничена и по существу своему и по свойствам своим; по причине этой ограниченности имеет и свою степень тонкости; имея известную степень тонкости, может содержаться, и содержится, в нашем грубом теле, может быть заключена в адской темнице, может быть подвержена адским мукам, огню неугасающему, червю неусыпающему, страшной и вечной тьме, может скрежетать зубами от невыносимого адского страдания, может, если будет допущена, переменять места, может быть помещена в раю, может вкушать сладость и покой рая, как места сладости и покоя; она способна к высшему наслаждению, наслаждению внутреннему, являющемуся в сердце и распространяющемуся по всему человеку, сообщающемуся даже его телу, состоящему в общении с Богом, когда Бог соделает достойную душу, по ее назначению, Своею обителью; она, наконец, имеет свой вид, который подобен виду человека в его теле, то есть душа имеет и главу, и перси, и руки, и ноги, и очи, и уши, сло-

[119] Евр. 4, 12, 13. Collatio VII, caput XIII.

[120] См. Слово о смерти.

вом, все члены, как и тело; душа облечена в тело, как в одежду, а члены ее облечены в соответствующие члены тела[121]. По исшествии из тела души праведных облекаются в светлые одежды, как о том повествует святой Иоанн Богослов в своем Апокалипсисе[122], как свидетельствует преподобный Макарий Великий: «(Души праведных), – говорит он, – при отшествии из сего мира, имея с собою Господа, идут с великою радостию к небесным жителям; обитающие же с Господом приемлют и отводят их в приготовленные им заблаговременно обители и вертограды и возлагают на них драгоценные и знаменитые одеяния»[123]. Подтверждают это многие места Священного Писания; это очевидно из писаний Святых Отцов и житий их[124]. При противоположном мнении, то есть что душа есть дух, столько же тонкий, как и дух Божий, непременно потребуются следующие заключения: потребуется признать, что душа не может быть содержима и удержана никаким местом, никаким веществом, ни нашим телом, ни раем, ни адом, не может ощущать адских мук, должна

[121] Не лишним будет упомянуть здесь, что люди, лишившиеся рук и ног, вполне ощущают присутствие этих членов при теле и способность действовать ими. Такое практическое познание дает ясный намек о существе души, согласно тому, как изображают его Святые Отцы.

[122] Гл. 6, 11; 7, 9.

[123] Беседа XVI, гл. 8.

[124] Ангелы, которых существо однородно с существом души человеческой, являлись Святым Божиим облаченные в белые или светлые одежды (Мф. 28, 3; Лк. 24, 4; Ин. 20, 12; Деян. 1, 10). Святой Андрей, Христа ради юродивый, будучи восхищен в рай, видел себя в одежде, сотканной из молний. И прочие.

быть превыше наслаждений рая. Мы уклоняемся от такового мнения, как бы явной нелепости, от пагубного для спасения нашего богохульства, и последуем с покорностию и убеждением вышеизложенному учению Святой Православной Церкви. Называя и признавая душу, вместе с Святыми Отцами, духом по отношению к грубому веществу видимого мира, мы, вместе с Отцами, признаем ее, по отношению к Богу и точной истине, телом, которое *плоти и кости не имать*[125], но имеет свое вещество, по отношению к нам тонкое, невидимое, подобно воздуху[126], как выражается препо-

[125] Лк. 24, 39.

[126] В московском издании бесед преподобного Макария Великого 1820 года к 9-й главе IV беседы приложено примечание, в котором сказано, что некоторые из древних церковных учителей, как то: Ориген, Тертуллиан, прп. Кассиан, прп. Макарий Египетский, приписывали ангелам и душам тончайшие тела, что Иоанн Дамаскин в своем Изложении православной веры (Кн. 2, гл. 3.), толкуя сие их мнение, говорит, что они называли их телесными по отношению только к Богу, что прочие учители церкви, как то: Игнатий, Василий Великий, Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст полагали их «бестелесными и существами простыми». Мы сочли нужным дополнить это примечание нижеследующим: святой Иоанн Дамаскин, как в третьей главе 2-й книги, так и во всем Изложении православной веры, не сделал ни одной ссылки ни на сочинения святого Макария Великого, ни на сочинения преподобного Кассиана Римлянина, а ссылается он наиболее на святого Григория Богослова, потом на святых: Дионисия Ареопагита, Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Нисского и других. Отнюдь не в виде толкования, а как прямое предание Православной церкви, излагает Дамаскин учение о ангелах в упомянутых книге и главе. «Бестелесным и невещественным, – говорит он, – называется ангел по сравнению с нами. Ибо все в сравнении с Богом, единым несравнимым, оказывается грубым и вещественным. Одно только Божество, в строгом (точном) смысле, невещественно и бестелесно». Где тут толкование мнения преподобных Макария и Кассиана? Очевидна тут цель

добный Кассиан, и прочим газам.

святого писателя: она состоит в том, чтобы охранить читателя от пагубной мысли признать ангелов и души духами наравне с Духом-Богом, от пагубной мысли поставить в один разряд существ Творца и Его тварей. Если угодно видеть тут толкование, то тут – толкование того, в каком смысле святые Григорий Назианзин, Василий Великий и другие называли ангелов и души бестелесными и невещественными по современным понятиям, не сделав такой ясной оговорки, какую сделал Дамаскин, но всегда вполне отличая существо Творца от существа тварей, что явствует из всех писаний их. Понятия древних о духе и веществе, о началах, о простом и сложном, понятия, которых держалось человечество до новейших времен, изменились в конце прошедшего и начале настоящего столетий с явлением новой науки – химии. Человечество признавало прежде, руководствуясь поверхностным взглядом, четыре вещественные начала (стихии): землю, воду, воздух и огонь. Из этих начал воздух и огонь назывались невещественными, и воздух часто назывался духом: потому что веществом или материею называлось одно грубое вещество. Химия изменила эти понятия. Вода и воздух, будучи разложены на свои составные части, низошли со степени начал на степень веществ сложных; понятие, что земля есть начало, как вполне неопределительное и очевидно нелепое, отвергнуто; пламя, которое собственно называли огнем, признано явлением при отделении от некоторых веществ теплорода, который отделяется от других веществ и без пламени. Понятие о веществе расширилось и сделалось правильнее. Все газы, все пары, теплород и свет сознательно признаны материею. Химия в соединении с математикой неоспоримо доказали, что собственно начал, существ и веществ простых, бестелесных не существует между тварями. Все твари более или менее вещественны, более или менее сложны. Ни одна тварь не имеет ни одного бесконечного свойства; все свойства тварей конечны, т. е. ограничены. Основываясь на этой аксиоме, мы утверждаем, что сотворенные духи ограничиваются местом и потому непременно имеют вид (форму), имеют свою степень тонкости, а отнюдь не бесконечно тонки, а потому и свою степень вещественности. Дух – один Бог, как имеющий бесконечную тонкость, как превысший всякого пространства. Бог бесконечно тоньше всех тончайших сотворенных существ и потому существом Своим бесконечно различествует от существа тончайших тварей: ибо между бесконечным и самовеличайшим числом разница – бесконечна; таков неопровержимый вывод математики. По этой при-

чине начало в точном смысле и простое существо – вина [с] всех прочих существ, видимых и невидимых – един Бог. – Очевидно, что святой Григорий Богослов, Василий Великий и другие говорили о веществе и духах сообразно современным им понятиям; благодать Святого Духа доставляла им правильное понятие о Боге. Движимый этой благодатью, святой Иоанн Дамаскин изрек непреложную истину, что «в сравнении с Богом, Единым несравнимым, все оказывается грубым и вещественным». Он изрек это за десять столетий до того времени, как человечество пришло к этому познанию путем науки, говорим дерзновенно – по Промыслу Божию, для удобнейшего Богопознания. Составитель вышеупомянутого примечания тщетно старается найти разноречие в чтениях Святых Отцов: мы находим в них одно и то же учение, выраженное у одних яснее, у других не так очевидно. Странное явление! Столько было Вселенских и Поместных соборов, столько Святых писателей упоминают о Макарии Великом и преподобном Кассиане, и никто не подал голоса против их учения об ограниченности сотворенных духов; внезапно раздается обвинительный голос в 1820 году с нареканием на духоносных мужей в разноречии, усиливающийся сотворенных духов представить тождественными с Богом. Что бы значило такое явление? Не можем объяснить его ничем иным, как только влиянием папистов, которые между прочими чудовищными учениями своими поставляют в одну категорию существ и Творца-Духа и тварей-духов, богохульно выставляя зараженными философией Платона Святых Отцов, признанных Вселенской церковью сосудами Святого Духа, свидетельствующих о себе, что познание о душе им открыты Святым Духом.

Образ и подобие божии

Святые Отцы научают нас, что душа имеет три силы: силу словесности, силу желания, или воли, и силу мужества, называя сию последнюю силою ярости; она в общем употреблении у нас называется характером, энергией, силою духа, мужеством, твердостью[127]. В силе словесности преимущественно напечатлен образ Триипостаснаго Божества. «Что же такое образ Божий, если не ум?» – говорит святой Иоанн Дамаскин[128]. Ум человеческий непрестанно рождает в себе и из себя мысль, или внутреннее слово, неслитен и неразделен с мыслию, не может быть без нее и составляет отдельное от нее проявление словесной силы, как бы отдельное лицо ее, так как и мысль опять составляет отдельное проявление этой же силы, другое лицо ее, будучи вместе с тем неотлучна от ума. Ум невидим и непостижим сам по себе; является и открывается в мысли своей; мысль, чтоб открыться в стране вещества, должна воплощаться, так сказать, в звуки и знаки. Третье проявление, или лицо той же силы, видим в духе нашем, который есть словесное или умное чувство сердца, исходя-

[127] Добротолюбие, ч. 2 [т]. Преподобного Исихия, гл. 1. Преподобного Филофея Синайского, гл. 16. Это учение встречается у весьма многих Святых Отцов. В некоторых русских переводах сила твердости названа раздражительностью, но раздражительность, как и ожесточение, и малодушие, суть болезненные состояния этой силы, или характера.

[128] Точное изложение Православной веры, книга 3, гл. 18.

щее и зависящее от ума, содействующее и сообразующееся мысли. В этом словесном чувстве положено Творцом сознание добра и зла, именуемое совестью. Управление человеком принадлежит словесной силе, которая в непорочном состоянии действовала согласно с силою воли и силою мужества или твердости. Воля стремилась к Богу; сила твердости содержала человека постоянно в его правильном стремлении; силою словесною человек пребывал в непрерывном соединении с Богом. Мысль плавала, как выразился некоторый знаменитый подвижник[129], в Слове Божием, в Всесвятой Истине, и Дух Божий, как Дух Слова Божия и Дух Истины, почивал на духе человеческом; ум человека был умом Божиим, как и Апостол Павел сказал: *Мы ум Христов имамы*[130]. Весь человек находился в чудном согласии с самим собою; силы его не были разрознены в своем действии; разрознились они по падении нашем. По падении они начали бороться и препираться между собою. Самый дух наш соделался обличителем своего начала – ума, подвергшегося омрачению, борется с мыслями, приводит их к разноречию и сбивчивости и сам увлекается обольщенными мыслями. Молясь и сетуя о множестве недостатков наших, мы молимся о избавлении от совести лукавыя[131].

---

[129] Иеросхимонах Серафим Саровский.

[130] 1 Кор. 2, 16.

[131] Молитва архиерея во время Херувимской песни.

Рай

Изобразив сотворение видимого нами мира, Боговдохновенный Бытописатель говорит: *И насади Господь Бог рай* (paradeison – вертоград, сад) *во Едеме на востоцех, и введе тамо человека, егоже созда*[132]. Согласно этому повествованию Бытописателя и Сам Господь возвестил, что Царство, или страна вечного блаженства, уготовано для человеков от сложения мира[133]. Рай находится на востоке; таково положение его по отношению к земле. Это указание, по-видимому, довольно неопределенно и недостаточно; но оно недостаточно только для тех, которые желают измерять и объяснять все единственно по отношению к себе, к кругу действия своих чувств и к видимому миру. В громадном мироздании не только мы, но и обитаемая нами земля – величины, весьма малозначительные. Пространства, доступные нашему измерению и кажущиеся нам огромными, не определяют для нас размеров мира, только объясняют неизмеримость их: за этими, известными нам, пространствами лежат другие пространства – разумеется – большие первых[134], а за теми про-

[132] Быт. 2, 8.

[133] Мф. 25, 34.

[134] Очевидно, что при атмосферных наблюдениях человек-наблюдатель служит центром наблюдений, а центр наблюдений всего человечества – Земля. Область наблюдений всего человечества имеет вид шара. Пространства чем ближе к центру, тем более стесняются и умаляются, а чем более удаляются от него, тем более

странствами – пространства новые, еще большие. Измерение и исследование их для нас невозможно, как измерение и исследование непостижимо и невыразимо великого, соединенного с идеею о бесконечном. Указание Писанием места для рая на востоке вполне достаточно для нашей ограниченности. Престанем опираться на слабый разум наш – этот хрупкий жезл; приступим с верою к учению Божественного Откровения: вера усваивает человеку познания, вполне превысшие его силы постижения.

Рай находится на востоке и по указанию Священного Писания, и по указанию Святого церковного предания. Святой Иоанн Дамаскин говорит: *царства земная, пойте Богу, воспойте Господеви, восшедшему на небо небесе на востоки*[135]; еще же в Писании сказано: *насади Бог Рай во Едеме на востоцех, и введе тамо человека, егоже созда*[136], а когда человек преступил заповедь, *изгна его, и всели прямо Рая сладости*[137], то есть на западе. Посему, желая возвратиться в прежнее отечество и устремляя к нему взоры, мы покланяемся Богу на восток… Восходя на небо, Господь возносился к востоку, и на восток Апостолы поклонились Ему; и придет Он с востока точно так же, как они видели Его восходящим

расширяются и увеличиваются.

[135] Пс. 67, 33, 34.

[136] Быт. 2, 8.

[137] Быт. 3, 23, 24.

на небо[138], о чем Сам Господь сказал: *Якоже молния исходит от восток, и является до запад, тако будет и пришествие Сына Человеческого*[139]. Итак, ожидая Его пришествия, мы кланяемся на восток. Это предание Апостолов неписанное: ибо «они многое предали нам и без писания»[140]. Святой Иоанн Дамаскин говорит, что по той же причине, то есть потому, что Рай находится на востоке, Скиния Моисеева имела завесу и очистилище к востоку, что колено Иудово, из среды которого долженствовал произойти по плоти Господь наш и которое имело поэтому предпочтение пред другими коленами, располагалось станом на восток во время путешествия Израильтян по пустыне в Землю обетованную; в знаменитом храме Соломоновом врата Господни находились на востоке; распятый Господь взирал к западу от востока, и мы, устремляя к Нему взоры, кланяемся на восток. Новозаветные православные храмы строятся алтарем к востоку; при совершении молитвословий вне храмов всегда обращаемся к востоку; усопших наших погребаем, обращая их лицом к востоку – прямо Рая сладости, в надежде воскресения, в надежде возвращения в Рай. Преподобный Симеон Дивногорец и некоторые другие Угодники Божии, удостоившиеся восхищения в Рай, обрели его на востоке[141].

---

[138] Деян. 1, 11.

[139] Мф. 24, 27.

[140] Точное изложение православной веры, кн. IV, гл. XII.

[141] Четьи Минеи 24 мая.

Святой Бытописатель изображает Рай обширнейшим садом, преисполненным всякого рода плодовитыми и прекрасными для вида древами, взятыми с земли, между которыми, как особенно примечательные, именуются Древо жизни посреди Рая и Древо различения добра от зла. Из Едема выходит река, напаяющая Рай, и оттуда разделяется на четыре начала. Такое описание Рая, имена протоков райской реки, исчисление стран, по которым идут эти протоки, подали повод некоторым заключить, что Рай находится на земле. Но протоки реки райской, нося название известных земных рек, имеют одно общее начало, прежде составляют одну реку, потом разделяются на четыре протока; этих условий не выполняют тождеименные им земные реки, отстоя одна от другой истоками своими весьма далеко. Не на земле находится Рай, хотя и имеет с землею ближайшее отношение и сходство. Самое устроение Рая названо не сотворением, а насаждением, заимствованным с земли[142], так как с земли взяты были и жители для него. Причиною мысли, что Рай находится на земле, было, без сомнения, прежде господствовавшее понятие о веществе, когда веществом называлось одно грубое, осязательное вещество и когда еще не могли догадаться, что вещество может иметь степень тонкости, превысшую постижения человеческого; прежде утонченное вещество смешивали с духами и называли его духом, или же во всем невидимом, неподверженном и весьма мало подверженном нашим

[142] Быт. 2, 8, 9.

чувствам искали уже бесконечной тонкости, что одинаково погрешительно. Не на земле Рай[143]: Рай на небе. Апостол Павел, восхищенный на небо, восходивший до *третьего неба*, поведал о себе, что он был восхищен *в Рай, и слыша там неизреченны глаголы*[144]. *Аминь глаголю тебе.* – сказал распятый Спаситель сораспятому с Ним Разбойнику, исповедавшему Его Господом, – *днесь со Мною будеши в Раи*[145]. Очевидно, что Разбойник душою помещен в Рай; тело его, по пребитии голений, снято со креста и предано земле. Помещение души Разбойника в Рай объясняет как свойство души (что она тонкое тело), так и свойство райской природы, состоящей из тонкого вещества, соответствующего жителям своим – сотворенным духам. Сверх того, этим объясняется состояние тела Адама до его падения: в святом теле своем Адам был способен обитать в одном жилище с сотворенными духами, как будут обитать с ними на небе святые человеки в телах своих по воскресении. «Небо, – говорит святой Иоанн Дамаскин, – есть объем тварей видимых и невидимых. В нем заключаются и им ограничиваются умные силы ангелов и все чувственное. Одно только Божество беспре-

---

[143] Определение места на Земле для земного рая поставляет защитников этого мнения в такое затруднение, что они принуждены прибегать к другой ложной мысли, именно, что земной рай уничтожен Всемирным потопом. Dictionnaire Theologique par Bergier, Paradis.

[144] 2 Кор. 12, 2, 4.

[145] Лк. 23, 43.

дельно»[146]. Святой Андрей был восхищен подобно святому апостолу Павлу до третьего неба; на первом небе от земли, по видению сего святого, помещен Рай[147]. Согласно с этим поведают и другие святые, заимствуя поведание свое из Божественных откровений и видений, которых они сподоблялись[148].

Научаемые Священным Писанием и Святыми Отцами, мы признаем Рай – это место непорочного наслаждения, в которое помещен был Адам, в котором ныне помещаются многие души праведных человеков, в котором будут помещены многие Угодники Божии с телами своими по воскресении, – соответствующим и сообразным по природе своей своим жителям. Рай веществен, но вещество его тонко, как тонки души, как было тонко тело Адама до облечения его в кожаные ризы, как будут тонки воскресшие тела праведников по образу прославленного тела Господа нашего Иисуса Христа. «Рай, – говорит блаженный Феофилакт Болгарский, – есть село духовного покоя». Рай, по сказанию сего Учителя Церкви, был чувственный; Адам видел его, плоды дерев райских употреблял в пищу; веселился там духовно. В этот Рай, древнее достояние и отечество человека, возведен

---

[146] Точное изложение православной веры, кн. II, гл. VI.

[147] Четьи Минеи, 2 октября.

[148] Сочинения преподобного Григория Синайского по рукописи Молдавского Нямецкаго монастыря. См. прим. 12 к Слову о смерти.

Разбойник, исповедавший на кресте Господа[149]. Святой Макарий Великий говорит: «Премирный и горний Иерусалим, идеже Рай»[150].

Земля служит некоторым подобием Рая. Священное Писание сравнило плодороднейшую долину Содомскую, до ее запустения, орошенную водами Иордана, с Божиим Раем[151]. Если, до времени проклятия своего, земля была совсем иною, нежели какою теперь видим ее в ее состоянии нестроения и обречения на сожжение, то как превосходен должен быть Рай, далеко превосходивший землю обилием красот своих и обилием благодати своей. Таким видел Рай Святой Андрей! Он поведал о реке райской, о райских плодах и цветах, о райских птицах и чудном пении их, о райских виноградниках и древах; о сих последних присовокупил он, что их нельзя сравнить ни с каким земным древом, потому что, говорил он, Божия рука, а не человеческая, насадила их. Это должно разуметь и о всех предметах, составляющих утонченную и изящную природу Рая. Угодник Божий передавал о себе, что он ходил по Раю, с удивлением созерцая красоты его, и от созерцания красот его, от обильного влияния благодати, которою преисполнен Рай, приходил в несказанный восторг, в сладостнейшее иступление. Очень понятное состояние! Красоты земли приводят в восторг созерцателя, ко-

---

[149] Толкование на 23 главу, 43 стих Евангелия от Луки.

[150] Беседа XXV, гл. 7.

[151] Быт. 13, 10.

гда он чистым оком ума начинает усматривать в них необъятную силу и премудрость Творца, – тем более чудные красоты Рая должны привлекать человека всецело к созерцанию, к видению Бога в делах Его, и от такого видения исполнять видящего духовным нетленным наслаждением.

Все поведания святых о Рае согласны между собою. Преподобный Григорий Синайский говорит, что Рай есть низшее небо, что он состоит из садов, насажденных Богом, что древа этих садов постоянно покрыты цветами и плодами, что посреди Рая течет река, напояющая его и разделяющаяся на четыре начала[152]. Преподобный Иоасаф, царь, потом апостол, наконец инок Индии, сподобился видеть Рай. Однажды, после продолжительной молитвы, сопровождаемой многими слезами, он погрузился в тонкий сон. Во сне он увидел, что некоторые грозные мужи восхитили его и, проведши по странам, которых он никогда не видал, привели на обширнейшее поле, усеянное прекраснейшими цветами и чрезвычайно приятное. Там были всех родов произрастения, изобиловавшие какими-то необыкновенными и удивительными плодами, и особенно красивыми для вида, и особенно приятными для вкуса. Листья деревьев, движимые нежнейшим ветром, издавали шум и, колеблясь, испускали неизъяснимое благоухание. Там были седалища, устроенные из золота и драгоценнейших камней, блиставшие обильным светом. Там были светлые одры, украшенные чудными покры-

[152] Рукопись Нямецкого монастыря, гл. 10.

валами и пышностью, превышающею всякое слово. Там протекали чистейшие воды, увеселявшие самый взор. После сего преподобный Иоасаф введен был в небесный град, горний Иерусалим, и видел красоту и славу его. Упоенный небесным утешением, преподобный не хотел возвратиться на землю; но руководившие его мужи сказали, что пребывание в этих светлых местах доставляется многими трудами и потами. Они вывели его оттуда и показали ему страшные места вечных мук; после сего он тотчас пришел в себя[153].

Особенного замечания достойны две повести, о монахе Павле и о монахе Ефросине, сохраненные нам Церковным Преданием. Этих иноков видели в Раю, первого многие из благоговейнейших братий его монастыря, а второго – игумен его Власий, пришедши в священное иступление или тонкий сон, правильнее, в самозабвение – состояние, в котором обыкновенно находятся видящие видения, что явствует и из Деяний Апостольских[154]. В том и другом случае Рай описывается обширным вертоградом, исполненным неизреченной красоты и благоухания. Преподобный Павел наделил своих братий, сообразно желанию каждого, цветами и другими произрастениями Святого Рая; братия по окончании видения, пришедши в себя, имели в руках своих каждый то, что

---

[153] Vita Sanctorum Barlaam Eremitae et Iosaphat Indiae Regis, caput XXX. Patrologia tomus LXXIII.

[154] Гл. 12, ст. 7–11.

взял из Рая[155]. Преподобный Ефросин дал игумену Власию три благовонные яблока. Игумен разделил яблоки братии: вкусившие их исполнились духовного веселия, а вкусившие их больные исцелились от недугов своих[156].

Не в одних вышеупомянутых двух событиях тонкое вещество Рая, по мановению Божию, сгущалось и соделывалось осязательным для наших телесных чувств. Когда святую мученицу Дорофею повели из претора на место казни, чтоб по повелению мучителя игемона отсечь ей голову за исповедание Господа нашего Иисуса Христа, некоторый ученый, именем Феофил, советник игемона, воскликнул к ней в насмешку: «Слушай, невеста Христова! Пошли мне яблоков и розанов из Рая, от Жениха твоего». Святая Дорофея сказала: «Поистине исполню это». Пришедши на место посечения, она упросила палача, чтоб дозволил ей немного помолиться Богу своему. Когда она окончила молитву, предстал ей ангел Господень в виде отрока необыкновенной красоты; он принес ей в чистом платке три прекрасных яблока и три красные розы. Святая сказала ангелу: «Прошу тебя: отнеси их к Феофилу и скажи ему: вот тебе то, чего ты просил». Сказав это, она преклонила под меч главу и была усечена. Между тем Феофил, насмехаясь над обещанием Святой, рассказывал о нем друзьям и сверстникам своим. «Теперь, – говорил он, – когда повели на казнь Дорофею, называвшую себя Христо-

[155] Пролог, декабря 7-го дня.

[156] Пролог, сентября 11-го дня, и Отечник, буква Е.

вою невестою и хваставшею, что она взойдет в Его Рай, я просил ее, чтоб она послала мне оттуда яблоков и розанов. И она обещалась мне непременно исполнить это!» Передавая это друзьям своим, Феофил безмерно смеялся, как внезапно предстал ему ангел с тремя яблоками и тремя цветками, говоря ему: «Это посылает тебе святая дева Дорофея, как обещала, из Рая Жениха своего». Феофил, увидев яблоки и цветы и взяв их в руки, воскликнул громким голосом: «Истинный Бог – Христос, и нет в Нем никакой неправды». Друзья его сказали ему: «Феофил! Ты или сошел с ума, или смеешься». Феофил отвечал им: «Я не сошел с ума и не смеюсь, но здравый разум требует от меня, чтоб я веровал, что Иисус Христос есть истинный Бог». Они спросили его: «Отчего ты так внезапно переменился?» Феофил отвечал: «Скажите мне, какой ныне месяц?» Они сказали: «Февраль». Феофил: «Теперь – зима. Вся Каппадокия покрыта снегом и льдом, и нет ни одного дерева или растения, которое бы украшалось своими листьями; откуда же, думаете вы, эти цветы и яблоки с своими сучками и листьями?» Говоря это, он показывал им яблоки и розаны. Видя их, осязая, поражаясь особенным благовонием их, они в удивлении говорили: «Мы не видали таких плодов и цветов и в обыкновенное время их». Феофил из гонителя превратился в проповедника веры христианской. Немедленно дано было знать о нем игемону, который подверг Феофила сперва обольщениям и увещаниям, а потом мукам, и Феофил запечатлел своею

кровию свое исповедание Христа[157].

Образец сгущения райского вещества совершился при Успении Божией Матери. За несколько дней до сего Святого Успения предстал Пресвятой Деве Архангел Гавриил с сияющею финиковою ветвию из Рая[158] и возвестил Ей блаженное преселение в горние обители. При погребении Девы райская ветвь несена была святым апостолом Иоанном пред гробом Богоматери[159]. Таковы понятия, таковы, так сказать, намеки, доставляемые Божественным Откровением человечеству, странствующему и страждущему на Земле, о стране упокоения и вечного блаженства, уготованной ему от сложения мира.

В приведенных здесь повестях мы видим, что райские произрастения, перенесенные на землю, переходили, по мановению Божию, из тонкого состояния в состояние более грубое, чтоб соделаться способными к действию на наши чувства. При скудных понятиях, которые мы имеем о веществе горнего мира, с достоверностью, однако ж, утверждаем, что вещество этого мира свободы, нетления и блаженства должно управляться другими законами, нежели какими управляется вещество мира дольнего, служащего темницею и изгнанием для преступников Заповеди Божией. До-

---

[157] Четьи Минеи, 6 февраля.

[158] По этой причине святой Архангел Гавриил изображается с пальмовою ветвию в руке.

[159] Четьи Минеи, 15 августа.

казательства этому видим в проявлениях из горнего мира в нашу юдоль плача. Так, тело Богочеловека, по воскресении Его уже принадлежавшее горнему миру, соделывалось и видимым и невидимым по воле Богочеловека, то являлось с плотью и костями, было осязаемо, принимало пищу, то проходило сквозь твердейшие земные вещества, как дух. Тела величайших святых уподобились еще в сей жизни телу Господа, а по воскресении и по всему будут подобны Ему [160]. Вещество горнего мира должно быть сообразно тому веществу, в которое облечены его жители, как и вещество дольнего мира находится в соотношении с веществом своих жителей. Впрочем, и в дольнем мире многие тела, не изменяясь в естественных свойствах своих, то есть не разлагаясь химически на свои составные части, могут быть в виде более тонком и более грубом. Например, вода, сера, все металлы могут быть и в твердом виде, и в жидком, и в виде паров. Углерод мы имеем в виде газа и в виде камня (алмаза). Новейшие гигантские открытия в стране вещества приводят к уверенности, что человеческие познания о веществе вполне ничтожны. При этой уверенности с доверчивостью выслушивается сказание Писания и Отцов о природе Рая.

По причине греховности нашей, по причине омрачения нашего, по причине падения нашего мы знаем и созерцаем только самую малую частицу чудес Божиих: горячайшими молитвами от сердца сокрушенного и смиренного и жизнью

[160] 1 Ин. 3, 2; 1 Кор. 15, 39–46.

по евангельским заповедям умолим Господа нашего, чтоб Он явил нам славу Свою, которую узрят и всегда будут видеть избранные Его, которой никогда не узрит ни один служитель греха.

Введение в рай и совершенство первозданных

Создав тело человека на земле и из земли, вдунув в него живую душу, душу, оживленную Святым Духом, Всемогущий Создатель вземлет человека превыше земли, в Рай; *взя Господь Бог человека, егоже созда*, – говорит Писание, – *и введе его в Рай сладости*[161]. Какая цепь великих благодеяний, из которых всегда последующее превыше предваряющего! Но и в раю еще предоставлено было Адаму преуспеяние: ему предоставлено было возделывать рай и хранить его[162]. Трудно в нашем состоянии падения понять с отчетливостью, в чем состояло возделывание и хранение рая; но никак не должно понимать этих слов в плотском смысле, как бы о возделывании и хранении сада для его украшения и очищения от недостатков. Рай насажден рукою Божьею; недостатков нет в нем: в нем преизобилует присутствие и благоухание благодати Божьей; он приводит обитателей своих в непрестанное духовное наслаждение, приводит к созерцанию величия и благости Создателя, изображающейся в великолепии рая, как в обширном и чистейшем зеркале. Обильно и красноречиво вещает о Боге и проповедует Бога рай сла-

[161] Быт. 2, 15.

[162] Быт. 2, 15.

дости. Во внимании этой проповеди, в изучении Бога, состояло главное делание рая; изучение изящества созданий было деланием второстепенным. Как ни был совершен Адам, но он был совершен относительно – относительно к ограниченной природе человека: изучение всесовершенного и бесконечного Бога составляло для него, по естественной необходимости, делание, достойное всего его внимания. Это делание представляло собою поприще бесконечного преуспеяния! Это делание сопряжено с высшим духовным наслаждением! Это делание – бесценный дар, достойный бесконечно совершенного и бесконечно благого Бога! Чистый ум человека, распростершись по необъятному Божеству, истощает всю свою естественную силу движения и стоит в священном иступлении пред непостижимым Божеством, вне и превыше всякого размышления, как Серафим, утоляя обильным славословием обилие наслаждения и ненасытно насыщаясь видением Невидимого, закрывая благоговейно и премудро очи пред предметом, превысшим видения[163]. Заповедь о хранении Рая соделывается понятною для нас, когда сообразим, что падшему ангелу, еще не исполнившему меры грехов своих[164], возможен был вход в рай, что человек был способен к

---

[163] Быт. 2, 15.

[164] Добротолюбие, ч. IV, Каллиста Катафигиота 3, 5, 6-я главы. Преподобный Феолипт Филадельфийский говорит в своем Слове о сокровенном делании: «Память Бога видение Бога есть, влекущаго зрение и желание ума к Себе, и светом от Себя озаряющаго оный. Обращаяся бо ум к Богу, внегда престават всем видотворным мыслем, зрит безвидне, и превосходящим неведением неприступныя

открытой беседе с духами, что он не был утвержден в состоянии святыни, как утверждены в нем ангелы Света. Хотя он не знал греха, но мог получить это знание, для него невыносимое и гибельное.

ради оныя славы, воззрение свое просвещает. И не познавая за непостижимость видимаго, познавает истины ради свойственне Сущаго, и Единаго Могущаго превыше быти; и богатством источающияся отонуду благости питая свое рачение, и свое быстроумие извествуя, сподобляется непрестаннаго и блаженнаго покоя». Также см. 15 и 16-е Слово Преподобного Исаака Сирского.

Падение первозданных

Посреди Рая находилось Древо жизни; вкушением плода его поддерживалось бессмертие тела человеческого. Находилось посреди Рая и другое древо, Древо познания добра и зла. Господь, введши первозданных в Рай, заповедал Адаму: *От всякого древа, еже в раи, снедию снеси. От древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него: а вонъже аще день снесте от него, смертию умрете*[165]. Эта заповедь объясняет многое. Очевидно, что плоды дерев райских, как мы и выше видели, гораздо тоньше и сильнее, нежели плоды земные, действуют не только на тело, но на ум и душу. Одно древо было Древом жизни, а другое древо – Древом познания добра и зла. Познание это хранилось, отлагалось, может быть, для усовершившихся деланием и хранением рая, – для новосозданных оно было преждевременно и смертоносно. Такое суждение заимствуем из опытного учения великих иноков. Они завещевают новоначальным подвижникам немедленно отвергать всякую злую мысль, только что она явится уму: потому что ум новоначального еще слаб и неопытен, еще не разрушил дружбы со грехом и, вступив в беседу с ним, непременно увлекается и низлагается им. Напротив того, Отцы завещевают преуспевшим подвижникам не тотчас отвергать злую мысль, но сперва рассмот-

[165] Быт. 2, 16, 17.

реть, истязать, обличить и тогда уже отринуть ее: таким образом действия доставляется особенная опытность в невидимой борьбе с духами злобы, изучаются их лукавство, их козни, [приобретается] сила веры, смирения и молитвы[166]. Есть смертоносное познание зла, которое человек может развить сам в себе: оно смертоносно, потому что тогда естественная доброта человека отравляется принятою злобою, как прекрасная пища ядом, и сама превращается в злобу. Есть и душеполезнейшее познание зла, даруемое Святым Духом избранным сосудам Его, при котором чистый и сильный ум исследует все, и самые тончайшие извития греха обличает их, не смешиваясь со грехом, и хранит от зла себя и ближних. Так, водимый Святым Духом, святой апостол Петр сказал Симону волхву: *В желчи горести и союзе неправды зрю тя суща*[167].

В то время, как наши праотцы наслаждались в Раю, падший князь небесных сил с многочисленным сонмищем темных ангелов, уже низвергнутый с неба, скитался в поднебесной. По неисповедимым судьбам Божиим ему допущен был вход в Рай, как еще не вполне отчаянному злодею. Эту благость Божию, привлекавшую заблудшего к сознанию греха и к раскаянию в нем, сатана употребил для совершения нового преступления, для неисцелимого запечатления себя во вражде к Богу. Диавол, вступив в рай, огласил рай бого-

---

[166] Преподобного Кассиана Римлянина Collatio VIII, capiti IX – XI.

[167] Деян. 8, 23.

хульством, переплетенным ложью, и ознаменовал свое присутствие в раю погублением первозданных человеков, как прежде ознаменовал свое присутствие на небе погублением бесчисленного множества ангелов. Он приступил к жене, как к существу более слабому, и, притворяясь незнающим заповеди, данной Богом, предложил лукавый вопрос: *Что яко рече Бог: да не ясте от всякого древа райскаго?*[168] Всеблагого Бога он представляет недостаточно благим, а святую и благотворную заповедь Божию жестокою и тяжкою! Увидев, что жена вступила с ним в разговор с некоторою доверчивостию и в опровержение ему высказала точные слова заповеди: *От плода древа, еже есть посреде рая, рече Бог, да не ясте от него, ниже прикоснетеся ему, да не умрете*[169] – злодей начинает прямо оспаривать и отвергать справедливость Заповеди Божией. Страшно повторять дерзкие и богохульные слова его! *Не смертию умрете,* – сказал он. – *Ведяше бо Бог, яко воньже аще день снесте от него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, ведяще доброе и лукавое*[170]. Несмотря на явный яд слов змея, – так называет Писание падшего ангела, – жена остановилась на них; забыв и заповедь, и угрозу Божии, она начала рассматривать Древо под водительством собственного разума, склонившегося под влияние диавольской лжи и обольщения. Плод Древа показался ей добрым

[168] Быт. 3, 1.

[169] Быт. 3, 3.

[170] Быт. 3, 4, 5.

в снедь, а познание добра и зла показалось познанием любопытным. Она вкусила от Древа и склонила к вкушению мужа. Удивительно, с какой легкостью совершилось падение праотцев! Не было ли оно предуготовлено их внутренним расположением? Не оставили ли они в Раю созерцание Творца, не предались ли созерцанию твари и своего собственного изящества? Прекрасно созерцание себя и твари, но в Боге и из Бога; с устранением Бога оно гибельно, ведет к превозношению и самомнению. К такому рассуждению приводит Писание, когда оно повествует, что жена, выслушав речи диавола, *виде, яко добро Древо в снедь и яко угодно очима видети и красно есть, еже разумети; и вземши от плода его яде, и даде мужеви своему, и ядоста*[171].

Очевидно, что праотцы, оказав преслушание Богу и склонившись в послушание диаволу, сами себя сделали чуждыми Бога, сами себя сделали рабами диавола. Обещанная им смерть за преступление Заповеди тотчас объяла их: Дух Святой, обитавший в них, отступил от них. Они были предоставлены собственному естеству, зараженному греховным ядом. Этот яд сообщил человеческому естеству диавол из своего растленного естества, преисполненного греха и смерти. Первое греховное ощущение праотцев было ощущение стыда, в котором – невольное и горестное сознание внутри живущего греха, заменившего в них прежнего жителя Святого Духа. Они поняли, что они наги, и немедленно сделали себе опоя-

[171] Быт. 3, 6.

сания из смоковничных листьев, чтоб прикрыть неблагообразные уды тела, в которых они до падения не видели никакого безобразия, как и ныне не видят его младенцы, чуждые греховного похотения. «Умертвилась душа Адама, – говорит святой Григорий Палама, – преслушанием, разлучившись от Бога: ибо телом он прожил после того (после падения своего) до девятисот тридцати лет. Но смерть, постигшая, по причине преслушания, душу, не только соделывает непотребною душу и наводит проклятие на человека, но и самое тело, подвергнув его многим немощам, многим недугам и тлению, наконец предает смерти»[172]. «Адам, – говорит блаженный Феофилакт Болгарский, – будучи живым, был и мертвым: он умер с того часа, в который вкусил (от запрещенного древа)»[173].

Вездесущие естественно Богу. Он присутствовал и в Раю во время согрешения праотцев; но присутствие это обнаружил хождением в Раю по полудни, когда уже праотцы совершили преступление. Вероятно, около полудня вкусили они плод воспрещенный: потому что в этот час Богочеловек распростер руки Свои на древе Крестном, искупая пригвождением рук к древу дерзновенное простертие рук праотцами к плоду Древа воспрещенного. Праотцы почтены были свободою; при свободе в руководителя дан им Дух Божествен-

---

[172] Св. Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, послание к Ксении монахине.

[173] Толкование Евангелия от Луки, гл. 20.

ной премудрости: справедливость требовала, чтоб свободе предоставлено было выразиться по произволу ее. Выразилась она самоубийством. Едва праотцы нанесли себе язву, как милосердный Господь является им для уврачевания язвы: Адам и Ева услышали глас *Господа Бога, ходяща в Рай по полудни*[174]. Укрывшись друг от друга листьями смоковницы, праотцы покусились укрыться и от Бога в чаще дерев райских: так они омрачились внезапно! Господь призвал Адама словами: *Адаме, где еси?*[175] По объяснению Святых Отцов[176], эти слова суть слова величайшего милосердия и соболезнования. Они значат: «В какое ты впал бедствие! Какое тебя постигло глубокое и несчастное падение; Адаме, где еси? – Не понимает омраченный грешник гласа, призывающего его к сознанию греха и к раскаянию в нем. Он старается оправдать себя и оправданием оговаривает: *Глас слышах*, – говорит он, – *Тебе ходяща в раи, и убояхся, яко наг есмь, и скрыхся*[177]. Уличенный, он снова не сознается, не кается, с дерзостию говорит Богу: *Жена, юже дал еси со мною, та ми даде от древа, и ядох*[178]. Эти слова, по замечанию некоторого Святого Отца, имеют такое значение: «Беда, постигшая меня,

---

[174] Быт. 3, 8.

[175] Быт. 3, 9.

[176] Преподобного аввы Дорофея поучение 1-е.

[177] Быт. 3, 10.

[178] Быт. 3, 10.

наведена мне Тобою: жена, юже дал еси со мною!»[179] От ожесточенного Адама Господь переходит к жене, с милосердием говорит ей: *Что сие сотворила еси?*[180] Но и жена не приносит покаяния, не просит помилования, старается оправдать себя обвинением змея. Глубоко поврежденные познанием зла, проникшего молнией в ум, в сердце, в душу, в тело, не сознающиеся во грехе своем, гордо и дерзко оправдывающие себя праотцы подверглись суду и наказанию Божию. Суд Божий пал, во-первых, на змея, как на зачинщика и главу преступления; потом он карает жену, как первую преступницу заповеди и виновницу погибели мужа; наконец, он поражает мужа, как отвергшего послушание Богу для послушания жене. Змей-диавол окончательно отвергнут[181]: он вполне предоставлен своей злобе; благодать Божия отреклась от прикосновения к нему какою бы то ни было благою мыслию, достойною неба. *На персех твоих и чреве ходити будеши*, – возвестил ему Бог, – *и землю снеси вся дни живота твоего*[182]. Установлена вражда между диаволом и женою, между семенем диавола и семенем жены, т. е., с одной стороны, между диаволом и семенем его – увлеченными им в погибель ангелами, между диаволом и семенем его – грехом; с другой стороны, между женою и семенем жены, то есть Богочелове-

---

[179] Преподобного аввы Дорофея поучение 1-е.

[180] Быт. 3, 13.

[181] Cassiani. Collatio VIII, caput X.

[182] Быт. 3, 14.

ком, Который по человечеству есть исключительно Семя жены, и верующими в Него человеками, облеченными во всеоружие Божие. При установлении этой вражды и брани возвещено, что Семя жены – Богочеловек – сотрет главу змея; при установлении этой вражды и брани заповедано последователям Богочеловека блюсти главу змия, т. е. познавать и отвергать все начинания диавола в самом первоначальном их помысле[183]; диаволу попущено, как приобретшему право добровольным покорением ему человеков, наветовать семя жены во время его земного странствования, блюсти его пяту. И блюдет диавол эту пяту всякого праведника о Христе, от Авеля праведного до праведника самых последних времен; не остановился он, омраченный необузданною злобой и дерзостью, наветовать и Богочеловека. На жену возложены многие болезни и преимущественно болезни чадорождения; она порабощена мужу; на Адама возложены труды в снискании пропитания – земля проклята ради его. Поприщем для этих страданий назначена вся земная жизнь, а окончанием их – телесная смерть. По изречении приговора Адам и Ева были изгнаны и низринуты из Рая на землю[184].

---

[183] Cassiani. De institutis renuntiantium, caput XXXVII.

[184] Быт. 3, 22, 23.

Смерть души

Но существенная казнь падшего человека состояла в душевной смерти, поразившей его немедленно по преступлении заповеди. Тогда человек лишился обитавшего в нем Святого Духа, который составлял как бы душу всего существа человеческого[185], и был предоставлен собственному естеству, зараженному грехом и вступившему в общение с естеством демонов. От подчинения смерти и греху составные части человека разобщились, стали действовать одна против другой: тело противится душе; душа находится в борьбе сама с собою; ее силы препираются; человек находится в полноте расстройства. Сила желания болезненно превратилась в ощущение ненасытных похотений; сила мужества и энергии превратилась в различные виды гнева, от исступленной ярости до утонченного памятозлобия; сила словесности, отчуждившись от Бога, потеряла возможность управлять силою воли и силою энергии и правильно направлять их. Этого мало: душа сама поработилась греху, приносит ему непрестанные жертвы лукавством, лицемерством, ложью, самомнением; она борется и препирается сама в себе, сама с собою, волнуя все существо человека разными неправильными и необузданными мыслями, возбуж-

[185] Святой Макарий Великий говорит, что в совершенных христианах Господь есть как бы душою их. Слово 7-е, гл. 12.

дающими мучительнейшие ощущения, тщетно обличаемыми сознанием духа или совестью, лишенною и силы и истины. Образ и подобие Божии в человеке по падении его изменились. Подобие, состоявшее в совершенном отчуждении зла из качеств человека, познанием зла и сообщением его этим качествам, уничтожилось; при уничтожении подобия образ исказился, соделался непотребным, но не уничтожился совершенно. «Да вемы убо, – говорит святой Димитрий Ростовский, – яко образ Божий есть и в неверна человека душе, подобие же токмо в христианине добродетельном: и егда согрешает смертне христианин, тогда подобия токмо лишается Божия, а не образа: и аще и в муку вечную осудится, образ Божий тойжде в нем во веки, подобие же уже быти не может». И Церковь воспевает: «Образ есмь неизреченныя Твоея славы, аще и язвы ношу согрешений, но еже к подобию возведи древнею добротою возобразитися».

Подчинение человека диаволу

Страшным плодом падения было порабощение человека диаволу и ничем не отвратимое смешение с ним. Об этом горестном порабощении так беседует святой Макарий Великий: «Царство тьмы, то есть оный злый князь, пленивши человека искони, так обложил и облек душу властию тьмы, аки какого человека, по оному: яко да сотворят его царем и облекут в царския одежды, и да носит от главы даже до ног царския одеяния. Тако душу и все ея существо облек грехом злый оный начальник, всю ее осквернил и всю пленил в царство свое, что ни помышлений, ни разума, ни плоти, и наконец, ни единаго ея состава не оставил от своея власти свободным; но всю ее одеял в хламиду тьмы… Всего человека, душу и тело, злый оный враг осквернил и обезобразил; и облек человека в ветхаго человека, оскверненна, нечиста, богопротивна, не повинующася закону Божию, то есть в самый грех облек его, да не к тому видит человек, якоже хощет, но зле видит, зле слышит, ноги имеет стремительны к злодеянию, руки, творящие беззаконие, и сердце, помышляющее злая… Грех и душа смесилися между собою, имея однако же оба из них собственное при себе естество… Как во время мрачной и темной ночи, когда дышет бурный ветр, колеблются, мятутся и приходят в великое движение все растения: так и человек, подвергшись темной власти ночи – диа-

вола, и в этой ночи и мраке проводя жизнь свою, колеблется, мятется и волнуется лютым ветром греха, который все его естество, душу, разум и помышления пронзает, причем и все телесные члены его также движутся, и нет ни одного ни душевного, ни телесного члена, свободного от греха, обитающего внутри нас»[186]. По падении и до самого искупления нашего Господом нашим Иисусом Христом «с насилием и мучительски владел враг человеком, – говорит преподобный Авва Дорофей, – так что и не хотевшие грешить невольно согрешали, как говорит Апостол от лица нашего: *не еже хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сие содеваю*[187]. Действует на нас диавол, влагая свои помыслы, обольщая мечтаниями[188], возбуждая помыслами и мечтаниями греховные ощущения, волнуя и разгорячая кровь, поглощая этими волнами и попаляя этим пламенем весь здравый смысл человека и всю силу его воли. Действия всех страстей соединены с движением разнообразным крови; где движение крови, там непременное действие страсти, там непременно действие бесов. Такое действие непостижимо для омраченного падением человека, пребывающего в падении своем: *лукавые помыслы и мечтания так тонко и хитро действуют в душе, что ей представляются они как бы рождающимися в ней самой, а отнюдь не действием чуждого ей злого духа, вме-*

---

[186] Беседа II, гл. 1, 2, 4.

[187] Рим. 7, 19. Поучение первое.

[188] Святаго Исихия Слово о трезвении, гл. 46. Добротолюбие, ч. II.

сте и действующего, и желающего оставаться непримеченным[189].

В чем существенно состоял грех первозданных? По наружности он состоял в вкушении от запрещенного древа. Он получает и большую тяжесть и большее значение, когда мы определим его нарушением заповеди Творца тварью, противодействием твари воле Творца. Еще большее значение получает он, когда мы признаем в нем попытку человека соделаться равным Богу. А на эту именно попытку и указывает Бог словами, исполненными неизреченного сострадания, произнесенными Им при изгнании праотцев из Рая: *Се Адам бысть яко един от Нас, еже разумети доброе и лукавое*[190]. «Солгася (обманулся) древле Адам, – возвещает Святая Церковь, – и Бог возжелев быти, не бысть»[191]. Диавол сообщил свой грех обольщенному человеку. Но грех диавола был собственным его созданием; он задумал сам в себе соделаться равным Богу[192], обработывал эту мысль, стремился привести ее в исполнение, сообщил ее многочисленному сонмищу других духов, склонил их в единомыслие с собою, наконец, явно восстал против Бога; грех человека был нечаянно постигшим его увлечением. Грех человека был приготовлен не замыслом, но неправильным и недостаточным де-

---

[189] Преподобного Макария Великого Слово 7-е, гл. 31.

[190] Быт. 3, 22.

[191] Акафист Божией Матери, стихиры на «Господи воззвах».

[192] Ис. 14, 14.

ланием и хранением рая. Не менее того грехом своим человек соделался сообщником диавола и пленником его. Как падшему по увлечению, человеку вместе с изречением казни обетовано искупление и Искупитель.

Земная жизнь

Господь, изгнав человека на землю из Рая, вселил его на ней *прямо рая сладости*[193], чтоб он, непрестанно обращая взоры к Раю и вместе питаясь надеждою возвращения в Рай, пребывал в непрестанном плаче покаяния. Вселение прямо Рая сладости показывает, что Адаму дано было живое воспоминание о рае, и сама земля красотами своими, сохранившимися в некоторой степени и после ее проклятия, напоминала рай. Земля назначена в место покаяния для праотцев и для всего имевшего произойти от них рода человеческого. Земная жизнь каждого человека есть время, данное ему на покаяние. Все человечество на земле должно быть погружено в покаяние, в неутешное рыдание. Оно должно странствовать на ней, не прилепляясь сердцем ни к каким предметам, которыми обставлена эта гостиница, но непрестанно помышляя о горнем своем отечестве и всеусильно стремясь возвратиться в него. Труд и злострадание – непременные спутники покаяния и родители смирения, рождающего покаяние, должны господствовать на земле, по самому определению Божию. Человек должен постоянно помнить, что Господь назначил ему в поте лица снедать не только вещественный, но и духовный хлеб свой; человек должен непрестанно помнить, что он на земле во временном изгнании, что

[193] Быт. 3, 24.

он – земля, что он должен возвратиться в землю, из которой он создан. Об этом все на земле непрестанно напоминает ему. Он находится в непрестанном разнообразном страдании, в борьбе с собственною злобою, в борьбе с злобою ближних своих, в борьбе со стихиями, в борьбе с землею, ради его проклятою и повинующеюся ему только при пролитии кровавого пота. Об этом непрестанно напоминают ему братия его, похищаемые один вслед за другим неумолимой смертью. От земли дозволено ему пользоваться одним самонужнейшим, необходимым для земного странствования нашего, отнюдь не излишним, отторгающим мысль от вечности. Все праведники Ветхозаветной Церкви, странствовавшие на земле, начиная от Адама, проводили земную жизнь сообразно назначению, данному ей Богом. Они жили на земле, как в стране изгнания, как в стране плача и покаяния, питаясь надеждою обетованного избавления, соглядая оком веры вечность. *Проидоша*, – говорит о них Апостол, – *в милотех, и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: ихже не бе достоин весь мир, в пустынех скитающеся и в горах и в вертепах и в пропастех земных. И сии вси послушествовани бывше верою*[194]. *По вере умроша сии вси, не приемше обетовании, но издалеча видевше я, и целовавше, и исповедавше, яко странни и пришельцы суть на земли*[195].

---

[194] Евр. 11, 37–39.

[195] Евр. 11, 13.

Мир

К немногим из человеков могут быть приложены эти слова Апостола; немногие из них проводили земную жизнь согласно с назначением, данным ей Богом. Падение человека так глубоко повредило его, что он, отвергши жизнь плача на земле, избрал на ней жизнь наслаждений и вещественного преуспеяния, как бы торжествуя и празднуя самое падение свое. К этой жизни плотского наслаждения и преуспеяния, убивающей жизнь для Бога, уже начали склоняться некоторые из детей Адама, мало внимая повести о рае и о духовном состоянии человека, находя в стране изгнания полную пищу и удовлетворение в скотских и зверских страстях своих. Внуки Адама еще более устремились к развитию вещественной жизни на земле с забвением о вечности. Сюда, наконец, устремилось все его потомство, за исключением немногих избранных мужей, считая сказание о Рае баснею, изобретением суеверного воображения. Тщетно смерть пожинала людей с лица земли: они продолжали жить и действовать как бы вечные на ней. Поддержание телесных сил вкушением необходимого количества простой пищи перешло в лакомство и пресыщение изысканными яствами. Утоление жажды перешло к наслаждению различными напитками и к пьянству. Прикрытие наготы кожаными ризами преобразилось в украшение себя богатыми одеждами и утварями. Скром-

ные жилища для убежища и ограждения от стихий и зверей, восставших на человека, стали заменяться огромными и великолепными палатами. Явилась роскошь с ее бесчисленными требованиями, которые обращались в неумолимый закон среди общества падших человеков. Законное совокупление полов для размножения рода человеческого изменилось в ненасытное любодеяние, противодействующее размножению человеков. Этого мало: люди, распаленные необузданным пожеланием, вполне лишившимся правильного стремления, изобрели грехи противоестественные. Сила энергии душевной стала поборать ненасытным пожеланиям и требованиям грехолюбивого человека: явились ссоры, обиды, убийства, разбой, грабеж, война, завоевание. Словесная сила человека всецело употреблена для доставления ему выгод и преимуществ земных, употреблена в содействие греху: явились ложь, обманы, лукавство, лицемерие. Таким образом, немедленно по падении человеков начал образовываться на земле, а с течением времен получать большее и большее развитие по самому началу своему враждебный Богу мир.

Мир есть жизнь человеков на земле единственно для земли, единственно с целью удовлетворения своим греховным пожеланиям, с целью плотского наслаждения, с целью вещественного преуспеяния, с целью, вполне противоположною той высокой и всеблагой цели, с которою человек помещен Богом на земле. «Мир есть общее наименование всех страстей. Мир – плотская жизнь и плотское мудрование. Где пре-

кратилось движение и действие страстей, там умер мир». Так любомудрствует великий наставник монашества святой Исаак Сирский[196]. К этому миру ненависть, от этого мира отречение заповедует Дух Святой ученикам Своим, когда говорит: *Не любите мира, ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем. Яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очима и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию пребывает во веки*[197]. *Мир весь во зле лежит*[198]. *Любы мира сего вражда Богу есть: иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает*[199]. Когда же Священное Писание говорит, *что тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй вонь не погибнет, но имать живот вечный*[200]: тогда надо разуметь под словом *мир* всех человеков, не исключая и грешников, как и Апостол Иоанн Богослов говорит: *О сем явися любы Божия в нас, яко Сына Своего Единородного посла Бог в мир, да живи будем Им*[201].

Опять: и все общество человеческое, в соединении с их греховной жизнью, в соединении с их плотскими наслажде-

---

[196] Слово 2-е.

[197] 1 Ин. 2, 15–17.

[198] 1 Ин. 5, 19.

[199] Иак. 4, 4.

[200] Ин. 3, 16.

[201] 1 Ин. 4, 9.

ниями, с их вещественным преуспеянием, с их столпотворением, называется «миром». Этот мир враждебен Богу и служителям Его. *Аще мир вас ненавидит,* – говорил Богочеловек ученикам Своим, – *ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были: мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир*[202]. Этот мир пребыл и пребывает чуждым и Богу-Создателю и Богу-Искупителю; гонение и убийство служителей Божиих он признает служением правде[203].

Глава и начальник этого мира, враждебного Богу, есть падший ангел; содействуют ему и служат в этой безумной и дерзостной брани прочие падшие ангелы и увлеченные им человеки. Самая земля и ее твари, прежде подчиненные Адаму, по падении Адама, вместе с ним подчинились сатане. Сам сатана так засвидетельствовал о власти своей над миром: дерзнув приступить к Сыну Божию для искушения, он возвел Его на высокую гору и, показав все царства вселенной и славу их, сказал: *Тебе дам власть сию всю и славу их: яко мне предана есть, и емуже аще хощу, дам ю*[204]. Сатана называет власть над миром не собственно своею, но преданною себе. Точно: она предана ему. «Враг, прельстивший Адама, – говорит святой Макарий Великий, – и таким образом восприявший над ним владычество, лишил его всей

---

[202] Ин. 15, 18, 19.

[203] Ин. 16, 2.

[204] Лк. 4, 6.

власти и объявлен князем века сего. Сначала же князем века сего и господином всего видимого Бог поставил человека… Когда же он предался вражеской лести, то вместе с сим предал и начальство свое обольстителю. Сея ради вины волхвы и чародеи по действу противныя силы, попущением Божиим, чудная некая являются творити, ядовитыми обладающе зверьми, и во огнь и в воду без вреда входящее»[205]. Священное Писание по этой причине называет падшего ангела миродержцем, князем века сего[206].

[205] Слово 4-е, гл. 3.

[206] Ин. 12, 31; Еф. 2, 2; 6, 11, 12.

Идолопоклонство

Сатана не удовлетворился тем, что он покорил человека с землею под власть свою, что держал его в плену, возбуждая в нем различные страсти и ими оковывая его, что служением греху привел его в служение себе. Мысль, обуявшая ангела на небе, не оставляла его и в поднебесной, куда, как в преддверие ада, он низвергнут с неба: мысль соделаться равным Богу. Он привел ее в исполнение введением на земле идолопоклонства. Род человеческий, постепенно размножаясь на земле, вместе с тем более и более переходил от удовлетворения нуждам к удовлетворению прихотей и греховных пожеланий. Несовместно с такою жизнью истинное Богопознание и самопознание! Человеки, потонув в земных попечениях и наслаждениях, соделавшись исключительно плотью, потеряли самое понятие о истинном Боге. Но чувство богопочитання есть чувство неотъемлемое от сердца человеческого, как врожденное и естественное ему: оно не уничтожено падением – лишено правильности. Водимые этим бессознательным чувством, человеки воздали божеское поклонение изобретателю и родителю греха – падшему ангелу и сонмищу его демонов. Человек обоготворил убивший его грех во всех его видах, обоготворил представителей греха – демонов. Он признал божественными наслаждениями удовлетворение всем страстям. И блудодеянию, и пьянству, и воров-

ству, и убийству воздана почесть. Каждая страсть изображалась своим истуканом или идолом. Идол был символом демона, вполне чуждого жизни, вполне мертвого для ощущений духовных. Пред такими идолами совершалось и общественное, и частное или домашнее поклонение; пред идолами закалались и приносились жертвы из животных, а нередко и из людей. Но наружное служение идолам было в сущности служением бесам, как научает нас божественный апостол Павел[207]. Идольские храмы и самые идолы были любимым жилищем демонов. Из этих жилищ своих они издавали гласы и прорицания для обольщения злосчастного человечества. И сам человек, престав быть храмом Бога Живаго, соделался храмом и обиталищем сатаны[208].

Идолопоклонство объяло всех человеков и всю землю. Немногие избранные человеки сохранили истинное Богопознание и Богослужение. Впоследствии Бог избрал и отделил в служение Себе народ Израильский, даровав ему письменный закон. Но недуг идолопоклонства так сильно действовал в падшем человечестве, что и избранный народ, часто оставляя поклонение Единому истинному Богу, стремился к поклонению кумирам.

Человек, лишившись падением своим Божественного Света – Святого Духа, должен был довольствоваться своим собственным, скудным светом – разумом. Но этот есте-

---

[207] 1 Кор. 10, 20.

[208] Лк. 11, 24–26.

ственный свет привел весьма немногих человеков к познанию истинного Бога: он устремился наиболее к доставлению всевозможных удобств для земной жизни, изобрел различные науки и искусства, которые точно способствовали и способствуют к умножению и развитию этих вещественных удобств, но вместе способствуют и к сильнейшему развитию греховной жизни, к запечатлению и утверждению падения украшением падения многоразличными призраками благосостояния и торжества. Науки человеческие, будучи плодом падения, удовлетворяя человека, представляя ему Божию благодать и Самого Бога ненужными, хуля, отвергая, уничижая Святого Духа, соделались сильнейшим орудием и средством греха и диавола для поддержания и укрепления падения. Свет человеков соединился со светом демонов и образовал человеческую ученость (премудрость), враждебную Богу, растлевающую человека диаволоподобною гордынею[209]. Объятый недугом учености, мудрец мира сего подчиняет все своему разуму и служит сам для себя кумиром, осуществляя собой предложение сатаны: *будете яко бози, ведяще доброе и лукавое*. Ученость, предоставленная самой себе, есть самообольщение, есть бесовский обман, есть знание, преисполненное лжи и поставляющее в ложное отношение ученого и к себе и ко всему. Ученость есть мерзость и безумие пред Богом; она – беснование. Слепоту свою она провозглашает удовлетворительнейшим ведением и видением и

[209] 1 Кор. 3, 17, 18.

таким образом соделывает слепоту неисцельною, а хранимое ею падение неотъемлемым достоянием злосчастного книжника и фарисея[210]. *Мудрование плотское – вражда на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может. Мудрование плотское – смерть*[211]. Святой Дух заповедует отвержение мудрости земной для того, кто хочет приступить к Богу и соделаться причастником духовной мудрости[212]. Апостол Павел замечает, что немногие из ученых приняли веру христианскую[213]; напротив того, для этих мнимых и напыщенных мудрецов показалась безумием духовная мудрость, всеобильно и всесовершенно заключающаяся во Христе[214]. Философы и художники были величайшими поборниками идолопоклонства и врагами истинного Богопознания. По водворении веры христианской в мире ученость родила бесчисленные ереси и ими старалась ниспровергнуть Святую веру. Величайшее злодеяние – убийство Богочеловека – совершено учеными во имя мудрости их и во имя закона их[215]. В наше время ученость возвращает язычников, принявших христианство, к язычеству и, отвергая христианство, вводит снова идолопоклонство и служение сатане, изменив формы

---

[210] Ин. 9, 41.

[211] Рим. 8, 7, 6.

[212] 1 Кор. 3, 18.

[213] 1 Кор. 1, 26.

[214] 1 Кор. 1, 23.

[215] Ин. 11, 49, 50.

для удобнейшего обольщения человечества. Редкий, весьма редкий книжник научается Царствию Небесному и износит новое учение Духа пред общество собратий своих, облекая это учение в ветхие рубища учености человеческой для того, чтоб оно было удобнее принято любящими более ветхое, нежели новое[216].

[216] Мф. 13, 52; Лк. 5, 39.

Смерть и ад

По падении первого человека и отвержении его Богом, а в нем и всего рода человеческого, все человеки, окончив смертью тела свое земное странствование, нисходили душами в преисподние темницы ада. Ад находится в недрах Земли[217]. Там пылает *огнь вечный, уготованный диаволу и ангелам его*[218], которые, следовательно, падением своим предварили сотворение вещественного мира. Там тьма кромешная, там тартар, там скрежет зубов, там червь неусыпающий, там плач без утешения, непрерывающийся и напрасный. Там разнообразные муки по разнообразию грехов; там различные степени мук соответственно различной степени греховности. Смерть душевная, смерть существенная, поразившая человеческий род в его родоначальниках, выражающая власть свою и над телом земного странника во время его земного странствования недугами и другими бесчисленными страданиями, при окончании земного странствования выражает эту власть самым страшным явлением: разлучением души от тела. По разлучении души от тела власть смерти над человеком получает полное развитие (здесь говорится о временах, предшествовавших Искупителю): тело разрушающееся и смердящее погребается в недрах земных, а душа

[217] См. Слово о смерти.

[218] Мф. 25, 41.

каждого человека, и нечестивца, и ветхозаветного праведника, нисходит во ад. Души нечестивцев низвергались в вечный огнь, как окончательно принадлежащие вечной смерти; души праведников нисходили во ад, в темницы его менее глубокие и страшные, где они пребывали, томясь жизнью во аде и вместе утешаясь надеждою искупления. Все обстоятельства земной жизни доказывают человеку, что он на земле изгнанник за ужасное преступление; но всего более доказывает это смерть. Она не оказывает ни уважения, ни сожаления ни к чему высокому и важному человеческому. Она поражает и юность, и красоту, и гения, и могущество, и богатство. Ничем человек не может отвратить неумолимой смерти, служащей для рода человеческого опытным доказательством его падения, его согрешения пред Богом, его казни. Она свидетельствует пред человеками, что человек – создание и раб, возмутившийся против своего Творца и Господа, что знаменитейшие и важнейшие дела человеков для земли ничего не значат для вечности, что высокое человеческое – *мерзость есть пред Богом*[219]. Смерть – казнь. Поражая каждого человека, она доказывает, что каждый человек – преступник; поражая всех человеков без исключения, она доказывает, что карается человечество за преступление, общее всему человечеству. Пред одним благочестием благоговеет смерть, и молитва праведника может иногда остановить

[219] Лк. 16, 15.

секиру смерти, и отодвинуть час ея[220].

[220] Ис. 38, 5. См. житие Василия Великого, не скончавшегося в противность предсказанию врача, который столько был убежден в верности своего предсказания, что неисполнение его приписал положительно силе Христа, уверовал в Него и принял Святое крещение. Прежде этого никакие убеждения мудрого и святого Василия не могли сломить врача-еврея к принятию христианства. Четьи Минеи, 1 января.

Преуспеяние зла на земле

Когда род человеческий провел многие тысячелетия в жестоком порабощении у падшего ангела, тогда явился на земле обещанный Богом Искупитель. Прежде нежели приступим к описанию этого величайшего и чудеснейшего события, взглянем еще на состояние злосчастного мира в то время, как Господь низшел на землю и вочеловечился для обновления и спасения человечества. Мир был погружен на всем пространстве его в идолопоклонство. Люди, возненавидев друг друга, завидуя друг другу, полили всю поверхность Земли своею кровью в ожесточенных бранях, в которых истребились и исчезли многочисленные народы, пожатые мечом и лишенные народности невольничеством и продажею на рынках вселенной подобно скоту или бездушному товару. Бедствия и гибель человечества признаны величайшею славою для человечества, и обагренные кровью собратий завоеватели объявлялись еще при жизни их богами. Другим злодеям, отличавшимся гнусными пороками, воздана божеская честь по смерти их. Удовлетворение постыднейшим страстям считалось высшим наслаждением. Некоторые из отверженнейших человеков вступили в явное сношение с сатаною, облекшись в силу его, содействовали укреплению его господства над землею и человечеством[221]. Это господ-

[221] Исхода глава 7 и далее. Деян. гл. 8, 9 и проч.

ство достигло полного развития. Под это господство склонился и избранный народ Израильский. Крайне умалившись числом и упав в гражданском отношении, народ этот подпал под власть народов идолопоклоннических. Внутренняя, существенная сила его, заключавшаяся в общении с Богом посредством познания и исполнения Его воли, истощилась. Жизнь по заповедям Божиим, образующая в человеке чистоту ума и сердца, которую осеняет Божественная Благодать, просвещая человека истинным духовным разумом и Богословием, заменилась в большинстве школьным изучением Закона, соединенным с небрежением о богоугодном жительстве, которое книжники и фарисеи – так назывались иудейские ученые того времени – старались заменить притворством и лицемерством. Эти омраченные сатанинской гордостью ученые, исполненные презрения и ненависти ко всем прочим сословиям народа, рабы страстей, не способные к вере по своей неограниченной и исступленной привязанности к земной славе и земным преимуществам, способные по этой привязанности ко всевозможным преступлениям, совершители этих преступлений, захватили во власть свою вероучение, отвергли из него заповеди Божии, ввели в него свои нелепые предания, сами стремясь в слепоте своей к погибели, влекли к ней и руководимый ими народ[222]. Немно-

[222] Описание книжников и фарисеев заимствовано из собственных слов Господа нашего Иисуса Христа и из поведаний Евангелия. Господь произнес на них грозное определение Свое, назвав их родом лукавым и прелюбодейным (Мф. 12, 39), лицемерами, выкрашенными гробами, по наружности красивыми, внутри

гие, весьма немногие человеки остались верными Богу самой жизнью своей и от такой жизни зависящим и воссияващим истинным Богопознанием. Святые имена их – в Святом Евангелии[223].

Теперь переходим к отраднейшему зрелищу. Приготовим, предочистим себя слезами покаяния и, отвлекши ум и сердце от всех земных попечений, присоединимся к сонмам Свя-

---

же исполненными лицемерия и беззакония, как и гробы внутри полны мертвых костей и всякой нечистоты (Мф. 23, 13, 23, 27–29). Он признал их чадами диавола, и диавола отцом их (Ин. 8, 44). Он признал их слепцами, ослепленными своим ложным знанием, руководящими других слепцов, слепцов по невежеству своему; Он объявил, что и слепцы руководители и слепцы руководимые влекутся в бездну погибели (Мф. 15, 14). Он признал недуг их неисцельным: потому что они признавали слепоту свою удовлетворительнейшим видением и ведением (Ин. 9, 41). Он заповедал ученикам своим охраняться от кваса фарисейского (закваски), т. е. от учения их, вполне основанного на лицемерстве, вполне проникнутого ложью и лицемерством, имеющего началом отца лжи (Мф. 16, 6, 12; Лк. 12, 1; Ин. 8, 44). Господь обличил фарисеев в том, что они, притворно совершая пред глазами людей продолжительные молитвы, снедали домы вдовиц и совершали и готовы были совершить ужаснейшие беззакония и преступления (Мф. 23, 14, 34; Ин. 8, 40). Сребролюбие было недугом фарисеев (Лк. 16, 14). Искание славы человеческой было недугом фарисеев (Ин. 5, 44). Они были не способны к вере по причине своего пристрастия к земным преимуществам (Ин. 5, 44; Лк. 16, 13, 14). Они присвоили себе ключ разумения и затворили царство небесное для человеков: сами не входили в него и не допускали других войти в него (Лк. 11, 52; Мф. 23, 13). Страшная гордость их слышится, как глас самого сатаны, в беседе их с исцелевшим слепорожденным (Ин. 9). О единоплеменном им народе, не имевшем их учености, они выразились так: Народ сей, иже не весть закона, прокляты суть (Ин. 7, 49).

[223] Таковы были праведные Захария и Елизавета, родители святого Иоанна Предтечи, святой Симеон Богоприимец, святая Анна Пророчица, дочь Фануила (Лк. гл. 1 и гл. 2).

тых ангелов, чтоб предаться вместе с ними священному созерцанию вочеловечения Бога-Слова, чтоб вместе с ними в священном удивлении и радости воспеть: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение…* [224]

[224] Лк. 2, 14.

Понятие о ереси и расколе

I. Ересь – ложное учение о христианстве

Ересь – слово греческое (airesiz) – значит вообще какое-либо отдельное учение. Так, христианское учение при появлении своем иногда называлось ересью[225]. Но впоследствии название «ересь» усвоилось единственно произвольному и ложному учению о христианстве, отделявшемуся и отличавшемуся от учения Единой, Святой, Соборной, Апостольской церкви.

Христианство есть Божие учение, есть Откровение Божие. Оно, как познание, дарованное человекам Богом, должно быть принято и содержимо с величайшим благоговением и покорностью, подобающими этой величайшей святыне. Оно может быть принято и содержимо одною смиренной верою, как вполне превысшее человеческого разума. Это – та духовная, таинственная книга[226], книга ведения Божия, начертанная и изданная Богом, к которой невозможно приложить ничего, из которой невозможно исключить ничего. От-

[225] Деян. 28, 22.

[226] Апок. 22, 18, 19.

сюда явствует, какой тяжелый грех – ересь. Она – возмущение и восстание твари против Творца, восстание и возмущение ничтожнейшего, ограниченнейшего существа – человека против всесовершенного Бога. Она – страшно сказать – суд человека над Богом и осуждение человеком Бога. Она – грех ума, грех духа. Она – хула на Бога, вражда на Бога. Она – плод гордыни, этой причины падения падших ангелов. И последствия падения ею очень схожи с последствиями падения отверженных духов; она омрачает разум, ожесточает сердце, на самое тело разливает яд свой, вводит в душу вечную смерть. Она не способна к смирению[227]. Она соделывает человека вполне чуждым Бога. Она – смертный грех. Как плод гордыни, ересь держит в железных цепях своего пленника, и редкий пленник исторгается из цепей ее. Упорство в ереси есть свойство еретика. Первыми еретиками были христиане из иудеев, которые, по наружности уверовав во Христа, хотели вместе с этим держаться обрядового и гражданского закона Моисеева в буквальном его смысле. Прообразовательный закон был исполнен искуплением человечества и установлением духовного закона свободы, чего он служил предызображением, тенью. Таким исполнением он уничтожен. К чему могут служить прообразования, когда получено прообразованное? К чему залоги обетования, когда даровано обетованное?

Желающий остаться при прообразованиях этим самым

[227] Св. Иоанн Лествичник.

отказывается от прообразованного. Святой апостол Павел говорил христианам, думавшим сочетать христианство с иудейством: «А если законом оправдание, то Христос напрасно умер. Если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа. Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати»[228]. К иудеям, принявшим христианство, потом обратившимся к иудейству, произнес Апостол следующие грозные слова: «Невозможно – однажды просвещенных, и вкусивших Дара Небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпавших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему. Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого конец – сожжение»[229]. Церковная история свидетельствовала справедливость этого изречения: человечество совращалось в ересь целыми народами, а обращение от ереси к Православию видим в весьма немногих частных лицах, и то редко, весьма редко. Страшный яд – ересь! Неудобопостижимый яд – ересь!

Другим источником ересей сделалась языческая философия и вообще человеческая ученость. Писатель II века

---

[228] Гал. 2, 21; 5, 2, 4.

[229] Евр. 6, 4–8.

Тертуллиан объяснил с подробностью и точностью, что все заблуждения, нарушавшие мир церкви, имели источником своим непременно какую-либо философскую школу. Это очень естественно: книжник, или земной ученый, должен, по завещанию Спасителя, научиться Царствию Божию, чтоб прийти в состояние износить из сокровищницы своей ветхое и новое, то есть предлагать учение Божие в формах учености человеческой[230]. Научиться Царствию Божию значит стяжать Царствие Божие внутри себя. Без этого земной ученый может предлагать одно ветхое, хотя бы он беседовал о Боге из душевного, школьного знания. Ему невозможно избежать заблуждения, несмотря на всю его ученость, потому что ветхость, в духовном смысле, и есть состояние заблуждения и самообольщения. Святой Симеон, Христа ради юродивый, указал причину заблуждения ученейшего и даровитейшего Оригена в том, что Ориген не принял на себя труда перейти из состояния душевного в духовное и, уплывши далеко в мысленное море, потонул в нем[231].

Необходимо, вполне необходимо всякому христианину ученому, особливо христианскому учителю, не останавливаться на своей земной учености, как бы он ни был богат ею, но перейти из плотского и душевного состояния в духовное и получить живое, благодатное познание о Боге. «Кто име-

---

[230] Мф. 13, 52.

[231] Четии Минеи, 21 июля. Житие преподобных Симеона и Иоанна, спостника его.

ет заповеди Мои (насажденными в сердце своем, так чтоб они составляли имущество и сокровище человека), – сказал Господь, – и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам (действием Святаго Духа)»[232]. Имеющий Слово Божие насажденным и пребывающим в себе, сподобившийся Боговидения по причине чистоты ума, отрясший душевную глухоту и слышащий Божий глас[233], с дерзновением и силою возглаголет о Господе своем, не так, как книжники[234]: «ибо ведом во Иудеи Бог: во Израили велие Имя Его»[235]. Под именем Иудеи здесь разумеется истинная церковь, а под именем Израиля те члены церкви, которые удостоились духовного видения и из него истекающего ведения. Святые Григорий Неокесарийский, Афанасий Великий, Григорий Богослов, Василий Великий и многие другие церковные светильники, стяжав современную человеческую ученость, позаботились, посредством евангельского жительства, перейти из состояния плотского и душевного в духовное, совлеклись ветхого Адама, облеклись в Нового; таким образом они соделались способными преподать братии своей, человекам, учение новое, в форме ветхой, столько приятной падшему человеку, сколько естественной падшему че-

---

[232] Ин. 14, 21.

[233] Ин. 5, 36, 37.

[234] Мк. 1, 22.

[235] Пс. 75, 2.

ловечеству. Человеки, увлекаясь земным красноречием святых учителей, незаметно для себя принимали слово спасения, облекавшееся в земное витийство. Напротив того, ученый Арий, несмотря на то, что был пресвитером, красноречивый Несторий, несмотря на то, что был патриархом, и многие другие, подобные им, находясь в высоких санах церковных, сделались ересиархами и еретиками по той же причине, по которой погряз в глубине мысленного моря венец учености своего века Ориген. Говорит святой Григорий Синаит: «Иже кроме Духа пишуще и глаголюще, и церковь созидати хотяще, суть (телесни), душевни яко иже негде глаголет Божественный Апостол, Духа не имуще[236]. Таковии бо повинни суть клятве, глаголющей: *Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!*[237] *От себе бо глаголют, а не Дух Божий в них есть глаголяй, по Господню словеси. От своих бо помысл прежде чистоты глаголющий прельстишася духом мнения. О сем бо притча глаголет: Видал ли ты человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него*[238]». И еже: *«Не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе*[239]». Премудрость нам заповедает. Но и сам, исполненный Духа Божественный Апостол исповедует, глаголя: *«не потому, что*

---

[236] Иуд. 1, 19.

[237] Ис. 5, 21.

[238] Притч. 26, 12.

[239] Рим. 12, 16.

бы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога[240]». И еже: *«Яко от Бога, пред Богом, о (во) Христе глаголем*[241]». Таковых бо словеса несладостны и непросвещенны, не от живого бо источника Духа приемлюще глаголют, но яко от некоего езера тименна, от сердца ищущаго и питающаго пиявиц, и змий, и жаб похотей и кичения, и невоздержания, и вода разума их смердяща, мутна же и тепло-хладна, от нея же пиющие, на недугование и гнусность и блевание пременяеми обращаются»[242].

Священное Писание, изученное по букве плотскими и душевными человеками, послужило для них к изобретению ересей, к погублению ими и себя и других. Святой апостол Петр сказал о Посланиях святого апостола Павла, что их некоторые «невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают (развращают – в церковно-слав. переводе), как и прочие Писания»[243]. Здесь весьма правильно употреблены слова «развращают» и «превращают», потому что плотский и душевный человек, не понимая духовного смысла в Писании, дает ему смысл сообразно своему устроению. Иначе это и быть не может: ведь надобно же душевному человеку получить какое-либо понятие при чтении или

---

[240] 2 Кор. 3, 5.

[241] 2 Кор. 12, 19.

[242] Св. Григорий Синаит. Главы зело полезные, гл. 128, Добротолюбие, ч. 1.

[243] 2 Пет. 3, 16.

изучении Божественного Писания, а Писания он не способен понимать как должно; следовательно, по необходимости он дает себе понятие, какое ему заблагорассудится.

Происхождение Священного Писания, способ понимания и объяснения его изображены с полной ясностью святыми апостолами Петром и Павлом. Святой апостол Петр говорит: «Зная прежде всего то, что никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою, ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым»[244]. Это значит: как произнесено Слово Божие, или Священное Писание, при посредстве Святого Духа, так только при посредстве Святого Духа оно может быть и объясняемо, следовательно, и понимаемо. Святой апостол Павел говорит: «Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога; что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным (духовное излагая духовно)»[245]. Отсюда видно, что в изложении и объяснении Писания нисколько не участвовала человеческая ученость, нисколько не участвовало школьное изучение Писания, изучение его буквы, которыми отличались и хвалились иудейские книжники и фарисеи, которое имел и апостол Па-

[244] 2 Пет. 1, 20, 21.

[245] 1 Кор. 2, 11, 12.

вел, которое он вменил для себя в тщету ради превосходнейшего познания о Христе Иисусе, даруемого Святым Духом[246]. После вышеприведенного апостол продолжает: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно»[247]. Это сказал апостол из своего опыта. Он, находясь в состоянии плотского, душевного человека, был изучен[248] Писанию о вере в Бога по современному обычаю, преобладавшему тогда между иудеями, уничтожившему между ними духовное понимание Закона[249], соделавшему иудейских богословов неспособными познать и принять Бога, явившегося им во образе человека с неоспоримыми и яснейшими свидетельствами Божества Своего. При обращении из иудейства в христианство святой апостол Павел весьма быстро перешел из состояния душевного к духовному по причине предшествовавшей обращению строго-нравственной жизни[250]. Обильно наученный Святым Духом, он узнал на себе, что прежние его познания, также обильные в своем отношении, не только не объясняли для него Бога, но и закрывали Бога от него,

---

[246] Деян. 22, 3; ср. Флп. 3, 5–8.

[247] 1 Кор. 2, 14.

[248] Т. е. научен.

[249] Мф. гл. 25.

[250] Флп. 3, 6.

омрачали его, делали врагом Божиим[251], отнимали у него возможность покоряться учению Христову[252], представляли ему учение Христово бранным, диким, нелепым, богохульным[253]. Странным показалось оно иудейскому учителю Никодиму[254], жестоким и невыносимым показалось оно многим таким, которые уже были учениками Богочеловека и последовали Ему в Его странствии[255]. Этим соблазнившимся и оставившим Божественного Учителя ученикам Он сказал: «Дух животворит, плоть (то есть плотское разумение Слова Божия) не пользует нимало. Слова, которые говорю я вам, суть дух и жизнь»[256].

Плотское разумение Слова Божия приводит к неверию, к соблазну самым всесвятым Словом Божиим, к ложным и превратным заключениям и мнениям, к оставлению Бога, к погибели. И Никодим, уверовавший в Богочеловека ради знамений, совершаемых Богочеловеком, соблазнился Его Словом, давая Слову Божию плотское значение. На слова Господа: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Никодим возражает: «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в

---

[251] Рим. 8, 7.

[252] Рим. 8, 7.

[253] 1 Кор. 2, 14.

[254] Ин. 3, 4.

[255] Ин. 6, 60.

[256] Ин. 6, 63.

утробу матери своей и родиться»?[257] При смирении душевный человек может низлагать свои помыслы, взимающиеся на разум Божий, и пленять всяк разум в послушание Христово[258], но при гордости, при высоком мнении о своих познаниях, при доверии к своему разуму и ведению, необходимо должен душевный человек счесть юродством, то есть нелепостью или безумием, Слово Божие, как сказал святой апостол Павел, как доказали это на самом деле иудейские ученые архиереи и священники, отвергнув Господа, как это доказали и доказывают бесчисленные сонмы еретиков, отвергавшие и отвергающие Божественную Истину. Все, имевшие ученость мира сего и занявшиеся потом очищением себя посредством духовного подвига, искренно сознаются, что они должны были вынести тяжкую борьбу с помыслами человеческой мудрости, восставшими с жестокою силою против евангельского учения и оспоривавшими с необыкновенною упорностью у Евангелия владычество над умом подвижника.

Состояние душевное и плотское есть следствие нашего падения: оно есть состояние возмущения против Бога и вражды на Бога. По неспособности душевного человека правильно понимать духовное, Святая Церковь воспрещает чадам своим произвольное объяснение Священного Писания, а заповедует строго держаться истолкования, сделанного Писа-

---

[257] Ин. 3, 4.

[258] 2 Кор. 10, 5.

нию святыми отцами[259]; она заповедует всем желающим с подробностью и точностью узнать христианство, особливо пастырям и учителям, по приобретении познания от человеков и из книги, приобрести познание христианства деятельное и живое жительством по Евангельским заповедям, распятием плоти со страстями и похотями[260], причастием Божественной Благодати Святого Духа. Весьма справедливо преподобный Марк назвал теоретические познания о христианстве вводными. Сей богомудрый отец с особенною ясностию излагает необходимость познаний опытных и благодатных, показывает то страшное душевное бедствие, в которое впадает приобретший первые познания и вознерадевший о приобретении вторых. «Ученые, нерадящие о духовной жизни», – сказал святой Марк в ответе ученому, утверждавшему, что ученые пребывают вне падения, поддерживаемые своею ученостью, – ниспав одним разом в ужасное и сугубое падение, то есть в падение возношением и нерадением, ниже могут восстать без молитвы, ниже имеют откуда пасть. Ибо какая еще может быть причина (забота) для диавола бороться с теми, которые всегда лежат долу и никогда не восстанут. Есть некоторые, иногда побеждающие, иногда же побеждае-

---

[259] Так говорится в Грамоте, выдаваемой архиереем иерею по его рукоположении: «Подобает иерею вседушно прилежати чтению Божественных Писаний, и не инако сия толковати, но якоже церковная светила, святии и богоноснии отцы наши, пастыри и учители, великим согласием истолковали». Далее в Грамоте завещевается иерею строго-нравственная христианская жизнь.

[260] Гал. 5, 24.

мые, падающие и восстающие, оскорбляющие и оскорбляемые, борющиеся и боримые; а другие, пребыв в первом падении своем по причине крайнего невежества, ниже знают о себе, что они пали; к ним-то с соболезнованием обращается с речью пророк: «Еда падаяй не возстает, и отвращаяйся не обратится?»[261]. И еще: «Возстани спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос»[262]. К нехотящим восприять (этот) труд восстания и пребывания в молитве и подвергнуться лишениям по причине благочестия, ради будущего Царства, говорит: «В погибели твоей, Израилю, кто поможет тебе?»[263] «Несть струп, ни язва, ни рана палящая»[264], ни какое-либо зло из случающихся без согласия воли: ибо сия рана произвольна, и есть грех к смерти, не исцеляемый ниже молитвами других. «Врачевахом, – говорит пророк, – Вавилона, и не исцеле»[265]: ибо самопроизволен сей недуг, и «несть пластыря приложити, ниже елея, ниже обязания»[266], то есть вспомоществований от других… Вот и Ветхий Завет останавливает уповающего на себя и возношающегося премудростью своею: «Надейся на Господа всем сердцем твоим,

---

[261] Иер. 8, 4.
[262] Еф. 5, 14.
[263] Ос. 13, 9.
[264] Ис. 1, 6.
[265] Иер. 51, 9.
[266] Ис. 1, 6.

и не полагайся на разум твой»[267]. Это – не одни только слова, как некоторым показалось, приобретшим по сей причине книги, узнавшим написанное в них, ничего из написанного не исполнивших на деле, а только напыщевающимся нагими разумениями. Таковые превозносят себя похвалами за слова и изыскания; они носят между людьми, не знающими дела, громкое название любомудрых; но, не коснувшись трудолюбия, ниже тайнонаучившись делу, приемлют от Бога и от мужей трудолюбивых и благочестивых великое порочение (осуждение, нарекание): ибо они злоупотребили вводительным разумением Писаний, употребив его на показание себя (пред человеками, а не на дело), и лишились действующей благодати Святого Духа. Они суть «хвалящиеся лицем, а не сердцем»[268]. Посему не знающие дела должны коснуться его (приняться за него): ибо сказанное в Писании сказано не только для того, чтоб знали, но и чтоб исполняли то. Начнем дело: таким образом постепенно преуспевая, найдем, что не только надежда на Бога, но и извещенная вера, и нелицемерная любовь, и непамятозлобие, и братолюбие, и воздержание, и терпение, и глубочайшее разумение сокровенного, и избавление от искушений, и дарование даров (духовных), и исповедание сердечное, и прилежные слезы достаются верным молитвою, и не только сие, но и терпение приключающихся скорбей, и чистая молитва о ближних,

[267] Притч. 3, 5.

[268] 2 Кор. 5, 12.

и познание духовного закона, и обретение правды Божией, и наитие Святого Духа, и подание духовных сокровищ, и все, что Бог обетовал подать верным человекам и здесь, и в будущем веке. Отнюдь невозможно душе восстановить в себе образ Божий иначе, как только благодатью Христовою и верою человека, когда человек пребывает во многом смиренномудрии при испарительной молитве в уме. Как же лишившись таковых и толиких благ по причине своего неведения и о молитве нерадения, говорят, мы не пали? И приписывают себе премудрость, ниже ведая своего падения, несчастные по причине падения; еще более несчастные по причине своего незнания. Они приобретают только то, что утверждают нас более веровать Писанию, говорящему, что «мудрость мира сего есть безумие пред Богом»[269], а сходящая от Бога, «свыше есть от Отца светов»[270], и знамение ее – смиренномудрие. Но хотящие угождать человекам вместо Божественной Премудрости усвоили человеческую; напыщаемые ею и превозносясь ею внутренне, они обольстили многих незнающих, склонив их любомудрствовать не в трудах благочестия и молитвы, а в «препретельных (убедительных) словах человеческой мудрости»[271], которую апостол Павел часто порицает и называет упразднением Креста Христова. Он говорит в Первом Послании к Коринфянам: «Христос послал меня не кре-

[269] 1 Кор. 3, 19.

[270] Иак. 1, 17.

[271] 1 Кор. 2, 4.

стить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить Креста Христова»[272]. И еще: «Буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит… и худородная мира и уничиженная избра Бог, и не сущая, да сущая упразднит: яко да не похвалится всяка плоть пред Богом»[273]. Если Бог благоволит не к словам эллинской премудрости, но к трудам молитвы и смиренномудрия, как показано, то точно «суемудрствуют те, которые, оставив первый образ благочестия, как неудобоисполнимый, не хотят спастись ни вторым, ниже третьим способом, но пребывают вне священной правды»[274].

[272] 1 Кор. 1, 17.

[273] 1 Кор. 1, 27–29.

[274] Слово преподобного Марка Подвижника. Далее св. отец объясняет, что три образа благочестия суть следующие: первый – не согрешать; второй – по согрешении терпеть попускаемые скорби; третий – плакать о недостатке терпения, когда не можем претерпевать великодушно попускаемых (Промыслом) скорбей.

II. Ересь – грех ума

Сущность этого греха – богохульство.

Будучи собственно грехом ума, ересь не только омрачает ум, но и сообщает особенное ожесточение сердцу, убивает его вечной смертью.

Этим грехом человек всего ближе уподобляется падшим духам, которых главный грех – противление Богу и хула на Бога.

Отличительное свойство падших духов – гордость; отличительное свойство и еретиков – гордость, которой очевиднейшее проявление состоит в презрении и осуждении всех, не принадлежащих к их секте, омерзение ими, лютая ненависть к ним. Но существенное проявление гордости в еретиках и раскольниках состоит в том, что они, отвергши богопознание и богослужение, открытые и преподанные Самим Богом, усиливаются заменить их богопознанием и богослужениями самовольными, богохульными и богопротивными. Зараженного ересью и расколом диавол не заботится искушать другими страстями и грехами очевидными. И зачем искушать диаволу того и бороться с тем, кто при посредстве смертного греха – ереси – и убит вечной смертью, и заживо уже составляет достояние диавола? Напротив того, диавол поддерживает еретика и раскольника в воздержании и прочих наружных подвигах и видах добродетели, чтоб этим под-

держивать его в самодовольстве и заблуждении, а правоверных личиною святости, которую носит на себе еретик, привлечь к ереси или, по крайней мере, привести к оправданию и некоторому одобрению ее, также к сомнению в правоверии и к холодности к нему.

Обладающий сокровищем подвергается нападениям разбойников, а у кого нет ничего, того не беспокоят разбойники. Имеющий сокровище правоверия жестоко наветуется врагом! Враг усильно нападает на правоверного, старается представить его пред обществом человеческим в состоянии побеждения, с такою же целью, с какою старается представить еретика добродетельным и достойным уважения. С такою же неудобопостижимой хитростью действует лукавый дух в пользу ереси и во вред истинного христианства. К несчастию, эта козни его весьма удается ему! Ею он уловляет в погибель тысячи человеков.

Многие проводили самую строгую подвижническую жизнь, пребывая в ереси или расколе; когда ж приняли Православие, подверглись различным слабостям. К какому это должно привести заключению? К такому, что в первом состоянии враг не ратовал против них, признавая их своими, а во втором – восстал против тех лютою войною, как против таких, которые явно объявили и исповедали себя противниками его. Священное Писание называет лукавого духа не только врагом, но и мстителем[275]. Он не только враждует

[275] Пс. 8, 3.

против человека, но, будучи заражен лютою завистью к человеку, не может равнодушно видеть, что человек совершает добродетели и благоугождает Богу, и мстит человеку за его богоугодные дела, наводя на него бесчисленные искушения и извне – от злых людей, и внутри, воздвигая в человеке различные страсти.

Странное влияние имеют раскол и ересь на самое тело человека! Ожесточение духа сообщается телу. Не для всех заметно это при жизни человека, но по смерти тело еретика и раскольника мгновенно каменеет, мгновенно начинает издавать неприступное зловоние. И это совершается особенно над теми из них, которые проводили самую строго-подвижническую жизнь и были знаменитыми учителями своей секты и заслужили всеобщее уважение слепотствующего мира; они-то и издают по смерти своей самое ужасное зловоние; из иссохших тел их открываются потоки смердящего гноя; затруднительно совершение погребения их и присутствие при нем. Бесы соприсутствуют могилам их и являются при них в разных видах или для устрашения, или для обольщения.

Еретику неудобоприступно покаяние и познание Истины. Доступнее покаяние и истинное богопознание для прелюбодеев и уголовных преступников, нежели для еретика и раскольника, особливо если он ученый и подвижник. Доказали то и другое явные грешники и ученые сектанты, современные Христу, упоминаемые в Евангелии: грешники приняли и Господа и Предтечу Его, между тем как книжники, фари-

сеи и саддукеи отвергли и Иисуса, и Иоанна.

Несродно чувство покаяния тому, кто вполне доволен собою, а кругом себя видит только соблазн и недостатки всех родов. Признающему себя разумным паче всех несродны алкание и жажда беспредельной Божественной Истины, вполне насыщающей питомца своего и возбуждающей таким насыщением еще большую алчбу и жажду благодатной правды. Несродно отвергнуть свое богохульство тому, кто признает это богохульство святою Истиною; несродно ему узнать святую Истину, потому что самый орган зрения, душевное око, ум его ослеплен ложью. Обращение еретика и раскольника к правоверию – особенная милость Божия – устраивается особенным Промыслом Божиим для избранников, известных Единому Богу. Человеческие средства к обращению раскольников и еретиков бессильны.

Хотя на Первом Никейском соборе против Ария и его единомышленников стояли светильники церкви: Афанасий Великий, Николай Чудотворец, Иаков Низибийский (Низибии чудотворец), Спиридон Тримифунтский, хотя действовали не только силою слова, но и силою знамений, однако не смягчили ожесточенного сонмища еретического и ересиарха Ария, до конца жизни пребывшего упорным и верным своему заблуждению, как повествует церковная история.

Словопрение – самое слабое оружие против еретиков, оружие более вредное, нежели полезное. Оно делается таким сообразно свойству душевного недуга – ереси. Гордая ересь

не терпит обличений, не терпит побеждения. От обличений она ожесточается; от побеждений приходит в неистовство. Это доказали бесчисленные опыты. Побеждается ересь кротким увещанием; еще удобнее – молчаливым приветствием, смирением, любовью, терпением и долготерпением, молитвою прилежною, исполненною соболезнованием о ближнем и милосердием к нему. Ересь не может быть побеждена человеком, потому что она изобретение, начинание демонское. Победителем ее может быть един Бог, призванный к борьбе с нею и к поражению ее смирением человека пред Богом и любовью этого человека к ближнему.

Желающий успешно сражаться против ереси должен быть вполне чужд тщеславия и вражды к ближнему, чтоб не выразить их какою насмешкою, каким колким или жестким словом, каким-либо словом блестящим, могущим отозваться в гордой душе еретика и возмутить в ней страсть ее. Помазуй струп и язву ближнего, как бы цельным елеем, единственно словами любви и смирения, да призрит милосердый Господь на любовь твою и на смирение твое, да возвестятся они сердцу ближнего твоего и да даруется тебе великий Божий дар – спасение ближнего твоего. Гордость, дерзость, упорство, восторженность еретика имеют только вид энергии, в сущности они – немощь, нуждающаяся в благоразумном соболезновании. Эта немощь только умножается и свирепеет, когда против нее действуют безрассудною ревностью, выражающеюся жестким обличением.

III. Ересь – отвержение христианства

Ересь есть прикровенное отвержение христианства. Когда человеки начали оставлять идолопоклонство, по его очевидной нелепости, и приходить к познанию и исповеданию Искупителя; когда все усилия диавола поддержать между человеками идолопоклонство остались тщетными, тогда он изобрел ереси и посредством ереси, сохраняя для держащихся ее человеков имя и некоторую наружность христиан, не только отнял у них христианство, но и заменил его богохульством.

Что такое арианство? – Это отречение от Христа и христианства, отречение от Бога. Если Сын – тварь, как утверждал Арий, то нет и истинного в трех Лицах Бога. Если Сын – не Бог, то где же вочеловечение Бога? Где причастие человеческого естества естеству Божию[276], приобретенное для человеков вочеловечением Бога? Где спасение? Где христианство? – «Всякий отвергающий Сына не имеет и Отца»[277], – говорит Слово Божие. Арианство – и безбожие, и богохульство.

Что такое несторианство? – Отвержение вочеловечения Бога Слова. Если родился от Девы простой человек, то где же зачатие от Святого Духа?[278] Где событие слов Писания:

---

[276] 2 Петр. 1, 4.

[277] 1 Ин. 2, 23.

[278] Мф. 1, 18.

«Слово стало плотию»?[279] Где рождение Сына Божия?[280] Где христианство? – Повторяется Несторием Ариева ересь, но под другой личиной: сущность этих ересей одна – отвержение Христа, а посредством отвержения Христа – отвержение от Бога.

То же делают Евтихий и монофелиты: сливая в Богочеловеке два естества и две воли воедино и утверждая, что во Христе человечество исчезло в Божестве, как капля вина в обширном море, они приходят к той же цели, хотя с другой стороны, к какой пришли Арий и Несторий, потому что, отвергая присутствие человеческого естества в вочеловечившемся Сыне Божием, они непременно отвергают всё, что претерпел Господь, как человек, следовательно, отвергают и искупление человечества страданиями и смертью Господа, отвергают все христианство.

К тому же стремятся и иконоборцы. Отвергая возможность изобразить Христа живописью, они косвенно отвергают пришествие Сына Божия во плоти человеческой. Если Сын Божий облечен плотью, то имеется полная возможность Его, неизобразимого по Божественному естеству, изобразить как человека. Если можно изобразить Его, то изображения Его должны быть особенно почитаемы. Мы почитаем изображения наших родителей, царей, начальников, благодетелей, ставим их на почетные места; тем более должна

---

[279] Ин. 1, 14.

[280] Лк. 1, 31.

быть уважаема икона Спасителя нашего, а по ней – иконы Божией Матери и всех святых.

То же усиливается совершить папизм; так называется ересь, объявшая Запад, от которой произошли, как от древа ветви, различные протестантские учения. Папизм присваивает папе свойства Христовы и тем отвергает Христа. Некоторые западные писатели почти явно произнесли это отречение, сказав, что гораздо менее грех – отречение от Христа, нежели грех отречения от папы. Папа есть идол папистов; он – божество их. По причине этого ужасного заблуждения благодать Божия отступила от папистов; они преданы самим себе и сатане, изобретателю и отцу всех ересей, в числе прочих и папизма. В этом состоянии омрачения они исказили некоторые догматы и таинства, а Божественную литургию лишили существенного значения, выкинув из нее призывание Святого Духа и благословение предложенных хлеба и вина, при котором они пресуществляются в Тело и Кровь Христовы. Эта существенная часть литургии находилась во всех литургиях, преданных апостолами Христовыми по всей вселенной, находилась и в первоначальной литургии Римской. Никакая ересь не выражает так открыто и нагло непомерной гордости своей, жесткого презрения к человекам и ненависти к ним[281].

[281] Папизм изобрел ужаснейшие пытки, ужаснейшие казни для человечества. Бесчисленные тысячи людей умерли в душных темницах, сожжены на кострах, замучены разнообразно. И это ужасное, дышащее убийством, жаждущее крови изуверство называется единым истинным христианством и с исступленной рев-

Протестанты восстали против заблуждений папистов, правильнее – восстали против уродливой власти и божественности пап; но так как они действовали по побуждению страстей, утопая в разврате, а не с прямою целью стремления к святой Истине, и не так, как искал ее Корнилий Сотник, то и не оказались достойными узреть ее. «Всякий, делающий злое, ненавидит Свет, и не идет к Свету»[282]. Протестанты из всех заблуждений папистов отвергли только нечестивое мнение их о папе; прочим заблуждениям папистов они последовали, многие погрешности усилили, к прежним заблуждениям и ошибкам присовокупили много новых. Так, например, они отвергли все таинства, само священство; отвергли вовсе литургию; отвергли все церковные предания и предоставили каждому из своих последователей объяснять Священное Писание по произволу, между тем как оно, будучи произнесено Святым Духом, может быть и объяснено только Святым Духом[283]. К ересям должно отнести и то учение, которое, не прикасаясь ни догматов, ни таинств, отвергает жительство по заповедям Христовым и дозволяет христианам жительство языческое. Это учение, которое по наружно-

ностью стремится увлечь всю вселенную в свою ересь. «По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16), – сказал Спаситель о учителях их и учении их. По плодам своим папизм весьма близко подходит к магометанству: обе эти ереси признают деянием веры и высшею добродетелью все злодеяния и все убийства, совершаемые ими во всяком обществе людей иного вероисповедания.

[282] Ин. 3, 20.

[283] 2 Пет. 1, 21.

сти кажется как бы не враждебным христианству, в сущности вполне враждебно ему: оно – отречение от Христа. Сам Господь сказал: «И тогда объявлю им, признающим устами Господа, а делами противоречащим Его воле: Я никогда не знал вас, отойдите от Меня, делающие беззаконие»[284]. Вера может быть живою только при делах веры; без них она мертва[285]. Впрочем, и самое правильное понятие о догматах христианских теряется от жизни нехристианской. Еще в то время, когда идолопоклонство было очень сильно, еретики проводили жизнь языческую. Святой Афанасий Великий делает это замечание об арианах, которые предавались увеселениям идолопоклонников и сходствовали с ними нравственностью. В новейшие времена языческая жизнь явилась первоначально в недрах папизма; языческое чувство и вкус папистов выказываются с особенною яркостью в применении искусств к предметам религии, в живописных и изваянных изображениях святых, в их церковном пении и музыке, в их религиозной поэзии. Все школы их носят на себе отпечаток греховных страстей, особливо сладострастия; там нет ни чувства целомудрия и благопристойности, ни чувства простоты, ни чувства чистоты и духовности. Таковы их церковная музыка и пение. Их поэт, описывая освобождение Иерусалима и Гроба Господня, не останавливается призывать Музу; он воспевает Сион вместе с Геликоном, от Музы пере-

[284] Мф. 7, 21, 23.

[285] Иак. 2, 26.

ходит к Архангелу Гавриилу. Непогрешающие папы, эти новые кумиры Рима, представляют собою образцы разврата, тиранства, безбожия, кощунства над всем святым. Языческая жизнь со своей комедией и трагедией, со своими плясаниями, со своим отвержением стыда и пристойности, со своим блудом и прелюбодеянием и прочими обычаями идолопоклонников, во-первых, воскресла в Риме под сенью богов его – пап, откуда разлилась по всей Европе. При посредстве ересей и наконец при посредстве языческой жизни все язычники, принявшие некогда христианство, оставили и оставляют христианство, возвращаются к прежнему совершенному неведению Бога и к служению демонам, хотя уже и не в форме идолопоклонства.

Какая причина такого действия ереси? Причина заключается в том, что этот страшный грех, заключающий в себе хулу на Святого Духа, совершенно отчуждает человека от Бога и, отчуждив от Бога, предает во власть сатаны. В этом состоянии человек неспособен ни к какому помышлению, ощущению, деянию духовному, а следовательно, неспособен к состоянию духовному; напротив того, развиваются в нем сильно состояния душевное и плотское. В нем обильно источается премудрость земная, душевная, бесовская, исполненная зависти, рвения, гордыни[286]. Кротости, любви, назидательного смирения нет в этой премудрости: она многоглаголива и велеречива, обильна знанием человеческим и бесов-

[286] Иак. 3, II, 15.

ским, преисполнена самообольщения и обольщает внимающих ей. Она не может быть иною, потому что помыслы чуждого благодати Божией – еретика – находятся под постоянным насилием и руководством падших духов. Это непонятно и невероятно для многих; таковые пусть услышат определение духоносного мужа, который сказал: «Благое не может быть веруемо или действуемо, точию о Христе Иисусе и Святом Духе»[287]. Помышление, слово, дело, чтоб быть достойными Господа, должны быть помазаны благодатию Святого Духа; те же помышления, слова и дела, которые не имеют сего помазания, принадлежат ветхому человеку и мерзостны Богу, как бы ни казались по наружности своей, пред судом мира, мудрыми и добрыми.

Состояние отчуждения от Бога, состояние самообольщения, омрачения ума, движение сильнейших страстей было всегда состоянием еретиков, особливо ересиархов. Обыкновенно они были преданы различным страстям. Евтихий был крайне корыстолюбив и, вопреки обету иноческого нестяжания, накопил значительные деньги. Аполлинарий и в старости своей имел наложницу. Арий написал «Талию» – сочинение в стихах, до нас не дошедшее, исполненное бесстыдного разврата. Это сочинение начали было читать на Первом Никейском соборе, но отцы собора отказались слушать его, так оно было срамно, и предали огню экземпляр, им представленный. Таковы произведения и новейших еретиков. Они

[287] Преп. Марк Подвижник. Слово о законе духовном, гл. 2.

исполнены адского кощунства, дерзких, ложных умствований, страшного бесстыдства и разврата. Понятие, которое дается о них здесь, еще очень слабо пред понятием, которое получается о них от чтения их писаний. Не может прийти на ум обыкновенного человека то, что произнесли и написали ересиархи. Впрочем, все сочинения еретиков составлены под влиянием духов и заключают в себе нравственный яд, убивающий душу вечной смертью. Догматические книги их непременно содержат ложные догматы и хулу на догматы, преподанные святой церкви Святым Духом; их книги о подвижничестве, хотя по наружности и представляются преподающими учение о высочайших добродетелях и состояниях христианских, но в сущности суть плоды и выражение самообольщения и бесовской прелести, непонятной для толпы; их нравственные писатели преподают нравственность, свойственную ветхому Адаму, так как они о ней только имеют понятие, а отнюдь не нравственность христианскую, вполне не доступную для их ума и сердца.

Романы, комедии и прочие сочинения явно греховные, исполненные сладострастия, также суть плоды ереси; некоторые из таковых сочинений написаны духовными лицами, как, например, «Телемак» написан Фенелоном. Чтение всех этих книг крайне вредно, хотя для неопытных глаз в одних из них яд приметен, а в других очень скрыт. Неприметность яда не уменьшает его силы; напротив того, утонченные яды действуют с особенной разрушительностью. Чтение догматиче-

ской, особливо подвижнической еретической книги возбуждает нередко блудные помыслы, а чтение романов возбуждает помыслы неверия, разных недоумений и сомнения относительно веры. Грехи, как и нечистые духи, имеют сродство между собою: добровольно подчиняющийся одному греху невольно и по необходимости подчиняется влиянию другого, по причине сродства лукавых духов и страстей. Опыт доказывает, что к ереси и безбожию люди перешли наиболее из развратной жизни, и наоборот, ересь всегда влечет за собою расстройство нравственности по причине сродства грехов между собою.

Первоначальное действие всех еретических книг состоит в возбуждении помыслов-сомнений о вере. «Охраняйся, – сказал святой Исаак Сирский, – не прочести догматов еретических: сие бо есть вооружающее яко наимножайшие на тя духа хулы»[288]. Действуют ли в ком хульные помыслы? Поколебался ли кто в доверенности к Православной Церкви, которая одна есть истинная Христова церковь? Сделался ли кто универсальным христианином, принадлежащим, – по своему сердечному убеждению или, правильнее, по своему совершенному неведению христианства, – одинаково ко всем исповеданиям и потому не принадлежащим ни к какому? – Знай, что он приведен к этому состоянию чтением еретических книг или беседами с зараженными этим чтением.

Люди, преданные сладострастию, с особенной охотой чи-

[288] Слово 56.

тают еретические книги о христианском подвижничестве и совершенстве, а нравственных книг Православной Церкви чуждаются и отвращаются. Какая тому причина? Сходство в настроении духа. Эти люди находят наслаждение в чтении книги, написанной из мечтательности и самосмышления, приправленной утонченным сладострастием, тщеславием, высокоумном, которые кажутся благодатью умам и сердцам, не очищенным истинным учением Христовым. Православные книги призывают к покаянию и оставлению греховной жизни, к самоотвержению, к самоосуждению и смирению, чего именно сын мира и не желает. Идолопоклонство и всякого рода явное отвержение Бога можно уподобить открытому яду; от него всякий удобно может остеречься. Ересь можно уподобить пище, имеющей по наружности прекрасный вид, но отравленной ядом: такая пища – тот же яд, от которого уже трудно остеречься как потому, что яд замаскирован, так и потому, что прекрасный вид и благоухание пищи возбуждают в человеке естественное его желание насытиться и насладиться пищею. Ересь всегда сопутствуется лицемерством и притворством; она многоглаголива, велеречива, обилует ученостью человеческой и потому удобно привлекает к себе людей и уловляет их в погибель: несравненно более людей уловлены в вечную смерть посредством ереси, нежели посредством прямого отвержения Христа.

IV. О расколе

Расколом называется нарушение полного единения со Святою Церковью, с точным сохранением, однако, истинного учения о догматах и таинствах. Нарушение единения в догматах и таинствах – уже ересь. Собственно раскольническими церквами могут быть названы в России только единоверческие церкви и церкви, находящиеся в ведомстве главных священников (бывших обер-священников). Первые отличаются в некоторых обрядах, что не имеет никакого влияния на сущность христианства, а вторые не имеют над собою епископа, вопреки церковным правилам. К образованию первых послужило отчасти невежество, приписывающее некоторым обрядам и обычаям более важности, нежели сколько эти обряды имеют; а к образованию вторых послужило протестантское направление некоторых частных лиц. В первых церквах заметен избыток набожности, доходящий до суеверия и лицемерства, а во вторых избыток вольности, доходящий до крайнего небрежения и холодности. Когда христианин обратит все внимание свое на наружные обряды, то непременно он оставляет без внимания существенную часть христианства – очищение внутренних сосудов, следовательно, лишается всего духовного преуспеяния и истекающего из этого преуспеяния истинного познания Христа, то есть делается чужд истинного христианства. Когда же, напротив того,

христианин к вере холоден и ее наружные обряды совершает с небрежением, то этим удаляет от себя Бога, Который желает, чтоб Его служители служили Ему со страхом и трепетом, и делается безбожником и еретиком.

Прочие раскольники в России должны быть признаны вместе и еретиками; они отвергли Таинства церкви, заменив их своими чудовищными изобретениями; они уклонились во многом от существенного христианского вероучения и нравоучения; они совершенно отреклись от церкви.

Впрочем, не должно обвинять во всем раскольников.

Западное просвещение так сильно нахлынуло в Россию, что оно вторглось и в Церковь, нарушило ее восточный православный характер, хотя нарушило его в предметах, нисколько не касающихся сущности христианства. Эти нарушения восточного православного характера соблазняют раскольников, огорчают сынов церкви, основательно изучивших христианство. Эти нарушения так мелочны, что могут быть весьма скоро устранены. Россия уже не повинуется и не подражает слепо Европе; она подвергает западную образованность благоразумной критике; она желает явиться в общество европейских государств в собственном своем характере, а не в характере, взятом на время заимообразно, напрокат. К достижению этого она уже делает попытки, на которые мы сейчас укажем.

Все русские поняли, что итальянские картины не могут быть святыми иконами. Между тем итальянская живопись

взошла почти во все православные русские храмы со времен преобразования России на европейский лад. Эта живопись соблазняет раскольника, огорчает истинно православного: она – западный струп на православном храме. С кого итальянские живописцы писали изображения святейших жен? Со своих любовниц. Знаменитые Мадонны Рафаэля выражают самое утонченное сладострастие. Известно, что Рафаэль был развратнейший человек, желал выразить идеал, который действовал бы на него наиболее сильно, и нередко кидал кисть, чтоб кинуться в объятия предстоявшей ему натурщицы. Другие живописцы, которых талант был грубее, нежели талант Рафаэля, выражали сладострастие на своих мнимых иконах гораздо ярче; иные выразили уже не одно сладострастие, но и бесстыдство, неблагопристойность.

Иконы некоторых святых мужей списаны с женщин, как, например, знаменитое изображение Иоанна Богослова, написанное Доминикенем. Иконы некоторых мучеников итальянские любострастные живописцы написали со своих товарищей разврата, после ночи или ночей, проведенных ими беспорядочно, когда это поведение напечатлелось на изнуренных их лицах. Все движения, все позы, все физиономии на итальянских картинах или вообще на картинах, написанных западными еретиками и изображающих священные предметы, – чувственны, страстны, притворны, театральны; ничего в них нет святого, духовного; так и видно, что живописцы были люди вполне плотские, не имевшие ни малей-

шего понятия о состоянии духовном, никакого сочувствия к нему и потому не имевшие никакой возможности изобразить человека духовного живописью. Не имея понятия о том, какое положение принимают черты лица углубленного в свою молитву святого мужа, какое положение принимают его глаза, его уста, его руки, все тело его, они сочиняют в невежественном воображении своем произвольную, невежественную мечту, сообразно этой мечте устанавливают натурщика или натурщицу, и отличная кисть изображает на полотне совершенную нелепость, так, как красноречивейший оратор по необходимости должен был бы произнести самую бестолковую речь, если б заставили его говорить о предмете, вовсе неизвестном ему.

Воспитанники русской Академии художеств получили образование по образцам западным и наполнили храмы иконами, вполне недостойными имени икон. Если б эти иконы, пред которыми опускаются долу взоры целомудренные, не стояли в храме, то никто и не подумал бы, что им приписывается достоинство икон. Светский человек, насмотревшийся на всё и имеющий обширную опытность, не может себе представить того действия, которое такие изображения оказывают на девственную природу. Некоторый старец, проводивший в пустыне возвышенную монашескую жизнь, должен был по некоторым обстоятельствам приехать в Петербург. Здесь он был приглашен однажды вечером набожной старушкою-дамой для духовной беседы. В это время дочери

старушки одевались, чтоб ехать на бал. Одевшись, или, правильнее, обнажившись по требованию современной моды, они пришли к маменьке, чтоб поцеловать ее ручку и сесть в карету. Старец, увидав невиданное им никогда в жизни – девиц, бесстыдно обнажившихся по уставу Запада, по уставу ереси и язычества, пришел в ужас. Он уверял, что после виденного им соблазна уже не нужно являться самому диаволу для соблазна. Каково же видеть такому девственному оку подобное изображение на иконе, изображение, возбуждающее не молитву, а самые нечестивые страсти.

Несвойственность итальянской живописи для икон уже теперь очевидна и признана. Но, к сожалению, современная мода устремилась к другой крайности – к подражанию старинной русской иконописи со всеми ее неправильностями и с присовокуплением разных несообразностей новейшего изобретения. Здесь новый повод к соблазну. Пред такой иконой не соблазняется раскольник, не могущий отличить правильного рисунка от неправильного, – соблазняется пред нею легкомысленное чадо новейшего прогресса. Видя уродливость изображений на иконе, это чадо соблазняется, смеется, кощунствует. Его поверхностное образование и просвещение не дают ему возможности отделить в церкви установлений Святых и Божественных от того разнообразного сору, который в различные времена вносился в церковь немощью, ограниченностью, греховностью человеческой, сообразно духу века. Это чадо новейшего прогрес-

са, чуждое здравого смысла, видя недостаток, внесенный в церковь человеческой немощью, тотчас колеблется в доверии к самой церкви, начинает осуждать ее, делается чуждым ее. Сколько вредно соблазнять раскольников, столько вредно соблазнять и современное поколение; сколько нужно снисходить немощи раскольников, столько необходимо снисходить и немощи питомцев новейшего прогресса. «Безпреткновени бывайте», – сказал святой апостол Павел иудеям и еллинам[289].

В наше время искусство живописи достигло высокой степени усовершенствования. Живописец, желающий писать иконы, достойные Божия храма и назидательные для христиан, имеет для сего наибольшие средства, чем когда-либо, но должен непременно проводить жизнь самую благочестивую, чтоб стяжать опытное познание духовных состояний, должен быть знаком в особенности с благочестивыми иконами, чтоб на лицах их усмотреть то глубокое спокойствие, тот отпечаток небесного тихого радования, ту младенческую простоту, которые являются на этих лицах от тщательной молитвы и от других благочестивых занятий. Пусть он всмотрится в естественность их движений, в отсутствие в них всего сочиненного, всего придуманного. Правильность рисунка необходима для иконы; притом нужно изображать святых свято, такими, какими они были, простыми, спокойными, радостными, смиренными, в таких одеждах, какие они носили, в положе-

[289] 1 Кор. 10, 32.

ниях и движениях самых скромных, исполненных благоговения, основательности, страха Божия. Изображению святого должны быть чужды изысканная поза, движение, изображающее восторженность, положение лица романическое, сентиментальное, с открытым ртом, с закинутою кверху головою или с сильно устремленными кверху глазами. Последнее положение, к которому обыкновенно прибегают для изображения молитвенного состояния, именно и воспрещается иметь при молитве святыми отцами. Также не должно изображать святых жен и дев с опущенными книзу глазами: дева начинает тогда опускать вниз глаза, когда явится в ней ощущение греховное; в невинности своей она глядит прямо.

Также начинают многие понимать, что итальянское пение не идет для православного богослужения. Оно нахлынуло к нам с Запада и несколько десятилетий тому назад было в особенном употреблении. Причастный стих был заменен концертом, напоминавшим оперу. Ухо светского человека, предающегося развлечениям и увеселениям, не поражается так сильно этой несообразностью, как ухо благочестивого человека, проводящего серьезную жизнь, много рассуждающего о своем спасении и о христианстве, как о средстве к спасению, желающего от всей души, чтоб это средство сохранялось во всей чистоте своей и силе, как сокровище величайшей важности, как наследство самое драгоценное для детей и внуков. Надо знать, что в России вся масса народа проводит жизнь самую серьезную, будучи поставлена в необходи-

мость проводить такую жизнь обстоятельствами. Жизнь развлеченную, веселую, в сфере современного прогресса, могут проводить весьма немногие, потому что для такой жизни нужны достаточные материальные средства. Веселящиеся на земле не должны судить о прочих человеках, как они обыкновенно это делают, по себе. Для того чтоб один веселился, часто тысячи и тысячи должны нести тягчайший труд, проливать горькие слезы и кровавый пот: как мысли и чувства этих тысяч могут быть одинаковы с веселящеюся единицею?

Страдания и плач есть достояние падшего человека на земле, как научает нас Евангелие, и этот падший и погибший человек приходит в церковь Божию излить пред Богом именно горестные чувствования свои; раскрыть пред Богом бедственное состояние свое. Большая часть молитв, поемых и читаемых в церкви, выражают прошения погибшего о помиловании, развивают понятие о погибели человечества, показывают ее многоразличные оттенки и признаки, заключают в себе исповедание человеческого падения вообще и исчисление частностей падения. Они переходят по временам к славословию Бога, к радостному хвалению действий Искупителя и искупления; но и это славословие, и эти хвалы произносятся узниками, заключенными в темнице, получившими надежду на освобождение, но еще не получившими освобождения. Радость, производимая надеждою спасения нашего, по необходимости соединена в нас со скорбным ощущением греховного плена.

Весьма справедливо святые отцы называют наши духовные ощущения «радостно-печалием»: это чувство вполне выражается знаменным напевом, который еще сохранился в некоторых монастырях и который употребляется в единоверческих церквах. Знаменный напев подобен старинной иконе. От внимания ему овладевает сердцем то же чувство, какое и от пристального зрения на старинную икону, написанную каким-либо святым мужем. Чувство глубокого благочестия, которым проникнут напев, приводит душу к благоговению и умилению. Недостаток искусства – очевиден, но он исчезает пред духовным достоинством. Христианин, проводящий жизнь в страданиях, борющийся непрестанно с различными трудностями жизни, услыша знаменный напев, тотчас находит в нем гармонию со своим душевным состоянием. Этой гармонии он уже не находит в нынешнем пении православной церкви. Придворное пение (здесь указываю наиболее на обедню; впрочем, «Господи, помилуй», поемое на литургии, уже поется и на всех церковных последованиях), ныне взошедшее во всеобщее употребление в православных церквах, необыкновенно холодно, безжизненно, какое-то легкомысленное, срочное! Сочинения новейших композиторов выражают настроение их духа, настроение западное, земное, душевное, страстное или холодное, чуждое ощущения духовного. Некоторые, заметив, что западный элемент пения никак не может быть соглашен с духом православной церкви, справедливо признав знаменитые

сочинения Бортнянского сладострастными и романическими, захотели помочь делу. Они переложили, с сохранением всех правил контрапункта, знаменный напев на четыре голоса. Удовлетворил ли труд их требованию церкви, требованию ее духа? Мы обязаны дать отрицательный ответ. Знаменный напев написан так, чтоб петь одну ноту (в унисон), а не по началам (partheses), сколько бы певцов ни пели ее, начиная с одного певца. Этот напев должен оставаться неприкосновенным: переложение его есть непременно искажение его. Такой вывод необходим по начальной причине: он оправдывается и самим опытом. Несмотря на правильность переложения, канон Пасхи утратил свой характер торжественной радости и получил характер печальный: это уже не восторг, произведенный воскресением всего рода человеческого во Христе, это плач надгробный. Изменение характера, хотя и не так чувствительное, заметно во всех переложениях знаменного напева и других церковных древних напевов. В некоторые переложения трудившиеся в них внесли свой характер, уничтожив совершенно церковный характер: в них слышна военная музыка, как, например, в «Благослови, душе моя, Господа», коим начинается всенощная. Отчего так? Оттого, что переложение совершалось под руководством военного человека, человека вполне светского, образовавшего свой вкус по музыке антицерковной, вносившего поневоле, по естественной необходимости свой элемент в элемент чисто церковный знаменного напева.

Знаменный напев должен оставаться неприкосновенным: неудачное переложение его знатоками музыки доказало эту истину. От всякого переложения характер его должен исказиться. Старинную икону не должно покрывать новыми красками, оставляя неприкосновенным ее рисунок: это было бы искажением ее. Никакой благоразумный человек, знающий отлично иностранные языки, не решится на перевод с них математической книги, не зная математики. Отчего же не придерживаться того же благоразумия относительно церковного пения тем знатокам музыки, которые чужды благодатного духа церковного, даруемого Богом за глубоко благочестивую жизнь. Таково суждение не какого-либо частного человека, таково суждение православной церкви. Святой Дух возвестил, что песнь Господня не может быть воспета «на земли чуждей»[290]. Неспособен к этой песни не только сын мира, но и тот глубоко благочестивый христианин, который не освободил еще от ига страстей своего сердца, сердце которого еще не свободно, еще не принадлежит ему, как порабощенное грехом. Неспособен еще к тому тот, кто на поприще христианского подвижничества, весь день сетуя ходит, то есть находится еще в постоянном созерцании греха своего и в плаче о нем, во внутренней клети которого еще не раздался глас радования, раздающийся в духовных селениях праведников. Кто ж способен воспеть песнь Господню? В чьей душе она может родиться в утешение и наслаждение

[290] Пс. 136, 4.

всей православной церкви?

О чудесах и знамениях

Введение

Святое Евангелие поведало нам, что фарисеи, не удовлетворяясь теми чудесами, которые совершал Господь, требовали от Него особенного чуда: «знамения с небесе»[291]. Требование такого знамения, сообразно с каким-то странным понятием о знамениях и чудесах, повторялось не раз, как и Господь засвидетельствовал: «род сей знамения ищет»[292]. В требовании фарисеев принимали участие саддукеи, столько отличавшиеся верованием своим от фарисеев[293]. Желание «знамения с небесе» выражалось иногда и народом. Так, после чудесного умножения пяти хлебов и насыщения ими многолюдного собрания, в котором было пять тысяч мужей, за исключением жен и детей, очевидцы этого чуда, участники этой трапезы, говорили Господу: «Кое убо Ты твориши знамение, да видим и веру имем Тебе? Что делаеши? Отцы наши ядоша манну в пустыни, якоже есть писано: хлеб с небесе даде им ясти»[294]. Для них показалось недостаточ-

[291] Мк. 8, 11.

[292] Мк. 8, 12.

[293] Мф. 16, 1.

[294] Ин. 6, 30–31.

ным дивное размножение хлебов в руках Спасителя: оно совершилось с тишиною, со святым смирением, которым были проникнуты все действия Богочеловека, а им нужно было зрелище, им нужен был эффект. Им нужно было, чтоб небо покрылось густыми облаками, чтоб возгремел гром и засверкала молния, чтоб хлебы попадали из воздуха. Такой же характер имело требование чуда от Богочеловека иудейскими архиереями и народными начальниками, когда Богочеловек благоволил быть вознесенным на крест. «Архиерее ругающеся с книжники и старцы и фарисеи, глаголаху: иныя спасе, Себе ли не может спасти? Аще Царь Израилев есть, да снидет ныне с креста, и веруем в Него»[295]. Они признают чудеса, совершенные Господом, чудесами, и вместе насмехаются над ними; насмехаясь, отвергают их; отвергая чудеса, дарованные милосердием Божиим, требуют чуда по своему сочинению и усмотрению, чуда, которым, если б оно совершилось, уничтожилась бы цель пришествия на землю Богочеловека, не последовало бы искупления человеков. Между желавшими видеть от Господа чудо, которым намеревалось потешиться легкомыслие, любопытство, безрассудство, является и Ирод[296]. Этому нужно было знамение для приятного препровождения времени; не получив желаемого, он осыпал Господа насмешками, тем и доставил себе минуту развлечения. Что значит – общее требование чудес от Богочеловека,

[295] Мф. 27, 41–42.

[296] Лк. 23, 8.

высказанное людьми столько разнообразного направления, требование, соединенное с пренебрежением поразительных чудес, соделанных Богочеловеком? Такое требование – выражение понятий плотского мудрования о чудесах. Что такое плотское мудрование? Это – образ мыслей о Боге и о всем духовном, заимствованный человеком из его состояния падения, а не из Слова Божия. Свойство вражды Богу и противления Богу, которым заражено и преисполнено плотское мудрование, с особенной ясностью высказывается в требовании от Богочеловека чудес по понятию лжеименного разума, при невнимании к чудесам, при отвержении и осуждении чудес, которые совершал Богочеловек по неизреченной Своей благости. Совершал Он их, будучи «Божия сила и Божия премудрость»[297].

[297] 1 Кор. 1, 24.

Часть первая

Тяжким грехом было требование чуда от Богочеловека, требование, сделанное на основании и из начал плотского мудрования. Богочеловек, услышав это дерзкое, богохульное требование, «воздохнув Духом Своим, глаголя: что род сей знамения ищет? Аминь глаголю вам, аще дастся роду сему знамение. И оставль их, отъиде»[298].

Радость бывает на небе об одном грешнике кающемся: так, напротив того, опечаливает небожителей падение человека в грех и отвержение грешником покаяния. В благодатном созерцании бесконечной благости Божией к человечеству, в созерцании благоволения Божия, чтоб все человеки спаслись, великий Макарий решился сказать, что Самого всесвятого, бесстрастного Бога объемлет свойственный Богу плач о погибели человеков[299]. Не чужд Духу Божию превысший понятия нашего плач, и Дух Божий, вселившись в человека, «ходатайствует о нас, воздыхании неизглаголанными»[300]. Такое воздыхание возбуждено было в Сыне Божием требованием чуда, требованием гордым и безумным. Он, «воздохнув Духом Своим, глаголя: что род сей знамения ищет?» Вопрос этот был ответом Бога на враждебное

[298] Мк. 8, 12–13.

[299] Беседа 30, гл. 7.

[300] Рим. 8, 26.

Богу требование знамения. Какой слышен глубокий плач, плач Божий в этом ответе! В нем слышно как бы выражение недоумения, произведенного нелепостию и дерзостию прошения! В нем видна утрата надежды на спасение людей, произнесших прошение, противное Духу Подающего спасение. Запечатленных плотским мудрованием, упорно пребывающих в нем, недугующих неисцельно Господь оставляет, предает их самим себе, предает погибели, принятой произвольно, удерживаемой произвольно. «И оставль их, отъиде». Точно: «мудрование бо плотское смерть есть»[301]. Свойственно мертвым не чувствовать своего умерщвления; свойственно плотскому мудрованию не понимать и не ощущать погибели человеческой. По причине несознания своей погибели оно не сознает нужды в оживлении и на основании ложного сознания жизни, отвергло и отвергает истинную жизнь – Бога.

Может ли иметь особенную достоверность «знамение с небесе»? Требовавшие такого знамения, конечно, требовали его, приписывая ему эту достоверность. Можно ли заключать, что знамение с неба есть непременное знамение от Бога? Из Божественного Писания видно противное. Самое выражение «знамение с небесе» очень неопределенно: тогда относили, да и ныне большинство человеков, незнакомых с науками, относят к небу то, что совершается в воздухе и в пространстве над воздухом. Так, солнце, луна, звезды призна-

[301] Рим. 8, 6.

ются находящимися на небе, между тем как они плавают в пространстве; дождь, гром, молния называются явлениями небесными, между тем как эти явления совершаются в воздухе, в земной атмосфере, принадлежат положительно земле. Священное Писание повествует, что по действу диавола, «огнь спаде с небесе, и пожже овцы и пастыри» праведного Иова[302]. Очевидно, этот огнь образовался в воздухе, как образуется в нем молния. Симон волхв удивлял чудесами слепотствующий народ, который признавал действующую в нем силу сатаны великою силою Божиею[303]. Особливо привел Симон в удивление идолопоклонников римлян, когда в многочисленном собрании их, объявив себя богом и свое намерение вознестись на небо, внезапно стал подниматься в воздухе; повествует об этом блаженный Симеон Метафраст, заимствуя поведание из древнейших христианских писателей. Пинетти, живший в конце XVIII – начале XIX вв., совершал подобные чудеса. Совершали и совершают их и другие. Страшное бедствие – отсутствие в человеке истинного Богопознания: он принимает дела диавола за дела Божии.

Пред вторым пришествием Христовым, когда христианство, духовное знание и рассуждение оскудеют до крайности между человеками, – «востанут бо лжехристи и лжепророцы, и дадят знамения велия и чудеса, якоже прельстити, аще воз-

---

[302] Иов. 1, 16.

[303] Деян. 8, 10.

можно, и избранныя»[304]. В особенности сам антихрист будет обильно расточать чудеса, поражать и удовлетворять ими плотское мудрование и невежество: он даст им «знамение с небесе», которого они ищут и жаждут. *Его пришествие*, говорит св. апостол Павел, совершится *«по действу сатанину во всякой силе и знамениих и чудесех ложных, и во всякой льсти неправды, в погибающих: зане любве истины не прияша, во еже спастися им»*[305]. Неведение и плотское мудрование, увидев эти чудеса, нисколько не остановятся для размышления: немедленно примут их по сродству духа своего с духом их, по слепоте своей, признают и исповедуют действие сатаны величайшим проявлением силы Божией. Антихрист будет принят очень поспешно, необдуманно. Не сообразят человеки, что чудеса его не имеют никакой благой, разумной цели, никакого определенного значения, что они чужды истины, преисполнены лжи, что они – чудовищное, всезлобное, лишенное смысла актерство, усиливающееся удивить, привести в недоумение и самозабвение, обольстить, обмануть, увлечь обаянием роскошного, пустого, глупого эффекта.

Не странно, что чудеса антихриста будут приняты беспрекословно и с восторгом отступниками от христианства, врагами истины, врагами Бога: они приготовили себя к открытому деятельному принятию посланника и орудия сатаны, его

---

[304] Мф. 24, 24.

[305] 2 Сол. 2, 6–10.

учения, всех действий его, благовременно вступив в общение с сатаною в духе. Достойно глубокого внимания и плача то, что чудеса и деяния антихриста приведут в затруднение самих избранников Божиих. Причина сильного влияния антихриста на человеков будет заключаться в его адском коварстве и лицемерстве, которыми искусно прикроется ужаснейшее зло в его необузданной и бесстыдной дерзости, в обильнейшем содействии ему падших духов, наконец, в способности к творению чудес, хотя и ложных, но поразительных. Воображение человеческое бессильно для представления себе злодея, каким будет антихрист; несвойственно сердцу человеческому, даже испорченному, поверить, чтоб зло могло достичь той степени, какой оно достигнет в антихристе. Он вострубит о себе, как трубили о себе предтечи и иконы его, назовет себя проповедником и восстановителем истинного богопознания; непонимающие христианства увидят в нем представителя и поборника истинной религии, присоединятся к нему. Вострубит он, назовет себя обетованным Мессиею: воскликнут в сретение его питомцы плотского мудрования; увидев славу его, могущество, гениальные способности, обширнейшее развитие по стихиям мира, провозгласят его богом, соделаются его споспешниками[306]. Явит себя антихрист кротким, милостивым, исполненным любви, исполненным всякой добродетели; признают его таким и покорятся ему по причине возвышен-

[306] Преп. Ефрем Сирский, Слово 16, ч. 2.

нейшей его добродетели те, которые признают правдою падшую человеческую правду, и не отреклись от нее для правды Евангелия[307]. Предложит антихрист человечеству устроение высшего земного благосостояния и благоденствия, предложит почести, богатство, великолепие, плотские удобства и наслаждения; искатели земного примут антихриста, нарекут его своим владыкою. Откроет антихрист пред человечеством подобное ухищренным представлениям театра позорище поразительных чудес, необъяснимых современной наукой; он наведет страх грозою и дивом чудес своих, удовлетворит ими безрассудному любопытству и грубому невежеству, удовлетворит тщеславию и гордости человеческой, удовлетворит плотскому мудрованию, удовлетворит суеверию, приведет в недоумение человеческую ученость; все человеки, руководствующиеся светом падшего естества своего, отчуждившиеся от руководства светом Божиим, увлекутся в повиновение обольстителю[308].

Знамения антихриста преимущественно будут являться в воздушном слое: в этом слое преимущественно господствует сатана[309]. Знамения будут действовать наиболее на чувство зрения, очаровывая и обманывая его. Святый Иоанн Богослов, созерцая в откровении события мира, долженствующие предшествовать кончине его, говорит, что антихрист

---

[307] Преп. Макарий Вел. Беседа 31, гл. 4.

[308] Апок. 13, 8.

[309] Ефес. 2, 2; 6, 12.

совершит дела великие, *«да и огнь сотворит сходити с небесе на землю пред человеки»*[310]. На это знамение указывается Писанием как на высшее из знамений антихриста, и место этого знамения – воздух: будет оно великолепным и страшным зрелищем. Знамения антихриста дополнят действия его ухищренного поведения: уловят в последование ему большинство человеков. Противники антихриста сочтутся возмутителями, врагами общественного блага и порядка, подвергнутся пыткам и казням. Лукавые духи, разосланные по вселенной, будут возбуждать в человеках общее возвышеннейшее мнение о антихристе, общий восторг, непреодолимое влечение к нему. Многими чертами изобразило Писание тяжесть последнего гонения на христианство и жестокость гонителя. Чертою решительною и определенною служит название, которое дается Писанием этому ужасному человеку: он назван *«зверем»*[311], тогда как падший ангел назван *«змеем»*[312]. Оба наименования изображают с верностью характер обоих врагов Божиих. Один действует более тайно, другой – более явно; но зверю, который имеет сходство со всеми зверями[313], соединяя в себе их разнообразную лютость, *«даде ему змий силу свою, и престол свой, и область*

---

[310] Апок. 13, 13.

[311] Апок. 13, 1.

[312] Быт. 3, 1; Апок. 12, 3.

[313] Апок. 13, 2.

великую»[314]. Испытание для святых Божиих настанет страшное: лукавство, лицемерство, чудеса гонителя будут усиливаться обмануть и обольстить их; утонченные, придуманные и прикрытые коварной изобретательностью преследования и стеснения, неограниченная власть мучителя поставят их в самое затруднительное положение; малое число их будет казаться ничтожным пред всем человечеством и мнению их будет предавать особенную немощь; общее презрение, ненависть, клевета, притеснения, насильственная смерть соделается их жребием. Лишь при особенном содействии Божественной благодати, под руководством ее, избранные Божии возмогут противостать врагу Божию, исповедать пред ним и пред человеками Господа Иисуса.

Прямое следствие сказанного заключается в том, что фарисеи и саддукеи, требуя у Господа *«знамения с небесе»*, требовали чуда в характере чудес антихриста. Тем, что они требовали именно такого чуда, объясняется поведение Господа в отношении к их требованию. Однажды, при таком требовании, Богочеловек выразил глубокое огорчение, отказал в требовании более, нежели с решительностью, не захотел уже пребывать с позволившими себе требование, удалился от них. В другой раз Он дал им следующий грозный ответ: *«род лукав и прелюбодейный знамения»* ищет: и *«знамения не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка»*[315]. Родом на-

[314] Апок. 13, 2.

[315] Мф. 16, 4; 12, 38–42.

званы все требовавшие знамения по сродству между собою в духе; названы родом прелюбодейным, потому что вступили в общение с сатаною духом своим, расторгнув общение с Богом; названы родом лукавым, потому что, сознавая чудеса Богочеловека, они притворялись несознающими их, уничижая и хуля чудеса Божии, они просили чуда соответственно своему несчастному настроению, своему духу. Прошение *«знамения с небесе»* было не столько прошением чуда, сколько насмешкою над чудесами Богочеловека и выражением невежественного, превратного понятия о чудесах. Знамением Ионы пророка, по объяснению Самого Спасителя [316], означались знамения, сопровождавшие смерть и воскресение Его. Тогда дано было Божие *«знамение с небесе»*! Тогда солнце, увидев распятым Господа, померкло в самый полдень; наступила повсеместная глубокая тьма, продолжавшаяся три часа; завеса храма Иерусалимского расторглась сама собою на двое, с верхнего края до нижнего; произошло землетрясение: расселись камни, отверзлись гробы; многие святые воскресли и явились многим в святом городе [317]. При самом воскресении Господа снова последовало землетрясение; светоносный ангел сошел с неба ко гробу Господа, как свидетель воскресения, поразил ужасом стражей, *приставленных ко гробу искателями* «знамения с небесе». Стража возвестила о совершившемся воскресении Господа иудейскому си-

[316] Мф. 12, 40.

[317] Лк. 23, 45; Мф. 27, 45, 51–53.

недриону. Он, получив *«знамение с небесе»*, выразил к нему пренебрежение и ненависть, какие выражал ко всем предшествующим чудесам Богочеловека, подкупил стражей, вместе с ними озаботился покрыть мраком лжи Божие чудо[318].

Обратимся теперь к рассмотрению чудес, совершенных Господом нашим Иисусом Христом. Они – дар Божий человечеству. Дар дан был не по долгу: дан единственно по благоволению и милосердию. Человеки обязаны были вести себя относительно к дару и к Подателю дара с величайшим благоговением и благоразумием, потому что Податель дара объявлял Себя Богом, принявшим человечество для спасения человеков, а дар свидетельством Своим. Дар имел неоспоримое достоинство. Но как принятие спасения предоставлено свободному произведению человеков, то представлено было человекам рассматривать чудеса Христовы, обсуживать достоверность и качество их, заключать по ним о Совершителе их, чтоб признание и принятие Искупителя было следствием свободного, положительного убеждения, а не поспешного, легкомысленного, как бы насильственного увлечения. Чудеса Христовы имели полную определенность. Можно относительно всех их сказать то, что сказал Господь апостолу Фоме: *«Принеси перст твой семо, и виждь руце Мои: и принеси руку твою, и вложи в ребра Моя, и не буди неверен, но верен»*[319]. Чудеса Христовы были осязательны; они были ясны для са-

[318] Мф. 28,2–4, 11–15.

[319] Ин. 20, 27.

мых простейших людей; ничего в них не было загадочного; всякий мог удобно рассмотреть их; для сомнения и недоумения, чудо ли это или только представление чуда, не было места. Мертвые воскресали, неисцелимые средствами человеческими недуги исцелялись, прокаженные очищались, слепорожденные прозревали, немые начинали говорить; умножалась пища мгновенно для нуждавшихся в ней; волны моря и ветры утихали по одному повелительному слову, и избавлялись от смерти те, которым буря угрожала смертью; мрежи рыбарей, тщетно трудившихся в ловитве долгое время, внезапно наполнялись рыбами, послушными безмолвному голосу Господа своего. Чудеса Богочеловека имели множество свидетелей, из которых большая часть были или враждебны Ему, или невнимательны, или искали от Него одного телесного вспоможения. Чудеса были неопровержимы. Самые злейшие враги Господа не отвергали их, старались только уничижить их богохульными претолкованием и всеми средствами, которые внушались им лукавством и злобою. В чудесах Господа не было никакой суетности, никакого эффекта; ни одного чуда не сделано на показ человекам; все чудеса прикрывались покровом Божественного смирения. Они составляют собою цепь благодеяний страждущему человечеству. Вместе с тем они выразили со всей удовлетворительностью власть Творца над вещественной тварью и над сотворенными духами, выразили и доказали достоинство Бога, принявшего на Себя человечество, явившегося челове-

ком между человеками.

Одно из чудес Господа, имея таинственное значение, не сопровождалось никаким видимым благодеянием кому-либо из человеков, знаменуя благодеяние, готовое излиться на все человечество. Чудом было умерщвление бесплодной, богатой одними листьями смоковницы. Это древо упоминается Писанием между древами райскими при сказании о грехопадении праотцев[320]. Оно послужило им листьями своими для прикрытия наготы, которой праотцы не примечали до впадения в грех, которую открыл им грех. Может быть, плод смоковницы райской был плодом воспрещенным. Господь не обрел на смоковнице плода: Он искал его на ней безвременно, Он попустил плоти Своей безвременное желание пищи, чем изображается неправильность пожелания праотцев, которое, как и все немощи человеков, Господь понес на Себе и уничтожил Собою. Не обретши плода, Господь отверг и листья, уничтожил самое существование древа: другое древо, древо крестное уже приготовлялось в орудие спасения человеков. Древо, орудие погибели человеков, умерщвляется повелением Спасителя человеков. Таинственное чудо совершено в присутствии одних наперсников таинственного учения, святых Апостолов. Оно совершено пред самым вступлением Богочеловека в подвиг искупительных страданий за человечество, пред восшествием на крест.

Чудеса Господа имели святой смысл, святую цель. Хотя

---

[320] Быт. 3, 7.

они и сами по себе были великими благодеяниями, но в видах божественного смирения служили только свидетельством и доказательством благодеяния несравненно высшего. Господь, приняв человечество, принес человекам вечный, духовный бесценный дар: спасение, исцеление от греха, воскресение из вечной смерти. Слово Господа и образ жизни являли этот дар со всей удовлетворительностью: по жизни Господь был безгрешен, всесвят; слово Его было преисполнено силы. Но человеки ниспали глубоко во мрак и мглу плотного мудрования; сердца и умы их ослепли. Оказалось нужным особенное снисхождение к болезненному состоянию человеков; оказалось нужным дать самое ясное свидетельство для телесных чувств их; оказалось нужным посредством телесных чувств сообщить жизненные познания уму и сердцу, которые умерли свойственной им смертью, смертью вечною. В помощь слову Божию даны Божии чудеса. Чтоб человеки поняли и приняли духовный дар, усматриваемый одними душевными очами, Господь присоединил к духовному, вечному дару подобный ему дар, дар временный, телесный: исцеление телесных болезней человеческих. Грех служит причиною всех недугов в человеке, и душевных и телесных, служит причиною временной и вечной смерти. Господь, явив Свою власть над последствиями греха в телах человеческих, явил этим власть Свою над грехом вообще. Плотское мудрование не видит ни душевных недугов, ни вечной смерти: но недуги телесные и смерть тела оно видит, оно признает

их, они очень действуют на него, озабочивают его. Господь, исцеляя единым словом, единым повелением всех больных, воскрешая мертвых, повелевая нечистым духам, явил власть Свою, явил власть Бога над человеком, над грехом, над падшими духами, явил очевидно для телесных чувств, для самого плотского мудрования. Оно, видя и осязая эту власть, могло и должно было по логичной последовательности признать власть Господа над грехом не только в отношении греха к телу, но и в отношении греха к душе, признать власть Господа над самою душою, тем более, что в некоторых чудесах Господа, как, например, в воскресении мертвых, явилась неограниченная Божеская власть Его и над телом и над душою. Оживлялось тело; призывалась в него душа, уже отшедшая в мир духов из этого мира, соединялась с телом, с которым она уже разлучилась навсегда. Человеку даны были знамения в нем самом, не где-либо вне; человеку даны были доказательства спасения его в нем самом, не вдали от него. Свидетельство вечного спасения души и тела давалось чрез временное спасение тела от телесных недугов и телесной смерти. При правильном и благочестивом воззрении на чудеса Господа они оказываются преисполненными Божественного разума: требование *«знамения с небесе»* оказывается, каким оно и было, лишенным смысла. Редки случаи, когда власть Господа проявлялась вне человека над предметами вещественной природы, но эти случаи были. Они составляют собою свидетельство, что власть Господа над всею

природою есть власть неограниченная, власть Бога. Чудеса эти служат пополнением к тем чудесам, которые благотворили человечеству в самом составе человеческом, для того, чтобы определение значения, которое долженствовали дать человеки явившемуся Искупителю человеков, было самым точным. Как целию пришествия на землю Господа было спасение человеков: то и попечения Господа сосредоточены были на человеке, на изящнейшем создании Господа, на Его образе, на Его словесном храме. Страна изгнания и страдальческого странствия нашего – земля, вся вещественная тварь, несмотря на свою громадность, оставлена Им без внимания. Если и совершены некоторые чудеса посреди вещества, то совершены для удовлетворения потребности человека.

Таково значение и назначение чудес, соделанных Господом и Его Апостолами. Возвестил это Господь; возвестили это Апостолы. Однажды в тот дом, в котором находился Господь, собралось множество народа. Дом был наполнен, и у дверей теснилась толпа; пройти в дом было уже невозможно. В это время принесли расслабленного, который не сходил с одра. Принесшие, видя многолюдство и тесноту, внесли больного на кровлю; сделав отверстие в потолке, спустили на одре пред Господа. Увидев деяние веры, милосердный Господь сказал расслабленному: *«чадо, отпущаются тебе греси твои»*. Тут сидели некоторые из книжников. Им, как знающим закон по букве и как зараженным завистию и ненавистию к Богочеловеку, тотчас пришла мысль, что произне-

сена хула. *«Кто может*, – помышляли они, – *оставлять грехи, токмо един Бог»*. Сердцеведец Господь, узрев помышления их, сказал им: *«Что сия помышляете в сердцах ваших? что есть удобее* (что легче по вашему понятию) *рещи расслабленному: отпущаются тебе греси, или рещи: возстани, и возми одр твой и ходи?»* Сказать бездоказательно «отпущаются тебе греси» может и лицемер и обманщик. *«Но да увесте, яко власть имать Сын человеческий на земли отпущати грехи,* (глагола расслабленному), *тебе глаголю: востани и возми одр твой, и иди в дом твой»*. Расслабленный мгновенно исцелел и окреп; взял одр и вышел пред всеми[321]. Чудо исполнено Божественной мудрости и благости. Во-первых, Господь подает страждущему существенный духовный дар, невидимый чувственными очами: отпущение грехов. Подаяние дара возбудило в ученых иудейских невольное исповедание, что такой дар может быть подан одним Богом. Господь ответом на сердечное помышление их дает им новое о себе доказательство, что Он – Бог. Наконец, духовный дар и духовное доказательство запечатлеваются даром и доказательством вещественным: мгновенным и полным исцелением больного.

Святый евангелист Марк, оканчивая свое Евангелие, говорит, что Апостолы по вознесении Господа, «проповедаша всюду, Господу поспешствующу, и слово утверждающу

[321] Мк. 2, 2–12.

последствующими знаменми»[322]. Эту же мысль выразили и все Апостолы в молитве, с которой они прибегли к Богу после угроз Синедриона, воспрещавшего учить и действовать о имени Иисуса: *«Даждь рабом Твоим*, – говорили они, – *со всяким дерзновением глаголати слово Твое, внегда руку Твою прострети Ти во исцеления, и знамением и чудесем бывати именем святым отрока Твоего Иисуса»*[323]. Знамения Божии даны были в содействие слову Божию. Знамения свидетельствовали о силе и значении слова. Существенный деятель – слово. Не нужны там знамения, где приемлется слово, по причине понятого достоинства, принадлежащего слову. Знамения – снисхождение к немощи человеческой.

Иначе действует слово, и иначе знамения. Слово действует непосредственно на ум и сердце; знамения действуют на ум и сердце посредством телесных чувств. Последствия подействовавшего слова сильнее, определеннее, нежели последствия от действия знамения. Когда действуют вместе и слово и знамения, тогда действие знамения остается как бы непримечательным, по причине обильного действия от слова. Это с ясностью усматривается из поведаний Евангелия. На Никодима подействовали знамения, и он признал в Господе *лишь учителя, посланного от Бога*[324]. На апостола Петра подействовало слово, и он исповедал Господа Христом,

---

[322] Мк. 16, 20.

[323] Деян. 4, 29–30.

[324] Ин. 3, 2.

Сыном Божиим. *«Глаголы живота вечнаго имаши. И мы веровахом, и познахом, яко Ты еси Христос, Сын Бога Живаго»*[325]. Святый Петр был очевидцем многих чудес Господа: умножение пяти хлебов и насыщение ими многочисленного собрания людей только что совершилось; но при исповедании своем Апостол умалчивает о чудесах, говорит единственно о силе и действии слова. То же последовало и с двумя учениками, которые беседовали с Господом, не узнавая Его, на пути в Еммаус, и узнали по пришествии в это селение уже в доме при преломлении хлеба. Едва они узнали Его, как Господь сделался невидим. Они не сказали ничего о поразительном чуде, они обратили все внимание на действие слова. *«Не сердце ли наше горя бе в нас, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама Писания»*[326]. Богочеловек ублажил не видевших знамений и веровавших. Он выражал соболезнование к тем, которые, не удовлетворяясь словом, нуждались в чудесах. *«Аще знамений и чудес не видите, не имате веровати»*, – сказал Он капернаумскому вельможе[327]. Точно! Достойны сожаления оставляющие слово, ищущие убеждения от чудес. Этою потребностию обнаруживается особенно преобладание плотского мудрования, грубое невежество, жительство, принесенное в жертву тлению и греху, отсутствие упражнения в изучении закона Бо-

[325] Ин. 6, 68–69.

[326] Лк. 24, 32.

[327] Ин. 4, 48.

жия и в Боголюбезных добродетелях, неспособность души сочувствовать Святому Духу, ощутить присутствие и действие Его в слове. Знамения были наиболее предназначены для убеждения и приведения к вере людей чувственных, занятых попечениями мира.

Погружение в житейские заботы, постоянно пригвожденные душою к земле и делам ее малоспособны оценить достоинство слова: милосердое Слово привлекало их к спасению, даруемому словом, посредством видимых знамений, которые, составляя собою вещественное убеждение, действовавшее через чувства, приводили немощную душу к всемогущему, спасительному Слову. Уверовавшие по причине знамений составляли низший разряд верующих во Христа. Когда им предложено было духовное, возвышеннейшее, всесвятое учение, тогда многие из них истолковали его по своим понятиям[328], не захотели испросить объяснения Божию слову у Бога, осудили слово, которое было «Дух и жизнь», обличили этим свою поверхностную веру, свой поверхностный залог сердечный, и *«мнози от ученик Его* (видевших многие знамения) *идоша вспять, и ктому не хождаху с Ним»*[329]. Ни слово, ни знамения Богочеловека не подействовали благотворно на иудейских первосвященников, книжников, фарисеев и саддукеев, хотя, за исключением последних, они и знали отчетливо закон Божий по букве. Они не только были чужды Бога,

---

[328] Ин. 6, 60.

[329] Ин. 6, 66.

враждебны Богу по причине греховной заразы, общей всему человечеству, но сделались такими, утвердили и запечатлели себя в таком расположении по причине собственного произволения, по причине самомнения, по причине желания проводить ту жизнь и преуспевать в той жизни, которая воспрещалась Евангелием. Они не могли слышать говорившего им Сына Божия: они не выслушивали, как должно, слов Его, не внимали Ему; только улавливали те слова, которые представлялись им удобными к претолкованию и к обвинению ими Господа. Так обыкновенно настраивается ненависть к словам ненавидимого. *«Почто беседы Моея не разумеете?»* – говорил Спаситель врагам Своим, отвергавшим упорно и с ожесточением предлагаемое им спасение. Почему вы не уразумеваете Моего учения? Почему не принимаете Моего целительного слова? Потому что *«не можете слышати словесе Моего»*[330]: оно невыносимо для вас. Будучи чадами лжи и деятелями в ее направлении, *«зане истину глаголю, не веруете Мне. Иже есть от Бога, глаголов Божиих послушает: сего ради вы не послушаете, яко от Бога несте. Аще не творю дела Отца Моего, не имите Ми веры: аще ли творю, аще и Мне не веруете, делом Моим веруйте: да разумеете и веруете, яко во Мне Отец, и Аз в Нем»*[331].

Тщетны были слова, которые, как Божия истина, сами в

---

[330] Ин. 8, 43.

[331] Ин. 8, 45; 8, 47; 10, 37–38.

себе заключали полное удостоверение[332]; тщетны были чудеса, которые также заключали в себе полное удостоверение, которые были так осязательны и очевидны, что враги Богочеловека, при всем желании и усилии отвергнуть их, не могли не признавать их[333]. Средство, которое действовало на людей, не знавших закона Божия или очень мало знакомых с ним, проводивших жизнь в земных занятиях и суетах, но не отвергавших закона Божия по произволению, это средство не оказывало никакого действия на знавших подробно закон Божий по букве, отвергавших его жизнию и произволением[334]. Все, что можно было сделать для спасения человеков, сделано неизреченным милосердием Божиим. *«Аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели: ныне же вины (извинения) не имут о гресе своем. […] Аще дел не бых сотворил в них, ихже ин никтоже сотвори, греха не быша имели: ныне же и видеша, и возненавидеша Мене и Отца Моего»* [335]. Христианство преподано с такою определенностию, что нет оправдания для тех, которые не знают его. Причина незнания – одно произволение. Как солнце светит с неба, так светит христианство. Закрывающий произвольно глаза да приписывает свое неведение и невидение собственному произволению, а не отсутствию света. Причина отвержения Бого-

---

[332] Ип. 8, 14.

[333] Ин. 9, 24.

[334] Ин. 5, 46–47; 7, 19.

[335] Ин. 15, 22–24.

человека человеками заключается в человеках, как в них же заключается и причина принятия антихриста. *«Аз пришдох во имя Отца Моего и не приемлете Мене: аще ин пришдет во имя свое, того приемлете»*[336]. Они названы вместе и отвергающими Христа и принимающими антихриста, хотя об антихристе упоминается как имеющем прийти. Отвергая Христа по настроению своего духа, они вместе с тем принимали антихриста по тому же настроению духа: они сопричислились к принявшим антихриста, хотя и окончили поприще земного странствия за многие столетия до пришествия его. Они совершили величайшее дело его: богоубийство. Для времени явления его, для него самого не оставлено подобного злодеяния. Как дух их находился во враждебном отношении ко Христу, так находился он в состоянии общения с антихристом, отделяясь от него огромным пространством времени, достигающим ныне конца второму тысячелетию. *«И всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша от Бога несть: и сей есть антихристов, его-же слышасте, яко грядет, и ныне в мире есть уже»* (по духу)[337].

Водящиеся духом антихриста отвергают Христа, приняли антихриста духом своим, вступили в общение с ним, подчинились и поклонились ему в духе, признав его своим богом. *«И сего ради послет* (т. е. попустит) *им Бог действо лести, во еже веровати им лжи: Да суд пришмут вси не ве-*

---

[336] Ин. 5, 43.

[337] 1 Ин. 4, 3.

ровавшии истине, но благоволившии в неправде»[338]. В попущении Своем Бог правосуден. Попущение будет удовлетворением, вместе обличением и судом для человеческого духа. Придет антихрист в свое, предопределенное ему время. Пришествие его предварится общим отступлением в большинстве человеков от христианской веры. Отступлением от Христа человечество приготовится к принятию антихриста, примет его в духе своем. В самом настроении человеческого духа возникнет требование приглашения антихриста, сочувствие ему, как в состоянии сильного недуга возникает жажда к убийственному напитку. Произносится приглашение! Раздается призывный голос в обществе человеческом, выражающем настоятельную потребность в гении из гениев, который бы возвел вещественное развитие и преуспеяние на высшую степень, водворил на земле то благоденствие, при котором рай и небо делаются для человека излишними. Антихрист будет логичным, справедливым, естественным последствием общего нравственного и духовного направления человеков.

Чудеса вочеловечившегося Бога составляли собою величайшие вещественные благодеяния, какие только может представить себе человечество. Какое благодеяние может быть более возвращения жизни умершему? Какое благодеяние может быть драгоценнее исцеления неисцелимой болезни, отнимавшей жизнь при жизни, соделывавшей жизнь бо-

[338] 2 Солун. 2, 11–12.

лее похожею на продолжительную смерть, нежели на жизнь? Однако несмотря на благотворность, святость, духовное значение чудес Христовых, – эти чудеса были только дарами временными. В точном смысле это были знамения. Знамениями были они даруемого словом вечного спасения. Воскрешенные Богочеловеком опять умерли в свое время: им даровано только продолжение земной жизни, а не возвращена эта жизнь навсегда. Исцеленные Богочеловеком снова заболели и также умерли: здравие возвращено им было только на срок, а не навсегда. Излиты временные и вещественные благодеяния в знамение благодеяний вечных и духовных. Видимые дары были раздаваемы человекам, порабощенным чувственности, чтоб они уверовали в существование даров невидимых, и приняли их. Знамения извлекали из пропасти неведения и чувственности, приводили к вере: вера сообщала познания о благах вечных и внушала желание приобрести их. При споспешестве дивных знамений Апостолы быстро распространили христианство по вселенной: знамения были ясным и сильным доказательством христианства и для образованных народов, и для народов, погруженных в невежество и варварство. Когда же насаждена была повсеместно вера, насаждено было слово: тогда отъяты знамения, как окончившие свое служение. Они престали действовать в обширном размере и повсюду: совершали их редко избранные святые Божии. Иоанн Златоуст, Св. Отец и писатель IV и V веков, говорит, что в его время уже престало действовать дарова-

ние знамений, хотя еще были по местам, особливо между иноками, мужи знаменосные. С течением времени знаменосные мужи постоянно умалялись. О последних временах святые Отцы предсказали, что тогда знаменосных мужей не будет. «Отчего, говорят некоторые, ныне нет знамений?» Ответ мой на это выслушайте с особенным вниманием, потому что предложенный мне здесь вопрос я слышу от многих и часто и всегда. Почему тогда все принимавшие крещение начинали говорить на иностранных языках, а ныне этого не бывает? Почему ныне отнята и взята у человеков благодать чудес? Совершает это Бог, не подвергая нас бесчестию, но даже предоставляя нам большую честь. Каким же образом? Я объясню.

Люди тех времен были скудоумнее, как только что отвлеченные от идолов; ум у них был дебелый и тупой, они были погружены в вещественное и преданы ему, не могли представить себе существование даров невещественных, не знали значение духовной благодати, что все приемлется одною верою: по этой причине были знамения. Из даров духовных одни невидимы и приемлются лишь верою, другие же соединены с некоторым знамением, подверженным чувствам, для возбуждения веры в неверующих. Например: прощение грехов – дар духовный и невидимый: мы не видим телесными очами нашими, каким образом очищаются наши грехи. Очищается душа, но душа невидима для очей тела. Итак, очищение грехов есть духовный дар, не могущий быть откры-

тым для очей тела; способность же говорить на иностранных языках хотя и принадлежит к действиям Духа, но вместе служит и знамением, подверженным чувствам, почему легко может быть усмотрено неверующими: невидимое действие, совершаемое внутри души, делается явным и показывается посредством наружного языка, который слышим. По этой также причине говорит Павел: *«Комуждо же дается явление Духа на пользу»*. Итак, я в знамениях не нуждаюсь. Почему это? Потому что научился веровать благодати Божией и без знамений. Неверующий нуждается в доказательстве; но я, верующий, нисколько не нуждаюсь в доказательстве, ни в знамении; хотя не говорю на иностранных языках, но знаю, что я очищен от греха. Прежние не верили, доколе не получали значения. Знамения давались им, как доказательство веры, которую они принимали. Итак, давались знамения не верующим, но неверующим, чтоб они соделывались верующими; так говорит и Павел: *«знамения суть не верующим, но неверным»*[339].

Если б знамения были необходимо нужны, они пребыли бы. Пребыло слово, водворению которого содействовали знамения. Оно распространилось, воцарилось, объяло вселенную. Оно объяснено со всею удовлетворительностью Отцами Церкви: доступ к нему и усвоение его соделались особенно удобными. Оно существенно нужно, оно необходимо, оно совершает спасение человеков, оно преподает веч-

[339] Св. Нифонт, 4-й ответ брату.

ные блага, оно доставляет Царство Небесное, в нем сокровенны духовные возвышеннейшие знамения Божии. *«Глагол же Господень пребывает во веки. Се же есть глагол, благовествованный в вас»*[340]. В слове – жизнь, и Оно – жизнь[341]. Оно умерших человеков рождает в жизнь вечную, подавая им из себя свою всесвятую жизнь: слышатели и деятели слова бывают *«порождени не от семени истленна, но неистленна, Словом живаго Бога и пребывающа во веки»*[342]. Чтоб познать значение слова, должно исполнять его. Евангельские заповеди, будучи исполняемы, немедленно начинают преобразовывать, претворять, оживотворять человека, претворять его образ мыслей, его сердечные чувствования, самое тело: *«Живо бо слово Божие, и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остре, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным»*[343]. Слово Божие содержит в себе самом свидетельство о себе. Оно, подобно цельбоносным знамениям, действует в самом человеке и этим действием свидетельствует о себе. Оно есть высшее знамение. Оно знамение – духовное, которое, будучи даровано человеку, удовлетворяет всем потребностям его спасения, соделывает пособие от вещественных знамений ненужным. Христианин,

---

[340] 1 Петр. 1, 25.

[341] Ин. 1, 4.

[342] 1 Петр. 1, 23.

[343] Евр. 4, 12.

которому неизвестно такое свойство слова, обличает себя в холодности к слову, в незнании слова Божия или в мертвом знании по одной букве.

Часть вторая

Стремление, встречающееся в современном христианском обществе, видеть чудеса и даже творить чудеса не должно быть оставленным без внимания. Это стремление нуждается в тщательном рассмотрении. Стремление к совершению чудес очень порицается святыми Отцами: таким стремлением обнаруживается живущее в душе и овладевшее душою самообольщение, основанное на самомнении и тщеславии. Великий наставник иноков, святый Исаак Сирский, так рассуждает об этом предмете: «Господь во всякое время близкий заступник к святым Своим, но без нужды не являет силы Своей каким-либо явным делом и знамением чувственным, чтоб заступление Его не сделалось как бы обычным для нас, чтоб мы не утратили должного благоговения к Нему, и оно не послужило для нас причиною вреда. Так поступает Он, промышляя о святых: Он попускает им во всяком обстоятельстве явить подвиг, соответствующий силе их, и потрудиться в молитве; вместе с тем показывает им, что ниже на час прекращается его тайное попечение о них. Если же обстоятельство затруднительностью своею превышает меру разума их, если они изнемогут и не будут в состоянии действовать по естественному недостачеству своему, то Сам совершает нужное к вспоможению их, по величеству державы Своей, как должно и как Он ведает. Он укрепляет их по воз-

можности тайно, влагая в них силу к преодолению скорби их. Он разрешает запутанную скорбь разумом, который дарует из Себя, и уразумением промысла Своего возбуждает их к славословию, полезному во всех отношениях. Когда же обстоятельство требует явного вспоможения, тогда, по нужде, делает Он и это. Средства Его и образы вспоможения самые мудрые. Они помогают при скудности, в случае нужды, а не действуют бессмысленно.

Дерзающий и молящий Бога о совершении чего-либо необычного, не будучи вынужден к тому необходимостью, желающий, чтоб чудеса и знамения совершались руками его, искушается в уме своем от насмехающегося над ним диавола, оказывается тщеславным и недугующим совестью своею. Подобает в скорби просить помощи Божией; без нужды искушать Бога – бедственно. Поистине, неправеден тот, кто желает этого. Мы находим примеры в житии святых, что Господь, выражая Свое неблаговоление, исполнил подобные желания их. Хотящий и желающий этого самопроизвольно, не быв вынужден к тому, ниспадает падением из состояния самоохранения и уклоняется в поползновение от разума истины. Если просящий этого будет услышан, то лукавый обретает в нем место, как в ходящем пред Богом без благоговения, с дерзостью, и ввергает его в большие поползновения. Истинные праведники не только не желают быть чудотворцами, но и когда дастся им дар чудотворения, отказываются от него. Они не только не хотят этого пред очами человеков,

но и в себе, в тайне сердец своих. Некоторый из святых Отцов, по причине чистоты своей, получил от благодати Божией дар провидеть приходивших к нему; но он просил у Бога, умолив и друзей своих молиться о том же, чтоб этот дар был взят у него. Если некоторые из святых приняли дарования, то приняли по требованию нужды или по причине простоты своей; другие приняли по указанию Божественного Духа, действовавшего в них, а отнюдь не случайно, без причины…

Истинные праведники постоянно помышляют, что они недостойны Бога. Тем, что они признают себя окаянными, не заслуживающими попечения Божия, свидетельствуется их истина[344]. Из этого святого размышления вытекает заключение, что желающие совершать знамения желают этого по плотскому разгорячению, по увлечению непонимаемыми ими страстями, хотя, может быть, и представляется им, что они руководствуются ревностью к делу Божию. В таком же состоянии самообольщения и разгорячения находятся и те, которые хотят видеть знамения. Искушать Бога, нарушать благоговение к Нему, воспрещается во всяком случае: дозволяется просить помощи Божией в крайней нужде, когда не имеется собственных средств, чтоб выйти из нее; но избрание средств к вспоможению должно предоставить Богу, предавая себя Его воле и милости. Господь всегда ниспосылает средство вспоможения душеполезное: оно доставляет нам помощь, в которой нуждаемся, и в самой этой помощи пре-

[344] Слово 36.

подает святое вкушение смирения. Помощь не бывает соединена с наружным блеском, как желалось бы того плотскому мудрованию, чтоб душа не повредилась от удовлетворения тщеславию ее. И в деле Божием, в самом служении Церкви, должно непрестанно призывать благословение Божие и помощь Божию, должно веровать, что единственно способы Божественные, духовные могут быть полезны для веры и благочестия, а отнюдь не способы, предлагаемые плотским мудрованием.

Трудно человекам переносить славу без вреда для души своей. Трудно это не только страстным или борющимся со страстями, но и победившим страсти, и святым. Хотя дарована им победа над грехом, но не отнята у них изменяемость, не отнята возможность возвратиться ко греху и под иго страстей, что и случилось с некоторыми при недостатке бодрствования над собою, при допущении доверенности к себе, к своему духовному состоянию. Наклонность к гордости, как замечает преподобный Макарий Великий, пребывает в самых очищенных душах. Эта-то наклонность и служит началом совращения и увлечения. По причине ее дар исцеления и прочие видимые дары очень опасны для тех, которым они даны, как высоко ценимые плотскими и чувственными людьми, прославляемые ими. Невидимые благодатные дары, несравненно высшие видимых, как например дар руководить души ко спасению и врачевать их от страстей, не понимаются и не примечаются миром: он не только не про-

славляет служителей Божиих, имеющих эти дары, но и гонит их, как действующих против начал мира, как наветующих владычество миродержца. Милосердный Бог дает человекам то, что им существенно нужно и полезно, хотя они не понимают и не ценят этого, – не дает того, что во всяком случае малополезно, часто может быть весьма вредным, хотя плотское мудрование и неведение ненасытно жаждут и ищут его. *«Многие*, – говорит святой Исаак Сирский, – *совершили знамения, воскресили мертвых, потрудились в обращении заблудших, сотворили великие чудеса, привели других к познанию Бога, а после сего сами они, оживотворившие других, впали в скверные и мерзостные страсти, умертвили самих себя»*[345]. Преподобный Макарий Великий повествует, что некоторый подвижник, живший вместе с ним, получил дар исцелений в таком обилии, что исцелял больных одним возложением рук; но будучи прославлен человеками, возгордился и ниспал в самую глубину греховную[346].

В житии преподобного Антония Великого упоминается некоторый юный инок, повелевавший диким онаграм в пустыне. Когда Великий услышал об этом чуде, то выразил недоверенность к душевному устроению инока, не замедлило прийти известие о горестном падении инока. В четвертом веке жил в Египте старый старец, имевший особый дар чудотворений и по причине его громкую славу между челове-

[345] Слово 56.

[346] Беседа 27, гл. 16.

ками. Вскоре он заметил, что гордость стала овладевать им и что он не в состоянии победить ее собственными усилиями. Старец прибег к Богу с теплейшими молитвами, чтоб попущено ему было для смирения беснование. Бог исполнил смиренномудрое прошение раба Своего и попустил сатане войти в него. Старец подвергался всем припадкам беснующегося в течение пяти месяцев; принуждены были надеть на него цепи; народ, стекавшийся к нему во множестве, прославлявший его великим святым, оставил его, разгласив, что он лишился рассудка, а старец, избавившись от славы человеческой, от зарождавшейся в нем гордости по поводу этой славы, возблагодарил Бога, спасшего его от погибели. Спасение совершилось посредством незначительного томления и бесчестия пред плотскими людьми, которые не понимали, что по причине знамений диавол устраивал старцу бедствие, а посредством открытого беснования старец возвращен на безопасный путь дивным милосердием Божиим. После этого делается ясным, почему великие Отцы, Сисой, Пимен и другие, имея обильнейший дар исцелений, старались скрывать его: они не доверяли себе, они знали способность человека удобно изменяться и ограждали себя смирением от душевного бедствия. Святым Апостолам, которым был дан дар чудотворений для содействия проповеди, вместе попущены были промыслом Божиим тяжкие скорби и гонения именно с тою целью, чтоб оградить их от превозношения.

Говорит святой Исаак Сирский: *«Дарование без искуше-*

ний – погибель для приемлющих его. Если твое делание благоугодно Богу и он даст тебе дарование, то умоли его дать тебе и разум, каким образом смириться тебе при даровании, или чтоб был приставлен страж к дарованию (стражем дара у святых Апостолов были попущенные им напасти), или чтоб взято было у тебя дарование, могущее быть причиной твоей погибели: потому что не все могут сохранить богатство безвредно для себя».

Воззрение духовного разума на телесные недуги и на чудесные исцеления их совершенно иное, нежели воззрение плотского мудрования. Плотское мудрование признает недуги бедствием, а исцеление от них, особливо чудесное, величайшим благополучием, мало заботясь о том, сопряжено ли исцеление с пользою для души или с вредом для нее. Духовный разум видит и в недугах, посылаемых промыслом Божиим, и в исцелениях, даруемых Божественною Благодатью, милость Божию к человеку. Озаряемый светом слова Божия, духовный разум научает Богоугодному и душеспасительному поведению в обоих случаях. Он научает, что позволительно искать и просить у Бога исцеления недугу при твердом намерении употребить возвращенное здравие и силы в служение Богу, отнюдь не в служение суетности и греху. В противном случае чудесное исцеление послужит только к большему осуждению, привлечет большее наказание во времени и в вечности. Это засвидетельствовал Господь, исцелив расслабленного, Он сказал ему: *«Се, здрав еси: ктому не согре-*

шай, да не горше ти что будет»[347].

Немощен человек, удобопреклонен ко греху. Если некоторые святые, имевшие благодатный дар исцеления, обиловавшие духовным рассуждением, подверглись искушению от греха и пали, то плотские люди, не имеющие определенного понятия о духовных предметах, тем удобнее могут злоупотребить даром Божиим. И многие злоупотребили им! Получив чудесным образом исцеление от недуга, они не обратили внимания на благодеяние Божие и на обязанность свою быть благодарным за благодеяние, начали проводить греховную жизнь, дар Божий обратили во вред себе, отчуждились от Бога, утратили спасение. По этой причине чудесные исцеления бывают редко, хотя плотское мудрование очень уважает их и очень бы желало их. *«Просите, и не приемлете,* – говорит Апостол, – *зане зле просите, да в сластех ваших иждивете»*[348].

Духовный разум научает, что недуги и другие скорби, которые Бог посылает человекам, посылаются по особенному Божию милосердию, как горькие целительные врачевания больным, они содействуют нашему спасению, нашему вечному благополучию гораздо вернее, нежели чудесные исцеления. Часто, весьма часто недуг бывает большим благодеянием, нежели исцеление, если б оно последовало; недуг бывает благодеянием столько существенным, что отъятие его исце-

---

[347] Ин. 5, 14.

[348] Иаков. 4, 3.

лением было бы отъятием величайшего блага, несравнимого с тем временным благом, которое доставляется исцелением телесного недуга. Нищий, больной Лазарь, упоминаемый в Евангелии, не был исцелен от тяжкой болезни своей, не был избавлен от нищеты, скончался в том положении, в котором томился долгое время, но за терпение свое вознесен ангелами на лоно Авраама[349]. Священное Писание на всем пространстве своем свидетельствует, что Бог посылает различные скорби, а между ними и телесные недуги, тем человекам, которых он возлюбил[350]. Священное Писание утверждает, что все без исключения святые Божии совершили земное странствование по пути узкому и тернистому, наполненному разнообразных скорбей и лишений[351]. Основываясь на таком понятии о скорбях, истинные служители Бога вели себя по отношению к постигавшим их скорбям с величайшим благоразумием и самоотвержением. Приходившую им скорбь, какая бы она ни была, они встречали, как свою принадлежность, веруя от всей души, что скорбь не пришла бы, если б не была попущена правосудным и всеблагим Богом соответственно потребности человека. Первым делом их по пришествии скорби было сознание, что они достойны ее. Они искали и всегда находили в себе причину скорби. Потом, если усматривали, что скорбь препятствует им к Богоугождению,

---

[349] Лк. 16, 22.

[350] Евр. 12, 6.

[351] Евр. 12, 3.

то обращались с молитвою к Богу об избавлении от скорби, предоставляя исполнение и неисполнение прошения воле Божией, отнюдь не признавая правильным своего понятия о скорби. Оно и не может быть вполне правильным: суждение ограниченного, хотя и святого человека не обнимает и не усматривает всех причин скорби, как обнимает и усматривает их всевидящее око Бога, попускающего скорби рабам и возлюбленным своим. Святой апостол Павел трижды обращался с молитвою к Богу о том, чтоб ангел сатанин, препятствующий Апостолу в проповеди христианства, был устранен. Павел не был услышан: суд Божий об этом предмете был иной, нежели Боговдохновенного Апостола[352].

Предание себя воле Божией, искренне благоговейное желание, чтоб она совершалась над нами, есть необходимое, естественное последствие истинного духовного рассуждения. Святые иноки, когда подвергались болезням, то принимали их, как величайшее благодеяние Божие, старались пребывать в славословии и благодарении Бога, не искали исцеления, хотя чудесные исцеления и совершаются наиболее между святыми иноками. Они желали терпеливо и смиренно переносить попущение Божие, веруя и исповедуя, что оно душеполезнее всякого произвольного подвига. Преподобный Пимен Великий говорил: *«Три иноческие делания равны по достоинству своему: когда кто безмолвствует правильно, когда кто болен и благодарит Бога, когда кто*

[352] 2 Кор. 12, 7–10.

проходит послушание с чистою мыслию»[353]. В Египетском ските, где пребывали величайшие святые иноки, жил преподобный Вениамин. За добродетельную жизнь его Бог даровал ему обильный дар исцеления недугов. Имея этот дар, он сам подвергся тяжкой и продолжительной водяной болезни. Он отек необыкновенно. Принуждены были вынести его из собственной кельи в другую, более поместительную. Для этого должно было в его кельи вынуть двери с косяками. В новом помещении устроили для него особенное сиденье, потому что он не мог лежать на постели. Находясь в таком положении, преподобный продолжал исцелять других, а тех, которые, видя страдания его, соболезновали ему, увещевал, чтобы они молились о душе его, не заботясь о теле. *«Когда мое тело здраво,* – говорил он, – *тогда мне нет особенной пользы от него. Ныне же, подвергшись болезни, оно не приносит мне никакого вреда»*[354].

Авва Петр сказывал, что он, посетив однажды преподобного Исайю Отшельника и нашедши его страждущим от сильной болезни, выразил сожаление. На это преподобный сказал: *«Столько удрученный болезнью, я едва могу содержать в памяти грозное время (смерти и суда Божия). Если б тело мое было здраво, то воспоминание об этом времени было бы совершенно чуждым для меня. Когда тело бывает здраво, тогда оно наклоннее к возбуждению враждеб-*

[353] Алфавитный Патерик.

[354] Там же.

ных действий против Бога. Скорби служат нам пособием к сохранению заповедей Божиих». Святые отцы при постигавших их болезнях и других скорбях во-первых сами старались явить зависящее от них терпение: они прибегали к самоукорению и самоосуждению, насилуя ими сердце и принуждая его к терпению; они вспоминали смерть, суд Божий, вечные муки, при воспоминании которых слабеет значение и ощущение земных скорбей; они возносили мысль к промыслу Божию, напоминая себе обетование Сына Божьего неотступно пребывать с последователями Своими и хранить их, этим призывали сердце к благодушию и мужеству; они принуждали себя славословить и благодарить Бога за скорбь, принуждали себя к сознанию своей греховности, требующей наказания и вразумления по причине правосудия Божьего, по причине самой благости Божией. К посильному собственному труду стяжать терпение они учащали прилежные молитвы к Богу о даровании духовного дара – благодатного терпения, неразлучного с другим духовным даром – благодатным смирением, служащего вместе с ним верным залогом спасения и вечного блаженства. Великие Знаменосные отцы не преподавали исцеления, столько для них удобного, ученикам своим, подвергавшимся болезни по попущении или по промыслу Божиему, чтоб не лишить их духовного преуспеяния, которое непременно должно доставиться болезнью, переносимою по нравственному преданию Церкви.

Игумен Газского общежития, преподобный Серид, уче-

ник Великого Варсонофия, безмолвствовавшего в том же общежитии, был долго болен. Некоторые из старших братьев просили Великого об исцелении игумена. Святой Варсонофий отвечал: *«О здравии сына моего могли бы помолиться Богу некоторые находящиеся здесь святые, (о чем я известил его), чтобы он не был болен ни одного дня – и это исполнилось бы; но тогда он не получил бы плодов терпения. […] Болезнь эта весьма полезна ему для терпения и благодарения»*[355]. Объясняя необходимость скорбей для подвижника Христова, святый Исаак Сирский говорит: *«Искушение полезно всякому человеку. Если оно полезно Павлу, то всяка уста да заградятся, и повинен будет весь мир Богови*[356]*. Подвижники подвергаются искушению с тем, чтобы они приумножили богатство свое: спящие – с тем, чтоб пробудились; свои – чтоб еще более усвоились. Необученный сын не вступает в распоряжение богатства отца, потому что он не сумеет распорядиться полезно этим богатством. По этой причине Бог сперва искушает и томит, а потом дает дарование. Слава владыке, который горькими врачевствами доставляет нам наслаждение здравием. Нет человека, который бы не скорбел во время обучения. Нет человека, которому не казалось бы горьким то время, в которое он напоевается напитком искушений. Но без них невозможно стяжать душевной крепости. И то, чтоб претерпевать, не*

[355] Ответ 130.

[356] Рим. 3, 19.

наше. Как может сосуд из брения вынести тонкость воды, если предварительно он не будет укреплен Божественным огнем? Если в благоговении, в непрестанном желании терпения, будем просить его со смирением у Бога, то получим все о Христе Иисусе, Господе нашем»[357].

[357] Слово 37.

Часть третья

Пред вторым пришествием Христовым *«будут знамения в солнце и луне и звездах»*, море восшумит и возмятется[358]. Как отличить эти знамения от знамений антихриста, потому что и он даст знамения в солнце, луне, звездах, воздухе? Первые знамения будут истинные, чем вполне отличаются от знамений антихриста, которые составятся из явлений, обманывающих чувства. Совершителями знамений антихриста будут антихрист и его апостолы; знамения в солнце, луне и звездах, знамения – вестники пришествия Христова, явятся сами собою, без всякого посредства. Светила небесные выполнят свое назначение, с которым они, по повелению Творца, заблистали на небе. Уже они выполнили это назначение при рождестве Христовом чудною звездою; выполнили они его при распятии Богочеловека, когда солнце закрылось темным покровом мрака в самый полдень. Святый евангелист Матфей говорит, что по миновании скорби, произведенной владычеством антихриста, немедленно наступит пришествие Христово, и начнется оно с того, что *«солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с небесе»*. Светила эти останутся на своих местах, замечает блаженный Феофилакт Болгарский, но они померкнут и представятся для взора человеческого исчезнувшими с твер-

[358] Лк. 21, 25.

ди небесной по причине обилия небесного света, которым озарится мир, приуготовляемый для принятия Господа во славе Его.

Учение о чудесах и знамениях, представленное нами, мы дерзаем назвать учением святой, Православной Церкви, учением святых Отцов ее. Существенная потребность в точном, по возможности подробном изложении этого учения – очевидна. Истинные знамения были споспешниками истинного богопознания и подаваемого им спасения; знамения ложные были споспешниками заблуждения и истекающей из него погибели. В особенности действие знамений, которые совершит антихрист, будет обширно и могущественно, увлечет несчастное человечество к признанию Богом посланника сатаны. Назидательно, утешительно, душеспасительно благочестивое созерцание чудес, совершенных Господом нашим Иисусом Христом. Какая в них святая простота! Как посредством их делалось удобным познание Бога для всех человеков! Какая в них благость, какое смирение! Какая неопровержимая сила убеждения! Созерцание чудес Христовых возводит нас к Слову, которое – Бог. Бог для восстановления общения с отпавшим от него человечеством благоволил, чтоб Слово его облеклось в человечество, явилось, обращалось между человеками, вступило в ближайшие отношения с ними и, усвоив их себе, вознеслось на небо. Облекшись в человечество, Слово пребывает словом Божиим и действует, как Слово, соответственно своему Божественно-

му достоинству. Оно восседает одесную Отца принятым человечеством и пребывает повсюду как Бог.

Оно Жизнь, Оно входит в умы и сердца, воссозидает соединяющихся с ним в духе, привлекая к духовной жизни и тело. От созерцания чудес Христовых мы восходим к сознанию того великого значения, которое заключается в Слове Божием, *«едином на потребу»*[359] для спасения нашего, в Слове, служащем спасению и совершающем спасение со всею удовлетворительностью.

Познание Слова Божьего из Священного Писания, произнесенного Святым Духом и объясненного Святым Духом, соединенное с познанием, почерпнутым из деятельности, направленным по Слову Божиему, осененное наконец познанием, преподаемым Божественною Благодатью, доставляет христианину чистоту ума и сердца. В этой чистоте воссиявает духовный разум, как солнце на ясном небе, свободном от облаков. При наступлении дня после темноты ночной образ чувственных предметов изменяется: одни из них, доселе остававшиеся невидимыми, делаются видны, другие, бывшие видны неотчетливой в смешении с другими предметами, отделяются от них и обозначаются определенно. Происходит это не потому, что отношение к ним зрения человеческого изменяется при заменении ночной тьмы дневным светом. Точно то же совершается с отношением ума человеческого к предметам нравственным, духовным, когда озарится

[359] Лк. 10, 42.

ум духовным знанием, исходящим из Святого Духа. Только при свете духовного разума душа может узреть святой путь к Богу! Только при свете духовного разума может непогрешительно совершиться невидимое шествие ума и сердца к Богу! Только при свете духовного разума мы можем избежать заблуждения, дебрей и пропастей погибельных. Там, где не присутствует этот свет, нет видения истины; там, где не присутствует этот свет, нет Богоугодной добродетели, спасительной для человека, вводящей его в обители рая. Светом духовного разума должно быть озарено воззрение духовного ока на знамения и чудеса, чтоб избежать тех бедствий, в которые может вовлечь воззрение на них плотского мудрования. Мы видели характер чудес Богочеловека; мы видели, в чем заключается цель их. Знамения, совершив свое служение, оставили поприще служения, предоставив действовать существенному деятелю – Слову, которое пребывает и пребудет делателем до кончины мира, как Оно Само возвестило о Себе: *«се, Аз с вами есмь во вся дни, до скончания века»*[360]. После того, как прекратилось повсеместное совершение знамений, которым сопровождалась сеятва христианства проповедью Апостолов и мужей Равноапостольных, знамения совершались по местам избранными сосудами Святого Духа. С течением времени, с постепенным ослаблением христианства и повреждением нравственности, знаменосные мужи умалялись. Наконец они иссякли окончательно, между тем

[360] Мф. 28, 20.

человеки, потеряв благоговение и уважение ко всему священному, потеряв смирение, признающее себя недостойным не только совершать знамения, но и видеть их, жаждут чудес более, нежели когда-либо. Человеки в упоении самомнением, самонадеянностью, невежеством стремятся безразборчиво, опрометчиво, смело ко всему чудесному, не отказываются сами быть участниками в совершении чудес, решаются на это, нисколько не задумываясь. Такое направление опасно более, нежели когда-либо. Мы приближаемся постепенно к тому времени, в которое должно открыться обширное позорище многочисленных и поразительных ложных чудес, увлечь в погибель тех несчастных питомцев плотского мудрования, которые будут обольщены и обмануты этими чудесами.

Оживление души Словом Божиим производит живую веру во Христа. Живая вера как бы видит Христа[361]. Для взоров ее христианство, пребывая тайною, делается открытым; пребывая непостижимым, оно ясно, понятно, не закрыто уже тою густою, непроницаемою завесою, которою оно закрыто от веры мертвой. Не нуждается оно уже в знамениях, будучи всесовершенно удовлетворено знамениями Христовыми и величайшим из Его знамений, венцом знамений, Его Словом. Желание видеть знамения служит признаком неверия, и знамения даны были неверию, чтоб обратить его к вере. Прилепимся к слову Божию всей душой, соединимся с

[361] Евр. 11, 27.

ним в один дух, и знамения антихриста не привлекут к себе даже внимания нашего. С пренебрежением и презрением к ним мы отвратим от них наши взоры, как от позорища бесовского, как от деяния исступленных врагов Божиих, как от наругания Богу, как от яда и заразы смертоносных. Будем помнить следующее особенной важности замечание, извлеченное из опытов подвижнической деятельности. Все бесовские явления имеют то свойство, что даже ничтожное внимание к ним опасно; от Одного такого внимания, допущенного без всякого сочувствия к явлению, можно запечатлеться самым вредным впечатлением, подвергнуться тяжкому искушению.

Смиренномудрие неразлучно с духовным разумом. Говорит св. Исаак Сирский: *«Только тот, кто имеет смирение, может быть признан разумным; не имеющий смирения никогда не стяжает разума»* [362]. Живая вера открывает взорам души Бога: слово Божие соединяет душу с Богом. Узревший таким образом Бога, ощутивший таким образом Бога, усматривает свое ничтожество, исполняется неизреченного благоговения к Богу, ко всем делам Его, стяжевает смиренномудрие. Смиренномудрый не осмелится даже полюбопытствовать о том, что совершается вне воли Божией, что благовременно осуждено словом Божиим: знамения антихриста пребудут чуждыми смиренномудрому, как не имеющему к ним никакого отношения.

---

[362] Сл. 89.

Видение своего ничтожества и своей немощи, видение Бога, Его величества, всемогущества и бесконечной благости возбуждает душу устремляться молитвою к Богу. Вся надежда такой души сосредоточена в Боге, и потому нет для нее причин к развлечению при молитве; она молится, совокупляя воедино свои силы и устремляясь к Богу всем существом своим; она по возможности часто прибегает к молитве, она молится непрестанно. При наступлении великих скорбей во времена антихриста возопиют усиленною молитвою к Богу все истинно верующие в Бога. Они возопиют о помощи, о заступлении, о ниспослании Божественной благодати в подкрепление им и в руководство. Собственные силы человеков, хотя и верных Богу, недостаточны, чтоб противостать соединенным силам отверженных ангелов и человеков, которые будут действовать с остервенением и отчаяньем, предчувствуя скорую погибель. Божественная благодать, осенив избранников Божиих, соделает для них недействительными обольщения обольстителя, негрозными угрозы его, презренными чудеса его; она дарует им мужество исповедывать совершившего спасение человеков Спасителя и обличить лжемессию, пришедшего для погубления человеков; она возведет их на эшафоты, как на царские престолы, как на брачный пир. Ощущение любви к Богу сладостнее ощущения жизни. Как предсмертные и сопровождающие смерть мучения составляют собою начало вечных мук для грешника, так муки за Христа и насильственная смерть за Него составляют

собою начало вечных радостей райских. Это видим ясно из действий божественной благодати в отношении к мученикам первых веков христианства: первоначально представлялось им явить свое произволение; по принятии ими первых мук нисходила к ним помощь свыше, соделывала для них муки и смерть за Христа вожделенными. Господь, предвозвещая скорби, долженствующие предшествовать второму пришествию, заповедал ученикам Своим бодрствование и молитву: *«Блюдите, бдите и молитеся: не весте бо, когда время будет»*[363]. Молитва всегда нужна и полезна для человека: она содержит его в общении с Богом и под покровом Бога, она охраняет его от самонадеянности, от обольщения тщеславием и гордостию, как собственными своими, происходящими из падшего естества, так и приносимыми в помыслах и мечтах из области падших духов. Во времена скорбей и опасностей, видимых и невидимых, особенно нужна молитва: она, будучи выражением надежды на Бога, привлекает к нам помощь Божию. Всемогущий Бог соделывается деятелем молящегося в затруднительных обстоятельствах его и изводит из них раба Своего дивным промыслом Своим.

Богопознание, живая вера, благодатное смиренномудрие, чистая молитва – принадлежности духовного разума; они – составные части его. Так, напротив того, неведение Бога, неверие, слепота духа, гордость, самонадеянность и самомнение – принадлежности плотского мудрования. Оно, не

[363] Мк. 13, 33.

зная Бога, не приемля и не понимая средств, предлагаемых Богом к получению Богопознания, составляет само для себя ошибочный душепагубный способ к приобретению Богопознания, своеобразно своему настроению: оно просит *«знамение с небесе»*. Аминь.

Советы относительно душевного иноческого делания

Введение

Душевное делание естественно человеку и составляет неотъемлемую принадлежность его.

Человек не может быть без мыслей и чувствований. Мысли и чувствования служат признаком жизни человека. Если б они прекратились на какое-либо время, то это было бы вместе прекращением человеческой жизни, человеческого существования. Жизнь не прекращается ниже на мгновение: и ум не престает ни на минуту от рождения мыслей, а сердце не престает ни на минуту от рождения чувствований. Непрестанное занятие естественно душе. Дать душе занятие богоугодное есть непременная обязанность каждого, вступившего в монастырь. Такое занятие святыми отцами названо *душевным деланием, умным подвигом, блюдением ума, хранением сердца, трезвением, вниманием*[364].

Как после сотворения тела немедленно была вдунута в него душа, так по принятии новоначальных правил для наружного поведения необходимо ему немедленное усвоение

[364] Никифора Монашествующего Слово. Добротолюбие, Ч. 2.

себе богоугодного душевного делания. Как душою оживляется тело, так богоугодным душевным деланием оживляется благоговейное наружное поведение. Без души тело мертво; оставленное ею, оно начинает повреждаться и издавать из себя смрад; так и наружное благоговейное поведение, без благочестивого направления и упражнения души сперва оказывается чуждым духовного плода, потом заражается тщеславием, самомнением, лицемерством, человекоугодием и другими пагубнейшими, трудно замечаемыми и постигаемыми душевными страстями. Душевные страсти очень быстро растут и крепнут под покровом наружного благоговения, когда оно не одушевлено истинным благочестием. Человек, любуясь наружным благоговением своим, неприметно переходит от благоговения к притворству. Притворство очень нравится слепотствующему миру, привлекает к себе похвалу, уважение, доверенность человеков, сводит инока с крестного пути, устраивает для него самое выгодное земное, плотское положение. Когда притворство облагодетельствует таким образом своего делателя, тогда делатель, видя, с одной стороны, свое приобретение, с другой – те оскорбления и гонения от мира, которым подвергаются истинные подвижники благочестия, старается более и более преуспеть в притворстве и человекоугодии. Полное преуспеяние в притворстве образует фарисея, держащегося убивающей буквы закона, отвергшего оживотворяющий дух закона. Фарисей хотя и говорит непрестанно о Боге и о добродетели, но вполне чужд Бога

и добродетели: он готов и способен на всякое злодеяние, на всякий низкий поступок для удовлетворения своему самолюбию. Такой ход и плод естественны. Душа не может быть без непрестанного упражнения: если не дать ей богоугодного упражнения, то она будет непрестанно упражняться в тех мыслях и чувствованиях, которые родятся в ней самой; иначе: она будет развивать свое падение, развивать в себе ложь и зло, которыми она заражена. Благовременно надо принять меры, чтоб не сделаться фарисеем и за мгновенное наслаждение земными преимуществами и человеческими похвалами не потерять спасения и блаженства в вечности. Сердце наше слабо: оно очень удобно может увлечься пороком, прикрытым благовидною личиною. Тот примет меры предосторожности против фарисейства, кто при вступлении в монастырь озаботится о немедленном доставлении себе правильного душевного делания.

Из того, что ум непрестанно родит мысли, а сердце чувствования, очевидно и делание, которое инок обязан дать душе своей. Уму надо предоставить упражнение в богоугодных мыслях, а сердцу – в богоугодных чувствованиях. Иначе: надо, чтоб ум и сердце приняли и усвоили себе Евангелие. В помощь желающему стяжать спасительное душевное делание предлагаем следующие советы, заимствованные из Священного Писания и писаний отеческих.

Глава 1
О изучении евангельских заповедей и о жительстве по евангельским заповедям

Инок с самого вступления своего в монастырь должен заняться со всевозможною тщательностию и вниманием чтением святого Евангелия, изучить его так, чтоб Евангелие всегда предстояло его памяти и он на каждом нравственном шагу своем, для каждого поступка, для каждого помысла имел в памяти готовое наставление Евангелия. Таково завещание Самого Спасителя. Завещание это сопряжено с обетованием и угрозою. Господь, посылая учеников Своих на проповедь христианства, сказал им: *«Шедше убо, научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам»* (Мф. 28:19, 20). Обетование для исполнителя евангельских заповедей заключается в том, что он не только спасется, но и вступит в теснейшее общение с Богом, соделается богозданным храмом Божиим. Сказал Господь: *«Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя, а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам»* (Ин. 14:21). Из этих слов Господа видно, что надо так изучить евангельские заповеди, чтоб они сделались достоя-

нием, имуществом ума, тогда только возможно точное постоянное исполнение их, такое исполнение, какого требует Господь. Является Господь исполнителю евангельских заповедей духовно, и видит Господа исполнитель заповедей духовным оком, умом, видит Господа в себе, в своих помыслах и ощущениях, осененных Святым Духом. Никак не должно ожидать явления Господа чувственным очам. Это явствует из слов Евангелия, последующих за вышеприведенными: *«Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему придем, и обитель у него сотворим»* (Ин. 14:23). Очевидно, что Господь приходит в сердце исполнителя заповедей, соделывает сердце храмом и жилищем Божиим, зрится в этом храме, зрится не телесными очами, а умом, зрится духовно. Образ зрения непостижим для новоначального и необъясним для него словами. Прими обетование верою: в свое время познаешь его блаженным опытом. Угроза небрегущему о исполнении евангельских заповедей заключается в предречении ему бесплодия, отчуждения от Бога, погибели. Сказал Господь: *«Без Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет, и собирают ю, и во огнь влагают, и сгорает. Будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей»* (Ин. 15:5–6, 9–10). *«Не всяк, глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное; но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех. Мнози рекут Мне в день он (в день суда): Господи,*

Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? и тогда исповем им: яко николиже знах вас, отыдите от Мене делающии беззаконие» (Мф. 7:21–23). Податель, учитель и образец смирения, Господь наш, Иисус Христос, назвал Свои всесвятые, всемогущие Божественные заповеди малыми (Мф. 5:19), по той простейшей форме, в которой они изложены и по которой они удобоприступны и удобопонятны для всякого человека, самого некнижного. Но вместе с этим Господь присовокупил, что намеренный и постоянный нарушитель одной такой заповеди *«мний наречется в Царствии Небеснем»*, или, по объяснению святых отцов, будет лишен Царства Небесного, будет ввергнут в геенну огненную. Заповеди Господа *«Дух суть и живот суть»* (Ин. 6:63); они делателя своего спасают; из мертвого по душе соделывают живым, из плотского и душевного соделывают духовным. Напротив того, небрегущий о заповедях сам губит себя, оставаясь в плотском и душевном состоянии, в состоянии падения, развивая в себе это падение. *«Душевен человек не приемлет яже Духа Божия, юродство бо ему есть»* (1Кор. 2:14), и потому для спасения необходимо претвориться из душевного человека в духовного, из ветхого в нового (1Кор. 15:49). *«Плоть и кровь царствия Божия наследити не могут»* (1Кор. 15:50), и потому для спасения необходимо освободиться не только от влияния плоти, или грубых страстей, но и от влияния крови, посредством которой страсти

действуют на душу утонченно. *«Удаляющиися от Тебе* (не по телесному положению, но по расположению души, уклонившейся от исполнения воли Божией) *погибнут: потребил еси всякого любодеющаго от Тебе»*, любодеющего при следовании собственной воле и собственным разумениям, при отвержении евангельских заповедей или воли Божией. Второе по необходимости сопутствует первому. *«Мне же, истинному иноку, прилеплятися Богови благо есть, полагати на Господа упование мое»* (Пс. 72:27–28).

Глава 2
Человеки будут судимы на суде божием по евангельским заповедям

По евангельским заповедям мы будем судимы на суде, установленном от Бога для нас, христиан православных, – на том суде, от которого зависит наша вечная участь. Суд бывает частный для каждого христианина немедленно после его смерти, и будет общий для всех человеков при втором пришествии на землю Господа нашего Иисуса Христа. На обоих судах присутствует и судит Сам Бог. На суде частном Он производит суд при посредстве ангелов света и ангелов падших; на суде общем Он произведет суд посредством вочеловечившегося Слова Своего (Мф. 25; Ин. 5:22, 27). Причина такого разнообразного суда ясна. Человек подчинился падшему ангелу произвольно: следовательно, он должен первоначально окончить расчет свой с падшим ангелом сообразно тому, в какой степени расторгнуто христианином общение с отверженным духом при помощи искупления. На общем суде должны предстать на истязание и падшие духи, и увлеченные ими человеки как согрешившие пред величеством Божества, почему Сам Бог, Само Слово Божие, которое приняло на себя человечество, которым совершено наше искупление и которым подобало бы спастись всем падшим, про-

изведет суд над нами всеми, падшими и не очистившимися покаянием. Кодекс или собрание законов, на основании которого будет производиться суждение и произноситься приговор на обоих судах, – Евангелие. Сказал Господь: *«Отметаяйся Мене, и не приемляй словес Моих, имат судящаго ему: слово, еже глаголах, то судит ему в последний день. Яко Аз от Себе не глаголах, но пославый мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку, и что возглаголю. И вем, яко заповедь Его живот вечный есть»* (Ин. 12:48–50). Из этих слов Господа явствует, что мы будем судимы по Евангелию, что небрежение о исполнении евангельских заповедей есть деятельное отвержение Самого Господа. Употребим, братия, все тщание, чтоб соделаться исполнителями евангельских заповедей! Неизвестно, когда придет смерть; могут потребовать нас на суд внезапно, в то время, когда нами наименее ожидается это требование. Блаженны приготовившие себя к переходу в вечность евангельскою жизнию! Горе нерадивым, невнимательным, своевольным, самомнительным! Горе не расторгшим общения с сатаною! Горе не вступившим в общение с Богом! Большее горе вступившим в это общение и отвергшим его!

Глава 3
Монашеское жительство есть жительство по евангельским заповедям

Древние преподобные иноки называли монашеское жительство евангельским жительством. Святый Иоанн Лествичник определяет монаха так: *«Монах тот, кто во всяком месте и деле, во всякое время руководствуется единственно Божиими заповеданиями и Божиим словом»*[365]. Иноки, подчиненные преподобному Пахомию Великому, обязывались выучить Евангелие на память, чтоб иметь узаконения Богочеловека как бы в постоянно отверстой книге, в памяти, чтоб иметь их непрестанно пред очами ума, иметь их начертанными на самой душе для удобнейшего и неуклонного исполнения. Блаженный старец Серафим Саровский говорил: «Надо так приучить себя, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, которым руководствуясь, должно управлять жизнь свою»[366]. Изучая Евангелие, стараясь исполнять его веления делами, словами, помышлениями, ты будешь последовать завещанию Господа и нравственному преданию Православной Церкви. Евангелие в непродолжи-

[365] Слово 1, гл. 4.

[366] Наставление 2. Издание 1844 г., Москва.

тельное время возведет тебя от младенческого возраста к зрелому возрасту о Христе, и ты соделаешься тем блаженным мужем, которого воспел вдохновенный Пророк, который *«не иде совет нечестивых, и на пути грешные не ста, и на седалище губителей не седе: но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и нощь. И будет яко древо насажденное при исходищих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет»* (Пс. 1:1–3). Наставляет Дух Святой истинных служителей Божиих, человеков, соделавшихся Богу Своими: *«Внемлите людие Мои закону Моему, приклоните ухо ваше во глаголы уст Моих»* (Пс. 77:1).

Глава 4
О непрочности монашеского жительства, когда оно не основано на евангельских заповедях

Основавший жительство свое на изучении Евангелия и на исполнении евангельских заповедей, основал его на твердейшем камне. В какое бы он ни был поставлен положение обстоятельствами жизни, подвиг его всегда с ним. Он непрестанно делает, он непрестанно подвизается, он преуспевает непрестанно, хотя дело его, хотя подвиг его и преуспеяние неприметны и непонятны для других. Какие бы ни постигли его скорби и искушения, они не могут ниспровергнуть его. Господь сказал: *«Всяк, иже слышит словеса Моя сия, и творит Я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени: и сниде дождь, и пришдоша реки, и возвеяша ветри, и нападоша на храмину ту, и не падеся: основана бо бе на камени»* (Мф. 7:24–25). Здесь жительство и душевное устроение уподоблены храмине: эта храмина получает необыкновенную прочность от Божественной, неограниченной силы, которою преисполнены слова Христовы. Очевидно, что такой твердости, какую доставляет душе исполнение заповедей Христовых, не может доставить никакое другое средство или пособие: сила Христова действует в заповедях

Его. Господь к вышеприведенным словам присовокупил и нижеследующие: *«Всяк слышай словеса Моя сия, и не творя их, уподобится мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце: и сниде дождь, и придоша реки, и возвеяша ветри, и опрошася храмине той, и падеся: и бе разрушение ея велие»* (Мф. 7:26, 27). Удобно разрушается жительство, повидимому благое, тех, которые полагают в основание ему исключительно какой-либо телесный подвиг, или и многие подвиги, иногда весьма трудные и весьма выставляющиеся, но не обращают должного внимания на евангельские заповеди. Очень часто случается, что подвижники даже не обращают никакого внимания на евангельские заповеди, открыто попирают их, не давая им никакой цены и нисколько не понимая их важности. Такие подвижники при встретившемся неожиданно искушении или при нечаянной перемене в жизни не только колеблются очень скоро, но и подвергаются совершенному нравственному расстройству, названному в Евангелии *велим разрушением храмины* душевной. В пример возьмем пустынника, живущего в глубоком уединении, возложившего на это уединение всю надежду своего преуспеяния и спасения. Положим, что внезапно, по насилию обстоятельств, этому пустыннику пришлось оставить уединение и жить среди многолюдства. Он, как нескрепленный в себе самом евангельскими заповедями, непременно должен подвергнуться сильнейшему влиянию соблазнов, встречающихся во множестве в обществе человеческом. Это есте-

ственно, у него не было другой силы, его ограждавшей, кроме наружного уединения: лишившись его, он лишился всей опоры своей и по необходимости должен уступить силе иных наружных впечатлений. Сказанное сказано отнюдь не для уничижения пустынного жития, охраняющего от соблазнов и развлечения, особенно способствующего к изучению и исполнению евангельских заповедей; сказано для того, чтоб и пустынник в пустыне своей приложил особенное тщание изучать и исполнять евангельские заповеди, посредством которых вводятся в душу Христос, Божия сила и Божия премудрость (1Кор. 1:24). Истинное христианство и истинное монашество заключаются в исполнении евангельских заповедей. Где нет этого исполнения, там нет ни христианства, ни монашества, какова бы ни была наружность. *Праведницы наследят землю и вселятся в век века на ней:* праведниками Писание называет тех, которые стараются тщательнейшим образом исполнять истинно и единственно праведную волю Божию, отнюдь не свою, мнимо и ложно праведную. Только исполнители правды Божией могут наследовать землю, то есть возобладать своим сердцем, своею плотию, своею кровью. *«Уста праведного поучатся премудрости, и язык его возглаголет суд. Закон Бога его в сердце его, и не запнутся стопы его»* (Пс. 36:29–31).

Глава 5
О хранении себя от соблазнов

Основывая жительство на евангельских заповедях, вместе с тем должно избрать в местопребывание себе монастырь, наиболее удаленный от соблазнов. Мы немощны и повреждены грехом. Соблазн, находясь пред нами или вблизи нас, по необходимости найдет сочувствие себе в нашем греховном повреждении и произведет на нас впечатление. Впечатление это сначала может быть и непримеченным; но когда оно разовьется и усилится в человеке, тогда возобладает им и может поставить на край погибели. Иногда впечатление соблазна действует и весьма быстро, не дав, так сказать, опомниться или одуматься искушаемому: мгновенно омрачает ум, изменяет расположение сердца, ввергает инока в падение и падения. Преподобный Пимен Великий говорил: «Хорошо убегать причин греха. Человек, находящийся близ повода к греху, подобен стоящему на краю глубокой пропасти, и враг всегда, когда бы ни захотел, удобно ввергает его в пропасть. Но если мы по телу удалены от поводов ко греху, то бываем подобны далеко отстоящему от пропасти; враг, хотя бы и повлек нас в пропасть, но в то время, когда подвергнется влечение, может оказать сопротивление, и Бог поможет нам» [367].

---

[367] Алфавитный патерик.

Причины (вины) греха, поводы к нему, соблазны суть нижеследующие: вино, жены, богатство, здравие (излишнее) тела, власть и почести. «Это, – говорит святый Исаак Сирский, – не суть собственно грехи; но наше естество по причине их удобно преклоняется ко греху, почему человек должен тщательно охраняться от них». Отцы воспрещают избирать в место жительства славный монастырь во мнении мирских людей[368]: тщеславие, общее всему монастырю, необходимо должно заразить и каждого члена. Опыт показывает, что все братство может заразиться духом тщеславия не только по причине вещественных преимуществ своего монастыря, но и по причине высокого мнения мирян об особенном благочестии его устава. Рождающееся отсюда презорство к братиям других обителей, в чем именно и заключается гордость, отнимает возможность иноческого преуспеяния, основанного на любви к ближним и на смирении пред ними. В пример того, каким образом соблазн, действуя мало-помалу на инока, как бы неприметно и нечувствительно, может наконец возобладать им и ввергнуть его в страшное падение, приводим следующую повесть: «В Египетском Ските был некоторый старец, впадший в тяжкую болезнь и принимавший услужение от братии. Видя, что братия трудятся ради его, он задумал переместиться ближе к селениям, чтобы не утруждать братию. Авва Моисей (вероятно, тот, которого преподобный Кассиан называет рассудительнейшим между

[368] Изречение аввы Зенона. Алфавитный патерик.

отцами Скита, вообще отличавшимися обилием духовных дарований) сказал ему: «Не перемещайся в соседство селений, чтоб не впасть в блуд». Старца удивили и огорчили эти слова; он отвечал: «У меня умерло тело, и об этом ли ты говоришь?» Он не послушал аввы Моисея и поместился в соседстве мирского селения. Жители, узнав о нем, начали приходить к нему во множестве. Пришла послужить ему ради Бога и некоторая девица. Он исцелил ее – видится: девица имела какой-нибудь недуг, а старец имел дар чудотворения, потом, по прошествии некоторого времени, пал с нею, и она сделалась беременною. Поселяне спрашивали ее: «От кого она беременна?» Она отвечала: «От старца». Ей не верили. Старец говорил: «Я сделал это, но сохраните дитя, которое должно родиться». Дитя родилось и было вскормлено грудью. Тогда, в один из праздников Скита, пришел туда старец с дитятею за плечами, и вошел в церковь при собрании всего братства. Братство, увидев его, восплакалось. Он сказал братии: «Видите дети: это сын преслушания». После этого старец пошел в прежнюю келию свою и начал приносить покаяние Богу»[369]. Такова сила соблазна, когда пред ним встанет инок лицом к лицу. Дар исцелений не остановил от впадения в блуд; тело, умерщвленное для греха старостью, недугом и продолжительным иноческим подвигом, снова ожило, будучи подвергнуто непрестанному или частому действию соблазна. В пример того, как вина греха может мгновенно по-

[369] Собеседование 1 (Collatio) о рассуждении. Пролог, июля 22.

действовать на инока, омрачить его ум, превратить сердечное расположение и ввергнуть в грех, приведем опять церковную повесть:

«Епископ некоторого города впал в болезнь, по причине которой все отчаялись в его жизни. Там был женский монастырь. Игумения, узнав, что епископ отчаянно болен, посетила его, взяв с собою двух сестер. В то время как она беседовала с епископом, одна из учениц ее, стоявшая у ног епископа, прикоснулась рукою к ноге его. От этого прикосновения возгорелась в болящем лютая брань блудная. Страсти лукавы. Он начал просить игумению, чтоб она оставила сестру при нем для услужения ему, приводя в причину такой просьбы недостаток в собственной прислуге. Игумения, ничего не подозревая, оставила сестру. По действу диавола епископ ощутил восстановление сил и впал в грех с инокинею, которая сделалась беременною. Епископ оставил кафедру и удалился в монастырь, где окончил жизнь в покаянии, принятие которого Бог засвидетельствовал дарованием покаявшемуся силы чудотворений». Такова наша немощь! Таково влияние на нас соблазнов! Они низвергли в пропасть падения и святых пророков (2 Цар. 11), и святых епископов, и святых мучеников, и святых пустынножителей. Тем более мы, страстные и немощные, должны принимать все меры предосторожности и охранять себя от влияния на нас соблазнов. Страсти в иноках голодны: они если будут оставлены без хранения, то кидаются с неистовством на предметы похотения, подоб-

но хищным зверям, спущенным с цепей.

Глава 6
Богоугодному жительству в безмолвии должно предшествовать богоугодное жительство в обществе человеческом

Для начинающих монашескую жизнь более приличествуют общежительные монастыри как представляющие собою обширное поприще для исполнения евангельских заповедей. Впрочем, если ты вступил и в штатный монастырь, то не унывай; не оставляй его без уважительной причины и в штатном монастыре приложи все старание образовать себя евангельскими заповедями. Общее правило заключается в том, что инок должен сперва обучиться деланию заповедей в обществе человеческом, в котором делание душевное сопряжено с деланием телесным, а потом уже, достигши достаточного преуспеяния, заняться исключительно душевным деланием в безмолвии, если окажется способным к нему. Способны к безмолвию редкие. Новоначальный никак не может вынести одного душевного делания. Душевным деланием мы вступаем в мир духов, для чего именно опытные иноки и удаляются в уединение. В мире духов первоначально встречают христианина падшие духи, как принадлежащего к сонму их

душею по причине падения, как долженствующего доказать благое направление своего свободного произволения отвержением общения с падшими духами и принятием общения с Богом, общения, дарованного нам туне Искупителем. Духи удобно убивают вступившего в борьбу с ними без надлежащей опытности и без надлежащего приготовления[370]. Исполнение заповедей в обществе человеческом доставляет исполнителю опытное, самое ясное и самое подробное познание падшего естества человеческого и падших духов, с которыми посредством падения человечество вступило в общение и в один разряд существ отверженных, враждебных Богу, обреченных на погребение в темницах ада. Святые отцы утверждают, что «истинно хотящий спастись должен сперва в сожитии с людьми претерпеть досады, бесчестия, лишения, уничижения, освободиться от влияния чувств своих и тогда уже пойти в совершенное безмолвие, как явил в Себе и Сам Господь наш Иисус Христос, ибо Он, претерпев все сие, взошел, наконец, на Святой Крест, что значит умерщвление плоти и страстей и святое, совершенное успокоение» [51]. То знай наверно, что ты везде преуспеешь, и в общежительном, и в штатном монастыре, если займешься изучением и исполнением евангельских заповедей; напротив того, везде останешься без преуспеяния и чуждым духовного разума, везде придешь в состояние самообольщения и душевного расстройства, если пренебрежешь изучением и ис-

[370] Преподобного Нила Сорского. Слово 11.

полнением евангельских заповедей. До конца жизни не переставай изучать Евангелие! Не подумай, что ты довольно знаешь его, хотя бы и знал его на память! Заповедь Господня «широка зело» (Пс. 118:96), хотя и заключается в малых словах. Заповедь Господня бесконечна, как бесконечен изрекший ее Господь. Делание заповедей и преуспеяние в них беспредельны: самые совершенные христиане, приведенные в состояние совершенства Божественною благодатью, пребывают несовершенными по отношению к евангельским заповедям.

Глава 7
О хранении себя от добра, принадлежащего падшему естеству человеческому

Придет ли тебе какая благая мысль, остановись, никак не устремись к исполнению ее с опрометчивостью, необдуманно. Ощутишь ли в сердце какое благое влечение, остановись: не дерзай увлечься им. Справься с Евангелием. Рассмотри, согласны ли со всесвятым учением Господа благая мысль твоя и твое благое влечение сердечное? Вскоре усмотришь, что нет никакого согласия между евангельским добром и добром падшего человеческого естества. Добро нашего падшего естества перемешано со злом, а потому и само это добро сделалось злом, как делается ядом вкусная и здоровая пища, когда перемешают ее с ядом. Хранись делать добро падшего естества! Делая это добро, разовьешь свое падение, разовьешь в себе самомнение и гордость, достигнешь ближайшего сходства с демонами. Напротив того, делая евангельское добро, как истинный и верный ученик Богочеловека, соделаешься подобным Богочеловеку. *«Любяй душу свою*, – сказал Господь, – *погубит ю: и ненавидяй души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю»* (Ин. 12:25). *«Иже хощет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет*

крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю: а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю» (Мк. 8:34, 35). Господь повелевает полное отвержение падшего естества, ненависть к его побуждениям, не только к явно злым, но и ко всем без исключения, и ко мнимо добрым. Великое бедствие – последовать правде падшего естества: с этим сопряжено отвержение Евангелия, отвержение Искупителя, отвержение спасения. *«Кто не возненавидит души своей, не может Мой быти ученик»* (Лк. 14:26), – сказал Господь. Объясняя вышеприведенные слова Господа, Великий Варсонофий говорит. «Как отрекается от себя человек? Лишь тем, что оставляет естественные желания и последует Господу. Посему-то и говорит Господь здесь собственно о естественном, а не о неестественном; ибо если кто оставит только неестественное, то он не оставил еще ничего своего собственного ради Бога; потому что противоестественное не принадлежит ему. А тот, кто оставил естественное, всегда взывает с апостолом Петром; *«се мы оставихом вся, и вслед Тебе идохом, что убо будет нам»*, – и слышит блаженный глас Господа, и обетованием удостоверяется в наследовании жизни вечной (Мф. 19:27–29). Что оставил Петр, будучи не богат, и чем хвалился, если не оставлением естественных своих желаний? Ибо, если человек не умрет для плоти, живя духом, он не может воскреснуть душою. Как в мертвеце вовсе нет желаний естественных, так нет их и в духовно умершем для плоти. Если ты умер для плоти, то

как могут жить в тебе желания естественные? Если же ты не достиг меры духовной, а еще младенчествуешь умом, то смирись пред учителем, – *«да накажет тя милостию»* (Пс. 140:5), и «без совета ничего не делай» (Сир. 32:21), хотя бы что и казалось тебе по-видимому добрым, ибо свет демонов обращается впоследствии во тьму» [52]. Точно то же должно сказать и о свете падшего человеческого естества. Последование этому свету и развитие его в себе производят в душе совершенное омрачение и вполне отчуждает ее от Христа. Чуждый христианства – чужд Бога: *«всяк, отметаяйся Сына, ни Отца имать»* (1Ин. 2:23) – безбожник.

В наш век, гордый своим преуспеянием, большинство человеков, провозглашающее себя и христианами, и делателями обильнейшего добра, устремилось к совершению правды падшего естества, отвергнув с презрением правду евангельскую. Это большинство да услышит определение Господа; *«Приближаются Мне людие сии усты своими, и устнами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене. Всуе же чтут Мя, учаще учением, заповедем человеческим»* (Мф. 15:8, 9). Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения: он проповедует, трубит о себе, о делах своих, не обращая никакого внимания на воспрещение Господа (Мф. 6:1–18); ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград земных

и небесных. Напротив того, делатель евангельских заповедей всегда погружен в смирение: сличая с возвышенностью и чистотою всесвятых заповедей свое исполнение их, он постоянно признает это исполнение крайне недостаточным, недостойным Бога; он видит себя заслужившим временные и вечные казни за согрешения свои, за нерасторгнутое общение с сатаною, за падение, общее всем человекам, за свое собственное пребывание в падении; наконец, за самое недостаточное и часто превратное исполнение заповедей. Пред каждою скорбию, посылаемою Промыслом Божиим, он с покорностью преклоняет главу, ведая, что Бог обучает и образует скорбями служителей своих во время их земного странствования. Он милосердствует о врагах своих и молится о них как о братиях, увлекаемых демонами, как о членах единого тела, пораженных болезнию в духе своем, как о благодетелях своих, как о орудиях Промысла Божия.

Глава 8
О вражде и борьбе между падшим естеством и евангельскими заповедями

Если отречешься и постоянно будешь отрекаться от собственных разумений, от собственной воли, от собственной правды, или, что то же, от разума, воли и правды падшего естества, чтоб насадить в себя разум Божий, волю Божию и правду Божию, преподаваемые нам в Святом Евангелии Самим Богом, то падшее естество откроет внутри тебя лютую брань против Евангелия, против Бога. Падшему естеству придут на помощь падшие духи. Не впади от этого в уныние: твердостью в борьбе докажи основательность и положительность твоего произволения.

Поверженный, вставай; обманутый и обезоруженный, снова вооружайся; побежденный, снова устремляйся на сражение. Тебе в высшей степени полезно увидеть в себе самом как свое собственное падение, так и падение всего человечества! Тебе существенно нужно узнать и изучить это падение в собственных сердечных и мысленных опытах; тебе существенно нужно увидеть немощь твоего разума, немощь твоей воли! Видение своего падения есть видение духовное. Виде-

ние своей немощи есть видение духовное[371].

В нем зритель – ум. Видение доставляется благодатию, насажденною в нас крещением: действием благодати разрешается слепота ума, и он начинает на поприще подвига своего ясно видеть то, чего доселе не видел, находясь вне этого поприща; он познает существование того, о существовании чего вовсе не подозревал. С духовным видением человеческого падения сопряжено другое духовное видение – видение падших духов. Это видение – опять видение духовное, дар благодати. В нем зритель ум: ум, от делания заповедей стремясь к самому тщательному исполнению их, начинает мало-помалу усматривать падших духов в приносимых ими помыслах и ощущениях, начинает усматривать горестное общение человеков с падшими духами, подчинение человеков падшим духам, козни и действия духов для погубления человеков.

В духовных видениях нет ничего чувственного: они доставляются тщательностию в исполнении евангельских заповедей и борьбою с греховными помыслами и ощущениями. Человек, не узнавший опытом этих видений, не может иметь о них никакого понятия, даже не знает, что они существуют.

Войну и борьбу подвижника Христова со своим падением и с падшими духами превосходно изобразил Святый Дух в Псалтири. Иноки первых времен изучали Псалтирь на память, и словами Духа облекали свои молитвы о извлечении их из рва страстей, о избавлении из челюстей врага, диавола.

---

[371] Святой Исаак Сирский. Слово 61.

Глава 9
О чтении евангелия и отеческих писаний

Из вышесказанного явствует, что главнейшим келейным занятием новоначального инока должно быть чтение и изучение Евангелия и всего Нового Завета. Весь Новый Завет может быть назван Евангелием, как содержащий одно евангельское учение. Впрочем, новоначальный должен сперва изучать заповеди Господа в Евангелиях от Матфея и Луки. От изучения заповедей в сих евангелистах, при исполнении заповедей делами, и прочие Писания, из которых состоит Новый Завет, сделаются удобопонятнее. При чтении евангелистов должно читать и Благовестник, то есть объяснение Евангелия блаженным Феофилактом, архиепископом Болгарским. Чтение Благовестника необходимо: оно способствует правильному пониманию Евангелия и, следовательно, точнейшему исполнению его. Притом правила Церкви требуют, чтоб Писание было понимаемо так, как объясняют святые отцы, а отнюдь не произвольно: руководствуясь в понимании Евангелия объяснением святого отца, объяснением, принятым и употребляемым Церковью, мы сохраним предание Святой Церкви. Очень полезны для нашего времени сочинения святого Тихона Воронежского: они не имеют

односторонней цели, служат превосходным руководством и для подвижников Христовых, пребывающих посреди мира, и для общежительных иноков, и для иноков, жительствующих в штатных монастырях, и для уединенных безмолвников. Благодать Божия внушила святителю писания, особенно соответствующие современной потребности. В этих писаниях объясняется учение Евангелия. Для жительства по евангельским заповедям нет препятствия ни в каком монастыре, каков бы ни был того монастыря устав, даже каково бы ни было того монастыря благоустройство. Последнее сказано в ободрение и успокоение тех, которые не удовлетворяются благоустройством своего монастыря, правильно или ошибочно. Для каждого инока вернее искать причину неудовлетворения своего в самом себе, нежели в обстановке своей. Самоосуждение всегда приносит сердцу успокоение. Из этого никак не следует, чтоб монастырь благоустроенный не заслуживал предпочтения пред монастырем неблагоустроенным, когда избрание монастыря зависит от нас. Не всегда это бывает.

Положив себе за правило жизни учение и исполнение евангельских заповедей, без увлечения направлениями, доставляемыми разными сочинениями святых отцов, можно начать чтение их для ближайшего и точнейшего ознакомления с монашеским многотрудным, многоболезненным, но и не нерадостным подвигом. В чтении отеческих писаний нужно наблюсти постепенность и никак не читать их поспеш-

но. Сперва надо читать книги, написанные для общежительных монахов, каковы: Поучения преподобного аввы Дорофея, Оглашения преподобного Феодора Студийского, Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, начиная с Ответа 216 (предшествовавшие Ответы даны наиболее затворникам и потому мало соответствуют новоначальным), Слова святого Иоанна Лествичника, Творения преподобного Ефрема Сирского, Общежительные постановления и собеседования преподобного Кассиана Римлянина. Потом, по прошествии значительного времени, можно читать и книги, написанные отцами для безмолвников, как то: Добротолюбие, Патерик Скитский, Слова преподобного Исайи Отшельника, Слова святого Исаака Сирского, Слова Марка Подвижника, Слова и Беседы преподобного Макария Великого, сочинения прозой и стихами преподобного Симеона, Нового Богослова, и другие подобные сим деятельные писания отцов. Все исчисленные здесь книги принадлежат к разряду деятельных или подвижнических, потому что в них изложены делание и подвиг иноческие. Сказал святый Иоанн Лествичник: «Так как ты проводишь жизнь деятельную (подвижническую), то и читай книги деятельные (подвижнические)»[372]. Деятельные книги возбуждают инока к иноческим подвигам, особенно к молитве. Чтение же прочих отеческих святых сочинений приводит к размышлениям и созерцаниям, что для подвижника, недо-

[372] Слово 27, глава 78.

вольно очистившегося от страстей, рановременно.

Глава 10
О осторожности при чтении отеческих книг о монашеской жизни

Книги святых отцов о монашеской жизни должно читать с большою осмотрительностью. Замечено, что новоначальный инок никак не может применить книги к своему положению, но непременно увлекается направлением книги. Если книга преподает советы о безмолвии и показывает обилие духовных плодов, собираемых в глубокой пустыни, то в новоначальном непременно явится сильнейшее желание удалиться в уединение, в безлюдную пустыню. Если книга говорит о безусловном послушании под руководством духоносного отца, то в новоначальном непременно явится желание строжайшего жительства в полном повиновении старцу. Бог не дал нашему времени ни того, ни другого из этих жительств. Но книги святых отцов, написанные об этих жительствах, могут подействовать на новоначального так сильно, что он, по неопытности своей и незнанию, легко решится оставить место жительства, на котором имеет всю удобность спастись и духовно преуспеть исполнением евангельских заповедей, для несбыточной мечты совершенного жительства, нарисовавшейся живописно и обольстительно в его воображении. Святой Иоанн Лествичник говорит в Слове о безмолвии:

«При трапезе доброго братства постоянно предстоит некий пес, который покушается восхитить с нее хлеб, то есть душу, потом убегает, держа его в пасти, и пожирает в уединенном месте»[373]. В Слове о послушании сей наставник иноков говорит: «Диавол влагает живущим в повиновении желание невозможных добродетелей». Равным образом и пребывающим в безмолвии советует подвиги, несвойственные им. Раскрой образ мыслей неискусных послушников и найдешь там понятие, родившееся от самообольщения: найдешь там желание строжайшего безмолвия и поста, непарительной молитвы, совершенного нетщеславия, непресекаемого памятования смерти, всегдашнего умиления, всесовершенного безгневия, глубокого молчания, превосходной чистоты. Они, обольстившись, напрасно прескочили (перешли из братского общежития в глубокое уединение), не имея в себе при новоначалии своем упомянутых добродетелей по особенному смотрению Божию: враг научил их устремиться к этим добродетелям преждевременно, чтоб они не получили их и в свое время. Обольститель (диавол) ублажает пред безмолвниками страннолюбие послушников, их служение, братолюбие, общежительность, хождение за больными, чтоб вторых, как и первых, сделать нетерпеливыми»[374]. Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая несвой-

[373] Слово 27.

[374] Слово 4.

ственные им возвышеннейшие добродетели. Не доверяйте, братия, вашим помыслам, разумениям, мечтам, влечениям, хотя бы они казались вам самыми благими, хотя бы они представляли вам в живописной картине святейшее монашеское жительство! Если та обитель, в которой вы живете, дает вам возможность проводить жизнь по евангельским заповедям, если вы не низлагаетесь соблазнами в смертные грехи, то не оставляйте обители. Потерпите великодушно ее недостатки, и духовные, и вещественные; не вздумайте всуе искать поприща подвигов, недарованного Богом нашему времени. Бог желает и ищет спасения всех. Он и спасает всегда всех, произволяющих спастись от потопления в житейском и греховном море; но не всегда спасает в корабле или в удобном, благоустроенном пристанище. Он обетовал спасение святому апостолу Павлу и всем спутникам апостола; Он и дал это спасение; но апостол и его спутники спаслись не в корабле, который разбило, а с большим трудом, иные вплавь, другие на досках и различных обломках от корабля (Деян. 27:21–49).

Глава 11
Об отшельнической жизни

Да не будет сокрытым от возлюбленнейших братии, что возвышеннейшие роды иноческого жительства, как то: отшельничество в глубокой пустыни или безмолвие в затворе, также жительство при духоносном старце с безусловным послушанием ему, устроились не по случаю, не по произволу и разуму человеческому, но по особенному смотрению, определению, призванию и откровению Божию. Антоний Великий, глава монашества, учредитель пустынножития, удалился в пустыню, уже облекшись силою свыше и не иначе как призванный Богом. Хотя этого и не сказано ясно в житии его, но дальнейшие события жизни преподобного доказывают это с ясностью. О том же, что в глубочайшую (внутреннюю) пустыню для строжайшего безмолвия он был наставлен Божественным гласом и повелением, сказано и в житии его. Преподобному Макарию Великому, современнику преподобного Антония, несколько младшему его, явился херувим, показал бесплодную, дикую равнину – впоследствии знаменитый Египетский Скит, заповедал поместиться в ней на жительство и обетовал, что пустынная равнина населится множеством отшельников[375]. Арсений Великий, находясь

[375] Алфавитный патерик.

в царских палатах, молил Бога, чтоб ему указан был путь спасения, и услышал глас: «Арсений! Бегай от человеков и спасешься». Арсений удалился в упомянутый Скит, снова там умолял Бога наставить его спасению и снова услышал глас: «Арсений! Убегай (человеков), молчи, безмолвствуй: это корни безгрешия». Преподобная Мария Египетская призвана к отшельничеству в Заиорданской пустыне повелением Божиим[376]. Бог, призывавший к безмолвию и отшельничеству избранных Своих, то есть тех, которых Он провидел способными к безмолвию и отшельничеству, предоставлял им такие пособия и средства для этого жительства, каких человек сам по себе иметь не может. И в те времена, в которые монашество процветало, в который много было духоносных руководителей, редкие признавались способными к безмолвию, в особенности к отшельничеству. «Истинное, разумное безмолвие, – говорит святой Иоанн Лествичник, – могут проходить немногие, и именно только те, которые стяжали Божественное утешение, поощряющее их в подвигах и помогающее в бранях»[377]. «Безмолвие губит неопытных». Затворники и отшельники часто подвергались величайшим душевным бедствиям: подвергались бедствиям те из них, которые вступили в затвор самопроизвольно, не призванные Богом.

В Прологе читается следующая повесть: «В Палестине

---

[376] Четьи-Минеи, 1 апреля.

[377] Слово 4, глава 120.

был некоторый монастырь при подошве большого и высокого утеса, а в утесе был вертеп (пещера) над монастырем. Монахи того монастыря рассказывали: «За несколько времени пред сим один из нашего братства возымел желание жить в вертепе, что в горе, и просил о том игумена. Игумен имел дар рассуждения. Он сказал брату: «Сын мой, как ты хочешь жить один в вертепе, еще нисколько не преодолев плотских и душевных страстных помыслов? Желающему безмолвствовать должно быть под руководством наставника, а не самому управлять собою. Ты, нисколько не достигши надлежащей меры, просишь у моей худости, чтоб я дозволил тебе одному жить в вертепе, а я думаю, что ты не разумеешь различных сетей диавольских. Гораздо лучше тебе служить отцам, получать от Бога помощь их молитвами, с ними в назначенные часы славить и воспевать Владыку всех, нежели одному бороться с нечестивыми и злохитрыми помыслами. Не слышал ли ты, что говорит Богогласный отец Иоанн, писатель Лествицы: «Горе жительствующему на едини: если он впадет в уныние или леность, то некому восставить его! А где два или три собраны во имя Мое, там Я посреди их», – сказал Господь. Так говорил ему игумен, но не мог отвлечь инока от душепагубных помыслов. Видя непреодолимое желание брата и неотступные его просьбы, игумен наконец дозволил ему жить в вертепе. Напутствованный молитвою игумена, он взошел в вертеп. В часы употребления пищи приносил ее к вертепу один из монастырской братии, а затворник имел на

веревке корзину, которую спускал и принимал пищу. Когда он пробыл несколько времени в вертепе, диавол, всегда борющийся с желающими жить богоугодно, начал смущать его злыми помыслами день и ночь; чрез несколько же дней, преобразившись в светлого ангела, явился ему и сказал: «Да будет тебе известно, что ради твоей чистоты и благонравного жития Господь послал меня прислуживать тебе». Монах отвечал: «Что сделал я доброго, чтоб ангелы служили мне?» Диавол возразил: «Все, что ты сделал, велико и высоко. Ты оставил красоты мира и соделался монахом, трудишься в посте, молитвах и бдении; опять ты, оставив монастырь, поместился на жительство здесь: как же ангелам не служить твоей святыне?» Этими речами душегубец-змей привел его в надмение, в гордость и начал постоянно являться ему. Однажды некоторый человек, обокраденный ворами, пошел к монаху. Нечистый бес, который, обольщая его, являлся ему в виде ангела, сказал ему: «Этот человек окраден ворами; украденное скрыто в таком-то месте. Скажи ему, чтоб он пошел туда и взял свое». Человек, пришедши к вертепу, поклонился, а монах сверху говорит ему: «Хорошо, брат, что ты пришел! Я знаю, тебя постигла скорбь, потому что к тебе приходили воры, украли то и то. Не печалься! Они положили украденное там-то: поди туда и найдешь все, а за меня молись». Человек удивился, послушался и нашел украденное. Он прославил монаха во всей стране той, говоря, что монах, живущий в вертепе, пророк. К монаху начало стекаться множество лю-

дей; слушая его, они приходили в удивление от учения, которое он преподавал по внушению диавола. Он предсказывал, и предсказания его сбывались. Несчастный провел немалое время в таком обольщении. Во второй день второй недели по вознесении Господа нашего Иисуса Христа скверный бес явился монаху и сказал ему: «Знай, отец, что ради непорочного и равноангельного жития твоего придут другие ангелы и тебя в теле возьмут на небо; там со всеми ангелами будешь наслаждаться зрением неизреченной красоты Господней». Бес, сказавши это, сделался невидим. Но человеколюбивый и многомилостивый Бог, не хотящий погибели человеческой, вложил в сердце монаху возвестить о случившемся игумену. Когда пришел брат, обычно приносивший пищу затворнику, затворник, выглянув из вертепа, сказал ему: «Брат! Поди, скажи игумену, чтоб пришел сюда». Брат передал это игумену. Игумен поспешил прийти; по лестнице взошел он в вертеп к затворнику и сказал ему: «По какой причине, сын мой, ты повелел мне прийти сюда?» Он отвечал: «Чем воздам тебе, святой отец, за все, что ты сделал для моего недостоинства!» Игумен сказал: «Что доброе сделал я тебе?» Монах: «Поистине, отец, чрез посредство твое я сподобился многих и великих благ. Тобою я облечен в ангельский образ; при твоем посредстве вижу ангелов и сподобляюсь беседовать с ними; при твоем посредстве я приял дар прозорливства и пророчества». Игумен, услышав это, удивился и сказал: «Несчастный! Ты ли видишь ангелов? Ты ли

сподобился дара прозорливства? Горе тебе, несчастный! Не говорил ли я тебе: не ходи в вертеп, чтоб бесы не обольстили тебя». Когда игумен говорил это, брат возражал ему так: «Не говори этого, честный отец! Ради твоих святых молитв я вижу ангелов; завтра же я буду вознесен ими на небеса с телом моим. Да ведает твоя святыня, что я хочу просить у Господа Бога нашего, чтоб и тебя взяли ангелы, чтоб и ты был со мною в небесной славе». Услышав это, игумен грозно сказал ему: «Ты обольщен демоном, несчастный! Однако если я пришел сюда, то не уйду отсюда: останусь здесь посмотреть, что случится с тобою. Скверных бесов, которых ты называешь ангелами, я не увижу; но ты, когда увидишь, что они пришли, скажи мне». Игумен велел взять прочь лестницу и остался в вертепе с прельщенным, пребывая в посте и непрестанном псалмопении. Когда наступил час, в который прельщенный надеялся вознестись на небеса, он увидел пришедших бесов и сказал: «Пришли, отец». Тогда игумен обнял его и возопил: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги прельстившемуся рабу Твоему и не попусти нечистым бесам возобладать им». Когда игумен говорил это, бесы схватили и начали тащить прельщенного, усиливаясь исторгнуть его из объятий игумена. Игумен запретил бесам. Они, сорвав с прельщенного мантию его, исчезли. Мантия была видена возносящеюся по воздуху на высоту и наконец скрылась. По прошествии довольного времени мантия опять показалась летящею вниз и упала на землю. Тогда старец сказал

прельщенному: «Безумный и несчастный! Видишь, как бесы поступили с твоею мантиею: так намеревались они поступить и с тобою. Они намеревались тебя, как Симона-волхва, вознести на воздух и спустить вниз, чтоб ты сокрушился и бедственно изверг окаянную душу». Игумен призвал монахов, велел им принести лестницу, свел прельщенного из вертепа в монастырь и назначил ему служение в пекарне, в поварне и в прочих монастырских послушаниях, чтоб смирились его помыслы. Таким образом он спас брата»[378].

Тяжкому искушению подверглись по причине рановременного вступления в затвор наши соотечественники преподобные Исаакий[379] и Никита[380] Печерские. Заметно из жизнеописания преподобного Исаакия, современника преподобных Антония и Феодосия, что он вступил в затвор по собственному произволу. Он проходил усиленнейший телесный подвиг; стремление к подвигу, еще более усиленному, внушило ему заключиться в одной из теснейших пещер Киево-Печерского монастыря. Пищею его была просфора, а питием вода, и эту скуднейшую пищу он принимал через день. При таком усиленном телесном подвиге и при недостатке опытных сведений о подвиге и борьбе душевных, невозможно не дать некоторой цены и подвигу своему, и себе. На внутреннем настроении подвижника обыкновенно основывается

---

[378] Пролог, января 9 день.

[379] Патерик Печерский и Четьи-Минеи, 14 февраля.

[380] Там же, 31 января.

искушение, наносимое ему бесами. «Если человек, – говорит преподобный Макарий Египетский, – сам собою не даст повода сатане подчинить его своему влиянию, то сатана никак не может возобладать им насильно». Бесы предстали Исаакию в виде светлых ангелов; один из них сиял более других; бесы назвали его Христом и требовали поклонения ему от подвижника. Подвижник поклонением, подобающим единому Богу и возданным диаволу, подчинил себя бесам, которые измучили его насильственным телодвижением (плясанием) до полусмерти. Преподобный Антоний, прислуживавший затворнику, пришел к нему с обычною пищею, но увидев, что затворник не подает никакого голоса, и поняв, что с ним случилось что-нибудь особенное, разломал с помощью других монахов вход, наглухо заложенный, в пещеру Исаакия. Его вынесли, как мертвого, и положили пред пещерою; заметив же, что он еще жив, снесли в келию на постель. Преподобные Антоний и Феодосий, один вслед за другим, ходили за ним. Исаакий от искушения расслабел умом и телом: не мог ни стоять, ни сидеть, ни лежа поворотиться со стороны на сторону; он лежал в течение двух лет неподвижно, нем и глух. На третий год он проговорил и просил, чтоб его подняли и поставили на ноги. Потом начал учиться ходить, как дитя, но не выражал никакого желания, ниже мысли посетить церковь; к этому едва и насильно принудили его; он начал мало-помалу ходить в храм Божий. После этого начал ходить и в трапезу и мало-помалу научился употреблять пи-

щу; в те два года, в которые он лежал неподвижно, он не вкусил ни хлеба, ни воды. Наконец, он освободился совершенно от страшного и чудного впечатления, произведенного на него явлением и действием бесов. Впоследствии преподобный Исаакий достиг высоких мер святости. Преподобный Никита был моложе преподобного Исаакия, но современен ему. Увлекаемый ревностию, он просил игумена благословить его на подвиг в затвор. Игумен – был тогда игуменом преподобный Никон – возбранил ему, говоря: «Сын мой! Неполезно тебе, молодому, быть в праздности. Лучше жить с братиею: служа им, ты не погубишь мзды своей. Ты сам знаешь, как Исаакий-пещерник был прельщен бесами в затворе: он погиб бы, если б особенная благодать Божия за молитвы преподобных отцов наших, Антония и Феодосия, не спасла его». Никита отвечал: «Я никак не прельщусь чем-нибудь подобным, но желаю крепко стать против бесовских козней и молить человеколюбца Бога, чтоб Он и меня сподобил дара чудотворения, как Исаакия-затворника, который и поныне совершает многие чудеса». Игумен опять сказал: «Желание твое выше твоей силы; блюди, чтоб, вознесшись, не ниспасть. Я, напротив того, повелеваю тебе служить братии, и ты получишь венец от Бога за твое послушание». Никита, увлекаемый сильнейшею ревностию к затворническому житию, нисколько не хотел внимать тому, что говорил ему игумен. Он исполнил задуманное: заключил себя в затвор и пребывал в нем, молясь и никуда не выходя. По прошествии неко-

торого времени однажды в час молитвы он услышал голос, который молился вместе с ним, и обонял необыкновенное благоухание. Обольстившись, он сказал сам себе: если б это не был ангел, то он не молился бы со мною и не было бы слышно благоухание Святого Духа. Затем Никита стал прилежно молиться, говоря: «Господи! Явись мне Сам разумно, да вижу Тебя». Тогда был к нему глас «Ты молод! Не являюсь тебе, чтоб ты, вознесшись, не ниспал». Затворник со слезами отвечал: «Господи! Я никак не прельщусь, потому что игумен научил меня не внимать бесовской прелести, а сделаю все, что Ты мне ни прикажешь». Тогда душепагубный змей, прияв над ним власть, сказал: «Невозможно человеку, находящемуся во плоти, видеть меня, но вот! Я посылаю ангела моего, чтоб пребывал с тобою: ты исполняй его волю». С этими словами предстал пред затворником бес в виде ангела. Никита пал к ногам его, поклоняясь ему, как ангелу. Бес сказал: «Отселе ты уже не молись, но читай книги, чрез что вступишь в непрестанную беседу с Богом и получишь возможность преподавать душеполезное слово приходящим к тебе, а я буду непрестанно молить Творца всех о твоем спасении». Затворник, поверив этим словам, обольстился еще более: он перестал молиться, занялся чтением, видел беса непрестанно молящимся, радовался, полагая, что ангел молится за него. Потом он начал много беседовать с приходящими из Писания и пророчествовать подобно палестинскому затворнику. О нем пошла слава между мирскими

людьми и при великокняжеском дворе. Собственно, он не пророчествовал, а сказывал приходящим, будучи извещаем соприсутствовавшим бесом, где положено украденное, где что случилось в дальнем ему месте. Так, он дал знать великому князю Изяславу о убиении новгородского князя Глеба и совет послать в Новгород на княжение великокняжеского сына. Этого достаточно для мирян, чтоб провозгласить затворника пророком. Замечено, что миряне и самые монахи, не имеющие духовного рассуждения, почти всегда увлекаются обманщиками, лицемерами и находящимися в бесовской прелести, признают их за святых и благодатных. Никто не мог сравняться с Никитою в знании Ветхого Завета, но он не терпел Нового Завета, никогда не заимствовал своей беседы из Евангелия и апостольских Посланий, не позволял, чтоб кто из посетителей его напомнил что-либо из Нового Завета. По этому странному направлению его учения отцы Киево-Печерского монастыря уразумели, что он прельщен бесом. Тогда в монастыре было много святых иноков, украшенных благодатными дарами. Они молитвою своею отогнали беса от Никиты; Никита перестал видеть его. Отцы вывели Никиту из затвора и спрашивали, чтоб он сказал им что-нибудь из Ветхого Завета; но он с клятвою утверждал, что никогда не читал этих книг, которые прежде знал наизусть. Оказалось, что он забыл даже читать от впечатления, произведенного бесовскою прелестию, и едва, с большим трудом, снова выучили его чтению. Молитвами святых отцов приве-

денный в себя, он познал и исповедал свой грех, оплакал его горькими слезами, достиг высокой меры святости и дара чудотворения смиренным житием посреди братства. Впоследствии святой Никита хиротонисан во епископа Новгородского.

Новейшие опыты подтверждают то, что с ясностью доказывают опыты времен прошедших. И ныне прелесть – так на монашеском языке называется самообольщение, соединенное с бесовским обольщением – бывает непременным последствием преждевременного удаления в глубокое уединение или особенного подвига в келейном уединении. В то время, как писатель этих аскетических советов, юношею, в 1824–1825 годах, посещал Александро-Невскую лавру для совещания о своих помыслах с монахом Иоанникием, свечником лавры, учеником старцев Феодора и Леонида; ходили к этому монаху для духовного совета многие миряне, проводившие аскетическую жизнь.

Ходил к нему и Павловского полка солдат Павел, недавно обратившийся из раскола, бывший прежде наставником раскольников, грамотный. Лицо Павла сияло радостью. Но он, по возгоревшемуся в нем сильнейшему усердию, предался неумеренному и несообразному с его устроением телесному подвигу, имея о душевном подвиге недостаточное понятие. Однажды ночью Павел стоял на молитве. Внезапно около икон явился солнцеобразный свет и посреди света сияющий белизною голубь. От голубя раздался глас: «Прими меня:

я Святой Дух; пришел соделать тебя моею обителью». Павел выразил радостное согласие. Голубь взошел в него чрез уста, и Павел, изможденный постом и бдением, внезапно ощутил в себе сильнейшую блудную страсть: он кинул молитву, побежал в блудилище. Голодная его страсть сделала насыщение страсти ненасыщаемым. Все блудилища и все доступные для него блудницы соделались его постоянным притоном. Наконец он опомнился. Обольщение свое бесовским явлением и осквернение последствиями прелести изложил он в письме к иеросхимонаху Леониду, жившему тогда в Александро-Свирском монастыре. В письме проявлялось прежнее высокое духовное состояние падшего. Упомянутый юноша был тогда келейником иеросхимонаха Леонида (1827–1828 годы) и читал по благословению старца письмо Павла. Иеросхимонах Леонид весною 1828 года переместился из Свирского монастыря первоначально в Площанскую, потом в Оптину Пустыню. Ему сопутствовал его келейник, который при этом случае посетил некоторые монастыри Калужской и Орловской епархий. Когда он был в знаменитой Белобережской Пустыне, тогда славился там подвижническою жизнию рясофорный монах Серапион, видевший при своем уединенном келейном правиле ангела. Не только миряне, но и монахи – так как у нас в России господствует телесный подвиг, а о душевном почти утрачено самое понятие – прославляли Серапиона и выставляли в образец монашеской жизни. В 1829 году Серапион переместился по при-

чине душевного расстройства в Оптину Пустыню для руководства советами иеросхимонаха Леонида. В одно из совещаний со старцем он вытащил значительную часть бороды у старца. Серапион, помещенный в скиту Оптиной Пустыни по уважению к его подвижнической славе, пришел однажды ночью к начальнику скита иеромонаху Антонию, возвещая, что Иоанн Предтеча сейчас явился ему и велел зарезать сего Антония, иеросхимонаха Леонида, иеромонаха Гавриила и помещика Желябовского, гостившего тогда в скиту. «Да где ж у тебя нож?» – спросил его догадливый и неустрашимый Антоний. «У меня нет ножа», – отвечал прельщенный. «Так что ж ты приходишь резать без ножа?» – возразил Антоний и удалил в келию прельщенного, которого должно было передать в дом умалишенных, где он и скончался. Пред кончиною, как слышно, Серапион опомнился и отошел с надеждою спасения. Должно заметить, что падший дух, желая овладеть Христовым подвижником, не действует властительски, но ищет привлечь согласие человека на предлагаемую прелесть и по получении согласия овладевает изъявившим согласие. Святой Давид, описывая нападение падшего ангела на человека, выразился со всею точностью, сказав: *«Ловит еже восхитити нищаго, восхитити нищего, внегда привлещи и в сети своей»* (Пс. 9:30). Святой Дух действует самовластно, как Бог приходит в то время, как смирившийся и уничижившийся себя человек отнюдь не чает пришествия Его. Внезапно изменяет ум, изменяет сердце. Действием своим

объемлет всю волю и все способности человека, не имеющего возможности размышлять о совершающемся в нем действии. Благодать, когда будет в ком, не показывает чего-либо обычного или чувственного, но тайно научает тому, чего прежде не видел и не воображал никогда. Тогда ум тайно научается высоким и сокровенным тайнам, которых, по Божественному Павлу, не может видеть человеческое око, ниже постигнуть ум сам собою… «Ум человеческий сам собою, не будучи соединен с Господом, рассуждает по силе своей. Когда же соединится с огнем Божества и Святым Духом, тогда бывает весь обладаем Божественным Светом, соделывается весь светом, воспаляется в пламени Всесвятого Духа, исполняется Божественного разума, и невозможно ему в пламени Божества мыслить о своем и о том, о чем хотел бы». Так говорил преподобный Максим Капсокаливи преподобному Григорию Синайскому[381]. Напротив того, при демонском явлении всегда предоставляется свобода человеку рассудить о явлении, принять или отвергнуть его. Это явствует из попыток демона обольстить святых Божиих. Однажды, когда преподобный Пахомий Великий пребывал в уединении вне монастырской молвы, предстал ему диавол в великом свете, говоря: «Радуйся, Пахомий! Я Христос и пришел к тебе как к другу моему». Святой, рассуждая сам с собою, помышлял: «Пришествие Христа к человеку бывает соединено с радостью, чуждо страха. В тот час исчезают все помышления че-

[381] Добротолюбие. Ч. 1.

ловеческие: тогда ум весь вперяется в зрение видимого. Но я, видя этого, представившегося мне, исполняюсь смущения и страха. Это не Христос, а сатана». После этого размышления преподобный с дерзновением сказал явившемуся: «Диавол! Отыди от меня: проклят ты, и видение твое, и коварство лукавых замыслов твоих». Диавол немедленно исчез, исполнив келию смрада[382].

Невозможно человеку, находящемуся еще в области плотского мудрования, не получившему духовного воззрения на падшее человеческое естество, не давать некоторой цены делам своим и не признавать за собою некоторого достоинства, сколько бы такой человек ни произносил смиренных слов и как бы ни казался смиренным по наружности. Истинное смирение несвойственно плотскому мудрованию и невозможно для него: смирение есть принадлежность духовного разума. Говорит преподобный Марк Подвижник: «Те, которые не вменили себя должниками всякой заповеди Христовой, чтут Закон Божий телесно, не разумея ни того, что говорят, ни того, на чем основываются, потому и мнят исполнить его «делами»[383]. Из слов преподобного отца явствует, что признающий за собою какое-либо доброе дело находится в состоянии самообольщения. Это состояние самообольщения служит основанием бесовской прелести: падший ангел в ложном, гордом понятии христианина находит пристани-

[382] Четьи-Минеи, 15 мая.

[383] Слово о Духовном Законе, гл. 34.

ще, к этому понятию удобно прививает свое обольщение, а посредством обольщения подчиняет человека своей власти, ввергает его в так называемую бесовскую прелесть. Из вышеприведенных опытов видно, что ни один из прельстившихся не признал себя недостойным видения ангелов; следовательно, признавал в себе некоторое достоинство. Иначе и не может судить о себе плотский и душевный человек. Потому-то святые отцы и сказали вообще о всех подвижниках, недостаточно образованных душевным деланием и не осененных благодатию, что безмолвие губит их.

Поучительно поведение преподобных Варсонофия Великого и спостника его Иоанна Пророка, которые сами были затворниками в общежитии аввы Серида, относительно затворников и безмолвия. Все братия того монастыря, или по крайней мере большая часть братии, руководствовались наставлениями этих великих угодников Божиих, преисполненных Духа Божия; руководствовался их наставлениями и сам игумен Серид, которого Варсонофий Великий называл сыном. Серид и прислуживал святому старцу, пребывавшему безвыходно в келии, принимавшему к себе одного Серида и чрез него дававшему письменные ответы прочим братиям. Братия монастыря, руководимые назиданиями боговдохновенных мужей, оказывали быстрое и обильное духовное преуспеяние. Некоторые из них сделались способными к затворнической жизни, к которой были призваны провидевшим способность их Богом. Так, Великий Варсонофий

предвозвестил Иоанну Миросавскому, что ему предназначено Богом безмолвие, и, приуготовив этого инока жизнию по евангельским заповедям среди иноческого общества, в горниле послушаний, в свое время, указанное Богом, ввел его в затвор[384]. Из переписки Великого Варсонофия с Иоанном Миросавским видно, что Иоанн и по вступлении в затвор обуревался страстными помыслами. Другие иноки, которым попущен был затвор, возмущались страстями еще более, но затвор им не воспрещался. Напротив того, преподобному авве Дорофею, отличавшемуся и мирскою и духовною мудростью, способностию руководить других иноков, доказавшему этот духовный дар на самом деле, духоносные старцы воспретили затвор, сколько он ни желал его. «Безмолвие, – говорили они ему, – дает повод человеку к высокоумию прежде, нежели он приобретет себя, то есть будет непорочен. Тогда только имеет место истинное безмолвие, когда человек уже понес крест. И так, если будешь сострадать ближним, то получишь помощь, если же удержишь себя от сострадания, желая взойти в то, что выше твоей меры, то знай, что потеряешь и то, что имеешь. Не уклоняйся ни вовнутрь, ни вовне, но держись средины, разумевая, что есть воля Господня, *«яко дни лукави суть»* (Еф. 5:16). Слова мои значат: не дерзать на безмолвие и не нерадеть о себе, когда находишься среди попечений, – вот средний путь, безопасный от падения. В безмолвии должно иметь смирение и при

[384] Ответы 1–54.

попечениях бдительность над собою и удерживать свой помысл. Все сие не ограничивается каким-нибудь определенным временем. Всякий должен с благодарением терпеть то, что по необходимости постигает его. Чем более человек нисходит в смирение, тем более преуспевает. Пребывание в келии не делает тебя опытным, потому что ты пребываешь в ней без скорби (очевидно: по недостижению брани с бесами, что затворенного в келии приводит в такую тяжкую скорбь и борьбу, каковые вовсе неизвестны общежительному иноку). А чрез то, что прежде времени оставишь все попечения, враг готовит тебе не покой, а более смущение, так что заставит тебя наконец сказать: «Лучше бы я не родился»[385]. Преподобный Дорофей, признаваемый вселенскою Церковью святым, один из превосходнейших аскетических писателей, пребыл в общежитии среди братства, а по кончине святых наставников основал свой монастырь и был его настоятелем. Святой Иоанн Лествичник замечает, что наклонные к высокоумию и другим душевным страстям никак не должны избирать для себя жительства уединенного, а пребывать посреди братства и спасаться деланием заповедей, потому что всякое жительство, в пустыни ли, в общежитии ли, когда оно согласно с волею Божией и когда цель его – угождение Богу, преблаженно[386]. От преждевременного затвора прозябает бесовская прелесть не только очевидная, но и невидимая

[385] Ответы 312, 313.

[386] 88 глава преподобного Симеона Нового Богослова. Добротолюбие. Ч. 1.

по наружности: мысленная, нравственная, несравненно – более опасная, нежели первая, как врачующаяся весьма трудно, а часто и не способная к уврачеванию. Этот род прелести, основывающийся на высокоумии, называется святыми отцами *«мнением»* и заключается в том, когда подвижник примет ложные понятия о духовных предметах и о себе, сочтет их истинными. Ложным понятиям и созерцаниям, по естественным сочувствию и содействию ума сердцу и сердца уму, непременно сопутствуют обольстительные, сладостные, сердечные ощущения: они не что иное, как действие утонченных сладострастия и тщеславия. Зараженные этою прелестию делались проповедниками ложного аскетического учения, а иногда и ересиархами для вечной погибели своей и ближних. Святой Исаак Сирский в 55 Слове упоминает, что некто Малпас проводил в отшельничестве строжайшую подвижническую жизнь с целью достичь высокого духовного состояния, впал в высокоумие и явную бесовскую прелесть, соделался изобретателем и начальником ереси евктитов. В образец аскетической книги, написанной из состояния прелести, именуемой мнением, можно привести сочинение Фомы Кемпийского под названием «Подражание Иисусу Христу». Оно дышит утонченным сладострастием и высокоумием, которые в людях ослепленных и преисполненных страстями производят наслаждение, признаваемое ими вкушением Божественной благодати. Несчастные и омраченные! Они не понимают, что обоняв утонченную воню живущих

в себе страстей, они наслаждаются ею, признают ее в слепоте своей вонею благодати! Они не понимают, что к духовному наслаждению способны одни святые; что духовному наслаждению должно предшествовать покаяние и очищение от страстей; что грешник неспособен к духовному наслаждению; что он должен сознавать себя недостойным наслаждения, отвергать его, если оно начнет приходить к нему, отвергать как несвойственное себе, как явное и пагубное самообольщение, как утонченное движение тщеславия, высокоумия и сладострастия. Подобно Малпасу достигли в отшельничестве сильнейшей бесовской прелести Франциск д'Асиз, Игнатий Лойола и другие подвижники Латинства [387], признаваемые в недре его святыми. «Когда Франциск был восхищен на небо, – говорит писатель жития его, – то Бог Отец, увидев его, пришел на минуту в недоумение, кому отдать преимущество, Сыну ли Своему по естеству, или сыну по благодати Франциску». Что может быть страшнее, уродливее этой хулы, печальнее этой прелести!

В настоящее время в нашем отечестве отшельничество в безлюдной пустыне можно признать решительно невозможным, а затвор очень затруднительным как более опасный и более несовместный, чем когда-либо. В этом надо видеть волю Божию и покоряться ей. Если хочешь быть приятным Богу безмолвником, возлюби молчание и со всевозможным усилием приучись к нему. Не позволяй себе празднословия

[387] По отпадении Западной Церкви от Восточной.

ни в церкви, ни в трапезе, ни в келии; не позволяй себе выходов из монастыря иначе, как по самой крайней нужде и на самое краткое время; не позволяй себе знакомства, особливо близкого, ни вне, ни внутри монастыря; не позволяй себе свободного обращения и пагубного развлечения; веди себя как странник и пришлец и в монастыре, и в самой земной жизни соделаешься Боголюбезным безмолвником, пустынником, отшельником. Если же Бог узрит тебя способным к пустыне или затвору, то Сам, неизреченными судьбами Своими, доставит тебе пустынную и безмолвную жизнь, как доставил ее блаженному Серафиму Саровскому, или доставит затвор, как доставил его блаженному Георгию, затворнику Задонского монастыря.

Глава 12
О жительстве в послушании у старца

То, что сказано об отшельничестве и затворе, должно сказать и о послушании старцам в том виде, в каком оно было у древнего монашества; такое послушание не дано нашему времени. Преподобный Кассиан Римлянин говорит, что египетские отцы, между которыми особенно процветало монашество и приносило изумительные духовные плоды, «утверждают, что хорошо управлять и быть управляемым свойственно мудрым, и определяют, что это величайший дар и благодать Святого Духа»[388]. Необходимое условие таковогo повиновения духоносный наставник, который бы волею Духа умерщвлял падшую волю подчинившегося ему о Господе, а в этой падшей воле умерщвлял и все страсти. Падшая и растленная воля человека заключает в себе стремление ко всем страстям. Очевидно, что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волею Духа Божия, не может совершаться падшею волею наставника, когда сам наставник еще порабощен страстями. «Если ты хочешь отречься от мира, – говорил святой Симеон, Новый Богослов, современным ему инокам, – и научиться евангельскому житию, то не предай (не поручи) себя неис-

[388] Преподобный Кассиан. Об уставе общежитий. Книга 2, гл. 3.

кусному или страстному учителю, чтоб не научиться вместо евангельского жития диавольскому житию, потому что благих учителей и учительство благое, а злых – злое: от лукавых семян непременно произрастают и лукавые плоды. Всякий, невидящий и обещающийся наставлять других, есть обманщик и последующих ему ввергает в ров погибели по слову Господа: *«Слепец слепца аще водит, оба в яму впадут»* (Мф. 15:14). При другом случае этот великий сродник Божий, советуя иноку действовать по указанию духовного отца, присовокупляет: «Однако да поступает так только в таком случае, когда знает, что духовный отец его – причастник Духа, что он не будет говорить ему противоположного воли Божией, но, по дарованию своему и по мере повинующегося, возглаголет угодное Богу и полезное для души, чтоб не оказаться повинующимся *человеку, а не Богу»*[389]. В этом смысле завещавает и апостол: «не будите раби человеком» (1Кор. 7:23). Он повелевает самое служение слуг господам совершать духовно, а не в характере человекоугодников, но в характере рабов Христовых, творя волю Божию в наружном служении человекам (Еф. 6:6). *«Ныне*, – говорит апостол, – *человека попираю или Бога? или ищу человеком угождати? аще бых человеком еще угождал, Христов раб не бых убо был»* (Гал. 1:10). «Не весте ли, яко ему же представляете себе рабы в послушание» – человеку плотского мудрования или Богу – «раби есте, его же послушаете, или греха и плотского муд-

[389] Слово 8.

рования в смерть, или послушания в правду» Божию и во спасение (Рим. 6:16). Послушание образует повинующегося по образу того, кому он повинуется: «зачинаху овцы по жезлом», – говорит Писание (Быт. 30:39). Те старцы, которые принимают на себя «роль», употребим это неприятное слово, принадлежащее языческому миру, чтоб точнее объяснить дело, которое, в сущности, не что иное, как душепагубное актерство и, печальнейшая комедия, – старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании – послушании суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть, которая не может не дать соответствующего себе плода в наставляемом ими. Их неправильное и недостаточное настроение только в течение некоторого времени может оставаться незаметным руководимому ими неопытному новоначальному, если этот новоначальный сколько-нибудь умен и занимается святым чтением с прямым намерением спасения. В свое время оно должно непременно раскрыться и послужить поводом к неприятнейшей разлуке, к неприятнейшим отношениям старца с учеником, к душевному расстройству того и другого. Страшное дело – принять, по самомнению и самовольно, на себя обязанности, которые можно исполнять только по велению Святого Духа и действием Духа; страшное дело – представлять себя сосудом Святого

Духа, между тем как общение с сатаною еще не расторгнуто и сосуд не перестает оскверняться действием сатаны! Ужасно такое лицемерство и лицедейство! Гибельно оно для себя и для ближнего, преступно пред Богом, богохульно. Напрасно будут указывать нам на преподобного Захарию, который, находясь в повиновении у неискусного старца, отца своего по плоти, Кариона, достиг иноческого совершенства, или на преподобного Акакия, спасшегося в жительстве у жестокого старца, который согнал бесчеловечными побоями ученика своего преждевременно в гроб. Тот и другой находились в послушании у недостаточных старцев, но руководствовались советами духоносных отцов, также назидательнейшими примерами, которые были во множестве пред очами их: единственно по этой причине они могли пребыть в наружном послушании у своих старцев. Эти случаи вне общего порядка и правила. «Образ действия Промысла Божия, – сказал святой Исаак Сирский, – вполне отличается от общего человеческого порядка. Ты держись общего порядка». Возразят: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению апостола. *«Любве истины не прияша*, – говорит он о произвольно погибающих, – *во еже спастися им. И сего ради послет (попустит) им Бог действо лести, во еже веровати им лжи: да суд примут вси неверовавшии истине, но благоволившии в неправде»* (2Сол. 2:10–12). *«По вере ваю буди вама»* (Мф. 9:29), – сказал Господь, Само-Истина,

двум слепцам и исцелил их от слепоты: не имеют права повторять слов Само-Истины ложь и лицемерство для оправдания своего преступного поведения, которым они погубляют ближних. Бывали случаи, очень-очень редкие, что вера, по особенному смотрению Божию, действовала чрез грешников, совершая спасение этих грешников. В Египте старейшина разбойников Флавиан, намереваясь ограбить некоторый женский монастырь, облекся в монашеское одеяние и пришел в этот монастырь. Монахини приняли его как одного из святых отцов, ввели в церковь, прося принести о них молитву Богу, что Флавиан исполнил, против воли своей и к удивлению своему. Потом представлена была ему трапеза. По окончании трапезы монахини умыли его ноги. В монастыре одна из сестер была слепа и глуха. Монахини привели ее и напоили водою, которою омыты ноги странника. Больная немедленно исцелилась. Монахини прославили Бога и святое житие странного инока, провозглашая совершившееся чудо. Благодать Божия низошла на старейшину разбойников: он принес покаяние и из старейшины разбойников претворился в знамененосного отца. В житии святого Феодора, епископа Одесского, читаем, что блудница, будучи принуждена отчаянною супругою Адера, принесла Богу молитву о умершем ее сыне, что младенец воскрес по молитве блудницы. Блудница, приведенная в ужас совершившимся над нею, немедленно оставила греховную жизнь, вступила в монастырь и подвижническою жизнию достигла свято-

сти[390]. Такие события – исключения. Созерцая их, мы поступим правильно, если будем удивляться смотрению и непостижимым судьбам Божиим, укрепляться в вере и надежде; поступим очень неправильно, если будем эти события принимать в образец подражания. В руководителя поведению нашему дан нам Самим Богом Закон Божий, то есть Священное Писание и писания отеческие. Апостол Павел решительно говорит: «Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашею Иисуса Христа, отлучатися вам от всякого брата, безчинно ходяща, а не по преданию, яже прияща от нас» (2Сол. 3:6). Преданием здесь названо нравственное предание Церкви. Оно изложено в Священном Писании и в писаниях святых отцов. Преподобный Пимен Великий повелел немедленно разлучаться со старцем, сожительство с которым оказывается душевредным[391], очевидно, по нарушению этим старцем нравственного предания Церкви. Иное дело, когда нет душевного вреда, а только смущают помыслы: смущающие помыслы, очевидно, бесовские; не надо им повиноваться как действующим именно там, где мы получаем душевную пользу, которую они хотят похитить у нас иноческое послушание в том виде и характере, как оно проходилось в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постижение его и полное подражание ему соделались для нас невозможными: возможно, одно благоговейное, благоразум-

[390] Четьи-Минеи, 9 июля.

[391] Алфавитный патерик.

ное рассматривание его, возможно, усвоение духа его. Тогда мы вступим на путь правильного суждения и душеспасительного благоразумия, когда, читая опыты и правила делания древних отцов, послушания их, равно дивного и в руководителях, и в руководимых, увидим в современности общий упадок христианства, сознаемся, что мы неспособны наследовать делание отцов в полноте его и во всем обилии его. И то великая милость Божия к нам, великое счастье для нас, что предоставлено нам питаться крупицами, падающими с духовной трапезы отцов. Эти крупицы не составляют собою удовлетворительнейшей пищи, но могут, хотя не без ощущения нужды и голода, предохранить от душевной смерти.

Глава 13
О жительстве по совету

Крупицами названо в предшествовавшей главе духовное жительство, предоставленное Промыслом Божиим нашему времени. Оно основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых отцов, при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братии. В собственном смысле это послушание древних иноков, в ином виде, приспособленном к нашей немощи, преимущественно душевной. Древним послушникам их духоносные наставники возвещали немедленно и прямо волю Божию: ныне иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и погрешностям. Тогда преуспеяние было быстрым по свойству делания, ныне оно косно опять по свойству делания. Таково благоволение о нас Бога нашего: мы обязаны покорствовать ему и со благодарением благоговеть пред ним. Наше современное иноческое жительство по Писанию и совету отцов и братии освящено примером главы монашества – преподобным Антонием Великим. Он не был в послушании у старца, но в новоначалии своем жил отдельно и заимствовал наставления из Писания и от разных отцов и братии: у одного научался он воздержанию, у другого – кротости, терпению, смирению, у иного – строгой

бдительности над собою, безмолвию, стараясь усвоить себе добродетель каждого добродетельного инока, всем оказывая по возможности послушание, смиряясь пред всеми и молясь Богу непрестанно[392]. Поступай и ты, новоначальный, таким образом! Оказывай настоятелю и прочему монастырскому начальству нелицемерное и нечеловекоугодливое послушание, послушание, чуждое лести и ласкательства, послушание ради Бога. Оказывай послушание всем отцам и братиям в их приказаниях, не противных Закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского начальства. Но никак не будь послушен на зло, если б и случилось тебе потерпеть за нечеловекоугодие и твердость твои некоторую скорбь. Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братиями, но усваивай себе советы их с крайнею осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя! По страстности и слепоте твоей иной страстный и зловредный совет может понравиться тебе единственно по неведению и неопытности твоим или потому, что он угождает какой-либо сокровенной, неведомой тобою, живущей в тебе страсти. С плачем и сердечными воздыханиями умоляй Бога, чтоб Он не попустил тебе уклониться от Его всесвятой воли к последованию падшей человеческой воле, твоей или ближнего твоего, твоего советника. Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуйся с Евангелием. Тще-

[392] Четьи-Минеи, 17 января.

славие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! Они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом, который принимается неопытным новоначальным с безотчетливою доверенностью, с плотским и кровяным разгорячением! Им нужен успех, какого бы ни был качества этот успех, какое бы ни было его начало! Им нужно произвести впечатление на новоначального и нравственно подчинить его себе! Им нужна похвала человеческая! Прослыть святыми, разумными, прозорливыми, старцами, учителями: им нужно напитать свое ненасытное тщеславие, свою гордыню. Была справедливою молитва пророка всегда, в особенности она справедлива ныне: *«Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устне, льстивыя в сердце; и в сердце глаголаша злая»* (Пс. 11:2–3). Слово ложное и лицемерное не может не быть словом злым и зловредным. Против такого настроения необходимо принять меры осторожности. «Изучай Божественное Писание, – говорит Симеон, Новый Богослов, – и писания святых отцов, особливо деятельные, чтоб с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и сердца, ты мог их видеть (это учение и поведение) как в зеркале и понимать; согласное с Писанием усваивать себе и содержать в мысли; ложное же и худое познавать и отвергать, чтоб не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лже-

учителей»[393]. Преподобный Симеон жил в десятом столетии по Рождестве Христовом, за девять веков до нашего времени: вот уже когда раздался голос праведника в святой Христовой Церкви о недостатке истинных духоносных руководителей, о множестве лжеучителей. С течением времени более и более оскудевали удовлетворительные наставники монашества; тогда святые отцы начали более и более предлагать руководство Священным Писанием и писаниями отеческими. Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на отцов, писавших прежде его, говорит: «Не малый подвиг, – сказали они, – найти непрелестного учителя сему чудному деланию (истинной иноческой сердечной и умной молитве). Они наименовали непрелестным того, кто имеет свидетельствованное Божественным Писанием делание и мудрование и стяжал духовное рассуждение. И то сказали святые отцы, что и тогда едва можно было найти непрелестного учителя таким предметам; ныне же, когда они оскудели до крайности, должно искать со всею тщательностью. Если же не найдется, то святые отцы повелели научаться из Божественного Писания, слыша Самого Господа, говорящего: *«Испытайте Писания, и в них найдете живот вечный»* (Ин. 5:39). *«Елика бо преднаписана быша в Святых Писаниях, в наше наказание (наставление) преднаписашася»* (Рим. 15:4). Преподобный Нил жил в XV столетии; он основал скит неподалеку от Бела Озера, где и занимался молитвою в глубоком уединении. Полез-

[393] Глава 33. Добротолюбие. Ч. 1.

но прислушаться старцам новейших времен, с каким смирением и самоотвержением отзывается преподобный Нил о наставлениях, которые он преподавал братии. «Никто не должен утаивать слова Божия по своему нерадению, но исповедывать свою немощь и вместе не скрывать истины Божией, чтоб не соделаться нам виновными в преступлении заповеди Божией. Не будем утаивать слова Божия, но будем возвещать его. Божественные Писания и слова святых отцов многочисленны, как песок морской: неленостно исследывая их, преподаем приходящим к нам и нуждающимся в них (требующим, вопрошающим). Правильнее же: преподаем не мы, потому что мы недостойны этого, но преподают блаженные Святые Отцы из Божественного Писания». Вот превосходный образец для современного наставления! Он вполне душеполезен для наставника и наставляемого; он – правильное выражение умеренного преуспеяния; он соединен с отвержением самомнения, безумной наглости и дерзости, в которые впадают подражающие по наружности Великому Варсонофию и другим знаменоносным отцам, не имея благодати отцов. Что было в тех выражениях обильного присутствия в них Святого Духа, то в безрассудных, лицемерных подражателях служит выражением обильного невежества, самообольщения, гордости, дерзости. Возлюбленные отцы! Будем произносить слово Божие братиям нашим со всевозможным смирением и благоговением, сознавая себя недостаточными для сего служения и охраняя самих себя от тщесла-

вия, которое сильно стужает людям страстным, когда они поучают братию. Подумайте, что мы должны воздать ответ за каждое праздное слово (Мф. 12:36), тем тягостнее ответ за слово Божие, произнесенное с тщеславием и по побуждению тщеславия. *«Потребит Господь вся устны льстивыя, язык велеречивый, рекшыя: язык наш возвеличим, устны наша при нас суть: кто нам Господь есть?»* (Пс. 11:4, 5). Потребит Господь ищущих славы своей, а не Божией. Устрашимся прещения Господня. Будем произносить слово назидания по требованию существенной необходимости, не как наставники, а как нуждающиеся в наставлении и тщащиеся соделаться причастниками наставления, преподаемого Богом в Его всесвятом Слове. *«Кийждо якоже прият дарование*, – говорит святой апостол Петр, – *между себе сим служаще, яко добрии строители различныя благодати Божия. Аще кто глаголет, яко словеса Божия, со страхом Божиим и благоговением к словам Божиим, а не как свои собственные слова; аще кто служит, яко от крепости, юже подает Бог, а не как бы из своей собственной: да о всем славится Бог Иисус Христом»* (1Пет. 4:11). Действующий из себя действует для тщеславия, приносит и себя и послушающих его в жертву сатане: действующий из Господа действует во славу Господа, совершает свое спасение и спасение ближних Господом, единым Спасителем человеков. Будем страшиться преподания первоначальному какого-либо необдуманного наставления, не основанного на слове Божием и на ду-

ховном разумении слова Божия. Лучше сознаться в неведении, нежели выказать ведение душевредное. Охранимся от великого бедствия превратить легковерного новоначального из раба Божия в раба человеческого (1Кор. 7:23), привлекши его к творению падшей воли человеческой вместо всесвятой воли Божией». Скромное отношение советника к наставляемому совсем другое, нежели старца к безусловному послушнику, рабу о Господе. Совет не заключает в себе условия непременно исполнять его: он может быть исполнен и не исполнен. На советнике не лежит никакой ответственности за совет его, если он подал его со страхом Божиим и смиренномудрием, не самопроизвольно, а будучи спрошен и понужден. Также и получивший совет не связывается им; на произволе и рассуждении его остается исполнить или не исполнить полученный совет. Очевидно, как путь совета и последования Священному Писанию сообразен с нашим слабым временем. Заметим, что отцы воспрещают давать совет ближнему по собственному побуждению, без вопрошения ближнего: самовольное преподание совета есть признак сознания за собою ведения и достоинства духовных, в чем явная гордость и самообольщение. Это не относится к настоятелям и начальникам, которые обязаны во всякое время, при всякой встретившейся нужде и не будучи спрошены наставлять врученное им братство (2Тим. 4:2). Но при посещении других монастырей они должны руководствоваться советом преподобного Макария Александрийского преподоб-

ному Пахомию Великому. Пахомий спросил Макария о наставлении братии и суде над ними. Авва Макарий отвечал: «УЧИ и суди своих подчиненных и не суди никого из посторонних». Это правило соблюдали и соблюдают все настоятели, желающие благоугодить Богу.

Глава 14
Цель монашеского жительства заключается в изучении воли Божией, в усвоении ее себе, в покорности ей

Сущность монашеского жительства заключается в том, чтоб исцелить свою поврежденную волю, соединить ее с волею Божией, освятить этим соединением. Воля наша, в состоянии падения, враждебна воле Божией; она по слепоте своей и по состоянию вражды к Богу постоянно усиливается противодействовать воле Божией. Когда усилия ее останутся безуспешными, она приводит человека в раздражение, в негодование, в смущение, в огорчение, в уныние, в ропот, в хулу, в отчаяние. В отречении от своей воли для наследования воли Божией заключается отречение от себя, заповеданное Спасителем, составляющее необходимое условие спасения и христианского совершенства, столько необходимое, что без удовлетворения этому условию спасение невозможно, тем более невозможно христианское совершенство. *«Живот – в воли Его»*, – сказал пророк (Пс. 29:6).

Чтоб исполнить волю Божию, нужно знать ее. Только при этом познании возможно отвержение своей поврежденной воли и исцеление ее волею Божиею. Воля Божия – Божественная тайна. *«Божия никтоже весть,* – говорит апо-

стол, – *точию Дух Божий»* (1Кор. 2:11). Следовательно, доставление человекам познания воли Божией может совершиться единственно при посредстве Божественного откровения. *«Научи мя творити волю Твою,* – молился вдохновенный Давид, – *яко Ты еси Бог мой. Дух Твой благий наставит мя на землю праву»* (Пс. 142:10). *«Открый очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего»* (Пс. 118:18). *«Не скрый от мене заповеди Твоя»* (Пс. 118:19). Воля Божия открыта человечеству в Законе Божием, преимущественно же с особенною точностию и подробностию она объявлена нам вочеловечившимся Словом Божиим. Как превысшая постижения, она приемлется верою. *«Снидох с небесе,* – сказал Спаситель, – *не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца. Се же есть воля пославшаго Мя Отца, да все, еже даде Ми, не погублю от Него, но воскрешу е в последний день. Се же есть воля пославшего Мя, да всяк, видяй Сына, и веруяй в Него, имат живот вечный, и воскрешу его Аз в последний день»* (Ин. 6:38–40). *«Аз от Себе не глаголах: но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку и что возглаголю. И вем, яко заповедь Его живот вечный есть»* (Ин. 12:49–50). Изучение воли Божией – труд, исполненный радости, исполненный духовного утешения, вместе труд, сопряженный с великими скорбями, горестями, искушениями, с самоотвержением, с умерщвлением падшего естества, с спасительным погублением души. Он сопряжен с распятием ветхого человека (Гал. 5:24; Кол. 3:9–10). Он требует, чтоб плотское

мудрование было отвергнуто, попрано, уничтожено: *«Преобразуйтеся обновлением ума вашего*, – говорит апостол, – *во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная»* (Рим. 12:2). С такою определенностию Сын Божий явил человекам волю Божию, с такими существенными последствиями Он совокупил это явление воли Божией, что Священное Писание именует Его исповедавшим Бога (Ин. 1:18), т. е. открывшим в той полноте, в какой способно человечество приять, способно приять не само собою, но действием преизобильным Божественной благодати. Такое же значение имеют слова Господа: «Явих имя Твое человеком» (Ин. 17:6), *«сказах им имя Твое, и скажу, да любы, ею же Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них»* (Ин. 17:26). Явление имени Того, Кто превыше всякого имени, есть совершеннейшее познание Того, Кто превыше всякого познания. Высшее познание, являющееся от освящения человека Божественною волею, вводит в Божественную любовь, в соединение человека с Богом.

Одни из евангельских заповедей научают нас действовать богоугодно; другие научают вести себя богоугодно при постороннем действии на нас. Изучение второго труднее, нежели изучение первого; но и первое тогда поймется удовлетворительно, когда душа изучит и примет второе. Необходимо уверить себя, что Бог управляет участию мира и участию каждого человека. Опыты жизни не замедлят подтвердить и утвердить это учение Евангелия. Следствие приня-

тия верою этого учения – смиренная покорность Богу, отступление смущений, мир души, сила мужества. Кто таким образом примет учение Евангелия, тот воспримет *«щит веры, в немже возможет вся стрелы лукавого разженныя угасити»* (Еф. 6:16). Эта вера называется Святыми Отцами *деятельною*, в отличие от *догматической*[394]. Она является в человеке от исполнения евангельских заповедей, возрастает по мере исполнения их, увядает и уничтожается по мере пренебрежения ими, преобразуется, в свое время, по осенении благодатию, в живую веру, исполняет христианина духовною силою, которою святые Божии *«победиша царствия, содеяша правду, получиши обетования, заградиша уста львов, угасиша силу огненную, избегоша острея меча, возмогоша от немощи, быша крепцы во бранех, обратиша в бегство полки чуждих»* (Евр. 11:33, 34). Необходимо благоговеть пред непостижимыми для нас судьбами Божиими во всех попущениях Божиих как частных, так и общественных, как в гражданских, так и в нравственных и духовных. *«Смиритеся*, – увещевает святой апостол Петр, – *по крепкую руку Божию, всю печаль вашу возвергше Нань, яко Той печется о вас»* (1Пет. 5:6–7). Смиряться подобает по тому превосходному образцу, который представляется нам Священным Писанием в молитве трех святых отроков, подвергшихся в Вавилоне тяжкому испытанию за верность свою Богу и признавших все попущения Божии последствиями

[394] Святые Каллист и Игнатий Ксанфопулы, гл. 16. Добротолюбие. Ч. 2.

праведного суда Божия (Дан. 3). *«Нужда есть прити соблазном»*, – определил Господь (Мф. 18:7); предвозвестив страшные бедствия, долженствующие постигнуть верующих в Него и все человечество, Он сказал: *«зрите, не ужасайтеся, подобает бо всем сим быти»* (Мф. 24:6). Если так, то мы не имеем ни права, ни возможности сказать или помыслить что-либо против определения, произнесенного всеблагим, премудрым, всемогущим Богом. *«Предани будете,* – предвозвестил нам Господь, – *и родители и братиею и родом и други, и умертвят от вас, и будете ненавидимы от всех имене Моего ради»* (Лк. 21:16–17). *«Всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносити Богу. В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир»* (Ин. 16:2, 33). Изобразив и предвозвестив положение истинных христиан на время их земной жизни, положение, предназначенное им Богом, Господь присовокупил: *«И влас главы вашея не погибнет»* (Лк. 21:18). Это значит: о вас неусыпно будет промышлять Бог; Он будет неусыпно бдеть над вами, содержать вас во всемогущей деснице Своей, и потому, что ни случится с вами скорбное, случится не иначе, как по Его попущению, по Его всесвятой воле, для вашего спасения. Наставление ученикам по отношению к напастям земной жизни, долженствующим постигать их, Господь заключил решительною и определенною заповедию: *«В терпении вашем стяжити душы ваша»* (Лк. 21:19). Признайте и исповедуйте Бога правителем мира; благоговейно, с самоотвержением покоритесь и предай-

тесь воле Его: из этого сознания, из этой покорности прозябнет в душах ваших святое терпение. Известится оно душе тем миром, который оно принесет в душу. Замрет в устах всякое слово против судеб Божиих, умолкнет всякая мысль пред величием воли Божией, как сказал о себе и о своих товарищах святой евангелист Лука: *«умолчахом, рекше: воля Господня да будет»* (Деян. 21:14). Надо знать, что всякий помысл, являющийся с свойством противоречия и противодействия судьбам Божиим, исходит от сатаны и есть его исчадие. Такой помысл как богопротивный должно отвергать при самом появлении его. Пример этого подал нам Господь. Когда Он поведал ученикам о предстоящих Ему страданиях и насильственной смерти, тогда апостол Петр, движимый состраданием по свойству ветхого человека, *«начат пререцати Ему глаголя: милосерд Ты, Господи, не имать быти Тебе сие»*. Господь отвечал Петру, обличая начало выраженной им мысли: *«иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая»* (Мф. 16:22–23). Отчего возмущается дух наш против судеб и попущений Божиих? Оттого, что мы не почтили Бога как Бога; оттого, что мы не покорились Богу как Богу; оттого, что мы не дали себе должного места пред Богом; от нашей гордости, от нашей слепоты; оттого, что падшая, поврежденная, извращенная воля наша не уничтожена и не отвергнута нами. *«Тогда не постыжуся, внегда призрети ми на вся заповеди Твоя. Исповемся Тебе в правости сердца, внегда научатимися судь-*

бам правды Твоея» (Пс. 118:6–7). *«Ты еси Бог Спас мой, и Тебе терпех весь день»* (Пс. 24:5), перенося благодушно в течение всей земной жизни моей все скорби, какие благоугодно Тебе попускать мне во спасение мое. Святой Иоанн Лествичник определяет дар духовного рассуждения, который ниспосылается от Бога исключительно инокам, шествующим путем смирения и смиренномудрия, следующим образом:

«рассуждение, в обширном смысле, состоит и познается в непогрешительном постижении Божественной воли во всяком времени, месте и деле, что свойственно одним чистым по сердцу, телу и устам»[395].

[395] Лествица. Слово 26.

Глава 15
Любовь к ближнему служит средством достижения любви к Богу

Спаситель мира совокупил все частные Свои заповедания в две главные общие заповеди. *«Возлюбиши Господа Бога твоего*, – сказал Он, – *всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию твоею».* Сия есть первая и большая заповедь. Вторая же подобна ей: *«Возлюбиши искренняго твоего, яко сам себе. В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят»* (Мф. 22:37–40). Хотя заповедь о любви к Богу столько возвышеннее заповеди о любви к образу Божию – человеку, сколько Бог возвышеннее Своего образа, однако заповедь о любви к ближнему служит основанием заповеди о любви к Богу. Кто не положил основания, тот тщетно трудится о построении здания: оно никак не может устоять, не имея основания. Любовию к ближнему мы входим в любовь к Богу. Любовь к Богу христианина есть любовь ко Христу (1Ин. 2:23), а любовь к ближнему есть любовь ко Христу в ближнем: полюбив ближнего, полюбив его о Господе, то есть по заповедям Господа, мы стяжаваем любовь ко Христу, а любовь ко Христу есть любовь к Богу. Союз любви к Богу с любовью к ближнему превосходно изложен в посланиях святого апостола евангелиста Иоанна Богослова.

Невозможно возлюбить Бога, по учению Богослова, не возлюбив прежде брата. Любовь же к брату заключается в исполнении относительно него заповедей Господа (2 Ин. 1:6). То же учение возвещается и святыми наставниками монашества. Преподобный Антоний Великий говорил: «От ближнего зависят и жизнь и смерть (души). Приобретая брата, приобретаем Бога; соблазняя брата, грешим против Христа»[396]. Преподобный Иоанн Колов, один из величайших отцов Египетского Скита, сказал: «Нет возможности выстроить дом, начав сверху, но надо начать постройку с основания и возводить к верху». Его спросили: «Что значит основание?» Он отвечал: «Основание есть ближний наш; мы должны приобретать его и начинать с него. На нем основываются все заповеди Христовы»[397]. Преподобный Марк Подвижник: «Невозможно иначе спастись, как чрез ближнего»[398]. Согласно этому рассуждают и научают все святые отцы; это общее христианское учение, учение Церкви, учение Христово. Обрати все внимание на стяжание любви к ближнему твоему как на основание твоего жительства и монашеского подвига. Возлюби ближнего по указанию евангельских заповедей, отнюдь не по влечению твоего сердца. Любовь, насажденная Богом в наше естество, повреждена падением и не может действовать правильно. Никак не попусти ей действовать! Действия

---

[396] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания, гл. 9.

[397] Там же, гл. 37.

[398] Слово 6. О Рае и духовном законе.

ее лишены непорочности, мерзостны пред Богом как жертва осквернённая; плоды действий душепагубны, убийственны. Следующим образом возлюби ближнего: не гневайся и не памятозлобствуй на него; не позволяй себе говорить ближнему никаких укорительных, бранных, насмешливых, колких слов; сохраняй с ним мир по возможности своей; смиряйся пред ним; не мсти ему ни прямо, ни косвенно; во всем, в чем можно уступить ему, уступай; отучись от прекословия и спора, отвергни их как знамение гордыни и самолюбия; говори хорошо о злословящих тебя: плати добром за зло; молись за тех, которые устраивают тебе различные оскорбления, обиды, напасти, гонения (Мф. 5:21–48). Никак, ни под каким предлогом не осуждай никого, даже не суди ни о ком, хорош ли он или худ, имея пред глазами того одного худого человека, за которого ты должен отвечать пред Богом, – себя. Поступай относительно ближних так, как бы ты желал, чтоб было поступлено относительно тебя (Мф. 7:1–12). Отпускай и прощай из глубины сердца человекам согрешения их против тебя, чтоб и Отец небесный простил тебе твои бесчисленные согрешения, твой страшный греховный долг, могущий тебя низвергнуть и заключить навечно в адские темницы (Мф. 18:23–35). Не стяжи пристрастия, в особенности блудной страсти к ближнему твоему; под именем ближнего разумеется не только мужеский, но и женский пол. Если же, устроенный стрелою врага, как-нибудь неожиданно заразишься ими, то не унывай, зная, что мы в себе самих носим

способность заражаться всякими страстями, что это случалось и с великими святыми; приложи все старание уврачевать себя. Наконец, не повреждай брата своего многословием, пустословием, близким знакомством и свободным обращением с ним. Ведя себя так по отношению к ближнему, ты окажешь и стяжешь к нему заповеданную Богом и Богу угодную любовь; ею отворишь себе вход к любви Божией. Святой Симеон, Новый Богослов, сказал: «Особенной любви с каким-либо лицем да не стяжешь, особливо с новоначальным, хотя бы тебе и показалось, что это лице жития весьма хорошего, а не зазорного. Ибо по большей части духовная любовь прелагается в страстную и впадешь в бесполезные скорби. Это наиболее случается с подвизающимися. Тебе должно вменять себя странным по отношению ко всякому брату в общежитии, в особенности по отношению к тем, с которыми ты был знаком в мире, а всех любить равно»[399]. Святой Исаак: «Любовь к юным есть блуд, которым гнушается Бог. Для этой раны нет пластыря. Любящий же всех равно по милосердию и без различия достиг совершенства. Юный, последуя за юным, приводит рассудительных к плачу и рыданию о них. Старец же, последующий юному, стяжал страсть, которая смраднее страсти юных; хотя бы он беседовал с ними и о добродетели, но сердце его уязвлено»[400].

---

[399] Главы 125, 126. Добротолюбие. Ч. 1.

[400] Слово 8.

Глава 16
Смирение пред ближним служит средством достижения любви к ближнему

Любви к ближнему предшествует и сопутствует смирение пред ним. Ненависти к ближнему предшествует осуждение его, уничижение, злословие, презрение к нему, иначе гордость. Святые иноки постоянно помнили слова Христовы: «Аминь глаголю вам: еже сотвористе единому сих братий моих меньших, Мне сотвори*сте*» (Мф. 25:40). Не входили они в рассматривание, достоин ли ближний уважения или нет; не обращали они внимания на множество и очевидность его недостатков: внимание их обращено было на то, чтоб не скрылось от них каким-нибудь образом понятие, что ближний есть образ Божий, что поступки наши относительно ближнего Христос принимает так, как бы они совершены были относительно Его. Ненавидит такое понятие гордый падший ангел и употребляет все меры, чтоб незаметным образом похитить его у христианина. Несродно это понятие плотскому и душевному мудрованию падшего человеческого естества, и нужно особенное внимание, чтоб удержать его в памяти. Нужен значительный душевный подвиг, нужно содействие Божественной благодати, чтоб усвоить это понятие

сердцу, поврежденному грехом, чтоб иметь его непрестанно в памяти при сношениях с братиею. Когда же это понятие, по милости Божией, усвоится нам, тогда оно сделается источником чистейшей любви к ближним, любви ко всем одинаковой. Причина такой любви одна – Христос, почитаемый и любимый в каждом ближнем. Это понятие соделывается источником сладостнейшего умиления, теплейшей, неразвлеченной, сосредоточеннейшей молитвы. Преподобный авва Дорофей говаривал ученику своему, преподобному Досифею, по временам побуждавшемуся гневом: «Досифей, ты гневаешься и не стыдишься, что гневаешься и обижаешь брата своего? Разве ты не знаешь, что он – Христос, и что ты оскорбляешь Христа?»[401]. Преподобный великий Аполлос часто говаривал ученикам своим о принятии приходивших к нему странных братий, что подобает воздавать им почтение земным поклонением: кланяясь им, мы кланяемся не им, но Богу. «Увидел ли ты брата твоего? Ты увидел Господа Бога твоего. Это, – говорил он, – мы прияли от Авраама (Быт. 18), а тому, что должно братию успокоить (приютить, оказать гостеприимство), научились от Лота, понудившего (уговорившего) ангелов ночевать в его доме»[402]. Такой образ мыслей и поведения был усвоен всеми иноками Египта, первейшими во всем мире по иноческому

[401] В книге Поучений преподобного аввы Дорофея «Сказание о преподобном Досифее».

[402] Быт. 19. Лавсаик и Алфавитный патерик.

преуспеянию и дарованиям Святого Духа. Эти иноки удостоились быть предусмотрены и предвозвещены Пророком: *«пришдут молитвенницы от Египта»*, – предсказал святой Давид о иноках Египта[403]. Преподобный Кассиан Римлянин, церковный писатель IV века, повествует следующее: «Когда мы (преподобный Кассиан и друг его о Господе преподобный Герман), желая изучить постановления старцев, прибыли из стран Сирийских в область – Египет, то приходили в удивление, что там принимали нас с необыкновенным радушием, причем никогда не соблюдалось правило для употребления пищи, для чего назначен известный час, в противность тому, как мы были приобучены в палестинских монастырях. Куда мы ни приходили, разрешалось установленное пощение того дня, за исключением узаконенного (Церковью) поста в среды и пятки. Мы спросили одного из старцев: по какой причине у них упущается без различия ежедневное пощение? Он отвечал: «Пост всегда со мною; но вас я должен сряду отпустить и не могу всегда иметь при себе. Хотя пост полезен и постоянно нужен, однако он дар и жертва произвольная, а исполнение делом любви есть непременный долг, требуемый заповедию. Принимая в лице вашем Христа, я должен оказать Ему все усердное гостеприимство; проводив же вас, по оказании любви, которой причина – Он, могу вознаградить разрешение усиленным постом, наедине». Не могут «сыновье брачныя, дондеже жених с ними есть, поститися. Егдаже

[403] Пс. 116, 32.

отымется от них жених, тогда постятся законно» (Мф. 9:15; Мк. 2:19; Лк. 5:34–35). Живя в монастыре с братиею, признавай себя одного грешником, а всех братий без исключения ангелами, всем отдавай предпочтение пред собою. Когда ближнего твоего предпочитают тебе, радуйся этому и одобряй это как деяние самое справедливое. Ты удобно достигнешь такого душевного настроения, если будешь удаляться от близкого знакомства и от свободного обращения. Напротив того, позволяя себе близкое знакомство и свободное обращение, никогда не удостоишься прийти в устроение святых, не удостоишься сказать от искреннего сознания, сказать с апостолом Павлом: «Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз» (1Тим. 1:15). По причине смирения пред ближним и по причине любви к ближнему отступает от сердца ожесточение. Оно отваливается, как тяжелый камень от входа в гроб, и сердце оживает для духовных отношений к Богу, для которых оно доселе было мертво. Взорам ума открывается новое зрелище: многочисленные греховные язвы, которыми преисполнено все падшее человеческое естество. Он начинает исповедывать свое бедственное состояние пред Богом и умолять Его о помиловании. Уму содействует сердце плачем и умилением. Таково начало истинной молитвы. Напротив того, молитву памятозлобного святой Исаак Сирский уподобляет посеву на камне[404]. То же должно сказать и о молитве осуждающего и пре-

[404] Слово 89.

зирающего ближних. Молитве гордого и гневливого не только не внимает Бог, но и попускает молящемуся в таком душевном устроении различные унизительнейшие искушения, чтоб ударяемый и угнетаемый ими, он прибег к смирению пред ближним и к любви ближнего. Молитва есть деятельное выражение любви инока к Богу[405].

[405] Лествица. Слово 28, гл. 33.

Глава 17
О молитве

Молитва, будучи дщерию исполнения евангельских заповедей, есть вместе и мать всех добродетелей, по общему мнению Святых Отцов[406]. Молитва рождает добродетели от соединения духа человеческого с Духом Господа. Добродетели, рождающие молитву, различествуют от добродетелей, рождаемых молитвою: первые – душевны, вторые – духовны. Молитва есть по преимуществу исполнение первой и главнейшей заповеди из тех двух заповедей, в которых сосредоточиваются закон, Пророки и Евангелие (Мф. 22:37–40). Невозможно человеку устремиться всем помышлением, всею крепостию своею, всем существом своим к Богу иначе как при действии молитвы, когда она воскреснет из мертвых[407] и оживится как бы душою, силою благодати. Молитва есть зерцало иноческого преуспеяния [113]. Рассматривая молитву свою, инок познает, достиг ли он спасения или еще бедствует в волнующемся страстном море, вне священной пристани. К такому познанию он имеет руководителем боговдохновенного Давида, который, молитвенно беседуя к Богу, сказал так: «В сем познах, яко восхотех мя еси, яко

---

[406] Преподобного Макария Великого Слово 3, гл. 1.

[407] Выражение это принадлежит святому Иоанну Лкствичнику. Слово 28.

не возрадуется враг мой о мне. Мене же за незлобие приял, и утвердил мя еси пред Тобою во век» (Пс. 40:12–13). Это значит: узнал я, Господи, что ты меня помиловал, и усвоил Себе, по постоянному победоносному отвержению мною, силою молитвы моей, всех вражеских помыслов, мечтаний и ощущений. Эта милость Божия к человеку является тогда, когда человек ощутит милость ко всем ближним своим и простит всем виновным пред ним (Мф. 6:14–15, 7:2; Лк. 6:37–38). Молитва должна быть главным подвигом инока. В ней должны сосредоточиться и совокупиться все его подвиги; посредством ее инок прилепляется теснейшим образом к Господу, соединяется во един дух с Господом (1Кор. 6:11). С самого вступления в монастырь необходимо научиться правильной молитве, чтоб преуспеть в ней и посредством ее изработать свое спасение. Правильности молитвы и преуспеянию в ней противодействуют наше поврежденное естество и падшие ангелы, усиливающиеся удержать нас в своем порабощении, в падении и отвержении от Бога, общем человекам и падшим ангелам.

Глава 18
О приготовлении к молитве

По важному значению молитвы пред упражнением ею нужно приготовление себя к ней. «Прежде даже не помолишися, уготови себе, и не буди яко человек искушая Господа» (Сир. 18:23). «Идя предстать пред Царем и Богом и возглаголить с Ним, – говорит святой Иоанн Лествичник, – не без приготовления совершим это, чтоб Он издалека не увидел, что мы не имеем оружия и одежд, потребных для предстояния пред Царем, и не повелел рабам и служителям Своим связать нас и отогнать куда-либо далеко от лица Его, а прошения наши разодрать и бросить нам в лицо».

Первое приготовление состоит в отвержении памятозлобия и осуждения ближних. Это приготовление заповедано Самим Господом. *«Егда стоите молящеся,* – повелевает Он, – *отпущайте, аще что имате на кого: да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших»* (Мк. 11:25–26).

Дальнейшим приготовлением служат: отвержение попечений силою веры в Бога, силою покорности и преданности воле Божией, сознание своей греховности и истекающее из этого сознания сокрушение и смирение духа.

Одна жертва, принимаемая Богом от падшего человече-

ского естества, есть сокрушение духа. *«Аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо»*, – говорит Богу Пророк Его от лица каждого падшего и пребывающего в своем падении человека; но Ты не только какой-либо частной жертвы, телесной или душевной, но и полного *«всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»* (Пс. 50:18–19). Святой Исаак Сирский повторяет следующее изречение другого святого отца: «Если кто не признает себя грешником, того молитва неблагоприятна Господу»[408].

Стой на молитве твоей пред невидимым Богом, как бы ты видел Его и с уверенностью, что Он видит тебя, внимательно смотрит на тебя; стой пред невидимым Богом, как стоит уголовный преступник, уличенный в бесчисленных злодеяниях, приговоренный к казни, пред грозным, нелицеприятным судиею.

Точно: ты стоишь пред полновластным Владыкою и Судиею твоим; ты стоишь пред таким Судиею, пред Которым *«не оправдится всяк живый»* (Пс. 142:2), Который всегда побеждает, *«внегда судити Ему»* (Пс. 50:6), Который тогда только не осуждает, когда, по неизреченному человеколюбию Своему, простив человеку согрешения его, не внидет *«в суд с рабом» Своим»* (Пс. 142:2). Ощутив страх Божий, ощутив от действия страха Божия при молитве твоей присутствие Бога, увидишь безвидно, духовно, Невидимого, по-

[408] Слово 55.

знаешь, что молитва есть предстояние на Страшном Суде Божием[409].

Стой на молитве с поникшею главою, с устремленными к земле глазами, на обеих ногах равно и неподвижно: споспешествуй молитве плачем сердца, воздыханиями из глубины души, обильными слезами.

Наружное благоговейное предстояние на молитве весьма нужно и весьма полезно для всякого подвизающегося подвигом молитвы, особливо для новоначального, в котором расположение души наиболее сообразуется с положением тела. Апостол заповедует при молитве благодарение: *«в молитве терпите»*, говорит он, *«бодрствующе в ней с благодарением»* (Кол. 4:2, слич. Флп. 4:6). Апостол свидетельствует, что благодарение заповедано Самим Богом: *«непрестанно молитеся; о всем благодарите; сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас»* (1Сол. 5:17–18). Что значит благодарение? Это славословие Бога за бесчисленные Его благодеяния, излитые на все человечество и на каждого человека, Таким благодарением вводится в душу чудное спокойствие; вводится радость, несмотря на то, что отовсюду окружают скорби; вводится живая вера, по причине которой человек отвергает все заботы о себе, попирает страх человеческий и бесовский, повергает себя всецело на волю Божию. Такое расположение души есть превосходное приготовительное расположение для молитвы. «Якоже убо приясте Христа Иисуса,

[409] Лествица. Слово 28, гл. 1.

Господа, – говорит апостол, – такожде в Нем ходите (жительствуйте), укоренени и наздани в Нем и извествовани верою, якоже научистеся, избыточествующе в ней благодарением», – то есть при посредстве благодарения приобретая обилие веры. «Радуйтеся всегда о Господе: и паки реку, радуйтеся: Господь близ. Ни о чем же пецытеся, но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да сказуются Богу» (Кол. 2:6–7; Флп. 4:4–6).

Важность умственного подвига – благодарения с особенною подробностию изложена в Руководстве к духовной жизни преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна Пророка.

Глава 19
О внимании при молитве

Молитва нуждается в неотлучном соприсутствии и содействии внимания. При внимании молитва составляет неотъемлемую собственность молящегося; при отсутствии внимания она чужда молящемуся. При внимании она приносит обильный плод: без внимания она приносит терние и волчцы.

Плод молитвы состоит в просвещении ума и умилении сердца, в оживлении души жизнию Духа; терние и волчцы – это мертвость души, фарисейское самомнение, прозябающее из сердечного ожесточения, довольствующееся и превозносящееся количеством молитвословий и временем, употребленным на произнесение этих молитвословий.

То внимание, которое вполне соблюдает молитву от развлечения или от посторонних помыслов и мечтаний, есть дар благодати Божией. Искреннее желание получить благодатный дар, душеспасительный дар внимания доказываем принуждением себя ко вниманию при каждой молитве нашей.

Искусственное внимание – так назовем наше собственное внимание, еще не осененное благодатию, – состоит в том, чтоб, по совету святого Иоанна Лествичника, заключать ум в слова молитвы. Если ум, по причине новости своей в молитвенном подвиге, выйдет из заключения в слова, то должно

опять вводить его в них. Свойственны уму, в его состоянии падения, нестоятельность и расположение парить повсюду. Но Бог может даровать ему непоколебимость и дарует ее в свое время за постоянство и терпение в подвиге[410].

Особенно способствует сохранение внимания во время молитвы весьма неспешное произнесение слов молитвы. Произноси слова не спеша, чтоб ум мог с большим удобством сохранить заключение свое в словах молитвы, чтоб он не ускользал ни из одного слова ее. Произноси слова несколько вслух, когда ты молишься наедине, и это способствует сохранению внимания.

Внимательной молитве с особенною удобностию можно и должно приучаться при совершении келейного правила. Возлюбленный брат! Не отвергни ига некоторой скуки и некоторого понуждения, приучаясь первоначально к иноческим келейным занятиям, особливо к келейному молитвенному правилу. Запасись благовременно всесильным оружием-молитвою: благовременно научись действовать им. Молитва всемогуща по причине действующего в ней всемогущего Бога. Она – *меч духовный, иже есть глагол Божий*[411]. Молитва по качеству своему есть пребывание человека при Боге и соединение человека с Богом; по действию своему она – примирение человека с Богом, мать и дщерь слез, мост, по которому переходит чрез искушения, стена, защищающая от

[410] Слово 28, гл. 17.

[411] Еф. 6, 17.

скорбей, сокрушение браней, бесконечное делание, источник добродетелей, причина духовных дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, отсечение отчаяния, указание надежды, разрешение печали, богатство монахов[412].

Сначала нужно понуждаться к молитве; вскоре она начнет доставлять утешение и этим утешением облегчать понуждение, ободрять к понуждению себя. Но к молитве нужно понуждение в течение всей жизни[413], и редкие подвижники избавились, по причине обильнейшего благодатного утешения, от понуждения себя: молитва действует убийственно на нашего ветхого человека; доколе он жив в нас, дотоле противится молитве как вкушению смерти. Падшие духи, зная силу молитвы и ее благотворное действие, стараются всячески отвлечь от нее подвижника, подучая употреблять время, назначенное для молитвы, на другие дела: или же они стараются уничтожить и осквернить ее суетною и греховною рассеянностью, принося во время совершения ее бесчисленные житейские и греховные помыслы и мечтания.

---

[412] Заимствовано из Лествицы. Слово 28, гл. 1.

[413] Алфавитный патерик и Достопамятные сказания о авве Агафоне, гл. 9.

Глава 20
О келейном правиле

Келейное правило состоит из известного числа поклонов, известного числа молитв и псалмов, из упражнения молитвою Иисусовою. Оно назначается для каждого сообразно силам души и тела. Как эти силы разнообразны в человеках до бесконечности, то и правило предлагается подвижникам в самых различных формах. Общий устав для молитвенного правила заключается в том, чтоб оно никак не превышало сил подвижника, не истощало этих сил, не расстраивало здоровья и этим не принудило подвижника отказаться от всякого правила. Оставление молитвенного правила обыкновенно бывает следствием правила, принятого или возложенного превыше сил. Напротив того, умеренное, благоразумное правило остается достоянием инока на всю его жизнь, к концу жизни развивается и умножается как бы естественно, принимая и по наружности и по внутреннему достоинству характер, соответствующий преуспеянию. От крепкого и здорового тела требуется при совершении правила большого числа поклонов и большого количества молитвословий, а от слабого тела – меньшего. Тела человеческие так различествуют между собою по отношению к крепости, что иные утомляются от 30 земных поклонов более, нежели другие от 300.

Глава 21
О поклонах

Поклоны разделяются на земные и поясные; полагаются обыкновенно на вечернем правиле, пред упокоением сном. Лучше всего положить поклоны прежде чтения вечерних молитв, то есть поклонами начинать правило. От поклонов тело несколько утомится и согреется, а сердце придет в состояние сокрушения: из такого состояния подвижник усерднее, теплее, внимательнее помолится. Ощутится совсем другой вкус в молитвах, когда они будут читаться после поклонов. Поклоны надо полагать весьма неспешно, одушевив этот телесный подвиг в плаче сердца и молитвенным воплем ума. Желая начать коленопреклонения, дай телу твоему самое благоговейное положение, какое должно иметь рабу и созданию Божию в присутствии Господа Бога его. Потом собери мысли от скитания повсюду и с крайнею неспешностью, вслух лишь самому себе, заключая ум в слова, произнеси от сердца, сокрушенного и смиренного, молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». Произнесши молитву, сотвори неспешно земной поклон, с благоговением и страхом Божиим, без разгорячения, с чувством кающегося и умоляющего о прощении грешника как бы к ногам Самого Господа Иисуса Христа. Не представь себе в воображении образа или изображения Господня, но

имей убеждение в его присутствии; имей убеждение в том, что Он смотрит на тебя, на твой ум и сердце, и что воздаяние Его – в руке Его: первое – непозволительная мечта, ведущая к гибельному самообольщению, а убеждение в присутствии вездесущего Бога есть убеждение во всесвятой истине[414]. Положив земной поклон, опять приведи тело в благоговение и спокойствие, и опять произнеси неспешно вышеуказанную молитву; произнесши ее, опять положи поклон вышесказанным образом. Не заботься о количестве поклонов: все внимание обрати на качество молитвы, совершаемой с коленопреклонениями. Не говоря о действии на дух, на самое тело гораздо сильнее подействует небольшое число поклонов, исполненных вышесказанным образом, нежели большое, исполненное наскоро, без внимания, для счета. Опыт не замедлит доказать это. Утрудившись от коленопреклонений, перейди к поясным поклонам. Мера поясного поклона определяется тем, когда при исполнении его опущенная рука прикоснется земли или полу. Вменив себе в непременную обязанность при совершении поклонов обильное душевное делание, состоящее из внимательности, неспешности, благоговения, намерения принести Богу покаяние, подвижник усмотрит в течение непродолжительного времени, какое количество поклонов выносит его телосложение. Исключив из этого числа несколько поклонов в видах немощи

[414] Добротолюбие. Ч. 2. Каллиста и Игнатия Ксанфопулов о безмолвии и молитве, гл. 75.

своей и снисхождения себе, из остального числа поклонов он может установить для себя ежедневное правило и, испросив на него благословение духовника или настоятеля или кого из иноков, к которому имеет доверенность и с которым советуется, может отправлять такое правило ежедневно. Для душеназидания возлюбленных братий наших не умолчим о нижеследующем: поклоны, совершаемые для числа, неодушевленные правильным умным и сердечным деланием, более вредны, нежели полезны. Подвижник, исполнив их, начинает радоваться. Вот, говорит он сам себе, подобно упоминаемому в Евангелии фарисею, и сегодня Бог сподобил положить (примерно) триста поклонов! Слава Богу! Легкое ли дело? В нынешние времена триста поклонов! Кто ныне несет такое правило? И так далее. Надо припомнить, что поклоны согревают кровь, а согретая кровь чрезвычайно способствует к возбуждению умственной деятельности; пришедши в такое расположение, бедный подвижник единственно по той причине, что не имеет понятия о истинном душевном делании, предается душевредной умственной деятельности, предается тщеславным помыслам и мечтаниям, опирающимся на его подвиге, при посредстве которого он думает преуспеть. Подвижник услаждается этими помыслами и мечтаниями, не может довольно насытиться ими, усвояет их себе, насаждает в себя гибельную страсть самомнения. Самомнение вскоре начинает проявляться в тайном осуждении ближних и в явном расположении поучать их. Очевидно, что такое рас-

положение есть признак гордости и самообольщения: если б инок не счел себя выше ближнего, он никак не дерзнул бы учить его. Таков плод всякого телесного подвига, если он не одушевлен намерением покаяния и не имеет целию одно покаяние, если подвигу самому по себе дается цена.

Истинное иноческое преуспеяние заключается в том, когда инок увидит себя грешнейшим из всех человеков. «Брат сказал преподобному Сисою Великому: «Я вижу, что мысль моя находится постоянно при Боге». Преподобный отвечал: «Это не велико, что мысль твоя находится непрестанно при Боге; велико то, когда инок увидит себя под всякою тварию»[415]. Таков был образ мыслей истинных служителей Бога, истинных иноков: он образовался в них от правильного душевного делания. При правильном душевном делании и телесный подвиг имеет огромное значение, будучи выражением покаяния и смирения действиями тела. *«Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя»* (Пс. 24:18), – молитвенно вопиет к Богу святой Давид, соединявший в благочестивом подвиге своем телесный труд с глубоким покаянием и с глубоким смиренномудрием.

[415] Алфавитный патерик.

Глава 22
О применении келейного правила к монастырскому правилу

В некоторых российских обителях, в весьма немногих, следующих уставу Саровской пустыни, отправляется вечернее правило в церкви с поклонами; в некоторых общежительных монастырях отправляется правило без поклонов; в большей части монастырей вечернее правило предоставляется на произвол братства, отправляется желающими в келиях. В Саровской пустыни и других обителях, следующих ее уставу, труды так значительны, что едва ли кто из братства может сверх церковного правила совершать и келейное. Но иные бывают очень сильны телом, и телесные труды даже Саровской пустыни и Валаамского монастыря недостаточны для утомления их тела, изобилующего крепостью. Для тех, которые избыточествуют силою или живут в обителях, в которых правило не соединено с поклонами или и вовсе нет общего вечернего правила, предлагаем следующий убогий совет: вечернее правило надо совершать, применяясь к правилу, преподанному ангелом преподобному Пахомию Великому. Применяясь, потому что в настоящее время и по слабости нашей, и по уставам, общепринятым в наших монастырях, нам невозможно исполнять вполне и в точности прави-

ло, преподанное ангелом сообразно древнему быту иноков. Сказанным не должно смущаться. И наше монастырское отечественное чиноположение благословлено свыше: оно соответствует нашей немощи и нашему времени. Соображаясь с тем, как законополагает правило, преподанное ангелом [416], можно дать своему келейному правилу следующий порядок: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе»; Царю небесный; Трисвятое; Отче наш; Господи помилуй – 12 раз; Приидите поклонимся; Псалом 50; Символ веры; затем молитва Иисусова: *«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»*. Иные при этой молитве полагают 20 поклонов земных и 20 поясных, иные – 30 поклонов земных и столько же поясныых, другие 40 поклонов земных и столько же поясных, и так далее. Полезно присовокуплять несколько земных и поясных поклонов с молитвою Божией Матери: «Пресвятая Владычице моя, Богородице, спаси меня грешнаго». По совершении положенного числа коленопреклонений и поясных поклонов никак не должно оставаться в праздности. Не должно предоставлять уму и сердцу свободы уклониться безразборчиво в помышления и чувствования какие бы то ни было: должно немедленно переходить к молитвословию или молитве Иисусовой. Совершив телесный подвиг, согрев им тело и кровь, подвижник получает, как выше сказано, особенное расположение к душевному деланию, и если не дать немедленно же душе делания правильного и спаситель-

[416] Каноник. Издание святой Киево-Печерской Лавры.

ного, то она легко может обратиться к деланию неправильному и пагубному, к размышлениям и мечтаниям пустым и вредным. Надо хранить со тщанием и употреблять с пользою плод, приобретенный правильным телесным подвигом. Невидимые враги и тати не дремлют! Самое падшее естество наше не замедлит дать из себя сродные ему плевелы. Приобретенные при молитве с поклонами чистоту, живость ума и умиление сердца должно тотчас употребить для молитвы без поклонов, неспешно и тихо произносимой устами, вслух себе, при заключении ума в слова молитвы, при сочувствии сердца словам молитвы.

В обителях, где Вечернее правило не отправляется в церкви, а отправляется по келиям, должно прочитывать после поклонов молитвы на сон грядущим. Произволяющие и чувствующие себя довольно сильными, читают сверх того акафисты, каноны, Псалтирь и помянник. Надо помнить, что сущность молитвенного подвига заключается не в количестве прочитанных молитвословий, а в том, чтоб прочитанное было прочитано со вниманием, при сочувствии сердца, и оставило на душе глубокое и сильное впечатление[417]. Количество молитвословий, нужных для правила, узнается так же, как и количество поклонов. Прочитай с должным вниманием и неспешностью некоторые молитвословия, которые ты считаешь особенно питающими твою душу: заметив, сколько

[417] Преподобный Симеон Новый Богослов. О трёх образах молитвы. Добротолюбие. Ч. 1.

нужно времени для чтения их, и сообразив, сколько времени ты можешь отделить на молитвословие, иначе на псалмопение, составь для себя приличествующее келейное молитвенное правило. На новоначальных очень полезно действует чтение акафистов сладчайшему Иисусу и Божией Матери, а на преуспевших и ощутивших уже некоторое просвещение ума – чтение Псалтири. Для внимательного прочтения одной кафизмы нужно времени около 20 минут. Святые отцы совершали молитвенное чтение псалмов и прочих молитвословий с такою неспешностью, необходимою для внимания и для заключения ума в слова молитвы, что они это чтение назвали псалмопением. Псалмопение – отнюдь не пение по гласам или по нотам, но крайне неспешное чтение, протяжностью своею подходящее к пению.

В тех обителях, где вечернее правило совершается в церкви без поклонов, должно в келии, по исполнении правила с поклонами, заняться уже не псалмопением, а молитвою, никак не попустив себе развлечься суетными и душевредными помыслами и мечтаниями. Те иноки, которые по каким-нибудь обстоятельствам принуждены бывают часто пребывать в келии безвыходно, совершают правило с поклонами, восстав от сна, пред утренними молитвами, по причине вышеобъясненного благотворного действия поклонов на тело и душу.

Глава 23
О молитве Иисусовой

Собственно молитвою Святые Отцы называют молитву Иисусову, которая произносится так: *«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»*. Святый Иоанн Лествичник говорит о безмолвствующих, что «одни из них поют и большую часть своего времени проводят в этом (пении), а другие претерпевают в молитве»; под именем пения здесь надо понимать молитвенное чтение псалмов (тогда еще не было других молитвословий, употребляемых ныне), а под именем молитвы – молитву Иисусову[418]. То же значение имеют и следующие слова того же святого: «Ночью большую часть времени отдавай молитве, а меньшую псалмопению»[419]. Так объясняют значение слов *молитва* и *псалмопение* в творении святого Иоанна Лествичника Лествице, позднейшие его великие подвижники и наставники монашества, преподобные Симеон Новый Богослов и Григорий Синаит. Молитва Иисусова разделяется на два вида: на устную и умную. Подвижник переходит от устной молитвы к умной сам собою, при условии, когда устная молитва – внимательна. Сперва должно обучиться устно молитве Иисусовой.

---

[418] Слово 27, гл. 33.

[419] Слово 27, гл. 77.

Исполняется Иисусова молитва стоя; при изнеможении же сил – сидя и даже лежа. Существенными принадлежностями этой молитвы должны быть: внимание, заключение ума в слова молитвы, крайняя неспешность при произнесении ее и сокрушение духа. Хотя эти условия необходимы при всякой молитве, но удобнее сохраняются и более требуются при совершении молитвы Иисусовой. При псалмопении разнообразие мыслей, в которые облечена молитва, невольно привлекает к себе внимание ума и доставляет ему некоторое развлечение. Но при молитве Иисусовой ум сосредоточивается в одну мысль: в мысль о помиловании грешника Иисусом. Делание по наружности самое сухое, но на опыте оно оказывается самым многоплодным из всех душевных деланий. Сила и достоинство доставляются ему всесильным, всесвятым именем Господа Иисуса Христа. Пророк, пророчествуя о Богочеловеке, предвозвестил: *«Всяк, иже призовет имя Господне, спасется»* (Иоил. 2:32). Слова пророка повторяет святой апостол Павел (Рим. 10:13): *«аще исповеси усты твоими*, – говорит он, – *Господа Иисуса, и веруеши в сердце твоем, яко Бог воздвиже Того от мертвых, спасешися»* (Рим. 10:9). Святой апостол Петр, по исцелении хромого от рождения именем Господа Иисуса Христа, засвидетельствовал пред иудейским синедрионом нижеследующее: *«Князи людстии и старцы Израилевы! аще мы* (святые апостолы Петр и Иоанн) *днесь истязуеми есмы о благодеянии человека немощна, о чесом сей спасеся: разумно буди всем*

вам и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назореа, Его же вы распясте, Его же Бог воскреси от мертвых, о Сем сей стоит пред вами здрав. Несть бо иного имени под небесем, данного в человецех, о немже подобает спастися нам» (Деян. 4:8–10, 12). Употребление всесвятого Божественного имени *Иисус* в молитве и моление об этом имени установлено Самим Господом нашим, Иисусом Христом. В этом можно убедиться из той возвышеннейшей и глубочайшей беседы, помещенной в Евангелии от Иоанна (Ин. 13:31 и гл. 14, 15, 16), которую Господь имел со святыми апостолами после Тайной Вечери, в многознаменательный час, предшествовавший добровольному исшествию Господа на место предания и на страдания, спасительные для рода человеческого. Учение, произнесенное Господом в этот час, имеет характер окончательного, предсмертного завещания, в котором собраны и изложены Им пред учениками Его, а в лице их – пред всем христианством, самые душеспасительные, окончательные заповеди, залоги достоверные и непогрешительные жизни вечной. Между прочими залогами и духовными дарами дано и подтверждено позволение и повеление молиться именем Иисуса. *«Еже аще что просите от Отца во имя Мое,* – сказал Господь ученикам Своим, – *то сотворю: да прославится Отец в Сыне. И аще чесо просите во Имя мое, Аз сотворю»* (Ин. 14:13–14). *«Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: про-*

сите, и приимете, да радость ваша исполнена будет» (Ин. 16:23–24). Что ж такое, могущее принявшего преисполнить радости, даровано будет молящемуся именем Господа Иисуса? Будет дарован, отвечаем словами Господа, «Дух Святый, *Его же пошлет Отец во имя Мое»* (Ин. 14:26). Это опытное познание принадлежит святым отцам, и есть их предание.

Глава 24
О упражнении молитвою Иисусовою

Если жительствуешь в обители, в которой отправляется вечернее правило с поклонами в церкви, то, пришед в келию, сряду займись молитвою Иисусовою. Если жительствуешь в обители, в которой вечернее правило отправляется в церкви, но без поклонов, то, придя в келию, соверши сперва правило с поклонами, а после него займись молитвою Иисусовою. Если принадлежишь к такой обители, в которой нет общего вечернего правила, а предоставлено каждому совершать его в келии, то во-первых, соверши правило с поклонами, потом займись молитвословием или псалмопением и, наконец, молитвою Иисусовою. Первоначально положи себе произносить сто молитв Иисусовых со вниманием и неспешностью. Впоследствии, если увидишь, что можешь произнести больше, присовокупи другое сто. С течением времени, смотря по надобности, можешь и еще умножить число произносимых молитв. На неспешное и внимательное произнесение ста молитв потребно времени 30 минут, или около получаса; некоторые подвижники нуждаются и еще в более продолжительном времени. Не произноси молитв спешно, одной немедленно за другою; делай после каждой молитвы краткий отдых и тем способствуй уму сосредоточиваться. Безостановочное произнесение молитв рассеивает ум. Перево-

ди дыхание с осторожностию; дыши тихо и медленно: этот механизм охраняет от рассеянности. Окончив моление молитвою Иисусовой, не вдайся в разные размышления и мечтания, всегда пустые, обольстительные, обманчивые, но по направлению, полученному в молитвенном подвиге, проведи время до сна. Склоняясь ко сну, повторяй молитву: засыпай с нею. Приучи себя так, чтоб, проснувшись от сна, первою твоею мыслью, первым словом и делом была молитва Иисусова. Произнесши ее несколько раз, вставай с одра и спеши к утрени.

Во время утрени по возможности займись молитвою Иисусовою. Если будешь иметь несколько времени свободного между утренею и литургиею, займись молитвою Иисусовою. Точно так же поступай и после обеда. Отцы советуют после обеда заниматься воспоминанием о смерти[420]. Это вполне правильно, но живая молитва Иисусова неразлучна с живым воспоминанием о смерти[421]: живое воспоминание о смерти сопряжено с живою молитвою ко Господу Иисусу, упразднившему смертию смерть и даровавшему человекам живот вечный Своим временным подчинением смерти. Во время церковных служб полезно упражняться молитвою Иисусовой: она, удерживая ум от рассеянности, способствует ему внимать церковному пению и чтению. Постарайся столько приучиться к молитве Иисусовой, чтоб она сде-

[420] Преподобного Нила Сорского Слово 7.

[421] Лествицы Слово 28, гл. 46.

лалась твоею непрестанною молитвою, для чего она очень удобна по краткости своей и для чего неудобны продолжительные молитвы. Отцы сказали: «Инок должен, употребляет ли пищу и питие, пребывает ли в келии или находится на послушании (в монастырской работе и труде), путешествует или что иное делает, непрестанно вопиять: *«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»*.

Глава 25
О непрестанной молитве

Непрестанная молитва заповедана Самим Богом. Спаситель мира сказал: *«Просите, и дастся вам: ищите, и обрящети: толцыте, и отверзется вам»* (Мф. 7:7). *«Бог не имат ли сотворити отмщение избранных Своих, вопиющих к Нему день и нощь, долготерпя о них? глаголю вам, яко сотворит отмщение их вскоре»* (Лк. 18:7–8). Апостол, повторяя учение Господа, говорит: *«Непрестанно молитеся»* (1Сол. 5:17). *«Хощу, да молитвы творят мужие на всяком месте, воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления»* (1Тим. 2:8). Под именем мужей апостол разумеет христиан, достигших христианского совершенства. Только совершенным христианам свойственно молиться без гнева и размышления, то есть в глубоком мире, в чистейшей любви к ближнему, без малейшего памятозлобия к ближнему и осуждения его, без развлечения посторонними помыслами и мечтаниями (без размышления). Таковые могут на всяком месте и во всякое время приносить молитву Богу, воздевая и вознося к Нему преподобные руки: ум и сердце, очищенные от страстей, освященные Духом. Очевидно, что непрестанная молитва не может быть достоянием новоначального инока; но чтоб сделаться способным в свое время к непрестанной молитве, он должен приучиться к частой молитве.

Частая молитва в свое время сама собой перейдет в непрестанную молитву. Как при непрестанной молитве всего удобнее совершать молитву Иисусову, то новоначальный должен как можно чаще обращаться к молитве Иисусовой. Выпало ли тебе кратчайшее свободное время? Не убей его, употребив на какое-либо несбыточное и пустейшее мечтание, на какое-нибудь суетное, ничтожное занятие! Употреби его для упражнения молитвою Иисусовою. Если случится, по немощи или, правильнее, по свойству падшего естества, увлечься обольстительными мечтаниями и помыслами, не унывай, не расслабляйся. Раскаявшись пред Богом в твоей легкомысленности и осознав пред Ним твое падшее естество и твое увлечение, припади мысленно пред Его милостию и прими меры предосторожности против обольстительного мечтания и обольстительных помыслов. Кто не приучится к частой молитве, тот никогда не получит непрестанной. Непрестанная молитва – дар Божий, даруемый Богом испытанному в верности рабу и служителю Его. «Иначе как непрестанною молитвою невозможно приблизиться к Богу»[422].

Непрестанная молитва есть признак милости Божией к человеку, есть признак, что все силы души устремились к Богу. *«Помилуй мя Господи, яко к Тебе воззову весь день. Возвесели душу раба Твоего, яко к Тебе взях душу мою»* (Пс. 85:3–4).

---

[422] Святого Исаака Слово 69.

Глава 26
О молитве Иисусовой устной, умной и сердечной

Желающему непогрешительно заниматься молитвою Иисусовою надо поверять себя, свое упражнение ею, частым чтением следующих отеческих писаний:

1) Слова о трезвении Исихия пресвитера Иерусалимского[423], 2) Глав о трезвении преподобного Филофея Синайского[424], 3) Слова о сокровенном делании во Христе святого Феолипта, митрополита Филадельфийского[425], 4) Сочинений святых Симеона, Нового Богослова, и Григория Синаита, помещенных в первой части Добротолюбия, 5) Слова Никифора Монашествующего и сочинения святых Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, помещенных во 2 части Добротолюбия, 6) Предания преподобного Нила Сорского, 7) Цветника священноинока Дорофея, и других.

Читатель найдет в Добротолюбии, в Слове Симеона, Нового Богослова, о трех образах молитвы, в Слове Никифора Монашествующего и в сочинении Ксанфопулов наставление о художественном ввождении ума в сердце при пособии

---

[423] Добротолюбие. Ч. 2.

[424] Там же.

[425] Там же.

естественного дыхания, иначе, механизм, способствующий достижению умной молитвы. Это учение отцов затрудняло и затрудняет многих читателей, между тем как тут нет ничего затруднительного. Советуем возлюбленным братиям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою. Сущность дела состоит в том, чтобы ум соединился с сердцем при молитве, а это совершает Божия благодать в свое время, определяемое Богом. Упомянутый механизм вполне заменяется неспешным произношением молитвы, кратким отдыхом после каждой молитвы, тихим и неспешным дыханием, заключением ума в слова молитвы.

При посредстве этих пособий мы удобно можем достигнуть внимания в известной степени. Вниманию ума при молитве начинает весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствие сердца уму мало-помалу начнет переходить в соединение ума с сердцем, и механизм, предложенный отцами, явится сам собою. Все механические средства, имеющие вещественный характер, предложены отцами единственно как пособия к удобнейшему и скорейшему достижению внимания при молитве, а не как что-нибудь существенное. Существенная, необходимая принадлежность молитвы есть внимание. Без внимания нет молитвы. Истинное благодатное внимание является от умерщвления сердца для мира. Пособия всегда остаются только пособиями. Те же святые отцы, которые предлагают вводить ум в сердце вместе с дыханием, говорят,

что ум, получив навык соединяться с сердцем, или, правильнее, стяжав это соединение по дару и действию благодати, не нуждается в пособии механизма для такого соединения, но просто, сам собою, своим собственным движением соединяется с сердцем[426].

Это так и быть должно. Разъединение ума с сердцем, противодействие их друг другу произошли от нашего падения в грех: естественно Божественной благодати – когда она прострет перст свой для исцеления сокрушенного и раздробленного на части человека его падением – воссоединять разделенные его части, воссоединять ум не только с сердцем и душою, но и с телом, давать им одно правильное стремление к Богу. Вместе с соединением ума с сердцем подвижник получает силу противостоять всем страстным помыслам и страстным ощущениям. Может ли это быть следствием какого-либо механизма?

Нет! Это последствие благодати, это плод Святого Духа, осенившего невидимый подвиг Христова подвижника, непостижимого для плотских и душевных человеков.

Читая в отцах о сердечном месте, которое обретает ум молитвою, надо понимать словесную силу сердца, помещенную Творцом в верхней части сердца, силу, которою сердце человеческое отличается от сердца скотов, имеющих силу воли или желания и силу ревности или ярости, наравне с человеками. Сила словества выражается в совести или в сознании

---

[426] Глава 53 Ксанфопулов о безмолвии и молитве. Добротолюбие. Ч. 2.

нашего духа, без участия разума, в страхе Божием, в духовной любви к Богу и ближнему, ощущении покаяния, смирения, кротости, в сокрушении духа или глубокой печали в грехах и в других духовных ощущениях, чуждых животным. Сила души – ум, хотя и духовна, но имеет местом пребывания своего головной мозг, так и сила словества, или дух человека, хотя и духовна, но имеет местом пребывания своего верхнюю часть сердца, находящуюся под левым сосцом груди, около сосца и несколько выше его. Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца. Так как человек пал, так как его помыслы и ощущения изменились из духовных в плотские и душевные, то надо при посредстве евангельских заповедей возвести ум и дух к помышлениям и ощущениям духовным. Когда ум и дух исцелятся, тогда они и соединятся о Господе. Образуется в свое время, в отделе сердца, где помещается сила словества, или дух, чудный, нерукотворенный, духовный храм Божий, Святая Святых: туда нисходит ум, хиротонисанный Святым Духом во священника и архиерея для поклонения Богу Духом и Истиною. Тогда познает христианин блаженным опытом сказанное в Священном Писании: «Вы есть церкви Бога жива, якоже рече Бог: яко вселюся в них, и похожду, и буду им Бог, и тии будут мне людие» (2Кор. 6:16). – Ниже силы словества, в средине сердца, помещается сила ревности; ниже ее, в низшей части сердца, помещается сила желания или воли. В животных эти две силы дей-

ствуют очень грубо, как нисколько не связанные словесностью; в людях они действуют сообразно тому, насколько и каким образом развит дух их. Но действовать правильно и быть в полном подчинении духа или силы словества они могут только в истинном христианине, низложившем не только явно греховные, но и все естественные помыслы и ощущения пред разумом Христовым – Евангелием. Ум и сердце иначе не возмогут соединиться как при посредстве Духа и Истины. Это значит, ум и сердце не возмогут соединиться, если не отвергнутся вполне падшего естества, если не предадут себя вполне руководству Евангелия, если за постоянное и усиленное последование евангельским заповедям не привлекут к себе благодати Всесвятого Духа, не исцелятся и не оживут от прикосновения ее, от осенения ею. Не только всякое греховное чувствование и всякий греховный помысл, но и все естественные помыслы и ощущения, как бы они ни были тонки и замаскированы мнимою праведностью, разрушают соединение ума с сердцем, поставляют их в противодействие друг другу. При уклонении с духовного направления, доставляемого Евангелием, тщетны все пособия и механизмы: сердце и ум никогда не соединятся между собою.

Исполнение заповедей, предшествующее соединению ума с сердцем, различествует от исполнения заповедей, последующего соединению. До соединения подвижник исполняет заповеди с величайшим трудом, насилуя и принуждая свое падшее естество: по соединении духовная сила, соединяю-

щая ум с сердцем, влечет к исполнению заповедей, делает его удобным, легким, сладостным. «Путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси Сердце мое» (Пс. 118:32), – сказал Псалмопевец.

Делателю Иисусовой молитвы весьма полезно прочитать Примечания (Предисловия) схимонаха поляномерульского Василия на книги святых: Григория Синаита, Исихия Иерусалимского, Филофея Синайского и Нила Сорского[427]. По прочтении сих примечаний чтение всего Добротолюбия делается более ясным и полезным.

При чтении отцов не должно упускать из виду и того, что меры новоначального их времен суть уже меры весьма преуспевшего в наше время. Применение отеческих наставлений к себе, к своей деятельности должно быть совершаемо с большою осмотрительностью.

[427] Издание Оптиной Пустыни 1847 года.

Глава 27
О богомыслии

Святые Димитрий Ростовский и Тихон Воронежский занимались богомыслием, то есть святым размышлением о вочеловечении Бога Слова, о дивном пребывании Его на земле, о страшных и спасительных Его страданиях, о преславном воскресении и вознесении на небо, также о человеке, о его назначении, о его падении, о его обновлении Искупителем и прочих подобных глубоких тайнах христианства. Святые размышления упомянутых святителей превосходно изложены в их сочинениях. Такие размышления святой Петр Дамаскин, согласно с другими аскетическими писателями, относит к видениям духовным и в разряде этих видений дает им четвертую степень[428]. Всякое духовное видение есть зрение известного рода таинств, являющееся в подвижнике соответственно его очищению покаянием, как это можно видеть в книге Петра Дамаскина[429]. Покаяние имеет свою постепенность, и духовные видения имеют свою постепенность. Тайны христианства открываются подвижнику постепенно, соответственно его духовному преуспеянию. Богомыслие, или благочестивые размышления святителей Ди-

[428] Книга 1. О осьми умных видениях. Добротолюбие. Ч. 3.

[429] Там же.

митрия и Тихона служат выражением их духовного преуспеяния. Желающий упражняться в богомыслии пусть читает сочинения святителей. Такое богомыслие будет самым непогрешительным и самым душеполезным. Напротив того, богомыслие соделается самым неправильным и душевредным, если подвижник, прежде очищения покаянием, не имея точного понятия о учении христианском, позволит себе самовольное размышление, которое не может не быть ошибочным и потому не может не принести душевредных последствий и самообольщения, не может не вовлечь в пропасть гибельного заблуждения. Святители были обучены со всею точностью и подробностью православному богословию, потом святою жизнью вознеслись на высоту христианского совершенства: богомыслие было для них естественным. Оно неестественно для подвижника, не имеющего основательных, точных познаний в богословии, не очищенного покаянием. По этой причине святыми отцами оно воспрещено для новоначальных иноков, да и вообще для всех иноков, не приготовленных, к нему наукою, не достигших к нему жительством. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Незрима глубина догматов, и уму безмолвника не небедственно погружаться в нее. Очень опасно плавать в одежде: столько же опасно находящемуся в плену у страстей касаться богословия»[430]. Такое делается предостережение безмолвникам: известно, что к безмолвию допускаются монахи, уже преуспев-

[430] Слово 27, гл. 10 и 11.

шие. В древности весьма многие из монахов впадали в гибельную пропасть ереси единственно потому, что допускали себе рассматривание догматов, превышавшее их способность понимания. «Смиренномудрый монах, опять наставляет Лествичник, не позволит себе любопытного исследования тайн; гордый, напротив того, стремится испытывать и судьбы Божии»[431]. Очень верно! Желание пускаться в богомыслие не способного и не созревшего к нему есть уже внушение самомнения, есть желание безрассудное и гордое. Упражняйся в молитве, в душеназидательном чтении, и это упражнение будет упражнением в богомыслии правильном, безопасном, богоугодном. Как чувственные глаза, исцелившись от слепоты, видят по естественному своему свойству, так и ум, очистившись от греховной болезненности, естественно начинает видеть тайны христианства. Положись в подвиге твоем на Бога. Если нужно для тебя и для общей пользы христианства, чтоб ты был зрителем глубоких тайн и проповедником их для братии твоей, то Бог непременно подаст тебе этот дар. Если же этого не благоугодно Богу, то стремись к тому, что существенно нужно для твоего спасения и что вполне удовлетворяет требованию этой нужды твоей. Стремись к стяжанию чистой молитвы, соединенной с чувством покаяния и плача, с воспоминанием о смерти, о суде Божием, о страшных темницах адских, в которых пылает вечный огонь и присутствует вечная тьма: такая молитва, со-

[431] Слово 25, гл. 11.

единенная с такими воспоминаниями, есть непогрешительное, превосходное, душеполезнейшее Богомыслие.

Глава 28
О памятовании смерти

Инок должен воспоминать ежедневно и по нескольку раз в день о предстоящей ему неизбежной смерти, а в свое время достичь и непрестанного памятования смерти. Ум наш так омрачен падением, что мы, если не будем принуждать себя к воспоминанию о смерти, можем совершенно забыть о ней. Когда забудем о смерти, тогда начинаем жить на земле как бы бессмертные, жертвуя всею деятельностью нашею для земли, нисколько не заботясь ни о страшном переходе в вечность, ни об участи нашей в вечности. Тогда с решительностью и бесстрашием попираем заповеди Христовы; тогда совершаем все самые ужасные грехи; тогда оставляем не только непрестанную молитву, но и установленную в известные часы, начинаем пренебрегать этим существенно и необходимо нужным занятием, как бы деланием маловажным и малонужным. Забывая о смерти телесной, мы умираем смертью душевною. Напротив того, кто часто воспоминает смерть тела, тот оживает душою. Он пребывает на земле, как странник в гостинице, или как узник в темнице, непрестанно ожидая, что его потребуют из нее на суд или для казни. Пред взорами его всегда открыты врата в вечность. Он постоянно смотрит туда с душевною заботою, с глубокою печалью и думою. Постоянно занят он размышлением, что послужит оправда-

нием его на Страшном Суде Христовом и какое произнесено будет о нем определение! Определение это решает участь человека на всю беспредельную загробную жизнь. Никакая земная красота, никакое земное обольщение не привлекает к себе внимания и любви его. Он никого не осуждает, памятствуя, что на Суде Божием изречено будет о нем такое суждение, какое он здесь изрекал на ближних своих. Он прощает всем и все, чтоб и самому получить прощение, и наследовать спасение. Он снисходит всем, милосердствует о всех, чтоб и ему оказаны были снисхождение и милосердие. Он с радостью приемлет и лобызает всякую приходящую скорбь как возмездие за грехи его во времени, освобождающее от возмездия в вечности. Если бы пришел ему помысл вознестись своею добродетелью, то памятование смерти немедленно устремляется против этого помысла, посрамляет его, уличает в нелепости, отгоняет. Какое может иметь значение наша добродетель на суде Божием? Какую может иметь цену наша добродетель пред очами Бога, пред которыми и небо нечисто? (Иов. 15:15). Напоминай и напоминай себе: «Умру, умру непременно! Умерли отцы и праотцы мои: никто из людей не остался всегда на земле, и меня ожидает участь, постигшая и постигающая всех». Не теряй напрасно времени, данного на покаяние! Не заглядывайся на землю, на которой ты – деятель минутный, на которой ты – изгнанник, на которой милосердием Божиим предоставлено тебе одуматься, принести покаяние для избежания вечных темниц

ада и вечной муки в них. Краткий срок странничества на земле употреби на приобретение приюта спокойного, приюта блаженного в вечности. Ходатайствуй о стяжании вечного стяжания отвержением всякого временного стяжания, отвержением всего плотского и душевного в области падшего естества! Ходатайствуй исполнением Христовых заповедей! Ходатайствуй искренним раскаянием в содеянных согрешениях! Ходатайствуй благодарением и славословием Бога за все посланные тебе скорби! Ходатайствуй обильным молитвословием и псалмопением! Ходатайствуй молитвою Иисусовою, соединяя с нею воспоминание о смерти. Эти два делания – молитва Иисусова и памятование смерти – удобно сливаются в одно делание. От молитвы является живое воспоминание о смерти, как бы предощущение ее, а от предощущения смерти сильнее возжигается молитва. Необходимо подвижнику помнить смерть! Это воспоминание необходимо для самого подвига. Оно предохраняет подвиг инока от повреждения и растления самомнением, к которому может привести подвижническая и внимательная жизнь, если она не будет ограждена памятованием смерти и Суда Божия. Великое душевное бедствие – дать какую-нибудь цену своему подвигу, счесть его заслугою пред Богом; признавай себя достойным всякого земного наказания, достойным вечных мук. Такая оценка себя будет самою верною, самою душеспасительною, самою богоугодною. Часто исчисляй вечные бедствия, ожидающие грешников. Частым исчислением

этих бедствий соделай их как бы предстоящими пред очами твоими. Стяжи предощущение адских мук, чтоб душа твоя при живом воспоминании о них содрогалась, отторгалась от греха, прибегала к Богу с смиренною молитвою о помиловании, в надежде на Его неограниченную благость и в безнадежии на себя. Вспоминай и представляй себе неизмеримую страшную подземную пропасть и темницу, составляющие собою ад. Пропасть именуется бездною: точно такова она относительно человеков. Адская обширная темница имеет множество отделов и множество различного рода томлений и мучений, которыми воздается каждому человеку по делам его, совершенным им в течение земной жизни. Во всех отделах заключение – вечно, муки – вечны. Там господствует томительный, непроницаемый мрак, и вместе горит там огнь неугасающий, всегда одинаково сильный. Нет там дня: там вечная ночь. Там смрад нестерпимый, с которым не может сравниться никакое земное зловоние. Лютый адский червь никогда не усыпает и никогда не дремлет, точит он и точит, снедает адских узников, не нарушая их целости, не уничтожая существования и сам не насыщаясь. Такое свойство имеют все адские муки: они тяжелее всякой смерти и не приносят смерти. Смерть во аде столько вожделенна, сколько вожделенна на земле жизнь. Смерть была бы отрадой для адских узников. Ее нет для них: удел их – бесконечная жизнь для бесконечных страданий. Терзаются во аде от нестерпимых казней, которыми преизобилует вечная темница отвер-

женных Богом; терзаются там невыносимою скорбью; терзаются там лютейшим душевным недугом – отчаянием. Признавай себя приговоренным во ад на вечную муку, и из этого сознания родятся в сердце твоем такие молитвенные неудержимые вопли, которые непременно склонят Бога к помилованию тебя, и введет тебя Бог в рай, вместо ада. Признающие себя достойными наград земных и небесных! Для вас опасен ад более, нежели для явных грешников, потому что тягчайший грех между всеми грехами – гордость, самомнение, грех духа, невидимый для чувственных очей, прикрывающийся часто личиною смирения. В воспоминании и размышлении о смерти упражнялись величайшие из преподобных отцов. О Пахомии Великом говорит писатель жития его, что он «содержал себя постоянно в страхе Божием воспоминанием вечных мук и болезней, не имеющих конца, то есть воспоминанием неугасимого огня и того червя, который никогда не умирает. Этим средством Пахомий удерживал себя от зла и возбуждал к лучшему»[432].

[432] Vita sancti Pachomii, abbatis Tabennensis. Partologie. Tom LXIII.

Глава 29
Тесный путь установлен самим Богом для истинных служителей его

Господь наш Иисус Христос провел земную жизнь Свою в величайшем смирении, подвергаясь непрестанным скорбям и гонениям, преследуемый, оклеветываемый, поносимый врагами Своими, которые, наконец, предали Его позорной, торговой казни вместе с уголовными преступниками. Путь спасения, вводящий в жизнь вечную, установлен Господом тесный и прискорбный (Мф. 7:13), установлен и всесвятым примером Господа, и всесвятым учением Господа. Господь предвозвестил ученикам и последователям Своим, что они в мире, то есть во время совершения поприща земной жизни, будут скорбны (Ин. 16:33), что мир будет ненавидеть их (Ин. 15:18–19), что он будет гнать их, уничижать, предавать смерти (Ин. 16:2–3). Господь уподобил положение учеников и последователей Своих посреди порочного человечества положению овец посреди волков (Мф. 10:16). Из этого видно, что скорбное положение во время земной жизни есть установление Самого Господа для истинных рабов и слуг Господа. Установления этого как установления Господня невозможно отклонить никаким средством человеческим, никакою мудростью, никаким благоразумием, ника-

кою предусмотрительностью, никакою осторожностью. И потому вступающий в иноческую жизнь должен отдаться всецело воле и водительству Божиим, благовременно приготовиться к терпению всех скорбей, какие благоугодно будет Промыслу Всевышнего попустить рабу Своему во время его земного странствования.

Священное Писание говорит: *«Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое, и потерпи, и не скор буди во время наведения: прилепися ему, и не отступи, да возрастеши на последок твой. Все, елико нанесено ти будет, прими, и во изменении смирения твоего долготерпи: яко во огни искушается злато, и человецы принятни в пещи смирения»* (Сир. 2:1–5).

Какая была бы причина того, что Господь предоставил истинным рабам Своим скорби на время их земной жизни, а врагам Своим предоставил благополучие, вещественное преуспеяние и вещественные блага? Плотский разум говорит: следовало бы устроить совершенно противным образом. Причина заключается в следующем: человек есть существо падшее. Он низвергнут на землю из рая, в раю привлекши к себе смерть преступлением заповеди Божией. Смерть немедленно по преступлении поразила душу человека и неисцелимо заразила его тело. Тело, для которого жизнью служит душа, не тотчас по падении разлучилось с душою, но душа, для которой служит жизнью Святый Дух, тотчас по падении раз-

лучилась с Святым Духом, Который отступил от нее как от осквернённой и отравленной грехом, предоставив ее самой себе. С такою-то мертвою душою и с живым телом жизнью животного низвергнут первый человек на землю на некоторое время, а прочие человеки рождаются и пребывают на земле некоторое время. По истечении этого времени, называемого земною жизнью, окончательно поражается смертью и тело, наветуемое ею и борющееся с нею в течение всей земной жизни. Земная жизнь – этот кратчайший срок – дана человеку милосердием Творца для того, чтоб человек употребил ее на свое спасение, то есть на возвращение себя от смерти к жизни. Спасение или оживотворение человека Святым Духом совершается при посредстве Искупителя, или Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа.

Человекам, родившимся до Искупителя, предоставлено было спасаться верою в обетованного Искупителя, а получить спасение по совершении Искупителем искупления; родившимся по Искупителе предоставлено спасаться верою в пришедшего Искупителя и получать спасение еще во время земной жизни, а неотъемлемость спасения немедленно по разлучении души с телом и по совершении частного суда. Всякий, верующий в Спасителя, по необходимости должен сознавать и исповедывать свое падение и свое состояние изгнания на земле; он должен сознавать и исповедывать это самою жизнию, чтоб сознание и исповедание были живы и действительны, а не мертвы и бездейственны. Иначе он не

может признать, как следует, Искупителя!

Потому что Искупитель и Спаситель нужен только для падших и погибших: Он нисколько не нужен и нисколько не может быть полезным для тех, которые не хотят сознать и исповедать своего падения, своей погибели. Исповедывать самою жизнью свое падение значит переносить все скорби земной жизни как справедливое воздаяние за падение, как естественное, логичное последствие греховности и постоянно отказываться от всех наслаждений как несвойственных преступнику и изгнаннику, прогневавшему Бога, отверженному Богом. Временная земная жизнь есть не что иное, как преддверие к вечной жизни. И к какой жизни? К вечной жизни в темницах адских, среди ужаснейших мук ада, если не воспользуемся в течение временной земной жизни искуплением, дарованным туне – искуплением, которого принятие и отвержение оставлено на произвол каждого человека. Земная жизнь есть место вкушения горестей и страданий, место созерцания горестей и страданий, несравненно больших, нежели страдания земные.

Земная жизнь не представляет ничего радостного, ничего утешительного, кроме надежды спасения.

«Блажени плачущии ныне», ныне, во время земного странствования своего, сказал нам Искупитель наш, и *«горе вам, смеющимся ныне»* (Лк. 6:21, 25). «Все христианское житие на земле есть не что иное, как покаяние, выражаемое деятельностью, свойственною покаянию. Христос при-

шел призвать нас на покаяние.

Обрати особенное внимание на слова Его: *«Пришдох призвати на покаяние»* (Мф. 9:13). Не веселье, не трапезы, не гуляния, не пирования, не лики, но покаяние, но плач, но слезы, но рыдание и крест предлагает нам здесь Господь наш. Видишь, в чем должна проводиться на земле жизнь христианина!

УВИДИШЬ это, читая Евангелие Христово. Имеется здесь и для христиан веселие, но духовное. Они радуются не о злате, серебре, пище, питии, чести и славе, но о Бозе Спасе своем, о благости и милости Его к ним, о надежде вечного живота»[433].

Господь, приняв на Себя человечество и все немощи человеческие, кроме греха, принял на себя и деятельное сознание падения, в которое низвергся весь род человеческий: Он провел земную жизнь в непрестанных скорбях, не произнесши против этих скорбей никакого слова, которое выражало бы неудовольствие; напротив того, называл их чашею, поданною Отцем небесным, которую должно пить и испить беспрекословно. Невинный и всесвятый Господь, пострадав принятым им человечеством за виновное и зараженное грехом человечество, предоставил страдания в путь спасения для всех Своих последователей, для всего Своего духовного племени и родства, в деятельное сознание падения и греховности, в деятельное признание и исповедание Спасите-

[433] Святитель Тихон Воронежский. Келейное письмо 99, 15.

ля, в деятельное соединение с Ним, усвоение Ему. Вместе с тем Он изливает в страдания рабов Своих из Своих страданий неизреченное духовное утешение, в деятельное доказательство верности спасения и верности пути страдальческого, ведущего ко спасению. Невинный и всесвятый Господь провел земную жизнь в страданиях: тем более виновные должны прстрадать с полным сознанием, что они достойны страдать; они должны радоваться, что кратковременными страданиями избавляются от вечных страданий, становятся в разряд последователей и свойственников Богочеловека. Кто отказывается от страданий, не сознает себя достойным их, тот не признает своего падения и погибели! Кто проводит земную жизнь в наслаждениях, тот отрекается от своего спасения! Кто земную жизнь употребил на одно земное преуспеяние, тот признает безумно кратчайшее время вечностью, а вечность несуществующею и готовит себе в ней вечное бедствие! Кто не признает своего падения и погибели, тот не признает Спасителя, отвергает Его! Признание себя достойным временных и вечных казней предшествует познанию Спасителя и руководит к познанию Спасителя, как видим из примера, представленного нам разбойником, наследовавшим рай (Лк. 23:40–43). Может быть, скажут, что разбойник был явным преступником и потому сознание было удобным для него: как приходить к подобному сознанию не сделавшим подобных преступлений? Отвечаем: и другой разбойник, распятый близ Господа, был явным преступни-

ком, но не пришел к сознанию своей греховности, потому что сознание есть следствие сердечной милости и смирения, а несознание есть следствие сердечных ожесточения и гордыни. Божии святые постоянно сознавали себя грешниками, несмотря на явные благодатные дары, которыми они обиловали; напротив того, величайшие злодеи всегда оправдывали себя и, утопая в злодеяниях, не останавливались провозглашать о своей добродетели.

Апостол Павел засвидетельствовал о ветхозаветных праведниках, что все они провели земную жизнь *«скорбяще, озлоблени»*, исповедавше самою жизнию, *«яко странни и пришельцы суть на земли»* (Евр. 11:13, 37). Потом, обращаясь к современным ему истинным служителям Бога и указав им на Начальника веры и Совершителя Иисуса, Который, вместо подобавшей Ему славы, претерпел бесчестие и крест, апостол произносит следующее увещание: *«Иисус, да освятит люди Своею кровию, вне врат пострадати изволил: темже убо да исходим к Нему вне стана, поношение Его носяще»* (Евр. 13:12–13). Вне стана, то есть отвергнув и оставив все, что непостоянный, преходящий мир считает вожделенным; поношение Его носяще, то есть приняв участие в крестном пути, установленном от Господа и пройденном Его страдальческою земною жизнью. На голос этот отозвались все истинные христиане и, оставив стан, во всех отношениях переменчивый и чуждый всякой прочности, прошли стезею страданий к вечному небесному граду. *«Аще без наказания*

есте, – говорит апостол, – *ему же причастницы быша вси: убо прелюбодейчищи есте, а не сынове»* (Евр. 12:8). Здесь должно заметить слово «вси»: все праведники провели земную жизнь в скорбях! Ни один из них не достиг неба, шествуя по широкому пути земного благоденствия. *«Егоже любит Господь, наказует: биет же всякого сына, егоже приемлет»* (Евр. 12:6). *«Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую»* (Откр. 3:19), – сказал Господь в Откровении святого Иоанна Богослова. Наставляемые этими свидетельствами Святого Духа и многими другими, которыми усеяны страницы Священного Писания, мы с дерзновением утверждаем: скорби, посылаемые человеку Промыслом Божиим, суть верный признак избрания человека Богом.

Когда Иисус возлюбил юношу, то предложил ему последование Себе и ношение креста (Мк. 10:21). Не отвергнем призвания! Приемлется призвание, когда, при пришествии скорби, христианин признает себя достойным скорби; последует с крестом своим христианин Господу, когда благодарит, славословит Господа за посланные скорби, когда «не имать душу свою честну себе» (Деян. 20:24), когда всецело предает себя воле Божией, когда еще с большею ревностью устремляется к исполнению евангельских заповедей, особенно заповеди о любви к врагам. Так верен признак избрания скорбями, что Святый Дух приветствует подвергшихся скорбям приветствием небесным. *«Радуйтеся,* – возвещает Он им, – *радуйтеся! Всяку радость, то есть величайшую радость,*

имейте, егда во искушения впадете различна» (Иак. 1:2). *«Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех»* (Мф. 5:11–12). Святой апостол Петр говорит христианам, что их призвание – страдания (1Пет. 2:21). Таково Божественное назначение для человека во время земной жизни его! Он должен уверовать в Искупителя, исповедать Его сердцем и устами, исповедать своею деятельностью, приняв с покорностью тот крест, который благоугодно будет Иисусу возложить на ученика Своего. Не принявший креста не может быть учеником Иисусовым! (Лк. 14:27). *«Страждущий по воле Божией,* – говорит апостол Петр, – *яко верну зиждителю да предадят души своя во благотворении»* (1Пет. 4:19). Зиждитель душ наших – Господь: Он зиждет души верующих в Него скорбями.

Отдадимся Его воле и промыслу, как скудель безмолвно предается произволу скудельника, а сами приложим все старание о исполнении евангельских заповедей.

Когда христианин предаст себя воле Божией, возложит с самоотвержением все свои попечения на Бога, будет благодарить и славословить Его за крест, тогда необыкновенная духовная сила веры неожиданно является в сердце; тогда неизреченное духовное утешение неожиданно является в сердце. Иисус печатлеет ученика, принявшего избрание, Духом – и земные скорби соделываются источником наслаждения для раба Божия. Напротив того, бесскорбная земная жизнь че-

ловека служит верным признаком, что Господь отвратил от него взор Свой, что он не угоден Господу, хотя бы и казался по наружности благоговейным и добродетельным.

Воспел святой пророк Давид: *«многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь»* (Пс. 33:20). Как это верно! Всем истинно служащим Господу, праведным правдою Искупителя, а не своею падшею и ложною, попускается много скорбей, но все эти скорби рассыпаются сами собою; ни одна из них не может сокрушить раба Божия: они воспитывают, очищают, усовершают его. О скорбях грешников, живущих на земле для земных наслаждений и для земного преуспеяния, пророк не сказал ни слова. Скорби им не попускаются. К чему им скорби? Они не понесут их с благодарением, а только ропотом, унынием, хулою на Бога, отчаянием умножат грехи свои. Господь предоставляет им пользоваться земными благами до самой кончины, чтоб они опомнились хотя по причине благоденствия своего. Он посылает скорби только тем грешникам, в которых предвидит обращение, которые в книге живота, по предвидению Божию, уже внесены в число праведников, оправданных правдою Искупителя. Грешников намеренных и произвольных, в которых нет залога к исправлению и покаянию, Господь не признает достойными скорбей, как не принявших учения Христова, не оказавших никакого усердия последовать Христу, вступивших на путь неправды не по увлечению и не по неведению. Скорби «о Христе» суть величайший дар Христов (Флп. 1:29),

даруемый тем, которые от всей души предались в служение Христу. Святой Давид, упомянув о многих скорбях, которым подвергаются праведники, ничего не упомянул о скорбях грешников: они, будучи прелюбодейчищами, а не сынами, не привлекают к себе наказания Господня. Давид говорит только о смерти их, что она люта (Пс. 33:22). Точно: люта смерть грешников, забытая, не изученная ими: она проставляет их внезапно из среды обильных наслаждений в бездну вечного мучения. Давид, обращаясь с утешением к служителю Божию, пребывающему на земле в лишениях и томлении, говорит ему: не ревнуй спеющему в пути своем, человеку, творящему законопреступление. *«Не ревнуй лукавствующим, ниже завиди творящим беззаконие: зане яко трава скоро изшут, и яко зелие злака скоро отпадут»* (Пс. 36:1–2). Далее пророк говорит от лица подвижника, которого еще колеблет плотское мудрование: *«Возревновах на беззаконныя мир грешников зря: яко несть восклонения в смерти их»*, то есть никакая скорбь не пробуждает их от душевного усыпления, от сна смертного, от смерти душевной. Они *«в трудех человеческих не суть, и с человека не приемлют ран»*. Человеками здесь названы служители истинного Бога, сохранившие в себе достоинство человека: они упражняются в благочестивых произвольных подвигах и подвергаются невольному наказанию Господню. Отверженные грешники, живя в небрежении, не участвуют ни в подвигах, ни в скорбях. Какое же последствие такого положения отверженных Бо-

гом? *«Сего ради удержа я гордыня их до конца: одеяшася неправдою и нечестием своим»* (Пс. 72:3–6). В них уничтожается всякое сознание греховности своей, является неизмеримое, неисцелимое самомнение; греховная жизнь соделывается их неотъемлемою принадлежностью, как бы постоянною одеждою, облачением, обнаружением, и соделывает такою же принадлежностью их нечестие, заключающееся в неведении Бога, в ложных понятиях о Боге и о всем богооткровенном учении. В таком состоянии находит произвольных, нераскаянных грешников смерть и, восхитив их, представляет на суд Божий.

Священное Писание соединяет понятие о искушении с понятием о обличении: *«сыне мой,* – говорит оно, – *не пренемогай наказанием Господним, ниже ослабей, от Него обличаем»* (Евр. 12:5). Это же видно из вышеприведенных слов Господа: *«Аз, ихже аще люблю, обличаю и наказую»* . На каком основании обличение соединяется с искушением? На том, что всякая скорбь обнаруживает сокровенные страсти в сердце, приводя их в движение. До скорби человек представляется сам себе спокойным и мирным, но когда придет скорбь, тогда восстают и открываются невиданные им страсти, особливо гнев, печаль, уныние, гордость, неверие. Существенно нужно и полезно для подвижника обличение греха, гнездящегося в нем втайне. Сверх того, скорби, принимаемые и переносимые как должно, усиливают веру; они показывают человеку его немощь и доставляют смирение, низ-

лагая самомнение. Апостол Павел, упоминая об одном из постигших его искушений, говорит: *«Не хощем вас, братия, неведети о скорби нашей, бывшей нам во Асии, яко по премногу и паче силы отяготихомся, яко не надеятися нам и жити. Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя, иже от толикия смерти избавил ны есть и избавляет: Наньже и уповахом, яко и еще избавит»* (2Кор. 1:8–10). Сердце наше, обреченное по падении на прозябание терния и волчцов, особенно способно к гордости, если оно не будет возделано скорбями. Не вне этой опасности и самый преисполненный благодатных даров праведник. Апостол Павел открыто говорит, что причиною великих, попущенных ему скорбей было Божие смотрение с целью охранить его от превозношения, в которое он мог бы впасть не по какому-нибудь суетному поводу, но по поводу множества бывших ему Божественных откровений и видений. Когда апостол еще не ведал причины удручавших его искушений, трикратно молил Бога, чтоб искушения, столько препятствовавшие успеху проповеди, были устранены, но когда узнал причину – воскликнул: *«благоволю в немощех, в досаждениях, в изгнаниях, в теснотах по Христе»* (2Кор. 12:7–10). *«Мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа, имже мне мир распятся, и аз миру»* (Гал. 6:14).

Вступив в святую обитель, уклонимся произвольно от зависящего от нас наслаждения и претерпим великодушно те

скорби, которые независимо от нас будут попущены нам Промыслом Божиим. Предадим себя с верою всецело в руки Творца нашего и Зиждителя душ наших. Он не только сотворил нас, но и зиждет души тех, которые восхотели быть Его служителями. Зиждет Он нас Церковными таинствами, зиждет евангельскими заповедями, зиждет многоразличными скорбями и искушениями, зиждет благодатию Своею. *«Отец Мой делатель есть,* – сказал Господь: *всяку розгу о Мне не творящую плода, измет ю: и всяку творящую плод отребит ю (очищает искушениями и скорбями), да множайший плод принесет»* (Ин. 15:1–2). Заметьте: плод, взыскуемый и приемлемый Богом от каждой виноградной лозы, которою изображается душа человеческая, есть деятельность ее о Христе, то есть исполнение ею евангельских заповедей, а отнюдь не естественная, то есть отнюдь не исполнение на деле добра естественного, осквернённого смешением со злом. *«Розга*, – сказал Господь, – *не может плода творити о себе, аще не будет на лозе: тако и вы, аще во Мне не пребудете»* (Ин. 15:4). Только ту душу, которая приносит плод о Христе, Отец небесный очищает; душа, не приносящая плода о Христе, пребывающая в падшем естестве своем, приносящая бесплодный плод естественного добра и довольствующаяся им, не привлекает Божественного попечения о себе: она в свое время отсекается смертью, извергается ею из виноградника – из недра Церкви и из земной жизни, данной для спасения в недре Церкви, влагается в вечный огонь ада,

где сгорает, горя и не сгорая вечно (Ин. 15:6). Не должно самому подвижнику своевольно и дерзко ввергаться в скорби и искушать Господа: в этом – безумие, гордыня и падение. *«Не даждь во смятение ноги твоея,* – говорит Писание, – *ниже воздремлет храняй тя»* (Пс. 120:3). *«Да не искусиши Господа Бога твоего»* (Втор. 6:16, Мф. 4:7). Такое значение, по свидетельству Господа, имеют те дерзкие и тщеславные начинания, когда подвижник осмелится и покусится самопроизвольно вдаться в напасть. Но те скорби и напасти, которые приходят нам невольно, следовательно, попускаются и устраиваются Промыслом Божиим, должно принимать с величайшим благоговением как дары Божии, как врачевства душевных недугов наших, как залоги избрания и вечного спасения. Плод скорбей, заключающийся в очищении души, в вознесении ее в духовное состояние, должно хранить как драгоценное сокровище. Хранится этот плод, когда подвергшийся искушению и обличению употребит в это время все тщание пребыть в евангельских заповедях, не увлекаясь страстями, обнаруженными и приведенными в движение искушением. Между евангельскими заповедями и крестом – чудное сродство! Делание заповедей привлекает на рамена делателя крест, а крест усовершает, утончает нашу деятельность по закону Христову, объясняет нам этот закон, доставляет ощущение духовной свободы, несмотря на пригвождение, исполняет нас неизреченною духовною сладостью, несмотря на горечь наружных обстоятельств. Подвергшихся различ-

ным скорбям Божественное Писание утешает и увещевает так: *«Боящиися Господа, пождите милости Его и не уклонитеся, да не падете: боящиися Господа, веруйте Ему, и не имать отпасти, мзда ваша: боящиися Господа, надейтеся на благая и на веселие века и милости. Воззрите на древние роды и видите, кто верова Господеви и постыдеся? или кто пребысть во страсе Его и оставися? или кто призва Его и презре и? Зане щедр и милостив Господь, и оставляет грехи, и спасает во время скорби. Горе сердцам страшливым и рукам ослабленным, и грешнику, ходящу на две стези! Горе сердцу ослаблену, яко не верует: сего ради покровено не будет. Горе вам, погублышим терпение: и что сотворите, егда посетит Господь? Боящиися Господа не сумневаются о глаголех Его, и любящии Его сохранят пути Его; боящиися Господа пощущт благоволение Его, и любящии Его исполнятся закона: боящиися Господа уготовят сердца своя и пред Ним смирят души своя, глаголюще: да впадем в руце Господни, а не в руце человечески: яко бо величество Его, тако и милость Его»* (Сир. 2:7–18). Тот впадает в руки человеческие, кто, будучи искушаем человеками, не видит Промысла Божия, попускающего человекам искушать и потому, приписывая человекам значение, удобно может склониться к человекоугодию и к отступлению от Бога. Кто видит Промысл Божий оком веры, тот при искушениях, наносимых человеками, не обратит никакого внимания на эти слепые орудия Промысла и духовным разумом своим пребудет единствен-

но в руках Бога, взывая к Нему единому в скорбях своих. Когда игемон Пилат, водимый плотским мудрованием, сказал предстоявшему пред ним Господу: «власть имам распяти Тя, и власть имам пустити Тя», – тогда Господь отвечал ему: «не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано Свыше» (Ин. 19:10–11); ты – столько слепое орудие, что даже не понимаешь и не подозреваешь того дела, на которое употребляешься. *«В терпении вашем стяжите душы ваша,* – сказал Господь, – *претерпевый до конца, той спасется»; «праведный от веры жив будет; и аще обинется* (если ж кто поколеблется)*, не благоволит душа Моя о нем»* (Лк. 21:19, Мф. 24:13, Евр. 10:38).

Глава 30
Скорби суть по преимуществу удел иноков последнего времени

Святые отцы, иноки первых времен христианства, совершенные христиане, исполненные Святого Духа, имели откровения свыше о монашестве последнего времени и произнесли о нем пророчество, сбывающееся пред очами нашими. Все предречения отцов схожи между собою и возвещают, что монашество последних времен будет проводить жительство весьма слабое, что ему не будет предоставлено ни тех душевных и телесных сил, ни того обилия благодатных даров, какие были предоставлены первым монахам, что самое спасение будет для него весьма затруднительным.

Некоторый египетский отец однажды пришел в исступление и сделался зрителем духовного видения. Три монаха, видел он, стояли на берегу моря. С другого берега раздался к ним голос: «Примите крылья и придите ко мне». Вслед за гласом два монаха получили огненные крылья и быстро перелетели на другой берег. Третий остался на прежнем месте. Он начал плакать и вопиять. Наконец, и ему даны были крылья, но не огненные, а какие-то бессильные, и он полетел чрез море с большим трудом и усилием. Часто ослабевал он и погружался в море; видя себя утопающим, начинал вопиять

жалостно, приподымался из моря, снова летел тихо и низко, снова изнемогал, снова опускался к пучине, снова вопиял, снова приподымался и, истомленный, едва перелетел чрез море. Первые два монаха служили изображением монашества первых времен, а третий – монашества времен последних, скудного по числу и по преуспеянию. Некогда святые отцы Египетского Скита пророчески беседовали о последнем роде. «Что сделали мы?» – говорили они. Один из них, великий авва Исхирион, отвечал: «Мы исполнили заповеди Божии». Спросили его: «Что сделают те, которые будут после нас?» «Они, – сказал авва, – примут (будут исполнять) делание вполовину против нас». Еще спросили его: «А что сделают те, которые будут после них?» Авва Исхирион отвечал: «Они отнюдь не будут иметь монашеского делания, но им попустятся скорби, и те из них, которые устоят, будут выше нас и отцов наших». Архимандрит Аркадий, настоятель Кирилло-Новоезерского монастыря, скончавшийся в 1847 году, поведал о себе нижеследующее: «Однажды я был в скорби по какому-то случаю. Угнетаемый ею, пришел я к утрени и, стоя у утрени размышлял о моей скорби. Не знаю, что со мною сделалось: я невольно закрыл глаза, ощутил какую-то забывчивость, но не дремание, потому что слышал внятно каждое слово совершавшегося тогда чтения. Внезапно вижу пред собою преподобного обители нашей, Кирилла. Он говорит мне: «Что ты унываешь? Разве не знаешь, что монахи последних времен должны спасаться скорбями?» Услышав

эти слова, архимандрит очнулся. Видение оставило в душе простейшего старца – таков был архимандрит Аркадий – глубокое спокойствие. И так, скорби суть по преимуществу удел наш, удел современного монашества, удел, назначенный нам Самим Богом. Да будет это сведение источником утешения для нас! Да ободряет и укрепляет оно нас при всех постигающих нас разнообразных скорбях и искушениях. Смиримся *«убо под крепкую руку Божию, всю печаль* (попечение) *нашу возвергше Нань, яко Той печется о нас»* (1Пет. 5:6–7), и вседушно предадим себя обучению скорбями, при тщательнейшем исполнении евангельских заповедей: такова о нас воля Господа Бога нашего. Наши скорби большею частью весьма утончены, так что при поверхностном взгляде на них нельзя признать их и скорбями. Но это лишь злохитрость врага нашего, стяжавшего в борьбе с немощным человеком необыкновенные опытность и искусство от долговременного упражнения в борьбе. Падший дух усмотрел, что искушения явные, грубые и жестокие возбуждают в человеках пламенную ревность и мужество к перенесению их; он усмотрел это и заменил грубые искушения слабыми, но утонченными и действующими очень сильно. Они не вызывают из сердца ревности, не возводят его в подвиг, но держат его в каком-то нерешенном положении, а ум в недоумении; они томят, постепенно истощают душевные силы человека, ввергают его в уныние, в бездействие, и губят, соделывая жилищем страстей по причине расслабления, уныния, бездействия. Пред

Богом ясны и злохитрость сатаны, и тяжесть наводимых им браней на современное иночество. Бог увенчает новейших борцов не менее древних, хотя подвиг первых менее явен, нежели подвиг вторых. Мы не должны предаваться расслаблению, унынию и бездействию; напротив того, обратим все внимание и все усилие на исполнение евангельских заповедей. Это исполнение откроет нам бесчисленные козни врага, ту злохитрую обдуманность, с которою они устроены и расставлены. Мы увидим, что современные, по наружности слабые скорби и напасти стремятся, подобно древним сильным скорбям и напастям, отвлечь человека от Христа, уничтожить на земле истинное христианство, оставив одну оболочку для удобнейшего обмана. Мы увидим, что слабые искушения, но придуманные и исполняемые с адским лукавством, действуют гораздо успешнее в видах сатаны, чем искушения тяжкие, но очевидные и прямые.

Главнейшая причина, по которой скорби особенно тягостны для современного монашества, заключается в нем самом и состоит преимущественно в недостатке духовного назидания. Недостаток духовного назидания должно признать величайшим бедствием. И не скоро усматривается это бедствие. Не скоро оно делается понятным для инока! Новоначальный, объятый ревностью, в которой имеет большое значение кровь и весьма малое значение духовный разум, обыкновенно довольствуется тем назиданием, которое он встретит в монастыре или которое он захочет дать сам себе. Уже

впоследствии, при самом тщательном изучении Священного Писания и отеческих писаний, подвижникам, и то немногим, делается мало-помалу ясным, что для иноческого преуспеяния необходимо духовное назидание, что душевное назидание, как бы оно ни было по наружности роскошно и великолепно, как бы ни прославлялось слепотствующим миром, пребывает во мраке, и последующих ему хранит во мраке, в области падших духов (Иак. 3:15). Руководство словом Божиим из книги, а не из живых уст, то единственное руководство, которое нам предоставлено, причем инок по необходимости сам делается в значительной степени своим руководителем, несмотря на приносимую существенную пользу, сопряжено с большими и частыми погрешностями и уклонениями, неминуемыми последствиями неведения и состояния под владычеством страстей. Неведение новоначального и преобладание в нем страстей не дают ему возможности понимать Писание как должно и держаться его с должною твердостью. Перелетая чрез греховное море, мы часто ослабеваем, часто в изнеможении падаем и погружаемся в море, подвергаемся опасности потонуть в нем. Состояние наше, по причине недостатка в руководителях, в живых сосудах Духа, по причине бесчисленных опасностей, которыми мы обстановлены, достойно горького плача, неутешного рыдания. Мы бедствуем, мы заблудились, и нет голоса, на который могли выйти из нашего заблуждения: книга молчит, падший дух, желая удержать нас в заблуждении, изглажда-

ет из нашей памяти и самое знание о существовании книги. «Спаси мя, Господи, – взывал пророк, провидя пророческим Духом наше бедствие и приемля лице желающего спастись, – яко оскуде преподобный!» Нет духоносного наставника и руководителя, который непогрешительно указал бы путь спасения, которому желающий спастись мог бы вручить себя со всею уверенностию! *«Умалишася истины от сынов человеческих, суетная глагола кийждо ко искреннему своему»* (Пс. 11:1–3), по внушению душевного разума, способною только развивать и печатлеть заблуждения и самомнение. Мы крайне слабы, окружающие нас соблазны умножились, усилились чрезмерно: в обольстительных разнообразии и привлекательности предстоят они болезненным взорам ума и сердца, притягивают их к себе, отвращают от Бога. Мы столько подчинились влиянию соблазнов, что даже руководство словом Божиим, единственное средство спасения, нами оставлено. При нем необходимо вести самую внимательную жизнь, чуждую рассеянности, а наша поврежденная воля требует совсем противного. Мы устремились к вещественному преуспеянию, к преуспеянию мира! Нам нужны почести, нам нужны изобилие и роскошь! Нам нужны рассеянность и участие в наслаждениях мира! Чтоб достигнуть этого, мы исключительно озабочены развитием падшего естества. Самое понятие о естестве обновленном нами утрачено; евангельские заповеди пренебрежены и забыты; делание душевное нам вовсе неизвестно, а телесным делани-

ем мы заняты настолько и с тою целью, чтоб могли казаться пред миром благоговейными и святыми и получать от него возмездие его. Тесный и прискорбный путь спасения оставлен нами: идем по пути широкому и пространному. *«Спаси мя, Господи! яко оскуде преподобный». «Умалихомся»* мы, иноки, *«паче всех язык, и есмы смирены по всей земли днесь грех ради наших. И несть во время сие князя, и пророка, и вождя»* (Дан. 3:37, 38) для предводительства в невидимой чувственными очами брани не «к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным» (Еф. 6:12).

«Горе миру от соблазн: нужда бо есть прийти соблазном» (Мф. 18:7), – предвозвестил Господь. И пришествие соблазнов есть попущение Божие, и нравственное бедствие от соблазнов есть попущение Божие. К концу жизни мира соблазны должны столько усилиться и расплодиться, что *«по причине умножения беззакония иссякнет любы многих»* (Мф. 24:12), и *«Сын Человеческий пришед обрящет ли веру на земли?»* (Лк. 18:8), земля Израилева, Церковь, будет низвращена от меча – от убийственного насилия соблазнов – и пуста весьма (Иез. 38:18). Жительство по Боге соделается очень затруднительным. Соделается оно таким потому, что живущему посреди и пред лицем соблазнов невозможно не подвергнуться влиянию соблазнов. Как лед при действии на него тепла теряет свою твердость и превращается в мягчайшую воду, так и сердце, преисполненное благого произволения,

будучи подвергнуто влиянию соблазнов, особливо постоянному, расслабляется и изменяется. Соделается жительство по Боге очень затруднительным по обширности, всеобщности отступления. Умножившиеся отступники, называясь и представляясь по наружности христианами, тем удобнее будут преследовать истинных христиан; умножившиеся отступники окружат бесчисленными кознями истинных христиан, противопоставят бесчисленные препятствия их благому намерению спасения и служения Богу, как замечает святой Тихон Воронежский и Задонский. Они будут действовать против рабов Божиих и насилием власти, и клеветою, и злохитрыми кознями, и разнообразными обольщениями, и гонениями лютыми. Спаситель мира едва нашел малозначущий и отдаленный Назарет, чтоб укрыться от Ирода и от возненавидевших Его книжников, фарисеев, священников и первосвященников иудейских; так и в последнее время истинный инок едва найдет какой-либо отдаленный и неизвестный приют, чтоб в нем с некоторою свободою служить Богу и не увлекаться насилием отступления и отступников в служение сатане[434]. О, бедственное время! О, бедственное состояние! О, бедствие нравственное, неприметное для чувственных людей, несравненно большее всех вещественных, громких бедствий. О, бедствие, начинающееся во времени и не кончающееся во времени, но переходящее в вечность! О, бедствие из бедствий, понимаемое только одними истинны-

[434] Келейные письма святителя Тихона, том 15, письмо 67.

ми христианами и истинными иноками, неведомое для тех, которых оно объемлет и губит!

Соделавшись зрителями такого духовного видения, произнесем из пламени соблазнов то исповедание и ту песнь славословия, которые произнесены тремя блаженными отроками из горящей пещи Вавилонской. Любовью нашею соединимся со всем человечеством, рассеянным по лицу земли; от всего человечества, будучи представителями его пред Богом, произнесем исповедание и славословие Богу, прольем пред Ним смиренную молитву о себе и о всем человечестве: «Благословен еси, Господи, Боже отец наших, хвально и прославлено имя Твое во веки. Яко праведен еси о всех, яже сотворил еси нам, и вся дела Твоя истинна, и прави путие Твои, и вси суди Твои истинни, и судьбы истинны сотворил еси по всем, яже навел еси на ны и на град святый отец наших Иерусалим, яко истиною и судом навел вси сия вся грех ради наших. Согрешихом и беззаконновахом отступивше от Тебе, и прегрешихом во всех, и заповедий Твоих не послушахом, ниже соблюдохом, ниже сотворихом, якоже заповедал еси нам, да благо нам будет. И вся, елика сотворил еси нам, и вся, елика навел еси на ны истинным судом сотворил еси, и предал еси нас в руки врагов беззаконных, мерзких отступников… Не предаждь убо нас до конца имени Твоего ради, и не раззори завета Твоего, и не отстави милости Твоея от нас… Ду*шею сокрушенною и духом смиренным да прияти будем. Не посрами нас, но сотвори с нами по кро-*

тости Твоей и по множеству милости Твоея, и измы нас по чудесем Твоим, и даждь славу имени Твоему, Господи» (Дан. 3:26–43). Святые отцы сказали о иноках последнего времени: а в последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди них знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением. В самом деле: какой ныне самый благонадежный путь спасения для инока? Тот путь, который способен охранить его от влияния соблазнов извне и внутри. Он заключается по наружности в удалении от знакомства и свободного обращения вне и внутри монастыря, в неисходном по возможности пребывании в монастыре и в келии, а по душе в изучении и исполнении евангельских заповедей, или, что то же, в изучении и исполнении воли Божией (Рим. 12:2) и в безропотном и благодушном терпении всех попускаемых Промыслом Божиим скорбей, при признании себя от искренности сердца достойным этих скорбей. Евангельские заповеди научают инока смирению, а крест совершенствует его в смирении[435]. Смирение истребляет из души и тела все греховные страсти и привлекает в нее благодать Божию. В этом и заключается спасение.

[435] Слова преподобного Марка Подвижника о Законе Духовном, гл. 31.

Глава 31
Источники иноческих скорбей

Искушения на инока возникают из следующих четырех источников: из падшего нашего естества, из мира, от человеков и от демонов. Собственно источник искушений один: наше падшее естество. Если б естество не находилось в состоянии падения, то зло не возникало бы в нас самих, соблазны мира не имели бы на нас никакого влияния, человеки не восставали бы друг против друга, падшие духи не имели бы повода и права приступать к нам. Потому-то и говорит Писание: «Кийждо искушается, от своея похоти влеком и прельщаем». (Иак. 1:14).

Бесконечная благость и премудрость Божия устроила для спасающихся так, что все искушения, какие бы то ни было, приносят истинным рабам и служителям Божиим величайшую пользу, могущественно вспомоществуют им в деле спасения и духовного преуспеяния. Зло не имеет доброй цели; оно имеет одну злую цель. Но Бог так чудно устроил дело спасения нашего, что зло, имея злую цель и действуя с намерением повредить рабу Божию во времени и в вечности, способствует этим его спасению. Спасение как духовное таинство, соделывающее человека причастником Божественного добра, непостижимо для зла, которое слепо по отношению к Божественному добру как вполне чуждое его, а пони-

мает только свое, то есть или одностороннее зло, или добро падшего естества, смешанное со злом и отравленное злом. Преподобный Макарий Великий говорит: «Содействует злое благому намерением неблагим»[436]. И апостол Павел сказал: «Любящим Бога вся поспешествуют во благое» (Рим. 8:28).

Падшее естество, извергая из себя в разнообразных видах грех – здесь разумеется грех не деятельный, а в помыслах, в ощущениях сердца и тела, – и препираясь с Евангелием, доставляет, при свете Евангелия, подвижнику опытное и подробное понятие падения как его собственного, так и общего всему человечеству, доставляет опытное познание необходимости Искупителя, доставляет опытное познание, что Евангелие врачует и оживляет душу, доставляет дух сокрушен и смирен, который водворяется в подвижника по причине видения им бесчисленных язв и немощей, нанесенных человеку и роду человеческому падением. Яд греха, ввергнутый падением в каждого человека и находящийся в каждом человеке, действует по Промыслу Божию в спасающихся к существенной и величайшей пользе их[437].

Мир, искушая подвижника, доставляет ему опытное познание, как земная жизнь превратна и обманчива, что все сладостное, вожделенное и великое ее оканчивается пустотою и горестью; от этих опытных познаний подвижник стяжавает хладность к земной жизни, к гостинице своей – зем-

---

[436] Слово 4, гл. 6.

[437] Святой Исаак Сирский. Слова 46, 58, 61.

ле, ко всему, что признается на ней вожделенным для сынов мира, обращает взоры ума и сердца к вечности и начинает усерднейшими молитвами ходатайствовать пред Богом о своей загробной участи.

Человеки, искушая подвижника, доставляют ему возможность соделаться исполнителем возышеннейших заповеданий Евангелия, заповеданий о любви к врагам. Любовь к врагам есть высшая степень узаконенной Евангелием любви к ближнему. Достигший любви к врагам достиг совершенства в любви к ближнему, и ему сами собою отворились врата любви к Богу. Все препятствия отклонены! Вечные затворы и замки расслабели и разверзлись! Уже подвижник не осуждает ближнего; уже он отпустил ему все согрешения его; уже он молится за него как за своего сочлена, принадлежащего одному телу; уже он признал и исповедал, что все скорби, случающиеся рабу Божию, попускаются не иначе, как по мановению Божию; уже он покорился воле Божией во всех обстоятельствах, частных и общественных, и потому со свободою, как наперсник священного мира, как исполнивший относительно ближнего все, повеленное Богом, вступает в объятия Божественной любви. Этого подвижник не мог бы достичь, если б не подвергся различным искушениям от человеков, и по причине искушений не изверг из себя, как бы от действия очистительного врачевства, всей злобы и гордыни, которыми заразилось падшее естество.

Искушения от лукавых духов обыкновенно попускаются

после обучения искушениями от падшего естества, от мира и от человеков. Лукавые духи сперва поддерживают падшее естество в борьбе против евангельского учения или принимают участие в искушениях, наносимых подвижнику соблазнами мира и человеками; впоследствии, в свое время, по особенному попущению Божию, открывают лично собою брань против раба Христова, возводящую его в великий подвиг. Победитель в этой брани увенчивается особенными духовными дарованиями, как можно видеть из жизнеописаний преподобного Антония Великого, преподобного Иоанна многострадального и других святых иноков. Не вступив в брань с духами и не выдержав ее как должно, подвижник не может вполне расторгнуть общения с ними и потому не может достигнуть полной свободы от порабощения им в сем и будущем веке. Оставившие земную жизнь в таком состоянии не могут не подвергнуться истязаниям от бесов на воздушных мытарствах. Преподобный Макарий Великий говорит: «Души, скорбми, наносимыми от злых духов, не искушенные, пребывают еще в отрочестве и, да тако реку, не способны к Царству Небесному»[438].

Зло есть причина всех скорбей и искушений. Но премудрость и всемогущество Божии служат причиною того, что на рабов Божиих искушения и скорби действуют душеспасительно, доставляя им возможность совершать возвышеннейшие евангельские заповеди, последовать Христу, взяв крест

[438] Слово 7, гл. 14.

свой, соделываться ближайшими учениками Господа. Напротив того, скорби и искушения действуют гибельно на сынов погибели! Зло низлагает их; они не умеют победить его и прежние свои законопреступления навершают новыми законопреступлениями. Так, один из разбойников, распятых близ Господа, дополнил на кресте свои злодеяния богохульством (Лк. 23:39). Всемогущество и премудрость Божии служат причиною того, что зло, действуя с намерением и целью единственно злыми, исполняет, не ведая того, предначертания Промысла Божия. Так, иудейское духовенство, движимое завистью и ненавистью к Богочеловеку, преследовало Его в течение всей Его земной жизни и устроило Ему позорную смертную казнь, но это духовенство, по бесконечной премудрости Бога и Его всемогуществу, было слепым орудием предопределения Божия, состоявшего в том, чтоб всесвятый Христос, пострадав за виновное человечество, страданиями Своими искупил виновное человечество и проложил для всех желающих спастись спасительный крестный путь, возводящий шествующих по нему на небо (Деян. 3:18). Таким же орудием Божиим бывает зло относительно всех служителей Божиих, не приобретая из этого для себя ничего: зло, содействуя по мановению Божию в неведении своем добру, не престает пребывать для себя и для совершающих его тем, что оно есть – злом. Рабы Божии! Знайте наверно, что случающиеся вам скорби приходят не сами собой, а по попущению Божию, и прилагайте возможное тщание,

чтоб переносить их с терпением и долготерпением, принося за них славословие и благодарение Богу! Знайте, что противящиеся скорбям и ищущие отклонить от себя скорбный путь действуют против своего спасения, стремятся в слепоте своей разрушить порядок и способ спасения, установленный Богом для всех рабов Его.

Глава 32
О необходимости мужества при искушениях

Одним из величайших достоинств полководца в бранях мира сего признается то, когда он не упадает духом при всех превратностях счастья, но пребывает непоколебим, как бы каменносердечный, заимствуя из твердости своей самые разумные и полезные распоряжения, приводя этою твердостью в недоумение врагов своих, ослабляя их дерзость, воодушевляя мужеством собственное воинство. Такой характер полководца бывает причиною необыкновенных успехов, – и внезапно целый ряд потерь и несчастий увенчивается решительными победами и торжеством. Таким должен быть ум монаха, этот вождь в невидимой борьбе против греха. Ничто, никакое искушение, нанесенное человеками и духами, возникшее из падшего естества, не должны смутить его. Источником непоколебимости и силы да будет вера в Бога, Которому мы предались в служение, Который – всемогущ. Малодушие и смущение рождаются от неверия, но только что подвижник прибегнет к вере, малодушие и смущение исчезают, как тьма ночи от возшедшего солнца. Если враг принесет тебе различные греховные помыслы и ощущения или если они восстанут из падшего естества твоего, не испугайся,

не удивись этому как чему-либо необычайному. Скажи сам себе: «Я в беззакониях зачат и во грехах рожден: невозможно естеству моему, столько зараженному греховным ядом, не обнаруживать из себя своей заразы». Точно: невозможно падшему естеству не давать из себя плода своего, особливо когда оно начнет возделываться евангельскими заповедями. Когда начнут перепахивать землю плугом, тогда выпахиваются наружу самые корни плевелов и при постоянной перепашке постепенно истребляются, постепенно нива достигает чистоты: так при возделывании сердца заповедями извлекаются из него наружу самые основные помышления и ощущения, от которых произрастает всякого рода грех, и, таким образом, при постоянном и постепенном обнаружении истребляются мало-помалу. Положим, возникнет в тебе внезапно блудная страсть – не смутись этим. Точно так же: если возникнут гнев, памятозлобие, корыстолюбие, печаль – не смутись этим. Этому должно быть! Но лишь явится какая страсть, нисколько не медля посекай ее евангельскими заповедями. Если не будешь поблажать страстям, узришь умерщвление их. Если же будешь поблажать им, беседовать с ними, питать их в себе и услаждаться ими, то они умертвят тебя. Греховные помыслы и ощущения возникают из падшего нашего естества, но когда греховные помыслы и ощущения начнут постоянно и усиленно приходить, то это служит признаком, что они приносятся врагом нашим, падшим ангелом, или же он понуждает падшее естество наше плодить

их особенно. Такие помыслы и ощущения должно исповедывать духовнику, так часто и дотоле, доколе они стужают, хотя бы духовник был муж простосердечный, без славы святого. Вера твоя в святое таинство исповеди спасет тебя: благодать Божия, присущая таинству исповеди, исцелит тебя. Постоянным и усиленным впадением на нас падший дух старается посеять и возрастить в нас семена греха, приучить какому-нибудь виду греха частым напоминанием о нем, возбудить к нему особенное влечение и обратить этот вид греха в навык, как бы в естественное свойство. Греховный навык называется страстью, лишает человека свободы, соделывает его пленником, рабом греха и падшего ангела. Против усиленного и учащенного нападения греховных помыслов и ощущений, называемого на монашеском языке бранию, нет лучшего оружия для новоначального, как исповедь. Исповедь – едва ли не единственное оружие для новоначального во время брани. По крайней мере она – оружие самое сильное и самое действительное. Как можно чаще прибегай к нему во время напасти, нанесенной диаволом: прибегай к нему, доколе диавол и нанесенная им напасть не отступят от тебя. Диавол любит злодействовать тайно; любит быть непримеченным, непонятым[439]. Он *«ловит в тайне, яко лев во ограде своей: ловит, еже восхитити нищаго»* (Пс. 9:30) неопытного и немощного инока. Он не терпит быть обнаруженным и объявленным; будучи обличен и объявлен, кида-

[439] Преподобный Макарий Великий. Слово 7, гл. 31.

ет добычу свою, уходит. Помыслы, хотя и греховные, но мимоходящие, не усиливавшиеся усвоиться душе, не нуждаются в немедленной исповеди. Отвергай их, не внимай им, заглушай их воспоминанием противоположных им евангельских заповедей; упомяни о них в общих словах, отнюдь не принимая бессмысленной заботы исчислить их, на исповеди пред причащением святым Христовым Тайнам; скажи, что ты сверх значительных грехов, которые должно изложить с точностью, согрешил разными помышлениями, словами и делами, в ведении и неведении.

Глава 33
Учение святых отцов о тесном пути

Учение о тесном пути, преподанное Священным Писанием, излагается святыми отцами весьма сильно, глубоко, ясно, убедительно, в изобилии, как такой род пищи, который имеет важнейшее значение на духовной трапезе духовного слова. «Если хочешь, – сказал преподобный Марк Подвижник, – в немногих словах преподать душеспасительное наставление ученолюбивому, то преподай ему молитву, правую веру и терпение встречающихся скорбей. Этими тремя видами добра приобретается все прочее добро». Учение о терпении скорбей признавалось всегда одним из основных христианских нравственных преданий. В настоящее время, когда Промыслом Божиим образование и спасение иноков вверено по преимуществу многоразличным напастям и искушениям, учение о терпении скорбей получает величайшую знаменательность. Делаем достаточное число выписок об этом предмете из творений отеческих с тою целью, чтоб доставить современному иноку подкрепление духовное посреди скорбей, уже наступивших, чтоб доставить ему правильным пониманием скорбей приготовление к правильному принятию скорбей, еще не пришедших – скопляющихся, может быть, грозно вдали, подобно темной громовой туче. Кого они застанут нечаянно, неготовым, невооруженным, того колеблют

удобно, часто низлагают. Взятие креста своего, то есть благодушное терпение скорбей, основывается на самоотвержении. Без самоотвержения оно невозможно. Оно является соответственно степени самоотвержения. Самоотвержение основывается на вере во Христа. Этот закон духовный предъявлен Христом (Мф. 16:24).

Выписка из творений преподобного Макария Великого:

«Желающий быть подражателем Христу, чтоб при посредстве этого получить звание сына Божия, рожденного Духом, прежде всего должен переносить благодушно и терпеливо все случающиеся с ним скорби, как то: телесные болезни, обиды и поругания от человеков и наветы от невидимых врагов, потому что, по Промыслу Божию, распоряжающемуся всем премудро и со всеблагою целью, такие испытания различными напастями попускаются душам, чтоб обнаружилось явственно, которые из них любят Бога искренно. От начала века для святых патриархов, пророков, апостолов и мучеников было знамением избрания то, что они прошли по тесному пути искушений и скорбей и таким образом благоугодили Богу. *«Сыне,* – говорит Писание, – *аще приступавши работати Богу, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое, и потерпи»* (Сир. 2:1–2). И в другом месте: *«все, елико аще нанесено ти будет, приими»* (Сир. 2:4) как благое, зная, что без Бога ничего не случается с нами. И потому душе, желающей благоугодить Богу, прежде всего должно вооружиться терпением и надеждою. К зло-

хитростям диавольским принадлежит и то, что он во время нашедшей скорби ввергает нас в уныние с целью отвратить от упования на Бога. Бог никогда не допускает искушениям столько угнести уповающую на Него душу, чтоб она, доведенная до крайности, пришла в отчаяние. «Верен Бог, – говорит апостол, – Иже не оставит вас искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести» (1Кор. 10:13). И диавол озлобляет душу не столько, сколько хочет, но в такой мере, в какой попускается Богом. Если людям не неизвестно, какое бремя может нести мул, какое осел, какое верблюд, и на основании этого знания на каждого из упомянутых животных возлагается соответствующая силе его ноша; если знает скудельник, сколько времени должно держать в печи глиняные сосуды, чтоб они, будучи передержаны в ней, не перетрескались или, напротив того, будучи вынуты недостаточно обожженными, не оказались негодными к употреблению, если, говорю, человек одарен таким соображением, то не гораздо ли более, не несравненно ли более предусматривает премудрость Божия, какое бремя искушений должно возложить на каждую душу, чтоб она, будучи испытана им, соделалась способною к Небесному Царству»[440].

«Если стебель конопли не будет продолжительно бит, то не получит способности превращаться в тончайшие нити; чем долее он будет бит, чем более будет чесан гребнями, тем

[440] Sancti Macarii Aegiptii opera omnia, Liber de Ubertate mentis, caput XIII.

делается чище и способнее. Новослепленный глиняный сосуд, но не скрепленный в огне, не годен для употребления; малолетний отрок не способен к исправлению обязанностей житейских, не способен строить здания, садить древа, засевать приготовленные к тому поля или выполнять что другое из житейских потребностей; так часто и души, будучи причастниками Божественной благодати, будучи преисполнены небесной сладости по благости Божией, снисходящей младенчеству их, и вкушая мир Христов от действия в них Святого Духа, но еще не искушенные различными напастями от злых духов, нисколько не возвысились из состояния и разума детских, и, выражусь так, еще неспособны к Царству Божию. Потому что *«аще без наказания есте,* – говорит апостол, – *емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове»* (Евр. 12:8). И искушения, и скорби посылаются человеку к пользе его; они доставляют душе опытность и крепость, и если она в надежде на Господа понесет их терпеливо до конца, то быть не может, чтоб она не наследовала обетовании Духа и не освободилась от возмущения порочными страстями»[441].

«У врага нашею – бесчисленные козни, которыми он старается повредить нам и отвлечь от Христа. Он наводит или внутренние скорби, действуя духами злобы, или возбуждает в душе скверные страстные помыслы, возобновляя в памяти прежде соделанные согрешения, стараясь в то же вре-

[441] Liber de libertati mentis, cap. 14.

мя ввергнуть душу в уныние, представляя ей спасение уже невозможным и внушая этим расположение к отчаянию. Он действует так хитро, что такие помыслы кажутся рождающимися в самой душе, а не навеваемыми в ней чуждым ей лукавым духом, который, действуя, вместе хочет и укрыться. Или он поступает вышесказанным образом, или поставляет в трудное положение по телу, или изобретает все средства, чтоб подвергнуть благочестивых людей оскорблениям от людей порочных. Но чем ожесточеннее лукавый враг пускает в нас огненные стрелы, тем более и более должно нам укрепляться в Боге, возлагая на Него надежду и в твердом убеждении, что все это попускается по воле Божией, которой единственная цель заключается в том, чтоб души, любящие Бога, были вполне испытаны искушениями и со всею удовлетворительностью доказали свою любовь к Богу»[442].

«Божии человеки должны приготовить себя к сражениям и борьбе. Юный воин великодушно переносит полученные раны и храбро отражает супостатов; точно так и христиане должны мужественно переносить оскорбления и борьбу как внешние, так и внутренние. Ударяемые скорбями христиане должны восходить в преуспеяние посредством терпения. Таков путь христианского жительства. Где святый Дух, там, как тень за солнцем, последуют гонение и борьба. Воззри на пророков, в которых действовал Дух Святый: каким они подвергались гонениям от соотечественников своих! Воззри на

[442] Там же, сар. 31.

Господа, Который – *«путь и истина»* (Ин. 14:6) и Который претерпел гонение не от какого-либо чуждого народа, но от Своего собственного племени, от израильтян! Они преследовали Господа с неистовством и распяли на кресте. Подобной участи подверглись и апостолы. С того времени как Господь был пригвожден ко Кресту, отошел Святый Дух Утешитель от Иудеев, переселился в христиан, и никто из Иудеев не подвергся уже гонению: одни христиане предавались на мученичество. Не следует христианам приходить в недоумение при напастях: подвергаться преследованию – неотъемлемая принадлежность истины»[443].

«Мученики, прошедши чрез многие виды мучений, явили силу непобедимого мужества, подчинившись и самой смерти насильственной: после этого они удостаиваемы были венцов. Чем многочисленнее и тягостнее были их страдания, тем большие получили они славу от Бога и дерзновение к Богу. Подобно этому души, преданные разнообразным скорбям или явно наносимым человеками, или возникающим в самих душах от восстания нелепых помыслов, или причиняемым впадением в телесные болезни, если с твердостью до конпа претерпят все, сподобляются одинаковых венцов с мучениками, одинакового дерзновения к Богу. Скорби мучеников, которые претерпели мученики от человеков, понесены этими душами от жестокого нападения и натиска самых лукавых духов, – и чем многочисленнее и тягостнее нападения

[443] Homilia XV, cap. XII.

супостата – диавола, которым они подвергаются, тем обильнейшую получат славу от Бога не только в будущем веке, но и здесь, обогатившись преизобильным утешением Духа»[444].

«Известно со всею достоверностью то, что и узок и тесен путь, ведущий в жизнь вечную, что по этой причине мало идущих по нему, и потому мы должны все искушения, наносимые диаволом, претерпевать с твердостью и постоянством ради надежды на получение благ, уготованных нам на небе. Сколько бы ни понесли мы здесь скорбей, что значит это в сравнении или с обетованными нам благами в будущем, или с причастием Утешителя, всеблагого Духа, которое здесь уже даруется достойным, или с освобождением из тьмы порочных страстей, или с прощением множества долгов наших, то есть грехов? *«Недостойны страсти – страдания – нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас»* (Рим. 8:18). И потому мы должны мужественно переносить ради Господа все, подобно храбрым воинам, не отрицаясь, и умереть за нашего Царя. Почему не подвергались мы таким горестям, каким подвергаемся ныне, когда пребывали в мирской жизни и прилежали делам ее? Почему ныне, когда поступили в служение Богу, претерпеваем многоразличные искушения? Очевидно, за Христа наносятся нам наши скорби супостатом, одержимым завистью к нам по поводу благ, уготованных нам, он усиливается ввергнуть души наши в расслабление и уныние, чтоб мы не получили обетованных наград

[444] Liber de libertati mentis, cap. XV.

за жительство, проведенное в благоугождении Богу. Но мы сражаемся со Христом, и разрушаются все ухищрения врага против нас. Христос – великий, непобедимый Покровитель и Заступник наш. Рассудим, всмотримся внимательно: и Сам Он препроводил земную жизнь, осыпаемый поношениями, насмешками, преследуемый гонениями, наконец казненный поносною смертью на кресте»[445].

«Хочешь ли переносить удобно всякую скорбь и искушения: смерть за Христа да будет вожделенна тебе, и эта цель обета нашего да предстоит непрестанно очам ума. Так заповедано нам: нам заповедано взять крест наш и последовать Христу, что значит быть постоянно готовым к подъятию смерти. Если будем в таком расположении и настроении духа, то, как сказано, будем переносить с великим удобством всякую скорбь: и внутреннюю, и находящую извне. Может ли встретить с негодованием или досадою случающиеся противности тот, кто желает умереть за Христа? Именно по той причине представляются тяжкими скорби, что мы не расположены умереть за Христа, не сосредоточили в Нем всех сердечных стремлений наших. Вожделевающий иметь в себе Христа и стяжать столь изящное наследство должен, соответственно этому желанию, подражать страданиям Его. Говорящие, что любят Господа, пусть докажут справедливость слов своих не только великодушным терпением всех случающихся скорбей, но и терпением охотным, с любовью, ради

[445] Там же, сар. XVI.

надежды, отложенной в Господе»[446].

«Слово Божие действует в каждом человеке соразмерно и сообразно ему. На сколько кто содержит слово, на столько содержится Им; на сколько хранит Его, на столько сохраняется Им. По этой причине все лики святых, пророки, апостолы, мученики хранили слово в сердцах, не пеклись ни о чем временном, но, презрев земное, пребывали в заповеди Святого Духа, отдав предпочтение боголюбию и добродетели пред всем, отдав это предпочтение не пустыми словами и поверхностным сознанием, но словом, соединенным с делом, самою действительностью. Вместо богатства они избрали нищету, вместо славы – бесчестие, вместо наслаждения – злострадание; вместо ярости они избрали любовь: ненавидя наслаждения этой жизни, они тем более любили тех, которые отнимали у них средства к наслаждению, и этим содействовали принятому ими направлению. Они удалялись от вкушения запрещенного плода *«еже ведети» доброе и лукавое* (Быт. 2:9), они любили благочестивых и благонамеренных, но не обвиняли и злых, признавая и тех и других посланниками Владычного управления; ко всем имели они правильную любовь. Внимая заповеданию Господа, *«отпущайте, и отпустится вам»* (Лк. 6:37), они признавали обижающих благодетелями, доставляющими обижаемым средство к получению прощения в грехах. Опять: внимая заповеданию Господа, *«яко же хощете да творят вам человецы, и вы тво-*

[446] Там же, сар. XVII.

рите им такожде» (Лк. 6:31), они любили и благих, по долгу совести. Оставив свою правду и взыскав правды Божией, они обрели постепенно любовь, сокровенную естественно в правде Божией».

«Господь, преподав многие заповеди о любви, повелел искать правды Божией (Мф. 5:6). Эта правда – мать любви. Невозможно спастись иначе, как чрез ближнего.

«Отпущайте, – заповедал Господь, – *и отпустится вам»* (Лк. 6:37). В этом заключается духовный закон, начертываемый на сердцах верующих и служащий исполнением первого закона. *«Не пришдох*, – говорит Господь, – *разорити закон, но исполнити»* (Мф. 5:17). Каким образом исполняется он? Услышь». Первый закон, осуждая сделавшего зло ближнему по благословной причине, осуждал и обиженного, так что каждый, осуждая в чем-либо ближнего, осуждал вместе и себя, а прощавший ближнему доставлял этим прощение и себе. Говорит закон: «Осуждение за осуждение, отпущение за отпущение». Итак, исполнение закона заключается в прощении обид. Упомянули мы о первом законе не потому, чтоб Богом были даны два закона; дан один духовный по естеству, по отношению же к воздаянию произносящий правильное определение: прощающему он прощает, а того, кто требует взыскания, подвергает суду. *«С избранными избран будеши,* – говорит он, – *и со строптивым развратишися»* (Пс. 17:27). По этой причине исполняющие закон духовно и по мере исполнения соделывающиеся причастника-

ми благодати любили не только благодетельствовавших, но и поношающих и гонящих, ожидая получить любовь в воздаяние добродетели. Добродетель их состояла не только в том, что они простили нанесенные им обиды, но и в благотворении душам обидчиков, молясь за них Богу, как за те орудия, при посредстве которых они получают блаженство, по свидетельству Писания: *«блажени есте, егда поносят вас и ижденут вас»* (Мф. 5:11). Такому образу мыслей научал их духовный закон. Когда они соблюдали терпение и кротость в духе, тогда Господь, видя терпение сердца боримого и не отступающего от любви, разрушал *«средостение ограды»* (Еф. 2:14) и совершенно изгонял из них злобу. С этого времени они уже имели в себе любовь не по насилию над собою, а по благодати Божией, потому что с этого времени их Господь удерживал *«обращаемое оружие»* (Быт. 3:24), воздвигающее страстные помыслы; они входили во внутреннейшие завесы, *«идеже Предтеча о нас вниде Иисус»* (Евр. 6:20), где они наслаждались плодами Духа, откуда увидели ожидающее их блаженство будущей жизни, с совершенным извествованием сердца, то есть существенно, а не *в зерцале и гадании* (1Кор. 13:12); они свидетельствуют с апостолом: *«ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его»* (1Кор. 2:9). Но я предложу об этом чудном действии следующий вопрос: если оно не входило на сердце человеку, то вы, апостолы, как знаете его? Как знаете его, исповедав, что вы *«человеки нам подобострастные»*?

(Деян. 14:15). УСЛЫШЬ, что отвечает на это блаженный Павел: *«Нам Бог открыл это Духом Святым: Дух бо вся испытует, и глубины Божия»* (1Кор. 2:10) Чтоб никто не мог сказать: «Святый Дух дан был апостолам как апостолам; нам же несвойственно вмещать Его в себе, – Павел говорит, дав словам своим форму молитвы: *«да даст вам Бог, по богатству славы Своея, силою утвердитися Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу в сердца ваша, в любви вкоренени и основани»* (Еф. 3:16–17). *«Господь – Дух есть: а идеже дух Господень, ту свобода»* (2Кор. 3:17).

«Аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов» (Рим. 8:9). Будем молиться и мы, чтоб и нам приять благодать Святого Духа в полном извествовании и явственном ощущении, чтоб снова взойти туда, откуда мы изгнаны, чтоб удален был от нас душегубец – змей, дух, непрестанно влагающий в нас тщеславие, дух попечения и объядения, чтоб мы уверовали в Господа живою верою, сохранили заповеди Его и возросли в Нем *«в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова»* (Еф. 4:13), чтоб нами уже не обладала любовь мира сего (Иак. 4:4; 1Ин. 2:15), чтоб мы были твердо убеждены в духе нашем и веровали несомненно в благоволение благодати Божией о кающихся грешниках. Даруемое благодатию не соразмеряется уже с тою немощью, которая господствовала в человеке прежде приятия благодати, иначе благодать не была бы благодатью. Уверовав всесильному Богу, приступим к Дарующему причастие Святого Духа за веру, а отнюдь не

за дела естества и несоразмерно им приступим с простым и не любопытным сердцем: «Не от дел закона, – говорит Писание, – Духа приясте, но от слуха веры» (Гал. 3:2).

Выписка из творений преподобного Марка Подвижника.

«Бог есть и начало, и средина, и конец всякого блага. Истинное благо не может быть ни принято верою, ни исполнено на деле иначе, как при посредстве Иисуса Христа и Святого Духа»[447].

«Живая вера – крепкий столп: Христос для верующего в Него такою верою – все»[448].

«Бдение, молитва и терпение постигающих нас скорбей доставляют сердцу безвредное, полезное сокрушение, лишь бы только несоразмерное усиление подвига не отняло у него существенного достоинства. Нерадящий об этих трех видах делания, упражняющийся в них слабо, подвергнется нестерпимой муке при кончине своей»[449].

«Во время кончины сластолюбивое сердце служит для души темницею и оковами; любящее же подвиг – дверью отверстою»[450].

«Железные врата, вводящие в Иерусалим, – образ жестокого сердца: отверзаются они сами собою ведущему подвижническую жизнь и терпящему скорби, как отверзлись апо-

---

[447] Слово о Законе Духовном, гл. 2.

[448] Гл. 4.

[449] Гл. 19.

[450] Гл. 20.

столу Петру» (Деян. 12:10)[451].

«В то время как действует в тебе память Божия, умножай моление, чтоб и Господь воспомянул о тебе, когда забвение о Нем нападает на тебя»[452].

«Милостивое сердце очевидно привлечет к себе милость, противоположное этому естественно должно случиться с сердцем, находящимся в расположении, противоположном милости»[453].

«Закон духовной свободы научает истине, и многие знают его поверхностным разумением, но немногие уразумевают по вере исполнения заповедей делами»[454].

«Совершенство духовного закона сокрыто в Кресте Христовом»[455].

«За скорби уготовано человекам благое; злое – за тщеславие и сластолюбие»[456].

«Обижаемый человеками избегает греха и обретает заступление, соразмерное скорби»[457].

«Кто верует Христу, обетовавшему воздаяние, тот усерд-

---

[451] Деян. 12.10; Слово о Законе Духовном, гл. 21.

[452] Там же. Гл. 25.

[453] Гл. 29.

[454] Гл. 30.

[455] Гл. 31.

[456] Гл. 42.

[457] Гл. 43.

но, по мере веры, претерпит всякую обиду»[458].

«Кто молится о человеках, обижающих его, тот низлагает бесов; низлагается бесами тот, кто дозволит себе противоборство обижающим его человекам»[459].

«Поношение от человеков приносит скорбь сердцу: оно для терпящего бывает причиною чистоты»[460].

«Живя в довольстве, принимай попущаемые скорби и, как долженствующий дать отчет, воспрещай себе излишества»[461].

«Случившаяся нечаянно скорбь напоминает благоразумному о Боге, уязвляя забывшего о Боге соразмерно вкравшемуся забвению»[462].

«Умственно показывай себя Владыке: *человек бо зрит на лице. Бог же на сердце*» (Евр. 4:13).

«Всякая невольная скорбь да научает тебя обращаться к памятованию Бога, и не оскудеет в тебе побуждение к покаянию»[463].

«Исследывай свои грехи, а не грехи ближнего, и не будет окраден твой духовный подвиг»[464].

---

[458] Гл. 44.

[459] Гл. 45.

[460] Гл. 49.

[461] Гл. 51.

[462] Слово о Законе Духовном, гл. 56.

[463] Гл. 57.

[464] Гл. 63.

«Неудобопростительно нерадение о всех посильных добродетелях; милостыня и молитва восставляют нерадевших»[465].

«Всякая скорбь по Богу есть существенное дело благочестия: истинная любовь искушается противностями»[466].

«Не подумай, что можно стяжать добродетель без скорби: жительствующий в отраде пребывает чуждым духовной опытности»[467].

«Всматривайся в окончательное последствие всякой скорби и найдешь, что оно заключается в истреблении греха»[468].

«Желающий не в осуждение себе принимать похвалу от человеков прежде да возлюбит обличение в грехах своих»[469].

«Подвергшийся бесчестию за истину Христову сторично будет прославлен многими. Но лучше делать доброе в надежде будущего воздаяния»[470].

«Хвалящий ближнего лицемерно в удобное время уничижит его»[471].

«Не знающий козней, устраиваемых врагами, удобно закалается ими и не знающий начал, на которых зиждутся стра-

---

[465] Гл. 64.

[466] Гл. 65.

[467] Гл. 67.

[468] Гл. 67.

[469] Гл. 72.

[470] Гл. 73.

[471] Там же. Гл. 75.

сти, удобно низвергается в грехопадения»[472].

«Поступивший по заповеди да ожидает искушения вследствие своего поступка: любовь ко Христу искушается противностями»[473].

«Когда явится к тебе помысл, предлагающий славу от человеков, то знай наверно, что он устраивает для тебя бесчестие»[474].

«Враг ведает правдивость духовного закона и ищет только, чтоб человеческий ум изъявил согласие на представший ему греховный помысл. Таким образом, враг или подчиняет покорившегося ему трудам покаяния, или, если побежденный не прибегнет к покаянию, подвергает его страданиям, наводя на него как на покорившегося ему произвольно различные скорби; иногда же подучает его восставать и против наведенных скорбей, чтоб и здесь умножить страдания и выказать неверным по причине нетерпения, при исходе души из тела»[475].

«Многие много поборолись против встречающихся невольно скорбей, но никто не избежал скорби иначе как при посредстве молитвы и покаяния»[476].

«Пороки заимствуют силу один от другого, и добродете-

---

[472] Гл. 76.

[473] Гл. 88.

[474] Гл. 90.

[475] Гл. 91.

[476] Гл. 92.

ли развиваются в человеке одна от другой, возбуждая в причастнике своем движение к преуспеянию»[477].

«Малые согрешения еще уменьшаются диаволом в глазах наших, иначе он не может привести нас к большим согрешениям»[478].

«Гневающийся на ближнего или за деньги, или за славу, или за наслаждение еще не познал, что Бог управляет тварями праведно»[479].

«Если кто, явно согрешая и не прибегая к покаянию, не подвергся никакой скорби до самого исхода из этой жизни, то понимай из этого, что его постигнет Суд без милости»[480].

«Молящийся в разуме терпит встречающиеся скорби, но побуждаемый памятозлобием еще не имеет чистой молитвы»[481].

«Обиженный, обесчещенный, изгнанный кем-либо из человеков, не засматривайся на настоящее, но устреми взоры к последствиям действий этого человека и найдешь, что он был для тебя виновником многих благ не только в настоящем, но и в будущем веке»[482].

«Полезна горькая полынь для тех, у которых испорчено

---

[477] Гл. 93.

[478] Слово о Законе Духовном, гл. 94.

[479] Гл. 108.

[480] Гл. 112.

[481] Гл. 113.

[482] Гл. 114.

пищеварение, так и злонравным полезно подвергаться злоключениям. То и другое служит врачевством, доставляя телесное здравие первым и приводя к покаянию вторых»[483].

«Ты не желаешь терпеть зла? Не желай и делать зла: первое за вторым последует неизбежно. Каждый жнет то, что посеял»[484].

«Сея зло произвольное, пожиная его невольно, мы должны удивляться правде Божией»[485].

«Определено некоторое время между сеятвою и жатвою: не видя воздаяния вслед за сделанным злом, не будем не верить воздаянию, как некоторые не верят ему по этой причине; придет оно в свое время»[486].

«Похваляющий и вместе порицающий ближнего, выказывает этим, что он недугует тщеславием и завистью: похвалами старается скрыть зависть, а порицаниями старается выставить свое превосходство над порицаемым»[487].

«Невозможно пасти овец и волков на одном пастбище; так невозможно получить милость тому, кто делает зло ближнему»[488].

«Вода и огонь, будучи соединены в одном месте, противо-

---

[483] Гл. 115.

[484] Гл. 116.

[485] Гл. 117.

[486] Там же. Гл. 118.

[487] Гл. 122.

[488] Гл. 123.

действуют друг другу: противодействуют друг другу в душе словооправдание и смирение»[489].

«Ищущий отпущения грехов любит смиренномудрие; осуждающий ближнего запечатлевает свою греховность»[490].

«Не оставляй неизглажденным греха, хотя бы он был и самомалейший, иначе он повлечет тебя к большему злу»[491].

«Если хочешь спастись, возлюби правдивое слово и никогда не отвращайся обличений»[492].

«Лучше молиться с благоговением о ближнем, нежели обличать его о всяком согрешении»[493].

«Кающийся истинно подвергается поруганию безумных: это служит для него знаком благоугождения Богу»[494].

«Превознесшись похвалами, ожидай бесчестия»[495].

«Ищущий похвалы вступает в область страстей; плачущий о скорби, нашедшей на него, обнаруживает преобладание в нем сластолюбия»[496].

«Колеблется, как на весах, помысл сладострастного: сладострастный иногда проливает слезы, оплакивая грехи свои;

---

[489] Гл. 125.

[490] Гл. 126.

[491] Гл. 127.

[492] Гл. 128.

[493] Гл. 132.

[494] Гл. 133.

[495] Гл. 137.

[496] Слово о Законе Духовном, гл. 143.

иногда же, защищая свое сластолюбие, ратует против ближнего и вступает с ним в спор»[497].

«Долготерпеливый муж изобилует разумом: будет изобиловать разумом и тот, кто устремится всем сердцем к изучению Божественной премудрости»[498].

«Без памяти Божией разум не может быть истинным: без нее он – ложен»[499].

«Ненавидящий обличения погрязает в страстях произвольно. Любящий обличение, если и увлекается еще страстями, то, очевидно, увлекается по прежде полученному навыку»[500].

«Не желай слышать поведания о согрешениях ближнего: в таком произволении напечатлеваются образы этих согрешений»[501].

«Настоящие скорби променивай в мысли твоей на блага будущей жизни, и нерадение никогда не расслабит твоего подвига»[502].

«Сплетение приятных и неприятных приключений принимай равным помыслом (с одинаковым равнодушием); Бог при таком подвиге человека уравнивает неравность собы-

---

[497] Гл. 144.

[498] Гл. 146.

[499] Гл. 147.

[500] Гл. 151.

[501] Гл. 152.

[502] Гл. 156.

тий»[503].

«Душевные перемены и колебания происходят от помыслов, не приведенных в основательное, всегда равное состояние. Богом устроено так, что невольное бывает естественным последствием произвольного»[504].

«Дела, совершаемые телом, суть порождения действий духа, будучи естественными и справедливыми последствиями их, по определению Божию»[505].

«Пребывай непоколебимо в духовном разуме – и не будешь изнемогать при искушениях. Уклонившись же из духовного образа мыслей, ощутишь страдание: претерпи его»[506].

«Молись, чтоб не постигло тебя искушение. Постигшее же искушение прими как свою принадлежность, а не как что-либо чуждое тебе»[507].

«Воздержись от всякого излишества при удовлетворении нуждам тела – и тогда возможешь усмотреть козни диавольские»[508].

«Когда ум оставит телесные попечения, тогда начнет видеть, соразмерно этому оставлению, козни невидимых вра-

---

[503] Гл. 159.

[504] Там же. Гл. 160.

[505] Гл. 161.

[506] Гл. 163.

[507] Гл. 164.

[508] Гл. 165.

гов»[509].

«Иной по наружности исполняет заповедь, но в сущности удовлетворяет своей тайной страсти и растлевает доброе дело греховными помыслами»[510].

«Вводимый в начало зла, не скажи: оно не победит меня. Насколько ты введен в него, настолько уже и побежден»[511].

«Всякое великое согрешение начинается с малого подчинения началам его и возрастает постепенно, будучи питаемо и развиваемо»[512].

«Козни злобы – мрежа многоплетенная! Часто запутывающегося в ней она охватывает со всех сторон, если он попустит себе нерадение»[513].

«Не желай слышать о несчастии, постигшем человека, враждебного тебе. Слушающие произвольно такие поведания пожинают плоды своего произволения»[514].

«Не думай, что всякая скорбь попускается человекам за грехи их: искушаются и благоугождающие Богу. Говорит Писание: «нечистивый и беззаконницы изженутся» (Пс. 34:28); оно же говорит: «вси хотящии благочестиво жити о Христе гоними будут» (2Тим. 3:12).

---

[509] Гл. 167.

[510] Гл. 169.

[511] Гл. 170.

[512] Гл. 171.

[513] Слово о Законе Духовном, гл. 172.

[514] Гл. 173.

«Во время скорби постарайся заметить действие сластей: они, утешая в скорби, бывают нам приятны»[515].

«Некоторые называют мудрыми понимающих и объясняющих различные предметы в видимом мире: мудры – обладающие своими пожеланиями»[516].

«Если увидишь сильное движение в душе, влекущее к страсти безмолвствующий ум, то знай, что ум предупредил это невольное действие действием произвольным, произвольно приведя в движение страсть и насадив ее в сердце»[517].

«Когда престанешь исполнять на деле плотские похотения, по учению Писания, тогда, при помощи Господа, удобно прекратится и в душе невидимое действие страстей»[518].

«Бог вменяет нам и дела, и намерения. В Писании сказано: *«Господь воздаст коемуждо по деянием его»* (Мф. 16:27); также сказано: *«даст ти Господь по сердцу твоему»* (Пс. 19:5).

«Незанимающийся постоянно рассматриванием своей совести не возложит на себя и телесных подвигов для стяжания благочестия»[519].

«Невозложивший на себя произвольно подвигов для стя-

---

[515] Гл. 175.

[516] Гл. 176.

[517] Гл. 179.

[518] Гл. 181.

[519] Там же. Гл. 185.

жания благочестия, тем сильнее будет подвергаться скорбям невольным»[520].

«Совесть есть книга естественного закона. Читающий эту книгу исполнением на деле требований ее опытно познает, что Бог вспомоществует человеку»[521].

«Познавший волю Божию и исполняющий ее по силе малыми трудами избежит трудов великих»[522].

«Хотящий победить искушения без молитвы и терпения не возможет отразить их от себя – запутается в них еще более»[523].

«Благое направление совести приобретается молитвою, и чистая молитва – правильно настроенною совестью. Одно служит последствием другому естественно»[524].

«Иаков устроил Иосифу пеструю одежду, и Господь дарует кроткому разум истины, по свидетельству Писания. «Научит Господь, – говорит оно, – кроткия путем Своим» (Пс. 24:9).

«Господь сокровен в заповедях Своих и обретается ищущими Его по мере исполнения ими заповедей Его»[525].

«Мир Христов есть избавление от страстей: он не может

---

[520] Гл. 187.

[521] Гл. 186.

[522] Гл. 188.

[523] Гл. 189.

[524] Гл. 198.

[525] Гл. 190.

быть получен иначе, как действием Святого Духа»[526].

«Господь, научая нас, что исполнение каждой заповеди Его есть долг наш, а усыновление Богу есть дар Его, даруемый вследствие искупления человеков кровию Его, говорит: *«егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы, и еже должни бехом сотворити, сотворихом»* (Лк. 17:10). Из этих слов явствует, что Царство Небесное не есть возмездие за дела, но дар по благоволению Божию уготованный верным рабам».

«Христос умре грех ради наших, по Писанием» (1Кор. 15:3), и тем, которые служат Ему благоугодно, дарует свободу: *«добре, рабе благий и верний,* – говорит Он, – *о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего»*(Мф. 25:23).

«Почитающий Господа исполняет повеленное Им.

Согрешивший же, то есть прослушавший Господа, терпеливо переносит подущаемые скорби как свойственные себе, как свою принадлежность»[527].

«Искушения, случающиеся с нами неожиданно, научают нас быть трудолюбивыми и привлекают к покаянию при недостаточном произволении к нему. Совершается это по смотрению о нас Божию»[528].

«Скорби, постигающие человеков, суть порождения соде-

---

[526] Гл. 192.

[527] Слово о Законе Духовном, гл. 6.

[528] Гл. 8.

ланных ими согрешений и живущих в них страстей. Если будем претерпевать эти скорби при помощи молитвы, то последует за наведенными скорбями наведение благого положения»[529].

«Некоторые, будучи похвалены за добродетель, усладились этою похвалою и наслаждение тщеславием приняли за утешение совести; другие, будучи обличены во грехе, опечалились и полезную печаль сочли действием злобы»[530].

«Желающий преплыть мысленное море возделывает в себе долготерпение, смиренномудрие, терпение, воздержание. Если же он покусится совершить плавание без содействия этих добродетелей, то возмутит лишь сердце свое, а преплыть не возможет»[531].

«Безмолвие заключается в отвержении всех видов зла. Кто при безмолвии совокупит четыре вышеупомянутые добродетели с молитвою, для того они соделаются надежнейшим средством к достижению бесстрастия»[532].

«Невозможно безмолвствовать умом, не безмолвствуя по телу; невозможно уничтожить разъединенные тела с духом без безмолвия и молитвы»[533].

«Молитва без сосредоточенной в нее мысли вниманием

---

[529] Гл. 9.

[530] Гл. 10.

[531] Гл. 29.

[532] Там же. Гл. 30.

[533] Гл. 31.

не признается совершенною; но мысль, вопиющую безмолвно, то есть без расхищения рассеянностью, услышит Бог»[534].

«Ум, молящийся неразвлеченно, утесняет сердце:

«сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50:19).

«И молитва называется добродетелью, хотя она – мать всех добродетелей: она рождает их от соединения со Христом»[535].

«Что сделаем без молитвы и не возложа упования на Бога, то оказывается впоследствии вредным и погрешительным»[536].

«Если впадешь в уныние при молитве или подвергнешься многообразным напастям от врага, то приведи себе на память предстоящее тебе исшествие из этой жизни и лютые адские муки. Но лучше прилепляться к Богу молитвою и возложением на Него всех попечений, нежели прибегать к воспоминаниям, нарушающим сосредоточенность, несмотря на пользу их»[537].

«Не признается воздержником тот, кто развлечен разнообразными помыслами, хотя бы они и были полезны: не полезнее они молитвы»[538].

---

[534] Гл. 33.

[535] Гл. 35.

[536] Гл. 36.

[537] Гл. 38.

[538] Гл. 40.

«Кающийся правильно не думает, чтоб его подвиг покаяния служил удовлетворительным возмездием за соделанные грехи, но усиливается подвигом покаяния умилостивить Бога»[539].

«Сколько бы мы ни умножили сегодня добродетель нашу, этим не заслужим воздаяния: это обличение предшествовавшего нерадения»[540].

«Великая добродетель – терпеть приключающиеся скорби и любить ближнего ненавидящего, по заповеданию Господа» (Мф. 5:44).

«Знак нелицемерной любви – прощение обид. Так и Господь возлюбил этот мир»[541].

«Невозможно простить от сердца обиду без истинного духовного разума: духовный разум объясняет, что все, постигающее каждого, есть его собственность»[542].

«Ничего не потеряешь из того, что оставишь ради Господа: оставленное возвратится в свое время с великим избытком»[543].

«Истинный разум заключается в терпении скорбей и в том, чтоб в бедствиях своих не обвинять ближнего»[544].

---

[539] Слово о Законе Духовном, гл. 42.

[540] Гл. 44.

[541] Гл. 48.

[542] Гл. 49.

[543] Гл. 50.

[544] Гл. 56.

«Делающий добро и ищущий воздаяния служит не Богу, а своей воле»[545].

«Согрешившему невозможно избегнуть воздаяния иначе, как покаянием, соответствующим согрешению»[546].

«Уразумевший, что нашествие злоключений извне попущается нам правдою Божией, нашел, ища Господа, и разум, и правду»[547].

«Если уразумеешь, как научает тому Писание, что «по всей земли судьбы Господни» (Пс. 104:7): то всякий случай соделается для тебя учителем Богопознания»[548].

«С каждым встречается должное, соответственно настроению его; попускаемые наведения бывают разнообразны: приличное наведение для каждого ведает един Бог»[549].

«Подвергшись какому-либо бесчестию от человеков, зная, что этим тебе уготовляется слава от Бога, и пребудешь в бесчестии беспечален и несмущен, во славе же, когда она придет, верен и неосужден»[550].

«Похваляемый многими, по благоволению Божию, отнюдь не примеси никакого самохвальства к похвале, устрояемой по смотрению Господню, чтоб не попустилась переме-

---

[545] Гл. 57.

[546] Гл. 58.

[547] Гл. 65.

[548] Там же. Гл. 66.

[549] Гл. 67.

[550] Гл. 68.

на, чтоб ты не подвергся вместо похвалы бесчестию»[551].

«Когда ум, вооружившись мужеством о Господе, начнет отвлекать душу от долговременных греховных навыков, тогда сердце как бы разрывается, будучи отвлекаемо в две противоположные стороны умом и страстью, действующими подобно двум воинам, враждебным друг другу»[552].

«Никто столько не благ, столько не милостив, как Господь; но и Он не прощает некающемуся»[553].

«Печалимся о грехах, а к причинам их сохраняем привязанность»[554].

«Когда грешная душа не принимает с покорностью попускаемых ей скорбей, тогда говорят о ней ангелы: *«врачевахом Вавилона, и не исцеле»* (Иер. 51:9).

«Ум, предав забвению духовное разумение истины, ратует против человеков за вредное для него, как бы за полезное»[555].

«Страсть, произвольно приведенная в действие, после этого действует уже насильственно и против воли того, кто первоначально попустит ей действовать по произволению»[556].

---

[551] Гл. 69.

[552] Гл. 75.

[553] Гл. 78.

[554] Гл. 79.

[555] Слово о Законе Духовном, гл. 83.

[556] Гл. 85.

«Диавол, когда увидит, что ум помолился от сердца, тогда наносит тяжкие и хитросплетенные искушения, желая истребить добродетель в начале ее великими наведениями»[557].

«Имеются три мысленные состояния, в которые входит ум, подвергаясь изменениям: естественное, вышеестественное и нижеестественное, или противоестественное. Войдя в состояние естественное, ум находит себя виновным в злых помыслах и исповедует Богу грехи, усматривая начальные причины страстей. Низойдя в состояние противоестественное, он забывает правду Божию и борется с человеками как с обидевшими его; возведенный в состояние вышеестественное, обретает плоды Святого Духа, исчисленные апостолом: любовь, радость, мир и прочее. Тогда делается ему понятным, что он не возможет остаться в состоянии вышеестественном, если увлечется телесными попечениями! Низойдя из этого состояния, он подвергается греховным падениям и последующим за грехопадениями напастям, если и не вскоре, но в свое время, известное правде Божией»[558].

«Настолько разум бывает истинным, насколько он основывается на кротости, смирении и любви»[559].

«Во всяком деле и обстоятельстве неупустительно прибегай молитвою к Богу, чтоб во всем иметь помощь Божию»[560].

---

[557] Гл. 88.

[558] Гл. 90.

[559] Гл. 91.

[560] Там же. Гл. 94.

«Ничто так не могущественно по действию, как молитва: Бог ничем не благоугождается столько, сколько благоугождается молитвою»[561].

«Исполнение всех заповедей заключается в молитве, потому что любовь к Богу, выражаемая молитвою, есть высшая из добродетелей и совокупность их»[562].

«Молитва, свободная от рассеянности, есть знамение любви к Богу, составляющей сущность молитвы; нерадение в молитве и рассеянность при совершении ее – признаки сластолюбия»[563].

«Бесскорбно совершающий бдения и молитвы, пребывающий в долготерпении, соделался действительно причастником Святого Духа. И тот получит скоро помощь, кто произвольно понуждает себя к этим благим деланиям, хотя и колеблется в них»[564].

«Хорошо доставлять пользу ближнему словами, но лучше содействовать им молитвою и добродетелью: ими приносящий себя Богу, вспомоществуя себе, вспомоществует и ближнему»[565].

«Возложивший в каком-либо обстоятельстве упование на Бога уже не вступает по поводу этого обстоятельства в столк-

---

[561] Гл. 95.

[562] Гл. 96.

[563] Гл. 97.

[564] Гл. 98.

[565] Гл. 101.

новение с ближними»[566].

«Если всего невольного служит причиною произвольное, по свидетельству Писания, то лютейший враг человека – сам он»[567].

«Беги от искушения терпением и молитвою. Если будешь бороться с искушением без этих орудий, то оно сильнее угнетет тебя»[568].

«Кроткий по настроению, заимствованному от Бога, премудрее премудрых, и смиренный сердцем сильнее сильных: они носят иго Христово в разуме»[569].

«Скажем ли что или сделаем что, не испросив помощи Божией молитвою, все окажется впоследствии или погрешительным, или вредным; мы подвергаемся таинственному обличению опытно»[570].

«От дел, слов и мыслей Праведник один – Господь Иисус. От веры, благодати и покаяния праведники – многие: все святые человеки»[571].

«Кающемуся чуждо высокомудрствовать: так, напротив, согрешающий произвольно не способен смиренномудрство-

---

[566] Гл. 103.

[567] Гл. 104.

[568] Слово о Законе Духовном, гл. 106.

[569] Гл. 107.

[570] Гл. 108.

[571] Гл. 109.

вать»[572].

«Смиренномудрие заключается не в том, когда совесть обличает человека; оно – благодать Божия; оно – познание духовного милосердия»[573].

«Ненавидящий страсти, отвергает причины их; пребывающий в усвоении к причинам произвольно, подвергается нападение страстей и против воли своей»[574].

«Нелюбящему начал, на которых основываются страсти, не свойственно преклоняться к страстям и мыслью».

«Презирающий стыд увлечется ли тщеславием?

Любящий уничижение, возмутится ли от бесчестия? Имеющий сердце сокрушенное и смиренное преклонится ли к плотскому наслаждению? Верующий Христу попечется ли о чем-либо временном, вступит ли в словопрение или столкновение о чем-либо временном?»[575].

«Пренебрегаемый и не вступающий в состязание с пренебрегающим ни словом, ни мыслию стяжал истинный разум и являет самым поведением своим твердую веру в Бога» [576].

«В сущности, ни обижающему нет приобретения от обиды, ни обижаемому лишения: *«образом убо ходит человек, обаче всуе мятется»* (Пс. 38:7).

---

[572] Гл. 110.

[573] Гл. 111.

[574] Гл. 122.

[575] Там же. Гл. 123.

[576] Гл. 124.

«Если увидишь кого-либо подвергшимся многим бесчестиям и по причине их предающимся сильной печали, то знай, что он предварительно напитался помыслами тщеславия и потому с горестию пожинает терние, выросшее из семян, посеянных в сердце»[577].

«Насытившийся телесным наслаждением сверх должного вознаградит пресыщение сторичным страданием»[578].

«Находящемуся в послушании наставник его обязан говорить должное и возвещать ему наведение напасти, если он дозволяет себе преслушание»[579].

«Обижаемый и не взыскивающий с обижающего доказывает этим свою веру во Христа, сторично вознаградится в этом веке и наследует жизнь вечную»[580].

«Память Божия заключается в болезновании сердца о стяжании добродетели. Забывающий Бога непременно подвергается влиянию сладострастия и лишается спасительной сердечной болезни»[581].

«Не скажи, что бесстрастный не может печалиться: он должен печалиться если не о себе, то о ближнем»[582].

«Если хочешь непрестанно памятовать о Боге, то не от-

---

[577] Гл. 127.

[578] Гл. 128.

[579] Гл. 129.

[580] Гл. 130.

[581] Гл. 131.

[582] Гл. 132.

вергай наводимых скорбей, как бы наводимых несправедливо, но переноси их с терпением как наведенные правосудно. При каждом скорбном случае терпение возбуждает памятование о Боге; от оставления терпения оскудевает духовный разум, а от утешения оправданием себя происходит забвение Бога»[583].

«Хочешь ли, чтоб Господь покрыл грехи твои? Не объявляй человекам добродетелей, которые имеешь. Как поступаем мы в отношении к нашим добродетелям, так Господь поступает относительно наших грехов»[584].

«Не радуйся, когда окажешь ближнему благодеяние: возрадуйся тогда, когда непамятозлобно перенесешь оскорбление, последующее за твоим благотворением. Как ночь за днем, так зло последует за добрыми делами»[585].

«В невольных страданиях сокрыта милость Божия, привлекающая терпящего к покаянию и избавляющего его от муки вечной»[586].

«Страхом вечных мук и вожделением Царства Небесного внушается терпение скорбей, внушается не по одному собственному произволу человека – по дару Взирающего на помышления наши»[587].

---

[583] Слово о Законе Духовном, гл. 134.

[584] Гл. 135.

[585] Гл. 137.

[586] Гл. 139.

[587] Гл. 141.

«Кто верует будущим воздаяниям, тот произвольно удаляется от наслаждений земных: неверующий и сладострастен, и чужд сердечного сокрушения»[588].

«Если хочешь спастися и в разум истины прийти» (1Тим. 2:4), то старайся всегда пребывать выше чувственного, прилепляясь надеждою к единому Богу. Уклоняясь от всего чувственного, с понуждением себя, откроешь невидимое действие начал и властей, действующих против тебя враждебно посредством различных приражений. Побуждая их молитвою, благою надеждою, получишь благодать Божию, которая избавит тебя от будущего гнева»[589].

«Уразумевший значение таинственного поведания апостолом Павлом, что *«наша брань к духовом злобы»* (Еф. 6:12), уразумей и причту Господа о том, что *подобает всегда молиться, не предаваясь унынию»* (Лк. 18:1–8).

«Позвавший истину не противоборствует скорбным наведениям: он знает, что скорбные наведения приводят к страху Божию»[590].

«Если хочешь приносить Богу непогрешительное исповедание в грехах, то не поминай по виду грехопадений твоих, мужественно терпи наводимые за них скорби»[591].

«Скорби наводятся за прежде содеянные грехи, принося

---

[588] Гл. 142.

[589] Там же. Гл. 146.

[590] Гл. 150.

[591] Гл. 153.

каждому согрешению сродное ему возмездие»[592].

«Разумный и ведающий истину исповедуется Богу не воспоминанием соделанных грехов, но терпением наводимых на него скорбей»[593].

«Отвергнув страдания и бесчестия, не думай принести покаяние при посредстве других добродетелей: тщеславие и настроение сердца, чуждое сокрушения духа, умеют служить греху и делами правды»[594].

«Добродетели рождаются обыкновенно от страданий и бесчестий: так, напротив, пороки – от наслаждения и тщеславия»[595].

«Всякое проявление плотского сластолюбия происходит от наслаждения, предшествовавшего этому проявлению. Допущение же себе наслаждения происходит от неверия»[596].

«Не примиряющий воли своей с Богом претыкается в начинаниях своих и подвергается преобладанию супостатов»[597].

«Боголюбивый слушатель объемлет пользу с противоположных действий: если добро его свидетельствуется одобрением, то он делается усердней; если же он подвергается об-

---

[592] Гл. 154.

[593] Гл. 155.

[594] Гл. 156.

[595] Гл. 157.

[596] Гл. 158.

[597] Слово о Законе Духовном, гл. 162.

личению во зле, то понуждает себя к покаянию»[598].

«Хорошо держаться главной заповеди, ни о чем в частности не заботиться и ни о чем в частности не молиться, но и молитвою и всею деятельностью искать единственно Царства и Слова Божия. Если же мы еще находимся в таком положении, что должны заботиться о каждой потребности нашей, то и должны молиться о каждой. Делающий что-либо или заботящийся о чем-либо без молитвы не возможет совершить дела с благим успехом. Об этом засвидетельствовал Господь, сказав: *«не можете без Мене творити ничесоже»* (Ин. 15:5).

«Пренебрегающего заповедь о молитве постигают самые тяжкие нарушения прочих заповедей, передавая его одно другому, как узника»[599].

«Принимающий скорби настоящего времени при посредстве упования на получение будущих благ обрел разум истины: удобно избавится он от гнева и печали»[600].

«Подвергающийся озлоблениям и бесчестиям за истину шествует путем апостолов, взяв крест на рамена свои и возложив на себя оковы. Усиливающийся внимать сердцу без этих пособий не может не скитаться повсюду, не может не впадать в искушения и сети диавольские»[601].

---

[598] Гл. 165.

[599] Гл. 167.

[600] Гл. 168.

[601] Гл. 169.

«Боримый грехом никогда не возможет победить помыслов, если не будет действовать вместе и против их начальных причин; также не возможет победить начальных причин, не действуя вместе и против помыслов: отвергнув из двух что-либо одно, по прошествии краткого времени будем увлечены другим в то и другое»[602].

«Препирающийся с человеками из боязни подвергнуться страданиям и поношениям или здесь навлекает на себя самые сильные напасти, или будет мучен без милости в будущем веке»[603].

«Желающий отклонить от себя всякое злоключение должен при посредстве молитвы примирить дела свои с Богом, стяжать в духе своем упование на Бога и пренебрегать по силе попечениями о чувственном»[604].

«Диавол, нашедши, что человек упражняется в телесных делах излишне, без нужды, сперва похищает сокровища разума его – понятия духовные, а потом отсекает надежду на Бога как главу»[605].

«Когда достигнешь непоколебимости и чистоты в молитве, не принимай разумений, приносимых врагом во время молитвы твоей, чтоб не потерять большего. Лучше стрелять стрелами молитвы во врага, поверженного долу и заключен-

---

[602] Там же. Гл. 170.

[603] Гл. 171.

[604] Гл. 172.

[605] Гл. 173.

ного там, нежели беседовать с ним. Не приносит он благого – злохитро приносит он злое, чтоб отвлечь нас от молитвы»[606].

«Благие помышления полезны человеку во время искушения и уныния; во время же молитвы они вредны»[607].

«Получив жребий учить о Господе и встречая в учимых преслушание, скорби в духе и не смущайся, не вынаруживай смущения. Скорбя, ты не будешь осужден с неповинующимся; смущаясь же, подвергнешься искушению тою же немощью»[608].

«Не дозволь себе обличить в согрешении того, кто не находится в повиновении у тебя: такое обличение – принадлежность власти»[609].

«Не вступи в прение с противящимися истине и не желающими оказать тебе повиновение, чтоб не возбудить в них ненависти к тебе, как свидетельствует об этом Писание» (Притч. 9:8).

«Попускающий послушнику противоречить там, где не должно, предает его в таких случаях самообольщению и допускает нарушать обет повиновения»[610].

«Наставляющий и обличающий кого должно со страхом Божиим стяжавает сам добродетель, противоположную со-

---

[606] Гл. 174.

[607] Гл. 175.

[608] Гл. 176.

[609] Слово о Законе Духовном, гл. 178.

[610] Гл. 182.

грешению: напротив того, действующий из памятозлобия и порицающий злонамеренно впадает, по закону духовному, в подобную страсть»[611].

«Иной говорит истину, и безумные ненавидят его, по слову Богослова (Ин. 8:31, 47); иной же лицемерствует, и за это любят его. Однако ни то, ни другое из этих воздаяний не бывает долговременным: Господь в свое время воздаст каждому должное»[612].

«Желающий отклонить от себя бедствия будущей жизни должен переносить благодушно бедствия жизни настоящей. Таким образом, променивая в уме своем одно на другое, он избежит великих мучений посредством ничтожных страданий»[613].

«Воспрети уму самохваление и помыслу высокомыслие, чтоб не подвергнуться попущению и не впасть в противоположное тому, чем тщеславишься: благое совершается не одним человеком, но всевидящим Богом и человеком»[614].

«Всевидящий Бог определяет достодолжные наведения как делам нашим, так и произвольным помышлениям и размышлениям»[615].

«Невольные греховные домыслы произрастают от предва-

---

[611] Гл. 163.

[612] Гл. 186.

[613] Гл. 187.

[614] Гл. 188.

[615] Там же. Гл. 189.

рившего греха, вольные же от свободной воли: таким образом, вторые делаются причиною первых»[616].

«Греховным помыслам, возникающим против намерения, последует печаль, и потому они скоро истребляются. Произвольным греховным помыслам последует радость, и потому они изглаждаются с великим трудом»[617].

«Поречения и напасти производят печаль в сластолюбивом; производят ее в боголюбивом похвалы и излишества»[618].

«Не познавающий судеб Божиих умом совершает путь между пропастями и удобно низвергается в них всяким ветром: будучи похваляем, он возносится; будучи порицаем, огорчается; наслаждаясь, увлекается в начинания блуда; подвергаясь страданиям, малодушествует и плачет; уразумев что-либо, хочет выказать это и, не разумея, хочет представиться разумеющим; богатея, он кичится, и, убожествуя, лицемерствует; насытившись, бывает дерзким и, постясь, предается тщеславию; с обличающими он любит препираться и на тех, которые прощают ему, смотрит насмешливо, как на помешавшихся в рассудке»[619].

«Кто благодатью Христовою не приобретет разума истины, тот мучится жестоко не только страстями, но и от дей-

---

[616] Гл. 190.

[617] Гл. 191.

[618] Гл. 192.

[619] Гл. 193.

ствия на него внешних обстоятельств»[620].

«Если хочешь разрешить обстоятельство неудобопонятное, то ищи в отношении к нему того, что было бы благоугодно Богу, – и найдешь полезное решение недоумения»[621].

«О чем благоволит Бог, тому и вся тварь содействует служением своим, а от чего отвращается Бог, тому и вся тварь противодействует»[622].

«Противящийся скорбным наведениям противится, не понимая того, повелению Божию: принимающий же их с истинным разумом терпит Господа»[623].

«Когда придет напасть, не изыскивай, для чего и отчего она пришла: ищи того, чтоб перенести ее с благодарением Богу, без печали и без памятозлобия»[624].

«Чужое зло не приумножает греха, если только мы не примем его с злыми мыслями»[625].

«Если неудобно найти благоугодившего без искушений, то должно благодарить Бога за все случающееся»[626].

«Если бы Петр не оставил ночной ловитвы, то и на дневной не получил бы успеха. Если бы Павел не ослеп чувствен-

---

[620] Гл. 194.

[621] Слово о Законе Духовном, гл. 195.

[622] Гл. 196.

[623] Гл. 197.

[624] Гл. 198.

[625] Гл. 199.

[626] Гл. 200.

но, то не прозрел бы умом. Если бы Стефан не был оклеветан как хулитель Бога, то не отверзлись бы для него небеса и он не увидел бы Бога»[627].

«Деятельность по заповедям Божиим называется добродетелью, и нечаянная скорбь – искушением»[628].

«Бог искушал Авраама» (Быт. 22:1) не для того, чтобы узнать, каков Авраам: потому что ведал его Ведущий всякого человека прежде, нежели человек начнет существовать. Искушал Авраама Бог, то есть посылал ему скорби, для пользы его, чтоб доставить ему возможность усовершиться в вере»[629].

«Всякая скорбь обличает уклонение воли, куда она преклоняется, направо ли, или налево. Открывая сокровенное направление воли, неожиданная скорбь правильно носит название искушения для того, кому она попускается»[630].

«Страх Божий понуждает нас ратовать против злобы. Когда же мы боремся с нею, благодать Божия ратует за нас»[631].

«Мудрость состоит не только в том, чтоб узнать истину, но и в том, чтоб терпеливо переносить злобу человеков, обижающих нас, принимая обиды их как свою принадлежность. Пребывающие исключительно в первом виде мудрости спо-

---

[627] Гл. 201.

[628] Гл. 202.

[629] Гл. 203.

[630] Там же. Гл. 204.

[631] Гл. 205.

собны превознестись гордостью; присовокупившие к первому виду второй, приобретают смиренномудрие»[632].

«Хочешь ли, чтоб не беспокоили тебя греховные помыслы? Возлюби уничижение души и содержи тело в скорбном состоянии – при посредстве возможных для тебя лишений. Так поступай не временно, но всегда, во всяком месте и обстоятельстве»[633].

«Если будешь ограждать себя лишениями и подвигами произвольными, то помыслы, противные произволению твоему, не будут обладать тобою. Не подчиняющийся лишениям и подвигам поневоле подчинится насилию помыслов противных произволению его»[634].

«Когда от обиды возмутится внутренность твоя и сердце, не огорчись этим! По смотрению Божию приведено в движение то, что было прежде вложено в душу твою. С радостью низлагай возникшие помыслы! Знай: когда эти помыслы будут истребляемы в самых первоначальных проявлениях, то вместе с ними истребится и злое движение. Оно умножится, если допустим помыслам развиваться»[635].

«Без сердечного сокрушения невозможно избавиться совершенно от заразы греховной. Сокрушается сердце тричастным воздержанием: воздержанием от сна, от пищи и от

---

[632] Гл. 206.

[633] Гл. 207.

[634] Гл. 208.

[635] Слово о Законе Духовном, гл. 209.

излишнего телесного успокоения. От нарушения воздержания в этих предметах рождается сладострастие. Сладострастие принимает благосклонно лукавые помыслы, сопротивляется молитве и подобающему служению»[636].

«Приняв жребий начальствовать над братиею, храни возложенную на тебя обязанность и ради прекословия прекословящих не умалчивай того, что ты обязан сказать. В чем они окажут повиновение, ты получишь мздовоздаяние за их добродетель; если не послушают тебя в чем – прости им и примешь прошение от Сказавшего: *«отпустите и отпустится вам»*[637].

«Всякий случай подобен торговле: сведущий в ней приобретает многое, несведущий терпит убыток»[638].

«Не оказывающего повиновения слову любви не принуждай с любопрением к повиновению; приобретение, отвергнутое им, стяжи и себе: твое незлобие принесет больше пользы, нежели покушение на насильственное исправление»[639].

«Кто впадет в согрешение и не будет печалиться соразмерно согрешению, тот удобно падет снова в ту же сеть»[640].

«Надменное сердце не принимает приязненно печали по

---

[636] Гл. 210.

[637] Гл. 211.

[638] Гл. 212.

[639] Гл. 213.

[640] Гл. 215.

Боге»[641].

«Сытость чрева не совокупляется с сердечным болезнованием для зачатия добродетелей»[642].

«Не возможет человек стяжать болезнования и печали по Боге, если не возлюбит предварительно причины их»[643].

«Страх Божий и обличения насаждают в сердце печаль; воздержание и бдение соделывают его причастником болезнования»[644].

«Не внимающий наставлению заповедей и учения, изложенных в Священном Писании, будет погоняем бичом, которым погоняют коня, и рожном, которым погоняют осла. Если он не очувствуется и от этого – востягнуты будут челюсти его браздами и уздою, приведен будет он при посредстве их»[645].

«Удобно побуждаемый в мелочах поневоле побежден будет в великом; побеждающий в мелочах и в великом окажет доблесть о Господе»[646].

«Не покушайся обличениями принести пользу тому, кто хвалится добродетелями, потому что любящий выказывать

---

[641] Гл. 216.

[642] Там же. Гл. 217.

[643] Гл. 218.

[644] Гл. 219.

[645] Гл. 220.

[646] Гл. 221.

себя не может быть любителем истины»[647].

«Всякое изречение Христово являет и милость, и правду, и премудрость Божию, чрез слух насаждает силу этих добродетелей в слушающих с благим расположением: по этой причине немилостивые и неправедные, слушая с расположением злым, не возмогли познать премудрость Божию и Учившего этой премудрости распяли. Рассмотрим себя и мы: слушаем ли Его с благим расположением, потому что Он сказал: *«любяй Мя, заповеди Моя соблюдет, и возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам»* (Ин. 14:21). Видишь ли, что явление Свое Он поместил таинственно в заповедях? Любовь к Богу и к ближнему совмещает в себе все заповеди: она образуется от удаления от всего вещественного и из безмолвия помыслов»[648].

«Для того чтоб мы достигли безмолвия помыслов, Господь заповедует: *«не пецытеся о утрии»* (Мф. 6:34). Вполне верно! Не освободившийся от всего вещественного и от попечения о нем как возможет избавиться от злых помыслов? Обладаемый помыслами как увидит ту греховность, которою заражено все существо человека, которая лежит тьмою и мглою на душе, образуется как последствие от произвольных греховных помышлений и действий? Не познавший этой греховности или греха в обширном смысле слова будет ли умолять Бога о очищении от греховности? Неочистившийся

---

[647] Гл. 222.

[648] Слово о Законе Духовном, гл. 223.

как ощутит в себе естество чистое? Не приобретший естества чистого как увидит внутри себя дом Христов? Мы – дом Божий. Возвещают это и пророки, и Евангелие, и апостолы» (Иез. 37:27; Зах. 2:10; Ин. 14:23; 1Кор. 3:16).

«Вышеизложенным порядком должно стремиться к тому, чтоб найти этот дом: должно стучаться неотступно молитвою, чтоб Владыка отверз нам двери в него или во время этой жизни, или при переходе из этой жизни в вечность. Да не услышим за нерадение наше: *«не вем вас, откуда есте»* (Лк. 13:25). Должно не только просить и получить, но и сохранить данное. Некоторые, приняв духовное сокровище, утратили его. Знание по букве или от слуха о вышесказанном, или же, может быть, и от случайного опыта, имеют и поздно начавшие обучаться духовному подвигу и юные; постоянное же и терпеливое пребывание в нем с трудом приобретено благоговейнейшими и многоопытнейшими из старцев, не раз терявшими его от невнимания и снова взыскавшими трудом, возложенным на себя по благому произволению. Не престанем и мы поступать так, доколе не стяжем сокровище в достоинстве неотъемлемом»[649].

«Может быть, скажешь: не имею денег, как окажу без них милость нищему? Не имеешь денег, но имеешь произволение: отрекись своей греховной воли и этим твори милость. Не можешь подать милостыню рукою? Подай ее благим произволением: *«когда согрешит пред тобою брат твой, оста-*

[649] Там же. Гл. 225.

ви ему» (Лк. 17:3), по заповеди Господа, и вменится это тебе в великую милость. Если ищем себе прощения грехов от Бога, то и мы должны так поступать в отношении к ближнему при всяком согрешении его против нас, чтоб над нами совершилось сказанное во Евангелии: *«отпущайте, и отпустится вам»* (Лк. 6:37). Великое дело подавать милостыню убогим, когда имеются деньги; но миловать согрешающего против нас ближнего на столько выше и на столько более способствует к получению прощения во грехах, на сколько душа, по естеству, превосходнее тела. Если же мы, просив прощения грехов у Бога, получив прощение многократно и по причине этого прощения не потерпев здесь никакого зла, не хотим сделать ближних участниками этого дара, то по необходимости уподобляемся тому злому рабу, который, получив от Владыки прощение долга в десять тысяч талантов, не простил ста пенязей своему должнику ближнему. Господь, производя законный суд над лукавым рабом, сказал: *«рабе лукавый! весь долг он отпустил тебе, понеже умолил Мя еси: не подобаше ли тебе помиловати клеврета твоего и простить ему долг, яко же и Аз тя помиловах? И прогневався,* – поведает Евангелие, – *предаде его мучителем, дондеже воздаст весь долг свой»*. К этому Господь присовокупил как вывод, следующие слова: *«тако и Отец Мой небесный сотворит вам, аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их»* (Мф. 18:32–35). Подобно этому и в другом месте обогатившихся от Него различными благодеяни-

ями, но имеющих немилостивый и несострадательный нрав признает несчастными, говоря: *«горе вам, богатым, яко восприемлете утешение ваше»* (Лк. 6:24). Истинное богатство есть обилие в нас различных дарований, данных нам: горе же нам! Многократно умолили мы Бога и помилованы были Богом, сами же были умоляемы и никого не помиловали. Мы восприемлем утешение наше, удовлетворяя нашей мстительности прочим похотениям»[650].

«Осуждаемся мы не за множество зол, но за то, что не хотим покаяться и познать чудеса Христовы, как свидетельствует сама Истина. *«Мните ли,* – говорит Она, – *яко галилеане сии, ихже кровь смеси Пилат с жертвами их, грешнейши бяху паче всех человек, иже на земли? Ни, глаголю вам; но аще не покаетеся, такожде погибнете».* И *«они осмьнадесяте, на нихже паде столп Силоамский, и поби их, мните ли, яко грешнейши бяху паче всех человек, живущих во Иерусалиме? Ни, глаголю вам; но аще не покаетеся, такожде погибнете»* (Лк. 13:2–5). Видишь ли, что осуждаемся за непокаяние»[651].

«Полагаю, что покаяние составляется из следующих трех добродетелей: из очищения помыслов, из непрестанной молитвы и из терпения находящих скорбей. Эти добродетели должны быть совершаемы не только явно, но и умным деланием: этим добродетелям предназначено достав-

[650] Преподобного Марка Слово 3 О покаянии.

[651] Там же.

лять бесстрастие тем подвижникам, которые долговременным упражнением стяжут навык в них»[652].

«Взем Крест твой, гряди по Мне» (Мк. 10:21), – сказал Господь. Крест – терпение находящих скорбей»[653].

«Без вышеупомянутых трех добродетелей не может быть совершено дело покаяния. Полагаю, что покаяние приличествует всем и всегда, и грешникам и праведникам, желающим получить спасение, потому что самое состояние совершенства не имеет такого предела, на котором бы не требовалось исполнения вышеупомянутых добродетелей. Начинающих они вводят в благочестие, средних – в преуспеяние, совершенных утверждают в совершенстве. Добродетели эти не могут удовлетворительно быть исполнены ни от долговременного упражнения в них, ни от сознания своей праведности»[654].

«Уничижаяй малая по мале упадет» (Сир. 19:1). Не скажи: как может пасть духовный? Пребывая таким, он не падает. Когда же примет в себя что-нибудь малое из области греха и не извергнет этого малого из себя покаянием, то оно, укоснев в нем и развившись, уже не терпит пребывать в одиночестве, но влечет и к иному, сродному себе, насильно, как бы цепью, которая образовалась от продолжительного благоприятства первоначальному виду греха, принятому

---

[652] Там же.

[653] Там же.

[654] Там же.

произвольно. Если духовный вступит в борьбу с явившимся злом и отразит его молитвою, то останется в своей вере преуспеяния, утратив, однако, отчасти бесстрастие в такой степени, в какой попущено было пристрастие ко вкравшемуся злу. Если же духовный будет окончательно низвлечен возрастающим насилием возобладавшего им послабления, отвергши труд борьбы и молитвы, то по необходимости подвергнется обольщению и от других страстей. Таким образом, будучи передаваем одною страстью другой и каждою из них мало-помалу увлекаем, лишается Божественной благодати, увлекается уже тогда и в большее зло, даже в противность своему произволению, от насилия видов греха, возобладавших им прежде».

«Непременно возразишь мне на это: неужели духовный не мог, в то время как зло начинало действовать в нем, умолить Бога, чтоб не впасть в столь бедственные последствия? И я говорю, что мог. Но, пренебрегши малым, он произвольно принял его как ничтожное, не позаботясь помолиться о нем и не ведая, что это малое служит причиною большего, вводит в большее, как в добре, так и во зле. Когда же страсть возрастет и, впущенная произвольно, возгнездится в нем, тогда уже и против воли его начинает действовать против него упорно. Уразумев сущность дела, должно прибегать молитвою к Богу, противостоять и сопротивляться врагу, которого прежде защищали, препираясь с человеками. Случается даже и то, что мы, будучи уже услышаны Господом, не полу-

чаем помощи ощутительно для нас, потому что она приходит не по тому образу, который предполагается для нее человеком, но так, как устраивает Бог, нам на пользу. Ведая удобопоползновенность нашу ко греху и наклонность пренебрегать грехами, Он помогает нам много скорбями, чтоб мы, избавившись бесскорбно, снова не стали увлекаться и впадать опрометчиво в те же согрешения. Основываясь на этом, мы утверждаем, что необходимо терпеть постигающее нас, что пребывание в покаянии есть состояние, вполне соответствующее нам»[655].

«Мы все – потомки Адама; все родимся во грехе его и по этой причине все определением Божиим осуждены на вечную смерть, не имеем возможности спастись без Христа. Все, и самые праведнейшие между человеками, избавляются от вечной смерти единственно чрез посредство Христа, распявшегося за всех и искупившего всех кровью Своею. По этой причине и Сам Искупитель предлагает для всех одно делание, объемлющее в себе все прочие делания, и повелевает апостолам говорить всем одно: *«покайтеся, приближися бо Царствие Небесное»* (Мф. 4:17, 10:7). Вместе с этим Спаситель преподал многие частные заповеди, от исполнения которых достигается совершенство в покаянии, и исполнение это завещал до самой смерти, сказав: *«иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, в живот вечный сохранит ю»* (Мк. 8:35; Ин. 12:25). И опять, повелевая отречься от

[655] Там же.

всего, присовокупляет: *«еще же и своея души»* (Лк. 14:26). Запечатлевая великое значение заповедей, он говорит: *«иже аще разорит едину заповедей сих малых, мний наречется в Царствии Небесном»* (Мф. 5:19). Если Христос, как здесь объяснено, назначил пребывать в покаянии до смерти, следовательно, тот, кто утверждает, что покаяние может быть окончательно исполнено прежде смерти, отвергает заповедь, отрицаясь от погубления души до смерти, является он преступником всех Христовых заповедей. Нет конца покаянию до самой смерти и для малых, и для великих! Никто не возмог на самом деле достичь совершенства в покаянии, такого совершенства, которое не нуждалось бы в приложении или не было уже способно к нему! И потому мы, если и не удостоимся выполнить его как должно, то по произволению будем упражняться в нем, чтоб не причислиться к отвергающим заповедь намеренно, чтоб не подвергнуться за это осуждению. Рассмотри от начала мира жизнь всех, совершивших благополучно странствование земное, и найдешь, что таинство благочестия во всех благоугодивших Богу совершилось чрез покаяние. Был ли кто осужден? Осужден он за пренебрежение покаянием. Был ли кто оправдан? Оправдан он, потому что прилепился к покаянию»[656].

«Самое естество научает нас пребывать в покаянии до смерти. Ум не может быть праздным. Если б ум был и весьма значителен по объему и силе, природным и приобретен-

[656] Там же.

ным, то он, находясь в состоянии здравия, действует в области добра; если же, возуповав на свое превосходство, оставит упражнение в добре, то по необходимости уклоняется в область зла; и опять, удаляясь от злого, естественно привлекается к деятельности благой и правильной. Такая деятельность для новоначальных, средних и совершенных заключается в молитве, в очищении помыслов и в терпении попускаемых скорбей, без чего невозможно совершать и прочих добродетелей, соделывающих покаяние благоприятным» [657].

«Если покаяние есть прошение милости, то упражняющемуся в покаянии должно озаботиться о том, чтоб не услышать: *«се сыти есте»* (1Кор. 4:8), должно продолжать неотступное прошение как неимеющему достаточно, потому что *«всяк просяй приемлет»* (Мф. 7:8).

«Если будет помилован только тот, кто сам милует, то, как думаю, покаянием держится весь мир, человеки содействуют друг другу в покаянии по устроению Божия Промысла» [658].

«Если мы будем подвизаться в покаянии до самой смерти, и тогда не исполним должное, потому что и тогда не принесем ничего равноценного Царству Небесному» [659].

«Как естественно нам есть, пить, говорить, слышать, так естественно и каяться» [660].

---

[657] Там же.

[658] Там же.

[659] Там же.

[660] Там же.

«Умерщвляется, по определению закона, однажды заслуживший смерть, если же кто продолжает жить, тот уже живет по вере, ради покаяния, если бы и не за свои грехи, то за грех прародительский, общий всему человечеству»[661].

«Мы очистились крещением; очистившись, получили заповеди. Нарушающий заповеди оскверняет крещение, *«забвение прием очищения древних своих грехов»* (2Пет. 1:9), которыми не бывает скуден никто, подвергаясь ежедневно согрешениям невольно, хотя бы и стремился к исполнению всех заповедей»[662].

«Покаяние нужно всем: оно показывает нам грехи наши, соделанные прежде произвольно, а ныне, когда мы возненавидели страсти и начали удаляться от них, – служащие причиною согрешений невольных»[663].

«Признающий свое покаяние окончательно исполненным зрит вспять, в нем обновляются впечатления от прежних согрешений» (Лк. 9:62).

«Истинно разумный разумеет и то, что он нуждается в покаянии: разум истины даруется покаянием, и покаяние – разумом истины»[664].

«Христос поручился за нас на условии покаяния: отвер-

---

[661] Там же.

[662] Там же.

[663] Там же.

[664] Там же.

гающий покаяние отвергает Спасителя»[665].

«Добрыми делами естества без покаяния мы не можем совершить ничего заслуживающего помилование от Бога; Господь дарует нам великое помилование за расположение души, настроенной покаянием. Принуждающий себя и пребывающий до кончины своей в настроении, доставляемом покаянием, спасется за понуждение себя и за покаяние, хотя бы и подвергся некоторым согрешениям: обетовано это Господом в Евангелиях»[666].

«Провозглашающий о себе, что он не нуждается в покаянии, этим объявляет себя праведником, а Писание именует его порождением ехидны. (Мф. 3:7; Лк. 3:7). Признающий себя совершившим покаяние по причине мнения о своей праведности сочетавается, не ведая того, со сластями страстей, потому что мнение и кичливость принадлежат к таким сластям»[667].

«Зараженный самомнением не возможет спастись:

«презорливый же и обидливый муж и величавый ничесоже скончает» (Авв. 2:5), говорит Писание»[668].

«Если смиренномудрие не приносит никакого вреда совершенному, то и совершенный да не оставляет начальную

---

[665] Там же.

[666] Там же.

[667] Там же.

[668] Там же.

причину смиренномудрия – покаяние»[669].

«Насытившийся покаянием не может смиренномудрствовать»[670].

«Если б мы тщательно заботились о смиренномудрии, то не нуждались бы в наказаниях. Все, злое и лютое, постигающее нас, постигает за превозношение. Попущено было ангелу сатаны мучить (2Кор. 12:7) апостола, чтоб апостол не превознесся; тем более нам, увлекающимся превозношением, попустится сатана. Он будет попирать нас, доколе мы не смиримся»[671].

«Побеседуем несколько о бессловесной страсти гнева. Она опустошает, смущает и помрачает всякую душу; она во время движения и действия своего соделывает человека – особливо удобопоползновенного и быстропреклонного к ней – подобным зверю. Страсть эта преимущественно утверждается, укрепляется, пребывает несокрушимою дотоле, доколе диавольское древо огорчения и раздражительности, гнева и ярости напаяется злою водою гордости, дотоле оно возрастает сильно, цветет обильно, приносит множество плодов – преступлений закона Божия. Таким образом, здание, воздвигнутое в душе лукавыми духами, пребывает в неприкосновенной, несчастной целости, утверждаясь и укрепляясь на основании своем – на гордости. Если хочешь, чтоб грехов-

---

[669] Там же.

[670] Там же.

[671] Преподобного Марка Подвижника Слово 7 О пощении и смирении.

ное древо, страсть огорчения и раздражительности, гнева и ярости посохло в тебе и сделалось бесплодным, чтоб секира Духа, приблизившись, срубила его, ввергла в огонь, по определению Евангелия, и истребила со всякою злобою; если хочешь, чтоб дом беззакония, непрестанно и злонамеренно созидаемый диаволом, который, собирая, как камни, различные предлоги и благословные и суетные, или на самом деле, или в помыслах, сооружает здание злобы в душе; если хочешь, говорю, чтоб этот дом был разрушен и разметан, то имей незабвенным в сердце твоем смирение Господа. Рассуждай: кто Господь и чем соделался Он ради нас? С какой высоты Божественного света, откровенного горним существам соответственно их зрительной силе, славимого на небе всеми разумными созданиями: ангелами, архангелами, престолами, господствиями, началами, властями, херувимами, серафимами и не именуемыми Писанием умными силами, которых имена не достигли до нас, по пророчению апостола, в какую глубину человеческого смирения Он низошел по неизреченной благости Своей и по всему уподобился нам, седящим во тьме и сени смертней, соделавшимся пленниками при посредстве преступления Адамова, находящимся в насильственной власти демонов, которые действуют в нас страстями нашими. Когда мы находились в этом лютом порабощении, в области невидимой и горькой смерти, не устыдился такого положения нашего Владыка всей твари видимой и невидимой: Он смирил Себя и воспринял человека

из страстей бесчестия и из состояния отвержения, куда низвергнут был человек, осужденный определением Божиим. Владыка соделался подобным нам по всему, кроме греха, то есть за исключением страстей бесчестия. Наведенные казни определением Божиим на человека в наказание за преступление заповеди и за впадение в грех, то есть телесную смерть, труды, голод, жажду, все это Он восприял, соделавшись тем, что – мы, чтоб мы соделались тем, что – Он. *«Слово плоть бысть»* (Ин. 1:14), чтоб плоть соделалась Словом; *«Богатый обнища нас ради, да мы нищетою Его обогатимся»* (2Кор. 8:9), – по великому человеколюбию уподобился нам, чтоб мы уподобились Ему всеми добродетелями. Точно! С того времени, как пришел Христос, человек изменяется в нового человека, будучи обновляем благодатью и силою Духа, достигая в меру совершенной любви, изгоняющей страх и уже не подвергающейся падению. *«Любы николиже отпадает»* (1Кор. 13:8): потому что *«Бог*, – говорит Иоанн, – *любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает»* (1 Ин. 4:16). Этой меры сподобились апостолы и все те, которые, подобно им, обучились добродетели основательно и правильно, представили себя Господу совершенными, последовавши Христу в течение всей жизни своей желанием совершенным. Постоянно созерцай, не побеждаясь забвением, смирение, которое Господь восприял на Себя по любви к нам, по неизреченному человеколюбию. Созерцай вселение Бога Слова в ложесна Девы, принятие им человечества, рождение от жены, по-

степенность телесного возрастания, бесчестия, досады, поношения, поругания, укорения, биения, оплевания, насмеяния, наругания, червленную хламиду, терновый венец, приговор на Него правителей, вопли против Него беззаконных иудеев, Ему единоплеменных – *«возми, возми, распни Его»* (Ин. 19:15) – крест, гвозди, копье, напоение оцтом и желчью, наругания над Ним язычников, насмешки тех, которые, проходя мимо Его распятого, говорили Ему: *«аще Сын еси Божий, сниди со креста, и веруем в Тя»* (Мф. 27:40, 42). Созерцай и прочие страдания, которые Господь претерпел ради нас: распятие, смерть, тридневное погребение во гробе, сошествие во ад. Какие же были за тем плоды страданий? Воскресение из мертвых, пленение ада и смерти, вознесение на небеса душ, исшедших оттуда с Господом, сидение одесную Отца (Мк. 16:19) *«превыше всякого начала и власти и всякого именуемого имени»* (Еф. 1:21), честь, слава, поклонение всех ангелов Первенцу из мертвых по причине понесенных Им страданий, как и апостол говорит: *«Сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, иже во образе Божий сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба прим, в подобии человеческом быв, и образом обретеся якоже человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя. Темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякого имене: да о имени Иисусове всяко колено поклонится, небесных, земных и преисподних: и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос во славу*

Бога Отца» (Флп. 2:5–11). Вот в какую славу и высоту, по суду правды Божией, вышеисчисленные страдания возвели Господня человека! И потому, если с любовью и усердием будешь памятовать о них незабвенно в сердце твоем, страсть огорчения и раздражительности, гнева и ярости не будет обладать тобою. Когда самое основание этой страсти – гордость – будет выворочено кверху рассматриванием смирения Христова, тогда и все здание беззакония, ярости, гнева и печали разрушится удобно и само собою. Какое жестокое и каменное сердце не смягчится, не увидится, не смирится, если уму будет постоянно соприсутствовать памятование о смирении Единородного Сына Божия, о претерпенных Им страданиях? Не представит ли оно себя, по Писанию, произвольно в попрание всем человекам, как попираются ими земля и пепел? Когда душа, взирая на смирение Христово, будет смиряться и сокрушаться, какая ярость, какой гнев возмогут возобладать ею? Какая печаль возможет одолеть ее?»[672]

«Подобает научиться духовному закону, возложить на себя подвиги[673] о благочестии и постигающие скорби переносить с терпением, как свои. Без этого никто не может сделаться истинно премудрым. На вопрос, какие бы то были подвиги о благочестии, преподобный Марк отвечал: это заповеди Христовы, из которых первая и величайшая – любовь. Она *«не мыслит зла, вся любит, всему веру емлет, вся упо-*

[672] Слово к монаху Николаю.

[673] Иначе – труды.

вает, вся терпит» (1Кор. 13:5–7), по слову Писания. Поступая так, она не судит тех, которые представляются обижающими ее. Любовью мы различаемся один от другого и все недостаточествуем по отношению к ней, ожидая восполнения этому недостатку от благодати Христовой, если мы ее вознерадим о возделывании любви по нашим силам. Бог знает и сколько мы не можем сделать по немощи, и сколько не совершаем дел любви по нерадению. Любовь укрепляется не от одних произвольных трудов, но и от случающихся скорбей, и потому мы нуждаемся, чтоб Бог ниспослал нам много терпения и кротости. По отношению к этому говорит апостол: *«хотяй быти мудр в веце сем, буй да бывает, яко да премудр будет»* (1Кор. 3:18). Мудрые по букве признают согрешающими одних обижающих, а премудрые по Духу Божию, будучи и обижаемы, порицают себе, когда не переносят обид терпеливо, с благим произволением, с радостию. Порицают они себя не только за это, но и по той причине, что признают скорби возникшими из данного ими некогда повода, из какого-либо прежнего согрешения, хотя согрешения бывают легче и тяжелее одно другого. Кто мстит за себя, тот как бы обвиняет Бога в бессудии, а кто претерпевает нашедшую скорбь как свойственную себе, тот терпением приносит исповедание в прежде соделанных согрешениях, за которые и подвергается страданию от наведенной напасти».

«Имеются три вида благочестия: первый состоит в том, чтобы не согрешать; второй – в том, чтоб, согрешивши, тер-

пеливо переносить приключающиеся скорби; третий – в том, чтоб плакать о недостатке терпения, если не переносим скорби с должным терпением. Если мы здесь не совершим примирения с Богом, установленными от Него средствами, то это по необходимости навлекает на нас подсудимость на будущем суде: разве только Бог, увидев, что мы смирились и плачем, изгладит, как Сам ведает, грехи наши всесильною благодатью Своею. Если же мы не только не смиримся и не восплачем о нерадении в исполнении вышеупомянутых видов благочестия, но и еще будем защищать себя словами мирской премудрости (учености) и ею превозноситься над благоговейными, то как будем помилованы, действуя противоположно условиям помилования?»

Когда преподобный беседовал так, один из учеников его, уповавший на воздержание свое и по этой причине пребывавший вне познания истины, покушавшийся претерпевать все скорбное, но неправильно, думая о себе, что страдает как мученик, возразил старцу: «Где говорит Писание, что по вине каждого и по праведному суду Божию находят бедствия на человеков?»

Старец отвечал: «Возлюбленный! Найдешь это во многих местах Писания, как в Ветхом, так и в Новом Завете. Впрочем, и мы укажем тебе некоторые из таких мест, если желаешь того. Уразумев истину, отвергни высокомудрие; мало этого, отвергни зломудрие и приобрети смирение, заимствовав его от Бога, Который сказал: *«возмите иго Мое на себе*

и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцам, и обрящете покой душам вашим» (Мф. 11:29).

Ученик остановил преподобного на этом слове и сказал ему: «Если каждый из нас подражает смирению Христову тем, что признает постигающие его скорби должным себе воздаянием, как сказано тобою, то из этого очевидно явствует, что и Христос, пострадав, исполнил долг свой. Но я считаю такое мнение богохульством». Авва отвечал: «Скажи мне, возлюбленный, берущие в заем деньги при поруке поручителей, одни ли должники? или одинаково с ними должники и поручившиеся за них?» Ученик: «Очевидно, что и поручившиеся». На это Старец: «Будь же убежден со всею достоверностью, что Христос, восприняв нас, соделал Себя должником, как и Божественное Писание свидетельствует о Нем: *«Агнец Божий, вземляй грехи мира»* (Ин. 1:29), *«быв по нас клятва»* (Гал. 3:13). Он восприял смерть за всех нас; Он умер за всех нас: тебя ли одного не восприял Он? объясни это искренно». – Ученик, припав к ногам Старца, сказал: «Я согрешил, как младенец, сказав в неведении сказанное мною, но отнюдь не отрекаюсь Избавителя и Восприемника всех верующих в Него. Знаю, что, кроме Него, нет иной надежды человекам на спасение, как говорит апостол: *«вси согрешиша и лишени суть славы Божия, оправдаеми туне благодатию Его»* (Рим. 3:23–24). – Братия, присутствовавшие тут, получили пользу, увидев, что брат познал истину и покаялся. Старец продолжал: «Теперь остается нам показать

из Писания, что из случающегося с каждым из нас печального ничто не случается несправедливо, все по праведному суду Божию. Иные страдают за свое зло, а иные за ближних: «в недра входят вся неправедным: от Господа же вся праведная» (Притч. 16:33). По этой причине сказано: *«или будет зло во граде, еже Господь не сотвори?»* (Ам. 3:6). И еще: *«вся дела Господня с правдою»* (Притч. 16:9). И: *«еже сеет кождо, сие и пожнет»* (Гал. 6:7). И: *«аще неправда наша Божию правду составляет, что речем? еда ли не праведен Бог, наводяй гнев? да не будет»* (Рим. 3:5–6). И три отрока, ввергнутые в разженную печь, учат нас этому образу мыслей, сказав, что они ввергнуты по своей вине и по Божию повелению, хотя они восприняли лице согрешивших соотечественников, будучи сами невинны (Дан. 3:28–31). И святый Давид, оскорбляемый Семеем, исповедует, что подвергается оскорблениям по повелению Божию и за свою вину (2 Цар. 16:11). И Исаия, и Иеремия, и Иезекииль, и Даниил, и другие пророки предвещали народу израильскому и народам языческим, что их постигнут скорби соответственно грехам, совершенным каждым народом. Пророки объявляли вместе и вины, и наведения за эти вины: за это именно, предрекали пророки, за то, что провозглашалось в среде народа то и то, делалось то и то, и постигнет их то и то. Объясняя это же, блаженный Давид говорит в псалмах своих: *«разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя, и воистину смирил мя еси»* (Пс. 118:75). И еще: *«поношение безумному дал мя*

еси. Онемех и не отверзох уст моих, яко ты сотворил еси» (Пс. 38:9–10). Эти слова Давида и мы должны произносить к Богу, когда подвергнемся укоризнам от кого-либо, и благодарить Бога за то, что Он послал обличителя сокровенных в нас лукавых мыслей, послал с тою целию, чтоб мы, рассмотрев мысли наши с достоверностью, исправили себя. Большей части наших греховных недугов мы не знаем! потому что только мужу совершенному свойственно содержать в памяти свои недостатки. Если и явные нарушения закона духовного неудобопонятны, тем неудобопонятней нарушения его, совершаемые в области мыслей. Но мы, не ведая большей части греховности нашей, смущаемся от наведений. Поймем же, как благоразумные, что Господь наводит искушения для пользы нашей и посредством их делает нам много добра: во-первых, посредством их открываем присутствие в себе злых мыслей, сокровенно обладающих нами; по открытии их подается нам истинное, непритворное смиренномудрие; потом избавление от суетного возношения и обнаружение разнообразной злобы, таившейся внутри нас, как говорит Писание: *«проникоша вси делающее беззаконие, яко да потребятся в век века»* (Пс. 91:8). Братия! Наверно знайте следующее: если не будем переносить наведений с терпением, верою и благодарением, то никогда не возможем открыть злобу, сокровенную внутри нас. Если же не откроем ее, то не возможем ни отразить и прочих злых помыслов, борющих нас, ни взыскать очищения от впечатлений, произведенных прежде

соделанными грехами, ниже получить твердой уверенности относительно будущего».

«Наводимые скорби и обличения не уподобляются по наружности винам, но в духовном значении отношения одних к другим сохраняют точную правду. Это можно увидеть и из Священного Писания: задавленные упавшею на них башнею Силоамскою не обрушали башни на других: пленники, отведенные на семьдесят лет в Вавилон для покаяния, не брали в плен других для покаяния. Средства наказания не имеют неуклонного сходства с винами: так, воины, уличенные в проступках, подвергаются побоям, но не тому самому злу, которое сделали. Подобно этому, и все мы наказуемся постигающими нас скорбями и благовременно и правильно к покаянию, но не тождественно, то есть не в то самое время, когда согрешаем, и не тем злом, в котором виновны. Это-то и приводит некоторых к неверию правде Божией, то есть отсрочка наказания и несходство наказаний с винами».

Вопрос: «Скорби, наводимые на нас, очень разнообразны. Одни из них истекают от человеков оклеветывающих, злоречащих, ласкательствующих, вводящих в заблуждение, обольщающих, скрадывающих, обижающих, соблазняющих, враждующих, презирающих, ненавидящих, притесняющих, биющих, подвергающих гонению, словом, делающих то зло, которое человеки могут делать человекам. Другие скорби возникают от собственного тела, когда оно бесчинствует, противоборствует духу, ищет неги, впадает в различные

недуги и болезни, подвергается падениям, ушибам и прочим разнообразным последствиям немощи своей. Опять иные скорби приходят извне таковы: угрызения псов, ядовитых и плотоядных зверей, также заразительные поветрия, голод, землетрясения, наводнения, морозы, зной, старость, убожество, заточение и тому подобное. Наносятся скорби злыми духами, с которыми мы находимся в войне, по словам апостола; они наблюдают за нашими словами и делами, а по ним заключают о помыслах, которые, естественно, должны быть подобны словам и делам. Справедливо умозаключение демонов! Если наш самовластный ум не будет по причине неверия беседовать с искусительными вражескими приражениями; если он не оставит подобающую ему совершенную надежду на Бога и не начнет плодить помыслов, то не может последовать ни слов, ни дел. Но ты сказал, что всякого рода бедствия постигают падшего соразмерно вине его, привлекая нас в познание правды Божией; покажи же нам и причины скорбей, чтоб мы, таким образом, поверили тому, что мы именно виновны в наводимых нам скорбях и должны терпеливо переносить нападающие на нас скорби. Опасаемся подвергнуться тяжкой муке по определению ожидающего нас загробного суда не только как грешники, но и как отвергшие врачевание».

Ответ: «Причина всякого скорбного случая – помыслы каждого. Я мог бы указать как на причину, на слова и дела, но они не рождаются прежде помыслов, а потому помыслам

приписываю все. Предшествует помысл, потом чрез слова и дела образуется общение человека с человеком. Имеются два образа общения: один из злобы, а другой от любви. При посредстве общения мы воспринимаем друг друга, не понимая даже этого; восприятия же не последуют по необходимости скорби, как и Писание говорит: *поручаяйся за друга, врагу предает свою руку* (Притч. 6:1). Каждый терпит скорби, постигающие его, не только из-за себя, но и из-за ближнего, – в том, в чем воспринял ближнего на себя.

«Восприятие от злобы есть непроизвольное. Оно совершается так: отнимающий что-нибудь у ближнего принимает на себя искушение этого ближнего, хотя и не хочет; так же злословящий – злословимого, лихоимствующий – лихоимствуемого, насилующий – насилуемого, оговаривающий – оговариваемого, презирающий – презираемого. Чтоб не перечислять каждого действия отдельно – всякий обидящий восприемет искушения обидимого, соразмерно обид. Об этом свидетельствует Божественное Писание. *«Праведный*, – говорит оно, – *от лова убегнет: в негоже место предается нечестивый»* (Притч. 11:8). И еще: *«изрываяй яму искреннему своему, впадется в ню: и валяяй камень, на себе валит»* (Притч. 26:27). И: «*в недра входят вся неправедным, от Господа же вся праведная»* (Притч. 16:33). *«Если же неправда наша*, – как сказал апостол, – *Божию правду составляет в отношениях наших одно к другому: то что речем? Еда ли неправеден Бог, наносяй гнев»* (Рим. 3:5), не

только на вразумляемых скорбями, но и на восстающих против скорбей безрассудно и свирепо?»

«Восприятие ближнего на себя предано нам Господом Иисусом. Он совершил это восприятие, исцелив, во-первых, наши душевные немощи, потом *«целя всяк недуг и всяку болезнь»* (Мф. 9:35), *«вземля грех мира»* (Ин. 1:29), возустрояя естество чистое в верующих Ему искренно, избавляя их от смерти, предав истинное Богопочитание, научая благочестию, наставляя словом и примером, что ради любви мы должны переносить страдания даже до смерти, сверх этого соделав нас причастниками Духа и посредством Его даровав терпение и те блага, *«ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша»* (1Кор. 2:9). Он восприемлет искушения за нас: поношения, поругания, узы, предательство, биение по ланитам, напоение уксусом и желчию, пригвождение гвоздями, распятие, прободение копием. Таким образом, приобщившись нам плотью и духом и восприяв на Себя страдания за нас, Он предал такое восприятие в закон святым апостолам и ученикам Своим, а прежде их пророкам, праотцам, патриархам, научив вторых Святым Духом, а первых Своим всесвятым вочеловечением. Являя это восприятие, Он говорил: «не бойтеся, Аз победих мир» (Ин. 16:33). Также: «*Аз за них свящу Себе, да и тии будут священи во истину»* (Ин. 17:19). И еще: *«больши сея любве никто же имать, да кто душу свою положит за други своя»* (Ин. 15:13). На этом основании святой Павел, подражая Гос-

поду, говорил о себе: *«ныне радуюся в страданиях моих о вас, яко исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей за тело Его, еже есть Церковь»* (Кол. 1:24). В этих словах апостол изобразил прикровенно восприятие от любви. Хочешь ли ясней познать, как все апостолы приобщились нам и мыслию, и словом, и делом и по причине такого общения восприяли искушение за нас? Мыслию вступили они в общение с нами, предлагая нам Писания, объясняя таинственное значение пророчеств, увещевая уверовать Христу как Спасителю, служить Ему как Сыну Божию по естеству, доказывая проповедь поразительными знамениями, молясь за нас, проливая слезы, делая все, что должно делать озаренным истиною в мысли. Вступили они в общение словами, умоляя нас, угрожая нам, уча, обличая, показывая срам маловерия нашего и невежества, объясняя Писание о значении времен, исповедуя Христа, проповедуя, что Он был распят за нас, что Он – вочеловечившееся Слово, что вочеловечившееся Слово – единая личность, а не две личности, хотя и исповедуется в двух естествах, соединенных нераздельно и неслитно, останавливая зловерие и преграждая ему путь во всяком времени, месте и деле, не соглашаясь с ложью, удаляясь от хвалящихся по плоти, с тщеславными не пребывая, кичливых не боясь, уничижая лицемеров, приемля смиренных, усвояя благоговейных, научая нас такому же поведению. Приобщились они нам делами, подвергаясь гонениям, поношениям, лишениям, оскорблениям, злодеяни-

ям, заключению в темницу, насильственной смерти и прочим страданиям за нас. Вступив в то же общение с нами, они при посредстве его восприяли и искушения ваши. *«Аще скорбим*, – говорят они, – *о вашем спасении; аще ли утешаемся о вашем утешении»* (2Кор. 1:6, 7), приняв этот закон любви от Господа, Который сказал: *«больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя»* (Ин. 15:13). Такое поведение они предали и нам. *«Если Господь положил душу Свою за нас,* – говорят они, – *то и мы должны есмы души наша по братии полагати»* (1Ин. 3:16). Также: *«друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов»* (Гал. 6:2). Познав, что имеются два образа общения человеков между собою, что за ними последует двоякое восприятие, одно невольное, а другое по любви, не будем любопытствовать при встречающихся с нами искушениях, подвергая подробному исследованию качество восприятия, как, когда, чрез кого пришло искушение: одному Богу свойственно знать соответственность каждого из них с виною, определение на них своего времени, направление всей твари к содействию попускаемому искушению. Наша единственная обязанность веровать правде Божией и знать, что все постигающее нас скорбное, против воли нашей, постигает или по любви, или за греховность, что по этой причине мы обязаны переносить искушения с терпением, не отражая их противодействием им, чтоб не приложить этим нового греха к грехам нашим. Прежде всего прошу вас, братия, быть

очень внимательными к сказанному, чтоб и мы, подвергшись искушению за слова наши, не подверглись ему бесплодно и чтоб вам не предать забвению сказанного, приняв сказанное без должного усердия. Забвение – дщерь сердечной хладности (уныние); мать обоих – неверие».

«На это отвечали братия: успокойся, отец, относительно произнесенного тобою поучения. Убежденные свидетельствами Писания, мы выслушали с верою поведание о том, что без праведного суда Божия никакая невольная скорбь не прикасается к человекам, хотя мы, по ограниченности нашей, и не постигаем как таинственного стечения обстоятельств, так и времени, в которое назначается попущение искушения»[674].

«Услышь, душа, словесная сообщница моя в жизни! – такое наставление душе влагает преподобный Марк в уста ума ее, – намереваюсь поведать тебе тайну, которая относится и ко мне, и к тебе. Тайну эту я постиг не потому, чтоб очистился от страстей, но потому, что успокоился немного по Божией благодати от действия их. Достоверно узнал я, о душа, что, как я, так и ты, подвергшись действию противоестественному, вовлекаемые неведением в заблуждение, обвиняем других в согрешениях наших, представляя себе ложно, что злоба находится вне нас. По причине такого ошибочного воззрения мы обвиняем иногда Адама, иногда сатану, иногда человеков, с которыми поставлены в сношение. Вследствие этого

[674] Слово 6. Прение с ученым.

вступаем в многообразное ратоборство и, полагая ратовать против иных, ратуем против самих себя; полагая защищать друг друга, нападаем друг на друга; полагая благодетельствовать себе, терзаем себя подобно беснующимся; несем труды, подвергаемся поношениям, которые справедливо делаются для нас бесполезными, будучи последствиями неправильного настроения. Заповеди мы думаем любить, но начала, на которых основано исполнение их, возненавидели по причине нашего самообольщения. Ныне я узнал наверно, что никакая власть не влечет нас неправедно ни ко благу, ни ко злу, что со времени крещения и Бог и диавол поощряют нас в усвоение себе праведно, сообразно тому, какое направление приняло жительство наше по крещении и кому поработили себя произвольно».

«Имеются два вида приражения, которыми мир обманывает нас, если мы не усмотрим их благовременно: похвала от человеков и отрада тела. Когда они приражаются без предварившего произволения нашего, тогда они не принадлежат ни к злобе, ни к добродетели – служат только обличением для нашей воли, куда она склонится. Господу благоугодно, чтоб мы терпели поношение и жительствовали в лишениях и подвиге; диавол же хочет противного этому. Если мы услаждаемся похвалою человеческою и отрадою тела, то из этого явствует, что мы, преслушая Господа, преклоняемся к духу сластолюбия. Если же не благоволим к похвале человеческой и к наслаждению телесному, то из этого явствует, что

мы преклоняемся к Богу, возлюбив тесный путь. Для того и допущено этим двум обольстительным приражениям действовать на человеков, чтоб любящие заповедь и сочувствующие ей вынаружили и доказали преклонение своей воли ко Христу, чтоб Христос, обретши вход в души их, научил умы их истине. Подобно этому, о противном понимай противное. Любящие человеческую славу и отраду тела дают вход диаволу, который этими средствами нашедши свойственный себе вход, уже свободно вводит зло и не престает умножать его на столько, на сколько услаждается влагаемыми им помышлениями. Поступает он так дотоле, доколе мы, опомнившись, не возненавидим от искренности сердца двух вышеупомянутых средств приражения. Но мы любим их! Мы не только предаем за них добродетель, но и их променяваем одно на другое, смотря по обстоятельствам: иногда подвергаем тело лишениям и подвигам с целью приобретения славы человеческой, а иногда подчиняем себя человеческому поношению, чтоб удовлетворить сластолюбие; иногда же, оставя всю заботу о них, устремляемся к снисканию тех видов миролюбия, которыми питаются и от которых усиливаются тщеславие и сластолюбие. Для них средством питания и усиления служит сребролюбие, «корень всем злым», по определению Божественного Писания» (1Тим. 6:10).

«Непременно возразишь ты мне, душа, что мы и не собираем золота, и не имеем стяжания. На это скажу тебе, что ни золото, ни имущество не вредны сами по себе – вредно

злоупотребление ими, вредно употребление их по пристрастию. Некоторые, бывши богатыми без страсти к богатству, благоугодили Богу: таков был святой Авраам, таковы были праведные Иов и Давид. Напротив того, некоторые из нас и без имения, вскормили в себе страсть любостяжания при посредстве ничтожных мелочей. Таким образом, мы сделались хуже обладавших большим имуществом: оставив жительство, которое должно во всех отношениях состоять в лишениях и подвиге, злохитро допускаем себе в разных случаях наслаждения, как бы думая действовать тайно от Бога; убегая сребролюбия, мы не убегаем сластолюбия; не копим золота, а собираем маловажные вещи; отказываемся от начальнических санов и власти, а славу и похвалу уловляем всеми средствами; оставили имущество – не оставили наслаждений, к доставлению которых имущество служит средством. Некоторые из нас оставляют и наслаждения, но в ложном разуме, не убегая вредных для душеспасения излишеств, но как бы гнушаясь добрых созданий Божиих и думая последовать словам Писания: «не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи» (Кол. 2:21).

«Душа! Когда услышишь о преступлении Адама и Евы, понимай его так: в начале подверглись ему собственно они: ныне же подвергаемся ему в духе мы, я и ты. *«Сия вся образи прилучахуся онем: писана же быша в научение наше, в нихже концы век достигоша»* (1Кор. 10:11). Рассмотри следующее! Возродились крещением и водворенные в раю Церкви, мы

преступили заповедь Возродившего нас, и каким образом? Господь повелел любить всех единоверных и, при посредстве терпения, вкушать плод, который они приносят нам, сказав: *«от всякаго древа, еже в раи, снедию снеси»* (Быт. 2:16). Но мы, последовав помыслам змея, возлюбили одних как добрых, возненавидели других как злых. В этом и заключается вкушение от Древа познания добра и зла (Быт. 2:9). Вкусив от него, мы умерщвляемся в духе не потому, чтоб смерть сотворена была Богом, но потому, что она является сама собою в человеке, возненавидевшем ближнего. *«Бог смерти не сотвори, ни веселится о погибели живых»*. (Прем. 1:11); Он не приводится к действиям страстию гнева, не вымышляет способов к наказанию за согрешения, не извиняется соответственно достоинству каждого, но *«вся премудростию сотворил»* (Пс. 103:24), предопределив, чтоб все было судимо по духовному закону. По этой причине Он не сказал Адаму и Еве: «в тот день, в который вы вкусите запрещенного плода, Я умерщвлю вас»; но, предостерегая и утверждая их, предъявил им закон правды, сказав: *«вонь же аще день снесте, смертию умрете»* (Быт. 2:17). Вообще Бог установил, чтоб каждому делу, и доброму и злому, последовало естественно надлежащее возмездие. Воздаяние не вымышляется при каждом случае, как думают некоторые не знающие закона духовного. Ведая его отчасти, мы должны быть убеждены в том, что, возненавидев кого-либо из единоверных как злого, и сами будем отвергнуты Богом, как злые; не приняв по-

каяния от ближнего, как от грешника, будем и сами отвергнуты, как грешники, не простив ближнему согрешений, ниже сами получим прощение. Объявляя этот закон, законодатель Христос говорил: *«не судите и не судят вам: не осуждайте, и неосудими будете, отпущайте, и отпустят вам»* (Лк. 6:37). Закон этот ведал святой Павел и сказал, не присовокупив никакой оговорки: *«судяй иного, себе осуждаеши»* (Рим. 2:1). Закон этот ведал пророк и возопил к Богу: *«Ты воздаси комуждо по делом его»* (Пс. 61:13). Другой пророк возвещает от лица Божия: *«Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь»* (Втор. 32:35; Рим. 12:19). Но зачем исчислять Писания, когда всем Божественным Писанием, и Ветхим, и Новым, в особенности же великим псалмопевцем излагается этот закон со всею ясностью, чтоб мы, познав его духовное значение и таинственный устав, страшились во всяком случае отступления от него и старались любить братию не только по наружности, но и в сердце? Этот закон – не закон Моисеев, судивший одно видимое: этот закон духовен; им обличается и тайное. И Моисеев закон дан Богом на известное, определение время, но он пополнен законом духовным, то есть благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Который сказал: *«не пришдох разорити закон, но исполнити»* (Мф. 5:17). На этом основании подобает во всяком деле, сказав однажды должное, не продолжать далее прекословия, но прощать тому, кого признаем обидевшим нас, какою бы ни была обида, справедливою или несправедливою. Да ведаем,

что возмездие за прощение обид больше возмездия за всякую другую добродетель. Так как мы не можем свободно поступать по предложенному направлению, чему служит причиною преобладание над нами греха, допущенное прежним образом жизни, то мы должны молить Бога, содействуя молитве бдениями и прочими подвигами и лишениями, чтоб получить от Бога милость и принять такую силу. О возлюбленная душа! Во всяком времени, месте и деле будем твердо держаться одной цели, чтоб нам, подвергаясь различным обидам от человеков, радоваться, а не скорбеть – радоваться не просто, не бессмысленно, радоваться на том основании, что обретаем благоприятный случай к получению прощения в наших согрешениях, прощая ближнему. В этом заключается разум истины. Он обильнее всякого иного ведения: из него можем умолять Бога, наверно зная, что будем услышаны; он – плод веры и доказательство веры во Христа: посредством его можем взять крест свой и последовать Христу; он – родитель первых и великих заповедей; при посредстве его можем любить Бога от всего сердца и ближнего, как самого себя; для снискания его мы должны возложить на себя пост, бдение и прочие подвиги и лишения, чтоб сердце и внутреннее расположение наше отверзлись, приняли его в себя и уже не извергали. Тогда за прощение ближнему согрешений его усмотрим в себе действие благодати, таинственно данной нам Святым Крещением; она будет действовать в нас уже не неприметно для нас, но со всею очевидностию, вполне ощу-

тительно».

«Противодействуют этой добродетели две страсти: тщеславие и сластолюбие. От них должно сперва отречься в духе своем, тогда приобретается эта добродетель. Душа! Произвольно предавши себя этим двум страстям, никого не обвиняй: ни Адама, ни сатану, ни человеков, но вступи в борьбу с волею твоею и не пренебреги этою борьбою. Она внутренняя и междоусобная. В ней боремся не с братиею нашею – боремся сами с собою. В ней Споборник у нас один, Споборник непобедимый, от Которого ничто не может укрыться – Христос, таинственно насажденный в нас крещением. Он укрепляет нас, если мы соблюдаем заповеди Его по силе нашей. Борются же против нас, как я уже сказал, расположение к наслаждению, которым заражено наше тело, и тщеславие, которое обладает и мною, и тобою. Эти две страсти прельстили Еву и обольстили Адама: сластолюбием представлено древо *«яко добро в снедь, и красно есть, еже разумети»* (Быт. 3:6); тщеславием же произнесено: *«будете яко бози, ведяще доброе и лукавое»* (Быт. 3:5). Первозданные Адам и Ева устыдились друг друга, увидев себя нагими; так и мы, утратив непорочность незлобия в духе, стыдимся друг друга в совести. Тогда сшиваем себе одежду из листьев смоковницы, облекаясь пустыми словами и образами лживого словооправдания. В противоположность мягкой одежде из листьев Господь устраивает нам суровую одежду из кож, знаменующую жительство подвижническое, и говорит: *«в тер-*

пении вашем стяжите души ваши» (Лк. 21:19). Он преподает наставление, соответственное данной одежде: *«обретый душу свою в злопомнении или в каком другом грехе, погубит ю, а иже погубит душу свою, не дозволяя ей ни злопомнения, никакого другого греха в живот вечный сохранит ю»* (Мф. 10:39).

Выписка из жития святого Андрея, Христа ради юродивого

Однажды святой Андрей ходил посреди народа на торговой площади, находящейся у башни, которую построил император, святой Константин Равноапостольный. Тут была и некоторая жена по имени Варвара. Она, по действию Духа Божия, пришла в исступление и видела, что блаженный Андрей ходит посреди многолюдства подобно огненному блистающему столпу. Одни толкали его пинками, другие били; многие, смотря на него, говорили: «Этот человек не принадлежит себе: он сошел с ума! Не желаем такого состояния и врагам нашим». За Андреем ходили бесы в образе черных эфиопов и говорили между собою: «Не дай Бог другого такого на земле: никто не изжег сердец наших так, как этот, притворившийся сумасшедшим по нежеланию служить господину своему: теперь он издевается над всем миром». Варвара видела, что эфиопы налагали знаки на тех, которые били святого, и говорили друг другу: «По крайней мере служит нам утешением то, что его бьют без милости: биющие угодника Божия, без всякой на то причины, будут осуждены за это в час кончины их, и нет им спасения». Блаженный, услышав это, устремился на них действом Духа Божия, как пламень, силою страшною рассыпал знаки, наложенные демонами, и грозно выговорил им: «Вы не имеете права налагать

знаков на тех, которые бьют меня, потому что я молюсь моему Владыке, чтоб не вменены были в грех наносимые мне побои тем, которые наносят их. Они поступают так в неведении и по причине их неведения получат прощение». Когда произнес это святой, отверзлось небо, как отверзаются врата, и вылетело оттуда к преподобному множество ласточек прекрасных: посреди них был белоснежный голубь, державший в клюве златой масличный лист. Он сказал святому человеческим голосом: «Прими этот лист, посланный тебе Господом Вседержителем из рая в знамение благодати Божией, за то, что ты милостив и человеколюбив, как милостив и человеколюбив Сам Господь. Он прославит тебя, возвеличит милость Свою над тобою, потому что и ты прощаешь и милуешь бьющих тебя, молясь об оставлении им этого греха». Сказав это, голубь сел на главе святого. Смотря на это, благочестивая жена удивлялась и, пришедши в себя по окончании видения, размышляла: «Сколько светильников имеет Бог на земле, и никто не знает их». Несколько раз покушалась Варвара пересказать другим виденное ею, но сила Божия возбраняла ей. После этого встретил ее в городе святой Андрей и сказал ей: «Варвара! Храни тайну мою и никому не поведай виденного тобою до того времени, как я *«пройду в место селения дивна, даже до дому Божия»* (Пс. 41:5). Она отвечала ему: «Светильник и угодник Божий! Случалось, что я намеревалась поведать, но мне возбраняла невидимая сила

Божия»[675].

[675] Житие святого Андрея, написанное иереем Никифором, также Четьи-Минеи октября во 2 день.

Выписка из Лествицы святого Иоанна Лествичника

«Вера, соединенная с твердым убеждением, – мать отречения от мира; неуклонная надежда – дверь к безпристрастию; любовь к Богу – причина странничества; воздержание – мать здравия; воздержания мать – размышление о смерти и постоянное памятование желчи и уксуса, которые вкусил наш Владыка и Бог; целомудрия помощник и причина – безмолвие; разжение плоти погашается постом; супостат лукавых и блудных помыслов – сокрушение сердца; прилежною молитвою уничтожается уныние, а от воспоминания о суде рождается усердие к подвигам»[676].

«Любление бесчестий исцеляет от ярости и раздражительности; песнопение, милосердие и нестяжение уничтожают печаль»[677].

«Молчание и безмолвие противодействуют тщеславию; если же находишься посреди человеков, то пройди путем бесчестий»[678].

«Наружную гордость исцеляет наружное скорбное положение, образуемое скудостью и лишениями; невидимую –

---

[676] Краткое возоглавление, главы 1, 2, 3, 5, 6, 8.

[677] Там же. Гл. 9.

[678] Там же. Гл. 11.

Невидимый»[679].

«Губитель чувственных змей – олень, мысленных – смирение»[680].

«Невозможно змею совлечь с себя старой чешуи иначе, как пролезши сквозь тесную скважину: и нам невозможно свергнуть с себя греховные навыки и впечатления, невозможно свергнуть ветхость души и одежду ветхого человека, если не пройдем по узкому пути поста и бесчестия»[681].

«Тучные птицы не могут летать высоко, и угождающий плоти своей не возлетит на небо»[682].

«Высохшее болото уже не приманивает к себе свиней – и плоть, иссушенная подвигами, уже не упокоивает в себе бесов»[683].

«Облаками закрывается солнце – лукавые помышления омрачают ум и служат для него причиною погибели»[684].

«Преступник, выслушавший приговор и идущий на казнь, не беседует о народных празднествах, так и плачущий истинно не будет угождать чреву»[685].

«Магниту невольно повинуется железо, подобно этому,

---

[679] Там же. Гл. 12.

[680] Там же. Гл. 13.

[681] Там же. Гл. 15.

[682] Там же. Гл. 16.

[683] Там же. Гл. 17.

[684] Там же. Гл. 23.

[685] Там же. Гл. 24.

греховные навыки и впечатления, обратившиеся в качество, уже насилуют заразившихся ими»[686].

«Вода, будучи сжата, подымается вверх: так часто случается и с душою. Она, будучи стеснена бедствиями, восходит к Богу и спасается»[687].

«Ветры возмущают бездну – и ярость больше всех страстей возмущает ум»[688].

«В те места, где сложено царское оружие, воры приходят с особенною осторожностию: так и мысленные воры употребляют особенную злохитрость, чтоб окрасть имеющего сердечную молитву»[689].

«Огонь не рождает снега – и ищущий славы земной не получит небесной»[690].

«Невозможно убить зверей без оружия; невозможно стяжать безгневия без смирения»[691].

«Восходящие по гнилой лестнице по необходимости подвергнутся бедствию: подобно этому честь, слава, власть вредны для смиренномудрия»[692].

---

[686] Там же. Гл. 26.

[687] Там же. Гл. 28.

[688] Там же. Гл. 30.

[689] Там же. Гл. 32.

[690] Там же. Гл. 33.

[691] Там же. Гл. 35.

[692] Там же. Гл. 41.

«Вода смывает буквы, и слеза очищает согрешения»[693].

«За неимением воды изглаждаются буквы и другими способами: так и души, не имеющие слез, изглаждают и выскабливают согрешения свои печалью, воздыханиями, великим сетованием»[694].

«Немощный по телу, подвергшийся тяжким согрешениям, да идет путем смирения и теми путями, которые ведут к смирению: другого средства к спасению он не найдет»[695].

«Нет причины для страждущего горячкою к самоубийству: так никому, ни в каком случае, даже до последнего издыхания, не должно отчаиваться»[696].

«Если б похоронивший отца своего, немедленно по возвращении с похорон, пошел на брак, то поступок его был бы бесчестным. Так и плачущим о грехах неприлично искать в этом веке чести, покоя и славы от человеков»[697].

«Того воина, которого лицо изъязвлено жестокими ранами на войне, царь не только не повелевает исключать из воинства, но и возбуждает значительными наградами к большей ревности: и небесный Царь венчает инока, терпящего от бесов многие напасти»[698].

---

[693] Там же. Гл. 43.

[694] Там же. Гл. 44.

[695] Там же. Гл. 52.

[696] Там же. Гл. 58.

[697] Там же. Гл. 59.

[698] Там же. Гл. 61.

«Увидев кого-либо из сподвижников наших, пораженного телесным недугом, не позволим себе объяснять недуг его судом лукавым и злобным; напротив того, примем его с простотою и любовию нелюбопытною, как свой член, как воина, раненного на войне, – позаботимся о уврачевании его»[699].

«Иногда посылается болезнь для очищения от согрешений, иногда же, чтоб смирить вознесшуюся мысль»[700].

«Благий и всеблагий Владыка и Господь наш, усмотрев, что некоторые ленивы к подвигу, обуздывает плоть их недугом как таким подвигом, который отрадней других, нередко вместе с этим очищает и душу от лукавых страстей и помыслов»[701].

«Немощные душою да познают благоволение Господа к ним из телесных болезней и из внешних напастей и искушении, а совершенные по наитию на них Святого Духа и по приложению новых дарований к дарованиям прежде полученным»[702].

«Покаяние – впрочем, покаяние тщательное – плач, очищенный от всякой скверны, и преподобное смирение новоначальных столько различаются друг от друга, сколько различаются между собою мука, тесто и печеный хлеб. Душа истончается и стирается истинным покаянием; соединяется

---

[699] Слово 26. О рассуждении. Гл. 53.

[700] Там же. Гл. 54.

[701] Там же. Гл. 55.

[702] Там же. Гл. 102.

она некоторым образом и, так сказать, смешивается с Богом водою плача неложного: от плача возжигается огнь Божественный, тогда хлеботворится и образуется смирение безквасное и чуждое дмения»[703].

«Первое и изящное свойство этой благой и досточудной троицы духовного подвига состоит в радостнейшем подъятии уничижений: душа принимает и объемлет их распростертыми руками как врачевства, которыми исцеляются недуги ее и очищаются грехи великие. Второе свойство, после изложенного, заключается в совершенном истреблении ярости и, по утолении ее, в правильном настроении души. Третья и превосходнейшая степень состоит в утвердившемся неверовании своему добру и в постоянном желании научаться»[704].

«В том, кто стяжал смирение, не проявляется ни ненависть, ни прекословие; не слышится из него вони непокорства»[705].

«Соединившийся теснейшим союзом с добродетелью смирения соделывается тихим, кротким, удобопреклонным к умилению, милосердым, спокойным, радостным, благопокорливым, беспечальным, бодрым, неленостным и – что много говорить – соделывается бесстрастным. Соделывается таким, потому что *«во смирении нашем помяну ны Гос-*

---

[703] Слово 25. О смирении, глава 7.

[704] Там же. Гл. 8.

[705] Там же. Гл. 10.

подь, избавил ны есть от врагов наших» (Пс. 135:23, 24)*, от страстей и скверн наших»*[706].

«Возлюбленный! Ведай, что «удолия умножат пшеницу» (Пс. 64:14) и духовный плод на почве своей. Долиною названа смиренная душа, чуждая возношения, пребывающая постоянно и непоколебимо, как бы среди гор, среди подвигов и добродетелей. «Не постился я, – говорит святой Давид, – не бдел, не лежал на голой земле; но *«смирихся, и спасе мя»* Господь вскоре» (Пс. 114:5).

«Покаяние восставляет; плач ударяет в небеса; преподобное смирение отверзает врата небесные»[707].

«Иное – превозноситься, иное – не превозноситься и иное – смиряться. Находясь в первом устроении, мы судим и осуждаем ближних в течение всего дня; находясь во втором – не судим и не осуждаем ни других, ни себя; в третьем, будучи оправданы Богом, осуждаем себя непрестанно»[708].

«Желая достигнуть самопознания, не престанем рассматривать и истязывать самих себя. Если от искренности сердца сознаем, что каждый ближний превосходнее нас, то близка к нам милость Божия»[709].

«Очень многие называют себя грешными, даже признают себя такими; но истинное понятие человека о себе, тайно жи-

---

[706] Там же. Гл. 11.

[707] Там же. Гл. 16.

[708] Там же. Гл. 19.

[709] Там же. Гл. 32.

вущее в сердце его, вынаруживается нечаянно нанесенным бесчестием»[710].

«Поспешающий в тихое, не страшащееся бурь пристанище смирения, не престанет прибегать к всевозможным средствам, к словам, к помышлениям, к различным действиям, избирая соответствующий образ жительства, принося многие молитвы и моления, доколе содействием Божиим и смиреннейшим, уничиженнейшим подвижничеством не освободит ладии – души своей – от бури, постоянно свирепствующей на море превозношения»[711].

«Некоторые удержали до конца жизни воспоминание о прежде содеянных согрешениях, уже получив прощение в них, приводя себя этим воспоминанием к смиренномудрию и заушая им суетное превозношение (Пс. 50:5). Иные, устремляя постоянно взоры ума к страданиям Христовым, признали себя должниками, никогда не могущими выплатить долга. Иные уничижают себя, усматривая в себе ежедневные упущения и недостатки. Иные ниспровергли превозношение по причине попущенных им искушений, болезней и падений. Иные усвоили себе мать духовных дарований молением о том, чтоб бремя духовных дарований не было возложено на них. Имеются и такие – имеются ли они ныне, не знаю, – которые нисходят в смирение при посредстве самых Божественных дарований, признавая себя недостойны-

[710] Там же. Гл. 34.

[711] Там же. Гл. 35.

ми этого богатства и смотря на умножение его как на умножение своего долга»[712].

«Если увидишь кого или услышишь о ком, что он в немногие годы достиг высшего бесстрастия, то знай, что он шествовал блаженным и кратким путем смирения, никаким иным»[713].

«Не нам, Господи, не нам, – говорит некто от искренности сердца, – *но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113:9). Говоривший это знал, что падшее естество человеческое не может принимать похвал безвредно для себя. *«От Тебе похвала моя в Церкви велицей»* (Пс. 21:26), в будущем веке: прежде этого времени я не могу переносить ее безбедственно»[714].

«Свойственно лимонному дереву, когда оно страждет бесплодием, высоко выгонять свои ветви кверху. Когда же ветви будут наклонены вниз соразмерною тяжестью, тогда дерево из бесплодного делается плодоносным»[715].

«Устрашаются птицы, лишь завидят ястреба, и делатели смирения устрашаются, услышав даже один голос прекословия»[716].

«Кротость есть неколеблющееся устроение духа, пребы-

---

[712] Святой Исаак Сирский. Слово 36.

[713] Там же. Гл. 36.

[714] Там же. Гл. 36.

[715] Там же. Гл. 48.

[716] Там же. Гл. 51.

вающее одинаковым и при похвалах и при поношениях»[717].

«Кротость состоит в том, чтоб при оскорблениях от ближнего не чувствовать оскорбления и чисто молиться о нем»[718].

«Кротость – утес, возвышающийся над морем ярости и разбивающий все волны, которые ударяют о него»[719].

«Кротость есть твердыня, в которой жительствует терпение, дверь к любви, правильнее же, матерь ее, начальная причина духовного рассуждения. *«Научит Господь кроткия путем Своим»* (Пс. 24:9). Она доставляет отпущение грехов и дерзновение в молитве. Она – вместилище Святого Духа. *«На кого возрю,* – говорит Господь, – *токмо на кроткого и молчаливого»* (Ис. 66:2).

«В сердцах кротких почиет Господь; душа возмущенная – обитель диавола»[720].

«Кротции наследят землю» (Мф. 5:5): они возобладают землею, сердцем; но предающиеся гневу уведутся в плен с земли их»[721].

«Кроткая душа – престол простоты, ум гневливый – делатель лукавства»[722].

«Душа правая – наперсница смирения; душа лукавая –

---

[717] Гл. 2. Слово 24. О кротости.

[718] Там же. Гл. 3.

[719] Там же. Гл. 4.

[720] Там же. Гл. 7.

[721] Там же. Гл. 8.

[722] Там же. Гл. 9.

служительница гордости»[723].

«Души кротких исполнятся познания истины; ум гневливый пребывает во тьме и неразумии»[724].

«Простота есть усвоившееся душе качество, чуждое сложности, не способно к помышлениям злым о ближнем»[725].

«Лукавство есть обширное знание, правильнее же извращение знаний по подобию знания бесов, утратившее истину и покушающееся утаиться от людей»[726].

«Лицемерство есть противоположное настроение души с телом, переплетенное всевозможными вымыслами»[727].

«Незлобие есть тихое настроение души, свободное от всякого умысла»[728].

«Правота состоит в настроении ума, нелюбопытном и неподозрительном, в искренности обращения с ближними, в слове непритворном, не обдумываемом благовременно»[729].

«Лукавство есть превращение правоты, обольщение ума ложными понятиями, доставляющими ему ложное воззрение на управление мира Богом, допущение себе клятв, повинных муке, хитросплетение слов, глубина сердца, бездна

---

[723] Там же. Гл. 11.

[724] Там же. Гл. 12.

[725] Там же. Гл. 14.

[726] Там же. Гл. 15.

[727] Там же. Гл. 16.

[728] Там же. Гл. 17.

[729] Там же. Гл. 18.

лести, ложь, обратившаяся в душевное качество, превозношение, соделавшееся естественным свойством, противодействие смирению, лицемерство, облекающееся в личину покаяния, устраняющее от себя плач, враждебное исповеди грехов своих, составившее о вере свое разумение и упорно держащееся его, причина падений, препятствие к восстанию покаянием, коварная улыбка при обличениях, притворное благоговение, житие бесовское»[730].

«Бог как называется любовью, так называется и правотою. Премудрый говорит чистому сердцем в Песни Песней: *«правость возлюби тя»* (Песн. 1:3). Отец же премудрого сказал: *«благ и прав Господь»* (Пс. 24:8), – и признает спасающимися тех, которые соименны Богу, «спасающему правыя сердцем» (Пс. 7:11). И опять: *«правоты душ виде и посетило лице Его»* (Пс. 10:7).

«Все хотящие привлечь к себе Господа! Приступим к Нему в простоте, непритворно, недвоедушно, нелукаво, приступим, как приступают ученики дети к учителю в училище. Будучи прост и несложен, Он благоволит, чтоб приступающие к Нему души приступали в простоте и незлобии. Простота всегда соединена со смирением»[731].

«Порабощенный тщеславию по необходимости идолослужитель, считая себя служителем Бога, он стремится угождать

---

[730] Там же. Гл. 20.

[731] Там же. Гл. 25.

не Богу, а человекам»[732].

«Льстец есть служитель бесов, руководитель к гордости, истребитель умиления, наветник пути ко спасению. *«Людие мои,* – говорит Господь чрез пророка, – *блажащие вас льстят вы, и стези ног ваших возмущают»* (Ис. 3:12).

«Свойственно достигшим высокого преуспеяния претерпевать огорчения мужественно и с радостию; выслушивать похвалу безвредно для себя свойственно одним святым и преподобным»[733].

«Никтоже весть, яже в человеце, точию дух человека» (1Кор. 2:11): да постыдятся же и заградят уста свои покушающиеся хвалить вас в лице»[734].

«Если услышишь, что ближний и друг твой сказал худо о тебе в отсутствии или и в присутствии твоем, то покажи любовь к нему, похвалив его»[735].

«Велико отразить от души похвалу человеческую, больше – похвалу бесовскую»[736].

«Доказывает свое смиренномудрие не тот, кто говорит о себе худо, но тот, кто не прекращает любви к ближнему, говорившему о нем худо, кто не стерпит поношения от самого

---

[732] Гл. 6, Слово 22. О тщеславии.

[733] Там же. Гл. 12.

[734] Там же. Гл. 14.

[735] Там же. Гл. 15.

[736] Там же. Гл. 16.

себя?»[737]

«Не прими тщеславного помысла, когда он будет предлагать тебе саны епископа, или игумена, или учителя, потому что трудно отгнать пса от стола, на котором продается мясо»[738].

«Тщеславие приводит человека к гордости, когда его предпочитают другим, и к памятозлобию, когда его презирают»[739].

«Тщеславие нередко было для тщеславных причиною бесчестия вместо чести, которой они искали, дав им повод к гневу и выставив их в безобразии пред человеками»[740].

«Если будем стремиться к богоугождению, то непременно вкусим и Божественную славу. Вкусивший Божественную славу непременно будет презирать славу земную. Сомневаюсь, чтоб кто-либо презрел вторую, не вкусив первой»[741].

«Не повинуйся суетному тщеславию, получающему объявлять добродетели твои для пользы слышащих: *«кая бо польза человеку, если он принесет пользу всему миру, душу же свою отщетит»* (Мф. 16:26). Ничто не может принести такой пользы ближним, как смиренный и непритворный

---

[737] Там же. Гл. 17.

[738] Там же. Гл. 19.

[739] Там же. Гл. 23.

[740] Там же. Гл. 24.

[741] Там же. Гл. 29.

нрав, смиренное и непритворное слово»[742].

«Есть слава, происходящая от Господа, Который говорит: *«прославляющая Мя прославлю»* (1Цар. 2:30) и есть слава, устрояемая злохитростью диавольскою; о ней сказано: *«горе, егда добре рекут вам вси человецы»* (Лк. 6:26). Познаешь ясно первого рода славу, когда, признавая славу вредною для себя, будешь устранять ее всеми средствами, когда постоянно и везде будешь скрывать подвижничество и добродетели твои. Познаешь в себе стремление ко второй славе, когда сделаешь что-либо и самомалейшее, *«да видим будешь человеки»* (Мф. 23:5).

«Скверное тщеславие подучает нас принимать на себя личину добродетели, которой не имеем, опираясь, для обмана нашего, на слова Господа: *«тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрая ваша дела»* (Мф. 5:16) [489].

«Господь нередко отвлекает от тщеславия тщеславных, попуская им бесчестие»[743].

«*Возносяй себе* непременно *смирится* и здесь, в земной жизни, прежде будущего века»[744].

«Когда льстецы, правильнее же, обольстители начнут хвалить нас, тогда поспешим привести себе на память множество беззаконий наших, найдем себя недостойными произ-

---

[742] Там же. Гл. 34.

[743] Там же. Гл. 38.

[744] Там же. Гл. 41.

носимых нам похвал или воздаваемых нам почестей»[745].

«Червь, достигши надлежащего возраста, получает крылья, возлетает на высоту; и тщеславие, достигши исполнения своего, преобразуется в гордость. Гордость – и начало, и совершенство всех зол»[746].

«Окончательное преуспеяние в тщеславии – начало гордости; средина гордости – уничижение ближнего, бесстыдное проповедание и вынаружение своих подвигов, хваление самого себя в сердце, ненависть к обличениям; конец гордости – отвержение Божией помощи, высокомерное упование на собственные умыслы и действия, нрав демонский»[747].

«Кого постигло грехопадение, в том прежде вселилась гордость: предтеча первого – второе»[748].

«Высокомудрый монах прекословит сильно; смиренномудрому прекословие неизвестно»[749].

«Муж высокосердый желает начальствовать, иначе он и не может погубить себя, правильнее же – не хочет»[750].

«Бог гордым противится» (Иак. 4:6): кто ж помилует их? «Нечист пред Господом всяк высокосердый» (Притч. 16:5);

---

[745] Там же. Гл. 42.

[746] Там же. Гл. 45.

[747] Слово 23. О гордости. Гл. 2.

[748] Там же. Гл. 4.

[749] Там же. Гл. 6.

[750] Там же. Гл. 8.

кто же очистит его?»[751]

«Отвергающий обличение обнаруживает этим присутствие в себе гордости; ищущий обличения разрешился от уз гордости»[752].

«Гордость – погубление богатства и понесенных подвигов: *«воззваша, и не бе спасаяй»*, конечно, потому, что взывали с гордостию; *«воззваша ко Господу, и не услыша их»* (Пс. 17:42), потому, без всякого сомнения, что не хотели расстаться с начальными причинами того, против чего молились»[753].

«Не предайся беспечности и не возуповай на непоколебимость своего состояния, доколе не последует о тебе окончательное изречение Судии после исхода души из тела. Имей в виду того, который уже возлег в чертоге, но изгнан из него во тьму кромешную с связанными руками и ногами»[754].

«О ты, сотворенный из персти земной, не возвышай главы, потому что многие святые и невещественные свергнуты были и с неба»[755].

«Когда демон гордости оснует себе обитель в людях, порабощенных гордости, тогда начинает являться им во сне или даже наяву, принимая вид святого ангела или кого-либо из

---

[751] Там же. Гл. 9.

[752] Там же. Гл. 11.

[753] Там же. Гл. 13.

[754] Там же. Гл. 17.

[755] Там же. Гл. 18.

мучеников и как бы преподавая откровения и духовные дары. Делается это с тою целью, чтоб несчастные прельстились и подвергнулись решительному умоповреждению (сумасшествию)»[756].

«От забвения грехов образуется гордость; памятование грехов – причина смирения»[757].

«В сердцах гордых прозябнут глаголы хулы, а в душах смиренных – небесные видения»[758].

«Большинство гордых, не познав себя, возомнили о себе, что они достигли бесстрастия, но при исходе из этой жизни они увидели свое убожество»[759].

«Вода, мало-помалу возливаемая на огонь, совершенно угашает его: так и слеза истинного плача потушает пламень ярости и вспыльчивости»[760].

«Безгневие есть ненасыщаемое желание бесчестия; оно встречается и в тщеславных людях от непомерного желания похвал человеческих. Безгневие есть победа над естеством, потеря ощущения оскорбления, приобретенная подвигами и потами»[761].

«Кротость есть непоколеблющееся устроение души, пре-

---

[756] Там же. Гл. 19.

[757] Там же. Гл. 28.

[758] Там же. Гл. 34.

[759] Там же. Гл. 36.

[760] Слово 8. О безгневии и кротости. Гл. 1.

[761] Там же. Гл. 2.

бывающее одинаковым и при поношениях, и при похвалах»[762].

«Начало безгневия – молчание уст при смущении сердца; средина – молчание помыслов при тонком смущении души; конец же – тишина при веянии нечистых ветров, насажденная и утвержденная в душе благочестивым навыком и Божественною благодатию»[763].

«Гнев есть проявление сокровенной ненависти и памятозлобия. Гнев – желание отомстить оскорбившему. Вспыльчивость есть безвременное воспаление сердца. Огорчение есть состояние, противоположное приятному расположению духа, вступившее в душу и пребывающее в ней. Ярость есть изменившееся настроение нрава и безобразие души»[764].

«При появлении света исчезает тьма, когда разольется в душе благоухание смирения, истребляются из нее и огорчение, и ярость (раздражительность)»[765].

«Некоторые, удобопреклонные к раздражительности, нерадят об укрощении и врачевании этой страсти, не обратив внимания на слова Писания; устремление ярости его – падение ему»[766].

«Движение жернова бывает столько быстрым, что в одно

---

[762] Там же. Гл. 3.

[763] Там же. Гл. 4.

[764] Там же. Гл. 5.

[765] Там же. Гл. 6.

[766] Там же. Гл. 7.

мгновение стирает и истребляет пшеницы и прочего зерна душевного более, нежели в иной целый день: по этой причине мы должны постоянно пребывать в благоразумном внимании себе. Случается, что только что вспыхнувший пламень, раздуваемый сильным ветром, попаляет и опустошает душевную ниву скорей, нежели огонь, давно, но медленно действующий»[767].

«О други! Не должно быть тайно от нас и то, что лукавые демоны скрывают себя и прячутся на время, чтоб мы, вознерадев о великих страстях, как бы о малозначущих, соделали свою болезнь уже неисцелимою»[768].

«Угловатый и жесткий камень, сталкиваясь с другими камнями и ударяясь о них, стирает угловатость по всему объему своему, несмотря на естественную жесткость и твердость, и получает вид округлый. Подобно этому и человек свирепый и жестокий, жительствуя и обращаясь с людьми такого же нрава, приобретает одно из двух: или исцеляет язву свою терпением, или, удалившись из такого общества, непременно познает свою немощь, которую показало ему, как бы в зеркале, его бегство»[769].

«Склонный по временам к раздражительности, если будет позволять себе произвольное увлечение яростью, то будет побеждаться и сокрушаться ею впоследствии, и невольно, от

---

[767] Там же. Гл. 8.

[768] Там же. Гл. 9.

[769] Там же. Гл. 10.

предшествовавшего произвольного повиновения ей»[770].

«Ничто так не противосвойственно кающимся, как ярость, возмущающая душу, потому что покаяние требует великого смирения, а ярость – признак величайшей гордости»[771].

«Если высшая степень кротости заключается в том, чтоб сохранять тишину сердца и залог любви и в присутствии раздражающего нас, то высшая степень ярости познается из того, когда мы свирепствуем и гневаемся на огорчившего нас в отсутствие его»[772].

«Если мир души служит признаком пришествия в нее Святого Духа, а гнев есть возмущение сердца, то ничто не заграждает так вход в наши души Святому Духу, как ярость»[773].

«Борьба с гневом требует особенного прилежания, потому что страсти гнева содействует естество, подобно тому, как оно содействует страсти плотского вожделения»[774].

«Подверженный страсти гнева часто возмущает все стадо, как волк: неистовством своим он приводит многие души в расстройство и недоумение»[775].

---

[770] Там же. Гл. 11.

[771] Там же. Гл. 12.

[772] Там же. Гл. 13.

[773] Там же. Гл. 14.

[774] Там же. Гл. 15.

[775] Там же. Гл. 18.

«Великий вред – возмущать око сердца яростию, как о том свидетельствует псалмопевец: «смятеся от ярости око мое» (Пс. 6:8), – говорит он. Вред больший – выразить словами душевное волнение. Если же дело дойдет до рук, то это уже вполне чуждо монашескому ангельскому и Божественному жительству, враждебно ему»[776].

«Намереваясь или предполагая изъять сучец ближнего, не употреби для этого, вместо врачебных орудий, бревна. Бревно – жесткие слова и грубое обращение, а врачебные орудия – кроткое наставление и выговор, соединенный с долготерпением»[777].

«Начало блаженного незлобия заключается в том, чтоб претерпевать бесчестия с горестью и болезнию души; средина – в том, чтоб пребывать в них без печали; совершенство, если только оно есть, – в том, чтоб поношения вменять в благохваления»[778].

«Преставший от гнева убил и памятозлобие: доколе жив отец, не прекращается чадородие»[779].

«Стяжавший любовь устранился от вражды; пребывающий во вражде сам собирает для себя труды и скорби суетные»[780].

---

[776] Там же. Гл. 19.

[777] Там же. Гл. 20.

[778] Там же. Гл. 23.

[779] Слово 9. О памятозлобии, гл. 6.

[780] Там же. Гл. 5.

«Трапеза любви разрушает ненависть, а дары чистые смягчают душу. Но трапеза невнимательная – мать дерзости, и чрез окно любви вскакивает чревообъядение»[781].

«Злопамятствуй и злопамятствуй на бесов; враждуй, враждуй постоянно на твое тело. Плоть – неблагодарный и льстивый друг: будучи угождаем, тем более вредит»[782].

«Познаешь, что избавился от памятозлобия – этой внутренней гнилости, – не тогда, когда помолишься об оскорбившем, не тогда, когда воздашь ему за зло дарами; ниже тогда, когда пригласишь его к твоей трапезе, познаешь тогда, когда, услышав о его телесном или душевном заключении, пожалеешь и прослезишься о нем, как бы о себе»[783].

«Воспоминание страданий, понесенных Иисусом, исцелит от памятозлобия, посрамив его незлобием Иисуса»[784].

«Внутри гнилого дерева зарождаются черви, и гнев прививается к кротким и молчаливым не в истинном разуме. Тот, кто извергает из себя гнев, получит отпущение; тот, кто питает в себе гнев, лишится милости»[785].

«Чтоб получить прощение в грехах, некоторые возложили на себя и подвиги; но прежде них достиг этого муж непамятозлобный по обетованию Господа; *отпустите* немногое,

---

[781] Там же. Гл. 6.

[782] Там же. Гл. 9.

[783] Там же. Гл. 12.

[784] Там же. Гл. 14.

[785] Там же. Гл. 14.

и *отпустится вам* безмерно многое» (Лк. 6:37)

«Знамение истинного покаяния заключается в отвержении памятозлобия, а кто не престает памятозлобствовать и вместе мнит о себе, что приносит покаяние, тот подобен спящему и видящему себя во сне быстробегущим»[786].

«Никто да не признает страсть памятозлобия маловажною: нередко вкрадывается она и в духовных мужей»[787].

«Уязвляемые обличениями, будем воспоминать грехи наши, доколе Господь не призрит на насилие насилующих себя ради Его, не изгладит грехов наших и болезнь, грызущую нас в сердце нашем, не претворит в радость. *«По множеству болезней моих в сердце моем, соразмерно им, утешения Твоя возвеселиша душу мою»* (Пс. 93:19) в свое время, – так говорил псалмопевец. Не забудем и следующего, сказанного им Господу: *«елики явил ми еси скорби многи и злы, и обращься оживотворил мя еси, и от бездн земли, по падении моем, снова возвел мя еси»* (Пс. 70:20)[788].

«Блажен тот, кто, укоряемый и уничижаемый ежедневно, понудил себя к терпению ради Бога: он примет участие в вечном празднике мучеников и вступит дерзновенно в общение с ангелами»[789].

«Блажен монах, признавший себя достойным всякого бес-

---

[786] Там же. Гл. 16.

[787] Там же. Гл. 18.

[788] Слово 4. О послушании, гл. 43.

[789] Там же. Гл. 44.

честия и уничижения»[790].

«Блажен монах, окончательно умертвивший свою волю: он встанет одесную Распятого»[791].

«Отвергший справедливое или несправедливое обличение отвергся от своего спасения»[792].

«Видел я в той обители[793] послушников о Господе, которые в разуме по Богу, сами себя поносили и подвергали всевозможным уничижениям с тою целью, чтоб этим приготовить себя к оскорблениям, приносимым извне, и уже встречать их благодушно»[794].

«Сын мой! Если с самого поступления твоего в монастырь предашь себя терпению бесчестий, то не нужен будет тебе многолетний труд для приобретения блаженного покоя в душе твоей»[795].

«Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякого человека, покушающегося напоить тебя чистительным врачевством, изгоняющим из сердца сладострастие. Если будешь руководствоваться этим правилом, то глубокая чистота воссияет в душе твоей и свет Божий не оскудеет в сердце тво-

---

[790] Там же. Гл. 44.

[791] Там же. Гл. 44.

[792] Там же. Гл. 44.

[793] См. в 4 и 5 Словах Лествицы, также в Слове к пастырю.

[794] Там же. Гл. 52.

[795] Там же. Гл. 65.

ем»[796].

«Небольшим огнем смягчается воск, и часто случившееся ничтожное бесчестие внезапно смягчило, усладило сердце, истребило из него свирепость, нечувствие и ожесточение»[797].

«Усердные к монашескому подвижничеству и преуспевающие в нем должны особенно внимать себе и остерегаться от осуждения живущих нерадиво, чтоб не подвергнуться большему осуждению, нежели какому должны подвергнуться нерадивые. И Лот, полагаю, привлек к себе милость Божию тем, что, живя посреди людей развратных, никогда не осуждал их»[798].

«Оскорбления, уничижение и прочее подобное этому производит в душе послушника действие, подобное действию полыни, а похвалы, почести и одобрения, как мед, производят в сладострастных великую радость. Рассмотрим свойство каждого из этих действий: первое очищает все нечистоты в желудке, а второе умножает в нем желчь»[799].

«Не руководствующийся истинным разумом, подвергаясь поношениям или обличениям, огорчается или спешит скорей поклониться делающему выговор не по причине смирения, но желая скорей прекратить выговор. Когда поражают тебя выговором, молчи и принимай прижигания, правильней

---

[796] Там же. Гл. 85.

[797] Там же. Гл. 88.

[798] Там же. Гл. 100.

[799] Там же. Гл. 103.

– средства, доставляющие светлую чистоту; когда же духовный врач престанет обличать тебя, тогда уже проси прощения у него»[800].

Святой, духоносный настоятель Александрийского общежития, описанного святым Иоанном Лествичником, подвергал унизительным наказаниям подчиненных ему иноков, даже весьма преуспевших и старцев; этим охранял их от превозношения и доставлял им возможность достигать глубочайшего смирения. «Праведный Господь, – повествует Лествичник, – послал для обители той эконома, заведывавшего имуществом ее, соответственно духовному, богоданному достоинству пастыря и наставника словесных овец. Эконом был муж необыкновенного целомудрия, редкой кротости. Такого инока повелел однажды великий выгнать из церкви безвременно и без всякой причины, представясь разгневанным на него. Зная, что эконом невинен в том, в чем обвинял его пастырь, я, будучи наедине с великим, оправдывал пред ним эконома. Руководимый духовною мудростью пастырь отвечал мне: «Отец! И я знаю, что он невинен, но отнять хлеб из рук голодного дитяти было бы делом неправедным и немилостивым! Подобное этому дело совершает и пастырь, вредя и себе, и подвижнику, если не доставляет ему случаев к получению венцов, которые подвижник может заслужить, по усмотрению пастыря, чрез перенесение оскорблений, бесчестий, уничижений, поруганий. От этого

[800] Там же. Гл. 116.

происходит троякий, великой важности ущерб. Во-первых, сам настоятель лишается мздовоздаяния за обличение и наказание благонамеренные. Во-вторых, настоятель, имея возможность доставить пользу братии добродетелью собрата их, этого не сделал. Третий и тягчайший ущерб заключается в том, что часто и те самые, которые представляются переносящими скорбь и терпеливыми, будучи оставлены на время без внимания как усовершившиеся добродетели, не обличаемые и не поношаемые настоятелем, утрачивают приобретенную кротость и терпение. Земля эта доброкачественна, плодоносна и тучна, но оскудение воды бесчестия соделывает ее способною к произращению плевелов: прозябает на ней терние кичения и блуда». Зная это, великий Апостол писал в послании к Тимофею: *«настой, обличи, запрети им благовременне и безвременне»* (2 Тим. 4:2). В опровержение этих слов я представил пастырю слабость современного поколения и то, что многие могут отторгнуться от паствы его по причине напрасного или ненапрасного строгого взыскания; на это этот, исполненный духовной мудрости, муж сказал: «Душа, привязавшаяся ради Христа верою и любовью к пастырю, не отступает от него, хотя бы и пришлось пролить кровь по причине этой привязанности. Такое расположение появляется в душе особенно тогда, если она была когда-либо облагодетельствована пастырем и получила при посредстве его исцеление от язв греховных. Она помнит слова апостола: *«ни власти, ни начала, ниже силы, ни ина тварь кая воз-*

может нас разлучити от любве» (Рим. 8:38–39) Христовы. Если же душа, таким образом, не привязалась, не прилепилась, не стяжала такого основного, твердого залога, то удивляюсь, если она пребывает в этом монастыре не напрасно, находясь к пастырю и пастве в отношении притворном и самообольстительном». Точно! Не обманулся великий: он собрал, наставил, совершил и принес Христу многие непорочные жертвы».

Необходимо заметить здесь, что поведение мужа бесстрастного, исполненного Божественной благодати, никак не может служить точным образцом подражания для настоятелей и наставников, которых преуспеяние очень умеренно, которые еще борются со страстями. Но кроткое обличение подчиненных братий, благоразумное, основанное на слове Божием указание им недостатков их, воздержание от зловредного и лукавого человекоугодничества и ласкательства в обращении с подчиненными при искренней любви к ним, должны принести несомненную существенную пользу и братству, и самому настоятелю. Главная цель делаемых здесь выписок заключается в том, чтоб показать и объяснить великое Божие таинство, драгоценное духовное богатство, которое сокрыто и преподается Промыслом Божиим в различных скорбях и уничижениях, попускаемых служителю Божию во время его земного странствования.

«Однажды, – продолжает повествовать святой Иоанн Лествичник, – когда я сидел за трапезою близ великого это-

го настоятеля, он приклонил святые уста свои к моему уху и сказал: «Хочешь ли, чтоб я показал тебе действие Божественного разума в муже глубокой старости?» Я просил его об этом. Преподобный вызвал сидевшего за вторым столом инока Лаврентия, который провел в той обители около сорока восьми лет и был вторым соборным иеромонахом. Он подошел к игумену и, поклонившись ему до земли, принял от него благословение. Но когда Лаврентий встал от поклонения, игумен не сказал ему ничего, а оставил стоять пред трапезою. Обед только что начинался, и Лаврентий не успел еще нисколько вкусить пищи. Так стоял он с час или более, мне сделалось даже стыдно взглянуть на этого подвижника, который был весь сед и вступил уже в восьмидесятый год своей жизни. Он простоял таким образом до окончания обеда. Когда мы встали из-за стола, преподобный сделал ему некоторое поручение. Я не упустил выведать у Лаврентия, что помышлял он, стоя пред трапезою. Он отвечал: «Облекши пастыря во образ Христа, я признал, что нахожусь в повиновении у Бога, а не у человека, И потому, отец Иоанн, я стоял не пред трапезою человеческою, а пред жертвенником Божиим и молился Богу. Никакого лукавого помышления не составилось во мне против пастыря по причине моей веры и любви к нему, как некто сказал: *«любы не мыслит зла»* (1Кор. 13:5). Знай, отец, и то, что демон не овладевает ни на час тем, кто предаст себя произвольно простоте и незлобию».

«Македоний, перводиакон обители, муж, прилежно ра-

ботавший Господу, однажды за два дня до святого Богоявления испросил у пастыря позволения сходить в Александрию по некоторой своей надобности, обещая, впрочем, скоро возвратиться из города, чтоб принять участие в совершении празднества. Ненавистник добра, диавол устроил препятствие перводиакону, и Македоний не поспел в обитель на святой праздник, по приказанию, полученному от настоятеля при отпуске своем. Он пришел чрез день после праздника. Пастырь отлучил его от священнослужения и назначил проходить низшие послушания с новоначальными. Перводиакон, этот ревностный служитель терпения и долготерпения, принял определение отца с таким благодушием, как бы подвергался наказанию кто другой, а не он. Македоний провел сорок дней в таком уничижении; по истечении этого срока премудрый пастырь возвратил к служению диакона. Пробыв один день в этом служении, перводиакон начал умолять пастыря, чтоб снова дозволено ему было пребывать в уничижении и в занятиях новоначальных послушников. «Я, – говорил он, – сделал в городе непростительный грех». Преподобный, поняв, что перводиакон выражается приточно и ищет этого для того, чтоб усовершиться в смирении, исполнил его благое желание. Представилось удивительное зрелище! Старец, украшенный почтенными сединами, пребывал в числе новоначальных и искренно просил всех молиться за него. «Я, – говорил он, – впал в блуд преслушания». Но мне, грешному, великий этот Македоний открыл причину, по ко-

торой он произвольно устремился к такому смиренному положению. «Никогда, – сказал он, – я не чувствовал такого облегчения от внутренней борьбы и не видел в себе сладостного Божественного света, как ныне. Несвойственно, – прибавил он, – и даже, как утверждают некоторые, невозможно падать ангелам; человекам свойственно падать и скорей восставать, сколько бы раз ни случилось пасть; принадлежность одних бесов – пребывание в падении по падении».

«Находясь в той обители, я удивлялся вере и терпению некоторых новоначальных, их постоянству в этих добродетелях, с которым они неутомимо переносили выговоры и укоризны и другие поношения от настоятеля, и не только от настоятеля, но и от самой меньшей братии. С целью душеназидания моего спросил я одного из братии, жившего уже пятнадцать лет в той обители, по имени Аввакира, которого почти все обижали, а служители едва не каждый день выгоняли из трапезы – этот брат был от природы несколько невоздержен на язык: «Брат Аввакир! За что выгоняют тебя каждый день из трапезы, и ты ложишься спать без ужина?» Он отвечал: «Поверь, отец, что эти отцы мои искушают меня, намерен ли я в точности быть монахом. Но как они делают это, лишь искушая меня, то и я, зная образ мыслей Великого и их, переношу все терпеливо, без смущения. Пятнадцать лет поддерживаю себя таким размышлением; да и они говорили мне, при вступлении моем в монастырь, что они искушают отрекшихся от мира до тридцати лет. Справедливо поступа-

ют они, отец Иоанн! Золото, не побывши в огне, не может получить чистоты». Этот мужественный Аввакир пробыл в монастыре, по пришествии моем туда, еще два года и преселился ко Господу. Умирая, он сказал отцам: «Благодарю, благодарю Господа и вас за то, что вы искушали меня во спасение мое, я провел вот семнадцать лет, не пострадав ничего от искушений бесовских». Исполненный духовного разума пастырь повелел положить его с почивающими там святыми как достойного, как исповедника».

«Господь, не хотя меня лишить молитвы одного из преподобных отцов, за неделю до исшествия моего из того святого места, взял к себе мужа чудного, второе лицо по управлению монастырем после пастыря, по имени Мину. Он провел пятьдесят лет в общежитии и прошел все послушания. В третий день, когда мы совершали обычное молитвенное исследование об усопшем, внезапно наполнилось благоуханием все место, где лежало тело преподобного. Великий отец повелел нам открыть гробницу его, и когда это было исполнено, все мы увидели, что из честных стоп его истекает благовонное миро двумя источниками. При этом учитель сказал собору иноков: «Вот! Труды и подвиги его, которых образом служат ноги, принесли Богу миро». Отцы того места, поведая о многих добрых делах Мины, рассказывали и следующее: однажды настоятель захотел искусить богодарованное ему терпение, и когда вечером Мина, пришедши по обычаю в келию игумена, чтоб получить от него приказание на сле-

дующий день, просил об этом и положил пред игуменом земной поклон, – игумен оставил его простертым на земле даже до времени правила. Тогда уже восставил пастырь Мину от земного поклонения, благословив и укорив его, как любящего выказываться и нетерпеливого. Так поступил преподобный в назидание всех, зная, что Мина перенес мужественно сделанное ему бесчестие».

Выписка из творений преподобного аввы Дорофея «Справедливо сказал авва Пимен, что отличительный признак монаха обнаруживается в искушениях. Монах, приступающий истинно работать Господу, должен, по завещанию Премудрого, уготовать *«душу свою во искушение»* (Сир. 2:1), чтоб ему никогда не прийти в недоумение или смущение по причине какого бы то ни было встретившегося с ним приключения. Он должен веровать, что не случается ничего без Промысла Божия. Где действует Промысл Божий, оттуда истекает всевозможное добро, всевозможная польза для души: потому что все, что ни делает с нами Бог, делает ко благу нашему, делает любя и милуя нас, и мы должны *о всем благодарить* (Еф. 5:20; 1Сол. 5:18) благость Его, по наставлению апостола, никогда не предаваясь печали и малодушию по причине случающегося с нами. Все, что ни постигнет нас, будем принимать без смущения, с смиренномудрием и упованием на Бога, веруя, как я сказал, что все, что ни делает с нами Бог, делает по благости Своей, любя нас и во благо нам, что иначе не может быть нам пользы, как тем способом,

которым устраивает Бог».

«Бог – источник премудрости. Он ведает полезное нам и, сообразно этому ведению, устраивает все, относящееся к вам, даже до мелочей. Богу все возможно; для Него нет ничего невозможного. Зная, что Бог любит и милует создание свое, что Он – источник премудрости, что Он ведает, каким образом должно устроить наши обстоятельства, что нет ничего невозможного для Него, что все служит воле Его, также зная, что все, что Он ни делает, делает к нашей пользе, мы обязаны принимать все, попускаемое нам, хотя бы то было и скорбное, как от Благодетеля, как от Владыки, с благодарением. Все совершающееся совершается по праведному суду Божию, и Бог, бесконечно милостивый, не презрит нас ни в какой скорби нашей, и самомалейшей».

«Некоторые приводятся в недоумение следующим размышлением: «Если кто, при встретившейся напасти, согрешит, побежденный скорбию, то как возможет он пребыть в убеждении, что напасть попущена ему для пользы его?» Подвергаясь напастям, мы согрешаем единственно по причине нетерпеливости нашей, потому что не хотим перенести ниже малой скорби, не хотим пострадать что-нибудь против воли нашей, тогда как Бог не попускает нам искушений, превышающих силу нашу. Засвидетельствовал это апостол, сказав: *«верен Бог, иже не оставит вас искуситися паче, еже можете»* (1 Кор. 10:13). Мы, мы не имеем терпения! Мы не хотим перенести ниже малейшей скорби! Мы не хотим принять со

смирением ничего! По этой причине напасти низлагают нас, и чем усиленнее стараемся избавиться от них, тем они более опутывают нас; мы приходим в изнеможение, но освободиться не можем (по неправильности средств, употребляемых к освобождению). Плавающие по морям для исправления нужд своих, если знакомы с искусством мореплавания, когда видят восходящую на них волну, то склоняются под нее: она проходит вдоль корабля и разрезывается им; пловцы не претерпевают никакого вреда. Напротив того, если б пловцы вздумали воспротивиться волне, то она отбрасывает их и относит на значительное расстояние; при дальнейшем плавании находит на них другая волна, и если они воспротивятся и этой, то и эта отбрасывает их и устраняет с предпринятого пути: пловцы подвергаются лишь бесполезному утомлению. Если же, как я сказал, они будут склоняться под волны и приноровляться к направлению волн, то волны будут обходить их, не причиняя им никакого вреда, пловцы совершат благополучно плавание и то дело, для которого предпринято плавание. Так и при напастях. Если кто перенесет напасть с терпением и смирением, то она пройдет безвредно для него. Если же предастся печали, смущению, будет обвинять каждого, то обременит себя невыносимою тягостью, усугубляя действие на себя напасти, не получит от напасти никакой пользы, получит вред. Напасти тогда приносят великую пользу, когда переносятся терпеливо, без смущения».

«Если и страсть тревожит нас, то мы не должны смущать-

ся ниже этим. Смущение, являющееся при действии в нас страсти, происходит от неразумия и гордости, от того, что не понимаем нашего душевного устроения и убегаем труда, как сказали отцы. Мы не преуспеваем по той причине, что не знаем нашей меры, не имеем терпения в начинаемых нами делах, но хотим без труда приобрести добродетель. Чему дивится страстный, будучи тревожим страстью? Зачем смущается? Ты образовал ее в себе, имеешь в себе и смущаешься! Ты принял в себя залоги ее и говоришь: отчего она тревожит меня? Лучше терпи, подвизайся и моли Бога. Невозможно не иметь скорби от страстей тому, кто образовал их в себе, исполняя их на деле. Имущество их, сказал авва Сисой, сложено внутри тебя: отдай им этот залог, и они уйдут. Имуществом страстей, находящимся у нас в залоге, названы начальные причины страстей и произвольная любовь к страстям. Мы увлеклись начальными причинами страстей, возбудили страсти к действию, и потому невозможно нам не искушаться страстными помышлениями: они понуждают нас к исполнению страстей против воли нашей, потому что мы предали себя в руки страстей произвольно».

«Изображается состояние произвольно подчинившегося страстям поведанием Пророка о Ефреме. «*Соодоле Ефрем,* – говорит пророк о племени Ефрема, – *соперника своего – совесть – попра суд»* (Ос. 5:12), обратился к Египту и насильственно отведен в Ассирию. Под образом Египта отцы разумеют волю плоти, влекущую нас к упокоению плоти насла-

ждением и сообщающую душе сладострастное настроение; под образом ассириян они разумеют страстные помышления, которые возмущают и волнуют ум, наполняют его нечистыми идолами, приводят его насильно, против воли его, к исполнению греха на самом деле».

«Если кто произвольно предается плотскому наслаждению, тот и против воли, насильственно, пленником уводится в Ассирию, в работу Навуходоносору. Ведая это, пророк болезновал и уговаривал иудеев, чтоб они с возвышенной местности, занимаемой Иудеею, не нисходили в низменный Египет (Иер. 42). Что делаете, несчастные? Смиритесь хотя сколько-нибудь, приклоните выю вашу, служите царю Вавилонскому и останьтесь на земле отцов ваших. Потом он ободряет их, говоря: *«не убойтесь от лица царя Вавилонского, рече Господь, яко Аз с вами есмь, еже избавляти вас и спасати вас от руки его»* (Иер. 42:11). Далее предсказывает скорбь, долженствующую постигнуть их, если они не окажут повиновения Богу: *«аще вы*, – говорит он, – *дадите лице ваше во Египет, и внидете тамо жити, будете в непроходимая и подручни, и в клятву и во укоризну, и не узрите кто-му места сего»* (Иер. 42:15, 18). Но они отвечали пророку: *«не сядем на земли сей, но в землю Египетску внидем, и не узрим рати, и гласа трубнаго не услышим, и о хлебех не взалчем, и тамо вселимся»* (Иер. 42:13–14). Иудеи исполнили это намерение свое, сошли в Египет, произвольно вступили в служение фараону, потом были насильно взяты в Ассирию

и служили ассириянам против воли».

«Вникните глубже в то, что говорю вам. Прежде нежели начнет кто исполнять страсть на деле, он в своем городе, он свободен, хотя бы и восставали противные помыслы; сверх того, имеет Бога помощником себе. Если он смирится пред Богом и понесет с благодарением иго скорби и искушения, то помощь Божия изъемлет его из затруднительного положения. Если же он, избегая подвига, низойдет к удовлетворению сладострастным требованиям тела, то насильственно и против воли отведен будет в землю ассириян и будет работать им против желания своего. Пришедшим в это состояние пророк говорит: *«молитеся за житие Навуходоносора»* , потому что в жизни его ваше спасение (Вар. 1:11–12). Повелением молиться о жизни Навуходоносора изображается обязанность человека, впадшего в грехи на самом деле: он не должен предаваться малодушию в то время, как действует в нем печаль, произведенная случившимся искушением, не уклоняться от томления, производимого страстными помыслами, но переносить со смирением это состояние, признавая, что он должен был подвергнуться ему; пусть положит в ум, что он даже недостоин избавиться от тяжести состояния своего, что это состояние должно продолжаться и развиться. Видит ли он в себе причину случившейся напасти или еще до времени не усматривает, должен веровать, что ничего не бывает без суда Божия, что от Бога не исходит ничего неправедного. От некоторого брата Бог отъял тяготевшее над ним

искушение, и он говорил, скорбя и плача об этом; «Господи! Я недостоин и поскорбеть немного».

Повествуется также, что ученик великого Старца подвергся искушению от восставшей против него блудной страсти. Старец, видя его страдание, сказал ему: «Хочешь ли, я помолюсь Богу, и Он освободит тебя от брани?» Ученик отвечал: «Отец! хотя мне и трудно, но я вижу в себе итог от этого состояния, посему помолись лучше о том, чтоб Бог даровал мне терпение». Таковы истинно хотящие спастись! Вот что значит носить иго со смиренномудрием и молиться о жизни Навуходоносора! Потому-то и говорит пророк, что в жизни его спасение ваше. Два изречения сходствуют между собою: сказанное братом: «вижу в себе плод от борения страстию», – подобно сказанному пророком: «в жизни его заключается ваше спасение»; и подтвердил это и старец, сказав в ответ брату: «Теперь я познал, что ты находишься в преуспеянии большем, чем я».

«Когда кто вступит в подвиг против всех действий греха и начнет бороться против страстных помыслов, приходящих на ум, тогда он смиряется, сокрушается, трудится и скорбями подвига очищается мало-помалу, восходит в естественное состояние. Из этого следует, как мы сказали, что тревожимый страстью, если смущается этим, смущается от неразумия и гордости. Лучше ему познать смиренно свою меру, пребывать в терпении и молиться, доколе Бог сотворит с ним милость. Если кто не подвергнется искушениям, не испыта-

ет скорби от страстей, тот не будет и подвизаться о том, чтоб когда-нибудь очиститься от них. Об этом говорит Псалмопевец: *«внегда прозябо́ша грешницы яко трава, и проникоша вси делающий беззаконие, яко да потребятся в век века»* (Пс. 91:8). Грешники, прозябающие, яко трава, суть страстные помышления. Немощна трава, не имеет никакой силы. Когда прозябнут страстные помышления в душе, тогда проникают, то есть обнаруживаются *«вси делающий беззаконие»*, то есть страсти, *«яко да потребятся в век века»*: страсти тогда истребляются подвижниками, когда соделаются явными для них. Вникните в порядок дела: во-первых, прозябают страстные помышления; чрез это вынаруживаются страсти; будучи вынаружены, они истребляются. Все это относится к подвизающимся; но мы, согрешающие на самом деле, всегда исполняющие страсти наши, даже не знаем, когда прозябают страстные помышления, когда возникают страсти. Не зная этого, мы и не думаем вступить в подвиг борьбы против страстей: мы повержены непрестанно долу, мы находимся еще во Египте, в злосчастном плинфоделании у фараона. Кто дал бы нам прийти по крайней мере в ощущение горького рабства нашего, чтоб мы смирились, чтоб мы озаботились о снискании помилования!»

«Когда сыны израилевы были во Египте, в порабощении у фараона, тогда занимались они приготовлением кирпича[801]. Делающие кирпич всегда находятся в положении, наклонен-

[801] Кирпич – по-славянски плинфы.

ном вниз, всегда смотрят в землю: подобно этому случается и с душою. Когда овладеет ею диавол, когда она совершает грех на самом деле, тогда она попирает разум и не помышляет ни о чем духовном; она помышляет постоянно об одном, земном, действует единственно для земли. Израильтяне из кирпичей, сделанных ими, построили фараону три крепкие города: Пифон, Рамессин и Он, или Илиополь, то есть Солнечный город. Этими городами означаются сластолюбие, славолюбие и сребролюбие. От этих страстей рождаются все грехи».

«Бог послал Моисея вывести израильтян из Египта и избавить их от рабства. Тогда фараон еще более обременил их работою, говоря: *«праздни есте, сего ради глаголете: да идем, и пожрем Господу Богу нашему»* (Исх. 5:17). Подобно этому диавол, когда увидит, что Бог милостиво призрел на душу, что благоволит помиловать ее и даровать ей облегчение от страстей или посредством слова Своего, или при посредстве кого-либо из рабов Своих, тогда еще более отягощает ее напором страстей и нападает на нее тем сильней. Отцы, зная это, укрепляют человека учением своим и не допускают его погрузиться в боязнь и недоумение. Один из отцов говорит: «Ты пал? Восстань. Ты пал опять? Опять восстань», – и так далее. Другой отец говорит: «Крепость желающих приобрести добродетели заключается в том, чтоб они не малодушествовали, когда падут, чтоб не приходили в отчаяние, но продолжали подвизаться». Короче сказать: каждый из от-

цов различным образом, один так, другой иначе, подает руку подвижникам, которых обижает враг. Отцы заимствовали такой образ действования из Священного Писания. Оно говорит: *«еда падаяй, не возстает? или отвращаяйся не обратится?»* (Иер. 8:4) *«Возвратитеся ко Мне, сынове, и исцелю сокрушения ваша*, – глаголет Господь, – *и тому подобное»* (Иер. 3:22).

«Когда отяготела рука Божия над фараоном и над подданными его, тогда он решился отпустить сынов Израилевых. фараон сказал Моисею: *«идите, послужите Господу Богу вашему: токмо овцы и волы оставите»* (Исх. 10:24). Под именем овец и волов разумеются помышления, составляющие достояние ума, которыми фараон хотел обладать, надеясь посредством их снова привлечь к себе сынов Израиля. Моисей отвечал фараону: *«ни, но и ты даси нам жертвы и всесожжения, яже сотворим Господу Богу нашему»* (Исх. 10:25). Моисей, изведши сынов Израиля из земли Египетской, переправил их чрез Чермное море. Бог, вознамерясь привести их к месту, где было семьдесят фиников и двенадцать источников воды, сперва привел их в Мерру. Здесь народ скорбел, не находя, что пить, потому что воды Мерры были горьки. Уже чрез Мерру пришли они к семидесяти финикам и двенадцати источникам воды. Так и душа, престав совершать грехи на самом деле и переправившись чрез мысленное море, сперва должна потрудиться в подвигах и подвергнуться многим скорбям, потом уже чрез скорби взойти

в святой покой: *«яко многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие»* (Деян. 14:22). Скорбями направляется в душу милость Божия, подобно тому, как ветрами нагоняются дождевые облака. Дождь, идущий в течение долгого времени, гноит хлебные посевы, если они еще молоды и нежны, уничтожает на них плод; ветры же постепенно сушат и укрепляют всходы. Так бывает и с душою. Послабление, недостаток в скорбях, довольство в средствах вещественных лишают ее силы, приводят в состояние изнеженности, искушения же скрепляют ее и усвояют Богу, как и пророк говорит: *«Господи! в скорби помянухом Тя»* (Ис. 26:16). И потому, как мы уже сказали, нам не должно смущаться, не должно унывать в искушениях: нам должно терпеть скорби, благодарить за них Бога и молиться непрестанно, со смирением, Богу, чтоб Он сотворил милость с немощью нашею и покрыл нас от всякой напасти, во славу Его»[802].

«Кто сделает дело ради Бога, того непременно постигнет искушение, потому что всякому добру или предшествует, или последует искушение. Даже не может быть прочным делаемое ради Бога, если оно не искусится напастию».

«Будучи страстными, мы никак не должны верить нашему сердцу: кривым правилом искривляется и то, что само по себе прямо».

«Кто не отречется в душе своей от всего, кто не отречется от славы, от телесных наслаждений и, сверх того, от оправ-

[802] Поучение 13. О том, как переносить скорби.

даний, тот не возможет ни отсечь своих пожеланий, ни избавиться от гнева и печали, ни сохранить ненарушимым спокойствие ближнего».

«Не велико – не осуждать благорасположенного к нам или миловать его, когда он находится в скорби. Велико – не осуждать того, кто действует против нас, не мстить ему по влечению страсти, не соглашаться с осуждающими его; велико – сочувствовать радости предпочтенного нам».

«Не ищи любви от ближнего. Ищущий любви, если не увидит ее, смущается. Лучше ты покажи любовь к ближнему. Поступив так, и сам успокоишься, и приведешь ближнего к любви».

«Во всем, случавшемся со мною, я никогда не пожелал уладить дело исключительно по соображению и усилию человеческому в чем бы то ни было, действую по силе моей, предоставляя все остальное Богу».

«Не уничижать подаяния ближнего принадлежит к делам смиренномудрия: должно принимать такое подаяние, хотя бы оно было и скудно, и маловажно».

«Тот, кто не стремится исполнять влечений собственной воли, действует всегда согласно с своею волею. Не имея отдельных пожеланий, он всегда исполняет свое желание и бывает доволен всем, что бы ни случилось с ним: он не хочет, чтоб дела совершались так, как он желает; он хочет, чтоб дела совершались так, как они совершаются».

«Несвоевременно – исправлять кому-либо брата в то са-

мое время, как брат согрешит против него. (Нужно дать время брату, чтоб брат мог одуматься и успокоиться.) И во всякое время не должно делать этого, если чувство мщения за себя служит начальною причиною нашего действия».

«Не делай зла даже и в шутку: случается, что иной делает сначала для шутки зло, а впоследствии и против воли влечется к нему».

«Не должно желать избавления от страсти, избегая производимой ею скорби: должно желать этого по совершенной ненависти к ней, как сказано в Писании: *«совершенною ненавистию возненавидех я, во враги быша ми»* (Пс. 138:22).

«Невозможно разгневаться кому-либо на ближнего, если сперва не вознесется над ближним сердце его, если он не уничижит ближнего пред собою, если не признает себя высшим ближнего».

«Признаков того, что кто-либо исполняет страсть произвольно, служит смущение его в то время, когда его обличают в ней или исправляют. Если же кто переносит обличение в страсти без смущения, то есть без смущения подчиняется мерам исправления, то это служит признаком, что он поступил по страсти в неведении или по увлечению»[803].

«Новоначальный! Никогда не поверь своему сердцу, оно находится в состоянии слепоты от действия пристрастий по ветхому человеку».

«Понуждай себя ко всему доброму и отсекай свою волю

---

[803] Поучение 19, состоящее из кратких изречений.

(то есть волю ветхого человека): благодатию Христовою и собственным подвигом придешь в навык отсечения воли и уже будешь отсекать ее без принуждения и скорби, так что все случающееся будет случаться как бы по твоей воле и по твоему желанию».

«Не желай, чтоб делалось все по твоему желанию, желай, чтоб делалось как делается, таким образом, будешь мирен ко всему. Впрочем, это относится к тому, в чем нет преступления заповеди Божией или отеческой».

«Потщись привести себя в такое устроение, чтоб во всем находить себя достойным укорения».

«Постоянно хранись от того, чтоб не образовалось в тебе мнение о себе и собственное умствование о чем-либо».

«Веруй, что все, относящееся до нас, до самомалейшего, состоит под Промыслом Божиим, – и будешь претерпевать встречающиеся тебе скорби без смущения».

«Веруй, что бесчестия и досады суть врачевства от гордости, которою заражена душа твоя».

«Молись об укоряющих тебя как об истинных врачах твоих, при убеждении несомненном, что ненавидящий бесчестие ненавидит смирение и убегающий от огорчений, убегает от кротости».

«Не желай знать пороков и согрешений ближнего твоего и не принимай на него подозрений, внушаемых врагом. Если они и насеваются в нас по причине собственной порочности нашей, то старайся превращать их в добрые помышления».

«За все благодари, стяжи благость и святую любовь».

«Со всевозможным трезвением будем хранить совесть нашу во всех отношениях: к Богу, к ближнему, к вещам».

«Прежде нежели сказать или сделать что, рассмотрим, согласно ли это с волею Божией. Рассмотрев и помолившись, скажем или сделаем, повергая немощь нашу пред Богом, и благость Божия будет споспешествовать нам во всем» [804].

«От мелочей, от того, что говорим: «что значит это?», «что за важность в этом?», образуется в душе злой навык, и начинает она нерадеть и о великом. Знаете ли, какой тяжкий грех осуждать ближнего? И что тяжелее этого? Что столько ненавистно Богу? От чего Он столько отвращается? Ничего нет хуже осуждения, сказали отцы. Однако и в это великое зло человек приходит от начинаний, представляющихся ему ничтожными, приняв ничтожное зазрение на ближнего, сказав себе: «что за важность, если услышу, что рассказывает такой-то брат?», «что за важность, если и я скажу одно слово?», «что за важность, если посмотрю, что будет делать такой-то брат или такой-то странник?» – начинает ум оставлять внимание к своим грехам и замечать грехи ближнего, а от этого переходить к осуждению, злословию и укорению ближних. От осуждения ближних приходим к тому, что сами впадаем в погрешности, за которые осуждали ближних. Если кто не заботится постоянно о своих грехах, не оплакивает своего мертвеца, как сказали отцы, тот не может преуспеть в

[804] Поучение 17.

чем-либо добром; он всегда наблюдает за делами ближнего. Ничто не прогневляет столько Бога, ничто так не обнажает человека, ничто столько не служит причиною оставления его Богом, как злословие, осуждение и укорение им ближнего».

«Иное – злословить, иное – осуждать и иное – уничижать. Злословить – это сказать о ком-либо: такой-то солгал, или разгневался, или впал в блуд, или сделал что-либо подобное. Сказавший так впал в злоречие, то есть сказал пристрастно о согрешении брата. Осудить – это сказать: такой-то лжец, гневлив, блудник. Выразившийся так осудил самое расположение души, произнес приговор на всю жизнь, сказав о всем человеке: он таков-то. Это – тяжко. Иное – сказать «он разгневался», и иное – сказать «он гневлив», выразившийся таким образом, произнес, как я сказал, приговор на всю жизнь. Грех осуждения столько тягостен, столько тягостнее других грехов, что Сам Христос сказал: *«лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда прозриши изъяти сучец из очесе брата твоего»* (Лк. 6:12). Здесь грех ближнего уподоблен сучку, а осуждение – бревну. Почему вместо осуждения ближних мы не осуждаем самих себя и наши согрешения, которые известны нам достоверно и за которые мы должны дать ответ Богу? Зачем восхищаем суд над человеками, принадлежащий единому Богу? Чего хотим от создания Его? Чего хотим от ближнего нашего? Чего хотим от тяготы чужой? Братия! Имеем, о чем заботиться! Каждый да внимает себе и своему злу. Оправдывать и осуждать человеков принадле-

жит единому Богу, Который знает устроение, силу, обстоятельства, дарования, телосложение, способности каждого и соразмерно этому судит каждого судом, постижимым единому Богу».

«Иногда мы не только осуждаем ближних, но и уничижаем их. Иное – осуждать, как уже сказал я, и иное – уничижать. Уничижение состоит не только в осуждении ближнего, но и в презрении его, когда гнушаемся ближним, когда отвращаемся от него, как от мерзости. Это гораздо хуже и пагубнее осуждения. Хотящие спастись не обращают внимания на недостатки ближнего; внимание их постоянно устремлено к своим собственным недостаткам: по этой причине они и преуспевают. Мы же, окаянные, нисколько не рассмотрев дела, осуждаем, гнушаемся, уничижаем, если увидим что-либо или услышим, даже если что-либо представится нам только в воображении. Что еще хуже, мы не удовлетворяемся одним собственным вредом, но, встретив другого брата, тотчас говорим ему: случилось то, и то, и то. Мы повреждаем брата, влагая грех и в его сердце: мы не боимся угрозы Писания: *«горе напаяющему подруга своего развращением мутным»* (Авв. 2:15); мы совершаем дело бесовское и нерадим об этом. В чем заключается деятельность бесов? Только в том, что они смущают человеков и вредят им. Мы оказываемся помощниками бесов на погибель свою и ближнего! Кто вредит душе, тот содействует и помогает бесам; напротив того, кто доставляет пользу душе, тот помо-

гает святым ангелам. Отчего мы подвергаемся этому? Единственно оттого, что не имеем любви. Если б мы имели любовь, то смотрели бы с милостью и состраданием на недостатки ближнего, как и Писание говорит: *«любы покрывает множество грехов»* (1Пет. 4:8): *«любы не мыслит зла, вся терпит»* (1Кор. 13:4–5, 7). Если б мы имели любовь, как я сказал, то эта любовь покрывала бы каждое согрешение брата, как поступают и святые, видя недостатки человеческое. Неужели святые слепы? Неужели они не ненавидят согрешений? И кто столько ненавидит грех, как святые? Ненавидя грех, они не ненавидят согрешающего, не осуждают его, не отвращаются от него. Они состраждут согрешающему, наставляют его, утешают, врачуют как член немоществующий, делают все, чтоб спасти его. Святые привлекают брата к добродетели долготерпением и любовью, а не отвращаются от него, не гнушаются им. Как мать, имея безобразного сына, не гнушается им и не отвращается от него, но с любовью заботится искусственными украшениями загладить природный недостаток и делает все, чтоб украсить сына: так и святые постоянно покрывают, украшают согрешающего, заступаются за него с тою целью, чтоб его исправить со временем, чтоб не допустить других до повреждения по причине его и чтоб самим еще более преуспеть в любви Христовой».

«Стяжем любовь, стяжем милостивое сердце к ближнему, чтоб при посредстве этого качества оградить себя от лютого злоречия, от осуждения и уничижения, чтоб при посред-

стве его помогать друг другу, как собственным членам. Кто, имея рану на руке, или на ноге, или на каком другом члене, гнушается собою? Неужели он отсечет член свой, хотя бы этот член и загноился? Напротив того, не очищает ли его, не омывает ли, не прикладывает ли к нему пластыря, не кропит ли освященною водою, не молится ли о исцелении, не просит ли святых помолиться о нем? Короче сказать, он не оставляет телесного члена своего в небрежении, не гнушается ни безобразием, ни зловонием его, но употребляет все средства к исцелению его. Подобным образом мы должны сострадать друг другу, должны помогать друг другу, и сами, и посредством отцов и братии, более преуспевших, нежели мы; мы должны придумывать и делать все, что служит к взаимному вспоможению и себе и братиям; мы члены в отношении один к другому, как и апостол говорит: *«все мы едино тело есмы, а по единому друг другу уди»* (Рим. 12:5); *«аще страждет един уд, с ним страждут вси уди»* (1Кор. 12:26). Что значат общежития, как вы думаете? Не одно ли это тело? Не члены ли этого тела все, живущие в общежитии? Каждый член да служит телу по силе своей! Старайтесь всегда помогать друг другу: или учением, влагая слово Божие в сердце брата, или утешая его во время скорби, или подавая ему руку помощи в каком-либо деле. Одним словом, каждый соответственно силе, да сближается любовью с ближним».

«Чем более сближаемся мы друг с другом, тем более приближаемся к Богу. Подобное совершается и в отношении от-

даления. Удаляющиеся от Бога настолько оставят любовь к Богу, что удалятся от Бога, насколько удалятся и друг от друга; также, насколько удалятся друг от друга, настолько удалятся и от Бога. Таково свойство любви. Насколько находимся вне ее, насколько не любим Бога, настолько мы удалены и от ближних. Если же возлюбим Бога, то насколько приближаемся к Нему любовью, настолько соединяемся любовью и с ближним, соединяемся любовью и с Богом».

«Иногда, услышав оскорбительное слово, мы не обращаем на него внимания и переносим его без смущения, как будто вовсе не слыхали его, иногда же только что услышим, тотчас смущаемся. Какая причина такого различия? Одна ли причина такого различия или их много? Нахожу, что имеется много причин, но есть одна такая, которая, так сказать, служит началом для всех других причин. Случается кому-либо подвергнуться искушению после того, как он занялся молитвою или безмолвием, и в то время находится в благом настроении: по этой причине он переносит оскорбительный поступок брата без смущения. Опять, случается, что оскорбляемый имеет пристрастное расположение к оскорбляющему и потому не огорчается действиями его. Опять, иной питает презрение к оскорбляющему и потому вменяет обиды его ни во что, не обращает на него никакого внимания, как бы не признавая его даже человеком и не делая никакого ответа на его слова, что бы он ни говорил».

«Главная причина всякого смущения, если основательно

исследуем, заключается в том, что мы не укоряем самих себя: отсюда проистекает всякое расстройство! По этой причине мы никогда не можем прийти в состояние спокойствия! После этого нечего удивляться, когда слышим от всех святых, что нет другого пути, кроме пути самоукорения. Но мы, видя, что ни один из святых не нашёл покоя, идя другим путем, надеемся получить спокойствие, или идти правым путем, не желая никогда укорять самих себя! Поистине, если человек совершит тьмы добродетелей и не будет держаться этого пути, то никогда не престанет оскорбляться и оскорблять других, погубляя этим все труды свои. Напротив того, какую радость, какое спокойствие ощущает тот, кто укоряет самого себя! Укоряющий себя, куда бы ни пошел, как сказал авва Пимен, что бы ни случилось с укоряющим себя, утрата ли чего или бесчестие, или какая бы то ни было скорбь, он никогда не смутится, постоянно предваряя смущение признанием себя достойным напасти. Какое другое настроение может быть свободнее от печали!»

«Случается, что иной, как представляется ему, пребывает в мире и безмолвии. Но вот пришел брат, сказал ему неприятное слово, и он смутился. На этом основании полагая скорбь благословною, он говорит: «Если б такой-то не пришел, не сказал мне оскорбительного слова и не смутил меня, то я не пришел бы в расстройство. Это смешно! Это – прелесть! Неужели вложил в него страсть тот, кто сказал ему неприятное слово? Сказавший такое слово только обна-

ружит таившуюся в нем страсть, чтоб он покаялся в ней, если хочет. Руководствующийся такими суждениями подобен гнилому хлебу, который с виду хорош, а внутри заплесневел. Когда разломят его, обнаруживается гнилость его. Так и этот пребывал, как представлялось ему, в мире, имея живущую внутри себя страсть, и не ведал этого. Одно слово сказал ему брат его и извлек гнилость, скрывавшуюся внутри его! Пусть же он покается, если хочет быть помилован; пусть очистится, пусть преуспеет, пусть увидит, что он должен благодарить брата, а не скорбеть на него: брат доставил ему величайшую пользу».

«Обвинение самих себя, а не кого другого, в случающихся с нами скорбях доставляет нам великое благо, доставляет глубокое спокойствие и значительное преуспеяние. Тем более мы должны так поступать, что ничего не совершается с нами без Промысла Божия. Если кто по правде достоин спокойствия, то Бог известит Сарацынскому сердцу сотворить милость с ним соответственно нужде его. Если же кто недостоин успокоения, или оно неполезно ему, то он не найдет его, хотя бы сотворил и новое небо, и новую землю. При всяком приключении, встречающемся с нами, мы должны взирать горе. Сделают ли нам добро, пострадаем ли зло, мы должны устремлять душевные очи горе и благодарить Бога за все, случающееся с нами, держась постоянно самоукорения. По наставлению отцов, мы должны говорить, если случится с нами что доброе: «Это случилось по смотрению Бо-

жию». Если же случится что злое, должны говорить: «Это случилось за грехи наши. Поистине, все скорби, которые мы претерпеваем, претерпеваем за грехи наши»[805].

«Будем трезвиться, братия, и при содействии Божием усильно бороться против всепагубной страсти памятозлобия, чтоб избавиться от обладания ею. Бывает следующее: при возникшем смущении или неудовольствии между братиями брат поклонится брату, но и по поклонении продолжает скорбеть и питать неприязненные помышления против брата. Он не должен пренебречь такими помышлениями, но отвергнуть их как можно скорее: это – памятозлобие. Требуется особенное внимание, чтоб не закоснеть в нем и не погибнуть. Отсекайте страсти, доколе они юны, прежде нежели они укоренятся в вас, окрепнут и начнут насильно властвовать над вами. Тогда придется вам много пострадать, исторгая их: иное дело вырвать из земли былинку, и иное – искоренить большое древо».

«Воздать злом за зло можно не только делом, но и словом, и видом. Иной думает о себе, что он не воздает злом за зло. На деле же оказывается, что он воздает словом или видом: он принимает такой вид, делает такое движение, бросает такой взгляд, которые смущают и уязвляют брата. В этом – воздаяние злом за зло. Другой старается не воздавать злом за зло ни при посредстве дела, ни при посредстве слова или вида, или движения, но питает в сердце скорбь на брата, питает

[805] Поучение 7. О самоукорении.

огорчение, которое имеет характер также памятозлобия. Видите, какое различие настроений!»

«Опять иной не сохраняет даже никакой скорби на брата в сердце. Если же услышит, что кто-нибудь оскорбил этого брата, или что сделан ему выговор, или что уничижили его, то, слыша это, он не престает радоваться. Оказывается, что таким образом он воздает злом за зло в тайне сердца своего. Другой не питает злобы в сердце, также не радуется, слыша о уничижении оскорбившего, даже сетует, если нанесут оскорбившему оскорбление, но и не радуется его благополучию: если увидит, что его прославляют или успокаивают, то скорбит. И это вид памятозлобия: он легче вышеисчисленных, но принадлежит к ним. Каждый из вас должен радоваться благополучию брата, содействовать по силе этому благополучию, делать все, зависящее от него, к угождению и успокоению брата».

«Каким средством можно получить исцеление от памятозлобия? Молясь от всего сердца о оскорбившем и говоря: «Боже! Помоги брату и мне молитв ради его». Таким образом, страждущий памятозлобием, во-первых, молится за брата своего, что служит знамением милования и любви, во-вторых, смиряется пред братом, прося себе помощи ради молитв его. Где присутствуют милость, любовь и смирение, возмогут ли там развиться ярость, или памятозлобие, или какая другая страсть? Справедливо сказал авва Зосима: «Если диавол, пригласив к содействию себе всех демонов, при-

ведет в действие все ухищрения злобы своей, то от смирения заповеди Христовой упразднится и сокрушится коварство его, каково бы оно ни было». И другой старец сказал: «Молящийся за врага будет непамятозлобен». Вникнув основательно в то, что слышите, исполняйте на деле. Говорю истину: если не будете исполнять на деле, то не возможете научиться от одного слышания слов. Кто, желая научиться какому-либо художеству, научается ему от одного объяснения словами? Непременно он принимается за самое упражнение в деле; сперва упражнение его сопряжено с погрешностями: он и делает, и портит свое дело; но постоянно трудясь и терпя, мало-помалу научается художеству, при помощи Бога, презирающего на труд и произволение его. Мы же, не принимаясь за дело, хотим изучить художество, превышее всех художеств, от одного слышания? Возможно ли это? Братия! Доколе имеем время, будем внимать себе и трудиться тщательно»[806].

«Настоятель братии! Пекись о них с сокрушенным сердцем, исполненным благости и милости, наставляя их добродетели делом и словом, а более делом, потому что пример действительней слов. Если имеешь достаточные телесные силы, будь образцом для братства в телесных трудах, если же ты немощен, то действуй на него благим душевным устроением и плодами Духа, исчисляемыми апостолом: любовью, долготерпением, радостию, миром, благостию, милосерди-

[806] Поучение осьмое. О памятозлобии.

ем, верою, кротостию и воздержанием от всех страстей (Гал. 5:22, 23). По причине случающихся проступков не тревожься излишне, но без смущения объясняй вред, происходящий от проступка. Если окажется нужным подвергнуть выговору или наказанию, то обращай внимание на лице и выбирай удобное время. Не очень истязывай за малые согрешения, как бы праведник, чуждый всякой погрешности. Не обличай часто: это обременительно; привычка выслушивать частые обличения приводит обличаемого в ожесточение и небрежение. Не повелевай властительски, но предлагай со смирением, как бы советуясь с братом: такое слово принимается удобней, более располагает к повиновению и благоприятно действует на ближнего».

«Во время смущения, когда брат окажет тебе сопротивление, удержи язык твой, чтоб не сказать ему чего с гневом; не допусти сердцу твоему вознестись на него: вспомни, что он – брат твой, член одного с тобою тела о Христе, образ Божий, искушаемый от общего врага; умилосердись над ним, чтоб диавол не уязвил его твоею яростию и, пленив, не умертвил памятозлобием, чтоб не погибла от нерассмотрительности нашей душа, за которую умер Христос. Вспомни, что и ты, если разгневаешься, подлежишь осуждению за гнев; сознавая собственную свою немощь, окажи сострадание брату твоему и благодари Бога за то, что Он преподал тебе случай простить брата твоего, и тем получить прощение в твоих согрешениях, более важных и более многочисленных, нежели

согрешения брата. *«Отпущайте, и отпустится вам»* (Лк. 6:37), – сказал Господь. Не представляется ли тебе, что долготерпение твое послужит причиною повреждения для брата? Но апостол заповедует побуждать благим злое, а не злым благое (Рим. 19:21). И Отцы говорят: «Делая вразумление ближнему, если сам увлечешься гневом, то этим ты удовлетворишь только своей страсти». Никто из благоразумных не разоряет собственного дома, чтоб построить дом ближнего. Если смущение будет продолжаться, то удержи сердце твое в пределах кротости насильно и помолись так: «Боже милосердый и человеколюбивый! Ты, по неизреченной благости Твоей, сотворил нас из ничего для наслаждения Твоими благами! Ты воззвал нас к Себе кровью единородного Сына Твоего, Спасителя нашего, когда мы отпали от Тебя преступлением заповеди Твоей! И ныне прииди и помоги немощи нашей, запрети возмущению сердец наших, как некогда ты запретил волнующемуся морю, чтоб оба мы в один час не лишились усыновления Тебе, будучи умерщвлены грехом, чтоб Ты не сказал нам: *«кая польза в крови Моей, внегда сходити Ми во истление?»* (Пс. 29:10). *«Аминь глаголю вам, не вем вас»*, потому что светильники ваши угасли от недостатка елея» (Мф. 25:12). После этой молитвы, когда укротится сердце, уже возможешь разумно и со смирением, по наставлению апостола (Гал. 6:12; 1Тим. 4:2), обличить, вразумить, исцелить и исправить с милованием, как свой немоществующий член. Тогда и брат, поняв свое ожесточение, примет

исправление с доверенностью: ты умиротворишь сердце его твоим миром. Ничто да не разлучит тебя от святой Христовой заповеди: *«научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем»* (Мф.11:29). Прежде и более всего должно заботиться о мирном устроении души и никак не допущать сердце до смущения, ни под мнимо справедливыми предлогами, ни ради заповеди. Да ведаем достоверно, что именно для достижения любви и чистоты сердца мы стараемся со всевозможным тщанием исполнять заповеди. Управляя так братиею, и ты услышишь Божественное определение, возвещающее: *«аще изведеши честное от недостойного, яко уста Моя будеши»* (Иер. 15:19)[807].

Выписка из творений преподобного Исаии Отшельника «Прежде всего мы нуждаемся в смиренномудрии.

Слово «прости» да будет у нас непрестанно готовым в ответ на всякое неприятное слово, на всякий неприятный поступок относительно нас. Смиренномудрием расторгаются все сети супостата нашего, диавола»[808].

«Не вменяй себя за нечто в каком бы то ни было деле, и пребудут несмущенными помыслы твои»[809].

«Добродетели рождаются от нелюбопрительности, от злострадания, от смирения, от постоянного отсечения своей воли в духовном разуме, от неповиновения оправданию

---

[807] Поучение 17. О наставлении братии.

[808] Там же. Слово 3.

[809] Там же. Слово 3.

своему, от внимания, непрестанно обращенного на грехи свои»[810].

«Если погрешишь в чем-либо, не прикрывай погрешности ложью. Положи поклон, скажи: «Прости меня». Этим изгладится погрешность»[811].

«Если кто скажет тебе жестокое слово, то не попусти сердцу твоему вознестись на брата. Принудь себя поклониться оскорбившему, прежде нежели воздействует в тебе гнев. Гневу предшествует уничижение ближнего»[812].

«Если тебя укорят в чем-либо, то ты не попусти себя разгорячиться на оскорбившего. Не входя в рассмотрение, правильно ли или неправильно сделанное обличение, поклонись укорившему, говоря: *«Прости меня»*. Такое поведение приводит юного в преуспеяние»[813].

«Если пожелаешь чего-либо, а живущий брат не хочет этого, отсеки пред братом волю твою, чтоб не возникло между вами спора и чтоб брат твой не оскорбился на тебя»[814].

«Если брат, пришедши к тебе в келию, начнет произносить неполезные слова, останови его. Скажи ему с любовью: «Прости меня! Я немощен и не могу выносить таких

---

[810] Там же. Слово 1.

[811] Там же. Слово 3.

[812] Там же. Слово 3.

[813] Там же. Слово 3.

[814] Там же. Слово 3.

слов»»[815].

«Если услышишь о погрешности брата твоего, не передай такого сведения кому-либо другому: таким поступком нанесешь смертельную язву душе твоей»[816].

«Если кто в присутствии твоем начнет порицать брата, то не промолчи пред порицателем, не устыдись его, не согласись с ним, не согреши пред Богом. Со смирением скажи порицателю: «Брат, прости меня: и я грешник, достойный всякого сожаления. Тот порок, о котором говоришь, принадлежит мне, и я не могу выслушивать обличение в нем»[817].

«Если брат сделает тебе зло и кто-либо в присутствии твоем начнет злословить его – озаботься охранить сердце твое, чтоб не возобновилось в нем чувство злобы на брата. Вспомни множество согрешений твоих пред Богом, и, если хочешь, чтоб они простились тебе, не воздай злом за зло ближнему твоему»[818].

«Если услышишь, что брат отнесся о тебе худо и после этого встретишься с ним где-либо, или он придет к тебе, прими его благосклонно, с радостным приветствием и видом. Не скажи ему того, что слышал о нем, не спроси его: «Зачем говорил ты то и то?» Написано в притчах: помнящий бесче-

---

[815] Там же. Слово 3.

[816] Там же. Слово 4.

[817] Там же. Слово 4.

[818] Там же. Слово 4.

стия законопреступен»[819].

«Безмолвствуя в келии, если вспомнишь о ком-либо, сделавшем тебе зло, то встань и помолись от всего сердца Богу, чтоб Бог простил сделавшему зло, и помысл мести отойдет от тебя»[820].

«Безмолвствуя в келии, если впадешь в болезнь, не впади в малодушие, но благодари Бога. Если увидишь, что по причине болезни смущение вкрадывается в душу твою, то скажи ей в увещание и утешение: «Эта болезнь полезнее той болезни, которая ожидает тебя в геенне и в которую впадешь, если не будешь тверд и постоянен в терпении». От такого размышления умолкнет в тебе смущение»[821].

«Внимай прилежно, чтоб, приступая к причащению Святым Тайнам, не иметь злобы на брата твоего: иначе нанесешь вред сам себе»[822].

«Если брат, увлекшись малодушием, скажет тебе грубое слово, перенеси его с радостию. Исследовав помыслы твои на суде Божием, найдешь, что ты подал повод твоим согрешением к оскорблению тебя»[823].

«Если кто порицает и уничижает брата своего в присутствии твоем, то не дозволь себе внимать словам злоречия.

---

[819] Там же. Слово 4. Притч. 1 ч. 16.

[820] Там же. Слово 4.

[821] Там же. Слово 4.

[822] Там же. Слово 4.

[823] Там же. Слово 5.

Иначе постигнет и тебя неприятность»[824].

«Не питай в сердце твоем злобы ни на кого. Иначе все труды твои о благочестии будут тщетны» [825].

«Да будет сердце твое чисто и благосклонно по отношению ко всем, и узришь в себе мир Божий»[826].

«Яд скорпиона разливается по всему телу и повреждает самое сердце того, кто ужален скорпионом: таково действие злобы на ближнего. Ядом ее уязвляется душа; лукавая злоба губит зараженного ею. Желающий сохранить подвиг и добродетель свою от конечного повреждения старается скорее отразить от себя скорпиона – злобу и лукавство»[827].

«Три добродетели сообщают непрестанно свет уму – невидение злобы ни в одном человеке, благотворение нанесшим обиды, перенесение постигающих скорбей без смущения»[828].

«От этих трех добродетелей рождаются три большие: невидение злобы человеческой рождает любовь; от благотворения делающим зло стяжавается мир; невозмущенным терпением попускаемых скорбей доставляется кротость» [829].

«Четыре добродетели ограждают душу и доставляют

---

[824] Там же. Слово 6.

[825] Там же. Слово 6.

[826] Там же. Слово 6.

[827] Там же. Слово 6.

[828] Там же. Слово 7.

[829] Там же. Слово 7.

ей отдохновение от смущения, производимого врагами – демонами: милость, безгневие, долготерпение и забвение обид»[830].

«Четыре порока помрачают душу – ненависть к ближнему, уничижение ближних, зависть и ропот»[831].

«По четырем причинам усиливается в человеке страсть гнева: от расположения принимать подаяние и раздавать его, от последования своей воле, от желания учить других, от признания себя разумным»[832].

«Если кто укорит тебя за что-либо, сделанное или не сделанное тобою, и ты промолчишь, то поступишь сообразно естеству Иисуса. Если же начнешь возражать, говоря: «Что я сделал?» – то поступишь уже не в свойствах этого естества. Если же воздашь равным за равное, то это уже будет вполне противоположно естеству Иисуса»[833].

«Приобучи язык твой говорить «Прости меня», и вселится в тебя смирение»[834].

«Бог показал святому апостолу Петру, что ни одного человека не должно признавать скверным или нечистым» (Деян. 10:15).

«Чье сердце стяжало святость, тот видит всех человеков

---

[830] Там же. Слово 7.

[831] Там же. Слово 7.

[832] Там же. Слово 7.

[833] Там же. Слово 8.

[834] Там же. Слово 9.

святыми. Чье сердце погрязло в страстях, тот не почитает чистым никого. Он мнит, что все подобны ему; он ощущает немедленно неудовольствие в сердце своем, когда при нем отнесутся о ком-либо одобрительно. На этом основании остерегайтесь порицать кого бы то ни было ни явно, ни в сердце»[835].

«Чем нерадивее жительство человека, тем сильнее в нем самомнение, и признает он себя в сердце своем другом Божиим. Когда же он вступит в подвиг и освободится от страстей, тогда не дерзает возвести очей на небо»[836].

«Во всяком подвиге, во всякой скорби мы не должны предаваться унынию и расслаблению. Потрудимся от всей души, и, верую, Бог сопричислит нас сонму святых Своих»[837].

«Необходимо, чтоб человек издавал обильные молитвы пред Богом с великим смирением по душе и по телу, чтоб ни к какому делу его не примешивалось тщеславное мнение о себе, чтоб он не соглашался с приносимыми ему похвалами человеческими, чтоб не оскорблялся людским поношением, чтоб умиротворял сердце – в отношении к порицающим – воспоминанием грехов своих»[838].

«Не дозволь устам твоим извергнуть горькое слово о по-

---

[835] Там же. Слово 10.

[836] Там же. Слово 10.

[837] Там же. Слово 10.

[838] Там же. Слово 10.

рицателях твоих, ниже пред возлюбленными твоими»[839].

«Не порицай и не хвали никого. (То и другое – суд, воспрещенный Богом (Лк. 6:37), и выражение превозношения над ближним)».

«Будем тщательно рассматривать себя, чтоб не иметь ненависти или вражды, при которых благоугождение Богу невозможно»[840].

«Кто постоянно размышляет о последнем дне жизни своей и о тех казнях, которым должен подвергнуться за грехи свои, тому не приходит на мысль осуждение других. Болезненным ожиданием вечных мук снедается сердце его. Томления адские предстоят взорам ума его и не допускают развлекаться любопытством суетным. Поучение его растворено горестью. Нет слов у него для гордого наставления ближних, как бы жительство их ни было нерадивым. Не заботится он о пище. Окажет ли ему кто милость, он не ощущает утешения от этой милости по причине глубокого сознания греховности своей. Подвергшись поношению, он не отвечает с гневом. С терпением переносит обиды, признавая себя достойным их, смех не видится никогда на устах его. Колеблет он главою, произносит тяжкие стенания, вспоминая о том грозном судилище, пред которое должен предстать. Если услышит суждение о чем-либо, не подает своего мнения, хорошо ли оно или худо; не привлекает оно к себе ни внимания

[839] Там же. Слово 10.

[840] Там же. Слово 12.

его, ни слуха. Очи его источают обильно слезную воду, по причине тяжкой болезни, объемлющей сердце его. Если он – сын благородных родителей, тем более предается печали, потому что тем большее посрамление ожидает его на суде пред множеством зрителей, которым он известен. Созерцая уготованный престол суда, он не обращает внимания на то, кто между людьми добр и кто зол. Если содержатся с ним в темнице другие узники, он не входит ни в какое общение с ними, не вступает в рассуждение, что бы сказать и сделать в своё оправдание и избавление: *«кийждо бо свое бремя понесет»* (Гал. 6:5). Когда влекут его на смертную казнь, мрачно лицо его, и глаза опущены к земле. Никто из человеков не дерзает замолвить слова в защиту его; каждый трепещет за себя; а он произносит исповедь и признание в соделанных согрешениях, признает себя заслужившим осуждение и наказание»[841].

«Стяжавшим смиренномудрие Бог открывает грехи их, чтоб они познали их и покаялись в них. Если к смиренномудрию присоединится плач, то изгонятся из души седмь бесов и доставится возможность души преуспевать при посредстве подвигов и добродетелей ее. Пришедшие в такое настроение не смущаются от поношений человеческих. Зрение грехов своих служит для них всеоружием. Оно сохраняет их от гнева и мстительности, доставляет силу претерпевать встречающиеся скорби. Какое оскорбление может прикоснуться

[841] Там же. Слово 14.

их, когда они постоянно занимаются рассматриванием грехов своих пред лицем Божиим?»[842]

«Напротив того, если допустишь себе победиться, не понесешь слово ближнего твоего, но воздашь ему жестким словом, то воздвигнутся брани в сердце твоем. Они отнимут у тебя мир, напоминая слово, сказанное тебе, и принося сожаление о том, что ты решился сказать вопреки. Размышление об этом будет мучить тебя: ты ублажишь отшельников, живущих наедине, и ожесточится сердце твое к ближним как к не имеющим любви»[843].

«Постарайся приобрести терпение и любовь: терпением побеждается гнев, а любовью исцелишься от печали. Моли Бога, чтоб Он даровал тебе эти добродетели. Любовь и долготерпение погашают гнев, движущийся противоестественно, оставляют естественное действие гнева, который тогда восстает против демонов. Имея в себе смиренномудрие и плач, всегда будешь сохранять мир с ближними»[844].

«Кто ради Бога, для сохранения мира перенесет жестокие слова человека грубого и невежественного, тот наречется сыном мира. Он соделается способным привести в состояние взаимного мира дух, душу и тело свои. Когда эти три составные части человека вступят во взаимное согласие между собою, тогда прекратится действие всех, вооружающихся на

---

[842] Там же. Слово 16.

[843] Там же. Слово 16.

[844] Там же. Слово 16.

закон ума, и разрушится плотское мудрование. Пришедший в это состояние сын мира соделывается обителью Святого Духа, соделавшись предварительно принадлежностью Святого Духа, Который уже не отлучится от него»[845].

«Смиренномудрием доставляется способность переносить уничижения»[846].

«Червь, точащий древо, губит его, злоба, питаемая в сердце, отравляет его»[847].

«Кто повергает душу свою пред Богом, тот получает силу переносить несмущенно порицания. Слезы такого подвижника не оскверняются никакою примесью из побуждений человеческих»[848].

«Оставление самоукорения приводит к оставлению безгневия»[849].

«Не питай вражды ни к какому человеку. Иначе Бог не будет принимать молитвы твоей. Имей мир со всеми и стяжешь дерзновение в молитве»[850].

«Не желай слышать о искушении, постигшем того человека, который оскорбил тебя, чтоб не совершить мести в серд-

---

[845] Там же. Слово 16.

[846] Там же. Слово 16.

[847] Там же. Слово 16.

[848] Там же. Слово 17.

[849] Там же.

[850] Там же.

це»[851].

«Внимай себе: если совесть упрекает тебя в том, что брат твой скорбит на тебя, то не пренебреги этим напоминанием совести, но поклонись брату и смиренным голосом попроси у него прощения. Постарайся получить прощение»[852].

«Остерегись: не будь жесток и суров к брату твоему. Все мы терпим насилие от врагов демонов»[853].

«Если борет тебя зависть, то вспомни, что все мы – члены Христовы. На этом основании честь и бесчестие каждого из нас принадлежат вообще всем нам. Такое размышление успокоит тебя»[854].

«Если помысл понуждает тебя сказать что-нибудь худое о брате твоем, то подумай, как опечалится брат, услышав твой отзыв о нем, как тебе стыдно будет встретиться с ним после этого. Таким размышлением возможешь удержать себя от злоречия»[855].

«Если почувствуешь порочное желание уничижить брата, то вспомни, что за это Бог предаст тебя врагам твоим. Этим остановишь себя в начинании твоем»[856].

«Господь сказал в Евангелии: *«аще отпущаете человеком*

---

[851] Там же.

[852] Там же.

[853] Там же.

[854] Там же.

[855] Слово 17.

[856] Слово 17.

согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный. Аще ли же не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших» (Мф. 6:14–15). Страшно и грозно слово Господа! Если ты видишь, что сердце твое не ко всем чисто, то остерегись просить чего-либо у Бога. Ты выкажешь неуважение к Богу, когда, будучи грешником и питая в себе огорчение на подобного тебе человека, осмелишься просить Взирающего на сердца о прощении грехов твоих. Молящийся в таком устроении не может молиться умною молитвою: он молится одними устами, не разумея сам себя и не принадлежа себе»[857].

«Желающий молиться истинною умною молитвою, действуемою Святым Духом в чистом сердце, должен, прежде нежели приступить к молитве, тщательно рассмотреть себя, не гнездится ли в душе его неприязнь к кому-либо. Если же движутся в нем и возмущают его ненависть и гнев и он молится в таком настроении, то лишь обольщает сам себя. Бог не внемлет ему, потому что ум его, волнуемый и расхищаемый страстью, не молится; мнящий молиться исполняет только по наружности обычное правило»[858].

«Желающий принести чистую молитву должен, во-первых, подвергнуть тщательному испытанию ум свой и рассмотреть, не усвоил ли он себе помыслов злобных. Необходимо тебе простить ближнего и помиловать его, прежде

---

[857] Слово 18.

[858] Там же.

нежели обратишься с прошением к Господу, чтоб Он помиловал тебя. Надо, чтоб ты забыл оскорбления и обиды, нанесенные тебе ближним, прежде нежели начнешь просить Господа, чтоб Он не помянул грехов твоих, в которые ты впал волею и неволею. Если не исполнишь этого, то будешь молиться тщетно. Бог не будет внимать тебе»[859].

«Ты получишь прощение в грехах в той мере, в какой простишь ближним»[860].

«Рассмотри сердце твое. Очистил ли ты его от памятозлобия в отношении ко всем человекам? Бог – истина и требует служения Себе истиною, а не одними словами, произносимыми языком. И потому возделай сердце свое так, чтоб в нем изгладилось всякое памятование обид и оскорблений добровольным забвением их»[861].

«Каждый человек сам себя приготовляет к геенне или разрешает от нее: ничего нет тверже воли, и она, по данной ей свободе, преклоняется или к жизни, или к смерти. Блаженны возлюбившие вечную жизнь! Этою любовью они охраняются от преткновений»[862].

«Должно подвизаться в труде и поте лица в глубине самого сердца против насилующих его помыслов памятозлобия, чтоб они не нанесли тяжкой язвы, исцеление которой будет

---

[859] Слово 18.

[860] Там же.

[861] Там же.

[862] Там же.

очень затруднительным. Вспомоществует в этом подвиге постоянное созерцание грехов своих. Находясь в таком настроении, если узнаешь, что нанесено тебе оскорбление, удобней возможешь изгнать из души твоей всякое желание мести»[863].

«И страх геенны обуздывает насилуемого гневом, намеревающегося воздать каким-либо злом оскорбившему. Он говорит: «Несчастный! Ты умоляешь Бога о прощении грехов твоих, и даже до ныне долготерпит тебе Бог, не обличая грехов твоих, а ты гневаешься на брата твоего и без милосердия объявляешь грехи его. Знаешь ли, что явствует из этого? Из этого явствует, что ты находишься еще во грехах твоих и не получил в них ни малейшего прощения»[864].

«Если смягчится сердце твое и соделается чуждым злобы на ближнего, то получишь милость от Бога. Если ж лукавое сердце твое пребывает в ожесточении относительно ближних, то ведай, что ты еще не помянут Богом. Прости меня!»[865]

«Человек, не достигший первобытного непорочного естественного состояния по образцу Сына Божия, да признает свой подвиг еще не принесшим никакого плода»[866].

«Каждый человек, принявший Святое Крещение, обязан распять все противоестественные лукавые влечения, кото-

---

[863] Там же.

[864] Там же.

[865] Там же.

[866] Слово 18.

рыми заразился Адам при падении, по причине которых он лишился святой славы, низвергся в поношение и срам вечные»[867].

«Да подвизается ум мужественно! Да презрит и возненавидит все, что ценится высоко плотскими человеками! Да враждует враждою непримиримою до конца жизни против всего суетного! Повергают в рабство греховное сынов Адама следующие вожди и предводители зла: тленный прибыток, земная слава и честь, наслаждение и нега тела, украшение себя одеждами и забота о телесном благообразии. Этим питаются чувственность и сластолюбие – те страсти, которые влил змей в уста Евы и по которым познаем себя, что мы – сыны Адама. Присутствие в нас страстей обличается лукавыми помыслами, кипящими в нас и соделывающими нас врагами Божиими»[868].

«Блажен тот, кто со Христом распялся, умер, погребен и воскрес в естестве обновленном, кто последует святым стопам Иисуса. Сын Божий отделялся человеком, чтоб последователи Его уподоблялись Ему смиренномудрием, нестяжанием, уничиженным положением в мире, перенесением обид и поруганий, беспопечительностью о теле, пренебрежением наветами лукавых демонов. Кто, победив страсти, придет в это состояние, тот – Христос, тот – сын Божий и брат Иису-

[867] Там же.

[868] Там же.

са»[869].

«Господь сказал: «аминь, аминь глаголю вам, аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное» (Мф. 18:3). Какие дела дитяти? Дитя, когда наказывают его, плачет; с радующимися оно радуется; если укорят его, оно не гневается; похвалами не превозносится; если предпочтут ему другого, оно не тревожится ревностью; если возьмут у него что-либо, принадлежащее ему, оно не смущается; если оставят ему наследство, оно пребывает к этому равнодушным; оно не судится ни с кем, не вступает ни в какие споры, не ненавидит никого из человеков. Дитя, находясь в нищете, не печалится об этом; находясь в богатстве, не превозносится; увидев женщину, не ощущает вожделения, сластолюбие и попечительность не обладают им; оно не осуждает никого, никем не владеет, никому не завидует, не хвалится тем, чего не знает; не насмехается над ближним по причине его телесных недостатков, не питает вражды ни к кому; не лицемерствует; не ищет мирских почестей, не собирает богатства, чуждо сребролюбия, дерзости, любопрительности; не учит других по страстному побуждению высокоумия; ни о чем не печется; если снимут с него одежду, не скорбит об этом; не последует собственной воле; не боится ни голода, ни злодеев, ни зверя, ни войны, ни гонения. Таковы и те, о которых сказал Господь наш Иисус Христос: *«аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не вни-*

[869] Там же.

дете в Царство Небесное»[870].

«Каких дел по свойству младенцев требует от нас Господь? Это объясняет апостол в следующих словах: *«отложше всяку злобу и всяку лесть и лицемерие и зависть и вся клеветы, яко новорождени младенцы словесное и нелестное млеко возлюбите, яко да о нем возрастете во спасение»* (1Пет. 2:1). Понял ли, ты, брат, из этого значение слов Господа нашего Иисуса: *«аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете во Царство Небесное»*. Страшны эти слова, сказанные Господом с клятвенным подтверждением: «аминь, аминь», то есть истинно, истинно «глаголю вам». Сказавший эти слова Сам есть Истина. *«Бог*, – как говорит апостол, – *понеже ни едином имяше большим клятися, клятся Собою»* (Евр. 6:13). Вникнем тщательно в эти слова и будем заботиться со страхом и трепетом, будем заботиться непрестанно о исполнении этих слов. Какое бы ни приблизилось искушение к душе нашей, будем стараться о том, чтоб вспомнить слова Господа, подтвержденные клятвою: *«аминь, аминь глаголю вам: аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное»*. Слова эти да будут щитом для нас, сколько бы раз ни уязвил нас диавол стрелою злобы на ближнего, сколько бы раз ни уязвил нас сам ближний или укоризною, или оболганием, или отречением от послушания нам, хотя б это послушание и было обязанностью его. Слова Господа да будут для нас щи-

[870] Слово 26.

том, когда воздействует в нас лукавое огорчение, усиливаясь возбудить в нас злобное воспоминание о том, что сделано нам скорбного ближними, чтоб помрачить душу нашу гневом и ненавистью. Кто, приводя себе на память слова Господа, не убоится их? Кто мудрый, кто желающий спасти душу свою, кто, желающий избежать огня геенского, не извергнет из сердца своего всякое негодование против ближнего? Кто не извергнет из сердца всякой ненависти, чтоб не быть извергнутым из Царства Небесного? Страшное и краткое определение произнесено Господом Иисусом: *«аминь, аминь глаголю вам: аще не обратится и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное»*. Тяжким представляется это определение для последующих воле своего падшего естества, для любящих мир, для не признающих, что и ныне Святой Дух нисходит на избранных Божиих и исполняет их дарованиями Своими. Дух, нисшедши на них, преподает им забвение всякого зла и вместе преподает им учение из Себя: Он преподает им кротость и заменяет ею гнев; Он преподает мир, которым заменяет вражду; Он преподает смиренномудрие, которым заменяется расположение к спорам и сварливости; Он преподает любовь, заменяя ею ненависть; Он преподает долготерпение, заменяя им малодушие. Получают такие качества те, которые удостоились возрождения»[871].

«Тщательно внимай себе и утверждайся верою, взирая очами ума на Господа нашего Иисуса Христа, Который, бу-

[871] Слово 26.

дучи Бог, имея неисповедимую славу и величество, соделался человеком ради нас, и оставил нам *«образ, да последуем стопам Его»* (1Пет. 2:21). *«Он, зрак раба прием, смирил Себе»* (Флп. 2:7, 8) неизреченно. Он явился к нам в положении нищего и переносил равнодушно это состояние уничижения. Он претерпел многие и тяжкие поношения и бесчестия. Совершилось над Ним предречение Писания: *«яко овча на заколение ведеся, и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст своих. Во смирении суд Его взятся»* (Ис. 53:7, 8). Он принял за нас смертную казнь, которую предварили и сопровождали страшные наругания, побои и пытки. Последуя Ему, во исполнение заповеди Его, во очищение грехов наших, мы должны терпеливо и усердно переносить, если подвергнемся справедливо или несправедливо укоризнам или клеветам. Зачем говорить много? Если будут преследовать нас до смерти, то пойдем на смерть, как овцы ведутся на заколение, как бессловесный скот на убой, не противореча и не сопротивляясь. УМОЛЯЙ о пощаде, если то окажется возможным. Если же окажется невозможным, то храни молчание в великом смирении»[872].

«Тщательно внимай себе и веруй, что укоризны и бесчестия, переносимые ради Господа, составляют великое приобретение для души твоей, служат ей средством спасения. Претерпевай их усердно, не смущаясь. Помышляй, что ты достоин пострадать несравненно больше за грехи твои. Го-

[872] Слово 28.

вори сам себе: «Велико для меня, что удостаиваюсь понести эти страдания и огорчения ради Господа. Многие скорби и уничижения, которым подвергаюсь, соделают меня, может быть, в некоторой степени последователем пострадавшего за меня Бога». Каждый раз, как ни вспомнишь об оскорбивших тебя, не поропщи на них: помолись о них искренно, от души как о благодетелях, исходатайствовавших тебе великие приобретения»[873].

«Тщательно внимай себе и возгнушайся любоначалием, исканием славы, почестей и похвал человеческих, вменяемостью, побуждающею признавать себя значущим что-либо или исполнившим какую добродетель, или лучшим брата твоего, или даже равным ему; возненавидь все это совершенною ненавистью как причину душепогибели, вечной смерти, вечной муки. Отсекай мерзкую похоть и плотскую сласть даже в самомалейших проявлениях. Не позволяй себе свободного обращения ни с кем; не прикоснись к телу ближнего твоего, и даже на лицо его не посмотри без особенной нужды; не съешь безвременно ниже малейшего количества пищи. Так, соблюдая и утверждая себя в мелочах, не впадешь и в тяжкие согрешения. Пренебрегающий мелочами мало-помалу нисходит в гибельное падение»[874].

«Тщательно внимай себе и признавай себя искренно, от души, последнейшим из всех христиан и величайшим греш-

---

[873] Там же.

[874] Слово 28.

ником. Содержи непрестанно душу в плаче, в смирении, в стенаниях. Пребывай всегда в молчании, как недостойный говорить и не знающий ничего; никак не говори без требования нужды»[875].

«Тщательно внимай себе, постоянно помни, постоянно имей пред очами огонь вечный и вечные муки, смотри мысленно на грешников, осужденных туда, и там терзающихся, считай себя более принадлежащим к ним, нежели к числу живущих на земле»[876].

«Тщательно внимай себе и помышляй, что Господь наш Иисус Христос умер за нас, искупил нас Своею кровию, воскрес и совоскресил нас с Собою. По этой причине и ты уже должен жить не в падшем твоем естестве, но в Господе. Веруй, что находишься всегда пред Ним и что Он смотрит на твое сердце»[877].

«Тщательно внимай себе и содержи себя в непрестанной готовности оказать полное повиновение воле Божией, хотя бы с этим повиновением сопряжена была малая или великая скорбь, даже если б подвергалась опасности жизнь, если б последовала насильственная смерть. Всегда ожидай великих и страшных искушений, скорбей, напастей, смерти лютой, чтоб они не застали тебя неготовым»[878].

---

[875] Там же.

[876] Там же.

[877] Там же.

[878] Слово 28.

«Тщательно внимай себе, и никак не попускай размышлять о чем-либо, не благоугодном Богу: Бог присутствует везде и видит все. Желая сказать что-либо, или сделать, или вступить с ближним в какое-либо сношение, или вкусить пищи и пития, или уснуть – словом, намереваясь приступить к какому бы то ни было начинанию, рассмотри прежде, согласно ли оно с заповедью Божией, взвесь причину, побуждающую тебя действовать так, говори и поступай, как пред взорами Бога, с целью говорить и делать одно благоугодное Ему. Таким образом, ты стяжешь близость к Богу и великое дерзновение к Нему»[879].

«Тщательно внимай себе, и если кто-либо оскорбит тебя, а в тебе от этого возбудится печаль или гнев, то сохрани молчание, никак не дозволь себе сказать в это время что-либо неприличное. Когда же молитва успокоит твое сердце, тогда объяснись кротко и мирно с братом. Если встретится нужда обличить брата и в это время усмотришь, что ты сам волнуешься гневом и находишься в расстройстве, то никак не говори чего-либо брату, чтоб не возмутиться еще более. Когда же придешь и брат придет в благое и кроткое устроение, тогда скажи, не обличая и укоряя, но объясняя дело с великим смиренномудрием»[880].

«Тщательно внимай себе и отнюдь не ищи удовлетворения твоей воле и твоему покою ни в каком деле, ни в каком

---

[879] Там же.

[880] Там же.

слове, ни в какой мысли: старайся во всяком случае исследовать и найти с точностью то, что согласно воле Божией, и исполнить это с решительностью и вполне, хотя бы исполнение и сопряжено было с великим трудом. Поступающие так действуют и терпят в истине, ради Царства Небесного. Веруй от всего сердца, что последование воле Божией несравненно полезней для тебя всех действий по умышлениям мудрости человеческой. Заповеди Божии заключают в себе жизнь вечную. *«Взыскающии Господа не лишатся всякого блага»* (Пс. 33:11).

«Тщательно внимай себе, как находящийся непрестанно пред Богом. Не возлагай надежды ни на кого, устреми всю веру к Богу, уповай на Него единого. Если нуждаешься в чем, моли Бога, чтоб Он доставил нужное тебе по святой воле Его. За все, что имеешь, благодари Бога непрестанно. Признавай все, что имеешь, полученным от Бога, не от кого другого. Терпишь ли в чем недостаток? Не печалься, не ропщи ни на кого, переноси лишение усердно и без смущения, помышляя, что ты достоин многих скорбей за грехи твои. Не прибегни к средствам человеческим, скажи сам себе: «Если Бог благоволит помиловать меня, то может сделать это». Бог посылает все нужное тому, кто руководствуется этим образом мыслей»[881].

«Тщательно внимай себе и никак не прими чего-либо, не удостоверясь, что предлагаемое тебе приобретено средством

[881] Слово 28.

праведным и посылается тебе Промыслом Божиим. Такое даяние возьми, нисколько не сомневаясь. Если же узнаешь, что предлагаемое тебе приобретено путем неправды, насилием, обманом, лукавством, отвергни приношение. *«Лучше частица малая со страхом Господним, нежели сокровища велия без боязни»* (Притч. 15:16).

«Тщательно внимай себе и с понуждением себя приобучайся к молчанию, чтоб Бог даровал тебе силу подвизаться и преуспевать в добродетели. Когда представится нужда говорить, то размысли прежде, уважительна ли эта нужда и что будет благоугодней Богу: то ли, что вступишь в разговор, или хранение молчания? Убедившись, что ты должен говорить, отверзи уста со страхом Божиим, имея лицо опущенным долу, и слово твое произнеси скромно и почтительно. Вступив в разговор с возлюбленным твоим, поговори немного и спеши замолчать. Спрошенный, отвечай, сколько требует существенная нужда: сверх необходимого не говори ничего» [645].

«Тщательно внимай себе и как воздерживаешься от блуда, так воздерживайся от увлечения похотью очей, слуха, языка и осязания. Глаза твои да будут постоянно устремлены на рукоделие твое; да не видят они лица человеческого без благословной нужды. Особенно остерегайся смотреть на женщин и даже на красивых мужчин. Не позволь себе слушать того разговора, в котором пересуживаются чужие дела. Брат, если найдешь эти советы душеполезными, то постарайся по-

следовать им, и Бог поможет тебе и защитит тебя в час искушения»[882].

Святая Церковь, между прочими наставлениями, завещавает принимающему пострижение иноку нижеследующее: «Да не предпочтеши что паче Бога: да не возлюбиши ниже отца, ниже матерь, ниже братию, ниже кого от своих, ниже самого себе возлюбиши паче Бога, – ниже царствия мира, или упокоения коего-либо буди или чести. Нищеты да не отвращаешися, ниже озлобления, ниже уничижения человеческого, ниже иного чесого, еже непщуеши быти неудобно, и возбранен будеши тещи за Христом; но присно взирай на яже во упованиих по Богу живущих благая, и вся от века помышляй мученики и преподобныя, иже многими поты и труды, и бесчисленными кровьми и смертми сия стяжаша. Трезвися во всех, злопостражди, яко добр воин Христов: Сам бо Господь и Бог наш, богат сый в милости, нас ради обнища, быв по нам, да мы обогатимся царствием Его. Подобает убо и нам подражателем Его быти, и Его ради вся претерпети, преспевающим в заповедех Его день и нощь. Сам бо Господь рече: «аще кто хощет вслед Мене ити, да отвержется себе, и да возмет крест свой, и да последует Мне», еже есть готову присно быти, даже до смерти, на всякое исполнение заповедей Его. Ибо и алкати имаши, и жаждати, и нагствовати, досадитися же и укоритися, уничижитися и изгнатися, и иными многими отяготитися скорбными, ими же сущий по Богу

[882] Слово 28.

живот начертавается. И егда сия вся постраждеши, радуйся, глаголет Господь, «яко мзда твоя многа на небесех» во Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же слава во веки, аминь». Святая Церковь, произнесши это изложение своего духовного образа мыслей (мудрования, разума), в котором показано чудное сочетание заповедей Христовых с крестом Христовым, требует от принимающего пострижение, чтоб он, во-первых, исповедал истину этого изложения, во-вторых, дал обет последовать ему. Она вопрошает вступающего в иночество: «Сия вся тако ли исповедуеши в надежди силы Божия, и в сих обетех пребывати обещаешилися даже до конца живота благодатию Христовою?» Затем пострижение дается только тому, кто признает произнесенное здесь учение Святой Православной Церкви истинным и даст обет доказывать всей жизненною деятельностию услышанную, признанную, исповеданную им истину»[883].

Таков разум Святой Церкви! Таков разум всех святых отцов Православной Церкви! Мы удовольствовались здесь немногими выписками: их можно сделать несравненно больше, но это было бы повторением одного и того же учения в различной форме. Заключим советы отцов нашим убогим советом, основанным на самых благотворных и благодетельных опытах. При встретившейся скорби полезно повторять следующие краткие изречения, повторять со вниманием и от всей души, повторять, доколе не прольется в сердце от по-

[883] Требник. Последование малой схимы.

вторения их спокойствие, даже утешение и сладость:

1) «Достойное по делам моим приемлю: помяни мя, Господи, во царствии Твоем».

2) «Господи! да будет святая воля Твоя над мною грешным ныне и во веки».

3) «Господи! я – создание и раб Твой; хочу или не хочу, нахожусь во власти Твоей: твори с созданием Твоим по святой воле Твоей и по великой милости Твоей».

4) «Слава Тебе, Господи, за все, что Ты навел на меня, слава Тебе! Праведен и многомилостив суд Твой надо мною, заслужившим все временные и вечные казни».

5) «Благодарю и славословлю Тебя, Господь и Бог мой, за те малые и ничтожные скорби, которые Ты попускаешь мне всеблагим и премудрым Промыслом Твоим, которыми Ты обличаешь неведомые мною страсти мои, которыми облегчаешь мне ответ на Страшном Суде Твоем, которыми искупуешь меня от вечных мук ада».

Очевидно, что эти изречения заимствованы из Священного Писания и отеческих писаний; при внимательном, неспешном повторении их они действуют весьма скоро, сильно, благотворно, спасительно.

Глава 34
О трезвении

Между прочими всесвятыми и спасительными завещаниями Своими Господь заповедал нам непрестанную молитвенную бдительность над собою, состояние, называемое в деятельных отеческих писаниях священным трезвением. *«Бдите и молитеся, да не внидете в напасть»* (Мф. 26:41), – сказал Господь ученикам Своим, – *«а яже вам глаголю, всем глаголю: бдите»* (Мк. 13:37). Преподобный Исихий Иерусалимский определяет трезвение так: «Трезвение есть путь всякой добродетели и заповеди Божией» [884]. Из этого явствует, что трезвение основано на тщательнейшем и постоянном изучении евангельских заповедей, а впоследствии и всего Священного Писания. Трезвение стремится непрестанно пребывать в исполнении всех евангельских заповедей делами, словами, помышлениями, чувствованиями. Чтоб достигнуть своего намерения, оно непрестанно бодрствует, непрестанно поучается в законе Божием, непрестанно вопиет к Богу о помощи усиленнейшею молитвою. Трезвение есть непрестанная деятельность. «Трезвение, – говорит преподобный Исихий, – есть духовное художество, совершенно избавляющее, при помощи Божией, человека от лукавых

[884] Глава 3. Добротолюбие. Ч. 2.

дел, от страстных слов и помышлений, если оно проходится усердно и в течение продолжительного времени. Оно доставляет упражняющемуся в нем твердое разумение непостижимого Бога, насколько Он может быть постигнутым, разрешение Божественных сокровенных тайн; оно совершает всякую заповедь Божию Ветхого и Нового Завета, оно подает всякое благо будущего века. Оно, собственно, чистота сердца и, по величеству своему и достоинству, или, правильнее сказать, по нерадению нашему, ныне очень оскудевает в монахах [885]. Трезвение есть непрестанное безмолвие сердца от всякого помысла, всегда, непрерывно и непрестанно призывающее Христа Иисуса, Сына Божия и Бога, Тем Единым дышущее, с Ним мужественно ополчающееся против врагов, исповедующееся Ему, Единому имеющему власть прощать согрешения, часто объемлющее Христа, Единого Тайноведца сердец, при посредстве призывания Его. Таковая душа старается всячески утаить от человеков свою сладость и внутренний подвиг, чтоб лукавый не ввел тайно злобы и не истребил доброго делания. Трезвение есть твердое устроение ума и стояние его при сердечной двери: оно видит приходящие к нему помыслы хищников, слышит, что они говорят, познает, что делают эти убийцы, и какие образы начертываются и воздвигаются бесами, чтоб прельстить ум мечтанием» [886]. «Великий законодатель Моисей, паче же Святый Дух, показывая непо-

[885] Там же. Гл. 1.

[886] Там же. Гл. 5 и 6.

рочность, чистоту, многовмещение и высокотворность этой добродетели (трезвения) и уча нас, как должно начинать и совершать ее, говорит: *«Внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония»* (Втор. 15:9) Словом тайным названо единопомысленное представление какой-нибудь лукавой и богоненавистной вещи, что отцы называют прилогом, приносимое сердцу диаволом; этому прилогу последуют наши помыслы, немедленно, по представлении его уму, и вступают в страстную беседу с ним»[887]. Трезвение противодействует самым началам греха; помыслу и чувствованию греховным. Трезвение совершает заповеди в самых началах человека: в помыслах и чувствованиях. Трезвение открывает трезвящемуся его падшее естество, открывает падших духов, открывает ту зависимость человека от падших духов, в которую ниспал человек от исполнения воли их, в которую он еще глубже ниспадает, исполняя волю их и свою греховную волю. Падение наше укрепляется, печатлеется, соделывается нашею неотъемлемою собственностью, неотъемлемым залогом вечной погибели от последования нашей падшей воле и воле демонов. Трезвение есть необходимая принадлежность истинного душевного делания, при которой вся видимая и невидимая деятельность инока совершается по воле Божией, единственно в благоугождение Богу, охраняется от всякой примеси служения дьяволу. Трезвение есть причина чистоты сердца, а поэтому и причина Боговидения, да-

[887] Там же. Гл. 2.

руемого благодатию чистым, возвышающего чистоту сердца до блаженного бесстрастия. Трезвение неразлучно с непрестанною молитвою, оно рождается от нее и рождает ее: от взаимного рождения друг другом эти две добродетели сочетаваются между собою неразрывным союзом. Трезвение есть духовное жительство; Трезвение есть жительство небесное; Трезвение есть истинное смирение, сосредоточившее надежду свою в Боге, отрекшееся от всякой самонадеянности и от надежды на человеков; по этой причине оно представляется им ужаснейшею гордостию, хулится, с ожесточением преследуется ими. Не лишним будет здесь заметить, что преподобный Исихий говорит о заповедях Ветхого Завета в значении духовном, а не иудейском. Когда о Христе уничтожится покрывало (2 Кор. 3:14), лежащее на душевных очах, и иудей соделается христианином, тогда Ветхий Завет получает для чтущего то же значение, какое имеет и Новый. Закон, изложенный в Новом Завете открыто, изложен в Ветхом в образах и иносказаниях. Новоначальный инок должен сперва заняться изучением Нового Завета; духовное понимание Ветхого Завета придет в свое время: оно – достояние преуспевших.

Трезвение приобретается постепенно; стяжавается долгим временем и трудом; рождается преимущественно от внимательных чтения и молитвы, от навыка наблюдать за собою, бодрствовать, обдумывать каждое предлежащее нам слово и дело, быть внимательным ко всем своим помыслам

и ощущениям, наблюдая за собою, чтоб не соделаться каким-либо образом ловитвою греха. Трезвитеся, бодрствуйте, говорит святой апостол Петр, *зане супостат ваш диавол, яко лев, рыкая, ходит, искай кого поглотити, ему же противитеся тверди верою* (1Пет. 5:8, 9). «Будь, подобно херувиму, весь око, сказал Евфимий Великий иноку, подвергшемуся диавольскому искушению, ограждая себя отвсюду величайшею осторожностью: потому что ходишь посреди сетей». Преподобный Варсонофий Великий и Иоанн Пророк преподали желающим проводить трезвенную, богоугодную жизнь превосходный совет деятельного трезвения. Они советовали пред каждым начинанием, то есть пред вступлением в беседу или началом дела, возносить мысль к Богу с прошением от Него вразумления и помощи. Для того чтоб пребывать в трезвении, надо со всею тщательностью хранить свежесть и светлость ума. Ум помрачается от неблагоразумного употребления пищи, пития и сна, от многоглаголания, рассеянности и житейских попечений. *Внемлите себе,* сказал Господь, *да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими, и найдет на вы внезапу день той* (день Страшного Суда Христова, последний день мира)*: яко сеть бо придет на вся живущыя лицы всея земли. Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитеся убежати всех сих, хотящих быти, и стати пред Сыном Человеческим* (Лк. 21:34–36). Как внезапно придет день общего суда всех человеков, так внезапно приходит для каждого челове-

ка день частного суда его, день смерти его. Неизвестен час, в который мы будем позваны. Иной, начав только путь земной жизни, восхищается с него в вечность; иной поемлется по совершении весьма немногого пути; иной с средины пути; иной значительно не кончив его. Редкий достигает полноты дней и оставляет свою земную хижину – тело, когда она сделается не способною для жительства в ней. Во время совершения нами земного странствования оно, по извращенному в нас падением ощущению бессмертия, представляется нам бесконечным, исполненным обильнейшей, плодоноснейшей деятельности. Это ощущение имеют и дитя, и юноша, и муж, и старец: все они созданы бессмертными, бессмертными по душе; они должны бы быть бессмертны и по телу! Падения своего, поразившего смертью и душу и тело, они или вовсе не знают, или знать не хотят, или знают его вполне недостаточно. Оттого взгляд ума и ощущение сердца по отношению к земной жизни ложны и исполнены самообольщения; оттого она обманчиво представляется всякому возрасту вечным достоянием человека. По совершении земного странствования, во вратах смерти путь, представлявшийся бесконечным в будущности, в прошедшем является самым кратким, а обширная деятельность, совершенная не для вечности, является пагубнейшею, безвозвратною потерею времени и всех средств, данных для спасения. Очень верно выражают свое обольщение люди века сего, обыкновенно называя смерть неожиданным бедствием, в каком бы возрасте ни по-

стигла она их родственников и друзей. И для дряхлого старца, обремененного летами и недугами, давно склонившегося во гроб, но не думавшего о смерти, удалявшего от себя всякое напоминание о ней, она – неожиданное бедствие. В полном смысле она – бедствие для всех, не приготовившихся к ней. Напротив того, *блаженни раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящими*, трезвящимися, правильно смотрящими на земную жизнь, помнящими смерть и готовящимися к ней как к могущей прийти при всяком возрасте и при всяком состоянии здоровья (Лк. 12:37–39). Надо совершать путь земного странствования с величайшим вниманием и бодрствованием над собою: надо совершать его, непрестанно взывая к Богу молитвою о помощи. Светильником нашим при путешествии да будет Евангелие, как воспел Давид: *светильник, ногама моима закон Твой, и свет стезям моим* (Пс. 113:105). Идем не только по тесному пути: идем ночью (2 Пет. 1:19). Постоянное трезвение ума вам необходимо, чтоб не увлечься нашим падшим естеством, чтоб не увлечься увлеченными им отцами и братиями нашими, чтоб избежать всех козней и препятствий, устраиваемых многочисленными и разнообразными соблазнами мира, устраиваемых неистовою злобою и непостижимым для человека лукавством падших ангелов. Оградив себя от рассеянности и попечений, обратим внимание на наше тело, от которого трезвенность ума находится в полной зависимости. Тела человеческие по крепости своей и здоровью бесконечно различествуют меж-

ду собою[888]. Иные крепостью своею подобны меди и железу; другие слабы, как трава. По этой причине каждый должен управлять своим телом с большим благоразумием, исследовав силы своего тела. Крепкому и здоровому телу свойственны особенный пост и бдение: оно делается от них легче, доставляет уму особенную бодрость. Слабое тело должно подкреплять пищею и сном, сообразно требованию тела, но никак не до пресыщения. Пресыщение весьма вредно и для слабого тела, расслабляет его и сообщает ему восприимчивостьк болезням. Благоразумное воздержание чрева есть дверь ко всем добродетелям. Удержи чрево и войдешь в рай. Если ж будешь угождать чреву и излишне питать себя, то низвергнешься в пропасть блудной скверны[889], в огнь гнева и ярости, одебелишь и омрачишь ум, приведешь кровь свою в разгорячение, в особенную способность к волнению, чем будет наветываться и разрушаться твое внимание к себе, твое трезвение. Трезвение непременно требует физического спокойствия крови, доставляемого первоначально благоразумным воздержанием. Кровь приводится в весьма разнообразное движение страстями, которые, в свою очередь, так разнообразны, что нередко противодействуют одна другой, причем одно движение крови уничтожается другим; ни все эти разнообразные движения крови непременно сопряжены с рассеянностью, мечтательностью, обильным нашествием по-

[888] Отселе заимствовано из 5-го Слова преподобного Нила Сорского.

[889] Доселе из преподобгого Нила.

мыслов и ласкательствующих самолюбию картин. Обильное нашествие помыслов и мечтательность всегда сопутствуются приведением крови в усиленное движение, неестественное. Это движение есть движение греховное, плод и явление падения. Об этом движении крови сказано, что оно неспособно наследовать Царство Небесное (1Кор. 15:50): то есть человек, позволяющий себе приводить кровь свою в такое движение и услаждающийся им, не способен к приятию Божественной благодати. Тем опаснее это движение крови, что оно понимается весьма немногими. Напротив того, многие принимают греховное движение крови в себе за действие добра и последуют своему ошибочному влечению, как бы влечению, внушенному святой, богоугодной истиною. Замечай, при появлении обильных, вне обыковенного порядка, помыслов и мечтаний, то состояние, в которое придет тогда кровь твоя, и научишься понимать ее греховное движение и охраняться от него. Воды Силоамские истекают тихо из своего источника (Ис. 6:6): богоугодные добродетели истекают из повиновения Богу, сопровождаются смирением, а не разгорячением, не порывами, не самомнением и тщеславием, неразлучными спутниками греховного кровяного разгорячения. Кровь движется иначе при гневных помыслах и мечтаниях и иначе при блудных, иначе при тщеславных, и иначе при корыстолюбивых; иначе при помыслах и мечтаниях печали и уныния, иначе при ожесточении, иначе при гордости, и так далее. По этой причине пост есть начальное ору-

дие всех добродетелей. Как должно остерегаться от пресыщения, точно так должно остерегаться и от излишнего воздержания. Излишнее воздержание ослабляет тело, уничтожает в нем бодрость и свежесть, необходимые для трезвения, которое увядает и ослабевает в то время, когда телесные силы изнемогают и увядают. «Если понудишь немощное тело, сказал преподобный Исаак Сирский, на дела, превышающие его силы, то ввергаешь душу твою в сугубое омрачение, и доставляешь ей смущение (а не пособие). Но если предашь покою и праздности тело крепкое, то в душе, живущей в нем, усиливаются все страсти. (При этом), если б кто и очень желал добра, мало-помалу отнимается у него и самая мысль о добре, которого он желал… Мера и известные пределы в жительстве просвещают мысль и отгоняют смущение. Смущением мысли от беспорядочного (безрассудного) жительства производится в душе омрачение, а омрачением – расстройство»[890]. Благоразумным воздержанием доставляется неуклонное пребывание в трезвении. Неуклонное пребывание в трезвении дозволяет неуклонно последовать учению Евангелия. Евангельское учение есть единственный источник всех истинных, христианских, богоугодных добродетелей.

[890] Там же. Слово 85.

Глава 35
О пользе и вреде от телесных подвигов

В раю, по преступлении праотцами заповеди Божией, в числе казней, которым подвергся человек, упоминается казнь – проклятие земли. *«Проклята земля в делех твоих,* – изрек Бог Адаму, – *в печалех снеси тую вся дни живота твоего. Терния и волчцы возрастит тебе, и снеси траву сельную. В поте лица твоего снеси хлеб твой»* (Быт. 3:17–19). Проклятие доселе лежит на земле, и явно – для всех. Не престает она давать из себя плевелы, хотя никто не сеет их. Орошается она потом земледельца, и только при посредстве потового, часто кровавого труда доставляет те травы, которых семена служат пищею для человека и называются хлебом.

Изреченная Богом казнь имеет и духовное значение. Столько же верно исполняется карающее человека определение Божие в духовном отношении, как и в вещественном. Святые отцы под именем земли разумеют сердце. Как земля, по причине поразившего ее проклятия, не престает из поврежденного естества своего, сама собою, производить волчцы и терние, так и сердце, отравленное грехом, не престает рождать из себя, из своего поврежденного естества греховные ощущения и помышления. Как о посеве и насажде-

нии плевелов никто не заботится, но их производит само собою извращенное естество, так и греховные помыслы и ощущения сами собою зачинаются и прозябают в человеческом сердце. В поте лица добывается вещественный хлеб: при усиленном труде, душевном и телесном, насевается хлеб небесный, доставляющий вечную жизнь, в сердце человеческое; при усиленном труде он растет, пожинается, соделывается способным к употреблению, сохраняется. Хлеб небесный – Слово Божие. Труд при насаждении Слова Божия в сердце требует таких усилий, что он назван подвигом. Человек обречен снедать в печалех землю вся дни земной жизни своей, а хлеб в поте лица: здесь под именем земли должно разуметь плотское мудрование, которым человек, отступивший от Бога, обыкновенно управляется во время земной жизни своей, подвергаясь по причине плотского мудрования непрестанному попечению и помышлению о земном, непрестанным скорбям и огорчениям, непрерывному смущению; только один Христов служитель питается во время пребывания на земле небесным хлебом в поте лица, при постоянной борьбе с плотским мудрованием, при постоянном труде возделывания добродетелей. Земля для обработки нуждается в различных железных орудиях, плугах, боронах, лопатах, которыми она переворачивается, разрыхляется, смягчается: так и наше сердце, средоточие плотских ощущений и плотского мудрования, нуждается в обработке постом, бдением, коленопреклонениями и прочими удручениями тела,

чтоб преобладание плотского страстного ощущения уступило преобладанию ощущения духовного, а влияние плотских, страстных помыслов на ум лишилось той непреодолимой силы, которую оно имеет в людях, отвергших подвижничество или небрегущих о нем. Кто вздумал бы посеять семена на земле, не возделав ее, тот лишь погубит семена, не получит никакой прибыли, причинит себе верный убыток: точно так и тот, кто, не обуздав плотских влечений сердца и плотских помышлений ума подобающими телесными подвигами, вздумал бы заняться умною молитвою и насаждением в сердце заповедей Христовых, не только будет трудиться напрасно, но и может подвергнуться душевному бедствию, самообольщению и бесовской прелести, навлечь на себя гнев Божий, как навлек его пришедший на брачный пир в небрачной одежде (Мф. 22:12). Земля, возделанная самым тщательным образом, сильно удобренная, мелко разрыхленная, но оставленная незасеянною, тем с большею силою родит плевелы: так и сердце, возделанное телесными подвигами, но не усвоившее себе евангельских заповедей, тем сильнее произрастает из себя плевелы тщеславия, гордыни и блуда. Чем лучше возделана и удобрена земля, тем она способнее к произращению густых и сочных плевелов: чем сильнее телесный подвиг инока, небрегущего о евангельских заповедях, тем сильнее и неизлечимее в нем самомнение. Земледелец, имеющий у себя много превосходных земледельческих орудий, восхищающийся этим, но не возделывающий ими земли, только обо-

льщает и обманывает себя, не получая никакой прибыли: так и подвижник, имеющий пост, бдение и другие телесные подвиги, но небрегущий о рассматривании себя и управлении собою при свете Евангелия, только обманывает себя, надеясь тщетно и ошибочно на подвиги; он не получит никакого духовного плода, не накопит духовного богатства. Тот, кто вздумал бы возделать землю, не употребляя земледельческих орудий, потрудится много и потрудится напрасно, так и тот, кто без телесных подвигов захочет стяжать добродетели, будет трудиться напрасно, потеряет время невознаградимое, невозвращающееся, истратит душевные и телесные силы, не приобретет ничего. Кто вздумает постоянно перепахивать свою землю, тот никогда ничего не посеет и не пожнет: так и тот, кто непрестанно будет заниматься одним телесным подвигом, утратит возможность заняться душевным подвигом, насаждением в себя евангельских заповедей, от которых в свое время рождаются духовные плоды. Телесные подвиги необходимы для того, чтоб землю сердечную соделать способною к принятию духовных семян и к принесению духовных плодов: оставление подвигов или небрежение о них соделывает землю неспособною к посеву и плоду; излишество в них, упование на них столько же или и более вредно, чем оставление их. Оставление телесных подвигов соделывает человеков подобными скотам, давая свободу и простор телесным страстям: излишество их делает человеков подобными бесам, способствуя распложению и усилению душевных

страстей. Оставляющие телесный подвиг подчиняются чревообъядению, блуду, гневу в грубых его проявлениях; несущие неумеренный телесный подвиг, безрассудно употребляющие его или возлагающие на него все упование свое, видящие в нем свою заслугу пред Богом, свое достоинство, впадают в тщеславие, самомнение, высокоумие, гордость, ожесточение, в презрение ближних, уничижение и осуждение их, в памятозлобие, ненависть, хулу, раскол, ересь, в самообольщение и бесовскую прелесть. Дадим всю должную цену телесным подвигам как орудиям, необходимым для стяжания добродетелей, и остережемся признать эти орудия добродетелями, чтоб не впасть в самообольщение и не лишиться духовного преуспеяния по причине ложного понятия о христианской деятельности. Телесный подвиг нужен даже и для святых, соделавшихся храмами Святого Духа, чтоб тело, оставленное без обуздания, не ожило для страстных движений и не послужило причиною появления в освященном человеке скверных ощущений и помыслов, столько несвойственных для нерукотворенного, духовного храма Божия. Это засвидетельствовал святой апостол Павел, сказав о себе: *«Умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду»* (1 Кор. 9:27). Преподобный Исаак Сирский говорит, что разрешение, т. е. оставление поста, бдения, безмолвия и прочих телесных подвигов, этих пособий к благочестивой жизни, дозволение себе постоянного покоя и наслаждения, повреждает и старцев, и совер-

шенных[891].

[891] Там же. Слово 90.

Глава 36
О ревности душевной и духовной

Иноку надо весьма остерегаться плотской и душевной ревности, представляющейся по наружности благочестивою, в сущности – безрассудной и душевредной. Мирские люди и многие монашествующие, по незнанию своему, очень похваляют такую ревность, не понимая, что ее источники суть самомнение и гордость. Эту ревность они величают ревностью по вере, по благочестию, по Церкви, по Богу. Она заключается в более или менее жестком осуждении и обличении ближних в их нравственных погрешностях и в погрешностях против церковного благочиния и чиноположения. Обманутые ложным понятием о ревности, неблагоразумные ревнители думают, предаваясь ей, подражать святым отцам и святым мученикам, забыв о себе, что они, ревнители, – не святые, а грешники. Если святые обличали согрешающих и нечестивых, то обличали по Повелению Божию, по обязанности своей, по внушению Святого Духа, а не по внушению страстей своих и демонов. Кто ж решится самопроизвольно обличать брата или сделать ему замечание, тот ясно обнаруживает и доказывает, что он счел себя благоразумней и добродетельней обличаемого им, что он действует по увлечению страсти и по обольщению демонскими помыслами. Подобает помнить заповедание Спасителя: *«Что же видиши сучец, иже во*

оце брата твоего, бревна же, еже есть во оце твоем, не чуеши? Или како речеши брату твоему: остави, да изму сучец из очесе твоего: и се бревно во оце твоем? Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоею» (Мф. 7:3–5). Что такое – бревно? Это плотское мудрование, дебелое, как бревно, отъемлющее всю способность и правильность у зрительной силы, дарованной Создателем уму и сердцу. Человек, водимый плотским мудрованием, никак не может правильно судить ни о своем внутреннем состоянии, ни о состоянии ближних. Он судит о себе и о других так, как представляется себе он сам и как представляются ему ближние по наружности, по его плотскому мудрованию, ошибочно, и потому Слово Божие весьма верно наименовало его лицемером. Христианин, по исцелении себя словом Божиим и Духом Божиим, получает правильный взгляд на свое душевное устроение и на душевное устроение ближних. Плотское мудрование, поражая бревном согрешающего ближнего, всегда смущает его, нередко губит, никогда не приносит и не может принести пользы, нисколько не действует на грех. Напротив того, духовное мудрование действует исключительно на душевный недуг ближнего, милуя ближнего, исцеляя и спасая его. Достойно замечания, что по стяжании духовного разума недостатки и погрешности ближнего начинают казаться весьма маловажными как искупленные Спасителем и удобно врачуемые покаянием – те самые погрешности и недостатки, которые плотскому ра-

зуму казались необъятно великими и важными. Очевидно, что плотское мудрование, будучи само бревном, придавало им такое огромное значение. Плотское мудрование видит в ближнем и такие грехи, каких в нем вовсе нет, по этой причине увлекавшиеся безрассудною ревностью часто впадали в оклеветание ближнего и соделывались орудием и игралищем падших духов. Преподобный Пимен Великий рассказывал, что некоторый инок, увлекшийся ревностью, подвергся следующему искушению: он увидел другого инока лежащим на женщине. Долго боролся инок с помыслом, понуждавшим его остановить согрешающих, и, наконец, побежденный толкнул их ногою, сказав: перестаньте же! Тогда оказалось, что это были два снопа[892]. Преподобный авва Дорофей рассказывает, что в бытность его в общежитии аввы Серида некоторый брат оклеветал другого брата, будучи увлечен безрассудною ревностью, которая всегда сопряжена с подозрительностью и мнительностью, очень способна к сочинениям. Обвинявший винил обвиняемого в том, что этот рано утром крал из сада смоквы и ел их: по произведенному игуменом исследованию оказалось, что оклеветанный в указанное утро находился не в монастыре, а в одном из соседних селений, будучи послан туда экономом, и возвратился в монастырь только к тому времени, как оканчивалась Божественная Литургия[893]. Если хочешь быть верным, ревностным сы-

[892] Алфавитный патерик.

[893] Преподобного Аввы Дорофея Поучение 9.

ном Православной Церкви, то достигай этого исполнением евангельских заповедей относительно ближнего. Не дерзни обличать его, не дерзни учить его, не дерзни осуждать и укорять его! Это деяние не веры, а безрассудной ревности, самомнения, гордыни. Спросили Пимена Великого: что такое вера? Великий отвечал: «Вера заключается в том, чтоб пребывать в смирении и творить милость[894], то есть смиряться пред ближними и прощать им оскорбления и обиды, все согрешения их». Так как безрассудные ревнители в начальную причину своей ревности выставляют веру, то да знают они, что истинная вера[895], а следовательно, и истинная ревность должны выражаться в смирении пред ближними и в милости к ним. Предоставим суд над человеками и обличение человеков тем человекам, на которых возложена обязанность судить братии своих и управлять ими.

«Имеющий ложную ревность, – сказал святой Исаак Сирский, – недугует великим недугом. О человек, мнящий износить ревность против чужих недугов, ты отрекся от здравия души твоей! Потрудись со тщанием о здравии души твоей. Если же желаешь уврачевать немощных, то знай, что больные нуждаются более в уходе за ними, нежели в жестких обличениях. Но ты, иным не помогая, сам себя ввергаешь в тяжкую и мучительную болезнь. Эта ревность в человеках не

---

[894] Алфавитный патерик.

[895] Здесь разумеется вера деятельная, а не догматическая. О различии их смотри Добротолюбие. Ч. 2. Иноков Каллиста и Игнатия гл. 16.

признается одним из видов премудрости, но причисляется к недугам души, есть к скудости (духовного) разума, признак крайнего невежества. Начало премудрости Божией – тихость и кротость, свойственные великой и крепкой душе, основательнейшему образу мыслей, и носит человеческие немощи. *«Вы бо сильнии*, – говорит Писание, – *немощи немощных носите»* (Рим. 15:1), и: согрешающаго *«исправляйте духом кротости»* (Гал. 6:1). Мир и терпение причисляет апостол к плодам святого Духа»[896]. В другом слове преподооный Исаак говорит «Не возненавидь грешного, потому что мы все грешны. Если ты ради Бога подвизаешься против него (грешника), то пролей о нем слезы, для чего же ты и ненавидишь его? Возненавидь грехи его, а о нем помолись и тем уподобишься Христу, Который не негодовал на грешников, но молился о них. Не видишь ли, как Он плакал о Иерусалиме? И мы во многих случаях служим посмешищем для диавола. Зачем же ненавидим того, над кем посмевается посмевающийся и над нами диавол? Зачем ты, о человек, ненавидишь грешника? За то ли, что он не так праведен, как ты? Где же твоя правда, когда у тебя нет любви! Отчего ты не восплакал о нем, но гонишь его? Некоторые, мнящие о себе, что они здраво судят о делах грешников и (по этому поводу) гневаются на них, действуют так из своего невежества»[897]. Великое бедствие – самомнение! Великое бедствие – отвержение смире-

[896] Слово 89.

[897] Слово 90.

ния! Великое бедствие – то душевное устроение или состояние, при котором инок, не будучи призван или вопрошаем, по собственному сознанию своего достоинства, начинает учить, обличать, укорять ближних! Будучи спрошен, или откажись дать совет и сказать свое мнение как ничего не знающий, или, при крайней нужде, скажи с величайшею осторожностию и скромностию, чтоб не уязвить себя тщеславием и гордостию, а ближнего – словом жестким и безрассудным. Когда за труд твой в вертограде заповедей Бог сподобит тебя ощутить в душе твоей ревность Божественную, тогда ясно увидишь, что эта ревность будет побуждать тебя к молчанию и смирению пред ближними, к любви к ним, к милованию их, к соболезнованию о них, как сказал святой Исаак Сирский[898]. Божественная ревность есть огонь, но не разгорячающий крови! Он погашает в ней разгорячение, приводит в спокойное состояние[899]. Ревность плотского мудрования всегда сопряжена с разгорячением крови, с нашествием многочисленных помыслов и мечтаний. Последствиями слепой и невежественной ревности, если ближний ей воспротивится, обыкновенно бывают негодование на него, памятозлобие, мстительность в различных видах, а если покорится – тщеславное довольство собою, возбуждение и умножение наших высокоумия и самомнения.

---

[898] Слово 38.

[899] Добротолюбие. Ч. 1.

Глава 37
О милостыни

Новоначальный инок не должен подавать вещественной милостыни нищим, исключая какого-нибудь особенного случая, когда необходимо оказать ближнему пособие, и этому ближнему нет другого средства получить пособие[900]. Подаяние милостыни нищим есть добродетель мирских людей, которых добродетель сообразна жительству, то есть вещественна и не чужда примеси. Преуспевшие иноки, стяжавшие дар рассуждения или призванные на то Богом, могут подавать милостыню нищим. Они обязаны удовлетворять служению этому как своему долгу, признавая себя орудиями Промысла Божия, признавая себя облагодетельствованными доставлением средства благодетельствовать, признавая себя облагодетельствованными более тех, которым они благодетельствуют. Новоначальный монах, подавая самопроизвольно милостыню нищим, непременно увлечется тщеславием и впадет в самомнение. Если имеешь какой избыток, то раздай его нищим, доколе ты еще не вступил в монастырь. Так повелевает евангельская заповедь. Господь сказал юноше, желавшему достигнуть совершенства добродетелей: *«Аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое, и даждь*

[900] Там же, гл. 16.

нищим: и имети имаши сокровище на небеси: и приди, и ходи вслед Мене, взем крест» (Мф. 19:21; Мк. 10:21). Раздаянием имения предваряется взятие креста. При сохранении имения невозможно принятие и ношение креста (Лк. 14:33): крест будет постоянно сниматься с рамен и заменяться средствами, доставляемыми имением, а вера в единого Бога и зрение Бога верою будут уничтожаться упованием на имение и вниманием к нему. Святые мученики и иноки старались со всею точностью исполнить вышеприведенную заповедь Господа пред началом своего подвига. Первые пред исшествием на видимые муки расточали имение нищим или, по недостатку времени, завещавали богозаповеданное распоряжение имуществом родственникам и друзьям. Вторые поступали точно так же пред исшествием на невидимое мученичество. Подвиг иноческий есть невидимое, но в полном смысле мученичество для того, кто проходит этот подвиг как должно. Предварим вступление в монастырь раздаянием нашего имущества, запечатлеем вещественною милостию, одною из величайших вещественных добродетелей, наше вещественное жительство посреди мира. Для вступившего же в монастырь предлежит другого рода милостыня: милостыня невещественная. Она заключается в том, чтоб мы не осуждали ближних, когда они согрешают, но миловали их, чтоб даже не судили о ближних, говоря о одних хорошо, а о других худо; такой суд непременно сопряжен с отвержением смирения, с гордынею, присвоивающею челове-

ку то, что принадлежит единому Богу. Невещественная милостыня заключается в том, чтоб мы не воздавали злом за зло, но за зло воздавали добром; невещественная милостыня заключается в том, чтоб мы прощали все оскорбления и обиды, наносимые нам ближними, а по отношению к себе признавали эти оскорбления и обиды истинными благотворениями, очищающими нас от греховной скверны. Короче: иноческая милостыня заключается в последовании Христу, то есть в тщательном исполнении евангельских заповедей и в ношении креста, то есть в благодушном терпении и в тщательном понуждении себя к терпению всех скорбей, которые благоволит Божий Промысл попустить нам во время нашего земного странствования во спасение наше. Без второго не может состояться первое: последование Христу не может состояться без приятия креста и признания в нем новозаветной правды и оправдания Божиих. Для преуспевших и призванных на то Богом иноков невещественная милостыня заключается в преподавании ближним слова Божия. Невещественная милостыня столько выше вещественной, по учению святых отцов, сколько душа выше тела[901]. Для того чтоб подавать вещественную милостыню, должно стараться приобретать вещественное имущество; для того чтоб подавать невещественную милостыню, должно стараться и заботиться о обогащении себя духовным богатством – учением Христовым. Если каким-нибудь образом достанется тебе имуще-

[901] Лествица. Слово к пастырю.

ство по вступлении в монастырь, то постарайся немедленно переместить его на небо посредством милостыни. Вручи доставшееся тебе имущество настоятелю или какому другому, известному тебе своею добросовестностью, лицу и предоставь ему раздаяние твоего имущества. Не дерзни распорядиться сам и самопроизвольно! Иначе нанесешь вред душе твоей. По передаче имущества твоего распорядителю, не подозревай его, не проверяй его: предоставь дело его совести, а себя не ввергай в попечения и подозрения во вред душе твоей. Ты исполнил свою обязанность, и никакого нет тебе дела до того, как исполняет обязанность свою распорядитель: он *«своему Господеви стоит, или падает»* (Рим. 14:4).

Глава 38
О нестяжании

Всякий, поступивший в монастырь и принявший на себя благое иго Христово, должен непременно пребывать в нестяжательности, довольствуясь самонужнейшим и охраняясь от излишества в одежде, в келейных принадлежностях, в деньгах. Имуществом, богатством, сокровищем инока должен быть Господь наш, Иисус Христос. К Нему должны быть обращены и постоянно устремлены взоры ума и сердца; в Нем должна сосредоточиваться надежда наша; на Него должно быть возложено все упование наше: мы должны быть сильны верою нашею в Него. Такого душевного настроения невозможно иноку сохранить при имуществе – заповедь о нестяжательности дана Самим Господом. *«Не скрывайте себе сокровищ на земле,* – повелевает Он нам, – *идеже червь и тля тлит, и идеже татие подкопывают и крадут: скрывайте же себе сокровище на небеси, идеже ни червь, ни тля тлит, и идеже татие не подкопывают, ни крадут»* (Мф. 6:19–20). Постановив заповедь, Господь изложил и причину постановления ее. Он сказал: *«Идеже бо есть сокровище ваше, ту и сердце ваше будет»* (Мф. 6:21). *«Не можете Богу работати и мамоне»* (Мф. 6:24). Если инок имеет деньги или какие дорогие вещи, то невольно, по каким-то неотложным и неотразимым необходимости и закону, надежда

его нисходит от Бога к имуществу. На имущество он возлагает свое упование, в имуществе он видит свою силу, в нем видит средство уклониться от влияния превратностей, могущих встретиться на поприще земной жизни; в имущество сосредоточиваются его любовь, его сердце и ум, все существо его. И делается сердце веществолюбца жестким и чуждым всякого духовного ощущения, как жестко и бесчувственно вещество. Копление денег и другого имущества иноком есть поклонение идолу, по определению апостола (Еф. 5:5). Идолопоклонство непременно сопряжено с отречением от Бога. Омраченный веществолюбец не замедляет пожать плоды своего самообольщения: приходит смерть, о которой в омрачении своем и упоении земным благосостоянием он совсем забыл, восхищает его из среды богатства его; капиталы и наполненные кладовые, на которые он уповал, остаются для других, не принесши ему даже никакой временной пользы, отчуждивши его от Бога (Лк. 12:15–22). Дух Святой оплакивает состояние человека, обманутого обольщением богатства, в страшной и гибельной нищете духа вступающего в вечность, – говорит: *«Се, человек, иже не положи Бога помощника себе, но упова на множество богатства своего, и возможе суетою своею»* (Пс. 51:9). Каким образом от пристрастия к тленному имуществу совершается в глубине души отречение от Бога, которое при удобном случае не преминет вынаружиться, можно видеть из следующей повести, сохраненной нам церковною историей: «Некто Павел, пре-

свитер, пребывал в пустынной горе, скрываясь от идолопоклонников-гонителей. Он имел при себе значительное количество золота. К нему присовокупились пять дев-инокинь, также избегавших преследования. Эти девы сияли добродетелями и были исполнены благоуханием Святого Духа. Они жили при пресвитере Павле, упражняясь с ним в молитвах и в исполнении Божественных заповедей. Некоторый неблагонамеренный человек, узнав о их местопребывании, известил начальника волхвов при персидском царе Сапоре, что христианский пресвитер, имеющий много золота, скрывается в горе с пятью девами-инокинями. «Если хочешь, – говорил доноситель вельможе, – приобрести себе золото, то вели взять их и представить пред тебя на суд; когда же они не захотят отречься от своей веры, тогда ты отрубишь им головы, а золото возьмешь себе». Вельможа немедленно исполнил данный ему совет: представил пресвитера с инокинями и его золотом на суд пред себя. Тогда пресвитер сказал вельможе: «По какой причине ты отнимаешь у меня имение мое, между тем как я ни в чем не виноват пред тобою?» Вельможа: «По той причине, что ты христианин и не повинуешься повелению царя». Павел: «Господин мой! Прикажи мне что хочешь». Вельможа: «Если ты поклонишься солнцу, возьми твое и иди куда знаешь». Павел посмотрел на свое золото и сказал: «Что приказываешь мне сделать, то сделаю». И немедленно он поклонился солнцу, вкусил идольских жертв и пил идоложертвенную кровь. Вельможа, видя, что наме-

рение его не удалось, сказал: «Если ты уговоришь и постниц твоих, чтоб они, так же как и ты, поклонились солнцу, потом вышли замуж или вдались в прелюбодеяние, тогда, взяв свое золото и постниц, иди с ними куда желаешь». Павел пошел к постницам и говорит им: «Вельможа взял имение мое и вам повелевает исполнить волю царя. Вот я поклонился солнцу и ел идоложертвенное. Приказываю и вам сделать то же самое». Инокини сказали как бы едиными устами: «Несчастный! Не довольно ли для тебя твоей погибели? Как ты осмелился говорить с нами? Ныне ты сделался вторым Иудою и, как он, ради золота предал Учителя своего и Владыку на смерть. Иуда, взявши золото, пошел и удавился. И ты, окаянный, соделался вторым Иудою по нравственности твоей! Ради золота ты погубил душу твою, не вспомнив о том богаче, который, получив большое богатство, сказал душе своей: *«душе, имаши много блага, лежаща на лета многа: почивай, яждь, пий, веселися»*, – и за это услышал: *«безумие, в сию нощь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут?»* (Лк. 12:19–20). Говорим тебе, как бы предстоя Самому Богу, что над тобою совершится и то и другое; и то, что случилось с Иудою, и то, что случилось с богачом». Сказав это, они плюнули в лицо отступника. Тогда, по повелению вельможи, инокини были биты жестоко и долго. Под ударами они вопияли: «Мы поклоняемся Господу нашему Иисусу Христу, а повелению твоего царя не повинуемся; ты же делай что делаешь». Вельможа, изыски-

вая все средства, как бы завладеть золотом, повелел Павлу собственноручно отсечь головы истинномудрым тем девам, думая, что Павел не захочет этого сделать, и тогда вельможа взял бы золото. Несчастный Павел, услышав это и опять посмотрев на свое золото, сказал вельможе: «Что приказываешь мне сделать, сделаю». Взяв меч, он подошел к постницам. Увидев это, святые девы ужаснулись и единогласно сказали ему: «Окаянный! До вчерашнего дня ты был нашим пастырем, а ныне пришел, как волк, пожрать нас. Таково ли твое учение, которое ты ежедневно повторял нам, увещавая, чтоб мы охотно умерли за Христа! Ты сам нисколько не захотел пострадать за Него, но, не задумавшись ни на минуту, отвергся Его. Где святые Тело и Кровь, которые мы принимали от нечистой руки твоей? Знай, что меч, который ты держишь в руке, есть ходатай для нас живота вечного. Мы отходим к Учителю нашему, Христу: ты же, как мы предрекли тебе, скоро будешь удавлен веревкою и соделаешься сыном геенны вместе с учителем твоим Иудою». Сказав ему это и присовокупив еще нечто, они помолились. Павел отсек им головы. Тогда вельможа сказал ему: «Ни один из христиан не исполнил воли царя так, как исполнил ты. По этой причине не могу отпустить тебя без личного царского повеления. Когда я расскажу ему и он узнает о том, что ты сделал, то сподобит тебя великих почестей. Теперь возвеселись с нами и пребудь близ нас в помещении, которое отведут тебе. Завтра доложим о тебе царю». Отступник отвечал: «Да будет по

слову твоему». Ночью вельможа послал рабов своих тайно удавить Павла веревкою в отведенном ему помещении, а сам с наступлением утра, притворяясь ничего не знающим, пришел посетить его. Нашедши его висящим на веревке и удавленным, он осудил его, признав самоубийцею, велел вынести за город, а там подвергнуть на съедение псам, а имение его присвоил себе»[902].

Инок, проводящий трезвенную жизнь и рассматривающий в себе самом грехи или падение человечества, удобно заметит, что при получении по какому-нибудь случаю ценной вещи или значительного числа денег тотчас же является в сердце упование на это имущество, а упование на Бога хладеет и ослабевает. Если не остеречься, то не замедлит явиться и привязанность к имуществу. Привязанность или пристрастие к имуществу легко могут обратиться в страсть, по причине которой совершается незаметным образом отречение от Христа в сердце, хотя уста и продолжают исповедывать Его, призывать Его в молитвах, проповедывать учение Его. Когда одна какая-либо убийственная страсть возобладает человеком, тогда прочие страсти умолкают в нем; диавол престает наносить ему брани и искушения, храня в нем как свое сокровище, как верный залог его погибели заразившую его смертоносную страсть. Человек, убитый грехом в тайне сердца, привлеченный им к самым вратам ада, часто представляется для других святым и назидательным,

---

[902] Алфавитный патерик и vies des peres des deserts d'Orient. Tom IX, chap. XVI.

как представлялся инокиням Павел, доколе опыт не разоблачит его, как разоблачил Павла. Кто желает сосредоточить в Боге упование и любовь свою, тот должен стараться о том, чтоб пребывать в нестяжании, а подающие ему деньги и ценные вещи употреблять на приобретение богатства в вечности (Лк. 16:9). Начало всех духовных благ – вера во Христа, в Евангелие, вера живая, доказываемая исполнением евангельских заповедей делами, жизнью: естественно, что *«сребролюбие»*, искореняющее из сердца веру, *«есть корень всем злым»* (1Тим. 6:10).

Глава 39
О человеческой славе

Подобно сребролюбию и корыстолюбию, тщеславие уничтожает веру в сердце человеческом; подобно им, оно делает сердце человека не способным для веры во Христа, для исповедания Христа. *«Како вы можете веровати,* – говорил Господь современным ему представителям иудейского народа, – *славу друг от друга приемлюще; и славы, яже от единого Бога, не ищете»* (Ин. 5:44).

Многие из важнейших иудеев уверовали в Господа, *«но*, – свидетельствует Евангелист, – *фарисей ради не исповедоваху, да не из сонмищ изгнани будут: возлюбиша бо паче славу человеческую, неже славу Божию»* (Ин. 12:42–43). Иудеи сделали постановление, которым воспрещалось участвовать в собраниях синагоги всякому, исповедующему Богочеловека обетованным Мессиею (Ин. 9:22). Тщеславие питается похвалою человеческою и преимуществами, изобретаемыми плотским мудрованием и возникающими из нашего падения.

Оно питается богатством, знатностью рода, громкими именами, которыми увенчиваются служение и угодливость миру, и прочими суетными почестями. По такому свойству своему слава земная и человеческая прямо противоположна славе Божией. Начала славы человеческой и пути к ней совсем другие, нежели начала Славы Божией и пути к дости-

жению ее. Начала тщеславия и славолюбия основываются на ложных понятиях о мнении и силе человеческих, суетных, кратковременных, переменчивых, ничтожных. Путь искателя славы человеческой – постоянное и разнообразное человекоугодие. Правильно или неправильно, законно или беззаконно это человекоугодие, до того дела нет искателям человеческой славы, лишь бы оно достигало своей цели. Начало вожделения славы Божией и стремления к ней основываются на живой вере во всемогущество Божие и в неизреченную милость Его к падшему человеку. Падший человек посредством покаяния и исполнения евангельских заповедей может примириться с Богом, стяжать у Бога, выразимся так для ясности, благое о себе мнение, как сказано в Писании, от лица Божия человеку, которого дела оказались угодными Богу: *«Добре, рабе благий и верный, о мале Ми был еси верен, над многими тя поставлю, вниди в радость Господа твоего»* (Мф. 25:23). Сообразно начальной причине своей деятельность человека, желающего стяжать славу Божию, заключается в тщательном и постоянном богоугождении, или в последовании Господу: с крестом своим на раменах, в угождении ближним, допускаемом и установляемом евангельскими заповедями. Такое угождение отнюдь не удовлетворяет и даже приводит в негодование сынов мира, которые ищут и требуют неограниченного угождения страстям своим и своему самообольщению, за что и награждают земною славою человекоугодника, враждебного Богу и истинному благу ближ-

них.

«Аще кто Мне служит, – сказал Господь, – *Мне да последует, и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет: и аще кто Мне служит, почтит его Отец Мой»* (Ин. 12:26). Между прочими нравственными правилами Богочеловека, чертами Его всесвятого характера находится отвержение славы человеческой. *«Славы от человек не приемлю»*, – сказал Господь о Себе (Ин. 5:41). Хотя Он – Царь царей, но *«царство Его несть от Мира сего»* (Ин. 18:36). Когда народ хотел провозгласить Его царём, то Он удалился в пустынную гору, научая и нас, по объяснению блаженного Феофилакта Болгарского, убегать почестей и славы (Ин. 6:15). Когда во время собеседования после Тайной Вечери ученики сказали Господу: *«ныне вемы, яко веси вся и не требуеши, да кто Тя вопрошает: о сем веруем, яко от Бога изшел еси»*, тогда Господь не выразил никакого сочувствия к этим словам, заключающим в себе похвалу человеческую и одобрительное мнение человеческое. Напротив того, ведая близкое малодушие учеников и научая необновленного человека не уповать на свое падшее естество, способное к неожиданной, внезапной переменчивости, Он возразил им: *«Ныне ли веруете? Се, грядет час, и ныне приде, да разыдется кийждо во своя и Мене оставите единого»* (Ин. 16:30–32). Христос, принявший на себя человечество, страданиями и крестом взошел, ко человечеству, во славу Свою (Лк. 24:26, 46), которая по Божеству всегда была Его славою (Ин. 17:5). Мы должны последовать

Христу: исполнением заповедей и терпением всех попускаемых нам скорбей соделаться причастниками славы Христовой в сем и будущем веке. Христос *«Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обрете́ся якоже человек, смирил себе, послушлив быв до смерти, смерти же крестныя. Тем же и Бог Его превознесе и даровa Ему имя, еже паче всякого имене, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных и земных и преисподних: и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца»* (Флп. 2:6–11); так и мы должны смириться извне и внутри себя, чтоб соделаться причастниками славы Христовой, в сем и будущем веке. Залоги славы, даруемые Богочеловеком последователю Его во время земного странствования, состоят в различных дарах Святого Духа; в будущем веке Божественная слава обымет последователей и учеников Христовых извне и внутри в такой полноте и в таком величии, каких ум человеческий представить себе не может (1 Кор. 2:9). По этой причине преподобные отцы наши, святые иноки, старались избегать, как смертоносного яда, всего, что приводит к тщеславию, доставляет человеческую славу. Самый Божественный Промысл, как это со всею ясностию можно усмотреть из жизнеописаний угодников Божиих, не попускает избранным Божиим во время их земного странствования пребывать в отраде, в постоянном земном благополучии и в земной славе. Земное странствование их всегда преисполнено скорбей вольных и невольных. Как сладкая

пища, постоянно употребляемая, повреждает желудок, так слава человеческая, нерастворенная скорбями, повреждает душу. Как от постоянной ясной погоды, непрерываемой дождями, увядают и сохнут хлеб и травы, в плодах заводятся черви, так от постоянного земного счастья слабеют и уничтожаются в человеке добрые качества, зарождаются в его сердце самомнение, гордыня и блудные вожделения.

Святой Исаак Сирский сказал: «Едва ли найдется человек, который мог бы понести честь, а может быть, и вовсе не найдется такого: это происходит от способности скоро подвергаться изменениям».

Способность скоро изменяться, доказанная опытами, служит причиною, что Бог, уготовавший рабам Своим вечную, непременяющуюся честь и славу на небеси, не благоволит, чтоб они в сем непостоянном и превратном мире были почитаемы постоянно суетным и временным почитанием, как заметил блаженный Симеон Метафраст в жизнеописании великомученика Евстафия Плакиды[903].

Те из святых мужей, которым Бог, сообразно их значительным естественным способностям и духовному преуспеянию, предоставил высокое служение в Церкви, подвергались особенным гонениям, бесчестиям, поруганиям, озлоблениям, страданиям: в этом удостоверяют жизнеописания и Афанасия Великого, и Григория Богослова, и Василия Великого, и Иоанна Златоустого, и других светильников Церк-

[903] Житие великомученика Евстафия Плакиды. Четьи-Минеи сентября 20 дня.

ви. Попускаемые им напасти предохраняли их от душевного повреждения, которое легко могло бы появиться от величия сана и почитания человеческого[904]. «Прилежно внимай себе, – сказал преподобный Исаия Отшельник, – чтоб тебе удаляться желания власти, чести, славы и похвалы как язвы, смерти и погибели душевной, как вечной муки»[905]. Если посмотреть внимательно на себя и на человечество, то невозможно не убедиться в справедливости совета, преподанного святым отшельником, невозможно не увидеть, что стремление к славе человеческой и к человеческим почестям сводит инока с тесного спасительного пути, проложенного Богочеловеком и пройденного всеми последователями Его. Мало этого! Самое учение о тесном и прискорбном пути делается для сочувствующих человеческой славе странным, диким, безрассудным; они насмехаются над ним и над возвещающими его, как насмехались фарисеи, будучи миролюбцами, над учением Господа о самоотвержении. Но Господь дал это учение как необходимое врачевство и пособие в стране изгнания и самообольщения для освобождения нас от лжи, от пленивших и пленяющих нас посредством лжи (Лк. 16:14). Нет иного ключа, который бы отверзал врата в Царство Божие, кроме креста Христова. Ключ этот подается десницею Божией тем, которые произволяют войти в Царство Божие, и они сами стараются приобрести его, о приобретенном радуются

[904] Слово 47, святого Исаака Сирского.

[905] Слово 28.

и веселятся как о залоге вечного, неизреченного блаженства. Говорит преподобный Симеон, Новый Богослов: «С несомненною верою в Бога отрекшийся мира и всего принадлежащего миру верует, что Господь щедр и милостив, приемлет приступающих к Нему с покаянием, воздает почесть рабам своим чрез бесчестие, обогащает их посредством нищеты, прославляет при посредстве досаждений и уничижений, соделывает их причастниками и наследниками вечной жизни посредством смерти. Верующий спешит, как жаждущий елень, восходит сими ступенями к бессмертному и горнему началу, как по лестнице, по которой восходят и нисходят ангелы, на вершине которой – человеколюбивый Бог, ожидающий от нас посильного подвига и тщания, не увеселяясь зрением труда нашего, но желая дать нам мзду, как заслуженную»[906].

Возлюбленные братия! Будем убегать тщеславия и славолюбия как отречения от креста Христова. Отречение от креста Христова есть вместе и отречение от Христа: *«иже не носит креста своего и вслед Мене грядет, не может мой быти ученик»* (Лк. 14:27), – сказал Господь. Падшие человеки! Мы не можем иначе познать и исповедать Христа с искренностью, деятельно, как с креста нашего, познав и исповедав наперед наше падение и необходимость крестного пути для достижения неба и хранимого в нем вечного блаженства. Будем убегать всех поводов к тщеславию и славе чело-

[906] Добротолюбие. Ч. 1, гл. 93.

веческой, как убегали их святые отцы, чтоб не утратить сочувствие к учению Христову, не соделаться гробами повапленными, христианами по наружности, отступниками в сущности. Малая пылинка, попавшая в глаз, нарушает правильность зрения: ничтожное по видимому пристрастие лишает правильности разум, повреждает, изменяет образ мыслей подвижника. Сильные духом и телом отцы боялись малейшего греха, малейшего уклонения от евангельского учения, тем более мы, немощные по духу и телу, должны страшиться греха, который имеет надежное пристанище и пособие в нашей немощи, который, входя в нас, принимает вид ничтожной мелочи, а вошедши, превращается в страшное чудовище[907]. Не без причины святые отцы наблюдали крайнюю простоту в одежде, в келейных потребностях, в монастырских зданиях, в строении и украшении самых храмов. Мысль и сердце слабого человека сообразуются, что непонятно для неопытных и невнимательных, с его наружным положением. Если на иноке блестящие одежды, если келия убрана тщательно, со вкусом и роскошью, если даже храмы монастыря великолепны, сияют золотом и серебром, снабжены богатою ризницею, то душа его непременно тщеславна, исполнена самомнения и самодовольства, чужда умиления и сознания своей греховности. Упоенная тщеславным удовольствием, представляющимся ей духовною радостию, она пребывает в омрачении, самообольщении, ожесточении и мертво-

[907] Святой Исаак Сирский. Слово 75.

сти, как бы среди торжественного празднества. Напротив того, когда одежда на иноке проста, когда он, подобно страннику, живет в келии как бы в шатре или куще, когда в этой кущи имеется одно необходимое, когда храм Божий служит для него местом молитвенного исповедания и плача, не развлекая и не восхищая его своим блеском, тогда душа его заимствует от наружной обстановки смирение, отделяется от всего вещественного, переносится мыслями и чувствованиями в предстоящую всем человекам неизбежную вечность; душа старается покаянием и исполнением евангельских заповедей благовременно приготовить себе в вечности прием благосклонный. В скромную келию, убранную просто, входит наравне с вельможею простолюдин; в келию, тщательно убранную, нет входа для простолюдина, могущего приходом своим нарушить отчетливость убранства в келии. В лице убогого простолюдина, часто богатого в вере, отвергается Христос (Иак. 2:1–6). Пагубно собственное тщеславие, тем пагубнее слава человеческая. Слава инока от чад мира и плотского мудрования есть признак, что этот инок – сосуд, отвергнутый Богом, так как, напротив того, поношения и гонения от человеков составляют для инока верный признак избрания его Богом. То и другое засвидетельствовано Самим Господом. *«Горе,* – сказал Он, – *егда добре рекут вам вси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их»*. Напротив того, *«блажени будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло,*

Сына человеческого ради. Возрадуйтеся в той день и взыграйте: се бо мзда ваша много на небеси. По сим бо творяху пророком отцы их» (Лк. 6:26, 22–23).

Последуем вышеприведенному совету святого отшельника! Если же по судьбам Божиим иноку придется носить тяжкое бремя земных санов и почестей, то да умолит он прилежными и слезными молитвами Бога, чтоб земное величие не имело влияния на образ его мыслей, не вселило в его душу гордыни, не доставило ему высокого ока на ближних, от чего предостерегал и предостерегает Господь учеников Своих: *«Блюдите, да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вам: яко ангели их на небесех выну видят лице Отца Моею небесного. Прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго» человека. Он пролил за всех и каждого бесценную кровь Свою и тем установил для всех человеков одну, одинаковую, равную цену, одно равное значение* (Мф. 18:10–11. Сличи: 1 Кор. 6:20).

Глава 40
О памятозлобии

Глубокая и сокровенная тайна – падение человека! Никак не познать ее человеку собственными усилиями, потому что в числе последствий падения находится и слепота ума, не допускающая уму видеть глубину и тьму падения. Состояние падения обманчиво представляется состоянием торжества, и страна изгнания – исключительным поприщем преуспеяния и наслаждения. Постепенно раскрывает тайну Бог пред тем подвижником, который искренно и от всей души служит Ему. Какое, братия, разнообразное и страшное зрелище является нам при раскрытии тайны! Когда обнажатся по повелению Божию адские пропасти в бездне сердечной, как не исполниться страха! Как не исполниться страха особливо по той причине, что немощь наша доказана нам бесчисленными горькими опытами! Как не исполниться ужаса от мысли, что какая-либо убийственная страсть может долгое время жить тайно в сердце, внезапно явиться и навсегда погубить человека! Это справедливо, но кто боится греха, кто не доверяет себе, тот безопаснее от греха. И потому, желая ознакомить возлюбленных братии с тайнами греха для предохранения от него, мы не упускаем здесь указать на то страшное, невидимое опустошение, которое производит в душе страсть памятозлобия. *«Бог любы есть»* (1Ин. 4:8), – сказал святой Иоанн

Богослов: следовательно, отвержение любви, или памятозлобие, есть отречение от Бога. Отступает Бог от памятозлобного, лишает его своей благодати, решительно отчуждается от него, предает его душевной смерти, если он не потщится благовременно исцелиться от убийственного нравственного яда, от памятозлобия.

В Антиохии, столице Востока, в первые века христианства жили два друга, Саприкий, пресвитер, и гражданин Никифор. Долгое время пребывали они в теснейшей дружбе; потом сеятель зла, диавол, посеял между ими вражду, которая, возрастая, обратилась в непримиримую, ожесточенную ненависть. Из двух друзей Никифор опомнился, в себя пришел, сказано в жизнеописании, и, уразумев, что ненависть посеяна и укреплена диаволом, искал примириться с Саприкием. Саприкий упорно отвергал предложение о примирении, не раз повторенное. При таком взаимном отношении этих двух лиц внезапно восстало в Антиохии гонение на христиан, в царство императоров Римских Валериана и Галлиена. Саприкий как христианин и пресвитер был схвачен и представлен пред антиохийского игемона. Принуждаемый к принесению жертвы идолам, Саприкий исповедал Христа и, исповедуя Его, претерпел вышеестественно страшные муки. Когда разнообразные пытки не возмогли поколебать твердости Саприкия в исповедании Богом Иисуса Христа, тогда игемон повелел отрубить ему голову. Никифор, услышав о подвиге Саприкия и желая получить прощение и благосло-

вение мученика, совершившего свой подвиг и уже шедшего увенчать его смертью от руки палача, поспешил встретить мученика. Он пал мученику в ноги, говоря: «Мученик Христов! Прости меня, согрешившего пред тобою». Но Саприкий не дал даже ему никакого ответа, потому что имел сердце, объятое злобою. Сколько ни повторял Никифор молений, ожесточенный и ослепленный Саприкий отвечал на них одним исполненным ненависти молчанием и отвращением взора. Они достигли места казни. Здесь Никифор снова умолял Саприкия о прощении. «Умоляю тебя, мученик Христов, – говорил он, – прости меня, если я как человек согрешил пред тобою. Писание говорит: *«просите и дастся вам»* (Мф. 7:7). Вот я прошу: даруй мне прощение». И на эту предсмертную мольбу не преклонился Саприкий. Внезапно благодать Божия, укреплявшая его в мученическом подвиге, отступила от него. Когда мучители хотели отсечь ему голову, он вдруг обратился к ним с вопросом: «За что хотите вы казнить меня?» Они отвечали: «За то, что ты отказался принести жертвы богам и презрел царское повеление ради некоторого человека, называемого Христом». Несчастный Саприкий сказал им: «Не убивайте меня; сделаю то, что повелевают цари; поклонюсь богам и принесу им жертву». Услышав эти ужасные слова Саприкия, святой Никифор умолял его со слезами, говоря: «Не делай этого, возлюбленный брат, не делай! Не отвергайся Господа нашего Иисуса Христа, не теряй венца небесного, который ты сплел себе терпением мно-

гих мук. Вот! У дверей стоит Владыка Христос, Который немедленно явится тебе и воздаст тебе вечным воздаянием за временную смерть, для принятия которой ты пришел на это место». Саприкий не обратил никакого внимания на эти слова и устремился всецело в вечную пагубу. Тогда святой Никифор, видя, что пресвитер окончательно пал и отвергся Христа, истинного Бога, начал, подвигнутый Божественною благодатию, взывать к мучителям громким голосом: «Я – христианин! Я верую в Господа нашего Иисуса Христа, Которого Саприкий отвергся! Мне отрубите голову!» Желание святого Никифора было исполнено[908]. Очевидно: одному отвержение заповеди евангельской вменено Святым Духом, мгновенно отступившим от несчастного, в сердечное отвержение Христа; без сердечного исповедания Христа не возмогло устоять одно устное исповедание; другому тщательное исполнение заповеди доставило высокое достоинство мученика. В это достоинство внезапно возвела Никифора благодать Святого Духа, объяв его сердце, предуготованное для Духа Божия, исполнением заповеди Божией.

Вот и другая повесть. В Киево-Печерской лавре два инока, иеромонах Тит и иеродиакон Евагрий, жили в единомыслии и духовной дружбе. Их взаимная любовь была предметом назидания и удивления для прочих братий. Ненавидящий добра враг, обыкший сеять плевелы посреди пшеницы и превращать пшеницу в плевелы, особливо когда челове-

[908] Четьи-Минеи февраля 9 дня.

ки спят, то есть не внимают себе и не опасаются быть скраденными, полагая прочным и неотъемлемым приобретенное ими добро, превратил любовь иноков во вражду. Тит и Евагрий столько расстроились один против другого, что не могли даже смотреть друг на друга. Братия много раз упрашивали их, чтоб они помирились, но они и слышать не хотели о мире. По прошествии значительного времени их ссоры иеромонах Тит тяжко заболел. Болезнь была так трудна, что отчаялись в его выздоровлении. Тогда он начал горько плакать о своем согрешении и послал к иеродиакону просить прощения, со многим смирением возлагая на себя вину. Тот не только не захотел простить, но и произнес о иеромонахе много жестоких слов, даже проклятий. Однако братия, видя Тита умирающим, насильно привели к нему Евагрия для примирения. Больной, увидев его, приподнялся на постели, поклонился пришедшему, упав к ногам его и сказав со слезами: «Прости меня, отец, и благослови». Евагрий отворотился от него и произнес пред всеми следующие страшные слова: «Никогда не примирюсь с ним, ни в сей век, ни в будущем». Сказав это, Евагрий вырвался из рук братии, державших его, и упал. Братия хотели поднять его, но он оказался умершим: они не могли ни согнуть рук его, ни затворить уст, ни сомкнуть ресниц, а болевший иеромонах Тит встал с постели здравым, как бы никогда не был болен. Всех присутствовавших объял ужас, и они начали спрашивать исцелевшего пресвитера, каким образом совершилось его ис-

целение. Блаженный Тит отвечал им: «Когда я был тяжело болен, то увидел ангелов, что они удаляются от меня и плачут о погибели души моей, отравленной памятозлобием, а бесов, радующихся тому, что я гибну по причине гнева моего: почему я начал умолять вас, чтоб вы пошли к брату и испросили у него мне прощение. Когда же вы привели его ко мне и я поклонился ему, а он отвратился от меня, то я увидел, что один из грозных ангелов, державший огненное копие, ударил им непростившего, от чего тот упал и умер, а мне этот же ангел подал руку и восставил меня, и, вот, я здоров». Братия много плакали о умершем страшною смертию Евагрие и похоронили его в том положении, в каком он окостенел, с отверстыми устами и распростертыми руками[909].

Братия! Устрашимся нашей немощи! Устрашимся греха, удобно обольщающего нас, удобно вкрадывающегося в нас, пленяющего, оковывающего нас! Устрашимся нашего падшего естества, не престающего произрастать из себя греховные плевелы. Надо постоянно внимать себе, поверять свое поведение и душевное состояние по Евангелию, никак не допускать никакому греховному увлечению усиливаться и плодиться в душе, признавая это увлечение маловажным. «Вводимый в начало зла, не скажи себе: оно не победит меня. Насколько ты введен, настолько уже и побежден», – говорит преподобный Марк Подвижник[910]. И то надо знать, что «ма-

[909] Четьи-Минеи 27 февраля.

[910] Слово о Духовном Законе, гл. 170.

лые согрешения диавол представляет еще меньшими, ибо иначе он не может привести к большим согрешениям», – сказал тот же преподобный[911]. Никак не должно пренебрегать плевелами, возникающими из сердца, или греховными помыслами, являющимися уму. Помыслы должно немедленно отвергать и отгонять, а греховные чувствования искоренять и уничтожать, противопоставляя им евангельские заповеди и прибегая к молитве. Плевелы удобно исторгаются, когда они бессильны и молоды. Когда же они укоренятся от времени и навыка, тогда исторжение их сопряжено с величайшими усилиями. Помысл греховный, будучи принят и усвоен уму, входит в состав образа мыслей или разума и лишает его правильности, а греховное чувствование, закоснев-ши в сердце, делается как бы его природным свойством, лишает сердце духовной свободы. Стяжем несомненное убеждение в непреложной истине; Бог печется неусыпно о иноке и о всяком православном христианине, предавшем себя всецело в служение Богу и воле Божией, хранит его, зиждет, образует душу его, приуготовляет его для блаженной вечности. Все скорби, наносимые нам человеками, постигают нас не иначе, как по Божию попущению, к нашей существенной пользе. Если б эти скорби не были нам необходимо нужны, Бог никак не попустил бы их. Они нам необходимы для того, чтоб мы имели случай прощать ближних и тем получить отпущение собственных своих согрешений. Они нам необ-

[911] Там же, гл. 94.

ходимы, чтоб мы усмотрели Промысл Божий, бдящий над нами, и стяжали живую веру в Бога, являющуюся в нас тогда, когда мы научимся из многочисленных опытов, что из скорбей и затруднительных обстоятельств изъемлет нас всегда всесильная десница Божия, а не наши ухищрения. Они нам необходимы для того, чтоб мы приобрели любовь к врагам, чем окончательно очищается сердце от яда злобы и соделывается способным к любви Божией, к приятию особенной, обильной благодати Божией. Союз любви к ближнему с любовью к Богу ясно усматривается в приведенных двух повестях. Из этих повестей видно, что любовь к врагам есть та высшая ступень в лестнице любви к ближнему, с которой мы вступаем в необъятный чертог любви к Богу. Всеусильно понудим сердце наше, чтоб оно отпускало ближним все роды обид, какие они ни нанесли бы нам, чтоб получить отпущение наших бесчисленных согрешений, которыми оскорбили мы величество Божие. Не будем, побеждаясь неверием, предаваться многообразным попечениям, соображениям, мечтаниям, ухищрениям для охранения себя от врагов наших, для действования против их злонамеренности. Это воспрещено Господом, сказавшим: *«не противитеся злу»* (Мф. 5:39). Прибегнем, утесняемые скорбными обстоятельствами, с молитвою к всесильному Богу, у Которого в полной власти и мы, и враги наши, и наши обстоятельства, и обстоятельства всех человеков, Который может самовластно распорядиться всем, мгновенно преодолеть и уничтожить

все величайшие трудности. Будем тщательно молиться о врагах наших, изглаждая этою молитвою злобу из сердец наших, прививая к нему любовь. «Молящийся о человеках, обижающих его, сокрушает бесов; сопротивляющийся же первым уязвляется вторыми», – сказал преподобный Марк Подвижник[912]. *«Паче всего*, – говорит апостол, – *возмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленныя стрелы лукавого»* (Еф. 6:16). Эти стрелы суть различныя действия в нас демонов, приводящих в движение недуги падшего естества: воспаление сердца гневом, разгоряченные помыслы и мечтания, порывы к мщению, многопопечительные и многочисленные соображения, большею частью несбыточные и нелепые, о сопротивлении врагу, о побеждении и унижении его, о доставлении себе самого прочного, неподверженного никаким опасностям положения. Стяжавший веру стяжал Бога деятелем своим, встал превыше всех ухищрений не только человеческих, но и демонских. Стяжавший веру получает возможность коснуться истинной, чистой молитвы, не расхищаемой никакими попечениями о себе, никакими опасениями, никакими мечтаниями и картинами, представляемыми воображению лукавыми духами злобы. Верою своею в Бога благочестивый инок вручил себя Богу; он жительствует в простоте сердца и беспопечительности; он мыслит и заботится только об одном: о том, чтоб соделаться во всех отношениях орудием Бога и совершителем воли Божией.

---

[912] Слово о Духовном Законе, гл. 45.

Глава 41
Значение слова «мир»

Слово *мир* имеет два значения в Священном Писании. 1) Словом *мир* обозначается все человечество в следующих, и им подобных, выражениях Писания: *«Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего единородного дал есть, да всяк веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный. Не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется им мир»* (Ин. 3:16–17). *«Се, Агнец Божий, вземляй грехи мира»* (Ин. 1:30). 2) Словом *мир* обозначаются те человеки, которые проводят греховное, противное воле Божией жительство, живут для времени, а не для вечности. Так надо понимать слово *мир* в следующих, и им подобных, выражениях: *«Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были: мир убо свое любил бы. Якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир»* (Ин. 15:18–19). *«Не любите мира, ни яже в мире. Аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем: яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть его: а творяй волю Божию пребывает во веки»* (1Ин. 2:15–17). *«Прелюбодеи и прелюбодейцы! не весте ли яко любы мира сего вражда Богу есть? иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бываем»* (Иак. 4:4). Бла-

женный Феофилакт Болгарский определяет мир так: «Обычно Писание называет *миром* житие грешных и пребывающих в нем людей плотского мудрования, почему и Христос сказал ученикам Своим: *«вы несте от мира»*. Они составляли часть живущих в мире человеков, но, не пребывая в грехе, не были от мира»[913]. Большинство человеков проводило и проводит жизнь греховную, мерзостную пред Богом, враждебную Богу; по этой причине и потому, что большинство врагов Божиих несоразмерно велико в сравнении с числом верных служителей Бога, большинство называется в Писании миром, относящееся к большинству приписывается всему человечеству. Так надо понимать слова евангелистов: *«Бе Свет Истинный, иже просвещает всякого человека, грядущаго в мир. В мире бе, и мир Тем бысть, и мир Его не позна. Во своя приде, и свои Его не приняша»* (Ин. 1:9–11). *«Сеи же есть суд, яко Свет приде в мир, и возлюбиша человецы паче тму, неже Свет: беша бо их дела зла»* (Ин. 3:19). *«Блажени будете егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы, и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына человеческаго ради. Горе, егда добре рекут вам вси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их»* (Лк. 6:22, 26). Не познало Спасителя большинство человеков, ненавидит и преследует злословиями и гонениями истинных слуг Божиих большинство человеков, и так велико это большинство, что слово Божие признало правильным приписать отвержение Богоче-

[913] Толкование на гл. 18, с. 7 Евангелия от Матфея.

ловека и гонение служителей Его всему человечеству. Что очень мало человеков, живущих богоугодно, и очень много угождающих греховным и плотским похотениям, засвидетельствовал Господь: *«Пространная врата и широкий путь, вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им. Что узкая врата, и тесный путь, вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его»* (Мф. 7:13–14; сличи: Лк. 13:23–24). *«Оправдися Премудрость Божия от весьма немногих чад своих»* (Мф. 11:19); немногие избранники познали ее, немногие отдали ей должную справедливость.

Истинные служители истинного Бога! Изучите и узнайте установленное для вас Промыслом Божиим положение на время вашего земного странствования. Не попустите падшим духам обольстить и обмануть вас, когда они будут в приманчивой ложной картине представлять вам земное благосостояние и внушать желание его, стремление к нему, чтоб, таким образом, украсть и похитить у вас вечное сокровище ваше. Не ожидайте и не ищите похвал и одобрения от общества человеческого! Не ищите известности и славы! Не ожидайте и не ищите жительства бесскорбного, пространного, вполне удобного! Это не ваш удел. Не ищите и не ожидайте любви от человеков! Ищите всеусильно и требуйте от себя любви и соболезнования к человекам. Довольствуйтесь тем, что немногие истинные служители Божии, с которыми по временам вы будете встречаться на пути жизненном, полюбят вас, с любовью и участием одобрят ваше поведение,

прославят за вас Бога. Такие встречи не были часты и в цветущие времена христианства; в последнее время они сделались крайне редки. *«Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему»* (Пс. 11:1–3).

Преподобный авва Дорофей превосходно объясняет слова святого апостола Павла: *«мне мир распятся, и аз миру»* (Гал. 6:14). Монашествующим существенно нужно знать это объяснение. Вот оно: «Апостол говорит: «мне мир распятся, и аз миру». Какое между этим различие? Как мир распинается человеку и человек миру? Когда человек отрекается от мира и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяние другим и приятие от них, тогда распинается ему мир, ибо он оставил его. Это и значат слова апостола: «мне мир распятся». Потом он прибавляет: «и аз миру». Как же человек распинается миру? Когда, освободившись от внешних вещей, он подвизается и против самых услаждений, или против самого вожделения вещей, против своих пожеланий и умертвит свои страсти, тогда и сам он распинается миру и сподобляется сказать с апостолом: «мне мир распятся, и аз миру». Отцы наши, как мы сказали, распяв себе мир, предались подвигам и себя распяли миру. А мы думаем, что распяли себе мир, потому что оставили его и пришли в монастырь, себя же не хотим распять миру, ибо любим еще наслаждения его, имеем еще пристрастия его, сочувствуем славе его; имеем пристрастие к сне-

дям, к одеждам: если у нас есть какие-нибудь хорошие рабочие орудия, то мы пристрастны и к ним и позволяем какому-нибудь ничтожному орудию производить в нас мирское пристрастие, как сказал авва Зосима. Мы думаем, что, вышедши из мира и придя в монастырь, оставили все мирское, но и здесь, ради ничтожных вещей, исполняем пристрастия мирские. Это происходит с нами от многого неразумия нашего, что оставив великие и многоценные вещи, мы посредством каких-нибудь ничтожных удовлетворяем страстям нашим. Каждый из нас оставил, что имел: имевший великое оставил великое, и имевший что-нибудь, и тот оставил, что имел, каждый по силе своей. И мы, приходя в монастырь, как я сказал, маловажными и ничтожными вещами питаем пристрастие наше. Однако мы не должны так делать, но как мы отреклись от мира и вещей его, так должны отречься и от самого пристрастия к вещам». После этого объяснения очень понятна причина, на основании которой святой Исаак Сирский, писавший свои наставления инокам самого возвышенного жительства, то есть безмолвникам, затворникам и отшельникам, определяет мир так: «Мир есть общее имя для всех страстей. Если человек не узнает прежде, что есть мир, то он не достигнет узнать и то, сколькими членами он удалился от мира и сколькими привязан к нему. Находится много таких, которые двумя или тремя членами отрешившись от мира и в них отказавшись от общения с ним, возомнили о себе, что они чужды мира жительством своим. Это

случилось с ними оттого, что они не уразумели и не усмотрели премудро, что они умерли для мира только двумя членами, а прочие члены их живут внутри плотского мудрования, принадлежащего миру. Впрочем, они не возмогли даже ощутить страстей своих: не ощутив их, не могли позаботиться о исцелении себя от них. По исследованию (духовного) разума, для составления общего имени, объемлющего отдельные страсти, употребляется слово мир. Когда хотим наименовать страсти общим именем, именуем их миром: когда же намереваемся распределить их по частным названиям их, тогда именуем их страстями. Каждая часть есть частное действие по началам мира (Кол. 2:8). Где престают действовать страсти, там остаются без действия начала мира. Страсти суть следующее: вожделение богатства, стремление к собранию разных вещей; телесное наслаждение, от которого блудная страсть; вожделение чести, от которого происходит зависть; желание начальствовать; кичение благолепием власти, украшение себя пышными одеждами и суетными утварями; человеческая слава, служащая причиною памятозлобия; страх телесный. Где эти страсти престают действовать, там мир умер. И насколько некоторые из этих частей оставлены, настолько подвижник пребывает вне мира, который настолько уничтожается, будучи лишен составных частей своих. Некто сказал о святых, что они, живя, были мертвы, ибо живя во плоти, жили не для плоти. И ты всмотрись в себя, для каких из вышесказанных страстей ты жив? Тогда познаешь, насколько

ты жив для мира и насколько умер для него. Когда уразумеешь, что значит мир, тогда уразумеешь из вышеприведенных частных указаний, в чем ты связался с миром и в чем отрешился от него. Короче сказать: мир есть плотское жительство и плотское мудрование[914]. Мир есть блудница, привлекающая к любви своей тех, которые устремляют взоры к ней с вожделением ее красоты. Тот, кто хотя отчасти увлечен любовью к миру и опутан им, не может избавиться из рук его, доколе мир не лишит его жизни (вечной). Когда мир вполне обнажит человека и вынесет его из дому его в день его смерти, тогда познает человек, что мир – льстец и обманщик. Подвизающийся выйти из тьмы мира, доколе находится еще среди него, не может видеть оплетений его. Мир держит в оковах не только учеников, чад и пленников своих, но вот! он и нестяжателей, и подвижников, и возвысившихся превыше его, начал уловляет на дела свои различными образами, попирает их и повергает под свои ноги»[915].

Основываясь на этих понятиях о мире, преподаваемых нам Священным Писанием и святыми отцами, мы повергаем пред возлюбленными братиями нашими, иноками, совет и убедительнейшее моление: убоимся служения миру! Этому служению могут подпасть даже подвижники, не внимающие себе строго: это служение может совершаться при посредстве ничтожных пристрастий к ничтожным предметам. При-

[914] Святой Исаак Сирский. Слово 2.

[915] Слово 21.

мем все меры, все предосторожности к предохранению себя от миролюбия! Не сочтем маловредным никакого, по-видимому ничего не значащего пристрастия! Не сочтем маловажным никакого самомалейшего уклонения от евангельских заповедей. Не предадим забвению грозного изречения, которым возгремел святой апостол Иаков: *«прелюбодеи и прелюбодейцы! не весте ли, яко любы мира сего вражда Богу есть? иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает»* (Иак. 4:4). Всякое пристрастие есть в духовном смысле прелюбодеяние для инока, долженствующего любовь свою всецело устремить к Богу, как и псалмопевец возвестил: *«Возлюбите Господа вси преподобнии Его»* (Пс. 30:24). *«Удаляющии себе от Тебе погибнут: потребил еси всякаго любодеющаго от Тебе»* (Пс. 72:27). При служении миру невозможно служение Богу, и нет его, хотя бы оно и являлось болезненному взору рабов мира, представлялось существующим. Его нет! А то, что представляется, есть не что иное, как лицемерство, притворство, обман себя и других. Друг мира соделывается непременно, может быть, незаметно для себя, злейшим врагом Бога и своего спасения. Миролюбие вкрадывается в душу, как тать, пользующийся мраком ночи, – нерадением и невниманием себе. Миролюбие способно совершать величайшие беззакония, величайшие злодеяния. Ужасный пример этого видим в иудейском духовенстве, современном земной жизни Богочеловека. Оно впало в миролюбие: оно заразилось расположением к почестям, к славе, к похвалам

человеческим; оно пристрастилось к сребролюбию и любоимению; оно впало в сластолюбие и разврат; оно предалось грабительству и всякого рода неправдам, а для того чтоб охранить свое положение в народе, оно облеклось в личину строжайшего богоугождения, самого мелочного исполнения обрядовых постановлений и старческих преданий. Что было последствием миролюбия? Решительное отчуждение от Бога, перешедшее в ослепленную и исступленную ненависть к Богу. Иудейское духовенство противостало с ожесточением Богочеловеку, когда Он явил Себя миру; оно противостало Ему, имея полное убеждение в его Божественности, как это засвидетельствовал Никодим, один из членов верховного иудейского собора – Синедриона (Ин. 3:2). Иудейское духовенство решилось на богоубийство и совершило его, зная наверно, что оно действует против Мессии и, в омрачении своем, высказывая это сознание в тех насмешках, которыми оно осыпало мироспасительную Жертву на Ее жертвеннике – кресте. *«Иные спасе, Себе ли не может спасти?»* – говорили архиереи, книжники, старцы и фарисеи (Мф. 27:42), не замечая того, что они произносят осуждение на самих себя: они сознаются, что предали на распятие Того и ругаются Тому, Кто чудесным образом, Божественною силою и властью спасал других.

Иудейское духовенство едва услышало весть о рождении Богочеловека, как возненавидело Его, приняло меры избавиться от Него. Это ясно видно из Евангелия. Когда волхвы

принесли в Иерусалим весть о рождении Царя Иудейского – Христа, тогда смутился наличный иудейский царь Ирод, смутилась вместе с ним и вся столица иудейская (Мф. 2:3). Естественно было смутиться, замечает блаженный Феофилакт Болгарский, наличному государю иудейскому вестью о рождении нового Царя Иудейского, который, следовательно, должен был завладеть его престолом и лишить власти или его, или потомство его. Но к чему смущаться Иерусалиму при вести о рождении Мессии, Иерусалиму, который в течение многих веков ожидал обетованного Мессию, своего Избавителя, свою славу, – Иерусалиму, которого вся религия состояла в вере в грядущего Мессию и в приготовлениях к принятию Его? Иерусалим смутился оттого, что нравственность иерусалимлян была растленная. Столица поняла, достойно тонкому столичному чутью, что новый Царь, Царь правды, потребует отвержения безнравственности, потребует истинной добродетели, не обольстясь и не удовлетворясь добродетелью притворною, лицемерством. По причине миролюбия иерусалимлян для них был сноснее, приятнее Царя-Бога чудовище Ирод. Угадывая с верностью душевное отношение тирана, лицемера и лицедея, какими были и члены синедриона, они при первом вопросе о месте рождения Мессии решительно, нисколько не остановившись и не задумавшись, указывают Ироду с точностью на место рождения Мессии, предают Мессию в руки убийцы. *«Христос рождается в Вифлееме иудейском»*, – говорят они, чтоб усилить

отзыв, присовокупляют: *«тако бо писано есть пророком»*, – и объявляют поразительной ясности пророчество (Мф. 2:5). Противное этому расположение заставило бы их дать ответ уклончивый, скрыть место. Евангелие приписывает миролюбцам все злодеяния, совершенные человеками, начиная от убийства Каином Авеля (Мф. 23:35). Миролюбцы во время земной жизни Богочеловека навершили свои злодеяния отвержением Христа и богоубийством (Мф. 23:32), а в последние времена мира навершат принятием антихриста и воздаянием ему божеской чести (Ин. 5:43). Страшно миролюбие! Оно входит в человека неприметным образом и постепенно, а, вошедши, соделывается его жестоким и неограниченным владыкою. Постепенно приготовились человеки и стяжали душевное настроение, способное к богоубийству, постепенно они приготовляются, стяжавают настроение и характер, способные к принятию антихриста (2 Сол. 2:7). Превосходно изложил суетность миролюбия и пагубные его последствия святой мученик Севастиан в беседе к тем мученикам, которые любовью к родственникам и семейству поколебались в подвиге. Святой Севастиан говорил им: «О крепкие воины Христовы! Вот, великодушием вашим вы мужественно уже приблизились к торжеству, а ныне хотите уничтожить вечный венец ради окаянного ласкательства ваших свойственников! Ныне да научится вами мужество Христовых воинов вооружаться не железом, а верою. Не повергайте знамений победы вашей ради женских слез и не послабляйте

вые врага (диавола), находящейся под ногами вашими, чтоб он, восприяв силу, не восстал снова на брань. Если первое его восстание на вас было лютым, то последующее будет лютее. Он разъярен и раздражен (первым своим побеждением). Воздвигнете от земных пристрастий славную хоругвь подвига вашего и не лишайтесь ее ради пустого рыдания детей. Те, которых вы видите плачущими, радовались бы ныне, если б знали то, что знаете вы. Но они полагают, что только и есть та жизнь, которая в сем мире и что по окончании ее смертью тела нет жизни для души. Если б знали, что существует другая жизнь, бессмертная и безболезненная, в которой царствует непрестанная радость, то поистине они потщались бы с вами перейти к ней и, вменив ни во что временную жизнь, возжелали бы вечной. Сия настоящая жизнь скоротечна и столько непостоянна и неверна, что не возмогла никогда соблюсти верности ниже к своим любителям. Всех, от начала мира надеявшихся на нее, она погубила; всех, желавших ее, обольстила; всем гордящимся ею, наругалась; всем солгала; никого не оставила в надежде своей необманутым и в уповании непосрамленным, но вполне явила себя ложною. О, если б она только обманывала, а и не вводила в лютые заблуждения! Горестней всего то, что она любителей своих приводит ко всем беззакониям. Она услаждает для чревоугодников объядение и пьянство, сластолюбивых подвизает к любодеянию и всякого рода осквернениям. Она научает вора красть, гневливого яриться, лжеца обманывать. Она посева-

ет разлучение мужа с женою, вражду между друзьями, ссоры между кроткими, неправды посреди праведных, соблазны посреди братии. Она отъемлет правосудие у судей, чистоту у целомудренных, разум у разумных, благонравие у нравственных. Воспомянем и лютейшие злодеяния, к которым она приводит своих любителей. Если когда брат убил брата, сын отца, друг умертвил друга, то по чьему наущению совершились таковые беззакония? По чьему мановению? При каких надежде и уповании? Не ради ли настоящей жизни, которую человеки, любя попремногу, ненавидят друг друга и злодействуют друг другу, каждый ища самому себе благополучнейшего пребывания. По какой причине разбойник закаляет путешественника, богатый насилует убогого, гордый обижает смиренного, и всякий повинный злу гонит неповинного? Поистине все это злое делают служащие этой жизни и желающие долгое время пребывать и наслаждаться в любви ее. Она, советуя все злое своим рачителям и служителям, предает их своей дщери, от нее рожденной, вечной смерти, в которую низверглись первые человеки по той причине, что, будучи созданы для вечной жизни, вдались в любовь к временной, поработились чревоугодию, сласти и похотению очей, а оттуда ниспали во ад, не взяв туда с собою ничего из земных благ. Эта-то временная жизнь, – продолжал святой Севастиан, обратясь к родственникам мучеников, – обольщает вас возвращать вспять неправедным вашим советом ваших друзей, грядущих к вечной жизни. Она научает вас, о

честные родители, отвлекать вашими безумными рыданиями ваших сыновей отшествия к небесному воинству, к чести нетленной и к дружеству с вечным Царем. Она убеждает вас, о целомудренные жены святых, чтоб вы ласканиями вашими развратили умы мучеников, отвели их от доброго намерения, доставили им советами вашими вместо жизни смерть, вместо свободы – рабство. Если они соизволят советам вашим, то поживут с вами малое время, потом должны же будут разлучиться с вами смертью, и разлучиться так, что свидание вам сделается возможным только в вечных муках, где пламень пожигает души неверных, где тартарские змеи снедают уста богохульные, где аспиды терзают груди идолопоклонников, где слышатся горький плач, тяжкие воздыхания, непрестанное рыдание в муках. Дайте им избежать этих мук и самих себя потщитесь избавить от них! Допустите их снова устремиться к венцу, уготованному им. Не бойтесь: они не разлучатся от вас, они идут уготовать вам на небесах светлые обители, в которых вы, вместе с ними и чадами вашими, будете наслаждаться вечными благами. Если вас утешают здесь каменные красивые домы, то сколько более будет утешать красота горних домов, где столы блистают чистым золотом, где чертоги сияют славою, будучи выстроены из красивых камней и убраны камнями драгоценными, где цветут сады присноцветущие цветами неувядающими, где злачные поля, кипящие сладкими потоками, где всегда воздух благорастворен, живительные ветры, облагоухающие чувства неизречен-

ным благовонием, где день не меркнет, свет не заходит, радование не прерывается. Нет там ни воздыхания, ни плача, ни скорби, ниже какого-либо неблаголепия, оскорбляющего взоры; не обонявается там никакое зловоние, не слышится никакого печального, плачевного и страшного голоса; взорам представляется все прекрасное, обонянию одни ароматы, уху одно веселое. Там непрестанно воспевают лики ангелов и архангелов, согласно славословя бессмертного Царя. По какой причине такая жизнь бывает презираема, а временная любима? Для богатства ли? Но богатство скоро истощается. Тот же, кто хочет иметь его вечно при себе, да слышит, что говорит богатство. Вы так любите меня, говорит оно, что желаете, чтоб я никогда не разлучалось с вами. По смерти вашей я не могу идти вслед за вами, но при жизни вашей могу вам предшествовать. Если вы пошлете меня пред собою, то да послужат вам примером корыстолюбивый заимодавец и прилежный земледелец. Один дает золото ближнему, чтоб с него получить свои деньги в двойном количестве; другой посевает различные семена в землю, чтоб взять их сторично умножившимися. Должник отдает заимодавцу золото в двойном количестве, а земля возвращает сеятелю семена его сторично умноженными. Если вы вверите ваше богатство Богу, то Он не воздаст ли вам его умноженным бесчисленно? Туда пошлите, вперед вас, богатство ваше, и сами туда же тщитесь скорей прийти. Какая польза в этой временной жизни? Если б кто прожил и сто лет, но когда наступит

последний день жизни, не оказываются ли тогда все прошедшие годы и все житейские сласти как бы никогда не бывшими? Остаются только следы ничтожные, воспоминание, подобное воспоминанию о путешественнике, пробывшем у нас в продолжение одного дня. О, по правде, тот, кто не любит превосходной вечной жизни, безумен, совершенно чужд познания истинных благ! О, по правде безрассуден тот, кто боится потерять скоропреходящую жизнь для восприятия другой, присносущей, в которой наслаждения, богатство, радости так начинаются, что никогда не оканчиваются, но пребывают бесконечными вовеки. Кто не хочет быть любителем этой присносущей жизни, тот всуе погубляет и временную жизнь, впадает в вечную смерть, держится связанным во ад, где неугасимый огнь, всегдашняя скорбь, непрестающие муки, где живут лютые духи, которых глаза сверкают огненными стрелами, которых зубы величиною подобны слоновым, которых хвосты угрызают подобно хвостам скорпионов, которых гласы подобны гласам львов рыкающих, которых одно видение приносит великий страх, лютую болезнь и горчайшую смерть. О, если б было возможно умереть посреди этих страшилищ и мук! Но что всего лютей: там не престают жить для того, чтоб умирать непрестанно; не уничтожаются до конца, чтоб мучиться без конца; пребывают целыми, чтоб вечно пожираться угрызающими змиями; снедаемые уды снова обновляются, чтоб снова служить снедью для ядовитых змей и неусыпающего червя» [692]. Правильное

употребление земной жизни заключается в приготовлении себя во время ее к жизни вечной.

Братия! Совершим наше земное кратковременное странствование, занимаясь единственно богоугождением, заимствуя от мира только одно необходимое. *«Есть*, – сказал Апостол, – *снискание велие благочистие с довольством. Ничтоже бо внесохом в мир сей, яве, яко ниже изнести что можем. Имеюще же пищу и одеяние, сими довольны будем. А хотящии богатитися, впадают в напасти и сеть, и в похоти многи несмысленны и вреждающия, яже погружают человеки во всегубительство и погибель»* (1 Тим. 6:6–9). К такому же нравственному бедствию, к какому приводит человека сребролюбие, приводят славолюбие и сластолюбие: из этих трех главных страстей составляется миролюбие.

Глава 42
О хранении от знакомства с женским полом

Преподобные отцы наши, святые иноки всех времен, тщательно хранили себя от знакомства с женским полом. Вход женскому полу в древние монастыри был воспрещен. Этот святой и благодетельный обычай сохраняется и ныне во всей Афонской горе. Те из иноков, которые проводили особенно внимательную жизнь, с особенною тщательностию хранились от знакомства и обращения с женщинами, что видно из жития преподобных Арсения Великого, Сисоя Великого, Иоанна Молчальника и других возвышеннейшей святости отцов. Так поступали они не единственно по произволу, но по указанию необходимости, усмотренной ими, как в зеркале, в их внимательной жизни.

Некоторые иноки утверждают о себе, что они, находясь часто в обществе женщин, не чувствуют вреда. Этим инокам не должно верить: они или говорят неправду, скрывая свое душевное расстройство, или проводят жизнь самую невнимательную и нерадивую и потому не видят своего устроения, или же диавол скрадывает их, отнимая понимание и ощущение вреда, чтоб соделать их монашескую жизнь бесплодною и уготовать им верную погибель. Превосходно рассуждал об

этом предмете преподобный Исидор Пелусиотский в письме к епископу Палладию[916]: «Если *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15:33), по изречению Писания, то совершает это по преимуществу беседа с женами. Хотя бы предметом ее было и добро, но она достаточно сильна, чтоб растлить тайно внутреннего человека сквернымы помыслами, и в то время как тело пребывает чистым, душа оскверняется. Бесед с женами сколько можно убегай, благий муж. Если по какой нужде придешь к женам, то имей глаза опущенными вниз, и тех, к которым ты пришел, поучай смотреть целомудренно. Сказав им немного слов, могущих утвердить и просветить души их, немедленно удаляйся, чтоб долгая беседа не смягчила и не расслабила твоей душевной крепости. Скажешь: хотя и часто я беседую с женами, однако из этого не последует для меня никакого вреда. Пусть будет и так! Но я желаю, чтоб все были твердо уверены в том, что водами камни утончаваются и пробиваются каплями дождя, всегда падающими на них. Рассуди: что тверже камня и что мягче воды, особливо же водяной капли? Но всегдашним действием побеждается и естество. Если столько твердое естество преодолевается, страдает и умаляется от такой вещи, которая в сравнении с ним ничто, то как не быть побежденною и превращенною долгим обычаем воле человеческой, удобоколеблемой»? Старец Серафим Саровский уподоблял благочестно живущего инока, хранящего целомудрие, невозженной вос-

[916] Четьи-Минеи, 4 февраля.

ковой свече; частое же обращение этого инока посреди общества женщин – этой же невозженной свече, когда она будет поставлена между многими другими возженными свечами. Тогда невозженная свеча начинает таять от действия на нее теплоты, исходящей от стоящих вокруг нее возженных свеч. «Сердце инока, – говорил старец, – непременно должно подвергнуться расслаблению, если инок позволит себе частое обращение с женским полом»[917].

Соединение полов в существующем виде его естественно (падшему естеству). Девство вышеестественно. Следовательно, желающий сохранить свое тело в девственности должен непременно держать его вдали от того тела, соединение с которым требуется естеством. В тела мужа и жены вложена невидимая сила, влекущая тело к телу. Приближающийся к жене непременно подвергается влиянию этой силы. Чем чаще сближение, тем учащенней, а потому тем сильней влияние. Чем сильней влияние, тем слабее делается наше произволение, которым мы намереваемся победить, с Божиею помощью, естество. Образы жен, их взоры, их голос, их нежность напечатлеваются очень сильно в душах наших по действию естества, особливо когда естеству содействует сатана. В то время, когда мы обращаемся с женщинами и когда производятся впечатления, мы этого не чувствуем; но когда удалимся в уединение, тогда впечатления, усвоенные душею, восстают в ней с необыкновенною силою и производят лю-

[917] Наставление 9. Издание 1844 года.

тую блудную брань. Блаженный Иероним повествует о себе, что когда он жил в Риме и часто бывал в обществе набожных дам и девиц столицы мира, тогда он не чувствовал ни малейшего любострастного движения ни в воображении, ни в теле. Но когда блаженный удалился в Вифлеемскую пустыню и предался строжайшим иноческим подвигам, тогда внезапно начали рисоваться в его воображении образы виденных им в Риме жен, а в старческом теле, изнуренном жаждою, неядением, бдением, трудами, появились юношеские вожделения. Победа была очень затруднительна, потому что падшему естеству предстало в помощь, как это обыкновенно бывает, явное содействие диавола. Совершившееся с блаженным Иеронимом совершается со всеми иноками, переходящими от общественной жизни к жизни безмолвной[918]. Они на опыте познают важность впечатлений, о которых преданные рассеянности не имеют никакого понятия. Все впечатления, которым подверглась душа посреди человеческого общества, восстают, как мертвецы из гробов, в безмолвнике и усиливаются совершать грех в помыслах и ощущениях, доколе милостью Божией и Божием определением не падут в пустыне все вооруженные мужи, вышедшие из Египта. Тогда новое израильское поколение входит в землю обетованную. С особенною удобностью подвергаются влиянию впечатлений чистые души, не познавшие греха на деле. Их можно уподобить лакированным дорогим столам, стоящим

[918] Epistola 22 ad Evstochium.

в гостиных у вельмож и богачей; и маленькая царапина на таком столе делается очень приметною, нарушает его достоинство. Напротив того, людей, не сохранивших себя, можно уподобить столам, стоящим в кухне, на которых ежедневно рубят овощи и другие съестные припасы: десять, сотня новых рубцов не имеют для этих столов, покрытых бесчисленными рубцами, никакого значения. Чистую душу диавол старается заразить плотским впечатлением. Этим-то и объясняется причина, по которой святые отцы с таким усиленным тщанием убегали женщин. Преподобный Арсений Великий сказал много жестких слов знаменитой римлянке, приехавшей нарочно для него в пустынный Египетский Скит из великолепного Рима и внезапно представшей пред ним. Жесткие слова Арсений заключил жесткою, но святою откровенностью. «Молю Бога, – сказал он римлянке, – чтоб Он изгладил воспоминание о тебе из сердца моего». Этими словами преподобный выразил всю тягость и опасность борьбы с впечатлениями, борьбы, низводящей инока до врат адовых, борьбы, изведанной Арсением, очевидно, на опыте. В том же смысле надо понимать и следующие слова преподобного Макария Великого: «Масло питает светильню зажженной лампады, и огнь любодеяния возбуждается обращением с женщиною. Лицо женщины – стрела лютая: наносит язву душе. Если хочешь быть чист, убегай, как яда, сообращения с женщиною, потому что в этом сообращении – сильное действие греха, подобное действию хищных зверей. Не

так опасно приближение к огню, как приближение к молодой женщине. Избегай, доколе ты юн, буйного действия блудной страсти и сообращения с женщинами. Наполняющие чрево и вместе надеющиеся стяжать чистоту обманывают себя: ужаснее потопление от воззрения на прекрасное лицо, нежели потопление от морской бури. Лицо женщины если изобразится в уме, то принудит презреть самое хранение ума. Вложенным в солому огнем производится пламень: так пребывающим воспоминанием о женщине воспламеняется страстное вожделение»[919]. Этого не мог бы сказать Великий Макарий, если б не вытерпел лютой борьбы с впечатлениями, принятыми неожиданно, в совершенном неведении. Весьма точно и верно сказал святитель Тихон Воронежский в наставлениях своих монашествующим: «Берегись, возлюбленне, жены, да не сожжешися. Ева всегда имеет свой нрав: всегда прельщает»[920]. Старец спросил ученика: отчего святые отцы воспрещают монахам, в особенности юным, короткое знакомство с женщинами? Ученик отвечал: чтоб монах, познакомясь коротко с женщиною, не впал с нею в блуд. Старец: так! падение в блуд есть конец, венчающий, воспрещенное монаху Святым Духом, короткое знакомство с женщиною. Но это знакомство, не всегда оканчиваясь телесным падением, всегда сопряжено с расстройством и бесплодием душевным. Женщина руководится чувствами падшего естества, а

---

[919] Отрывок послания к монахам. Библиотека Галланда. Том 7, с. 242.

[920] 7 наставление монашеское. Том 1.

не благоразумием и духовным разумом, ей вполне чуждыми. У ней разум – служебное орудие чувств. Увлекшись чувствами, она весьма скоро заражается пристрастием не только к иноку юному и зрелых лет, но и к старцу, – делает его своим идолом, а впоследствии сама по большей части делается его идолом. Женщина видит совершенство в своем идоле, старается его уверить в том и всегда успевает. Когда инок заразится, вследствие пагубных и непрестанных внушений и похвал, самомнением и гордынею, тогда отступает от него благодать Божия, он омрачается умом и сердцем, делается способным к слепоте своей, к самому безрассудному поведению и к бесстрашному нарушению всех заповедей Божиих. Когда Далила усыпила в своих объятиях израильского судию, сильного Самсона, тогда лишила его условий, при которых соприсутствовала и содействовала ему Божественная благодать, предала Самсона на поругание и казнь иноплеменникам (Суд. 16:4–21). Замечено, что женщина, познакомившись коротко с монахом, живущим в благоустроенном монастыре или пользующимся наставлениями духовного старца, первым долгом своим считает извлечь любимца из такого монастыря и отвлечь от старца, несмотря на очевидную пользу монастырской строгости и наставлений старца для инока. Она желает исключительно обладать предметом своей страсти. В безумии своем она считает себя способною и достаточною заменить старца, которого, наоборот, она признает и провозглашает самым недостаточным и неспособным. Она

не щадит никаких средств к достижению своих целей – ни средств, доставляемых миром, ни средств, доставляемых сатаною. Пристрастие свое, а часто и порочную страсть она называет живою верою, чистейшею любовью, чувством матери к сыну, сестры к брату, дочери к отцу – словом, всеми святыми наименованиями, усиливаясь посредством их сохранить в неприкосновенности приобретенное достояние – несчастную душу вверившегося ей инока. В женщине преобладает кровь; в ней с особенною силою и утонченностью действуют все душевные страсти, преимущественно же тщеславие, сладострастие и лукавство. Последнею прикрываются две первые.

Здесь отнюдь не порицается и не унижается женский пол! Он почтен Богом честью человечества и образа Божия, как и мужеский; он искуплен бесценною кровью Спасителя; искупленный и обновленный, составляет вместе с мужеским полом одну новую тварь о Христе (Гал. 3:28). Здесь представлены женщины такими, какими они бывают тогда, когда действуют по беззаконным законам падшего естества, под водительством своей необузданной крови. Оказавшись способными вывести Адама из рая, при посредстве лести и обольщения, что Адам засвидетельствовал пред Богом о жене своей (Быт. 3:12), они и ныне продолжают обнаруживать и доказывать эту способность, выводя покоряющихся им иноков из благочестивой жизни, как из рая. Инок, обязанный любить всех ближних, а в числе их и женщин, любовью пра-

вильною, евангельскою, несомненно явит к ним эту любовь, когда, познав свою и их немощь, сохранит себя и их от вреда душепагубного, ведя себя с ними крайне осторожно, не вдаваясь в короткое знакомство, воздерживаясь от свободного обращения и храня чувства, в особенности зрение и осязание.

Глава 43
О падших ангелах

Святой апостол Павел говорит всем христианам: *«несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным»* (Еф. 6:12). Эта брань ужасна! Она – на живот и на смерть. Последствиями этой брани должны быть или наше вечное спасение, или наша вечная погибель. Духи злобы, зараженные лютою ненавистию к роду человеческому, ведут эту брань с величайшим ожесточением и адским искусством. Святой апостол Петр говорит: *«Супостат ваш, диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити»* (1 Пет. 5:8). Но истинно любящих Бога никак не могут падшие ангелы отлучить от Бога (Рим. 8:38–39), хотя и употребляют все усилия, чтоб совершить отлучение. Они употребляют все усилия, чтоб совершить отлучение, потому что в этом отлучении заключается наша погибель. Для того чтоб противостать духам злобы и победить их благодатию Божией, надо знать с точностью, кто они, надо знать с точностью образ борьбы с ними, знать условия победы и побеждения.

Духи злобы – падшие ангелы. Бог сотворил их вместе с прочими ангелами, сотворил непорочными, благими, святыми, ущедрил их многими естественными и благодатными дарованиями. Но духи, омрачившись гордостью, приписали са-

мим себе свое обилие способностей, свои изящные свойства, самые дары благодати. Они исключили себя из разряда созданий, признали самобытными существами, забыв о своем создании, и на этом бедственном основании попрали свои священные обязанности к Богу-Создателю.

К такому самомнению и самообольщению они были увлечены одним из главнейших ангелов, которого святой пророк Иезекииль называет херувимом (Иез. 28), и вообще все святые причисляют к высшим ангелам. Этот херувим столько погрузился в самомнение и гордость, что счел себя равным Богу, явно возмутился против Бога (Ис. 14:13–14), соделался противником Богу, исступленным врагом Бога. Духи, отвергшие повиновение Богу, низвергнуты с неба. Они пресмыкаются по земле, наполняют пространство между небом и землею, отчего называются воздушными, или обитающими в воздухе, низошли во ад, во внутренность земли. Все это засвидетельствовано Священным Писанием (Ис. 14:12, 15). Число падших духов весьма значительно. Некоторые полагают, основываясь на свидетельстве Апокалипсиса (Откр. 12:4), что целая треть ангелов подверглась падению. Пали многие из высших ангелов, как видно из вышеприведенных слов апостола Павла: их-то он и называет началами и властями. Глава и князь царства тьмы, составленного из падших духов, – падший херувим. Он – начало, источник, полнота зла. Превышая всех прочих падших ангелов способностями, он превышает всех их злобою. Естественно, что увлеченные

им и произвольно подчинившиеся ему духи должны постоянно заимствовать от него зло, следовательно, быть в служении ему. Но Бог, предоставя на произвол падшим ангелам вожделенное им пребывание во зле, по всемогуществу Своему и премудрости, бесконечно превосходящей разум разумнейших тварей, не престает пребывать их верховным, полновластным Владыкою: они находятся в воле Бога как бы в несокрушимых оковах и могут совершать только то, что Богом попущено будет совершить им[921].

Взамен падших ангелов Бог сотворил новую разумную тварь – человеков и поместил их в рай, находящийся на низшем небе и состоявший прежде под ведомством падшего херувима[922]. Рай поступил в управление новой твари – человека. Весьма понятно, что новая тварь соделалась предметом зависти и ненависти падшего ангела и падших ангелов. Отверженные духи, руководимые вождем своим, покусились обольстить новосозданных человеков, соделать их причастниками своего падения, своими единомышленниками, заразить ядом вражды своей к Богу, в чем и успели. Человек, хотя и обольщенный, и обманутый, но произвольно отвергшийся повиновения Богу, произвольно согласившийся на демонскую хулу против Бога, произвольно вступивший в общение с падшими духами и в повиновение им, отпал от Бога и от лика святых духов, к которым он принадлежал

---

[921] Преподобный Макарий Великий. Слово 4, гл. 7.

[922] Беседа о духах преподобного Антония Великого. Четьи-Минеи, 17 января.

не только душою, но и духовным телом своим, причислился к лику духов падших по душе, а по телу – к бессловесным животным. Злодеяние, совершенное падшими ангелами над человеками, окончательно решило участь падших ангелов: окончательно отступила от них милость Божия, они запечатлелись в своем падении. Духу суждено пресмыкаться в помышлениях и чувствованиях исключительно плотских и вещественных! Дух неспособен приподняться от земли! Дух не может вознестись ни к чему духовному! Такое значение, по объяснению святых отцов, имеет приговор, произнесенный Богом над падшим ангелом вслед за тем, как этот ангел поразил вечною смертью новосотворенного человека. *«На персех твоих и чреве ходити будеши,* – изрек Бог демону, – *и землю снеси вся дни живота твоего»* (Быт. 3:14). Человек, хотя причислился к лику падших ангелов, но падение его по способу, каким оно совершилось, получило совсем иной характер, нежели падение ангелов. Ангелы пали сознательно, намеренно, сами в себе произвели зло; совершив одно преступление, с остервенением устремились к другому, по этим причинам они вполне лишились добра, преисполнились злом, имеют единое зло своим качеством. Человек пал несознательно, ненамеренно, будучи обольщен и обманут, по этой причине его естественное добро не уничтожилось, а смешалось со злом падших ангелов. Но это естественное добро, как перемешанное со злом, отравленное злом, соделалось непотребным, недостаточным, не достойным Бога, Который есть

цельное, чистейшее добро. Человек наиболее делает зло, думая делать добро, не видя зла, облеченного личиною добра, по причине омрачения своих разума и совести. Падшие духи делают зло для зла, находя наслаждение и славу в творении зла.

Бог по неизреченной благости Своей даровал падшему человеку Искупителя и искупление. Но и искупленному человеку предоставлена свобода или воспользоваться дарованным искуплением и возвратиться в рай, или отвергнуть искупление и остаться сопричисленным к сонму падших ангелов. Время, в которое предоставлено человеку выразить свое произволение, – вся земная жизнь. Искуплением возвращено человеку общение с Богом, но для свободного выражения воли ему предоставлено пребывать в этом общении или нарушать его, и не отъята от него возможность общения с падшими духами, общения, в которое он вступил произвольно. При таком нерешенном положении человека во все время его земной жизни и благодать Божия не пристает вспомоществовать ему до самой минуты перехода его в вечность, если он того захочет, и падшие ангелы не престают употреблять все усилия, чтоб удержать его в общении с собою, в плену греховном и своем, в вечной смерти и гибели. Отверженный дух нередко покушался искушать даже святых мучеников и преподобных отцов, по совершении ими величайших подвигов и знамений, пред самою кончиною их, в виду, так сказать, венцов небесных. Весьма справедлива мысль, встречаемая

у многих святых отцов, что монах до самого гроба находится в опасности подвергнуться какому-либо искушению, не зная, откуда и в каком характере оно возникнет. Святая церковь научает нас, что каждый христианин получает от Бога при Святом Крещении святого ангела Хранителя, который, невидимо храня христианина, наставляет его на всякое благое дело в течение всей его жизни, напоминая ему заповеди Божии. Также и князь тьмы, желающий вовлечь весь род человеческий в свою погибель, приставляет к человеку одного из лукавых духов, который, повсюду следуя за человеком, старается вовлечь его во всякий вид греха. Из изложенных здесь понятий явствует, что инок в течение всей своей земной жизни должен бодрствовать над собою, исполняясь вместе и страха и мужества. Он должен непрестанно быть в осторожности и страхе от своего врага и убийцы и вместе постоянно пребывать в мужестве и бодрости от убеждения, что непрестанно находится близ него могущественный помощник его – святой ангел. Преподобный Пимен Великий сказал: «Великая помощь Божия объемлет человека, но ему не попускается видеть ее»[923]. Не попускается видеть ее, конечно, для того, чтобы человек, возуповав на эту помощь, не вознерадел и не оставил посильных подвигов своих.

Падший ангел, присужденный пресмыкаться по земле, употребляет все усилия, чтоб и человек постоянно пресмыкался по ней. Человек, по причине гнездящегося в нем са-

[923] Алфавитный патерик.

мообольщения, весьма склонен к этому. Он имеет ощущение своей вечности, но так как это ощущение повреждено лжеименным разумом и лукавою совестью, то человеку и представляется его земная жизнь бесконечною. На основании этого обольстительного, ложного, гибельного сознания человек предается исключительно заботам и трудам о устроении своего положения на земле, забывая, что он на ней кратковременный странник, что его постоянная обитель – или небо, или ад. Священное Писание говорит от лица падшего человека Богу: «*Прильпе земли душа моя; живи мя по словеси Твоему*» (Пс. 118:25). Из этих слов явствует, что пристрастие к земле умерщвляет душу вечною смертью; она оживляется словом Божиим, которое, отторгая ее от земли, возносит мысли и чувствования ее к небу. «Диавол, – так любомудрствует о падшем ангеле святой Иоанн Златоуст, – бесстыден и нагл. Он нападает снизу. Впрочем, в этом случае побеждает по той именно причине, что не стараемся сами подняться туда, где бы он не мог нас ранить. Ибо он не может подняться высоко, но пресмыкается по земле, и потому змей есть его образ. А если Бог устроил его таким в начале, тем более таков он ныне. Если же не знаешь, что значит нападать снизу, я постараюсь объяснить тебе этот способ борьбы. Итак, что значит нападать снизу? Одолевать посредством земного, посредством наслаждений, богатства и всего житейского. Посему если диавол видит кого парящим к небу, то, во-первых, не в состоянии напасть на него, а во-

вторых, если и отважится напасть, тотчас сам падает, потому что – будь безопасен – у него нет ног. Не страшись его: у него нет крыльев – ползает только по земле, пресмыкается между земными вещами. Не имей ничего общего с землею, тогда не нужен будет и труд. Диавол не умеет сражаться открыто, но как змей скрывается в терниях, так он всего чаще притаивается в прелестях богатства. Если посечешь сие терние, он скоро придет в робость и побежит. Если умеешь заговорить его Божественными заклинаниями, то легко ранишь его. И у нас имеются духовные заклинания: имя Господа нашего Иисуса Христа и сила крестная»[924]. Преподобный Макарий Великий, узнав, что некоторый инок, Феопемпт, увлекается блудными помыслами, приносимыми диаволом, дал Феопемпту следующий совет: «Постись до вечера, так, чтоб тебе чувствовать голод, учи наизусть Евангелие и другие книги Священного Писания, чтоб тебе всегда пребывать в богомыслии. Если придет тебе злой помысл, не принимай его, никогда не попускай уму твоему быть сведенным вниз, но всегда устремляй его горе, и Бог поможет тебе»[925]. Брат спросил авву Сисоя: «Что мне делать, чтоб спастись и угодить Богу?» Старец отвечал: «Если хочешь угодить Богу, исступи из мира, отступи от земли, оставь тварь, приди ко Творцу, соедини себя с Богом молитвою и плачем и найдешь

[924] Беседа 8 на Послание к Римлянам.

[925] Житие преподобного Макария Великого. Четьи-Минеи, 19 января.

покой в сем и будущем веке»[926]. Преподобный Варсонофий Великий написал некоторому брату: «Если хочешь спастись, понудь себя умереть для всего земного. Считай себя за ничто и стремись к предлежащему, чтоб, под предлогом доброго дела, диавол не вовлек тебя в безвременные заботы»[927]. Злохитрый змей, опытный в борьбе с человеками и в погублении их, не всегда прибегает к сильным средствам для достижения своей цели. К чему употреблять их, когда они могут возбудить в иноке усиленное сопротивление и доставить ему славную победу, как это доказано многими опытами? Средства слабые действуют вернее. Они большею частью не примечаются, а и примеченные пренебрегаются по наружной ничтожности, мнимой безгрешности своей. Вообще в современной брани диавола на христианство и иночество не видно в деле средств сильных, а видны одни средства слабые. Уже не нападают на православные монастыри агаряне и латиняне, не жгут и не режут иноков для уничтожения православного иночества. Оно уничтожается незаметными сетями, в которые уловляется, по обычаю времени, весьма удобно. Земные занятия, когда инок предается им с увлечением, способны и без явных грехов лишить его преуспеяния, опустошить его несчастную душу. Такая душа соделывается жилищем демонов, по свидетельству Евангелия (Мф. 12:44–45). Когда сердце древа заразится тлением, тогда древо уничто-

[926] Алфавитный патерик.

[927] Ответ 69.

жается постепенно и незаметно, между тем как наружность его в течение долгого времени продолжает сохранять благолепие, не выказывая живущей во внутренности и снедающей ее смерти. Слабые средства, не касаясь наружности монашества, уничтожают его сущность. Что такое монах, как не тот христианин, который отделился от всего, уединился умом и сердцем, чтоб принадлежать единому Богу, вступив в неразлучное общение с Ним. Где же монах, когда он чужд Бога и пригвожден к земле? К числу слабых средств, но действующих весьма сильно, принадлежат различные рукоделия и телесные труды, когда инок займется ими неумеренно и с пристрастием, а это случается сряду при занятиях самочинных, не по послушанию. При этих занятиях неприметно вкрадывается пристрастие к ним: сперва является к занятию особенное внимание и усердие; потом инок устремляет все силы души и тела к занятию, забывает, оставляет Бога. Между тем змей старается представить иноку его занятие невинным, даже душеспасительным, общеполезным. По злохитрости змея начинают отовсюду раздаваться одобрения и похвалы иноку за его занятие; он заражается самомнением; душа его, не освещенная Словом Божиим, объемлется мраком неведения и неразумия; он поступает в полное владение падшего духа. Когда душа оставит подвиг духовный или, что то же, будет исполнять его с нерадением, поверхностно и холодно, займется единственно или преимущественно, с пристрастием и увлечением, земными занятиями, тогда страсти, принадле-

жащие падшему естеству, свободно пребывают в сердце, ничем не тревожимые; они растут, ширятся, крепнут на просторе и свободе. Тогда инок пользуется обманчивым спокойствием, утешаясь самомнением и тщеславием, признавая это утешение благодатным: не борющиеся со страстями не растревоживают их, а если и растревожатся на короткое время страсти, то не привыкший к самовоззрению не обращает на это внимания и старается успокоить страсти каким-либо земным развлечением. Такое спокойствие, или, правильнее, усыпление души, чуждое умиления, чуждое воспоминания о смерти и суде, об аде и рае, чуждое заботам о благовременном умилостивлении Бога, о примирении и соединении с Ним, святые отцы называют нечувствием, умерщвлением души, смертью ума при жизни тела[928]. Во время страшного душевного усыпления страсти, в особенности душевные, вырастают до неимоверных размеров, стяжавают крепость и силу, превысшие естественных способностей: инок погибает неприметно для него.

Преподобный Кассиан Римлянин, посетивший египетские монастыри в конце IV или начале V века, в то время как монашество в Египте было необыкновенно многочисленно и сияло множеством духовных светильников, повествует, что иноки египетской пустыни Каламон или Порфирион, находившейся в весьма значительном расстоянии от мирских селений, почти неприступной по своему положению для ми-

[928] Лествицы, Слово 18.

рян, оказывали гораздо меньшее преуспеяние в монашеской жизни, нежели иноки пустыни Скит, находившейся не очень далеко от мирских селений и даже от многолюднейшего города Александрии. Причину этого преподобный Кассиан видит в следующем: пустыня Скит была самая бесплодная, а потому иноки ее не были развлекаемы ни возделыванием земли, ни созерцанием красот природы, а пребывали в келейном безмолвии, занимаясь по келиям самыми простыми рукоделиями, постоянно пребывая в молитве, в чтении и изучении Слова Божия, в рассматривании возникающих в себе помыслов и ощущений; проводя такое сосредоточенное жительство, они скоро приходили в преуспеяние, и преуспеяние их достигало высочайшей степени совершенства. Напротив того, пустыню Каламон составлял пространный, плодоноснейший остров, оазис, подобный раю, со множеством великолепных дерев, со множеством разнообразнейших растений, свойственных тропическому климату. Остров со всех сторон был окружен обширным песчаным морем: так со справедливостию можно назвать песчаную степь, среди которой уединился Каламон. Доступ к нему был крайне затруднителен. Иноки Каламона, увлеченные удобствами обитаемого ими места, много занимались садоводством и земледелием; много развлекались их взоры красотами окружавшей их природы; устремив внимание в значительной степени к земле, они не могли обращать его всецело к небу[929].

[929] Sancti Cassiani collatio, XXIV, cap. IV.

В жизнеописании святого Саввы, архиепископа Сербского, сказано, что когда он посетил святых отшельников Афона, то нашел их вполне чуждыми всех земных занятий: не занимались они ни земледелием, ни виноградниками, ни продажею своего рукоделия – не имели никаких житейских забот; единственным их занятием были молитва, слезы, постоянное устремление ума и сердца к Богу[930]. Преподобный Арсений Великий столько остерегался увлечения чем-либо земным, увлечения, способного дать повод тончайшей страсти самомнения и тщеславия, что не писал ни песен, ни сочинений, хотя имел к тому всю возможность по своим способностям, учености и духовному преуспеянию[931]. Древние великие иноки, как то: Антоний Великий, Макарий Великий и другие – обилуя по дару Божию силами душевными и телесными, занимались много рукоделием, но рукоделие их было так просто и навык к нему столько был усвоен, что оно нисколько не препятствовало заниматься вместе с рукоделием и молитвою. Они столько приучили себя к простому рукоделию, что ум их свободно погружался в глубины молитвы, возносился в видение в то время, как руки не переставали машинально работать: работа была так проста и привычка к ней так велика, что она не требовала для себя от ума никакого внимания. Весьма многие из древних иноков вили веревки, другие делали корзины или рогожи (циновки). Легко можно

[930] Патерик Афонский, ч. 1, с. 187. Издание 1860 года.

[931] Алфавитный патерик.

заметить при наблюдении и над современными рукоделиями, что некоторые рукоделия, по привычке к ним, весьма мало требуют внимания к себе, например вязание чулков: привыкшие к этой работе производят ее вовсе не глядя на нее и во время ее свободно занимая ум посторонними предметами. Но другие занятия, например, занятие живописью, требуют большего внимания к себе: привыкшие к живописи хотя и могут заниматься при ней молитвою, но им невозможно всецело углубляться в молитву, потому что рукоделие требует, чтоб внимание часто обращалось к нему. Живопись возбуждает большое сочувствие к себе в душе, которой стремление при этом не может не раздваиваться между Богом и рукоделием. По приведенным здесь образцам можно судить и о прочих рукоделиях. Надо, чтоб сердце монаха было хладно к его рукоделию. В особенности занятия умственные способны отвлекать человека от смирения и Бога, привлекать к самомнению и поклонению своему «я». При таких занятиях надо с особенною тщательностию внимать, чтоб дело наше совершалось во славу Божию и для общественной пользы, а не для наших тщеславия и самолюбия. Невозможно работать Богу и вместе мамоне! Невозможно работать Богу и вместе поблажать своим увлечениям, пристрастиям, страстям.

На основании вышесказанного преподаем возлюбленным нашим братиям, инокам, совет, чтоб они наблюдали при земных занятиях крайнюю осторожность, ведая, что по земле пресмыкается злобный и коварный змей, всегда готовый уяз-

вить нас и излить в нас свой смертный яд. Новоначальный инок должен заниматься возложенным на него послушанием со всею тщательностью, ради Бога и своего спасения, не любоваться успешным исполнением послушания, не хвастать этим, не развивать в себе тщеславия, самомнения и гордости, чрез что послушание из орудия во спасение претворяется в орудие и средство в погибель. О успешном прохождении послушания надо постоянно молиться Богу и успех приписывать единственно милости Божией. Когда же инок получит свободу употреблять значительную часть своего времени произвольно, то он должен охраниться от пристрастия к какому бы то ни было вещественному занятию и ко всему земному и тленному как от смертоносного яда. Он должен непрестанно возносить свою мысль горе. Возносить мысль горе не значит воображать небесные селения, ангелов, славу Божию и прочее, тому подобное – нет! Такая мечтательность служит поводом к бесовской прелести. Без всякой мечтательности инок да возносится духовным ощущением на Суд Божий, да исполняется спасительного страха от убеждения в вездесущии и всеведении Божиих, да плачет и исповедуется пред Богом, присутствующим в его келии и на него взирающим, да испрашивает себе благовременно прощение и помилование, помня множество грехов своих и неминуемую смерть. Если время, данное на покаяние и приобретение блаженной вечности, истрачено будет на временные занятия и приобретения, то в другой раз оно не дастся; потеря

его невознаградима; потеря его будет оплакиваться вечными и бесплодными слезами во ад. Если во время земного странствования человек не расторгнет общения с духами, то и по смерти останется в общении с ними, более или менее принадлежа к ним, смотря по степени общения. Нерасторгнутое общение с падшими духами подвергает вечной погибели, а недостаточно расторгнутое – тяжким истязаниям на пути к небу.

Посмотрите, братия, посмотрите, что совершил, совершает и совершит диавол, низводя ум человека от духовного неба к веществу, приковывая сердце человека к земным занятиям и к земле. Посмотрите и устрашитесь страхом спасительным. Посмотрите и остерегитесь осторожностью необходимою, душеполезнейшею. Падший дух занял некоторых иноков приобретением разных редких и дорогих вещей и, пригвоздив к ним мысль, отчуждил ее от Бога. Других занял изучением различных наук и художеств, лишь годных для земли, и, привлекши все внимание к преходящим знаниям, лишил существенно нужного знания о Боге. Иных занял приобретением для монастыря разнородного стяжания, постройками, разведением садов, огородов, пашни, лугов, скотоводства, и принудил забыть Бога. Иных занял убранством келии, цветочками, картинками, деланием ложечек, четочек и отвлек от Бога. Иных привязал к токарному станку и научил вознерадеть о Боге. Иных подучил обратить особенное внимание на их пост и прочие телесные подвиги, дать

особенное значение сухарям, грибам, капусте, гороху, таким образом разумные, святые и духовные подвиги превратил в бессмысленные, плотские и греховные, подвижника заразил и низложил плотским и лжеименным разумом, самомнением, презорством к ближним, в чем заключается уничтожение самого условия к святому преуспеянию и условие погибели. Некоторым внушил придать вещественной стороне церковных обрядов преувеличенное значение, затмив от них духовную сторону обрядов; таким образом, он, для этих несчастных отъяв сущность христианства, оставил одну искаженную, вещественную оболочку, увлек их к отпадению от Церкви, к ложному и глупейшему суемудрию, к расколу. Столько удобен для падшего духа этот род брани, что он ныне употреблен повсюду. Столько удобен для диавола и человеческой погибели этот род брани, что диавол употребит его в последние дни мира для полного отвлечения всего мира от Бога. Употребит диавол этот род брани, и употребит с решительным успехом. В последние дни мира обымет человеков, по влиянию миродержителя, привязанность к земле и ко всему вещественному, плотскому: они предадутся земным попечениям и вещественному развитию; они займутся исключительно устройством земли, как бы она была вечным жилищем их: соделавшись плотскими и вещественными, они забудут вечность, как бы несуществующую, забудут Бога, отступят от Него. *«Якоже бысть во дни Ноевы,* – предвозвестил Господь, – *тако будет и во дни Сына Человеческого:*

ядяху, пияху, женяхуся, посягаху, до негоже дне вниде Ное в ковчег: и приде потоп, и погуби вся. Такожде якоже бысть во дни Лотовы: ядяху, пияху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: в оньже день изыде Лот от содомлян, одожди камык горящ и огнь с небесе, и погуби вся: потому же будет и в день, в оньже Сын Человеческий явится» (Лк. 17:26–30).

Чтоб противостоять падшим духам, надо видеть их. Борьба возможна только с таким противником, который подвергается чувствам тела или души. Когда не виден враг, когда не видны его орудия, когда никакое ощущение не свидетельствует о присутствии и действии его, тогда он равен врагу несуществующему. Какое же может быть тут сражение? Духи, не видимые для очей телесных, видимы для очей душевных, для ума и сердца; но святые отцы, достигшие чистоты и совершенства, видели духов и телесными очами. Нам, не видящим падших духов телесными очами, надобно научиться видению их душевными очами. Для объяснения того, каким образом являются духи человекам и каким образом они могут быть видимы человеками, представим две нижеследующие повести. 1) Преподобный Макарий Великий проводил жизнь отшельника в Египетском Ските. В некотором расстоянии от его келии пребывало многочисленное общество иноков, находившихся под руководством Великого и проводивших жизнь затворников. Келии их отстояли одна от другой на вержение камня. Однажды преподобный сидел на пути, ведущем к келиям иноков, и внезапно увидел идущего

демона в образе человека со множеством сосудов. Старец спросил его: «Куда ты идешь?» Диавол отвечал: «Иду возмутить братию». Старец спросил: «Что у тебя в этих сосудах?» Диавол отвечал: «Кушание для братии». Старец сказал: «Во всех ли сосудах есть кушание?» Он отвечал: «Да. Если кому покажется неугодным одно кушание, то подаю другое, за ним третье, и так далее по порядку все кушания, одно за другим, чтоб каждый вкусил хотя одного». Сказав это, демон пошел далее, а старец остался на пути, ожидать его возвращения. Увидев его возвращающимся, старец сказал ему: «Здравствуй». «Какое здравствуй!» – отвечал тот. «Почему так?» – спросил старец. «Потому что, – отвечал диавол, – все монахи были ко мне неблагосклонны, и никто из них меня не принял». Старец сказал: «Итак, ты не имеешь между ними ни одного приятеля?» Диавол отвечал: «Имею там одного друга, который слушается меня: когда приду к нему и он увидит меня, так и начнет вертеться во все стороны»[932]. Старец спросил: «Как его имя?» Диавол сказал: «Феопемпт». Сказав это, он удалился. Преподобный Макарий отыскал Феопемпта и, вступив с ним в келейную беседу, нашел, что этот инок не узнавал демона, являвшегося ему, вступал в беседу с приносимыми им помыслами, услаждался ими, не понимая и не подозревая, что чрез это он вступил в общение и теснейшую связь с падшим духом. Святой научил Феопемпта борьбе с

[932] Добротолюбие. Ч. 4. Слово о рассуждении.

диаволом и из друга демонов превратил во врага[933]. Из этой повести явствует, что Феопемпт видел диавола, как и диавол засвидетельствовал об этом, но видел его лишь умом в разных греховных помыслах. Пришествие диавола к Феопемпту ознаменовывалось особенным наплывом навязчивых и обольстительных помыслов, с которыми он не знал что делать, приходил в состояние недоумения, беспокойства и смущения, вступал в беседу с помыслами, очевидно, не понимая, что они предлагаются бесом, а полагая, что они возникают в его собственной душе, старался успокоить их рассуждением и словопрением и, наконец, увлекался и услаждался ими. 2) Другой великий угодник Божий, преподобный Макарий Александрийский, увидел однажды телесными очами бегающих и летающих по всей церкви малых отроков, черных, как эфиопы. Обычай в той обители был таков, что один инок протяжно читал псалмы посреди церкви, а все прочие братия сидя внимали ему. Преподобный увидел, что при каждом иноке сидел эфиоп и издевался над ним. Иному эфиопы полагали пальцы на глаза, и он тотчас начинал дремать, другому полагали пальцы на уста, и он начинал зевать. Пред иными они предстояли в подобии женском, пред другими строили здания, приносили разные вещи и упражнялись в разных занятиях. По окончании Божественной святой службы Макарий, призывая к себе каждого брата, расспрашивал его наедине, о чем он думал и мечтал во время Богослуже-

[933] Четьи-Минеи, житие преподобного Макария Великого, января 19 дня.

ния. Оказалось, что каждый думал и мечтал о том, что изображали пред ним духи. Из этой повести явствует, что духи действуют на нас не только суетными и греховными помыслами, но и мечтаниями греховными и суетными, даже осязанием и различными прикосновениями. Все это сделается вполне ясным иноку, проводящему внимательную жизнь по евангельским заповедям, в свое время, из собственных опытов. «Бесы входят в чувства и члены, – говорит преподобный Иоанн Карпафийский, – мучат плоть разжением, устрояют страстно смотреть, слышать, обонявать, внушают говорить недолжное, исполняют очи прелюбодеяния, приводят в смущение, действуя извне и внутри нас»[934]. Чтоб несколько объяснить для всех и каждого, каким образом духи, эти газообразные разумные существа, могут входить в члены нашего тела, производить в них свойственное себе действие, прикасаться к самой душе, влиять на нее, укажем на подобное действие некоторых газов; укажем на угар, который происходит оттого, что тяжеловесный углеродный газ входит, невидимо для чувственных глаз, посредством обоняния, в головной мозг; укажем на винный спирт или газ (spiritus, дух, газ), который от употребления вина внутрь подымается из желудка, сквозь тело, в голову, непостижимым для нас образом, действует на мозг и на ум. Этот же винный спирт или газ, проникая, столько же непонятно для нас, из желудка в кровь, производит в ней разгорячение, или, что то же, приводит ее

[934] Добротолюбие. Ч. 4. Утешительных глав, глава 87.

в физическое соединение с теплородом, веществом газообразным, самым утонченным, подвергает влиянию этого вещества и тело и душу. Газообразные вещества имеют свойство входить в вещества твердые и в другие газы, проникать сквозь них: так луч солнечный проникает сквозь воздух и сквозь все известные газы, принадлежащие земле, сквозь воду, сквозь лед, сквозь стекло; теплород (т. е. тепло или огонь, в обширном значении этого слова) проникает удобно сквозь железо и сквозь все металлы, производит в них изменение – проникает он и сквозь те газы, сквозь которые проникает свет; воздух проходит сквозь дерево, не проходит сквозь стекло; пары воды, разные запахи, то есть газы, отделяющиеся от разных веществ, проникают сквозь воздух. Преподобный Макарий Великий говорит: «С того времени, как при посредстве преступления заповеди (в раю первыми человеками) зло вошло в человека, диавол получил свободный доступ всегда разговаривать с душою, как разговаривает человек с человеком, и влагать в сердце все вредное»[935]. Разговаривает диавол с человеком, не употребляя голоса, но словами, потому что мысли суть те же слова, только не произнесенные голосом, не облеченные в звуки, без чего человек не может сообщать мыслей. В том же Слове Великий Макарий говорит: «Диавол так хитро действует, что все злое представляется нам как бы рождающимся само собою в душе, а не от действия чуждого (постороннего) духа, злодействую-

[935] Слово 2, гл. 2.

щего и старающегося утаиться»[936]. Ясные признаки пришествия к нам и действия на нас падшего духа суть внезапно являющиеся греховные и суетные помыслы и мечтания, греховные ощущения, тяжесть тела и усиленные скотские требования его, ожесточение сердца, надменность, тщеславные помыслы, отвержение покаяния, забвение смерти, уныние, особенное расположение к земным занятиям. Пришествие к нам падшего духа всегда сопряжено с ощущением нами смущения, омрачения, недоумения. «Помыслы, происходящие от демонов, – сказал Великий Варсонофий, – прежде всего бывают исполнены смущения и печали и влекут вслед себя скрытно и тонко, ибо враги одеваются во одежды овчие, то есть внушают мысли, невидимому, правые, *«внутрь же суть волцы хищницы»* (Мф. 7:15), то есть восхищают и *«прельщают сердца незлобивых»* (Рим. 16:18) тем, что кажется хорошо, а в самом деле зловредно» [723]. Подобно сему рассуждают все великие наставники монашества. С иноками, твердо противостоящими отверженным духам в брани невидимой чувственными очами, в свое время, не иначе, как по попущению благодетельствующего нам Бога, вступают духи в борьбу открытую. Будучи существами газообразными, без плоти и костей (Лк. 24:39), они принимают различные виды зверей, скотов, гадов и насекомых, в размерах и очень великих и очень малых, стараются устрашить инока, расстроить его, ввести его в высокое мнение о себе, ста-

[936] Гл. 31.

раются ввергнуть в то гибельное состояние, которое называется бесовскою прелестью, даже стараются исторгнуть поклонение себе, поклонение, подобающее Богу. Смиренная преданность воле Божией, сознание и готовность потерпеть все страдания, какие попущены будут Богом, совершенное невнимание и неверие ко всем словам, действиям и явлениям падших духов уничтожают все значение их попыток. Попытки их получают величайшее значение при внимании к ним и при доверии к бесам. Внимание к ним и доверие всегда имеет последствием своим величайший вред, а часто и погибель инока. При правильной борьбе с духами является от этой борьбы обильная душевная польза, и инок приходит в особенное преуспеяние. Преподобный Макарий Великий говорит: «Князь века сего для младенцев по духу есть жезл наказующий и бич, дающий раны, но тем самым, как выше сказано, при посредстве озлоблений и искушений, доставляет им великую славу и умножение чести, ибо от сего соделывается то, что они достигают совершенства, а себе он уготовляет большую и тягчайшую муку… Диавол, будучи раб и творение Божие, искушает не столько, сколько ему угодно, и наводит озлобления не в таком количестве, в каком бы он хотел, но сколько Божие мановение, чрез попущение, дозволит ему. Ибо Бог, совершенно ведая о всех все и сколько каждый имеет сил, столько каждому допущает и быть искушенным»[937]. Верующий живою верою в Бога, с самоотверже-

[937] Слово 4, гл. 6 и 7.

нием предавшийся Богу, пребывает несмущенным при всех искушениях, наносимых духами злобы, видит в духах лишь слепые орудия Промысла Божия: не обращая на них никакого внимания во время искушений, наносимых ими, он всецело предается воле Божией. В преданности воле Божией – тихое, успокоительное пристанище при всех искушениях и скорбях (Пс. 106:30).

Глава 44
Первый образ борьбы с падшими ангелами

Изложив в предшествовавшей статье образ борьбы падших духов с человеками в доступной для нас подробности, которая наиболее нужна и постижима уже преуспевшим инокам, здесь предлагаем образ борьбы с духами, приличествующий новоначальным и почти единственно могущий быть известным для них по опыту. Образ борьбы новоначального с невидимым духом, видимым лишь уму в помыслах и мечтаниях, заключается в том, чтоб новоначальный инок немедленно отвергал помысл и мечтание греховные, отнюдь не входя ни в беседу ни в прение с ними, не обращая и не останавливая на них внимания, чтоб помысл или мечтание не успели напечатлеться в уме и, таким образом, усвоиться уму. На инока, имеющего некоторую духовную опытность и некоторое духовное преуспеяние, первоначально действует наиболее один безвидный помысл, приносящий только напоминание греха; потом уже, если ум вступит в беседу с представившимся помыслом, является к содействию помыслу мечтание греховное. Новоначальному иноку, в котором плоть и кровь очень живы, помысл и мечтание греховные являются вместе. Если он только укоснит малейшее время во внима-

нии к ним и начнет беседу с помыслом, по видимому не соглашаясь с ним и противореча ему, то он непременно победится и увлечется им. Опытнейший инок, хотя бы он провел столетие в иноческих опытах, недостаточно опытен в сравнении с падшим ангелом, которого опытность в борьбе с служителями Божиими изощрена целыми тысячелетиями: какое же значение может иметь в борьбе с этим ангелом новоначальный неопытный инок, не имеющий даже опытного, живого знания о существовании падшего ангела? Сражение с ним есть верное побеждение для новоначального инока. Праматерь наша Ева, несмотря на то, что была в состоянии непорочности и святости, едва вступила в беседу с змеем, как и была увлечена его злохитростью в преступление заповеди Божией и в падение (Быт. 3). Ей отнюдь не следовало вступать в беседу с коварным змеем! Ей отнюдь не следовало вступать в рассуждение о достоинстве заповеди Божией! Она, не имея никакого опытного познания ни о зле, ни о лукавстве – лукавством и лицемерством злонамеренные существа обыкновенно прикрывают свою злонамеренность, – легко увлеклась советом убийцы, прикрывшего убийственный совет личиною благонамеренности: такому же обману и бедствию подвергаются неопытные иноки. «Душа наша, – говорит преподобный Исихий Иерусалимский, – простая и добрая, будучи такою создана от благого Владыки своего, услаждается мечтательными прилогами диавола; обольщаемая, она устремляется к злу, представляющемуся ей добром,

и перемешивает (соединяет) свои помыслы с мечтанием бесовского прилога»[938]. Все отцы согласны в том, что новоначальный инок должен отвергать греховные помыслы и мечтания в самом начале их, не входя в прение, ниже в беседу с ними. В особенности надо так поступать по отношению к блудным помыслам и мечтаниям. Для отражения греховных помыслов и мечтаний отцы предлагают два орудия: 1) немедленное исповедание помыслов и мечтаний старцу и 2) немедленное обращение к Богу с теплейшею молитвою о прогнании невидимых врагов. Преподобный Кассиан говорит: «Всегда наблюдай главу змея, то есть начала помыслов, и тотчас сказывай их старцу: тогда ты научишься попирать зловредные начинания змея, когда не постыдишься открывать их, все без изъятия, твоему старцу»[939]. Этот образ борьбы с бесовскими помыслами и мечтаниями был общий для всех новоначальных иноков в цветущие времена монашества. Новоначальные, находившиеся постоянно при своих старцах, во всякое время исповедали свои помышления, как это можно видеть из жития преподобного Досифея[940], а новоначальные, приходившие к старцу своему в известное время, исповедывали помышления однажды в день, ве-

[938] Слово о трезвении, гл. 43. Добротолюбие. Ч. 2.

[939] Преподобного Кассиана Римлянина. О постановлении общежитий кн. 4, гл. 37.

[940] Житие это помещено при поучениях преподобного Дорофея, в начале их.

чером, как это можно видеть из Лествицы[941] и других отеческих книг.

Исповедание своих помыслов и руководство советом духоносного старца древние иноки признавали необходимостью, без которой невозможно спастись. Преподобный авва Дорофей говорит: «Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу. Некоторые говорят: от сего падает человек или от того, а я, как уже сказал, не знаю другого падения, кроме сего, когда человек последует самому себе. Увидел ли ты кого падшим? Знай, что он последовал самому себе. Нет ничего опаснее, нет ничего губительнее сего. Бог сохранил меня, и я всегда боялся этого бедствия». Наставления духоносного старца постоянно ведут новоначального инока по пути евангельских заповедей, и ничто так не разобщает его с грехом и началом греха – демоном, как постоянное и усиленное исповедание греха в самых его началах. Такое исповедание уставляет между человеком и демоном спасительную для человека непримиримую вражду. Такое исповедание, уничтожая двоедушие или колебание между любовью к Богу и любовью ко греху, дает благому произволению необыкновенную силу, а потом преуспеянию инока необыкновенную быстроту, в чем можно убедиться опять из жития преподобного Досифея. Те иноки, которые не могли действовать против греха постоянною и учащенною исповедью греховных помыслов по неимению старца, действова-

[941] Слово 4, гл. 32 и 39.

ли против него постоянною и учащенною молитвою, как, например, преподобная Мария Египетская[942]. Действие молитвою должно быть самое решительное, без всякого предварительного собеседования с помыслом, тем более без какого-нибудь услаждения им. Лишь ощутишь пришествие врага, вставай на молитву, преклоняй колена, воздевай руки к небу или распростирайся по земле: рази этою молниею врага в лицо его, и он не возможет устоять против тебя, вскоре приучится обращаться в скорое бегство. Отвержение двоедушия, то есть колебания между любовью к Богу и любовью к греху необходимо: от этого сохраняется, возрастает, усиливается наше благое произволение и стремление к Богу, чем привлекается к нам особенная милость Божия. «Если будем постоянно держать меч в руках, – сказал Пимен Великий, – то Бог будет постоянно с нами; если будем храбры, то Он сотворит с нами милость Свою»[943]. Превосходный образец борения молитвою против греховных помыслов видим в подвиге преподобной Марии Египетской[944]. Говорит святой Исаак Сирский: «Если кто не прекословит помыслам, злохитро всеваемым в нас врагом, но отсекает беседу с ними молитвою к Богу, то это служит признаком, что ум его приобрел премудрость от благодати и что правильное разумение дела освободило его от многого (тщетного и излиш-

---

[942] Житие преподобной Марии. Четьи-Минеи, 1 апреля.

[943] Алфавитный патерик.

[944] Житие преподобной Марии.

него) труда. Обретением краткого пути он отсек продолжительное парение (странствование) по пути растянутому. Не во всякое время мы имеем силу воспрекословить всем помыслам, противодействующим нам, и победить их; по большей части мы приемлем от них язвы, на исцеление которых нужно весьма значительное время. Ты выходишь на поединок с борцами, укрепленными шеститысячелетнею опытностью! Твое собеседование с ними доставит им возможность обдуманно нанести тебе поражение, превысшее меры премудрости и разума твоих. Если б ты и победил их, то ум твой остается осквернённым скверною помыслов, принесенных ими, и воня злосмрадия их в течение продолжительного времени остается в обонянии твоем. При употреблении же первого способа ты пребываешь свободным от них и от их последствий; Нет иной помощи, кроме Бога»[945]. В особенности должно избегать собеседования и словопрения с блудными помыслами. В такое словопрение наиболее вдается подвижник, ошибочно полагая, что блудные помыслы и мечтания восстали сами собою в его душе и могут быть обузданы силою благоразумного увещания самому себе, не понимая, по неопытности своей, пришествия к себе демона, который охотно вступает с нами в беседу и словопрение, наверно зная, что сладострастные помыслы и мечтания найдут сочувствие в душе новоначального, возбудят и разожгут живущее в ней сладострастие; он приманивает и завлекает

[945] Слово 30. Святой Исаак жил в VI веке по Р. Х.

нас к беседе и словопрению, то как бы уступая и удаляясь, то снова нападая, в полной надежде получить над нами решительную победу. Святой Иоанн Лествичник сказал: «Не вздумай низложить блудного беса словопрением и противоречием, потому что он имеет благовидные предлоги как борющийся с нами на основании естества. Восхотевший вступить в борьбу с своею плотию или победить ее сам собою трудится тщетно, ибо если Господь не разорит дома плоти и не созиждет дом души, то всуе бодрствует и постится разоряющий. Повергни пред Господом немощь естества твоего, сознай бессилие твое во всех отношениях и примешь дарование целомудрия неприметным образом. Этот демон гораздо более других демонов высматривает то время, в которое мы не можем противостать ему молитвою при участии в ней тела: тогда преимущественно нечистый этот нападает на нас[946]. Тем, которые еще не стяжали истинной сердечной молитвы, вспомоществует (в борьбе с блудным бесом) злострадание в телесной молитве, то есть воздеяние рук, биение в перси, частое устремление очей к небу, множество воздыханий, частое коленопреклонение. Этого они нередко не могут исполнить по причине присутствия других: тогда-то и покушаются бесы нападать на них, а они, еще не имея возможности сопротивляться мужеством ума и невидимою силою молитвы, по необходимости, может быть, уступают нападающим на них. Уйди скорее, если можно, скройся ненадолго в тай-

[946] Святой Иоанн Лествичник. Слово 15, гл. 25, 26, 27, 81.

ном месте, возведи горе, если можешь, душевное око, а если не можешь, то хотя телесное, воздей руки крестообразно и держи их так неподвижно, чтоб изображением креста посрамить и победить этого Амалика. Воззови к Могущему спасти не хитросплетенною речью, но смиренными словами. Прежде всего начни с этих слов: *«помилуй мя, яко немощен есмь»* (Пс. 6:3). Тогда на опыте познаешь силу Вышнего и невидимою помощью невидимо прогонишь невидимых. Навыкнувший бороться таким образом вскоре начнет отгонять врагов одною душою: второе есть праведный дар Божий делателям первого[947]. Возлегши на постель, тогда особенно да трезвимся, потому что тогда ум должен бороться с бесами без (помощи) тела, и если он сластолюбив, то делается предателем удобно. Воспоминание о смерти и единопомышляемая молитва Иисусова да усыпают и да восстают с тобою»[948]. Блудный бес нападает с бесстыдством даже на святых и духоносных мужей, как это видно из жития преподобных Макария Александрийского, Пахомия Великого и других угодников Божиих. И для святых мужей не всегда было достаточно одной сердечной молитвы для сопротивления врагу, имеющему опору в падшем естестве нашем! И они должны были иногда во время усиленной брани прибегать к подвигу телесному, к вспомоществованию молитве сердечной участием в

[947] Слово 15, гл. 82 по московскому изданию 1855 года и по переводу старца Паисия.

[948] Слово 15, гл. 54, 55.

молитве тела, к обузданию тела работою до утомления его. На некоторых иноков, весьма внимательной жизни, сохранивших девство по телу, блудный бес нападает с особенным ожесточением, как то случилось с юным иноком, расстроенным советом неопытного старца, о чем повествует преподобный Кассиан в Слове о рассуждении[949]. Преподобный Пимен Великий говорил: «Как царский оруженосец предстоит царю всегда готовым, так душе должно быть всегда готовою против блудного беса»[950]. По этой причине иноки, боримые сильными страстями, всегда должны быть готовыми к сопротивлению их; на самое ложе, для успокоения сном, они возлегают одетыми и опоясанными, как бы вооруженные, точно будучи вооружены бодростью и ревностью, чтоб при появлении врага немедленно восстать и отразить его. По этой причине в некоторых благоустроеннейших монастырях Афонской горы сохранился древний святой обычай, по которому всем братиям законополагается упокоеваться сном не иначе, как одетыми. Такой обычай указан самым Евангелием (Лк. 12:35–38). Ведай, благочестивый инок, что в то время, как приходит к тебе сатана с искушением своим, присутствует тут вездесущий Господь твой, взирающий на тебя, на твои ум и сердце, и ожидающий, чем увенчается твой подвиг: сохранением ли верности к Господу или предательством Его? Явлением ли любви к Господу и вступлением в общение с

[949] Добротолюбие. Ч. 4.

[950] Алфавитный патерик.

Ним или явлением любви к сатане и вступлением в общение с ним? То или другое непременно бывает последствием столкновения с невидимым врагом. Истинное монашество есть невидимое мученичество; жизнь инока есть цепь непрерывных борений и страданий: победителю дается живот вечный – обручение Святого Духа. Тому иноку, которого Бог хочет обогатить духовным разумом и духовными дарованиями, попускаются сильные брани. *«Побеждаяй наследит вся*, – говорит Писание, – *и буду ему Бог, и той будет Мне в сына»* (Откр. 21:7). Итак! да не унываем.

Глава 45
В торой образ борьбы с падшими ангелами

Преподобный Нил Сорский, основываясь на наставлении святого Исаака Сирского, предлагает следующий способ борьбы с греховными помыслами – разумеется, когда брань не сильно действует и уступает этому способу. Этот способ заключается в том, чтоб лукавые помыслы превращать в благие и добродетелями подменивать, так сказать, страсти. Например, если придет помысл гнева или памятозлобия, то полезно вспоминать о кротости и незлобии, о заповедях Господа с угрозою воспрещающих гнев и памятозлобие; если придет помысл и ощущение печали, то полезно вспоминать силу веры и слова Господа, Который воспретил предаваться боязни и печали, уверив и заверив нас Своим Божественным обетованием, что и власы главы нашей изочтены у Бога (Мф. 10:30; Лк. 12:7), что ничего не может случиться с вами без Промысла и попущения Божиих. Преподобный Варсонофий Великий сказал: «Отцы говорят: если демоны увлекают ум твой в блуд, напоминай ему о целомудрии; если же увлекают в чревообъядение, приведи ему на память пост. Таким образом поступай и в отношении других страстей»[951]. Так по-

[951] Ответ 177.

ступай, когда восстанут помыслы сребролюбия, тщеславия и прочие греховные помышления и мечтания. Этот способ, повторяем, весьма хорош, когда он оказывается достаточно сильным; он указан нам Самим Господом (Мф. 4:3–4, 6–7). Но когда страсти взволнуются, ум омрачится и растеряется пред громадностию искушения, помыслы нападут с настойчивостью и неистовством, тогда не только против блудных помыслов, но и против помыслов гнева, печали, уныния, отчаяния, словом, против всех греховных помыслов самое надежное орудие – молитва с участием в ней тела. Пример этого показал и это заповедал нам опять Сам Господь. Объятый предсмертною тоскою, Спаситель мира молился, преклоняя колена, в саду Гефсиманском, и ученикам, не понимавшим приближавшейся великой скорби, сказал: «Бдите и молитеся, да не внидите в напасть» (Мф. 26:39, 41).

Глава 46
О сновидениях

Демоны употребляют для возмущения и повреждения душ человеческих сновидения; также и сами неопытные иноки, обращая внимание на свои сны, вредят себе: по этой причине необходимо сделать здесь определение значения сновидений в человеке, которого естество еще не обновлено Святым Духом.

Во время сна человеческого состояние спящего человека устроено Богом так, что весь человек находится в полном отдохновении. Это отдохновение так полно, что человек во время его теряет сознание своего существования, приходит в самозабвение. Во время сна всякая деятельность, сопряженная с трудом и производимая произвольно под управлением разума и воли, прекращается: пребывает та деятельность, которая необходима для существования и не может быть отделена от него. В теле кровь продолжает свое движение, желудок варит пищу, легкие отправляют дыхание, кожа пропускает испарину; в душе продолжают плодиться мысли, мечтания и чувствования, но не в зависимости от разума и произвола, а по действию бессознательному естества. Из таких мечтаний, сопровождаемых свойственным мышлением и ощущениями, составляется сновидение. Оно часто бывает странным, как не принадлежащее к системе про-

извольных и намеренных мечтаний и размышлений человека, но являющееся самопроизвольно и самонравно по закону и требованию естества. Иногда сновидение носит на себе несвязный отпечаток произвольных размышлений и мечтаний, а иногда оно бывает последствием нравственного настроения. Таким образом, сновидение само по себе не может и не должно иметь никакого значения. Смешно же и вполне нелогично желание некоторых видеть в бреднях сновидений своих предсказание своей будущности или будущности других, или какое-нибудь другое значение. Как быть тому, на существование чего нет никакой причины? Демоны, имея доступ к душам нашим во время бодрствования нашего, имеют его и во время сна. И во время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание. Также, усмотрев в нас внимание ко снам, они стараются придать нашим снам занимательность, а в нас возбудить к этим бредням большее внимание, ввести нас мало-помалу в доверие к ним. Такое доверие всегда сопряжено с самомнением, а самомнение делает наш умственный взгляд на нас самих ложным, отчего вся деятельность наша лишается правильности: это-то демонам и надо. Преуспевшим в самомнении демоны начинают являться в виде ангелов света, в виде мучеников и преподобных, даже в виде Божией Матери и Самого Христа, ублажают их жительство, обещают им венцы небесные, этим возводят на высоту самомнения и гордыни. Такая высота есть вместе и погибельная пропасть. Нам надо

знать и знать, что в нашем состоянии, еще не обновленном благодатию, мы неспособны видеть иных сновидений, кроме составляемых бредом души и наветом демонов. Как во время состояния бодрости постоянно и непрестанно возникают в нас помыслы и мечтания из падшего естества или приносятся демонами, так и во время сна мы видим только мечты по действию падшего естества и по действию демонов. Как утешение наше во время бодрствования нашего состоит из умиления, рождающегося от сознания грехов своих, от воспоминания о смерти и о суде Божием – только эти помыслы возникают в нас от живущей в нас благодати Божией, насажденной Святым Крещением, и приносятся нам ангелами Божиими, сообразно нашему состоянию кающихся, так и во сне, весьма редко, при крайней нужде, представляют нам ангелы Божии или кончину нашу, или адскую муку, или грозный присмертный и загробный суд. От таких сновидений мы приходим к страху Божию, к умилению, к плачу о себе. Но такие сновидения даются весьма редко подвижнику или даже и явному и лютому грешнику по особенному, неведомому смотрению Божию; даются весьма редко не по скупости к нам Божественной благодати – нет! – по той причине, что все случающееся с нами вне общего порядка приводит нас в самомнение и колеблет в нас смирение, столько необходимое для нашего спасения. Воля Божия, в исполнении которой заключается спасение человека, изображена в Священном Писании так ясно, так сильно, так подробно, что содей-

ствие спасению человеков нарушением общего порядка делается наиболее излишним и ненужным. Просившему воскрешения мертвецу и послания его к братиям для увещания их к переходу с широкого пути на тесный сказано: *«Имут Моисеа и Пророки: да послушают их». Когда же просивший возразил: «ни!.. но аще кто из мертвых идет к ним, покаются»: то получил в ответ: «аще Моисеа и Пророков не послушают, и аще кто из мертвых воскреснет, не имут веры»* (Лк. 16:27–31). Опыт показал, что многие, сподобившиеся во сне видения мытарств, Страшного Суда и других загробных ужасов, были потрясены видением на краткое время, потом рассеялись, забыли о виденном и вели жизнь беспечную; напротив того, не имевшие никаких видений, но поучавшиеся тщательно в Законе Божием, постепенно пришли в страх Божий, достигли духовного преуспеяния и в радости, рождаемой извещением спасения, перешли из земной юдоли скорбей в блаженную вечность. Святой Иоанн Лествичник рассуждает об участии демонов в иноческих сновидениях нижеследующим образом: «Когда мы, оставив ради Господа дом и домашних, предадим себя по любви к Богу странничеству, тогда бесы, мстя за это, покушаются возмущать нас сновидениями, представляя нам родственников наших или рыдающими, или умирающими, или держимыми в заключении и подвергающимися за нас напасти. Верующий снам подобен гонящемуся за своею тенью и покушающемуся поймать ее. Бесы тщеславия соделываются в сновидениях про-

роками, предугадывая по пронырству своему будущее и его предвозвещая нам, чтоб мы по исполнении видений пришли в недоумение и, как уже близкие дару предуведения, возвысились помыслом. Для тех, которые верят демону, он часто бывает пророком, а для тех, которые уничижают его, он всегда бывает лжецом. Будучи духом, он видит совершающееся в воздушном пространстве и, уразумев, что кто-нибудь умирает, возвещает о том во сне легкомысленным. Демоны ничего будущего не знают по предуведению; в противном случае и чародеи могли бы предсказывать нам смерть. Преобразуются демоны в ангелов света, принимают на себя часто образ мучеников и в сновидениях показывают нам общение наше с ними, а пробудившихся погружают в радость и возношение. Это да будет тебе признаком прелести (бесовского обольщения). Святые ангелы показывают муку, суд, смерть, отчего мы, проснувшись исполняемся трепета и сетования. Если начнем покоряться бесам в сновидениях, то они начнут издеваться над нами и в бодрственном состоянии. Верующий сновидениям вполне неискусен, а не верующий никакому сну – истинно любомудр. Доверяй только тем снам, которые возвещают тебе муку и суд: если же по причине их зачнет тебя тревожить отчаяние, то и такие сны от бесов»[952]. Преподобный Кассиан Римлянин повествует о некотором иноке, уроженце Месопотамском, что он проводил самую уединенную и постническую жизнь, но погиб от обольщения бе-

[952] Прибавление к Слову 3. Святой Иоанн Лествичник.

совскими сновидениями. Демоны, усмотрев, что инок обращал мало внимания на свое развитие духовное, а устремил все внимание на телесный подвиг и дал ему, а следовательно и себе, цену, начали представлять ему сновидения, которые по злохитрости бесовской сбывались на самом деле. Когда инок утвердился в доверенности к своим сновидениям и к себе, то диавол представил ему в великолепном сновидении иудеев наслаждающимися небесным блаженством, а христиан томимыми в адских муках. При этом демон – разумеется, в образе ангела или какого ветхозаветного праведника – дал совет иноку принять иудейство для получения возможности принять участие в блаженстве Иудеев, что инок без малейшего промедления и исполнил[953]. Достаточно сказанного для объяснения возлюбленным братиям нашим, современным инокам, сколько безрассудно внимать, тем более доверять снам и какой страшный вред может родиться от доверия к ним. От внимания к сновидениям непременно вкрадывается в душу доверие к ним, и потому самое внимание строго воспрещается.

Естество, обновленное Святым Духом, управляется совершенно иными законами, нежели естество падшее и коснящее в своем падении. Правитель человека обновленного – Святой Дух. «На них же осияла Божественного Духа благодать, – сказал преподобный Макарий Великий, – и во глуби-

[953] Слово о рассуждении. Добротолюбие. Ч. 6.

не ума их водворилася: сим Господь яко душа есть»[954]. И в бодрствовании, и во сне они пребывают в Господе, вне греха, вне земных и плотских помышлений и мечтаний. Помышления и мечтания их, находящиеся во время сна вне управления разумом и волею человеческими, действующие в прочих человеках бессознательно по требованию естества, действуют в них под водительством Духа, и сновидения таких людей имеют духовное значение. Так, праведный Иосиф во сне был научен таинству вочеловечения Бога Слова; во сне поведано ему бежать во Египет и возвратиться из него (Мф. гл.1 и 2). Сновидения, посылаемые Богом, носят в самих себе неотразимое убеждение. Это убеждение понятно для святых Божиих и непостижимо для находящихся еще в борьбе со страстями.

[954] Слово 7, гл. 12.

Глава 47
О сродстве между собою как добродетелей, так и пороков

Необходимо знать возлюбленным братиям следующее: все благие помыслы и добродетели имеют сродство между собою; точно так же все греховные помыслы, мечтания, грехи и страсти имеют сродство между собою. По причине этого сродства произвольное подчинение одному благому помыслу влечет за собою естественное подчинение другому благому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первою. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому: стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, сказали отцы, не терпит пребывать безсупружною в сердце. Объясним это примерами. Кто отвергнул памятозлобие, тот естественно ощущает сердечное умиление; кто отказался от осуждения ближних, того помысл естественно начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время, как занимался осуждением ближних. Кто похвалил или извинил ближнего ради заповеди евангельской, тот есте-

ственно ощутил к ближнему благорасположение. Вслед за нищетою духа естественно является плач о себе; нищий духом и плачущий о себе естественно делается кротким. Уничиживший правду падшего естества и отрекшийся от нее естественно алчет и жаждет правды Божественной, потому что быть вовсе без правды не свойственно человеку. Напротив того, кто осудил ближнего, тот естественно ощутил презрение к нему; ощутивший презрение, стяжал гордость. От презрения ближнего, при высоком мнении о себе, а эти два состояния неразлучны, является ненависть к ближнему. От ненависти и памятозлобия является ожесточение сердца. По причине ожесточения сердца начинают преобладать в человеке плотские ощущения и плотское мудрование, а от этого возжигается блудная страсть, умерщвляется вера в Бога и надежда на Него, является стремление к корыстолюбию и славе человеческой, приводящие человека к совершенному забвению Бога и отступлению от Него. На основании этого сродства между собою как добродетелей, так и грехов Дух Святой законополагает истинному служителю Божию: *«ко всем заповедем Твоим направляхся, всяк путь неправды возненавидех. От всякого пути лукава возбраних ногам моим, яко да сохраню словеса Твоя»* (Пс. 118:128, 101). Путь неправды – помыслы и мечтания греховные: ими грех входит в душу.

Возлюбленный брат! Не сочти позволительными для себя никакой беседы с помыслами, никакого услаждения мечтаниями, противными духу Евангелия. Согласие с врага-

ми Господа, единение с ними не могут не сопровождаться нарушением верности к Господу, нарушением единения с Ним: *«иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во единем, бысть всем повинен»* (Иак. 2:10). Как нарушение одной заповеди есть вместе нарушение всего закона Божия или воли Божией, так исполнение одного совета диавольского есть вместе исполнение вообще воли диавола. Подвижник, исполнивший волю диавола, лишается свободы и подвергается насильному влиянию падшего духа в той степени, в какой исполнена воля диавола. Смертный грех решительно порабощает человека диаволу и решительно расторгает общение человека с Богом, доколе человек не уврачует себя покаянием: увлечение помыслами и мечтаниями производит меньшие порабощение и разобщение, но производит их. И потому необходимо воздерживаться от всех помышлений и мечтаний, не согласных с учением Евангелия, а случающиеся увлечения немедленно врачевать покаянием. Умоляем возлюбленных братий обратить внимание на это. Не знающие этого и не обращающие внимания на это терпят величайший вред и лишают сами себя духовного преуспеяния. Например, многие, хранясь от блудных помыслов и мечтаний, считают ничего не значащими услаждение помыслами и мечтаниями корыстолюбия и тщеславия, между тем как, по духовному закону, помыслы и мечтания о имуществе, о почестях, о славе человеческой суть те же блудные. Такое значение имеют все греховные помыслы и мечтания в отношениях человека к

Богу, как отвлекающие человека от любви Божией. По закону духовному услаждающийся тщеславными и другими греховными помыслами и мечтаниями никогда не освободится от блудной страсти, сколько бы он против нее ни подвизался. Преподобный Макарий Великий говорит: «Должно хранить душу и всячески блюсти, чтоб она не приобщалась с скверными и злыми помыслами. Как тело, совокупляющееся с другим телом, заражается нечистотою, так растлевается и душа, сочетаваясь с скверными и злыми помыслами и согласуясь с ними заодно, с помыслами, которые приводят не к тому или другому греху, но которые ввергают во всякую злобу, как то: неверие, лесть, тщеславие, гнев, зависть, рвение. Это то и значит очистить *«себе самех от всякия скверны плоти и духа»* (2 Кор. 7:1). Знай, что и в тайне души содевается растление и блужение действием непотребных помыслов»[955].

[955] Слово 7, гл. 4.

Глава 48
О особенном противодействии падших духов молитве

Падшие духи с ожесточением противодействуют всем евангельским заповедям, в особенности же молитве как матери добродетелей. Святой пророк Захария видел в видении своем *«Иисуса, иереа великаго, стояща пред лицем ангела Господня, и диавол стояше одесную Его, еже противитися Ему»* (Зах. 3:1): так и ныне предстоит диавол неотступно каждому служителю Божию с намерением похищать, осквернять его духовные жертвы и не допускать до жертвоприношения, прекратить и уничтожить его. «Падшие духи терзаются завистью к нам, – говорил преподобный Антоний Великий, – и не престают приводить в движение все злое, чтоб мы не наследовали прежних престолов их на небе»[956]. В особенности «очень завидует бес, – сказал преподобный Нил Синайский, – человеку молящемуся, и употребляет всевозможные козни, чтоб расстроить его делание»[957]. Демон употребляет все усилия, чтоб воспрепятствовать молитве или чтоб сделать ее бессильною и недействительною. Этому духу, низверженному с неба за гордость и возмущение против

[956] Vita Beati Antonii Abbatis. Partoloqiae. Tom. LXIII, caput. XV и Четьи-Минеи.

[957] О молитве, гл. 47. Добротолюбие. Ч. 4.

Бога, заразившемуся неисцельною завистью и ненавистью к роду человеческому, заразившемуся жаждою погибели человеков, неусыпно, день и ночь заботящемуся о погублении человеков, невыносимо видеть, что немощный и грешный человек молитвою отделяется от всего земного, вступает в беседу с Самим Богом и исходит из этой беседы запечатленным милостию Божиею, с надеждою наследовать небо, с надеждою увидеть даже свое бренное тело претворенным в духовное. Невыносимо это зрелище для духа, который навсегда осужден пресмыкаться как бы в тине и смраде, в помышлениях и ощущениях исключительно плотских, вещественных, греховных, который, наконец, навечно должен быть низвергнут и заключен в адские темницы. Он ярится, приходит в исступление, коварствует, лицемерствует, злодействует. Надо быть внимательным и осторожным: только по крайней нужде, особенно по требованию возложенного послушания, можно отдать время, определенное для молитвы, другому занятию. Без важнейшей причины не оставляй, возлюбленный брат, молитвы! Оставляющий молитву оставляет свое спасение; не радящий о молитве не радит о спасении; покинувший молитву отвергся от своего спасения. Инок должен вести себя очень осмотрительно, потому что враг старается окружить его со всех сторон своими кознями, обмануть, обольстить, возмутить, совратить с пути, предписываемого евангельскими заповедями, погубить во времени и в вечности. Такое ожесточенное, злонамеренное и злохитрое

преследование врага скоро осматривается при внимательной жизни; скоро мы заметим, что к тому самому времени, как надо заняться молитвою, он приготовляет другие занятия, представляет их и преважными и нетерпящими отлагательства, лишь бы отъять у инока молитву. Козни врага обращаются в пользу тщаливому подвижнику: видя непрестанно близ себя убийцу с обнаженным и занесенным для удара кинжалом, беспомощный, бессильный, нищий духом инок непрестанно вопиет с плачем к всесильному Богу о помощи и получает ее. Дух отверженный, когда не возможет отнять у молитвы времени, определенного для молитвы, тогда старается окрасть, осквернить молитву во время совершения ее. Для сего он действует помыслами и мечтаниями. Помыслы он наиболее облекает в личину правды, чтоб придать им более силы и убеждения, а мечтание представляет в обольстительнейшей живописи. Скрадывается и уничтожается молитва, когда во время совершения ее ум не внимает словам молитвы, но занят пустыми помыслами и мечтаниями. Оскверняется молитва, когда во время ее ум, отвлекшись от молитвы, обратит внимание к греховным помыслам и мечтаниям, представленным врагом. Когда явятся тебе помысл и мечтание греховные, нисколько не обращай внимания на них. Лишь увидишь их умом твоим, тем усиленнее затвори ум в слова молитвы и умоляй Бога теплейшею и внимательнейшею молитвою о прогнании от тебя убийц твоих. Дух лукавый устраивает с особенным искусством полки свои. Впе-

реди у него стоят помыслы, облеченные во все виды правды, и мечтания, которые неопытный подвижник может принять не только за явления невинные, но и за вдохновения, за видения святые и небесные. Когда ум примет их и, подчинившись влиянию их, утратит свою свободу, тогда предводитель иноплеменнического войска выставляет для борьбы помыслы и мечтания явно греховные. «За бесстрастными помыслами, – сказал преподобный Нил Сорский, ссылаясь на прежде бывших великих отцов, – последуют страстные: допущенный вход первым бывает причиной насильственного входа вторых»[958]. Ум как произвольно утративший свою свободу при столкновении с передовыми силами, обезоруженный, ослабленный, плененный, нисколько не может противостоять главным силам, немедленно побеждается ими, подчиняется, порабощается ими. Необходимо во время молитвы заключать ум в слова молитвы, отвергая без разбору всякий помысл, и явно греховный, и праведный по наружности. Всякий помысл, каково бы ни было его одеяние и всеоружие, но если отвлекает от молитвы, этим самым доказывает, что он принадлежит к полку иноплеменническому и пришел, необрезанный, *«поносити Израиля»* (1 Цар. 17:25). Невидимую брань (борьбу) свою с человеком собственно греховными помыслами и мечтаниями падший ангел основывает на взаимном сродстве грехов между собою. Брань эта не умолкает ни днем, ни ночью, но действует с особенным напря-

[958] Слово 2.

жением и неистовством, когда мы встанем на молитву. Тогда, по выражению святых отцов, диавол собирает отовсюду самые нелепые помышления и изливает их на нашу душу. Во-первых, он воспоминает нам и всех оскорбивших нас; оскорбления и обиды, нанесенные нам; старается представить в яркой живописи возмездие за них и сопротивление им выставляет требованием правосудия, здравого смысла, общественной пользы, самосохранения, необходимости. Очевидно, что враг старается поколебать самое основание молитвенного подвига – незлобие и кротость, – чтоб здание, воздвигаемое на этом основании, разрушалось само собою. Это так и бывает, потому что памятозлобный и не отпустивший ближнему согрешений его никак не может сосредоточиться при молитве своей и прийти в умиление. Помыслы гневные рассевают молитву; они разносят ее в стороны, как порывистый ветр разносит семена, бросаемые сеятелем на его ниву, почва сердечная остается незасеянною, а усиленный труд подвижника – тщетным. Известно, что прощение обид и оскорблений, заменение осуждения ближних милостивым извинением их, обвинение себя служат основанием успешной молитве. Весьма часто приносит враг, при самом начале молитвы, помышления и мечтания о земном преуспеянии: то в обольстительной картине представляет славу человеческую как справедливую или счастливую дань добродетели, как будто узнанной и признанной наконец человеками, отселе вступающими под ее руководство, то в столь-

ко же обольстительной картине представляет обилие земных средств, на основании будто бы которых должна процвести и усилиться христианская добродетель. Обе эти картины ложны, изображаются в противность учению Христову, наносят страшный вред заглядывающемуся на них душевному оку и самой душе, любодействующей от Господа своего сочувствием к демонской живописи. Вне креста Христова нет христианского преуспеяния. Господь сказал: *«Славы от человек не приемлю… Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищете»* (Ин. 5:41, 44). При творении всех ваших добрых дел *«не будите яко лицемери»* (Мф. 6:16), делающие добро для славы человеческой, восприемлющие славу человеческую в награду за свою добродетель и отнимающие у себя право на награду вечную (Мф. 6:1–18). *«Да не увесть шуйца твоя»*, то есть твое собственное тщеславие, «что творит десница твоя», то есть твоя воля, направленная по евангельским заповедям, *«и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве»* даром Святого Духа (Мф. 6:3). Сказал также Господь: *«Никтоже может двема господинома работати: любо единаго возлюбит, а другаго возненавидит, или единаго держится, о друзем же нерадити начнет: не можете Богу работати и мамоне»*, то есть имуществу, богатству (Мф. 6:24). *«Иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик»* (Лк. 14:33). Достойно замечания, что диавол, искушая Богочеловека, предложил Ему мысль тщеславную прославиться

публичным чудом и мечтание самого развитого и могущественного положения. Господь отринул то и другое (Мф. 4; Лк.4): Он возводит нас к высшему преуспеянию по тесному пути самоотвержения и смирения и Сам проложил этот спасительный путь. Нам должно последовать примеру и учению Господа: отвергать помыслы земной славы, земного преуспеяния, земного обилия, отвергать радость, приносимую такими мечтаниями и размышлениями, уничтожающую в нас сокрушение духа, сосредоточенность и внимание при молитве, вводящую самомнение и рассеянность. Если мы согласимся с помыслами и мечтаниями тщеславными, гордостными, корыстолюбивыми и миролюбивыми, не отвергнем их, но пребудем в них и усладимся ими, то вступаем в общение с сатаною, и сила Божия, нас защищающая, отступит от нас. Враг, увидев отступление от нас помощи Божией, устремляет на нас две тягчайшие брани: брань помыслами и мечтаниями блуда и брань унынием[959]. Побежденные передовою бранью, лишенные заступления Божия, мы не устаиваем и против второй брани. Это-то и значит сказанное отцами, что Бог попускает сатане попирать нас дотоле, доколе не смиримся. Очевидно, что помыслы памятозлобия, осуждения, земной славы и земного преуспеяния имеют основанием своим гордость. Отвержение этих помыслов есть отвержение гордости. Отвержение гордости совершается водворением смирения в душе. Смирение есть Христов образ мыслей и тот сердеч-

[959] Преподобного Григория Синаита гл. 110. Добротолюбие. Ч. 1.

ный залог, происходящий от этого образа мыслей, которыми умерщвляются в сердце и извергаются из него все страсти. Нашествию блудной страсти и страсти уныния последует нашествие помыслов и ощущений печали, неверия, безнадежия, ожесточения, омрачения, хулы и отчаяния. Особенно тяжкое впечатление производит на нас услаждение плотскими вожделениями. Отцы называют их сквернителями духовного храма Божия. Если мы усладимся ими, то от нас надолго отступит благодать Божия и все греховные помыслы и мечтания получат сильнейшую власть над нами. Они будут дотоле томить и мучить нас, доколе мы искренним раскаянием и воздержанием от услаждения прилогами врага снова не привлечем к себе благодати. Всему этому не преминет научить внимательного инока опыт.

Узнав тот порядок, тот чин и устав, которого держится враг при борьбе с нами, мы можем устраивать соответствующее сопротивление. Не будем судить и осуждать ближнего ни под каким предлогом, будем прощать ближним все тягчайшие оскорбления, нанесенные нам ближними. Когда бы ни явился помысел памятозлобия против ближнего, будем немедленно обращаться с молитвою к Богу о том ближнем, испрашивая ему милость Божию во времени и в вечности. Отречемся душ наших, то есть искания славы человеческой, искания излишне удобного земного положения, искания всех земных преимуществ и предадим себя всецело воле Божией, благодаря и славословя Бога за наше прошедшее

и настоящее, возлагая на Него наше будущее. Такое поведение и направление наше да будут приготовлением к молитве нашей, основанием для молитвы нашей. Пред начатием молитвы смиримся пред ближними, обвиним себя как соблазнившие и соблазняющие их согрешениями нашими, начнем молитву нашу молением о врагах, соединим себя в молитве со всем человечеством и будем умолять Бога о помиловании нас вместе со всеми человеками не потому, чтоб мы достойны были молиться за человечество, а для исполнения заповеди о любви, которая законополагает: «молитеся друг за друга» (Иак. 5:16). Хотя истинному служителю Божию попускается борение с многообразными прилогами греха, приносимыми сатаною и возникающими из нашего поврежденного падением естества, но десница Божия непрестанно поддерживает и руководит его. Самое борение приносит величайшую пользу, доставляя подвижнику иноческую опытность, ясное и подробное понятие о повреждении природы человеческой, о грехе, о падшем ангеле, приводя подвижника в сокрушение духа, в плач о себе и о всем человечестве. Преподобный Пимен Великий поведал о преподобном Иоанне Колове, отце, преисполненном благодати Святого Духа, что он умолил Бога и прекратилась в нем борьба, производимая недугами падшего естества или страстями. Он пошел и возвестил это некоторому преуспевшему в духовном рассуждении старцу, говоря: «Вижу себя в нерушимом спокойствии, без всякой брани». Рассудительный старец отвечал Иоанну:

«Поди и умоли Бога, чтоб брани возвратились, потому что по причине брани душа приходит в преуспеяние, а когда придет брань, то не молись, чтоб она была взята, но чтоб Господь даровал терпение в брани»[960]. Предадимся всецело воле Божией, предадимся всецело исполнению воли Божией; непрестанною молитвою будем испрашивать у Бога дар исполнения воли Божией и тот дар, чтоб над нами всегда совершалась воля Божия. Кто предается воле Божией, с тем неотлучно бывает Бог. Ощутит это и засвидетельствует истину этого всякий подвижник Христов, подвизающийся законно, подвизающийся под руководством Евангелия.

[960] Алфавитный патерик, буква 1.

Глава 49
О хранении душевного ока от всего вредного для него

Спаситель мира сказал: *«светильник телу есть око»* (Мф. 6:22). Светильником Спаситель наименовал словесную силу души человеческой, дух человека; телом наименовал Спаситель всю деятельность человека и качество его, образующееся и зависящее от этой деятельности. Значение, подобное приведенным словам Спасителя, имеют и следующие слова апостола: *«Сам же Бог мира да освятит вас совершенных во всем: и всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа нашего Иисуса Христа да сохранится»* (1Сол. 5:23). Дух упомянут, во-первых, по той причине, что непорочность и совершенство души и тела находятся в полной зависимости от духа. Дух, или словесная сила, есть высшая способность души человеческой, которою она отличается от души животных, называемых по неимению этой способности бессловесными[961]. *«Егда убо око твое просто будет»*, то есть когда словесная сила будет чужда смешения и общения с грехом и сатаною, тогда «все тело твое светло будет», то есть деятельность твоя будет правильной, а качеством твоим будет святость: *«егда же лукаво будет, и тело*

[961] Преподобный Макарий Великий. Беседа 7, гл. 8.

твое темно. Блюди убо, еда свет, иже в тебе, тма есть» (Лк. 11:34, 35). Блюди, чтоб твой дух, который есть твой естественный свет и источник света для твоей жизни, не сделался тьмою и источником тьмы. Это око делается лукавым от усвоения себе лжи. Последствием такого усвоения бывает неправильная деятельность, а качеством – состояние самообольщения и греховности. От приятия ложных мыслей ум растлевается, совесть теряет верность в своих указаниях, все духовные ощущения сердца также заражаются неправильностью и греховностью. Человек делается непотребным, врагом своего спасения, убийцею души своей, врагом Божиим. Священное Писание, паче же Святой Дух, живущий в Писании и глаголющий Писанием, изрекает против таких человеков следующее определение: *«Человецы растленни умом и неискусни о вере»* (2 Тим. 3:8), то есть человеки, растленные умом, вполне чужды веры. Человеку, растленному умом, никак невозможно быть причастником веры: у него место веры уже занято лжеименным разумом, и слово крестное служит для него предметом или соблазна, или насмешки, как видим это на современных Богочеловеку иудеях (1 Кор. 1:18). Растление ума всегда сопряжено с растлением прочих духовных свойств, почему растление ума и растление духа имеют тождественное значение по своему последствию. Принятием лжеучения, или ложных мыслей о Боге, искажением откровенного Богом догматического и нравственного учения при посредстве лжеучения совершается растление духа челове-

ческого, и человек соделывается сыном диавола (Ин. 8:44); но и собеседованием и смешением с помыслами, принадлежащими области сатанинской, без усвоения их себе, созерцанием мыслей и мечтаний, приносимых демонами, повреждается душевное око. Зрительная сила его утрачивает в некоторой степени, сообразно степени общения с сатаною, свою правильность и чистоту. Преподобный Исихий Иерусалимский говорит: «Как мы вредим себе, смотря на вредное чувственными глазами, так вредим себе, смотря на вредное умом»[962]. По этой причине должно обращать особенное внимание на хранение душевного ока и особенно заботиться о хранении душевного ока, чтоб оно не повредилось, чтоб болезненное состояние его не сделалось причиною нашей душепогибели. В пример того, как испорченное душевное око действует вредно на наше спасение, приведем нижеследующее, виденное нами на опыте: некоторые начитались романов, по ним настроили свой ум и сердце; впоследствии, пораженные какою-либо превратностью жизни, или по собственному внутреннему, проснувшемуся влечению, или даже по мановению милости Божией эти люди захотели проводить жизнь благочестивую. Тогда-то обнаруживалось гибельное действие настроения, полученного предшествовавшим чтением. Навык к наслаждению сладострастием постоянно отвлекал их от чувства покаяния и вводил в самый подвиг наслаждение сладострастием, столь мерзостное пред Богом,

[962] Слово о трезвении, глава 77. Добротолюбие. Ч. 2.

соделывающее душу человека неприступною для Святого Духа, удобоприступною для сатаны, обителью его. С особенною ясностью это заметно на женском поле. Те женщины, которые читали много романов, потом предались набожности и даже подвижничеству, наиболее хотят, чтоб их новая жизнь была также романом; они хотят быть по настроению души любовницами! Хотят, потому что воля, поврежденная неправильным употреблением ее, влечет их насильно к усвоившемуся сладострастию, а ум, ослабленный, помраченный, развращенный, плененный мыслями, сообщенными чтением, не имеет ни силы, ни способности руководствовать волею и удерживать ее от неправильного стремления. Напитанные чтением романов весьма способны к самообольщению и к бесовской прелести как стяжавшие вкус к наслаждению сладострастием, которое может действовать не только грубым, но и самым утонченным образом, непонятным и неприметным для человека, еще не свергнувшего с себя ига страстей. Некоторый инок, во время своей мирской жизни, не зная, какие благоразумие и осмотрительность должны быть наблюдаемы при подвержении души впечатлениям, остающимся жить в ней, прочитал из пустого любопытства некоторые сочинения, составленные против христианской веры. Когда он вступил в монастырь и возложил на себя разумный иноческий подвиг, полученные впечатления начали обнаруживать свое присутствие в душе помыслами сомнения, недоумении, хулы, доказывая тем, что душевное око засорилось

общением с мыслями из области сатаны.

Святой апостол Павел сказал: *храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас. «Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог: храм бо Божий свят есть, иже есте вы. Прославите убо Бога в телесех ваших и в душах ваших, яже суть Божия»* (1 Кор. 3:16–17, 6:20). Хотя и тела наши суть храм Божий, но по преимуществу составляют собою храм Божий наша словесная сила, наш дух, наши ум и сердце. Под именем сердца разумеются все ощущения духа. Когда ум и сердце соделаются обителью Бога, а они-то первоначально и делаются Его обителью, тогда естественно делаются Его обителью и душа, и тело, как вполне зависящие от ума и сердца. Растлевается храм Божий, когда тело впадает в чувственный блуд; растлевается храм Божий, когда ум и сердце вступят в прелюбодейное общение с сатаною принадлежащими ему мыслями и ощущениями. Слова «растлит того Бог» значат, что Бог отступит от человека, растлившего в себе храм Божий, соделавшего себя не способным для жительства в себе Бога. Последствия такого отступления известны: смерть души, начинающаяся во времени, и погребение в темницах ада в вечности. Растлевается дух человека, поражается слепотой и мраком, как мы уже сказали, принятием лжеучения, учения, исходящего от мира и сатаны, учения, противного откровенному Божественному учению, учению Христову, учению Вселенской и Восточной Церкви. Лжеучением признаются следующие учения: учение, отвер-

гающее бытие Бога, или атеизм, учение, отвергающее Христа и христианство, признающее бытие Бога, но отвергающее все отношения между Богом и человеками, или деизм; учения, не отвергающие прямо христианства, но искажающие Богооткровенное учение произвольным, человеческим, богохульным учением, которым уничтожается сущность христианства, каковы все ереси; учения, не отвергающие прямо христианства, но отвергающие дела веры или нравственное евангельское и церковное предание, приемлющие деятельность языческую, этим умерщвляющие веру и уничтожающие сущность христианства. Таков наиболее и современный прогресс, или преуспеяние в безнравственности и в совершенном неведении христианства, а следовательно, в совершенном удалении и отчуждении от Бога. Не растлевается окончательно храм Божий, но оскверняется, не поражается око душевною слепотою, но повреждается, приемлет более или менее значительную язву, когда инок прочитает безнравственную или еретическую книгу, посетит безнравственное или неблагочестивое общество, подвергнет себя влиянию греховных соблазнов, когда побеседует с греховными помыслами и усладится ими, когда дозволит себе увлечение каким-либо обычаем мира, каковы все мирские игры и увеселения. Если же инок укоснит во всем этом и оправдает свое увлечение, вместо того чтоб сознаться и раскаяться в нем, то впадает в величайшее душевное бедствие. Он повреждает самое начало своего существа – словесную силу,

свой дух, свой ум и сердце. Надо хранить душевное око, и хранить. Все, что ни сделаем вне евангельского учения и законоположения, непременно произведет на нас вредное впечатление. Каждое дело, слово и помышление, как благое, так и злое, непременно кладет на нас соответствующую себе печать. Надо это знать и знать.

Глава 50
О покаянии и плаче

Начиная предлагать возлюбленным братиям наши убогие советы, мы сказали, что монашество есть не что иное, как обязательство с точностию исполнять евангельские заповеди, что монашеская жизнь есть не что иное, как жизнь по евангельским заповедям, где бы она ни проводилась, среди ли многолюдства или в глубочайшей пустыне. Наше уединение в Боге. В Боге нашем могут найти ум и сердце наши то надежное и тихое пристанище, на которое не действуют ни волны, ни ветры житейского моря. Без этого мир, враждебный Богу, будет сопутствовать нам в глушь лесов, в ущелья гор и в пещеры: там соделает нас своими сожителями. Жительство иноческое, не основанное на евангельских заповедях, подобно зданию без основания: разрушится оно. Жительство иноческое, не одушевленное евангельскими заповедями, подобно телу без души: воссмердит оно смрадом фарисейства, и воссмердит тем более, чем более будет облечено по наружности в телесный подвиг. Разумный читатель найдет подтверждение этой истины во всех доселе изложенных советах наших.

Оканчивая эти убогие советы, мы признаем себя обязанными изложить пред возлюбленнейшими братиями важнейшее духовное делание, долженствующее обымать собою

всю жизнь инока, долженствующее быть душою его жительства, душою его душевного и телесного подвига. Внимательно прочитавший предшествовавшие советы, конечно, усмотрел из них это делание, но мы считаем долгом нашим возвестить о нем отдельно и по возможности подробно. Жизнь инока есть не что иное, как деятельное и непрестанное покаяние. Нам непременно нужно погрузиться всецело в покаяние, если желаем нетщетно и не в осуждение себе носить имя и звание иноческие. Тогда только инок шествует правильно, когда он преисполнен и руководим чувством покаяния. Когда чувство покаяния отступит от его сердца, то это служит верным признаком, что инок увлечен ложными мыслями, внушенными сатаною или возникшими из падшего естества. Постоянное отсутствие покаяния служит признаком вполне неправильного настроения. Рукотворенный храм Божий при всяком молитвословии окуривается фимиамом, по этой причине воздух в храме постоянно преисполнен газами, исходящими от сожигаемого фимиама; самые облачения и другие принадлежности пропитываются благовонным запахом, по необходимости дышат им все, приходящие в храм для молитвы и служения. Так и нерукотворенный Божий храм, созданный и воссозданный Богом, христианин, в особенности же инок, должен быть постоянно преисполнен чувством покаяния. Чувство покаяния должно возбуждаться при каждой молитве инока: оно должно сопутствовать, содействовать ей, окрылять ее, возносить ее к Богу; иначе она не воз-

может подняться от земли и исторгнуться из рассеянности. Чувством покаяния должно быть проникнуто все поведение инока и самое исполнение им евангельских заповедей. Он должен исполнять их, как должник, как раб неключимый (Лк. 17:10), должен вносить их в сокровищницу небесного Царя, как ничтожную уплату своего неоплатимого долга, могущего быть уплаченным единственно милостью Царя небесного. Сказал преподобный Марк Подвижник: «Те, которые не вменили себя должниками всякой заповеди Христовой, чтут закон Божий телесно, не понимая ни того, что говорят, ни того, на чем основываются»[963]. От падшего духа человеческого принимается Богом только одна жертва: покаяние. Прочие чувствования, самый усиленный подвиг, который можно назвать всесожжением, отвергнуты как осквернённые грехом и нуждающиеся, прежде принесения в жертву, в очищении покаянием. Одну эту жертву падшего человека не уничижает Господь отвержением ее (Пс. 50:19). Когда же посредством покаяния обновится Сион и созиждутся стены нашего духовного Иерусалима, тогда со дерзновением на алтаре сердечном принесутся жертвы правды – наши чувствования, обновленные Божией благодатию; тогда человек соделается способным и к Богоугодному всесожжению (Пс. 50:21). Священномученик Садок сказал: «Кто духовен, тот с радостию, желанием и великою любовию ожидает мученической смерти и не боится ее, будучи готов; плотскому же

[963] О Законе Духовном, гл. 34. Добротолюбие. Ч. 1.

человеку страшен час смертный»[964].

Покаяние есть евангельская заповедь. Непосредственным последствием покаяния, по указанию Евангелия, должно быть наше вступление в Небесное Царство, и потому – все пространство времени от нашего усвоения Христу до вступления в вечность или вся наша земная жизнь должны составлять собою поприще покаяния. Очевидно, что Царство Небесное делается неотъемлемою собственностью покаявшихся. Первая проповедь и заповедь, произнесенная вочеловечившимся Богом падшему человечеству, которое Он пришел спасти, была о покаянии: *«начат Иисус проповедати и глаголати: покайтеся, приближися бо Царство Небесное»* (Мф. 4:17). По воскресении Своем, пред вознесением на небо, Господь отверз апостолам ум, и они уразумели Писания. Тогда Он сказал им, что, согласно с Писаниями, долженствовало Христу пострадать и воскреснуть из мертвых в третий день, *«и проповедатися во имя Его покаянию и отпущению грехов во всех языцех, начеше от Иерусалима»* (Лк. 24:45–47). Для уверования во Христа и для принятия христианства нужны сознание своей греховности и покаяние; для пребывания в христианстве нужны зрение своих грехов, сознание, исповедание их и покаяние. Когда расположившиеся к вере иудеи спросили святого апостола Петра, что им делать, то он отвечал: *«покайтеся, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа во оставление грехов»* (Деян.

[964] Четьи-минеи, 20 февраля.

2:38). Также и апостол Павел повсюду проповедывал *«еже к Богу покаяние и веру яже в Господа нашего Иисуса Христа»* (Деян. 20:21). Невозможно, пребывая в грехах и любя грех, усвоиться Христу: *«всяк бо делаяй злая ненавидит света, и не приходит к свету, да не обличатся дела его, яко лукава суть»* (Ин. 3:20). *«Кое бо причастие правде к беззаконию или кое общение свету ко тме? Кое же согласие Христови с велиаром?»* (2 Кор. 6:14–15). Чтоб приступить ко Христу и вступить в единение с Ним посредством Святого Крещения, необходимо прежде покаяться. И по Святом Крещении нам предоставлена свобода или пребывать в единении с Господом, или нарушать это единение общением со грехом. Мало этого! В падшем естестве нашем не уничтожено Святым Крещением свойство рождать из себя смешанные зло с добром, чтоб наше произволение постоянно искушалось, чтоб избрание нами Божественного добра и предпочтение его злу и своему поврежденному добру было свободным, положительно доказанным подчинением всем скорбям пути Крестного. Святым Крещением изглаждается первородный грех и грехи, содеянные до крещения, отнимается у греха насильственная власть над нами, которую он имел до нашего возрождения, даруется благодать Святого Духа, которою мы соединяемся с Богом во Христе и получаем силу низлагать и побуждать грех. По той причине, что мы не избавлены от борьбы с грехом, не можем во время всей земной жизни нашей быть вполне свободными от согрешений, и самый пра-

ведник *«седмерицею* (т. е. часто) *падет и возстанет»* покаянием (Притч. 24:16), говорит Писание. Он падает по немощи и ограниченности своим, не всегда усматривая грех, тонко и неприметно возникающий из падшего естества, тонко и неприметно приносимый и влагаемый падшими Духами: покаяние соделывается его неотъемлемым достоянием, его постоянным оружием, его неоцененным сокровищем. Праведник поддерживает покаянием свое общение со Христом; он врачуется покаянием от язв, наносимых грехом. *«Аще речем,* – говорит святой Иоанн Богослов, – *яко греха не имамы, себе прельщаем: и истины несть в нас. Ащё исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша, и очистит нас от всякия неправды. Аще речем, яко не согрешихом, лжа творим Его, и слово Его несть в нас»* (1 Ин. 1:8–10). Это говорит Богослов о грехах невольных от немощи и ограниченности, о грехах маловажных, которых не могут избежать и святые, но о произвольной греховной жизни он говорит нижеследующее: *«всяк, иже в Нем* (в Господе Иисусе Христе) *пребывает, не согрешает: всяк согрешаяй не виде Его, ни позна Его. Чадца, никто же да льстит вас: творяй правду, праведник есть, якоже Он праведен есть; творяй грех, от диавола есть: яко исперва диавол согрешает. Сего ради явися Сын Божий, да разрушит дела диавола. Всяк рожденный от Бога греха не творит* (т. е. не проводит греховной жизни, не впадает в грехи смертные и в грехи произвольные)*, яко семя Его в нем пребывает: и не может согре-*

шати, яко от Бога рожден есть. Сего ради явлена суть чада Божия и чада диавола» (1 Ин. 3:6–10). Чада Божии проводят жизнь по евангельским заповедям и приносят покаяние в поползновениях своих. Если случится служителю Божию по какому-нибудь несчастному случаю впасть в смертный грех, он исцеляется от язвы греховной покаянием и исповедью и потому не престает быть чадом Божиим. Проводящие греховную жизнь произвольно, по любви к ней, охотно впадающие во всякий грех, какой бы им ни представился, признающие наслаждением жизнью блуд в различных его видах и всякое другое преступление евангельских заповедей, суть чада диавола, хотя бы и именовались христианами, хотя бы участвовали в некоторых церковных молитвословиях и обрядах, хотя бы прибегали к таинствам, им в наругание, себе в осуждение.

Таково отношение покаяния к каждому христианину. Тем более оно составляет сущность иноческого жительства. Вступление в это жительство есть сознание своей греховности, а самое жительство есть ничем не прерывающееся поприще покаяния. Вступающий в иночество и желающий произнести пред Богом обеты иноческие, пред началом этого священного обряда излагает следующим образом исповедание своего сердечного залога: «Объятия Отча отверсти ми потщися, блудно мое иждих житие (любовь сердца неправильно рассеяв и расточив по пристрастиям), на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе, ныне обни-

щавшее мое да не презриши сердце, Тебе, бо, Господи, умилением зову; согреших на небо и пред Тобою»[965]. Величайшие святые отцы признавали покаяние своим единственным деланием. Вдавшись в это делание, они более и более распространяли его для себя, потому что покаяние не только очищает грехи, но изощряет зрение человека на самого себя. Когда некоторые греховные пятна очистятся покаянием с ризы душевной, тогда внезапно открывается на ней существование других пятен, менее грубых, не менее важных, остававшихся доселе непримеченными по причине тупости зрения. Наконец, покаяние возводит делателя своего к обширнейшим духовным видениям: раскрывает пред ним его собственное падение и падение всего человечества, его страдание и страдание всего человечества под игом миродержца, дивное дело искупления, и прочие тайны, с которыми да ознакомит читателя самый опыт; слово недостаточно к поведанию их. Преподобный Арсений Великий имел постоянным занятием своим покаяние и соединенный с ним, выражающий его плач; платок был всегда на коленях Арсения, и непрестанно на этот платок падали слезы в то время, как преподобный, занимая руки рукоделием, занимал ум молитвою покаяния. Преподобный Сисой Великий просил у ангелов, пришедших разлучить душу его с телом и вознести ее на небо, чтоб они оставили ее в теле и дали время на покаяние, а ученикам своим, свидетельствовавшим о его совер-

[965] Требник. Последование малой схимы.

шенстве, сказал, что он не знает о себе, положил ли он начало покаяния – столько высокое понятие имел он о покаянии, столько высокое значение давал он ему! Очевидно, что преподобный назвал здесь всю монашескую жизнь покаянием и, сказав, что не начинал еще покаяния, этим выразил смиренное мнение свое о монашеской жизни своей. Стяжавшие истинное, духовное понятие о покаянии совокупляют в нем все свои подвиги и признают потерянным для себя тот день, в который они не плакали о себе, хотя бы они в этот день совершили какие другие добрые дела[966]. Нет сомнения, что преподобный Сисой был погружен в делание покаяния и плача: между свойствами этого делания находится и то, что оно не может насытить делателя, но чем больше насыщает его, тем большее возбуждает желание к себе, доставляя боголюбезную чистоту и вместе производя жажду чистоты еще более совершенной. Очищенные плачем продолжают признавать себя нечистыми. Мы уже упомянули совет, данный преподобным Сисоем брату, просившему у него душеспасительного совета. «Если хочешь угодить Богу, – сказал Великий, – исступи мира, отступи от земли, оставь тварь, приступи ко Творцу, совокупи себя Богу молитвою и плачем и найдешь покой в этом и будущем веке». Другому брату он сказал: «Пребывай в келии твоей с трезвением, представь себя Богу со многими слезами и в сокрушении сердца и обретешь покой». Очевидно, что святой давал братии

[966] Лествица. Слово 5, гл. 33; по переводу старца Паисия.

советы из своей святой опытности. Первому он посоветовал оставить все мирское и все земное, то есть все пристрастия, а второму посоветовал постоянное пребывание в келии, потому что при пристрастиях и при частых праздных выходах из келии такое покаяние и молитвенный плач невозможны. Надо чтоб сердце отрешилось от всего и ничем не развлекалось; тогда только оно может восплакать пред Богом и погрузиться в плач, как в бездну, как в жизнь. Когда брат спросил Пимена Великого о том, как должно пребывать в келии (разумно) безмолвствующему, Великий отвечал: «Подобно человеку, погрязнувшему в смрадной тине по выю (шею), с бременем на вые и вопиющему к Богу: «Помилуй меня»». В этих словах все иноческие подвиги совокуплены в плач и молитву покаяния. Другому брату, вопросившему о том, какое ему иметь делание, этот же преподобный сказал: «Когда нам придет время предстать Богу, тогда что нас озаботит?» Брат отвечал: «Грехи наши». Пимен: «Итак, взойдем в наши хижины и, уединившись в них, воспомянем (с покаянием) о грехах наших, и Господь услышит нас». Другой брат спросил того же старца, какое ему иметь делание. Старец сказал: «Когда Авраам взошел в обетованную землю, то купил себе гроб и с гроба начал владение ею». Брат спросил: «Какое значение имеет гроб?» Пимен отвечал: «Это место плача и рыданий». Опять брат спросил того же святого: «Что мне делать с грехами моими?» Великий Пимен отвечал: «Желающий избавиться от грехов избавляется от них плачем, и же-

лающий сохранить себя от стяжания их плачем сохраняет себя». Это путь покаяния, преданный нам Писанием и отцами, которые сказали: «Плачьте, потому что другого пути (ко спасению), кроме плача, нет». «Плач сугуб, – говаривал Пимен Великий, – делает и хранит». Однажды Пимен шел с аввою Анувом в окрестностях Диолка; там они увидели на гробе женщину, бьющуюся и горько плачущую. Они остановились и прислушивались к ней. Когда же несколько отошли, то повстречался им один из тамошних жителей, и спросил его авва Пимен: «Что случилось с этою женщиною? Отчего она так горько плачет?» Тот сказал ему: «У нее умерли муж, сын и брат». Тогда авва Пимен, обратясь к авве Ануву, сказал ему: «Говорю тебе: если человек не умертвит всех плотских похотений и не стяжет подобного плача, то не может быть монахом, ибо все жительство монаха состоит в плаче». Возвестили Пимену Великому о кончине Арсения Великого: он, прослезясь, сказал: «Блажен, авва Арсений! Ты плакал о себе в этой жизни. Не оплакивающий себя здесь будет плакать вечно. Невозможно не плакать: или произвольно здесь, или невольно там, в муках»[967].

Некоторые, не занимаясь или занимаясь очень мало душевным деланием, а упражняясь в одном телесном, не без примеси фарисейства, – одно телесное делание не может обойтись без фарисейства – нисколько не чувствуют жала

[967] Изречения Сисоя и Пимена Великих; заимствованы из Алфавитного патерика.

совести и обличений ее в греховности, по этой причине признают такое состояние своего спокойствия достойным одобрения. В мнении своем они поддерживаются и утверждаются многими явными добрыми делами своими и похвалою человеческою. На этом основании они считают такое состояние спокойствия прямым последствием деятельности богоугодной, жизни добродетельной, безукоризненной. Спокойствие обращается по временам в безотчетную радость: они не останавливаются признавать эту радость благодатною. Горестное самообольщение! Душепагубное ослепление. Самообольщение основано здесь на самомнении, а самомнение есть повреждение душевного ока, родившееся от неправильной деятельности и рождающее еще более неправильную деятельность. Возлюбленный брат, спокойствие, которым ты уверяешься в верности пути твоего, есть не что иное, как несознание и неощущение своей греховности, происшедшее и происходящее от нерадивой жизни, а радость, которая по временам рождается в тебе по причине наружного преуспеяния и человеческих похвал, отнюдь не есть радость духовная и святая: она – плод самомнения, самодовольства и тщеславия. Такое состояние мнимого спокойствия святые отцы называют нечувствием, умерщвлением души, смертию ума прежде смерти тела[968]. Нечувствие или умерщвление души состоит в отъятии и отступлении чувств покаяния и плача от нашего духа, в отступлении спасительного болезнова-

[968] Лествицы Слово 18. Заглавие.

ния, называемого сокрушением, от нашего сердца. Безболезненность сердца, или мнимое спокойствие, есть верный признак неправильности образа мыслей, неправильности подвига, самообольщения. «Какое бы высокое жительство ни проходили мы, – сказал святой Иоанн Лествичник, – но если не стяжали болезнующего сердца, то это жительство – ложно (притворно) и тщетно»[969]. Безболезненность происходит от невнимательной жизни, от безвременных выходов из келии, от безвременных бесед, шуток, смехословия, праздноословия и многословия, от насыщения и пресыщения, от пристрастий, от принятия и усвоения тщеславных помыслов, от высокоумия и гордости[970]. «Если не имеешь умиления, – сказали отцы, – то знай, что имеешь тщеславие; оно-то и не попускает душе прийти в умиление». Путь к достижению умиления есть внимательная жизнь. «Начало покаяния происходит от страха Божия и внимания, – как говорит святой мученик Вонифатий: страх Божий отец есть внимания, а внимание – матерь внутреннего покоя, той же рождает совесть, которая сие творит, да душа, якоже в некоей воде чистой и невозмущенной, свою зрит некрасоту, и тако рождаются начатки и корения покаяния». Внимательная и правильная жизнь по евангельским заповедям хотя и служит начальною причиною покаяния, но дотоле признает-

---

[969] Там же, Слово 7, гл. 64.

[970] Там же, Слово 18 и преподобного Симеона Нового Богослова Слово 6. Издание Оптиной пустыни 1852 года.

ся не осененною Божественною благодатью и бесплодною, доколе из нее не прозябнут сердечное сокрушение, умиление, плач, слезы, из чего всего составляется истинное иноческое покаяние. Для подтверждения этого важнейшего опытного учения приведем свидетельства святых отцов. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Изшедший из мира с тою целью, чтоб уничтожить бремя грехов своих, да подражает сидящему при гробах вне города, и да не престанет от теплых и горячих слез и безгласных сердечных рыданий, доколе он не увидит, что к нему пришел Иисус, отвалил камень ожесточения от сердца, разрешил ум наш – этого Лазаря – от уз и повелел слугам Своим ангелам: *«разрешите его»* от страстей, *«и оставите ити»* (Ин. 11:44) к блаженному бесстрастию. Если же сего не будет, то нет никакой пользы (от исшествия из мира)»[971]. Святой Исаак Сирский: «Вопрос: В чем заключаются достоверные приметы и знамения, от которых и при посредстве ощущения которых подвижник может понять, что он начал зрить в себе, в душе своей, сокровенный плод? – Ответ: Когда он сподобится благодати многих слез, проливаемых без понуждения. Слезы положены для ума, как некий предел между телесным и духовным, между состоянием страстным и чистотою. Доколе не примет кто этого дарования, дотоле дела подвига его еще находятся во внешнем человеке, и он еще нисколько не ощутил таинственных действий духовного человека. Когда же он начнет оставлять те-

[971] Слово 1, гл. 6.

лесное нынешнего века и окажется переступившим предел и вошедшим во внутренность того, что таится во внутренности естества, тогда немедленно достигает этой благодати слез. Слезы начинаются с первой обители сокровенного жительства и возводят подвижника в совершенство любви Божией. Сколько преуспевает он в этом жительстве, столько богатеет слезами, доколе от многого пребывания в них не начнет пить их и при употреблении пищи своей и пития своего. И это есть верный признак, что ум изшел из мира сего, и ощутил тот мир духовный. Насколько человек приближается к миру сему (вещественному) умом своим, настолько умаляются эти слезы. Когда же ум совершенно погрузится в сей мир, тогда совершенно лишается этих слез. Это служит признаком, что человек погребен в страстях»[972]. Святой Симеон, Новый Богослов: «Прежде плача и слез никто да не прельщает нас тщетными словами, ниже мы сами да прельщаем себя: нет в нас покаяния, нет истинного раскаяния, нет страха Божия в сердцах наших; мы не зазрели себя: душа наша не пришла в соощущение будущего суда и вечных мук. Если б мы зазрели и себя, если б это стяжали и этого достигли, то немедленно произвели бы и слезы. Без них никогда не возможет ни жестокосердие наше умягчиться, ни душа наша стяжать духовное смирение; мы не можем быть смиренными. Не соделавшийся таким, не может соединиться со Святым Духом; не соединившийся Ему, не может прийти в

[972] Слово 21.

видение и разум Божий и недостоин таинственно научиться добродетели смирения»[973]. Внимательная жизнь приводит к умилению, а умилением, в особенности, когда оно начнет сопровождаться слезами, доставляется сугубое, благодатное внимание. Плач и слезы – дар Божий, и потому при внимательной жизни испрашивай этот дар прилежною молитвою. *«Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам… Отец ваш небесный даст духовныя блага просящим у Него»* (Мф. 7:7–11), даст дверь и ключ ко всем духовным благам – плач и слезы. «Я, – говорит святой Иоанн Лествичник, – прихожу в удивление, рассматривая самое то качество умиления: каким образом называемые плач и печаль содержат внутри себя радость и веселие, как соты мед! Чему из этого мы научаемся? Что такое умиление есть собственно дар Божий»[974].

Святой Симеон, Новый Богослов, весьма основательно сказал, что начальная причина плача и слез есть наше произволение[975]. От нас зависит оставить рассеянность, оставить скитание по братским келиям и по знакомым вне монастыря, оставить шутки, празднословие и многословие, положить начало внимательной жизни в молитве и чтении Слова Божия, при воздержании чрева от излишеств и сластей. От такой внимательной жизни непременно прозябнут умиление

---

[973] Гл. 69. Добротолюбие. Ч. 1.

[974] Слово 7, гл. 49.

[975] Слово 6.

и плач, особливо когда прилежными молитвами мы умолим Бога о даровании нам этого спасительного дара. Получив дар, надо хранить его как бесценное сокровище. Точно: он – бесценное духовное сокровище и богатство. Он, и будучи приобретен, легко может быть потерян, если мы предадимся рассеянности, развлечению, служению нашим пристрастиям и прихотям, человекоугодию, миролюбию, чревоугодию, пересудам, злоречию, даже многословию. Неприметным образом от состояния умиления мы можем перейти в состояние нечувствия. Так важно состояние нечувствия для невидимого врага нашего, что он всячески старается удержать нас в нем и укрепить, не возмущая ни другими страстями, ни искушениями извне, потому что самомнение и самодовольство, которыми обыкновенно сопутствуются нечувствие, самообольщение и гордость, которые обыкновенно бывают последствиями укоренившегося нечувствия, достаточны для отъятия всех духовных плодов, для погибели. Нечувствие тем страшно, что обладаемый им не понимает своего бедственного состояния: он обольщен и ослеплен самомнением и самодовольством. «Умиление, – говорит преподобный Симеон, Новый Богослов, – есть плод делания заповедей и причина всех духовных плодов. Оно – творец и содетель всех добродетелей, о чем свидетельствует все Боговдохновенное Писание. И потому желающий отсечь страсти и стяжать добродетели должен, прежде всех добродетелей и со всеми добродетелями, прилежно взыскивать умиление. Без него он ни-

когда не видит души своей чистою; если же он не стяжет души чистой, то никак не стяжет тела чистого. Осквернённая риза не может быть вымыта без воды, и без слез невозможно душе омыться и очиститься от скверн и нечистот. Не будем представлять извинений душевредных и суетных, правильнее же – вполне ложных, служащих причиною душепогибели, но вседушно взыщем царицу добродетелей. Кто ищет ее от всей души, тот находит ее; правильнее же – она приходит и находит взыскавшего ее с болезнию, и, если он имеет сердце более жесткое, чем медь, чем железо, чем камень, соделывает его своим приходом мягче всякого воска. Она есть Божественный огонь, разрушающий горы и камни, все угладдающий и претворяющий, изменяющий в вертограды (сады) те души, которые примут ее. Она соделывается в недре этих душ источником, источающим воду жизни. Вода эта непрестанно, как бы из какого водоема (бассейна), нисходит на ближние и дальние (места сада) и преисполняет души, приемлющие Слово с верою. Во-первых, она измывает причастников своих от скверн; потом отмывает страсти, оттирает их, как струпы, которыми покрываются раны, и отвергает их, – говорю, отвергает лукавство, зависть, тщеславие и все другие, за этими следующие. Не только делает это, но и как некий пламень, обходящий всюду, мало-помалу истребляет их, пожигая и попаляя их ежечасно, как терния. Сперва она возбуждает в нас желание совершенных свободы и очищения от страстей, потом желание Богом отложенных и уго-

тованных благ любящим Его. Все же это соделывает Божественный огонь умиления при содействии слез, правильнее же, слезами. Без слез, как мы сказали, ни одно из этих благ никогда не было и не будет ни в нас, ни в ком другом. Невозможно найти в Божественном Писании, чтоб кто когда из человеков, без слез и всегдашнего умиления очистился или соделался святым, или приял Святого Духа, или узрел Бога, или ощутил Его, вселившимся внутри себя, или приял Его жителем в сердце свое. Ничего этого не могло совершиться, когда не предшествовало покаяние и умиление, когда слезы, изливаясь, как из источника и постоянно наводняя очи, не вымыли душевной храмины и самой души, орошая и прохлаждая душу, объемлемую и воспаляемую неприступным огнем. Говорящие, что невозможно проливать слез и плакать каждую ночь, каждый день, свидетельствуют о себе, что они чужды всякой добродетели. Если наши святые отцы произнесли такое определение: хотящий отсечь страсти плачем отсекает их, и хотящий стяжать добродетели плачем стяжавает их, – то из сего явствует, что не плачущий ежедневно ни страстей не отсекает, ни добродетелей не совершает, хотя и думает, обманываемый самомнением, совершать их. Что пользы, скажи мне, в орудиях какого-либо художества, когда нет художника, который бы знал дать должное употребление и орудию, и веществу? Какая польза от садовника, если он возделывает весь сад, насадит и насеет в нем всякого рода растений, а не прольется свыше дождь на сад и он не

будет напоен водою? Конечно, никакой пользы. Так и тот, кто совершает другие добродетели и трудится в них, не получит никакой пользы без этой святой к блаженной владычицы и совершительницы всех добродетелей. Как царь без подведомственного ему войска бессилен и всеми удобно побеждается и даже не признается царем, необыкновенным человеком, так, наоборот, многочисленное войско без царя и военачальника их удобно расстраивается и истребляется врагами. Таково и отношение между плачем и прочими добродетелями. Под подобием войска разумей собрание всех добродетелей новоначального; под подобием царя и военачальника – блаженное рыдание и плач, которыми все войско устраивается в порядок, воодушевляется, поощряется, укрепляется, научается действовать оружием сообразно времени, обстоятельствам, врагам… Плач всем этим распоряжается; без него множество людей (прочие добродетели) удобно побеждаются. Итак, братия, прежде всех деланий и со всеми деланиями да будет для всех нас деланием покаяние, с покаянием соединенный плач и плачу сопутствующие слезы. Нет плача без покаяния; нет слез без плача: эти три друг с другом соединились и связались, и невозможно одному из них явиться без двух других»[976].

Мысленный путь покаяния и плача имеет то важное достоинство, что он безопасен от бесовского обольщения или так называемой бесовской прелести. Падший дух, чтоб обо-

[976] Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 6.

льстить подвижника, старается сперва уверить его в достоинстве или достоинствах его, что видно из примеров, помещенных в предшествовавших советах: как же он обольстит того, кто всеусильно ищет открыть свою греховность, рыдает над тою, которая открылась ему, по причине ее возжигается к открытию еще большей, кто все стремление свое заключает в том, чтоб увидеть в себе одно и единственное достоинство грешника, чтоб и внешнею и внутреннею деятельностью приносить Богу сознание и исповедание своей греховности. «Когда диавол, – говорит преподобный Григорий Синаит, – увидит кого-либо живущим плачевно, не пребывает при нем, отвращаясь смирения, производимого плачем». Хотя враг искушает и плачущих, но удобно познается ими и отражается. Самомнительный, признающий в себе какое-нибудь достоинство, не может отразить бесовского обольщения извне, будучи объят и окован им внутри.

Невежественные и лицемерные подвижники признают себя достигшими своей цели, когда они увидят себя святыми, когда такими признает и провозгласит их мир; они радуются входящему в них самообольщению и самомнению, не понимая, как бедственно самомнение, не понимая, что похвала человеческая служит признаком лжепророка. Признак этот необыкновенно важен: он дан Самим Богочеловеком. *«Горе,* – сказал Господь, – *егда добре рекут вам еси человецы: по сим бо творяху лжепророком отцы их»* (Лк. 6:26). Горе, душевное горе и бедствие, вечное горе! Истинный инок ра-

дуется тогда, когда он начинает: усматривать грех свой, когда он, по мнению своему о себе, соделается ниже и грешнее всех ближних своих, когда начнет потрясать его страх Суда Божия и страх вечных мук, когда явится в нем чувство преступника и осужденника, когда при молитвах его начнут изливаться потоки слез и исторгаться из груди воздыхания и стенания, когда ум его, очищенный слезами, будет предстоять пред Богом лицом к лицу и видеть Невидимого при посредстве сильнейшего ощущения Божия присутствия. О блаженное видение! При нем преступник может принести истинное раскаяние в соделанных преступлениях, умилостивить Всемилостивого обильными слезами, смиренными глаголами, обнажением своего горестного состояния, испросить у человеколюбца Бога прощение, а с ним и множество бесценных, вечных, духовных даров. Величайший успех инока – увидеть и признать себя грешником! Великий успех инока – доказывать всею своею деятельностию искреннее и действительное признание себя грешником! «Когда ум начнет зреть согрешения свои, множеством подобные песку морскому, то это служит началом просвещения души и знаком ее здравия», – сказал священномученик Петр Дамаскин[977]. Тогда ум может увидеть грехи свои, когда прикоснется к нему благодать Божия: омраченный падением, сам собою он неспособен видеть их. Зрение грехов и греховности своей есть дар Божий. Святая Православная Церковь научает чад своих ис-

[977] Книга 1, глава 2. Добротолюбие. Ч. 3.

прашивать этот дар у Бога при посте и коленопреклонениях, преимущественно в дни Святые Четыредесятницы. Дар зрения грехов своих, своего падения, общения падшего человека с падшими ангелами, непостижимо обиловал в великих преподобных отцах и, несмотря на множество духовных даров, ясно свидетельствовавших о их святости, возбуждал их к непрестанному покаянию и плачу, к непрестанному омовению себя слезами. Изречения, произнесенные отцами из этого состояния, непостижимы для плотских умов. Так, Пимен Великий говаривал сожительствовавшим ему братиям: «Братия! Поверьте: куда будет ввержен сатана, туда ввергнут и меня»[978]. *«Всяк возносяйся смирится: смиряяй же себе, вознесется»* (Лк. 18:14), – сказал Господь.

[978] Алфавитный патерик.

Заключение
О удобоприменимости изложенных правил к положению современного монашества

Внимательно читавший сочинения святых отцов о монашестве удобно заметит, что отцы составляли свои наставления, применяясь к обстоятельствам времени и к положению тех иноков, которым они посвящали труд свой. По этой причине почти все монашеские сочинения святых отцов имеют свою особенную цель, свою односторонность. По этой причине и в цветущие времена монашества невозможно было каждому иноку приложить к себе сряду все, что написали отцы: тем более такое приложение невозможно в наши времена, и многие, попытавшиеся сделать его, потрудились много, приобрели очень мало. Приведем в пример книгу святого Иоанна Лествичника. Этот угодник Божий написал свои сочинения для общежительных иноков, которых главною добродетелью должно быть послушание; по этой причине он говорит с осторожностью, кратко и как бы нехотя о безмолвии, предохраняя от безвременного и неправильного вступления в него, а о послушании говорит очень подробно, восхваляя и превознося это жительство. Так поступает святой не потому, чтоб безмолвие, при известных условиях, не бы-

ло душеспасительно, но чтоб не ослабить усердия общежительных иноков, чтоб укрепить и ободрить их в подвиге послушания, который они восприяли на себя, чтоб не дать им повода к двоедушию, к стремлению вступить в жительство, для которого они еще не созрели, чтоб не дать повода ко впадению в самообольщение и бесовскую прелесть, столь близкую к юным и не юным самочинникам и самомнителям. Очевидно, что иноку, проводящему жительство вне общежития, от чтения святой Лествицы должно прийти смущение и последовать расстройство: ему непременно представится, что вне общежития и послушания нет монашеского преуспеяния. Такое действие этой Боговдохновенной книги доказано опытом: преподобный Антоний Новый, живший отшельником в глубокой пустыне, прочитал Лествицу: вследствие этого чтения он оставил пустыню и вступил в общежительный монастырь[979]. Не всякому возможно переменить свое наружное положение! Что ж из этого? Инок, оставаясь по необходимости в своем положении и потеряв доверенность к положению как неудобному для спасения, впадает в уныние, охладевает к монашескому подвигу и начинает проводить жизнь нерадивую. В наше время, когда мы отделены многими веками от обычаев и положения, в недре которых жительствовали и произнесли свое учение отцы, применение учения их к современному положению иночества в нашем Отечестве представилось особенно нужным и обещающим при-

[979] Алфавитный патерик, буква А.

нести пользу. Такова была цель при изложении предложенных здесь советов. Уповаем, что они могут служить руководством для иноков нашего времени, по тому положению, которое им предоставлено Промыслом Божиим. Уповаем, что убогий труд наш может быть с пользою приложен и в общежительном, и в штатном монастырях, и к жизни инока на подвории или при часовне, и к жизни инока, странствующего на корабле по требованию и обычаю государственному, и к жизни инока, находящегося в долговременном послушании посреди мира, и к жизни инока, постриженного в монашество при духовном училище, занимающего при нем какую-либо ученую или административную должность, – даже к жизни мирянина, который захотел бы среди мира с особенным тщанием заняться своим спасением. Исполнение евангельских заповедей всегда составляло и ныне составляет сущность иноческого делания и жительства. Всякое место и положение представляют много удобств для этого делания и подвига. Братия! Примите приношение духовное и не осудите за скудость его. Скудость приношения свидетельствует о скудости имущества. Вашею верою и усердием восполните эту скудость, а молитвами и благословением вознаградите потрудившегося для своего и вашего спасения. Богатый Домовладыка дал роскошный обед Своим многочисленным друзьям и знакомым и множеству тех, которых захотел пригласить к обеду, тем включить их в число друзей и знакомых Своих. Безмерное количество духовных яств невооб-

разимого и недомыслимого достоинства предстояло на духовной трапезе. По окончании ее гости щедро одарены духовными дарами. Когда приглашенные почетные лица вышли, Домовладыка заглянул за врата чертога и увидел[980] у этих врат толпу голодных нищих, которые были бы рады попользоваться крохами, оставшимися после чудной трапезы. Многомилостивый Владыка приказал слугам остановиться, не убирать стола. Он пригласил нищих, несмотря на то, что нищие были в грязи и рубищах, не соответствовавших великолепию чертога, предложил им остатки яств. Робко и в недоумении взошли нищие в обширную залу, приступили к столу, встали около него как случилось, каждый взял и употребил то, что попало ему. Они подобрали все крохи. Разумеется, никто из них не вкусил ни одного цельного блюда, не видел ни стройного служения прислуги, ни той драгоценной посуды и утвари, которые были употреблены при столе, не слышал огромного хора певчих и громкого хора музыки, звуки которых оглашали вселенную и возносились до неба. По этой причине никто из нищих, хотя между ними и были люди с природным умом, не мог составить себе ясного, точного понятия об обеде. Удовлетворившись крохами для насыщения, они должны были удовольствоваться понятием гадательным и приблизительным о блистательной и наслади-тельной трапезе, которою воспользовались почетные гости. Очистив со стола все съестное, нищие пали ниц пред Домо-

[980] Образ изложения заимствован из Евангельской притчи, Мф. 22.11.

владыкою, благодаря за пищу, которой они до сих пор не ведали и не видали. Он сказал им: «Братия! При распоряжении Моем об обеде Я не имел в виду вас[981]: поэтому Я не представил вам обеда в должном виде и не даю вам подарков, которые все разошлись по прежде сделанному расчету, постижимому для Меня одного». Нищие воскликнули в один голос: «Владыка, до подарков ли нам! До пышного ли обеда! Несказанно благодарим за то, что Ты не возгнушался нами; нас, истерзанных всякого рода недостатками, впустил в Твой чертог, спас от голодной смерти!» Нищие разошлись, продолжая благодарить и благословлять милосердого Домохозяина. Тогда Он, обратясь к слугам, сказал: «Теперь уберите стол и заключите мой чертог. Уже гостей не будет, и что можно было предложить в пищу, предложено. Все кончено!» (Лк. 18:8)

«О глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его, и неизследовани путие Его. Кто бо разуме ум Господень? или кто советник Ему бысть? или кто прежде даде Ему, и воздается ему? Яко из Того и Тем, и в Нем всяческая: Тому слава во веки. Аминь» (Рим. 11:33–36).

Окончено 20 апреля 1861 года.
Ставрополь Кавказский

---

[981] Там же.

Будущее России в руках Божественного Промысла Избранные письма святителя Игнатия Брянчанинова Н. Н. Муравьеву-Карскому[982]

Письмо 1

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Живо в памяти моей Ваше последнее посещение Сергиевой Пустыни. Видел я Вас в ней, когда

---

[982] Н. Н. Муравьев-Карский (1794–1866) принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Профессиональный военный, он участвовал в войне 1812 г.; с 1816 г. служил на Кавказе под начальством А. П. Ермолова, участвовал в Русско-иранской (1826–1828 гг.) и Русско-турецкой (1828–1829 гг.) войнах; совершил ряд дипломатических поездок в Среднюю Азию, в Турцию и Египет; с конца 1854 по 1856 г. был главнокомандующим и наместником на Кавказе. Эти годы принесли мемуары и несколько военно-исторических книг, в которых нашли отражение драматические события его жизни и богатейший военный опыт. Он отличался безукоризненной честностью и прямолинейным характером, из-за чего имел многих недоброжелателей, часто препятствующих его служебной карьере. Обстоятельства, однако, заставляли власть имущих снова и снова обращаться к нему, и он всегда оказывался там, где совершались важнейшие исторические события *(здесь и далее прим. ред.)*.

земная слава, столько непостоянная и изменчивая, Вам улыбалась. Ныне Вы мне показались гораздо величественнее; Вы оставили во мне глубокое впечатление. Уважаю все добродетели; но ни одна из них не возбуждает во мне такого уважения, как великодушное терпение переменчивости земного счастья. На поле битвы человек часто бывает героем от кипения в нем крови – в переворотах жизни можно быть героем только от величия души. Муж доблестный, оставивший поприще подвигов воинских, перековывает на плуг или соху булатный меч свой, меч – грозу отечества; а всякий истинный гражданин, а за ним История и потомство, с почтением взглянут на этот плуг, потом кинут взор презрения и негодования на знаки отличия, которыми усеяна грудь какого либо подлеца: на ней каждый знак – памятник интриги, низости, бездельничества. Скажите, что в том, что на голове Гришки Отрепьева был венец Мономаха? Какая его слава? – Слава лихого, бесстыдного, бессовестного злодея, не останавливающегося ни пред каким беззаконием, – слава, неразлучная от проклятий. Избави Бог всякого от этой славы. А сколько самозванцев!..

Простившись с Вами, я захворал еще более. Видя, что уже нет моих сил ни для борьбы с непомерно усилившейся болезнью, ни для борьбы с обстоятельствами, я захотел удалиться из Петербурга и от шумных должностей навсегда. Не всем быть листьями, цветами, плодами на древе Государственном;

надо же кому-нибудь, подобно корням, доставлять ему жизнь и силу занятиями неизвестными, тихими, существенно полезными, существенно необходимыми. Одним из таких занятий признаю утверждение ближних в Христианской вере и нравственности. Это мирное, скромное занятие живым словом и пером поглощало всегда у меня значительную часть времени; а при болезненности моей взяло бы и все время. Не совершилось по моему желанию и не сбылось по моему предположению; а предполагал я, что наверное дадут увольнение: столько было содействователей к получению его! Мне дан временный отпуск в Бабаевский монастырь Костромской епархии для отдыха и лечения. Здесь нахожусь теперь. Заключенный безвыходно в келии моей, действую против простуды, глубоко проникшей в мои члены и произведшей в них нервное расслабление, которое держит меня по большей части в постели. Будущее мое – неизвестно… И я махнул на него рукою!.. Сказал Всесильному Богу: «Твори с созданием Твоим что хочешь. Верю слову Твоему, что влас главы моей не падет без соизволения Твоего!»

«Душа моя, плыви бестрепетно по волнам Житейского моря, не доверяя тишине его, не страшась бурь его. Не думай о завтрашнем дне, не утомляй себя никакими предположениями, никакими мечтаниями, не истрачивай на них времени и сил твоих. *Довлеет дневи злоба его*[983], – сказал Бог твой. Веруй!.. Плыви,

[983] Мф. 6:34.

несись по волнам!.. Жизнь земная – обман. Не увидишь, как уже пред тобой – пристанище гроба. Где вера, там нет ни печали, ни страха. Там мужество и твердость, ничем не одолимые».

Вот размышления расслабленного, размышления на одре болезненном, размышления из пустыни! Найдут оне, конечно, Вас в каком-нибудь мирном приюте; может быть, в Вашем селе, в кругу Вашего семейства, за беседою дружескою или чтением полезным и приятным, за занятием хозяйственным, – напомнят Вам о том, кто сердечно в вас участвует, в ком Вы насадили много воспоминаний утешительных, впечатлений глубоких.

Человек в лета юности своей занимается приобретением сведений, нужных для возможного расширения круга действий его в вещественном мире, в который он вступает действователем. Сюда принадлежат: знание разных языков, изящных искусств, наук математических, исторических – всех, – и самой философии. Когда ж он начинает склоняться к старости, когда приближается то время, в которое должна отпасть шелуха, остается плод (шелухою называю тело, плодом – душу); когда он приготовляется вступить в неизмеримую область вечности, область Духа; тогда предметом его исследований делается уже не вещество переменчивое, обреченное концу и разрушению, но Дух пребывающий, бесконечный. Что до того: так или иначе звучит слово, когда все звуки должны престать! Что до того: та или другая мера, когда предстоит безмерное! Что

до того: та или другая мелочная мысль, когда ум готовится оставить многомыслие, перейти в превысшее мыслей видение и молчание, производимое неограниченным Богом в существах ограниченных, творениях Его. Изучение Духа дает человеку характер постоянный, соответствующий вечности. Горизонт для него расширяется, взоры его досягают за пределы земли и времени, оттуда приносят твердость неземную. Примите мой искреннейший совет: займитесь глубоко чтением всех сочинений Св. Иоанна Златоустого; оне все есть на французском языке; толкование на Евангелие Матфея, на Послание к Римлянам, еще кое-что есть и на русском. Доколе Судьба не вывела Вас опять на поприще отечественной службы займитесь на свободе определительным воспитанием Вашего духа. Рекомендую Вам того церковного писателя, который необыкновенною чистотою, ясностью, силою христианского учения возносит читателя превыше земли; на высоте заоблачной витает этот духовный орел и оттуда показывает своему питомцу землю. Думаю: величайшее приобретение для Государственного человека взглянуть на землю с этой высоты; не говорю уже, какое это приобретение для Христианина и человека – наследника вечности. Вас Судьба посетила своими ударами; Она сказала: «кого люблю – бью и наказую». Закалитесь под этими ударами в крепкую сталь, сделайтесь бесценным сокровищем для ближних, которые Вас окружают и будут окружать. Кто знает назначение человека? – Оно написано в запечатленных

книгах промысла. Цинцинаты оставляли меч для плуга, потом плуг оставляли для меча!.. Вам говорит это тот, кто всю жизнь провел в скорбях, кто сам весь в ранах – и радуется им, и благодарит за них Бога. Развевается знамя креста над письмом моим: всегда слово мое выходит под этим знаменем! Слово мое – и возвещение мира, и провозглашение войны – призывает к храбрости, победе, завоеванию мира таинственное воинство израильское: помышления и чувствования христианина.

Несколько слов о Петре, человеке Вам преданном и Вами любимом. Доставлено ему было место в Кременчуге, но он от него отказался по болезни и поехал в Одессу лечиться от ревматизма. Это было весною и в начале лета. После этого ничего о нем не знаю: сам был в волнах и крайне болен. А болезнь отнимает у человека и время, и способности, и деятельность. Нахожу излишним просить Вас о сохранении меня в памяти Вашей: Вы доказали, что я имею приют и в памяти, и в сердце Вашем! Призываю на Вас и на семейство Ваше Божие благословение. С чувством глубокого уважения и искреннейшей преданности имею честь быть навсегда Вашего Превосходительства покорнейшим слугою и Богомольцем.

Архимандрит Игнатий 1847 года. Окт. 6 дн.

Мой адрес: в Ярославль, на станцию Тимохино

Письмо 2

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

При предстоящем великом подвиге для Российского войска, подвиге, в котором Вы должны принять столько значащее участие, призываю на вас обильное благословение Божие. Во время мира Вы отложили меч, взялись за плуг; когда ж начала скопляться военная гроза – вы оставили плуг, снова взялись за меч, взялись за него с христианским смиренномудрием, взялись, движимые и руководимые истинною преданностью и любовью к царю и Отечеству. В благословенной России, по духу благочестивого народа, царь и Отечество составляют одно, как в семействе составляют одно родители и дети их. Развивайте в русских воинах живущую в них мысль, что они, принося жизнь свою в жертву Отечеству, приносят ее в жертву Богу и сопричисляются к святому сонму мучеников Христовых. Гораздо вернее идти на штыки с молитвою, нежели с песнею: песнь приносит самозабвение и прилична римлянину, а молитва доставляет воодушевление и прилична благочестивому христианину. Христианская вера порождает героев, сказал герой Суворов, и постоянных героев, а не минутных. Российская история представляет единственный пример христианского мученичества: многие Русские – не только воины, но

и архиереи, и бояре, и князья – приняли добровольно насильственную смерть для сохранения верности царю: потому что у русского по свойству восточного православного исповедания, мысль о верности Богу и царю соединена воедино. Русский царь может сказать о себе то, что сказал о себе Святой царь израильский пророк Давид: Бог покаряяй люди моя под мя.

Понимая Вас, что Вы будете совершать великий подвиг, как истинный подвижник царя небесного и царя земного, призываю на Вас из глубины моего сердца благословение Божие. Да дарует мне милосердный Господь еще увидеть Вас в сей земной жизни, увидеть по совершении великого подвига в лучах славы от царя небесного и царя земного.

Прошлого лета я возвратился в Сергиеву Пустыню и нахожусь в состоянии какого-то полуздоровья, при котором я способен к самой ограниченной деятельности.

С чувством совершеннейшего почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Архимандрит Игнатий

1849 апреля 30 дня. Сергиева Пустыня

Письмо 3

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Вы можете себе представить, какою приятностью было для меня получение письма Вашего. Среди Ваших недосугов Вы нашли досуг, в который так прекрасно раскрылось Ваше сердце для любящего Вас ближнего, сердце, готовившееся в то же время раскрыться перед Богом. С утешением и умилением прочитывал я Ваши строки и перечитывал их: надежда на Бога и скромный взгляд на свои способности – эти плоды опытности и житейских скорбей – суть верный залог и предвестник благоволения Божия и успеха. Не мудрено, что по всей дороге встречали Вас благословения и приветствия: все русские сочувствуют Вам и ожидают от Вас великих услуг отечеству. Вы вступаете на Кавказ в момент исторический. Курдистан восстал против турок, и готово восстать против них все народонаселение христиан в Малой Азии. Не суждено ли Вам нанести первый смертоносный удар владычеству турок в самом центре силы их? Здесь уже многие начинают поговаривать, что роковой пункт для судеб Турции не Дунай, а в ее областях на границе грузинской.

Какие дни Вы посвятили Богу! Те самые, в которые Десница Его отозвала государя Николая Павловича с его великого земного поприща[984] и передала развязку

[984] Император Николай I скончался 18 февраля 1855 г.

нынешних трудных обстоятельств его благословенному Первенцу. Рыдания, огласившие и столицу и всю Россию, делают честь и почившему царю, и его верному народу. Особенно поучительна скорбь нынешнего императора и та почесть любви и благоговения, которую он воздает почившему родителю своему и которою он утешает достойнейшую родительницу. Сердца всех влекутся доверенностью и преданностью к новому государю. Он внушает их своею положительностью, храбростью и добротою. Он, не отвергая мира, дал обет не уронить достоинства России и противостать со всею энергиею врагам отечества. Одно это делает его бесценным в глазах каждого истинного русского.

Я убежден, что брат Петр Александрович вполне сохранил к Вам прежнюю свою преданность и от всей души рад служить под начальством Вашим. Если он не просится к Вам на службу, то это единственно потому, что в сердце его еще живо чувство подчиненного к Вам, а это чувство ждет требования или приказания. С этою же почтою пишу к нему о Вашем отзыве о нем.

Заключу мое письмо повторением моих сердечных желаний Вам успеха и призыванием на Вас обильного благословения Божия. Да зазвучит оружие Ваше и по звуку его да спадут цепи с христиан. С чувством искреннейшей, постоянной преданности и отличного уважения имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою и

богомольцем.

Архимандрит Игнатий

1855-го года 15 марта. Сергиева Пустыня

Письмо 4

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Уже не страшусь обеспокоить Вас моими строками, видя особенно снисходительное внимание Ваше к моему брату и мне. Я получил от него письмо, в котором выражает решительное намерение свое переместиться в Ставрополь, полагая, что на этом пункте он может быть сколько-нибудь полезен для Вас, по крайней мере, своею преданностью, верностью и правилами честности, этим, увы! – анахронизмом в наш век. В письмо ко мне брат вложил незапечатанное письмо к Министру Внутренних Дел с тем, чтоб я, прочитав его, запечатал нашею фамильною печатью и препроводил по назначению, что мною немедленно и исполнено. В этом письме Петр благодарит министра за внимание к нему и просит о переводе его в Ставрополь, представляя в причину природившуюся ему преданность к Вам. Я ожидал этого от Петра, и радуюсь за него, потому что такой образ действия нравственно возвышает человека, упрочивает и изощряет его душевные силы; пред этими моральными сокровищами житейские выгоды – вздор! В Костроме ему было приятно жить потому, что в Вологде и по южному рубежу этой Губернии живут наш отец и родственники, неслужащие или служащие на месте; собственно, служба представляла мало пищи уму и особливо сердцу: в настоящее время упомянутые

выгоды ничтожны в глазах всякого патриота.

Благословляю Бога, даровавшего мне быть зрителем действий Ваших, которые возбуждают во мне чувство уважения, и откликающихся на них действий моего брата, которые меня утешают. Молю Бога, чтобы благословил труды Ваши по внутреннему управлению краем и благословил подвиг Ваш на поле ратном для истинного блага отечества, поставленного судьбами в тягостное, но не бесполезное состояние: нас многому учат, нас влекут насильно к обширному развитию, чрезвычайно богатому последствиями. Даруй Боже, чтоб развитие совершилось благополучно и последствия были вполне благотворны.

Настоящая война имеет особенный характер: в течение ее постепенно открываются взору народов и правительств тайны, которых в начале войны они никак не могли проникнуть. К счастью – откровение этих тайн совершается к пользе дорогого отечества нашего и ко вреду наших врагов. Последнее требование союзников, чтоб им были предоставлены замки, охраняющие Босфор и Дарданеллы, обнаружило пред изумленной Европой замыслы англо-французов, замыслы овладения Турцией и всем Востоком. Уже и прежде изумилась Европа, увидев бесцеремонное обращение правительств английского и французского с малосильными державами, и варварское обращение их воинов с жителями занятых ими городов. Цепи, готовимые англо-французами для Германии, сделались для ней очевидными. Германия должна желать

торжества России и содействовать ему: торжество России есть вместе и торжество Германии. Так это ясно, что мы не удивимся, если на будущую весну увидим Германию, вместе с Россиею идущею на Париж, расторгающею злокачественный союз, и потом всю Европу, устремленную для обуздания англичан – этих бесчеловечных и злохитрых карфагенян, этих всемирных алжирцев. После бесплодного и долгого стояния неприятельских флотов перед Кронштадтом эти флоты удалились; теперь они обстреливают Свеаборг. Гранитные скалы, из которых высечены верхи этой крепости, и не слышат бомбардирования огромными снарядами, против них употребляемыми; сгорели в крепости деревянные некоторые постройки, которым, признаться, и не следовало бы быть и которые явились единственно в чаянии нерушимого мира. Кажется, Вам придется много потрудиться в Малой Азии: по всему видно, что война продлится! Решительный исход ее и прочный мир виднеются в самой дали: за периодом расторжения англо-французского союза и за побеждением Англии на море. Без последнего события она не перестанет злодействовать и играть благосостоянием вселенной. Вот Вам здешние суждения! Все Ваши донесения, печатаемые для публики, читаю с величайшим вниманием и участием; с таким же чувством читаю статьи о Ваших действиях, перепечатываемые целиком в «Инвалиде» и «Санкт-Петербургских ведомостях» из газеты «Кавказ». Эти статьи мне очень нравятся:

они для невоенных очень объясняют причины, цели и результаты различных военных движений, что не всегда ясно для невоенного в форменных донесениях.

И снова призываю на Вас благословение Божие; с чувством сердечного уважения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий 1855-го года 31 июля

Письмо 5

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Вы надивили меня письмом Вашим! Среди множества занятий Ваших, среди военного шума, в отдаленном стане Вашем под Карсом, Вы уделили часок на воспоминание о мирном иноке и даже написали дышащее добротою и откровенностью письмо, которое теперь держу в руках моих. Мне немудрено постоянно воспоминать о Вас и часто беседовать о Вас с многими знакомыми моими: потому что в настоящее время Вы привлекаете здесь общее внимание, и разговор о Вас идет во всех слоях общества.

К величайшему утешению моему, слышу и вижу, что все преисполнены к Вам доверенности, а люди знающие в восторге от Ваших действий. В них видят логику, в них видят предусмотрительность. В нынешней войне не нужны действия блестящие, нужны действия существенно полезные. Иные в энтузиазме говорят, что по взятии Эрзерума Вы пойдете на Галлиполи или Скутари, чтоб запереть неприятельские флоты и войско и отнять у них возможность получать подкрепления; другие утверждают, что из Эрзерума Вы направитесь на Трапезунд. И я позволяю себе подавать мое мнение, потому что люди снисходительные выслушивают его. Поход к Босфору и Дарданеллам признаю невозможным до того времени,

как события определят: сделают ли высадку союзники для действий против Грузии; поход к Трапезунду, как и ко всякому другому приморскому месту, считаю малополезным, если не вполне бесплодным, в войне с неприятелем, имеющим все преимущества на море; лишь демонстрация такого похода может быть полезною в том случае, когда неприятель отрядит значительные силы для охранения приморских мест; такая демонстрация может удерживать в бездействии неприятельские войска, охраняющие прибрежье. По моему мнению, для кампании нынешнего лета имеются в виду действия несравненно большей важности: это – приготовление к кампании будущего года, результаты которой могут быть гораздо сильнее и решительнее, и действия во все стороны от Эрзерумского Паталыка на народонаселение Малой Азии, которая вся наэлектризуется духом неприязни к владычеству Турок, особливо ко владычеству на западноевропейский лад, и сделается таким образом падение Турецкой империи неизбежным если не в нынешнюю кампанию, то в последующие. Главное, чтоб здесь не поторопились заключить мир, не дождавшись плода после таких пожертвований и усилий. Так я позволяю себе рассуждать от горячей любви моей к отечеству и от сердечного участия к Вам. Всего чаще беседую о Вас с князем Александром Федоровичем Голицыным, который питает к Вам истинное уважение. Его сын похоронен в нашей обители; отец, заезжая в обитель на могилу сына, заходил иногда ко мне,

полюбил меня и теперь заходит очень часто. Он близок с графом Орловым, хорошо знаком с Данненбергом[985], и от него-то я слышу наиболее о характере отзывов большого круга. – Из нашего монастыря в ясную погоду был очень хорошо виден Английский флот, особливо та часть его, которая стояла на северном фарватере. Теперь они удалились и едва ли предпримут что-нибудь против Кронштадта. Наши паровые канонерские лодки отлично хороши, не нравятся очень Англичанам, а нам напоминают рождение флота русского при Петре I и обещают возрождение его в наше время.

О крымских делах поговаривают здесь, что ничего решительного нельзя ожидать раньше наступления зимы; а такое положение дел в Крыму заставит и Вас ограничиться, не удаляться от Грузии. Бог даст – возьмете и Карс и Эрзерум; но такие успехи при Вашем образе действий суть успехи вполне второстепенные.

Относительно брата Петра, то его коренное желание, разумеется, быть при Вас. Вы так подействовали на него морально, что в его сердце родилось самое глубокое и верное чувство преданности к Вам, доказываемой, как видите, на деле. Если Вы усматриваете, что перемещение его в Ставрополь не удовлетворит его желания и не прокладывает пути к исполнению этого желания, то, приостановив его переход, Вы поступили очень справедливо и добро.

Остается мне еще от души поблагодарить Вас не

---

[985] *Данненберг Петр Андреевич* (1792–1872) – генерал от инфантерии, участник Крымской войны.

только за память Вашу о мне и брате моем, но и за любовь Вашу, которую Вы доказываете самым делом. Призываю обильное благословение Божие на Ваши действия к истинной пользе отечества и человечества. Англо-французы показали ясно, чего может ожидать от них Черноморье, если они утвердятся в этом краю, который может благоденствовать только под владычеством России.

С чувством искреннейшего уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий

1855-го года 4 августа. Сергиева Пустынь

Письмо 6

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Вам не будет противно, что инок в тишине своей кельи думает о Вас в то время, как Вы на ратном поле должны решать самые сложные военные задачи, приготовленные усовершенствованным военным искусством и утонченно-хитрою политикою новейшего времени. По крайней мере, когда смотришь, обратившись лицом к Западу, видишь это. Живем в эпоху матерьяльного прогресса, и многие прежние аксиомы, даже в военном искусстве, должны получить или чистую отставку, или значительное изменение. Однако время, изменяя правила в частностях, в главном щадит их. За тысячу лет до Рождества Христова, следовательно, за три тысячи лет до нас, израильское войско, под начальством победоносного вождя своего Иоава, при царе, пророке и герое Давиде, сделало тщетную попытку взять столичный город Аммонитян Раввах. По этому случаю царь Давид приказал гонцу, принесшему эту весть, сказать полководцу: *«Да не будет зло слово сие пред очима твоими* (то есть этот случай)*, яко овогда убо сице, овогда же инако поядает меч. Укрепи брань твою на град, и раскопай и»*[986].

На людей, которые не имеют ясного понятия о предметах, ничем угодить невозможно: потому что

[986] 2 Цар. II. 25

они именно требуют того, чего не доставляет самое дело. Но все люди положительные понимают, что приступ к Карсу есть применение старой, доселе почти постоянно успешной методы против нового усовершенствованного оружия; невозможно, по одному соображению, отвергнуть старую методу, в которую многие веруют всем сердцем. Необходимы факты для определения достоинств прежнего и нынешнего оружия. Опыты должны указать на способ действия, наивыгоднейший для настоящей войны. Когда пуля неожиданно поумнела, надо узнать, в какой цене остался штык.

О переходе брата Петра в Ставрополь ничего не знаю: письмо его к министру, в котором он просит об этом переводе, я доставил Димитрию Гавриловичу; но вот и он оставил свое место. Между тем брат продолжает мне писать, что он желает и ожидает этого перевода.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с желанием живейшим успехов, с чувством совершенного уважения и преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий 1855 года 13-го октября.

Прилагаю при сем пришедшую в мои руки записку: В жизни государства, – сказал государственный человек (Карамзин), – случаются, как и в жизни частного человека, самые затруднительные обстоятельства, которых исхода не может разгадать и предсказать

никакой ум человеческий. Тогда и государство и человек должны повергнуть участь свою в бездну судеб Божиих и сказать о себе Богу: «Да будет воля Твоя».

Такое самоотвержение и предание себя Промыслу Всевышнего не устраняет деятельности ни государства, ни человека. Напротив того, оно вызывает эту деятельность. *«Не даждь во смятение ноги твоея, ниже воздремлет храняй тя. Надеющийся на Господа, яко гора Сион»*, – говорит Слово Божие[987].

«Что значит победа? – спросил Наполеон I у Бертье[988] на родном нашем Бородинском поле и, не дождавшись ответа, сказал: – Победа – соединение больших сил на стратегическом пункте, нежели сколько их имеет неприятель». На отечественной почве всемирный гений произнес свое определение, произнес его, конечно, и для нас. Уравновесим наши силы с силами врагов! Когда уравновесим их, то сверх этого равновесия будут за нас и неисчерпаемые средства нашей России, и пространство, и время, и вдохновение многочисленного и храброго народа, верующего великому назначению своему. При равных силах к противодействию мы можем быть уверены в отражении врага. Только что наши силы будут равны силам врага, мы получим вместе с этим равенством и преимущество силы, а потому и несомненную победу.

---

[987] Псалмы 120 и 124.

[988] *Бертье Луи Александр* (1753–1815) – маршал (1804) и вице-коннетабль (1807) Франции. В 1799–1807 гг. – военный министр и одновременно в 1799–1814 гг. – начальник штаба Наполеона I.

Письмо 7

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

В одно и то же время приношу Вам искреннейшее поздравление с днем Вашего ангела и с окончательным уничтожением Анатолийской армии, замыкавшей Вам путь в Малую Азию. Долговременная, единообразная, скучная для любителей новостей ежечасных блокада Карса увенчалась результатом, пред которым мал результат блестящего похода в этом крае, предшествовавшего Вашему. Союзники не могут исправить своей потери: врата Малой Азии растворились пред Вами, сорвались с верей своих; этих ворот уже нет. Вся Малая Азия может подняться по призыву Вашему против врагов человечества англичан и временных их союзников, вечных врагов их, ветреных французов; влияние России на Востоке, потрясенное на минуту, и то единственно в мнении европейских народов, восстанавливается в новом величии, в новой грозе, грозе благотворной. Взятие Карса – победа в роде Кульмской[989] и… (неразборчиво)… с влиянием на судьбу всей кампании, всей войны.

---

[989] *Кульм* (совр. *Хлумец*) – селение в Чехии, вблизи которого 17–18 августа 1813 г. союзные войска, возглавляемые маршалом М. Б. Барклаем-де-Толли, разгромили корпус наполеоновской армии под командованием маршала Д. Вандама. Победа под Кульмом явилась поворотным моментом всей кампании 1813 г.

Поздравляю, поздравляю Вас! Может быть, Вы празднуете день Вашего ангела в Эрзеруме. Это вполне вероятно. Призывающий на Вас обильное благословение Божие Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга и богомолец.

Архимандрит Игнатий 1855 года 6-го декабря.

Письмо 8

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Только что я отправил Вашему Высокопревосходительству письмо от 6-го декабря, как получил Ваше письмо от 11 ноября.

Благодарю, сердечно благодарю Вас за то внимание, которое Вы обратили на меня, полагая сделать меня полезным Кавказскому краю для водворения в нем Христианства.

Мера прекрасная! и ей обязано отечество наше может быть не одним миллионом сынов своих, принявших Христианство.

Но выбираете ли Вы для этой цели орудие годное? Скажу Вам со всею откровенностью. Вступая, и потом вступив в монастырь, я приготовлял себя к самой уединенной жизни иноческой. По назначении меня в Сергиеву Пустыню это направление подверглось испытаниям; но я сам келейными моими занятиями не преставал возделывать его. С 1846-го года я провел несколько зим почти безвыходно из комнат, по причине сильнейшего ревматизма. И теперь вообще выхожу из своих комнат редко, а зимою и очень редко, по болезни и по явившемуся от болезни крайнему истощению сил. Видя необходимость для себя оставить Сергиеву Пустыню и по ее тяжелому климату, и по потере мною способности к деятельности, я счел

нужным предупредить письмом митрополита[990] о моем положении и намерении переменить место, указав Оптину Пустыню. И настоятелю Оптиной Пустыни, находящейся в Калужской губернии, я писал, что желаю поместиться, как больничный, в Скит, находящийся при этой Пустыни. Настоятель изъявил свое согласие. Скит есть монастырек, самый уединенный и самый нравственный: в нем живут наиболее дворяне.

Вы совершенно справедливы, что Кавказские воды и климат Ставрополя могут мне помочь. Но можно ли признать вполне верным, что воды и воздух поправят мои силы и возвратят способность к деятельности, ныне потерянную. Зная мое настоящее положение, Святейший Синод, как я думаю, не сочтет возможным дать мне предлагаемое Вами место. Если ж Ваше желание исполнится, то будет чудом исполнение его.

Взятие Карса произвело в столице всеобщий восторг.

Можно сказать, что все поняли важность последствий падения этого, как Вы называете, оплота Малой Азии. Западным державам не понравилось такое событие: как я слышал, лица австрийского посольства не были при отправлении торжественного молебствия, между тем как их представители участвовали во всех торжествах по случаю успехов англо-французского союза. Бедные турки! они преданы под меч Вам своими коварными помощниками, ищущими не того, чтоб спасти их, а того, чтоб они сделались жертвою

[990] Митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Никанор (в мире Николай Степанович Клементьевский; 1787–1856 гг.).

их, не кого другого. Они падут под этим мечом, и армия союзников останется хозяйничать в Турции. С.-Петербургская газета тщательно перепечатывает из газеты «Кавказ» подвиги подчиненных Вам войск. В этом отношении она гораздо милостивее «Инвалида». Впрочем, на будущий год я выписываю самую газету «Кавказ».

Призываю на Вас и на труды Ваши обильное благословение Неба! Да вознаградятся они обильным плодом! Да не прольется драгоценная кровь героев к подножию подлой политики европейской, требующей, чтобы эта кровь проливалась туне, чтоб жатва успехов принадлежала одной Англии.

С чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий 1855 года 9-го декабря

Письмо 9

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Последнее письмо Ваше от 20-го декабря очень утешило меня, то есть позабавило! Значит, и Вы не избегли критики нашего законоведца церковного, а Вашего брата Андрея Николаевича![991] Прежде, когда я еще не знал всей доброты его, такие выходки сердили меня; ныне, как я выразился, они утешают.

Мой взгляд на предмет таков: гражданские законы теряют много своей привязчивости, когда они в руках человека благонамеренного и благоразумного; законы церковные гораздо спокойнее. Общий дух их – мир, польза, спасение Христианского общества, этому духу подчиняется буква постановлений. Церковная история представляет факты такого исполнения церковных законов Святыми мужами, которые, совершая закон в духе, а не в букве, отнюдь не подвергались за это нуждению.

Коренной церковный закон повелевает избирать

---

[991] *Муравьев Андрей Николаевич* (1806–1874 гг.), брат Н. Н. Муравьева-Карского, духовный просветитель-публицист. Он, по-видимому, также высказывал сомнения о соответствии церковному законодательству назначения епископом Кавказским и Черноморским священнослужителя из Санкт-Петербурга. Однако позже его сомнения разрешились. В письме от 12 января 1858 г. брат святителя Игнатия П. А. Брянчанинов пишет Н. Н. Муравьеву-Карскому: в назначении и посвящении брата действовал весьма влиятельно Андрей Николаевич.

Епископа для города в самом городе Собором епископов и обществом христиан города и области. Несмотря на ясный закон, благочестивые цари и правители нередко избирали лицо для епископского сана, признаваемое ими способным и достойным; Собор епископов никогда не останавливался посвящать избранного. Особливо много тому примеров у нас в России. Святый Димитрий Ростовский в речи, при вступлении в управление паствою, сказал, что он вступает на престол митрополии Ярославской и Ростовской по изволению Божию, по повелению царя, по соизволению и благословению всего Священного Собора. Так как закон церковный в сущности стремится к тому, чтобы избиралось в епископский сан лицо достойное и способное, то некоторые изменения в буквальности, для достижения сущности никогда не отвергались.

Сличенное с фактами церковной истории и с духом церковного законодательства Ваше действие – безукоризненно. Сверх того оно и верно по отношению к современным условиям. Заключаю так из следующего: я слышал, и этот слух признаю довольно верным, что государь, может быть, вследствие Вашего отзыва статс-секретарю, говорил о мне митрополиту Никанору, удостоивая и собственного милостивого отзыва. Но митрополит противопоставил государю недавно сделанное постановление Синода не возводить в сан епископа лиц, не получивших образования в духовных академиях. Лица необразованные и без

того не возводились в этот сан. Очевидно, что постановление сделано с целью заградить путь в этот сан образованному дворянству. Скажу более: постановление сделано графом Протасовым[992] и ныне – именно для меня.

Я не удивился отзыву митрополита Никанора и не мог обидеться им; по усвоившимся мне понятиям я признаю себя вполне недостойным сана, для которого нужен ангел, или и человек, но равноангельский, а я – грешник. Также не могу не признать себя невеждой перед великой наукою Богословия, несмотря на тридцатилетние непрерывные занятия этим предметом. Бог бесконечен, и наука о Нем бесконечна; человек – ограничен и потому естественно не способен стяжать полное и совершенное познание Бога. Действием Никанора доказывается верность Ваших действий. Если б Вы взошли формальным представлением прямо в Синод, не введя в участие Государя, то можно наверно сказать, что от Вас отделались бы тою же отговоркой. Каков бы ни был исход Ваших забот о мне, я принимаю их с глубоким чувством признательности. Вам говорит о мне единственно Ваше сердце. Я слышу голос его, и этот заветный голос будет отдаваться в душе моей во всю жизнь мою.

Вот у нас толки о мире! Всякому православному христианину свойственно желать всевозможных благ,

---

[992] *Протасов Николай Александрович* (1799–1855 гг.) – граф, генерал от кавалерии, член государственного совета, с 1836 г. обер-прокурор Святейшего Синода.

во-первых, православному отечеству, во-вторых, единоплеменным и всем православным народам, наконец, всему человечеству. При появлении слухов о мире патриоты сначала уныли, но действия Наполеона ободрили умы. Опозорив Англию и Австрию в глазах России, дав им сделать всевозможные подлости против России, проливавшей за них в течение полвека кровь свою, он внезапно покидает этих мнимых союзников, столько же естественных врагов Франции, как и России. Вследствие готовящихся открыться переговоров, а затем переворотов не придется ли Вам предпринять путешествие в Индию?

Призывая на Вас обильное благословение Божие, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий

1856 года 26 января. Сергиева Пустынь

P. S. После письма Вашего я еще не видел Андрея Н-ча, потому что не был в городе. Надеюсь вскоре увидеть.

Письмо 10

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с великим праздником праздников – Воскресением Христовым. Вот у нас мир, доставленный обстоятельствами, которых подробное знание недоступно для частного человека. И Петр Великий заключил при Пруте мир! Факты объясняются фактами, сказал один глубокоуважаемый писатель. Будущее России – в руках Божественного Промысла.

Желая Вам всех истинных благ и не отчаиваясь видеть Вас еще во время земной жизни, с чувством отличного уважения имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий
1856 года апреля 4 дня.

Письмо 11

Милостивейший Государь Николай Николаевич!

Получив письмо Ваше из Ставрополя, я не хотел отвечать Вам из среды рассеянности Петербургской, а желал исполнить это из уединенной Оптиной Пустыни, куда сбирался съездить по требованиям и души, и тела. Находясь уже в этой Пустыне, получил и другое письмо Ваше от 4-го мая. В нижеследующих строках отвечаю на оба письма.

Прежде всего считаю нужным сказать Вам несколько слов о месте моего пребывания: это описание объяснит пред Вами причину основную и причину конечную или цель моего путешествия. Оптина Пустыня находится в Калужской губернии, в четырех верстах от города Козельска на возвышенном и песчаном берегу реки Жиздры с западной стороны, с прочих сторон она окружена высоким сосновым лесом. На восток от Пустыни, в саженях ста от нее, среди леса находится Скит, принадлежащий Пустыне. Оптина Пустыня есть один из многолюднейших российских монастырей по количеству братий и конечно первый монастырь в России по нравственному качеству братий; особливо это достоинство принадлежит Скиту ее, в котором живет много дворян. Некоторые из них очень образованы, знакомы с новейшими и древнейшими языками, занимаются духовною

литературою, преимущественно же переводами самых глубоких сочинений Святых Отцов. Духовным назиданием братства занимается так именуемый Старец их, иеромонах Макарий, 68-ми лет, из дворян, с юности монах, обогащенный духовным чтением и духовными опытами; он живет в Скиту; ему обязана Оптина Пустыня своим нравственным благосостоянием. Много монахов из других монастырей, много монахинь, множество мирских людей, удрученных скорбями и нуждающихся в наставлении, стекается в Оптину Пустыню к Отцу Макарию за спасительным советом и словом утешения. Его непринужденность, простота, откровенность совсем противоположны той натянутой и жесткой святости, за которою ухаживают различные графини и княгини. Скитская семья иноков подобна, в религиозном отношении, корням дерева, трудящимся в мраке неизвестности и добывающим, однако, для дерева необходимые жизненные соки. На заглавных листах трудов скитян нет имени автора; оно заменено скромною строкою: издание Оптиной Пустыни. В самом монастыре устав общежительный, то есть общая трапеза, общая одежда, общая библиотека, церковная служба ежедневная и продолжительная, общие и специальные труды. В скиту служба церковная отправляется дважды в неделю, в субботу и воскресение; в прочие дни недели производится денно-нощное чтение псалтыри братиею поочередно; трудятся братия по келиям, но труды их преимущественно умственные. Женскому полу воспрещен вход в Скит;

да и из скитской братии кто нуждается выйти из Скита каждый раз должен просить на то благословения у старца; монастырской братии предоставлен вход в Скит во всякое время дня для удовлетворения их духовных нужд. Трапеза в скиту самая постная.

Из этого описания Вы можете видеть, как близок мне скит! Тщательное чтение и изучение самых глубоких писаний Святых Отцов привело меня в монастырь, поддерживало, питало в нем. В скиту я нахожу свой род занятий, свой род мыслей; в скиту я вижу людей, живущих в точном смысле для человечества в духовном, высоком его назначении; вижу людей, с которыми могу делиться мыслями, ощущениями, пред которыми могу изливать мою душу. Начальник Оптиной Пустыни и главные иноки оной знакомы со мною около 30-ти лет, а с о. Макарием я нахожусь, смею сказать, в самых дружеских отношениях. Наконец – здешний климат благодетелен для моего здоровья. Все причины вне и внутри меня соединяются для того, чтоб заставить меня употребить все усилия к перемещению моему в скит. Чтоб хотя конец моей жизни провести на правах человека и для человечества в духовном и обширном смысле этого слова. – Напротив того, все причины, внутри и вне меня, заставляют меня употребить все усилия, чтоб вырваться из Петербурга и Сергиевой Пустыни. Что требуется там от духовного лица? Парадерство, одно парадерство; не требуется от него ни разума, ни познаний, ни душевной силы, ни добродетели. Все это вменяется

ему в порок: его внимание должно быть сосредоточено на одно парадерство, на одно человекоугодие, между тем как то и другое соделывается, по естественному, психологическому закону, чуждыми уму и сердцу, занятым рассматриванием глубоким и просвещенным человека – существа духовного, облеченного в тело на короткое время, помещенного в вещественный мир на короткое время, долженствующего изучить вечность и ее законы во дни пребывания своего в теле. Парадерство и духовное созерцание не могут пребывать в одной душе; они в непримиримой вражде; одно другим непременно должно быть вытеснено. Каким было мое положение в Петербурге в течение 23-летнего пребывания моего там? Оно было положением движущейся статуи, не имевшей права ни на слово, ни на чувство, ни на закон. Если я слышал несколько приветливых слов, то эти слова были слабее тех, которые произносятся любимому пуделю или бульдогу и на которые по необходимости отвечается молчанием, сохраняющим достоинство статуи в молчащем. По непреложному закону праведного воздаяния в области нравственности те, которые обращают человеков в статуй, сами обращаются в статуи, лишаясь развития ума и сердца и заковываясь в одну чувственность. Представьте себе: каково душевное положение человека, оставившего все для развития в себе усовершенствованного христианством человечества, и лишаемого, в течение ¼ столетия, морального существования, всех прав и

всякой надежды на него!

К тому же климат Петербургский разрушает остатки сил моих и здоровье.

Написал я Вам так подробно о себе, чтоб Вы видели мой образ суждения о человеках, так как всякий человек судит о ближних по самому себе.

Перехожу к брату Петру. Первоначальная служба его была без определенной цели, как служат у нас большая часть дворян. Когда он поступил к Вам в адъютанты, тогда он ожил для обязанностей гражданина. Его бескорыстное сердце, способное любить с горячностью и верностью, привязалось к Вам на всю жизнь свою и на всю жизнь Вашу. Такое сердце чуждо лести и интриги; его открывает время, потому что оно с первого взгляду может показаться холодным, между тем как льстец и обманщик с первого взгляду могут показаться очень теплыми. Обстоятельства отторгли Петра от Вас, не отторгнув от Вас его сердца. Гражданская цель, открывшаяся было пред ним, опять скрылась; он служил, был в отставке, женился, потому что так пришлось, по образцу многих – большей части людей. В течение этого времени здоровье его расхлябалось совершенно, как Вы сами знаете. Нравственные причины побудили его вступить в службу уже не столько для службы, сколько для сохранения самого себя от праздности и ее последствий. Его преданность Вам привлекла его на Кавказ; но хилость его показывает ему ясно, что земное поприще для него прекратилось: почему нисколько не будет странно, если

его душа, смолоду напитанная благочестием, возжаждет уединения, особливо при перемещении моем в Скит или другое пустынное место, по указанию Божию. Я бы очень желал для него, если б он мог приготовиться в страну загробную под руководством опытного Макария, в обществе людей отселе начавших свою небесную, бессмертную жизнь – духом.

В конце зимы, то есть в течение Великого Поста носились в Петербурге слухи, что Вы получите другое назначение. В причину такого перемещения эти слухи приводили тяжесть Вашего характера для подчиненных, из коих многие удалились от их полезной службы. Но после Пасхи столичные слухи стали разглашать иное: что Вы тяжелы для взяточников и для всех расположенных к злоупотреблениям, и поэтому самому пребывание Ваше на Кавказе и полезно, и нужно. Впрочем, судьба каждого человека в деснице Божией! С моей стороны я желал бы, чтобы Вы остались на Кавказе. На это имеются все условия в Вас самих и в предшествовавшей Вашей жизни. В течение всей Вашей жизни Вы занимались изучением военных и гражданских наук, имели множество опытов своих, были очевидцем опытов других людей, ознакомились вполне с Кавказом. Промысел Божий (человек – только орудие!) поставил Вас правителем этой страны в такую годину, в которую само высшее правительство убедилось, что России невыносимо тяжки ее внутренние враги – взяточники, воры, слуги без чести и без совести,

водимые глупейшим эгоизмом. Если не обуздать их благовременно, то они погубят отечество. Вы призваны к борьбе против них! Не отступайте и не уступайте. Ваш подвиг не блестящ, но существенно нужен и полезен. В Вас пускают стрелы и кинжалы, Вам наносят сердечные раны; эти невещественные оружия и язвы видны Богу и оценены Им: ибо не только, по словам одного видного святого, подвиг и смерть за Христа есть мученичество, но и подвиг, и страдания за правду причисляются к мученичеству. На настоящем Вашем поприще Вы можете совершить гораздо более добра, нежели на всяком другом, потому что Вы к нему предуготовлены. Не оставляйте его; если же интрига неблагонамеренных сведет Вас с него, то Вы сойдете с него с мирной совестью, не нося в себе упрека, что Вы не устояли пред силою зла и предали ему общественное благо; Вас будет утешать приговор Спасителя, Который сказал: *«Блаженны изгнанные правды ради! блаженны, когда ради ее имя ваше будет осыпано злою молвою в обществе человеков. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда Ваша многа на небеси»* (Мф. 5:10–12). Подвизайтесь, но подвизайтесь единственно для Бога и добродетели, а не для истории и мнения о Вас человеков: и история, и мнение людское безжалостны к эгоистам, ищущим всеми ухищрениями земной славы; напротив того, они благоговеют пред служителем добродетели, благородно забывающем о них и имеющем в виду славу от Бога в вечности: они отдают ему справедливость рано или поздно.

В деятельности человечества на земли принимают участие не только духовные существа, временно облеченные телами, то есть человеки, но и такие существа, которые не облечены телами, и потому называются духами, хотя в собственном смысле один Бог – Дух. Духи действуют на ум приносимыми ими помышлениями и на сердце приносимыми ими ощущениями. Как вся деятельность человека зависит от мыслей и ощущений, то духи, господствуя в этой духовной или мысленной области, стоят во главе деятельности человеческой. Разделяясь подобно человекам на добрых и злых и будучи совершеннее, нежели человеки, в добре и зле, одни из них с усилием борются против зла, а другие против добра. Священное Писание называет их началами и властями; самое язычество признает и существование их, и участие в деятельности человеческой, называя их гениями и разделяя гениев на добрых и злых. Точно: начало всякого важного или маловажного дела со всеми его последствиями есть мысль, а мысль, принятая уже за истину, есть мнение, властвующее над человеком и над человеками. Все это сказано для объяснения, что Подвижник Правды должен взять меры предосторожности и вооружиться не только против злонамеренных человеков, но и против злонамеренных духов, хитро приносящих свои внушения лукавые и пагубные, замаскированные личиною праведности. Святые Отцы в глубоких писаниях своих изложили признаки, по которым познается помысл, приносимый

злым духом. Этот помысел всегда темен, приводит сердце в смущение и печаль, а сокровенная цель его – воспрепятствовать добру; обличается же он Священным Писанием, или Словом Божиим.

Вглядитесь в Ваш помысл сомнения, о котором Вы пишете в письме Вашем от 4-го мая: не имеет ли он этих признаков? Святое и непреложное Слово Божие говорит о Подвижниках Правды, что *они верою победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов и прочее*[993]. Вера в Бога, всегда сопровождаемая оставлением упования на себя, преодолевает все скорби и искушения, побеждает все препятствия. Помысел веры в Бога светел, проливает утешение, радость и силу в сердце, его приемлющее; приносится он ангелом из мысленного рая. Надеющиеся на Господа – яко гора Сион: не подвижутся вовек!

Вот, что внушилось сказать Вам, со всею откровенностью, как Вы желали. Не знаю, довольно ли справедливы слова мои, но сказанное мною сказано от искренней любви к Вам и от любви к дорогому отечеству, которое жалею – жалею!

Пред отъездом моим из Петербурга я познакомился с графом Сакеном; выехал я 17 мая. Накануне выезда моего из Петербурга заходило ко мне лицо, принадлежащее к высшему кругу; между прочим мне сказано было: «у нас нет мира: война! война!» Здесь отдыхаю от слушания земных событий, которые идут

[993] Евр. 11, 33.

и пройдут своею чередою, назначенною им свыше. Полагаю выехать отсюда 20-го июня и быть в Сергиевой Пустыни к 1-му июля.

Призывая обильное благословение Божие, имею честь оставаться Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий

1856-го года 12-го июня. Сергиева Пустынь

Письмо 12

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

Что сказать Вам на письмо Ваше от 2-го августа? Да будет воля Божия! Вера в Промысл Божий и покорность ему составляют силу души и носят ее по волнам житейского моря, сохраняя от нравственного потопления. В настоящих обстоятельствах для истинных сынов отечества, знающих Вас, остается утешением то, что Вы остаетесь на службе.

Надеюсь видеть Вас в Петербурге, почему и не распространяюсь в этом письме.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий 1856-го года 29 августа

Письмо 13

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступающим Новым Годом, который да дарует милосердный Господь и Вам и всем нам провести благополучно! Да удержит Он еще на время ангела, имеющего вострубить и голосом этой трубы возмутить вселенную.

Письмо Ваше от 22 декабря имел честь получить 6-го января. Искреннейше благодарю Вас за воспоминание Ваше о мне! После свидания с Вами я писал брату Петру, что Вы подтвердили мое мнение: оставаться ему на своем месте до дальнейшего указания обстоятельств. Здесь слышал я, что Ставропольский Военный Губернатор просит отсрочки отпуску своему по сентябрь, следовательно, до этого срока Петр должен управлять губерниею, а в такое значительное пространство времени, может быть, и откроется пояснее, что должно ему предпринимать и как действовать. Преданность Вам Петра для меня несказанно приятна. Новостей, кроме общеизвестных, никаких не знаю. Ходит даже в слоях простого народа слух об освобождении крестьян от власти помещиков, слух, вероятно, пустой или преждевременный. Если слух этот имеет свое основание, то он – проба трубы.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное

благословение Божие, с чувством отличного почтения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий 1855-го года 9 января

Письмо 14

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

Примите мою искреннейшую признательность за постоянное милостивое Ваше внимание ко мне, в котором я с любовию и духовным утешением вижу залог любви, глубоко насажденным в Вашем сердце. Этот залог я считаю верным: многочисленные опыты многообразной жизни, опыты, рассмотренные и сохраненные памятию в драгоценный запас, при постоянстве и глубине характера, дают сердечным залогам основательность и прочность. Долговременные опыты глупца ничего не значат. Кажется, они делают глупца еще более глупым: вполне сбивают его с толку.

Письмо Ваше из Скорнякова от 23-го января показало мне, что Вы еще не получили моего ответа на то письмо Ваше, которого Вы удостоили меня из прежней резиденции Вашей близ Орла. Сердечно благодарю Вас за участие, которое Вы принимаете во мне! Точно для моего здоровья нужен бы другой климат, а для духа и направления нужно бы место попроще, где бы можно было исключительно заняться развитием Христианина и человека; но Судьбе угодно было устроить иначе. Она даровала мне в удел нравственный подвиг и нравственные страдания. Силы тела моего пали на поле невидимой битвы; но я еще жив, и потому подвиг мой не кончен. Не хочу сойти с

поприща, доколе чувствую себя живым или доколе рука Судьбы, поставившая меня на поприще, возьмет с него. Одушевляюсь Верой.

Брат Петр уведомлял и меня, что он пока доволен своим положением, но что с возвращением в Ставрополь Военного Губернатора он не может оставаться на своем месте. Не оставляете его Вашими наставлениями. В его мыслях и сердце Вы незаменимы никем.

Желаю, чтобы отдых в кругу Вашего семейства, в благоприятном климате, подействовал благотворно на Ваше здоровье и укрепил Ваши силы, приготовил их для новой деятельности. Вы были свидетелем многих событий и деятелем в них; нельзя не предвидеть, что нас ожидают события более важные. Их обещают развивающиеся силы России и появление в ней новых начал.

Призывая на Вас обильное благословение Божие, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Архимандрит Игнатий 1857-го года 13-го февраля

Письмо 15

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Великим Праздником Праздников и Торжеством всех Торжеств. Благословение Божие да прольется обильно на Вас и на семейство Ваше.

Кроме новостей, Вам известных, сообщаю новость, которая будет близка Вашему сердцу: над Кавказом сбирается черная туча; имя туче – Василий Антонович Ижарский, недавно назначенный в Вице-директора канцелярии Кавказского Наместника. Этот Ижарский был в течение четырех лет управляющим имения князя Барятинского; с исправностию доставляя доходы с имения Князю, чего прежние управляющие не выполняли, Ижарский набил себе карман туго с значительным истощением для крестьян. Последние два обстоятельства остались неизвестными Князю; пользуясь этим, Г-н Ижарский выхлопотал себе место вышеупомянутое, с целию сделать Кавказ своею арендою, а Князя своим орудием. Жаль всех! Какой ныне ход всем злонамеренным и порочным людям! Тщетно История фактически научает, что источником бедствий для всех Государств была безнравственность Государственных людей, которые по причине этой безнравственности, по натуральному требованию ее, окружали себя чудовищами своекорыстия, а

эти губили и народ, и своих покровителей. Надо знать, что Робеспьер и братия были уже людьми сформированными и готовыми при начале Французской революции: они родились, созрели и усилились под сению современной монархии и аристократии. Воля Божия да будет!

С чувством совершеннейшего почтения имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий 1857-го года 15-го апреля

Письмо 16

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

В то время, как я ожидал прибытия Вашего в Петербург на пути в чужие края, получаю письмо Ваше от 1 июня! Оно тронуло меня до глубины сердца! Ваш совет для брата моего Петра очень верен. Пусть он остается в Ставрополе до приезда Военного Губернатора, с которым уже трудно будет ему поладить. Тогда он может взять отпуск и приехать в Петербург. Между тем настоящие его занятия могут доставить ему драгоценную опытность для будущего времени. На настоящее приятное полагаться невозможно: между словами и делами расстояние велико. Иное дело – когда слова не останутся одними словами.

Очень жаль Малороссию – эту житницу не только России, но и всей Европы. И здесь урожаи плохи. Начало весны сопровождалось необыкновенными холодами, а за холодами последовала засуха.

Приехав в Петербург, дайте знать о Вашем приезде. Для меня было бы особенною приятностию видеть Вас в Сергиевой Пустыни. Но если обстоятельства не позволят Вам пожаловать в Обитель, то я постараюсь непременно навестить Вас. Конечно, Вы остановитесь у Михаила Николаевича[994].

---

[994] *Муравьев (Виленский) Михаил Николаевич* (1796–1866), брат Н. Н. Муравьева-Карского, граф, государственный деятель, в 1857–1863 гг. министр

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное Божие благословение, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Архимандрит Игнатий 1857-го года 9-го июня

государственных имуществ; с 1 мая 1863 г. – виленский генерал-губернатор.

Письмо 17

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

Отправляясь в Ставрополь, признаю долгом моим отнестись к Вам сими строками. В назначении моем исполняется Ваша мысль; но не знаю, могу ли я принести какую-нибудь пользу. Во-первых, здоровье мое до крайности расстроено климатом Петербургским; во-вторых, не знаю, что встречу – содействие или противодействие. Мысль о последнем не относится к Князю Барятинскому[995]: она может относиться к какой-нибудь второстепенной власти. Петр еще в Ставрополе. На первый случай он может принести мне значительную помощь. Впрочем, неизвестно, позволят ли ему обстоятельства остаться надолго вместе со мною. Предоставляю Провидению устроять все. Меня радует отшествие мое из Петербурга, где я уничтожился окончательно. Теперь имею надежду хоть умереть спокойно.

Как поживаете Вы? Каково Ваше здоровье? Где намерены проводить следующее лето? Пред отъездом моим был у Михаила Николаевича и несколько раз у Андрея Николаевича. Выезжаю из Петербурга завтра, по железной дороге.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное

---

[995] *Барятинский Александр Иванович* (1814–1879), князь, – с 26 августа 1856 г. кавказский наместник.

благословение Божие и желая Вам всех истинных благ, с чувством совершеннейшего почтения и искренней преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою и богомольцем.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
24 ноября 1857 года

Письмо 18

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

В день ангела Вашего вспоминаю о Вас и приношу Вам усерднейшее поздравление, соединенное с усерднейшим желанием всех благ и Вам и Вашему семейству. Несколько лет тому назад, в этот день я был у Вас и лично поздравлял Вас. Кажется, будто это было недавно. Недавнее от течения времени делается давным, и все настоящее непременно сделается прошедшим.

На Кавказ я приехал полумертвым: так отделал меня петербургский климат в течение 24-х лет. Прошлого лета я выдержал полный курс лечения на минеральных водах в Пятигорске, Ессентуках и Кисловодске.

Воды так сильно подействовали на меня, что я – едва жив. Впрочем, по особенной ко мне милости Божией епархиальные дела идут благополучно. Настоящим моим положением я очень доволен: паства оказывает мне любовь и внимание; климат здешний гораздо снисходительнее петербургского; уединение и спокойствие такое, какого трудно найти в других губернских городах, которых жители имеют обычай часто посещать Епископа; здесь этого обычая нет. К тому же имею надежду, судя по действию на меня вод, несколько поправить здоровье мое. Любимая и постоянная мысль – удалиться наконец куда-

либо в уединеннейшую Обитель, чтоб там встретить смерть, сколько-нибудь приготовившись к ней, – меня не оставляет. Пристанище смерти ожидает каждого земного странника. Желательно, чтоб это пристанище точно было пристанищем.

Призывая на Вас обильное благословение Неба, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
1858-го года 6 декабря

Письмо 19

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

Примите мое усердное поздравление со днем ангела Вашего и желание Вам всех истинных благ. Не знаю, рекомендовал ли я Вам книгу Письма Георгия, Задонского Затворника. Эта книга отлично хороша для практического Христианина, и читать ее надо понемногу. Если я еще не познакомил Вас с этою книгою, то примите настоящий мой отзыв о ней, как подарок духовный, ко дню Вашего ангела.

Поживаю здесь спокойно, чувствую пользу от минеральных вод, выгоняющих золотуху внаружу, но еще не чувствую выздоровления. И телесный и душевный недуг, когда состареет, лечится с трудом.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский

1859-го года 18-го ноября

Письмо 20

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

Почтеннейшее письмо Ваше от 5-го января я имел честь получить 21-го. Приложенное в нем передал моему и Вашему брату Петру Александровичу, а что он предан Вам душою, как только может быть предан родной сын, это – верно.

На Вас ложится печать Божия избрания. Постарайтесь, чтоб она решительно заклеймила Вас, сделалась для Вас вечным достоянием, а Вас самих сделала неотъемлемым достоянием Бога во блаженство вечное. Бог печатлеет нас по Своему избранию, а от нашей воли зависит принять Его печать и запечатлеться ею или отвергнуть ее. Святый Апостол Павел говорит: «Его же любит Господь, наказует: бьет же всякого сына, его же приемлет»[996]. Вот признак избрания Божия! вот печать Божия! Признак избрания и печать Божия суть скорби. Тогда печать эта приемлется, когда христианин за скорби свои благодарит Бога, по завещанию Апостола, паче же по завещанию Самого Бога: «О всем благодарите: сия бо есть воля Божия во Христе Иисусе в вас»[997]. Здесь сказано во Христе Иисусе: ибо в Нем, в вочеловечившемся Сыне Своем, подчинив Его во все время Его земной жизни многоразличным страданиям,

[996] Евр. 1, 6.

[997] Сол. 5, 18.

Бог явит волю Свою, чтоб уды Христовы – Христиане – подвергались многоразличным страданиям. Если ж такова воля Божия, то за явление ее, всеблагой и всемудрой, по математической необходимости должно благодарить Бога. Когда человек будет благодарить Бога за попущенные скорби, тогда в сердце благодарящего изливается утешение. От этого утешения является живая вера в Бога. От действия живой веры человек начнет предаваться воле Божией и водительству Бога. Тогда благодать Божия осеняет ум человека, и взорам его открывается величественная вечность, пред которою земные дела принимают свои правильные размеры, то есть оказываются вполне мелочными.

Изволите писать о влиянии лет на Ваши силы, и я не могу сказать иного о себе. Воды разворочали мою застарелую, непонятую своевременно золотуху: вследствие сего до десятка зубов вынуто из моих десен, из коих золотуха выворочала зубы, которые, впрочем, были здоровые. Волосы на затылке местами как бы выстрижены; затылок покрылся золотушными язвами. Одышка значительная; слабость весьма значительная. Справедливо, справедливо говорит Писание: «Человек, яко трава; дние его, яко цвет сельный, тако отцветет».

Вы выразили желание провести со мною несколько времени в беседе. Исполняя это желание, прилагаю к Вам по сей же почте Рукопись – «Слово о смерти», составленное мною для моей собственной душевной пользы и для душевной пользы тех, которые истинно желают спастись. Слово это – плод моего келейного

уединения: оно есть моя искреннейшая беседа. Его поверяю одним ближайшим друзьям моим, Петр Ал-ч имеет с него копию. Если Ваши глаза слабы, то велите прочитать себе Слово человеку приготовленному к серьезному: такое чтение, как Сами увидите, нейдет всякому. По минованию надобности в Рукописи, благоволите переслать ее мне.

Затем – призвав обильное благословение Божие на Вас и семейство Ваше и пожелав Вам всех истинных благ, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
24-е января 1860 года

Письмо 21

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

Примите мое усерднейшее поздравление с наступившим Праздником Праздников и усерднейшее желание всех истинных благ Вашему Высокопревосходительству. Книжку «Слово о смерти» я получил: извините, что утрудил Вас чтением ее. Впрочем, в ней собрано все главное, чему научает относительно смерти Святая Восточная Церковь. Также пришлось знать истинных христиан, наиболее иноков, из которых один зрел душу свою исшедшею из тела, другие видели и слышали духов наяву при утончении своих телесных чувств вольным или невольным подвигом, и от других прочих. Некоторый мирянин, мне искренно преданный с детства, почитаемый многими гордецом за свое нечеловекоугодие, сохранивший девство до супружества и целомудрие в супружестве, видел мытарства, шествие по ним душ, видел отверзшиеся небеса и там то самое, что видел Св. Андрей, как описано в «Слове о смерти». Нельзя было выставить всего этого с очевидностию в Слове, но в нем сквозит, что оно написано не с одних теоретических понятий и познаний.

Ваше мнение о действии минеральных вод на меня вполне справедливо. Две зимы я провел в жестоких страданиях от действия вод, принятых в течение

лета. Ныне это действие предрасположило меня к принятию летучей оспы, которою я заболел в среду преполовения Великого Поста. К действию болезни присоединилось действие вод, отчего я поправляюся весьма медленно в силах, но чувствую вместе как бы перерождение. Для монаха нет ни отставки, ни своей воли: пихнут туда, куда и не думаешь, а спрашивать согласия нет моды в духовном Ведомстве. Полагаюсь на Господа Бога. Из всех известных мне мест я предпочитаю среднюю Россию, ея песчаные возвышенности. Например: в Калужской губернии воздух и зимой, и летом нежнее кавказского. Случалось быть на ветру: здесь ветер режет и пронизывает подобно петербургскому, который еще гораздо грубее, а в Калужской губернии самый сильный ветер только толкает. Мне очень желалось бы попасть в какой-либо уединенный, безбедный монастырь и кончить там жизнь в самых серьезных занятиях, образчик которых Вы видите в «Слове о смерти». Но редко человеку доведется прожить так, как бы хотелось и думалось, особливо монаху. А потому, несмотря на все мои соображения и предположения, которые кажутся мне правильными и основательными, предаюсь вполне на волю Божию.

Святая Церковь произносит от лица всех христиан и часто повторяет следующую превосходную успокоительную молитву: Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим.

Заключаю сие письмо повторением Вашему

Высокопревосходительству всех истинных благ и призыванием на Вас и на семейство Ваше обильного Божия Благословения.

С чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
14-е апреля 1860 года

Письмо 22

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

В самый день ангела Вашего поздравляю Вас с днем Вашего ангела, вспомянув Ваше имя на Божественной Литургии во время Херувимской песни, когда Архиерей совершает поминовение о живых и усопших. Таким образом, при посредстве живого воспоминания о Вас Вы сделались как бы присутствующим в том крае, в котором Вы много потрудились для блага отечества.

Петр Александрович здравствует и благоденствует.

И я начинаю чувствовать значительное облегчение от внутренних болей, но ноги и вообще поверхность тела находится в самом страдательном положении. Для окончания жизни нужно… Скорняково!

Призывая на Вас и семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством совершенного почтения и искреннейшей преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой.

Игнатий, Епископ Кавказский и Черноморский
6-е декабря 1860-го года

Письмо 23

Милостивейший Государь, Николай Николаевич!

Давнишнее мое желание – окончить мое земное странствование в глубоком по возможности монастырском уединении – исполнилось. Вследствие моего всеподданнейшего письма Государю я уволен от управления Кавказскою Епархиею и мне предоставлен в управление монастырь Святителя Николая, на Волге, на весьма здоровой сухой местности, очень уединенный, в Костромской губернии, на самой границе ея с Ярославской.

Полагаю ехать на Воронеж и Задонск, из Задонска проехать в Скорняково, чтобы навестить многоуважаемого мною Николая Николаевича, побеседовать с ним в последний раз в моей жизни.

Полагаю, что выеду из Ставрополя около 10-го сентября. Воды подействовали на меня благотворно, разрешив золотуху в значительной степени, но вместе с тем привели в крайнее истощание.

Призывая на Вас и на семейство Ваше обильное благословение Божие, с чувством отличного уважения и совершенной преданности имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугой.

Епископ Игнатий, 24-е августа 1861 года